

Генераль А. И. Деникинъ

Очерки Русской Смуты

Томъ третій

1 9 2 4

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО», БЕРЛИНЪ

Генераль А. И. Деникинъ

Очерки Русской Смуты

Томъ третій

Бѣлое движеніе и борьба
добровольческой арміи

Май — октябрь 1918 года

1 9 2 4

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО», БЕРЛИНЪ

ГЛАВА I.

Введение. Стимулы борьбы съ советской властью: національное сознание.

Исторія откроетъ намъ современемъ истоки большевизма — того огромнаго и страшнаго явленія, которое раздавило Россію и потрясло міръ, установитъ отдаленныя и близкія причины катастрофы, заложенныя въ историческомъ прошломъ страны, въ духъ ея народа, въ соціальныя и экономическія условія его жизни. Въ цѣпи событій, поражающихъ современниковъ своей полной неожиданностью, жестокой извращенностью и хаотической непослѣдовательностью — исторія найдетъ тѣсную связь, суровую закономерность и, можетъ быть, трагическую неизбежность...

Но и перспектива времени не гарантируетъ еще абсолютной правды. Вселенская правда намъ недоступна. Есть только многогранныя отраженія ея. И тѣ, кто дѣлаютъ исторію, и тѣ, кто ищутъ ее, не могутъ сбросить съ себя окончательно узъ, налагаемыхъ традиціями и идеями эпохи, націи, общества, класса. Смутное время найдетъ и своего Карамзина съ его національно-историческимъ подходомъ, и своего Жюреса, который во введеніи къ капитальному труду «Исторія великой французской революціи», порвавъ обязательные покровы объективности, говоритъ: «мы намѣреваемся изложить событія съ соціалистической точки зрѣнія для народа, для рабочихъ и крестьянъ».

Тѣмъ труднѣе положеніе современниковъ, участниковъ событій. Ихъ мысленный взоръ застилаетъ еще кровавая пелена; ихъ душевное равновѣсіе нарушено; въ ихъ сознаніи событія болѣе близкія, болѣе волнующія невольнo заслоняютъ своими преувеличенными, быть можетъ, контурами факты и явленія, отдаленные отъ фокуса ихъ зрѣнія. Ихъ чувства глубже, страсти сильнѣе, воспріятія элементарнѣе; они жили настоящимъ, воплощеннымъ въ плоть и кровь, — даже тѣ, кто, ставъ духовно выше среды и своего времени, проникали уже обостреннымъ зрѣніемъ за плотную завѣсу грядущаго... Свидѣтельство современниковъ, однако, весьма цѣнно. Не только установленіемъ конкретныхъ фактовъ, но даже субъективной формой ихъ воспріятія, дающей иногда ключъ къ разгадкѣ многихъ сокровенныхъ побужденій и дѣйствій людей, партій, общественныхъ группъ. Свидѣтельства эти — тѣ кирпичи, изъ которыхъ исторія возводитъ свое величественное зданіе.

Съ такой точки зрѣнія я и смотрю на задачу моихъ «Очерковъ».

Въ этой книгѣ я пишу главнымъ образомъ о борьбѣ Добровольческой арміи съ советской властью въ 1918 году, захватывая однородный и цѣльный періодъ — съ весны до осени, когда пораженіе центральныхъ державъ принесло совершенно новую политическую конъюнктуру, существенно отразившись и на условіяхъ нашей борьбы. Съ этимъ событіемъ почти совпала смерть ген. Алексѣева, завершившая нашу совместную дѣятельность, и окончаніе Второго Кубанскаго похода Добровольческой Арміи...

Менѣе подробно я буду останавливаться на прочихъ фронтахъ и формахъ противобольшевизмаго движенія, не связанныхъ внутренне съ судьбою Арміи. Точно такъ-же, говоря о большевизмѣ, я главнымъ образомъ касаюсь реальныхъ его послѣдствій и «достиженій». Они, наряду со стихійными слѣдствіями міровой войны и революціи, въ конецъ разрушили благосостояніе страны и принизили духъ ея народа. Они-же

дали стимулы той постоянной и непрекращающейся борьбы, которая продолжается и нынѣ, послѣ паденія всѣхъ бѣлыхъ фронтовъ, проявляясь въ чрезвычайно разнообразныхъ формахъ — активно и пассивно, явно и тайно, сознательно и рефлексивно. И будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ возбуждающее ее начало — совѣтская власть, ненавистная народу.

Поэтому въ общемъ, пока еще тихомъ, но грозномъ ронотѣ народнаго моря тонуть безслѣдно голоса представителей новыхъ теченій общественной мысли, осуждающихъ тѣ или иные формы преодоленія большевизма или пріемлющихъ его, какъ власть «эволюціонно изживающую себя и подверженную внутреннему органическому пере-рожденію».

Противобольшевизскія движенія не создавались отдѣльными людьми — они выра-стали стихійно и непредотвратимо. И подобно тому, какъ иѣкогда слово русскихъ оппор-тунистовъ было безсильно остановить разрушительный потокъ народнаго безумія, такъ въ будущемъ оно не въ силахъ будетъ ввести въ спокойное русло и въ формы государ-ственно-цѣлесообразныя проявленія народнаго гнѣва.

Стимулы для борьбы съ совѣтской властью были крайне разнообразны, находя от-кликъ почти во всѣхъ слояхъ русскаго народа и затрагивая самыя чувствительныя сто-роны народнои психики.

Основной порочный недугъ совѣтской власти заключался въ томъ, что эта власть не была національной.

Никогда еще въ русской исторіи послѣ татарскаго ига представители страны, ка-кими въ дни величайшаго ея паденія явились послѣдовательно господа Юффе, Брон-штейнъ и Бриллиантъ*, не подвергались большому униженію, чѣмъ на Брестъ-Литов-ской конференціи.

Никогда еще вѣроятно къ жизненнымъ интересамъ государства «полномочные по-слы» его не относились съ такимъ грубымъ невѣжествомъ или презрѣніемъ, какъ тѣ лица, которыя говорили теперь отъ имени русскаго народа.

Трижды прерывалась и трижды возобновлялась мирная конференція. Встрѣтивъ въ третій разъ все тѣ-же непомѣрные требованія со стороны враждебныхъ державъ, — Бронштейнъ (конецъ января) отказался подписать мирный договоръ и уѣхать въ Пе-троградъ, заявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что совѣтское правительство демобилизуетъ армію и «выводитъ народъ изъ войны»...

Но 6 февраля германскія арміи перешли въ наступленіе по всему Восточному фронту, не встрѣчая почти никакого сопротивленія**, и совѣтъ народныхъ комиссаровъ въ тотъ же день сообщилъ радіо-телеграммой о принятіи всѣхъ условій центральныхъ державъ. Наступленіе австро-германцевъ тѣмъ не менѣе продолжалось, достигнувъ къ марту мѣсяцу линіи Псковъ—Кіевъ—Одесса.

Въ конечномъ итогѣ послѣдствія Брестъ-Литовскаго мирнаго договора (19 фе-вряля) и дополнительныхъ къ нему соглашеній свелись къ слѣдующему:

Въ политическомъ отношеніи: отторженіе отъ Россіи Финляндіи, Украины, Крыма, Прибалтійскаго края, Литвы, Польши, Грузіи, Батума, Карса и Ардагана. Одинъ изъ этихъ окраинъ получили независимость, въ другихъ допускался плебисцитъ, исходъ котораго предрѣшался фактомъ военной оккупации ихъ германцами и турками.

Мирный договоръ этотъ довершилъ распадъ Россіи, намѣтившійся въ результатѣ ослабленія и вырожденія центральной власти и максимализма въ національныхъ устре-мленіяхъ. Помимо отторженія огромной территоріи, страна отрѣзывалась отъ Бал-тійскаго и Чернаго морей; лишалась жизненно необходимыхъ условій своего экономи-ческаго развитія, становясь данникомъ новообразованій, за призрачной самостоятель-ностью которыхъ видѣлась сила германскаго меча и капитала; теряла, наконецъ, болѣе

* «Сокольниковъ».

** Дрался только чехо-словацкій корпусъ.

Совѣтъ народныхъ комиссаровъ
(большев. затъ)

или менше обороноспособные рубежи, культурные и промышленные центры и важнейшие железнодорожные узлы — обстоятельство, лишившее признаков государственной целостности всю нервную систему страны — ее сеть железных путей.

Россия отбрасывалась политически назад, к началу XVII века, теряя одним ударом все, что было приобретено за три столетия на Западе и Юге гениальными усилиями ее собирателей, кровью ее воинства, трудами ее народа.

В экономическом отношении на Русское государство легли и прямые тяготы, непосильные для его разрушенного экономического положения. Возстановлен был с Германией торговый договор 1904 г.*, причем остались прежние тарифы, которые ввиду обезценки рубля (тогда уже $\frac{1}{10}$) привели фактически к беспошлинному ввозу германских товаров в Россию. Обусловлена была уплата убытков, понесенных в процессе революции или в силу советского законодательства лицами немецкого происхождения; за ними сохранены социальные и экономические права. Эти условия имели тем большее значение, что немецкий капитал являлся крупнейшим участником нашей промышленности и что цифра вкладов его только в акционерных предприятиях превышала 500 милл. золотых рублей. В скрытом виде наложена была на Россию и контрибуция в 6 миллиардов марок золотом «за все финансовые обязательства, предусмотренные договором»***. Наконец, огромные плодородные русские области с брошенными в них бесчисленными военными материалами оставались в руках австро-германцев. Как заявил динично на конгрессе Черини, «пока не заключен всеобщий мир, австро-германцы не могут отдать оккупированных областей; они являются областями снабжения нашей армии, с их фабриками, заводами, воздвигаемыми полями и т. д.»... А в союзном советании приводил и мотивы такого требования: «Германия и Венгрия не дают больше ничего. Без подвоза извне в Австрию через несколько недель начнется повальный мор».

В военном отношении Россия обязывалась демобилизовать армию, разоружить флот и допускать впредь до выполнения всех условий договора занятия немцами Западного Края до линии Нарва-Рогачев.

Таким образом в силу официальных договоров и тайных сношений с правительством народных комиссаров, Россия поступала в полную экономическую зависимость от Германии, превращалась в новую базу центральных держав для борьбы с союзниками, базу, из которой можно было черпать военные материалы, обильные запасы всякого снабжения и даже людские контингенты — не только в виде сотен тысяч пленных австро-германцев, подлежащих возвращению из России, но и в качестве дружин рабочих, вербуемых во всех областях германской оккупации и становившихся затем в положение рабов.

*

*

Какое же оправдание имела Брест-Литовская трагедия?

Фразы советских правителей о «разгорающемся уже пожаре мировой революции», о переговорах «через головы немецких генералов с немецким пролетариатом» — были только фразами, предназначенными для толпы. Внутреннее положение Европы не давало никаких реальных оснований для подобного оптимизма народных комиссаров. В период Брест-Литовских переговоров состоялась, правда, сначала в Австрии, потом в Берлине всеобщая забастовка; о мотивах последней лидер независимых соц.-демокр. Гаазе говорил в рейхстаге: «Забастовка велась не для мелких экономических завоеваний, но служила политическим протестом с высокой идейной целью. Немецкие рабочие возмущались тем, что им приходится ковать цепи для угнетения русских братьев, бросивших оружие». Но это была лишь кратковременная вспышка, по существу использовавшая только подходящий предлог для

* С изменениями в пользу Германии.

** В счет этой суммы советское правительство успело уплатить Германии 325 миллионов золот. рублей, которые впоследствии по Версальскому договору перешли к Франции.

сведения счетов социаль-демократии со своим правительством. Рейхстаг огромным большинством одобрил мирные условия, при поддержавшихся социалистах большинства и против голосов «независимых».

Еще менее основания имело заявление Ленина, что договор этот — «только передышка, только клочок бумажки, который можно порвать когда угодно»... Немцы имели тогда реальную силу и обеспечили себе достаточные гарантии и выгодное стратегическое положение, чтобы настоять на выполнении договора.

Быть может, однако, в распоряжении советской власти не было уже никаких ресурсов, и «похабный мир» являлся неотвратимым? Даже советская Ставка не могла согласиться с такой безнадежной точкой зрения. Начальник штаба главноверха ген. Болчъ-Брусевич на военном совете 22 января* настаивал на необходимости продолжения борьбы, указывая и новые способы ее: немедленный увоз всей материальной части вглубь страны, отказ от сплошных фронтов, переход к маневренным действиям на важнейших направлениях к жизненным центрам страны и широкая партизанская война. Силы для этой борьбы он видел в новой «рабоче-крестьянской» армии, в национальных формированиях и в уцелевших частях старой армии.

Можно быть различного мнения о боевой ценности всех этих элементов, но не подлежит сомнению, что огромные русские просторы, объятые возманием, поглотили бы такие колоссальные силы и средства ослабленных уже в конце германцев, что вторжение их вглубь России приблизило бы катастрофу на Западном фронте...

Но для этого большевикам пришлось бы временно отказаться от демагогических лозунгов и повременить с гражданской войной.

Наконец, в то самое время, когда совет народных комиссаров в бурных и панических заседаниях обсуждал жестокий ультиматум центральных держав, в ставке врагов настроение было еще более подавленным. Германское правительство, опасаясь разрыва, употребляло все усилия, чтобы сдержать неумеренные требования главной квартиры. Граф Черини угрожал, что Австрия заключит сепаратный мир с Россией, если чрезмерная требовательность ее союзников разстроит переговоры. Берлин, Крейцнах (Ставка) и Вена переживали дни томительного ожидания и страха, не считая возможным вести длительную войну на Восточном фронте, хотя бы и против разваливавшейся армии. И когда после перерыва переговоров в Брест-Литовск к 7 января приехал Троцкий, «было любопытно видеть — говорит Черини — какая радость охватила германцев. И эта неожиданная, столь бурно проявившаяся радость доказала, как тяжела была для них мысль, что русские могут не приехать».

* * *

Итак, Германия нужен был мир во что бы то ни стало. Никакие промежуточные формы его (перемerie, «ни мира, ни войны») не могли спасти положение. Совету народных комиссаров также нужен был мир — какую угодно ценой, хотя бы ценой расчленения, унижения и разрушения России.

Лишь бы сохранить власть.

Этот мотив довольно откровенно прозвучал и в воззвании Совета в ночь на 6 февраля «ко всему трудящемуся населению России» — воззвании, оправдывавшем согласие совета на предъявленные ему центральными державами требования мира: «мы хотим мира, мы готовы принять тяжкий мир, но мы должны быть готовы к отпору, если германская контр-революция попытается окончательно затянуть петлю на наш совет».

Только тогда отпор!

«Поставленная народом под знаком мира» советская власть должна была дать мир, хотя бы призрачный, плаче ей угрожала гибель. Гибель «в порядке народного гнева» или в силу германского наступления и оккупации столиц.

* См. Т. II, гл. XVIII.

Мотивъ самосохраненія совѣтской власти, поставленный въ основаніе Брестъ-Литовскаго дѣйства, не вызывалъ никогда сколько нибудь серьезныхъ сомнѣній среди русской общественности. Нѣсколько иначе обстоялъ вопросъ по поводу другого обвиненія народныхъ комиссаровъ, вызывающаго и нынѣ двоякое къ себѣ отношеніе. Одни считаютъ Брестъ-Литовскъ просто комедіей, разыгранной для соблюденія приличій, такъ какъ платные агенты германскаго генеральнаго штаба, въ числѣ которыхъ называютъ Ленина и Троцкаго, не могли не исполнить требованій своихъ патронателей. Другіе отказываются признать это преступленіе, быть можетъ, не столько по довѣрію къ названнымъ лицамъ, сколько изъ за сознанія чудовищности самого факта, смертельнаго стыда и глубокой боли за поруганное національное достоинство Россіи...

Нѣмецкій генеральный штабъ, который могъ бы открыть глаза міру, молчитъ. Въ этихъ кругахъ есть своя профессиональная этика, не допускающая оглашенія именъ секретныхъ сотрудниковъ... Лично у меня въ моголевской Ставкѣ былъ въ рукахъ матеріалъ, создававшій серьезные обвиненія противъ Ленина и безусловно уличавшій Раковского въ шпіонской дѣятельности въ пользу центральныхъ державъ. Въ печати, русской и заграничной, кромѣ слѣдственнаго производства о возстаніи большевиковъ 3—5 іюля 1917 г., появлялись многократно данныя, болѣе или менѣе серьезные и правдоподобныя. Въ ноябрѣ 1918 г. въ американской прессѣ были опубликованы официально документы*, собранные Э. Спесономъ, командированнымъ въ Россію американскимъ правительствомъ. Ему «при содѣйствіи различныхъ политическихъ партій и лицъ, служащихъ у большевиковъ», удалось достать около 70 документовъ, характеризующихъ какъ вліяніе нѣмцевъ при посредствѣ большевиковъ на внутреннія событія въ Россіи, такъ и использование ими совѣтской власти съ первыхъ же дней ея существованія въ интересахъ Германіи. Я не буду останавливаться на этихъ матеріалахъ, рисующихъ подчиненное сотрудничество большевиковъ съ германскимъ генеральнымъ штабомъ. Приведу лишь одинъ основной документъ, относящійся къ самому началу революціи:

Имперскій Банкъ
2 марта 1917 г.
Берлинъ.

Представителямъ всѣхъ германскихъ банковъ въ Швеціи.

Вы слы пзвѣщается, что требованія на денежные средства для цѣлей пропаганды мира въ Россіи будутъ получаться черезъ Финляндію. Требованія эти будутъ исходить отъ слѣдующихъ лицъ: Ленина, Зинovieва, Каменева, Коллонтай, Сиверса и Меркалина, текущіе счета которыхъ открыты въ соотвѣтствіи съ нашимъ приказомъ № 2754 въ отдѣленіяхъ частныхъ германскихъ банковъ въ Швеціи, Норвегіи и Швейцаріи. Всѣ эти требованія должны быть снабжены подписью «Диршау» или «Волькенбергъ». Съ любой изъ этихъ подписей требованія вышеупомянутыхъ лицъ должны быть исполняемы безъ промедленія.

№ 7432. Имперскій Банкъ.

Нѣсколько мягче, но все же довольно опредѣленно высказывалась по этому вопросу нѣмецкая демократія. Соц.-дем. Бернштейнъ 11 января 1918 г. писалъ по поводу Брестскихъ переговоровъ: «въ военныхъ кругахъ Германіи успѣхъ переговоровъ съ русскими совершенно открыто объясняютъ тѣмъ, что всѣ, кто нужно, подмазаны. Что же касается насъ, нѣмецкихъ социалстовъ, то, будучи на основаніи опыта многолѣтняго общенія съ Ленинымъ и Троцкимъ убѣждены въ ихъ личной честности, мы стоимъ передъ неразрѣшимой загадкой. Нѣкоторые ищутъ разрѣшенія загадки въ томъ, что быть можетъ первоначально большевики по чисто дѣловымъ соображеніямъ воспользовались нѣмецкими деньгами въ интересахъ своей агитаціи и въ настоящее время являются плѣнниками этого необдуманнаго шага»...

Я не знаю, что правильнѣе — увѣренность Сиссона или прозрѣніе нѣмецкихъ социалистовъ. Но вся совокупность трагическихъ обстоятельствъ взаимоотношеній нѣмцевъ съ большевиками создала во мнѣ лично нитуптвное глубокое убѣжденіе въ предательствѣ совѣтскихъ комиссаровъ. Такое убѣжденіе, присущее широкимъ кругамъ русской общественности, проникало въ народъ и обостряло ненависть къ совѣтской власти.

* Они появились частично на Югѣ Россіи значительно ранѣе, еще весною 1918 г.

Каковы бы ни были внутреннія побужденія народных комиссаровъ, передъ Россіей встала во всей своей гнетущей тяжести грозный реальный фактъ:

— Брестъ-Литовскъ.

Завершеніе въ столь чудовищныхъ формахъ длительного процесса разрушенія арміи, страны и ея международнаго значенія какъ будто разбудило наконецъ сознаніе верхнихъ слоевъ русскаго народа. Чрезвычайно единодушно вся русская общественность, весь пестрый конгломератъ политическихъ партій, вся печать, кромѣ официальныхъ совѣтскихъ органовъ, отнеслись съ глубокимъ негодованіемъ къ этому явному предательству интересовъ Россіи. Даже на искусственно подобранномъ 4-мъ съѣздѣ совѣтовъ, рѣшавшемъ судьбу Германіи, Россіи и русской революціи, изъ 700 голосовъ нашлось все же 300, протестовавшихъ противъ заключенія мира; они принадлежали не только профессиональнымъ партійнымъ дѣятелямъ лѣво-с.-р.-скаго толка, но и рядовымъ крестьянамъ и рабочимъ. Рабочіе промышленности и транспорта въпослѣдствіи, понявъ всю экономическую тяжесть договора, воспрепятствовали широкому исполненію его, не допустивъ вывоза въ Германію поѣздовъ съ «націонализированными» совѣтской властью запасами мануфактуры, мѣди и проч. Московскій комитетъ партіи большевиковъ на экстренномъ засѣданіи 7-го февраля постановилъ «настаивать на пересмотрѣ совѣтомъ народныхъ комиссаровъ принятаго рѣшенія», считая его «вреднымъ дѣломъ для міровой революціи» и призывая «вести беспощадную борьбу за демократическій миръ». Даже партія русскихъ анархистовъ считала, что «Брестскій миръ навязанъ трудовому народу коммунистической властью... вопреки ясно выраженному желанію трудовых массъ не подписывать мира съ германскимъ имперіализмомъ и продолжать революціонное сопротивленіе»...

Какъ бы ни были разнообразны ви́шнія обоснованія этого широкаго протеста, въ основѣ его болѣе или менѣе явно, болѣе или менѣе ярко выступало національное чувство. Конечно — только въ верхнихъ слояхъ. Потому что народъ въ широкомъ смыслѣ этого слова — или «трудовыя массы» по другой терминологіи — въ этотъ періодъ революціи относится къ чисто духовной сторонѣ вопроса съ величайшимъ равнодушіемъ. Реальныя-же послѣдствія событій сказывались не сразу.

Национальное чувство укрѣпило идеологию противобольшевицкаго движенія, дало ему новый стимулъ, значительно расширило базу борющихся силъ и объединило большинство ихъ въ основной, по крайней мѣрѣ, цѣли.

Оно намѣчало также пути ви́шней оріентаціи, вернувъ прочность почти истлѣвшимъ на пожарѣ революціи нитямъ, связывавшимъ насъ съ Согласіемъ, и прибавивъ къ чисто моральнымъ уже обоснованіямъ его («недопустимость измѣны союзникамъ») и элементъ цѣлесообразности*.

Наконецъ подъемъ національнаго чувства далъ сильный толчокъ къ укрѣпленію или созданію цѣлаго ряда внутреннихъ фронтовъ — на сѣверѣ, востокѣ и югѣ, къ оживленію дѣятельности московскихъ противобольшевицкихъ организацій и, вообще, къ началу той тяжкой борьбы, которая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сжимала петлю на шеѣ совѣтской власти.

* Надежды на созданіе Сѣвернаго и Восточнаго фронтовъ и поворотъ на Волгу чехословаковъ.

ГЛАВА II.

Стимулы борьбы съ совѣтской властью: социальныя, экономическія, психологическія.

Къ серединѣ 18 г. обостреніе отношеній къ совѣтской власти въ широкіхъ слояхъ населенія достигло уже большаго напряженія, основываясь не только на возмущенномъ національномъ чувствѣ, но и на причинахъ социальнаго, экономическаго и психологическаго характера.

*

Отходили отъ власти дезорганизованный ею пролетаріатъ.

Безсмысленная демобилизація всѣхъ фабрикъ и заводовъ, работавшихъ на оборону*, въ мѣсячный срокъ, націонализація промышленности, разрушеніе торговли и транспорта, разстройство обмѣна съ деревней и другія причины общаго характера однимъ изъ важныхъ послѣдствій своихъ имѣли ставшій хроническимъ кризисъ городовъ. Населеніе ихъ, не исключая покровительствуемаго властью пролетаріата, попало въ тягчайшее матеріальное положеніе, испытывая гнетъ безработицы, постоянного недоѣданія, иногда голода, болѣзней и мора.

Какъ слѣдствіе всѣхъ этихъ явленій, началось разстройство рядовъ пролетаріата и качественное его ослабленіе. Болѣе безпокойные, властные и вмѣстѣ съ тѣмъ аморальные его элементы уходили въ ряды совѣтской бюрократіи, въ ея опричнину, въ составъ карательныхъ экспедицій, не рѣдко на вольный разбойный промыселъ. Уходили добровольно — иногда отъ не остывшаго еще революціоннаго экстаза — въ красную гвардію, потомъ по повинности — въ красную армію. Тамъ они теряли связь со своимъ классомъ или гибли. Болѣе хозяйственные и предприимчивые люди, въ томъ числѣ множество квалифицированныхъ рабочихъ, переходили съ фабрикъ и заводовъ на кустарный промыселъ, или бѣжали въ деревню, осѣдая на землѣ. Оставались лишь болѣе рыхлые или консервативные въ отношеніи вѣками установившагося уклада жизни, поступившіе въ конечномъ результатѣ въ разрядъ государственныхъ пенсіонеровъ: «пролетарская власть», взявшая въ свои руки предпріятія, вынуждена была содержать рабочихъ на счетъ казны, независимо отъ цѣнности труда и выгоды предпріятій. Но такъ какъ разоренное государство вынести такой тяготы фактически не могло, то жизнь этой категоріи рабочихъ съ каждымъ днемъ становилась тяжелѣе и безотраднѣе. Если вторая группа была для правительства безусловно потеряна, то и въ этой третьей, имѣя благотворимой, иллюзіи первыхъ мѣсяцевъ революціи въ значительной мѣрѣ поблекли, и создавалась оппозиція къ власти, хотя и не организованная. Первоначально она не выходила изъ рамокъ мѣстныхъ экономическихъ интересовъ. Но мало по малу подъ напоромъ жизни эти рамки раздвигались.

Декретъ былъ объявленъ въ концѣ декабря, задолго до заключенія мира, отозвавшись пескомъ на тяжести его условій. Приписывался обществомъ подчиненнымъ отношеніямъ комиссаровъ къ нѣмечскому генеральному штабу.

Уже въ концѣ марта 18 г. собраніе фабрично-заводскихъ уполномоченныхъ Петрограда говорило:

«Позорный миръ, голодъ, неумѣло ведущаяся эвакуація, полная дезорганизація фабрично-заводской жизни — все это обрушилось на рабочихъ... Профессіональные союзы утратили самостоятельность и независимость и уже не организуютъ борьбы въ защиту правъ рабочихъ. На улицахъ и въ домахъ днемъ и ночью пронесаются убійства... Убиваютъ не враговъ народа, а мирныхъ гражданъ — рабочихъ, крестьянъ, студентовъ... Мы протестуемъ и требуемъ открытаго суда надъ всѣми, совершающими звѣрства и убійства».

Съ весны 1918 г. оппозиція рабочаго класса къ совѣтской власти стала проявляться въ формахъ активнѣйшихъ, иногда угрожающихъ. Таковы, напримѣръ, крупныя волненія и забастовки въ Петроградѣ и Сормовѣ, вооруженныя возстанія на Ижорскомъ и Сестрорѣцкомъ заводахъ, и въ особенности Воткинское и Ижевское возстанія. Последнее потребовало отъ совѣтской власти большихъ усилій и жертвъ, длилось три мѣсяца и было кроваво подавлено въ началѣ ноября, причемъ въ первый же день овладѣнія Ижевскимъ заводомъ большевики казнили около 800 возставшихъ рабочихъ.

При всѣхъ этихъ выступленіяхъ, на митингахъ, въ резолюціяхъ, воззваніяхъ, слышалось рѣзкое осужденіе совѣтской власти, требованіе Учредительнаго Собранія и политическихъ свободъ.

*

*

Отошло отъ власти и крестьянство.

Совѣтская власть была вначалѣ весьма слабой, и крестьянское море, вынесшее ее на своемъ гробѣ, казалось еще слишкомъ взбаламученнымъ и опаснымъ. Поэтому декретъ о націонализациі земли не внесъ серьезныхъ потрясеній въ укладъ деревенской жизни, предоставленной первоначально своему самостоятельному теченію въ руслѣ замкнутыхъ классовыхъ интересовъ.

Но уже къ лѣту 18 года совѣтская власть, нѣсколько окрѣпнувъ сама, увидѣла вмѣстѣ съ тѣмъ серьезную опасность въ двухъ явленіяхъ крестьянской жизни: въ чрезвычайномъ ростѣ собственническаго инстинкта, грозившемъ оторвать навсегда крестьянскія массы отъ коммунистическихъ идеаловъ, и въ прекращеніи обмѣна деревни съ городомъ, грозившемъ голодомъ пролетаріату и красной гвардіи — единственной, хотя и не вполне надежной опорѣ власти.

Съ первой опасностью, олицетворяемой среднимъ крестьяниномъ и «кулакомъ», совѣтская власть начала бороться разгромомъ всѣхъ бытовыхъ (волостъ) и революціонныхъ (совѣты и комитеты крестьянскихъ депутатовъ) установленій деревни и насажденіемъ, подчасъ вооруженной силой, комитетовъ бѣдноты. Въ составъ этихъ комитетовъ обыкновенно входили элементы пришлые, давно уже потерявшіе связь съ деревней, или безземельные, бездомные, не хозяйственные, иногда съ уголовнымъ прошлымъ, составлявшіе подчасъ большую и грязную націю деревенской жизни. Дѣятельность ихъ проявлялась въ формахъ насилія и произвола, направляясь по преимуществу къ «уравненію», т. е. къ ограбленію зажиточныхъ и крѣпкихъ крестьянъ, дѣлежу ихъ имущества, земледѣльческихъ орудій, рабочаго скота и запасовъ.

Противъ второй опасности совѣтская власть официально, въ порядкѣ управленія, выдвинула средство еще болѣе примитивное — вооруженные отряды различнаго наименованія — «продовольственные», «карательные», «заградительные», которые шли походомъ на деревню за «излишками» или отбирали на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, на перепутьяхъ и заставахъ крестьянское добро и запасы мѣшечниковъ.

Власть не дѣлала попытки государственнаго регулированія этой своеобразной «соціализаціи», которая обратилась въ грабежъ и дѣлежъ. При малѣйшемъ сопротивленіи отряды забирали все въ порядкѣ контрибуціи. Не только подневольная, но и официальная совѣтская печать въ 1918 году рисовала «потрясающія картины» походовъ на деревню, реквизицій и кровавыхъ усмирений...

Отрицательные результаты совѣтской аграрной политики были настолько разительны, что въ правыхъ кругахъ возникъ даже своеобразный взглядъ на лѣченіе

соціальної болѣзни путемъ «прививки большевизма». Такъ В. Шульгинъ писалъ въ апрѣлѣ 18 года: «самое важное, чтобы революція дошла до самого конца; нужнѣ всего дѣйствительное осуществленіе соціализаціи земли въ деревняхъ для того, чтобы вся толща крестьянскаго населенія получила стихійное отвращеніе къ лозунгу „земля и воля“, погубившему государство. Процессу этому отнюдь не слѣдуетъ мѣшать, какихъ бы жертвъ это ни стоило»*.

Правительственная система и практика мѣстной власти въ отношеніи къ деревнѣ вызвали упорнѣйшее сопротивленіе вѣкового уклада жизни и привели только къ укрѣпленію въ крестьянствѣ началъ собственности и классового самосознанія. Сопротивленіе проявилось въ сжатіи крестьянскаго хозяйства до потребительныхъ нормъ, что угрожало неисчислимыми бѣдствіями государственному хозяйству, и въ прямыхъ дѣйствіяхъ: въ 1918 году волна крестьянскихъ возмущеній пронеслась по всей совѣтской Россіи, сопровождаемая разореніемъ совѣтскихъ и коммунистическихъ хозяйствъ, сожженіемъ ж. д. станцій и складовъ, насиліями надъ комиссарами и членами комитетовъ бѣдноты, которыхъ убивали, подвергали мученіямъ, иногда живыми закапывали въ землю. Возстанія возникали неорганизованно, стихійно, нося мѣстный характеръ; бывало, впрочемъ, какъ напримѣръ въ Рязанской губерніи, что выведенные изъ терпѣнія притѣсненіями совѣтской власти крестьяне подымались нѣсколькими уѣздами, ведя настоящіе длительныя сраженія многотысячными отрядами съ пулеметами и орудіями.

Такъ какъ возстанія эти первымъ своимъ результатомъ имѣли обыкновенно прекращеніе всякаго подвоза продовольствія въ города, то они встрѣчались враждебно городскимъ пролетаріатомъ; между ними и крестьянствомъ ложилась пропасть.

Въ результатѣ — соединенными успѣхами совѣтской власти, пролетаріата и его вооруженной силы — красной гвардіи крестьянскія возстанія подавлялись жестоко и безпощадно.

Цѣли своей — упраздненія многомилліоннаго слоя крестьянства — большевики, однако, не достигли. По совѣтской статистикѣ къ 1919 г. число среднихъ, выше-среднихъ и крупныхъ крестьянскихъ хозяйствъ упало лишь до 49 %, т. е. на 10 % по сравненію съ 1917 годомъ.

Позднѣе, въ мартѣ 19 г., подводя итоги совѣтской аграрной политики и круто мѣняя ея направленіе, Ленинъ говорилъ, что стремленіе раздавить среднее крестьянство такъ, какъ это сдѣлано съ буржуазіей, «будетъ идіотизмомъ, тупоуміемъ и гибелью дѣла»... И тутъ же приводилъ классическое по своей моральной обнаженности обоснованіе мысли: «здѣсь нѣтъ той верхушки, которую можно срѣзать, оставивъ весь фундаментъ, все зданіе — той верхушки, которою въ городѣ были капиталисты»...

Въ дальнѣйшемъ совѣтская власть искала уже «путей завоеванія довѣрія крестьянства»...

Ищетъ совершенно безнадежно и понынѣ.

Буржуазія просто истреблялась.

Ленинъ поставилъ задачу теоретически: «обезпечить диктатуру (рабочаго класса), свергнуть буржуазію и отнять у нея тѣ экономическіе источники ея власти, которые являются помѣхой въ дѣлѣ всякаго экономическаго строительства».

«Чрезвычайная коммисія» рѣшила задачу практически: «мы не ведемъ войны — писалъ Лацисъ — противъ отдѣльныхъ лицъ. Мы истребляемъ буржуазію, какъ классъ... Не ищите на слѣдствіи матеріаловъ и доказательствъ того, что обвиняемый дѣйствовалъ дѣломъ или словомъ противъ совѣтовъ. Первый вопросъ, который Вы должны ему предъявить, какого онъ происхожденія, воспитанія, образованія или профессіи. Эти вопросы и должны опредѣлять судьбу обвиняемаго»...

* Донесеніе организаціи «Азбука». «Вѣдн». 28. V. 18.

Истребленіе буржуазнаго класса шло самыми разнообразными путями: отнятіем собственности, выселеніем из жилищъ, голоднымъ пайкомъ, трудовой повинностью, лишеніемъ свободы; наконецъ казнями, казнями безъ конца, безъ счета.

Скорбь и ужасъ разлились по землѣ, одѣвъ въ трауръ каждую русскую семью, не пощадивъ ни таланта, ни силы, ни молодости, внося въ естественное теченіе общественной жизни, какъ систему, какъ норму — институтъ заложниковъ, родовую месть, надругательство надъ душой и тѣломъ человека, страданія и потоки крови.

Большевистская идеологія въ разрядъ буржуазіи, кромѣ интеллигентскаго пролетаріата, служилого элемента и мѣщанства, причисляла еще многочисленные слои другихъ классовъ: болѣе здоровую и крѣпкую часть рабочаго класса, крупное и среднее крестьянство и, по мотивамъ вовсе уже не социальнымъ, — социалистическую демократію, которая — одни раньше, другіе позже (тѣмъ же с.р.) — стала въ ряды противниковъ большевистской власти.

Но совѣтская практика дѣлала серьезныя различія между этими категоріями «контрь-революціонеровъ». Буржуазія истреблялась какъ классъ и какъ среда, недоступная вліянію коммунистическихъ идей, независимо отъ степени ея сопротивленія; рабочіе подвергались притѣсненіямъ и преслѣдованіямъ только индивидуально, преимущественно представители партіи с.р. и с.-д.-меньш.; терроръ въ отношеніи крестьянства былъ направленъ не противъ личности, а для «подавленія его сопротивленія власти и собственническихъ инстинктовъ»; наконецъ, по отношенію къ социалистической демократіи въ 1918 г. совѣтское правительство, по выраженію Ленина, проявило «много терпѣнія и даже добродушія», въ надеждѣ, что она «сдѣлаетъ выборъ» между большевиками и буржуазной диктатурой. Правда, терпѣніе это было относительнымъ: периодически, особенно же въ день разгона Учредительнаго Собранія, потомъ въ Ленинскіе дни* большевистскія тюрьмы наполнялись социалистами. Хотя положеніе ихъ было привилегированнымъ, но тюремный режимъ большевиковъ сталъ несоразмерно тяжелѣе, чѣмъ «царскій», и не исключалось примѣненіе «вышей мѣры наказанія», если не въ силу политики центра, то — самовласти «мѣсть».

Человѣческое страданіе — всегда страданіе. Убіеніе — всегда убіеніе, льется ли при этомъ «бѣлая» или «красная» кровь.

Но когда я читаю такіе строки: «историкъ революціи съ недоумѣніемъ и ужасомъ остановится на тѣхъ страницахъ дѣятельности коммунистическаго правительства Россіи, которыя говорятъ о гошеніяхъ на анархическую идею и (ея) дѣятелей. Онъ не сразу повѣритъ. А, повѣривъ, удивившись въ ихъ потрясающей правдѣ, назоветъ ихъ самыми черными страницами въ исторіи коммунистической государственности»**... Когда с.-д. Данъ пишетъ***: «вѣсть о моемъ переводѣ на Уралъ (на службу по медицинскому вѣдомству) быстро разнеслась по городу... многіе, даже изъ знакомыхъ большевиковъ не хотѣли вѣрить, что возможна такая дикая расправа... У одной большевички даже стояли слезы на глазахъ»... Когда тутъ же черезъ десятокъ страницъ, безъ гнѣва, безъ осужденія, безъ «гражданской скорби» онъ проходитъ мимо картины «пскорененія бывшаго колчаковскаго офицерства»: «окна подвала Губчека выходили на улицу, и тѣмъ, когда окна были открыты, можно было заглянуть вглубь этого ужаснаго помѣщенія, гдѣ въ невѣроятной тѣсотѣ и грязи сидѣли заключенные съ блѣдными, измученными голодомъ лицами, покрытые всевозможными паразитами. Одинъ изъ знакомыхъ коммунистовъ разсказывалъ мнѣ, что разстрѣлы производятся тутъ же, на дворѣ, подъ окнами заключенныхъ»... —

...Мнѣ хочется сказать людямъ въ шорахъ: Говорите о вашихъ терзаніяхъ. Читаете вашихъ мертвыхъ. Но когда проходите случайно мимо бездонной могилы русской буржуазіи — по существу русской интеллигенціи, снимите шапку надъ ней. Ибо тамъ, вмѣстѣ съ окровавленными трупами, погребены невознагражденные культурныя цѣнности страны, ея интеллектуальныя силы, ея надежды!

* Покушеніе на Ленина въ августѣ 18 г.

** «Гошенія на анархизмъ въ совѣтской Россіи». Офиц. изд. партіи.

*** «Два года скитаній».

Оставшаяся въ живыхъ буржуазія была побѣждена. Часть уходила въ районы бѣлыхъ армій; другая — преимущественно крупная буржуазія — банковская и торгово-промышленная знать, къ которой большевики относились почему то съ наибольшей терпимостью, шла въ эмиграцію; третья — воплотившая въ себѣ идею «буржуазнаго интернаціонализма», съ большою легкостью принимала подданство и мѣняла его вълюбѣ въ новообразование, отколовшемся отъ русской державы; четвертая — шла на службу къ совѣтской власти, составивъ многочисленныя кадры «спецовъ» и чиновничества — только терпимыхъ «слугъ новаго режима»; пятая, едва ли не наибольшая численно, обратилась въ люмпенъ-пролетаріатъ, задавленный духовно, безправный и нищій. Появилась еще одна категорія людей, о которыхъ высказалъ компетентное мнѣніе Ленинъ: «къ намъ присоединились... карьеристы, авантюристы, которые назвались коммунистами и надуваютъ насъ; которые полѣзли къ намъ потому, что коммунисты у власти; потому, что болѣе честныя «служилые элементы» не пошли къ намъ работать, вслѣдствіе своихъ отсталыхъ идей, а у карьеристовъ нѣтъ никакихъ идей, никакой честности»*.

Подобное разслоеніе произошло и въ рядахъ офицерскаго корпуса старой арміи, на который большевизмъ обрушился съ особенной силою. Это разслоеніе можетъ быть выражено символически четырьмя извѣстными эпизодами, относящимися къ зимѣ 1918—19 гг.

Генераль Духонинъ убитъ большевиками...

Генераль Скалонъ — военный экспертъ большевицкой делегаціи въ Брестъ-Литовскѣ, не вынесъ позора, застрѣлился...

Генераль Брусилловъ, «признавая здоровую жизненную основу совѣтской власти», отдалъ ей свои послѣднія силы.

Полковникъ Дроздовскій сформировалъ добровольческій отрядъ и повелъ его за тысячу верстъ, на Донъ для борьбы съ большевиками...

* * *

Но помимо мотивовъ классового или личнаго самосохраненія, общія явленія упадка государственной и народной жизни достаточно ярко и наглядно свидѣтельствовали о гибельности совѣтскаго режима. Даже въ элементарномъ отраженіи темной массы.

Народное хозяйство катилось стремительно по наклонной плоскости, ударяя больно по всѣмъ сторонамъ повседневной жизни, ослабляя людей физически и вызывая небывалую смертность.

Терроръ, широко развитая система шпіонажа, лишеніе всѣхъ гражданскихъ свободъ, отсутствіе нормъ закона и безграничный произволъ власти придавили духъ народа, создавъ невыносимо затхлую атмосферу, въ которой, казалось, жить долго невозможно.

Гоненія, воздвигнутыя на религію, оскверненіе святынь возмущали народную совесть, и въ храмахъ, переполненныхъ вѣрующими, возносились горячія моленія «объ избавленіи отъ вражеска плѣна и ранней смерти».

Казалось, во всѣхъ слояхъ населенія и во всѣхъ областяхъ жизни были глубокія обоснованія и стимулы къ борьбѣ съ не-національной, не-государственной и не-народной властью.

Къ срединѣ 1918 г., когда я съ Добровольческой арміей начиналъ второй Кубанскій походъ, эта мысль психологически владѣла всѣми. Ее заносили къ намъ вырвавшіеся изъ совѣтской Россіи или жившіе на Югѣ мудрые политики, громкіе общественные дѣятели, генералы и офицеры, случайные бѣженцы. Она проходила красной нитью черезъ всѣ сводки, доклады, донесенія съ мѣстъ, черезъ всѣ разговоры, которые вели многочисленные посѣтители, бывавшіе лѣтомъ 18 г. у ген. Алексѣева и у меня.

Такъ, напримѣръ, Миллюковъ писалъ 3 мая ген. Алексѣеву: «несомнѣнно психологія въ Россіи, хотя и не такъ быстро, какъ было бы желательно, но все же мѣняется — и

* Докладъ на 8 сѣздѣ компартіи.

не только на югѣ, но, какъ осѣдомляютъ меня мои московскіе друзья, также и на сѣверѣ. Большевики изжили себя. За отсутствіемъ вѣдшей силы, которая бы ихъ ликвидировала, они начали ликвидироваться изнутри»...

Не менѣе категорично опредѣлялось положеніе совѣтской Россіи въ докладѣ Мѣваго центра*: «въ частномъ разговорѣ Ленинъ высказался: «мы, конечно, провалились; но великая застуга наша въ томъ, что въ Паризѣ коммуна просуществовала нѣсколько дней, а у насъ въ Россіи нѣсколько мѣсяцевъ». Большевики второго сорта уже теперь понемногу исчезаютъ, а главные дѣятели получили гарантіи отъ нѣмцевъ, что драгоцѣнная жизнь ихъ будетъ сохранена».

Болѣе эканасивно относились къ событіямъ питабные сотрудники. Одно изъ донесеній, весьма характерное для общаго тона осѣдомленія и для тогдашнихъ настроеній Юга, гласило:

«Подводи итоги общему внутреннему политическому состоянію страны, все населеніе Совдепіи можно раздѣлить на два лагеря: большевиковъ и меньшевиковъ. Граніи политическихъ убѣжденій въ различныхъ партіяхъ кровавымъ и нечлѣннымъ управленіемъ Совнаркома совершенно сгладились. Нескончаемая обида и кровавый терроръ совѣтской власти въ связи съ голодомъ настолько сгустили атмосферу, что вся Совдепія представляетъ изъ себя котель съ громаднымъ внутреннимъ давленіемъ, и достаточно одного сильнаго удара въ стѣнку, какъ произойдетъ неслыханный и невиданный въ лѣтописяхъ исторіи взрывъ, который даже безъ вѣдшаго воздѣйствія смететъ съ лица земли совѣтскую власть и, если во время имъ не овладѣть, то можетъ погребсти остатки всякой культуры»...

Прогнозы оказались невѣрными — мы убѣдились въ этомъ скоро, ведя тяжелые, кровопролитные бои на сѣверномъ Кавказѣ. Невѣрными — не столько въ изображеніи подлинныхъ народныхъ настроеній, сколько въ оцѣнкѣ ихъ активности, а, главное, въ ошибочномъ сложеніи силъ. Между тремя основными народными слоями — буржуазіей, пролетаріатомъ и крестьянствомъ легли непримиримыя противорѣчія въ идеологіи, въ социальныхъ и экономическихъ взаимоотношеніяхъ, существовавшія всегда въ потенціи, углубленная революціей и обостренная разъединявшей политикой совѣтской власти. Они лишили насъ вѣрнѣйшаго залогомъ успѣха — единства народнаго фронта.

Между тѣмъ, въ противобольшевизмѣ станѣ всѣ усилія Москвы, Кіева, Ростова, Самары, всѣхъ политическихъ и общественныхъ организацій — правыхъ и лѣвыхъ — по крайней мѣрѣ въ 18 году, были направлены не на преодоленіе этихъ противорѣчій, а на поиски «вѣрнѣйшей» оріентаціи и «наилучшихъ» формъ государственнаго строя.

Ни того, ни другого мы не нашли.

* «Союзъ Возрожденія Россіи». Докладъ привезъ къ намъ въ іюнь Титовъ.

ГЛАВА III.

Политическая карта Россійскаго государства къ срединѣ 1918 года: Сѣверная область, Финляндія, Прибалтійскій край, Литва, Польша, Сѣверо-западная область.

Политическая карта Россійскаго государства къ осени 1918 года и до паденія центральныхъ державъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

* * *

На крайнемъ сѣверѣ Мурманскій районъ оккупировали союзники, преимущественно англичане. Иностранныхъ войскъ было тамъ ничтожное количество. Только къ осени союзники довели ихъ до 9—10 батальоновъ* и 3 батарей**. Русскія формированія ввиду безплодности края не превышали нѣсколькихъ ротъ. До 2-го августа въ районѣ сохранялась совѣтская организація, и только порваны были официальные сношенія мѣстнаго совѣта съ Москвою. Англійскому командованію была безразлична тогда политическая физіономія не только мѣстной власти, но и формируемой имъ вооруженной силы, въ составъ которой вошли, въ числѣ прочихъ, отряды финской красной гвардіи, бѣжавшіе изъ Финляндіи, послѣ занятія ея нѣмецкими войсками. Безразличны были также и русскіе интересы: англичане приступили къ формированію особаго «корельскаго батальона», исходя изъ самоопредѣленія Корели въ отдѣльную «націю» и «государство»...

Позднѣе, 2 августа, союзный десантъ высадился въ Архангельскѣ, который всею послѣдственно былъ брошенъ большевиками. Англійскій генералъ Пуль вступилъ въ командованіе всѣми войсками Сѣверной области (большая часть Архангельской губ.), въ составъ которыхъ въ Архангельскомъ районѣ, кромѣ англичанъ (4—5 батальоновъ), вошли американцы (4—5 батальон.), французы (1 бат.), поляки, итальянцы... Эти части начали усиливаться новыми смѣшанными формированіями, вроде «русско-французской роты», «славяно-британскаго легіона» и т. д.

Приступлено было также къ организаціи русской вооруженной силы, основаніемъ которой послужили офицерскія команды, сформированныя въ Архангельскѣ изъ мобилизованныхъ полкъ съ двумя дивизіонами артиллеріи и, главнымъ образомъ, крестьянскіе партизанскіе отряды, насчитывавшіе въ общемъ до 3 тысячъ и разбросанные на громадныхъ разстояніяхъ у Пиннеги, Шенкурска, на Сѣв. Двинѣ, Онегѣ, Печорѣ, Мезени... Всѣ эти силы были подчинены русскому «командующему войсками»***, власть котораго была, однако, лишь номинальной, ограничиваясь административными и организаціонными функціями. Англичане, вплоть до ухода союзныхъ войскъ, держали въ своихъ рукахъ командованіе, боевое управленіе и снабженіе русскихъ войскъ. У русскаго «командующаго» не было даже и органовъ — оперативныхъ и снабженія. Назначенный

* Изъ нихъ 5—6 англ., 1 франц., 1 итальян., 1 серб.

** Французскія.

*** Последовательно эту должность занимали: капитанъ I-го ранга Чаплингъ, полковн. ген. штаба Дуровъ (18 г.), ген. Марушевскій и ген. Миллеръ (главноком.).

въ концѣ 18 года командующимъ войсками ген. Марушевскій приступилъ къ использованию партизанскихъ отрядовъ, обращая ихъ путемъ вливанія офицеровъ и строевыхъ ротъ изъ Архангельска въ регулярныя части.

Къ концу 1918 года общая численность союзныхъ войскъ не превышала 10—15 тысячъ смѣшанныхъ частей весьма посредственнаго состава, а русскихъ 7—8 тысячъ человекъ, мало еще организованныхъ.

23 июня 18 г. союзныя посольства, перебѣжая chiefly изъ Вологды въ Архангельскъ, издали и широко распространили воззваніе, въ которомъ цѣли запитія Мурмана и дальнѣйшихъ затѣмъ операций союзниковъ въ Сѣверной области въ направленіи къ Петрозаводску и къ Вологдѣ объяснялись слѣдующимъ образомъ: 1) необходимость охраны края и его богатствъ отъ захватныхъ намѣреній германцевъ и финновъ, въ руки которыхъ могла перейти Мурманская жел. дорога, ведущая къ единственному незамерзающему порту Россіи; 2) защита Россіи отъ дальнѣйшихъ оккупационныхъ намѣреній германцевъ; 3) искорененіе власти насильниковъ и предоставленіе русскому народу путемъ установленія правового порядка возможности въ нормальныхъ условіяхъ рѣшить свои общественно-политическія задачи.

Поскольку первыя двѣ цѣли, вытекающія изъ реальныхъ и непосредственныхъ интересовъ союзниковъ, трактовались ими серьезно, настолько третья съ первыхъ же дней занятія Сѣверной области обратилась исключительно въ благовидный предлогъ моральнаго свойства и въ средство агитаціи.

Мѣстное англійское командованіе опредѣляло цѣли борьбы разное. Ген. Пуль тотчасъ по своемъ прибытіи въ Архангельскъ объявилъ, что «союзники явились для защиты своихъ интересовъ, нарушенныхъ появленіемъ въ Финляндіи германцевъ», и торопилъ поэтому русское командованіе съ организаціей собственной арміи. Смѣшанный его осенью ген. Айронсайдъ говорилъ о «наступленіи на Вятку-Котласъ для соединенія съ Колчакомъ и передачи ему привезеннаго для его арміи имущества*». Въ то же время англійскимъ добровольческимъ частямъ, отправляемымъ изъ Англіи на русскій сѣверъ, лондонскія власти внушали, что онѣ назначаются «лишь для оккупации, а не для боя».

Наступленіе, весьма впрочемъ вялое, союзники, занимавшіе огромный фронтъ отъ финляндской границы до Пинеги, повели по двумъ направленіямъ: на Петрозаводскъ и на Вологду. Въ теченіе 18 г. они достигли, примѣрно, линіи Пинега—Шенкурскъ—Плесецкая (станц. Сѣв. ж. д.)—Тургасово—Парацково (станц. Мурманск. ж. д.).

На этихъ направленіяхъ были сосредоточены небольшія совѣтскія силы, сведенныя къ осени 18 г. въ двѣ арміи и насчитывавшія въ общей сложности до 18 тыс. бойцовъ при 70 орудіяхъ**.

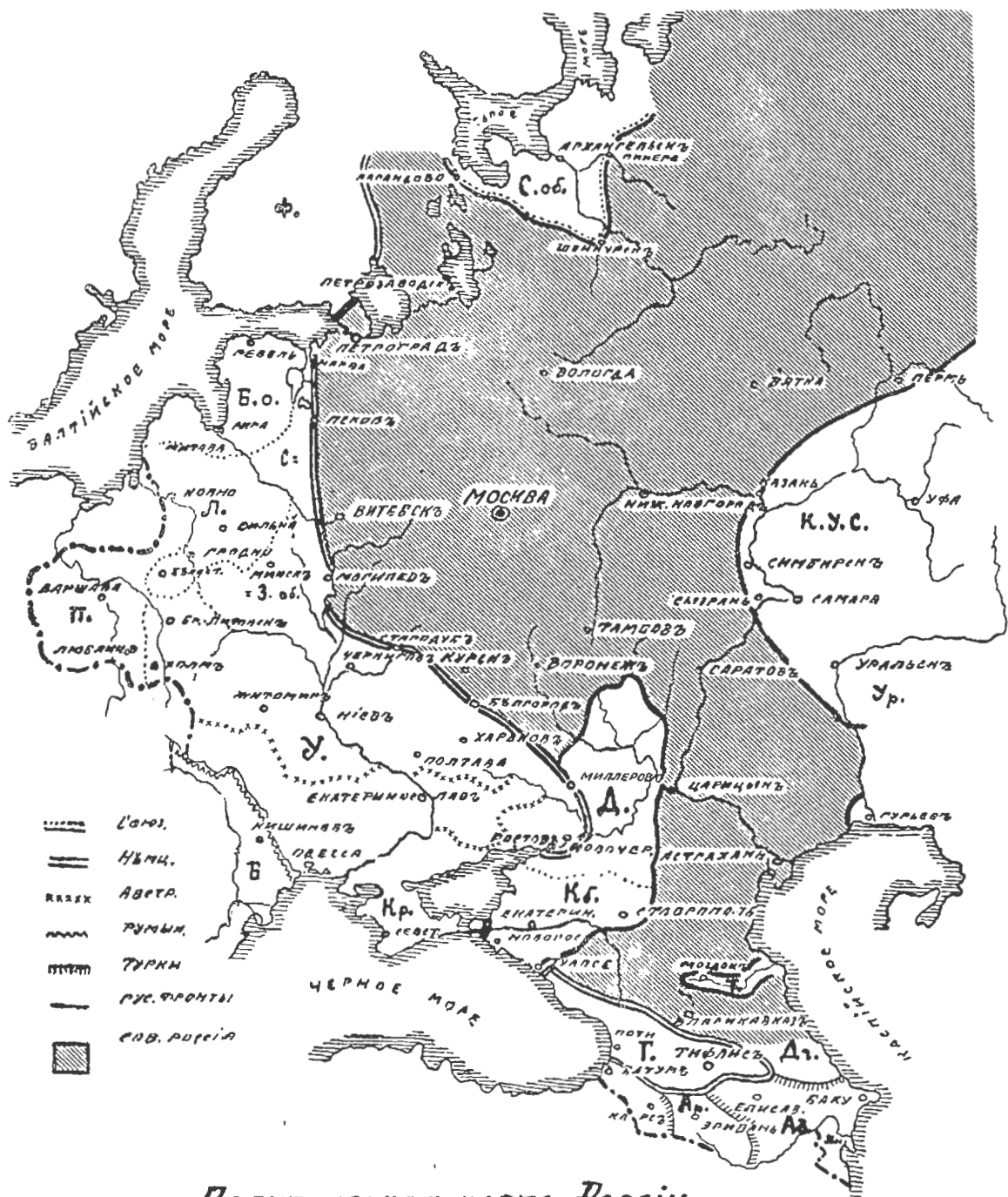
Войска эти въ 1918 году не представляли изъ себя сколько нибудь серьезной силы. Арміи имѣли заданіе активно оборонять подступы къ Москвѣ и Петрограду.

Съ начала августа, послѣ высадки англичанъ въ Архангельскъ и начавшагося наступленія на Вологду, Совѣтъ комиссаровъ пришелъ въ чрезвычайное безпокойство. Большевицкія сводки до крайности преувеличивали силы союзниковъ*** и серьезность ихъ намѣреній. Переписка, обмѣнъ телеграммами, паническія донесенія съ фронта свидѣтельствуютъ о полной растерянности большевицкой власти и командованія. Надъ Москвой, казалось, нависла огромная угроза и возбужденъ былъ даже вопросъ о необходимости эвакуаціи ея... Угрожаемое въ то время съ востока и юга совѣтское командованіе начало лихорадочно перебрасывать подкрѣпленія изъ Петроградскаго района, даже съ Мурманскаго направленія на Архангельское. 5 августа Чичеринъ обратился къ германскому послу Гельфериху съ просьбой возложить на германскія войска оборону подступовъ къ Петрограду (игнорируя даже Петрозаводскъ) на позиціяхъ по рѣкѣ Свири, такъ какъ всѣ совѣтскія силы оттягиваются въ Вологду. Между прочимъ, въ то время совѣтская власть захватила въ качествѣ заложниковъ «англо-французскую буржуазію», объявивъ, что заложники будутъ разстрѣляны, если Вологда падетъ.

* Ген. Добровольскій. «Борьба за возрожденіе Россіи въ Сѣв. области».

** На Мурманскомъ — 6-я армія, до 10 тыс., и на Архангельскомъ — 7-я, до 8 тыс.. образовавшія «Сѣверный фронтъ» подъ командой ген. Парскаго.

*** Большевики считали противъ себя на сѣверномъ фронтѣ 58 тыс. штыковъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА РОССІИ

ВЪ СЕНТЯБРѢ 1918г.

Германская главная квартира отнеслась, однако, къ этимъ опасеніямъ безъ особеннаго довѣрія, считая въ частности полуразрушенную Мурманскую дорогу, угрожаемую съ запада германо-финскими отрядами, достаточно обезпеченной.

Дѣйствительно, въ силу суровости климата, пустынности театра и, главнымъ образомъ, направленія русской политики Лондона, находившейся подъ сильнымъ давленіемъ социалистовъ и рабочей партіи, военные дѣйствія въ Сѣверной области не получили развитія, а съ уходомъ союзниковъ фронтъ этотъ сталъ обреченнымъ.

Государственное управленіе области представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что, въ противовѣсъ прочимъ фронтамъ, на Сѣверѣ оно осуществлялось демократіей, безъ давленія «бѣлыхъ генераловъ»: прибывшій впоследствии, въ началѣ 19 г. въ Архангельскъ по приглашенію Чайковского ген. Миллеръ сталъ лишь министромъ въ составѣ кабинета — военнымъ, путей сообщенія, почтъ и телеграфа.

Въ началѣ августа съ прибытіемъ въ Архангельскъ англичанъ совѣтская власть была свергнута и верховное управленіе перешло къ «временному правительству», во главѣ съ Н. Чайковскимъ, изъ членовъ Учредительнаго собранія сѣверныхъ областей, преимущественно лѣваго толка. Съ неизжитой еще психологіей «углубленія революціи», съ традиціями «кренщины» и соглашательства, правительство это скоро стало одіознымъ въ глазахъ буржуазіи, офицерства и англійскаго командованія. Съ вѣдома ген. Пуля, въ сентябрѣ правительство было свергнуто офицерствомъ и заточено въ Соловецкій монастырь, затѣмъ по требованію союзныхъ дипломатовъ освобождено, причемъ Н. Чайковскому поручено было сформировать новое правительство изъ болѣе умѣренныхъ элементовъ: въ него вошли преимущественно народные социалисты.

Мурманскій край управлялся «краснымъ совѣтомъ» почти того же состава, что и при большевикахъ, подчиненнымъ Архангельску, но, ввиду трудности сообщенія, дѣйствовавшимъ почти самостоятельно.

Чайковский въ январѣ 19 года выѣхалъ въ Парижъ, гдѣ и остался, ставъ членомъ «Парижскаго политическаго совѣщанія» и продолжая числиться предѣвателемъ правительства; вскорѣ я получилъ отъ него письмо, весьма характерное для программы и иллюзіи умѣренной социалистической демократіи:

«Послѣ 8 мѣсяцевъ работы я могу съ удовольствіемъ сказать, что мы достигли положительныхъ результатовъ»...

«При организаціи власти мы исходили изъ двухъ положеній: 1) что во время войны вся организація правительства должна быть припоровлена къ обслуживанію Главнаго командованія и 2), что она должна сохранять за собой самостоятельность въ глазахъ населенія, являясь для него защитникомъ правъ и свободы и посредникомъ между нимъ и военнымъ командованіемъ».

«Получилась слѣдующая конструкція: Главнокомандующему (англійскій генералъ Айронсайдъ) принадлежитъ вся полнота власти въ странѣ, но фактически... въ политическое управленіе онъ не вмѣшивается, развѣ лишь въ исключительныхъ случаяхъ... въ интересахъ немедленныхъ оперативныхъ дѣйствій... Благодаря этому, авторитетъ правительства поддерживается и укрѣпляется и тѣмъ самымъ довѣріе, возбуждаемое (къ нему) среди населенія, распространяется и на командованіе».

Въ дальнѣйшемъ при развертываніи правительства въ русскій масштабъ при такой конструкціи его «явѣтъ мѣста распространенію среди населенія подозрѣній въ реакціонности власти военнаго командованія и его стремленіи къ диктатурѣ»...

Словомъ, весь вопросъ сводился къ созданію демократической власти, что достигнуто вполне на Сѣверѣ и безъ чего всякая борьба обречена на неуспѣхъ.

Указывая, что задача въ Сѣверной области «упрощена до игрушечнаго масштаба». Чайковский все же горячо и задумчиво совѣтовалъ мнѣ примѣнить на Югѣ эту систему*.

Жизни, же сожатыню, жестоко разбивала его мечты. Сѣверная область явила примѣръ полнаго раскола въ средѣ демократіи и интеллигенціи, неизжитый психозъ

* Любопытно, что въ Сибирь своимъ друзьямъ изъ состава революціонной демократіи Н. Чайковский давалъ нѣсколько иную оріентировку: «съ союзниками происходитъ много конфликтовъ... Плохо быть русскимъ министромъ безъ арміи и силы». (Изъ телеграфнаго сообщенія Лебедева Авксентьеву. — А. Ганъ.)

большевизма въ массахъ и отсутствіе въ нихъ всякаго довѣрія къ своему демократическому правительству. Не привлеки на свою сторону буржуазныхъ круговъ, это правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ, встрѣтило противодѣйствіе въ широкомъ фронтѣ революціонной демократіи, въ членахъ Учредительнаго собранія, въ партійныхъ организаціяхъ с.-д., с.-р., въ земско-городскомъ объединеніи, рабочихъ, кооперативахъ и т. д. Всѣ они вели съ правительствомъ длительную борьбу, имѣвшую главною цѣлью достиженіе власти. На ряду съ этимъ съ начала 19 года вспыхивали одно за другимъ кровавыя возстанія въ войскахъ.

Очевидно, формы государственной власти были далеко не основными причинами неуспѣха противобольшевицкой борьбы...

* * *

26 ноября финляндское правительство опубликовало декларацію о независимости страны. «Въ Россіи нѣтъ теперь правительства — говорилось въ деклараціи. Такъ какъ представители (Россіи) перестали исполнять свои функціи въ Финляндіи, законной русской власти (въ странѣ) не осталось. Войска, расположенныя въ странѣ, служатъ источникомъ ужаса и побуждаютъ революціонные элементы къ бунту. Анархія въ Россіи обязываетъ финскій народъ освободиться навсегда отъ всякой зависимости отъ Россіи».

Хотя Совѣтъ народныхъ комиссаровъ въ концѣ декабря призналъ независимость Финляндіи, но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ вмѣшиваться активно въ гражданскую войну въ краѣ, поддерживая возстаніе финскихъ коммунистовъ, снабжая обильно финскую красную гвардію и подкрѣпляя ее русскими отрядами.

Въ январѣ 18 года власть въ странѣ перешла въ руки социаль-демократовъ и возглавлялась финскимъ совѣтомъ комиссаровъ, который утвердился въ Гельсингфорсѣ; правительство съ «бѣлыми» войсками, предводительствуемыми ген. Маннергеймомъ, вынуждено было уйти на сѣверъ, гдѣ образовался новый центръ власти и борьбы — въ Вазѣ. Гражданская война шла съ большимъ ожесточеніемъ и переменными успѣхами, пока бѣлое финляндское правительство не обратилось за помощью къ Германіи.

Въ серединѣ марта германцы высадили въ Финляндіи дивизію ген. фонъ-деръ Гольца, который вмѣстѣ съ Маннергеймомъ къ серединѣ апрѣля очистилъ край отъ красногвардейцевъ, занявъ затѣмъ своими войсками всѣ важнѣйшіе стратегическіе пункты Финляндіи.

Ненависть финновъ къ русскимъ большевикамъ перешла ко всему, что носило русское имя. Гоненію подверглось все русское населеніе, не спытавшее ничего подобнаго въ дни финляндскаго коммунизма. Если финляндская пресса того времени отражала дѣйствительно народныя настроенія, то они дышали страстной, болѣзненной нетерпимостью ко всему, что напоминало о Россіи, даже къ «проклятымъ луковичамъ» — такъ называли финляндцы купола православныхъ храмовъ...

Быль ли это только угаръ революціоннаго похмѣлья или безудержное проявленіе заложеннаго прочно національнаго шовинизма?..

Нѣмецкое вліяніе въ странѣ окрѣпло до того, что 6 октября, наканунѣ паденія Германіи, финляндскій сеймъ высказался за монархію и за предложеніе престола Финляндіи Гессенскому принцу.

Цѣль оккупации края нѣмецкая главная квартира, помимо подчиненія его политическому и экономическому вліянію Германіи, видѣла въ возможности «двинуться на Петроградъ, когда это будетъ желательно, чтобы свергнуть большевицкую власть»; въ угрозѣ Мурманской жел. дорогѣ и въ воспрепятствованіи англичанамъ, продвигавшимся по ней, «утвердиться въ Петроградѣ»*. Германія черезъ Финляндію явно протягивала руку къ русскому незамерзающему порту на Ледовитомъ океанѣ, а въ то же время Совѣтъ комиссаровъ, обезпокоенный движеніемъ англичанъ, самъ просилъ германское правительство пропзвести нѣмецко-финскій десантъ на Мурманскомъ побережьи**...

* У Людендорфа.

** У Гельферха.

Просилъ интервенціи «империалистическихъ» войскъ Германіи и финляндской «бѣлой гвардіи»...

Финляндское правительство, возглавляемое и социаль-демократомъ Свинхувудомъ, и монархистомъ Маннергеймомъ, одинаково устремляло свои притязанія на Печенгу, Восточную Карелію, Аландскіе острова, позднѣе на Эстонію, угрожая Россіи окончательнымъ превращеніемъ Финскаго залива въ Финляндскій.

Міровое положеніе запутывалось въ такой степени, а интересы русскаго государства отмахивались съ такой легкостью, что нѣтъ три взаимно враждебныя группировки державъ непрерывно другъ передъ другомъ снѣжились съ признаніемъ независимости Финляндіи.

22 декабря состоялось признаніе со стороны совѣтовъ. Въ тотъ же день признала Финляндію Франція; черезъ два дня — Германія; 23 апрѣля — Англія, выразивъ при этомъ надежду, что Финляндія не станетъ возражать противъ рѣшенія мирной конференціи относительно ея границъ.

Этотъ разрывъ государственной связи Финляндіи съ ея метрополіей, хотя и предопредѣленный историческимъ ходомъ событій, но не обезпеченный стратегическими гарантіями, поставилъ передъ будущей Россіей рядъ вопросовъ капиталѣйшей важности: незащищенность побережья и Петрограда*; потеря свободного выхода въ Балтійское море черезъ Финскій заливъ и базы русскаго военнаго флота; угроза наиболѣе жизненнымъ русскимъ воднымъ артеріямъ** и единственному свободному выходу въ Ледовитый океанъ.

Прибалтійскій край былъ постѣдовательно оккупированъ нѣмецкой арміей; въ немъ введено было общее управленіе для Эстоніи, Лифляндіи и Курляндіи, соединенныхъ въ 18 году въ Балтійскій округъ. Управление военно-полевое, начиная отъ военнаго губернатора и кончая военнымъ комендантомъ.

«Самоопредѣленіе» народностей Прибалтійскаго края (эсты, латыши, нѣмцы и русскіе) и ихъ будущее въ значительной мѣрѣ предопредѣлялись общей политикой Германіи, которая, при наличіи серьезныхъ и подчасъ весьма острыхъ разногласій между правительствомъ, главнымъ командованіемъ, съ одной стороны, и парламентскими партіями — съ другой, сохраняла твердо свои основныя линіи:

Имперскій канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ говорилъ въ рейхстагѣ: «Германія никогда не вернетъ освобожденныхъ ею и ея союзниками народовъ между Балтійскимъ моремъ и Вольною господству реакціонной Россіи, будутъ ли это поляки, литовцы, балты или латыши»...

Ген. Людендорфъ «предусматривалъ соединеніе эстонцевъ и латышей — народовъ германской культуры — въ одно государство подъ прусской гегемоніей»...

«Курляндскій народный совѣтъ» 23 февраля представилъ императору Вильгельму петицію о принятіи имъ «короны Курляндіи», объ объединеніи всей Прибалтики въ одно государство и о присоединеніи его навсегда къ Германіи.

Сообразно съ такими взглядами, германское командованіе проводило въ краѣ яркую политику германизации во всѣхъ областяхъ — быта, школы, экономическихъ отношеній и т. д. Въ остальномъ отношеніи нѣмецкихъ властей къ русскимъ людямъ всѣхъ политическихъ толковъ, кромѣ униченныхъ въ германофобствѣ, было терпимое.

Объ общественныхъ настроеніяхъ того времени судить трудно, ибо общественная жизнь въ Прибалтиѣ подъ давленіемъ военнаго положенія и германской военной администраціи совершенно замерла.

Нѣтъ сомнѣнія, однако, что въ Прибалтійскомъ краѣ германофильскія симпатіи были совершенно чужды коренному населенію. Онѣ проявлялись неумѣренно и пылко лишь нѣмецкимъ элементомъ городовъ и, главнымъ образомъ, прибалтійскимъ дворянствомъ, пользовавшимся въ Россіи въ теченіе вѣковъ привилегированнымъ положеніемъ

* Кронштадтская крѣпость находится въ 15—20 верстахъ отъ финскаго побережья.

** Тихвинской и Маріинской системъ — со стороны Ладожскаго озера, западный берегъ котораго съ портами Кекегольмомъ и Сердоболемъ принадлежитъ теперь Финляндіи.

и благосклонностью династии. В органах немецкой печати и в воззваниях предводителей дворянства всех трех губерний прозвучали неожиданные мотивы: признание, что «с горячий симпатией и пламенным восторгом в продолжение четырех лет» оно «следило за успехами германского оружия и болело душой, что не имело возможности на деле доказать свой германизм»*... Радость, что «столь долго желанное отделение от России стало, наконец, действительностью»**... Призыв «пожертвовать самым дорогим — послать своих сыновей в германскую армию, чтобы они сражались вместе со своими освободителями»***...

Напротив, эсты и латыши относились к «освободителям» с глухой враждебностью, не только в силу исторического атавизма, но и по социальным побуждениям: не было сомнений, что Германия поддержит класс крупных помещиков и промышленников — по преимуществу немцев. Они тяготились иностранной опекой, но страх перед большевиками и ненависть к ним были еще сильнее, создавая благодарную почву для враждебных России влияний и национального шовинизма и побуждая их явно к признанию немецкого протектората, а тайно к борьбе за полную независимость.

Как бы то ни было, Прибалтийский край с его портами, связанными с внутренними областями страны рядом могучих ж. д. магистралей и привлекавшими более трети всего нашего внешнего товарообмена, был от России оторгнут, естественные, обороноспособные рубежи потеряны, флот обречен на упразднение и выход в Балтийское море закрыт.

Положение Литвы, оккупированной немцами еще с 1915 года, было совершенно таким же, как и Прибалтийского края, в смысле характера оккупации и общественных настроений. Новый привходящий элемент составляло разное обстоятельство, что, кроме естественного страха перед русской анархией, у литовских шовинистов зрели уже планы, подогреваемые германским командованием, относительно объединения Литвы в «этнографических пределах», в которые они включали и большую часть белорусских губерний... Другой отличительной чертой был состав верхнего слоя буржуазии в Литве — по преимуществу поляков. Это обстоятельство облегчало значительно привлечение литовского народа в орбиту германской политики. Племенная рознь, с одной стороны, и польские притязания, с другой, обнаружились уже с самого начала оживившей национальную чашню русской революции. Еще в мае 17 года польский центральный национальный комитет обратился к литовской «Тариб» (совету) с приветствием и пожеланием возобновить унию, в которой «народы Литвы — литовцы, поляки и белорусы получили бы гарантию национального, культурного и экономического развития». Литовский совет отказался высказаться в данный момент по возбужденному вопросу и заявил, что был бы «счастлив видеть эту гарантию и теперь — в прекращении деморализации и колонизации литовского народа в церкви и школах»...

Под влиянием общей военно-политической обстановки, Литва не избегла предначертанной ей участи: «Тариба» в начале февраля 18 г. определила будущий строй «независимого» государства и обратилась к протекторату Германии, а 29 апреля император Вильгельм рескриптом своим признал «независимое и свободное Литовское государство, союзное по собственной воле с Германией».

На литовский престол был приглашен немецкий принц.

В судьбе Западных областей России в период германской гегемонии на Востоке есть черты, совершенно сходные. Представительства народов, населяющих эти области, собранные случайно и в обстановке, не располагавшей ни к духовному равновесию,

* Ф. Деллинггаузен. (Эстлянд. дворянство).

** Ф. Эттингер. (Лифлянд. дворянство).

*** Бар. ф. Радз. (Курл. дворянство).

ни къ углубленному прозрѣнію, не были слѣдствіемъ исторически слагавшихся взаимоотношеній государствъ и племенъ. Мысли, чувства и рѣшенія вождей явились производной весьма реальныхъ, но временныхъ, преходящихъ причинъ:

1) Наличія на территоріи ихъ единственной дѣеспособной силы, давищей на ихъ волю, но обезпечивавшей временно ихъ существованіе.

2) Страхъ передъ русской анархіей.

Не осталась, конечно, безъ вліянія и память о русской политикѣ, слишкомъ мало считавшейся съ культурно-національными стремленіями народностей, населявшихъ имперію.

Едва ли не съ наибольшей терпимостью и даже признаніемъ отнеслась Россія къ отдѣленію русской Польши. Судьба ея въ первой половинѣ 18 г., благодаря рѣзкимъ противорѣчіямъ во взглядахъ берлинскаго и вѣнскаго правительствъ, оставалась неопредѣленной, границы не установлены, и вся территорія оккупирована нѣмцами. Хотя независимость свою Польша получила не только изъ рукъ Временнаго Правительства, но и двухъ императоровъ (германскаго и австрійскаго), по отношенію ея къ центральнымъ державамъ оставалось чрезвычайно сдержаннымъ. И въ русскомъ общественномъ мнѣніи слагалось все болѣе прочное убѣжденіе, что въ новомъ государственномъ образованіи оно найдетъ дружественное отношеніе и откликъ въ своемъ національномъ несчастьи.

Отказъ польскихъ корнусовъ, созданныхъ Россіей, оказать ей помощь противъ большевиковъ и подчиненіе затѣмъ этихъ войскъ Регентскимъ совѣтомъ главнокомандующему германскимъ восточнымъ фронтомъ вызвали у насъ нѣкоторое смущеніе.

Другой эпизодъ, относящійся къ тому же періоду, служилъ еще болѣе плохимъ предзнаменованіемъ для будущаго... Когда по договору центральныхъ державъ съ Украиною къ послѣдней отошла Холмская Русь*, это обстоятельство вызвало въ Польшѣ «взрывъ негодованія». Регентскій совѣтъ обратился къ народу съ манифестомъ на тему о «новомъ раздѣлѣ», а польское общество и вся пресса разразились шовинистическими выпадами не только противъ договаривавшихся сторонъ, но и противъ... Россіи.

Замѣчательно, что державы согласія тотчасъ же послѣ заключенія германо-украинскаго договора особымъ актомъ вступились за «попранныя» права Польши, и лордъ Бальфуръ обратился къ члену польскаго національнаго комитета въ Лондонѣ съ торжественнымъ заявленіемъ о непризнаніи имъ отторженія Холмщины.

До лѣта 1919 года командованіе Добровольческой арміи** съ польскимъ правительствомъ никакой связи не имѣло. Въ концѣ мая 1918 года въ штабъ арміи пріѣхали изъ Кіева полковникъ Зелинскій, въ качествѣ представителя негласной организаціи, образовавшейся изъ состава польскихъ корнусовъ***, разгромленныхъ и распушенныхъ нѣмцами. Впослѣдствіи полномочія его были подтверждены «главнымъ комитетомъ польскихъ войскъ на Востокѣ», подчиненнымъ Парижекому «Верховному національному комитету».

Въ результатъ переговоровъ о созданіи при Добровольческой арміи польскихъ частей, появилась подписанная ген. Алексѣевымъ и мною 30 мая декларація, которая, послѣ опредѣленія цѣлей арміи, заключала слѣдующія положенія:

«III. Добровольческая армія широко раскрываетъ двери для польской регулярной арміи, обезпечивая ей... независимую организацію на началахъ союзныхъ войскъ, но съ полнымъ подчиненіемъ командованію Добровольческой арміи въ оперативномъ отношеніи.

IV. ...Польскія войска во время пребыванія въ Добровольческой арміи должны принимать безпрекословное участіе въ выполненіи необходимыхъ операцій противъ большевиковъ.

* Холмская губернія находилась въ 15 г. въ военномъ управленіи Австро-Венгріи, а въ 16 г. присоединена была центральными державами къ царству польскому.

** Потомъ — Вооруженныхъ силъ Юга Россіи.

*** Были ранѣе въ составѣ русской арміи.

VI. Съ союзниками должно быть заключено соглашеніе относительно доставки для польскихъ войскъ вооруженія, патроновъ, артиллеріи и всего боевого снаряженія.

Съ своей стороны Добровольческая армія будетъ братски дѣлиться тѣми запасами вооруженія и матеріальной части, которая она будетъ захватывать въ своихъ боевыхъ столкновенияхъ съ большевиками и внѣшнимъ врагомъ».

До конца 18 года средствами Добровольческой арміи удалось сформировать польскую бригаду изъ трехъ родовъ оружія, часть которой подъ начальствомъ подполковника Малаховскаго приняла кратковременное, но видное участіе въ бояхъ на Ставропольскомъ направленіи. Когда же въ декабрѣ въ водахъ Чернаго моря появились союзники, я отправилъ польскую бригаду со всею ея матеріальной частью на русскомъ пароходѣ въ Одессу, откуда она двинулась на родину.

*

Отъ Нарвы по линіи Псковъ—Орша—Рогачевъ—Клинцы стояли передовыя германскія части, занимая желѣзно-дорожные узлы и прикрывая оккупированный районъ — большую часть Псковской губерніи и всю Бѣлоруссію. Эта обширная территорія не входила въ захватные планы нѣмцевъ и занималась ими исключительно съ цѣлью эксплуатаціи средствъ ея. Конечный срокъ оккупации опредѣлялся установленіемъ границъ Эстляндіи и Лифляндіи и уплатой совѣтскимъ правительствомъ опредѣленной мирнымъ договоромъ контрибуціи.

Въ соотвѣтствіи, однако, съ платажными средствами Москвы, легальный титулъ оккупации былъ обезпеченъ по крайней мѣрѣ до конца войны.

Очистивъ край отъ большевицкихъ бандъ и возстановивъ въ немъ внѣшній порядокъ и безопасность, нѣмцы подчинили его всецѣло военному управленію, наводнивъ его своей администраціей, персоналъ которой стоялъ зачастую на очень низкомъ нравственномъ уровнѣ. Но ни это обстоятельство, ни хищническая эксплуатація и безъ того разореннаго края не вызывали сколько нибудь серьезнаго противодѣйствія. Въ краѣ, въ особенности въ восточной части его, слишкомъ еще свѣжи были воспоминанія о нѣсколькихъ мѣсяцахъ большевицкаго режима и слишкомъ остро чувствовался страхъ передъ вторичнымъ нашествіемъ «красныхъ».

Въ краѣ существовали «комитеты объединенныхъ общественныхъ организацій» и бѣлорусскія національныя учрежденія; хотя тенденціи ихъ были явно германофильскими, но никакой роли въ мѣстной жизни имъ сыграть не удалось за отсутствіемъ серьезной поддержки у нѣмцевъ и авторитета среди населенія.

Еще въ декабрѣ 17 года въ г. Минскѣ состоялся «Всебѣлорусскій краевой съѣздъ», состоявшій преимущественно изъ солдатчины Западнаго фронта. Съѣздъ былъ разогнанъ большевиками въ первый же день, успѣвъ избрать изъ своей среды «Раду Бѣлорусской народной республики». Рада бѣжала за линію фронта и вернулась въ Минскъ въ февралѣ вмѣстѣ съ нѣмцами, пополнивъ затѣмъ свой составъ буржуазнымъ элементомъ.

Бѣлорусскій націонализмъ въ ряду другихъ принялъ особенно оригинальныя формы — конечно, только въ интеллигентскихъ кругахъ, не имѣвшихъ никакихъ корней въ народѣ и обратившихъ націонализмъ въ средство политики, а иногда и... личнаго существованія. Наряду съ Минской появилось много другихъ самостоятельныхъ «радъ», въ томъ числѣ въ Витебскѣ, Могилевѣ, Гомелѣ, Гродно, Ковно, Смоленскѣ, даже въ Москвѣ и Петроградѣ. Всѣ онѣ подымали споръ о своей «всенародности» и первенствѣ; одни поддерживали идею единства Россіи, другія требовали независимости; одни «ориентировались» на большевиковъ, другія на нѣмцевъ, поляковъ или литовцевъ; издавали воззванія, остававшіяся безъ отклика, и выносили резолюціи, не находившія исполнителей.

Минская рада, обладавшая нѣкоторыми средствами, посылала, кромѣ того, делегаціи въ политическіе центры, въ томъ числѣ въ Берлинъ, Кіевъ и на Югъ. «Чрезвычайный посланникъ» г. Тремповичъ прибылъ въ августѣ на Донъ «для завязыванія дружественныхъ сношеній съ государствами, входящими въ составъ Юго-восточнаго союза (?)», и представилъ ген. Алексѣеву «меморандумъ». Въ немъ высокимъ слогомъ

опредѣлялись историческія права «Бѣлорусской народной республики», указывалось на «трудности внутренняго положенія молодого государства», обусловленные разореніемъ его, отсутствіемъ средствъ и реальной силы и «антиправительственной агитаціей»... Тремповичъ просилъ «моральной, а при возможности, иной помощи и поддержки»*.

Въ противоположность политикѣ нѣмецкой главной квартиры въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ національныя части были расцучены**, въ этой оккупационной зонѣ нѣмцы допускали русскія противобольшевизскія формированія для защиты края послѣ ихъ ухода. Въ Ригѣ, Ревелѣ и другихъ пунктахъ открылись вербовочныя бюро въ «Сѣверную армію», какое названіе приняла къ осени псковская организація. Образовался и штабъ арміи, возглавляемый ген. Вандамомъ (Едрикшиъ), въ составъ котораго вошли и нѣмецкіе офицеры. Нѣмцы обѣщали выдать на формирование арміи 150 милл. марокъ, вооруженіе и снаряженіе на коршусъ...

Но шаги нѣмцевъ въ этомъ направленіи были неискренни. Недовѣріе и опасеніе побуждали ихъ оттягивать формированія и создавать имъ практическія затрудненія. Денегъ было отпущено въ дѣйствительности не болѣе 3 милл., оружія и орудій ограниченное количество, притомъ въ большинствѣ бракъ. Съ другой стороны политикачество русской общественности и инертность населенія лишали эти начинанія русскіхъ средствъ и опоры; отсутствіе популярныхъ и авторитетныхъ военныхъ вождей — увѣренности и духовнаго подъема. Поэтому попытки формированія вооруженной силы въ Бѣлоруссіи ген. Кондратовичемъ и другими, въ Псковской губерніи «Сѣверной арміи», не привели къ сколько-нибудь серьезнымъ результатамъ.

* Докладъ отъ 30 августа № 92.

** Начали формироваться вновь передъ уходомъ нѣмцевъ.

ГЛАВА IV.

Бессарабія.

Бессарабія была порабощена румынами*.

Если въ русской политикѣ центральныхъ державъ преобладало право силы, политическая безпринципность и полное отсутствіе историческаго предвидѣнія, то Румынія углубила всѣ эти элементы до... пошлости, набросившей густой покровъ на тронъ, правителей и генераловъ, и вызвавъ на долгіе, долгіе годы чувство острой вражды въ русскомъ народѣ.

Земледѣльческій край по преимуществу, богатый и плодородный, имѣвшій въ составѣ своего населенія весьма незначительный контингентъ пролетаріата — Бессарабія въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ революціи не была вовлечена въ анархію. Только къ концу 17 года, послѣ паденія румынскаго фронта, когда волна солдатскихъ массъ прокатилась по губерніи, оставляя за собою слѣды разрушенія, начались повсюду аграрные безпорядки. Они подогревались намѣренно румынскимъ правительствомъ, заинтересованнымъ въ созданіи обстановки, оправдывающей оккупацию... Проводниками его политики были тайные агенты, наводнившіе край**, «группа сознательныхъ молдаванъ», пользовавшаяся широкимъ матеріальной помощью изъ Яссы, и «Сфатуль-Церій» — молдавскій «краевой совѣтъ», фактически зависимый отъ румынской власти. Наконецъ — даже делегаты Временнаго правительства, по роковому недоразумѣнію... «имѣвшіе въ то же время особую тайную миссію отъ румынскихъ представителей въ Петроградѣ»...

Организація краевой власти создавалась въ порядкѣ, совершенно исключительномъ. Въ концѣ октября мѣстный революціонный комитетъ, именовавшій себя «военно-молдавскимъ исполнительнымъ комитетомъ совѣта солдатскихъ, офицерскихъ и матросскихъ депутатовъ», созвалъ въ Кишиневѣ «Первый Всероссийскій Молдавскій Военный конгрессъ» изъ депутатовъ — въ совершенно произвольномъ числѣ и пропорціи — отъ войсковыхъ и тыловыхъ частей русской арміи и мѣстныхъ дезертировъ. Этотъ «конгрессъ», совершенно непителлигентный по составу и большевистскій по настроенію, избралъ «парламентъ» — Сфатуль-Церій, въ которомъ 44 мѣста предоставилъ своимъ членамъ, 30 крестьянамъ-молдаванамъ, 10 — представителямъ молдавскихъ партій и 36 — «національнымъ меньшинствамъ», въ томъ числѣ и... русскому***. Позднѣе было прибавлено еще 42 мѣста образовавшимся явочнымъ порядкомъ молдавскимъ организаціямъ.

Съ ноября началась борьба за власть между Сфатуль-Церіемъ и сохранившими еще свое бытіе прежними органами — Временнаго правительства, земскими и городскими. Дѣятельность Сфатуль-Церія, направляемая немногочисленной «группой сознательныхъ молдаванъ», во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, даже въ радикальныхъ, большевистскаго характера мѣропріятіяхъ, имѣла основною своею цѣлью подготовку

* Событія въ Бессарабіи описаны главнымъ образомъ по матеріаламъ «Одесскаго комитета спасенія Бессарабіи».

** Напримѣръ Катареу, русскій дезертиръ, членъ румынской охраны, назначенный «Сфатуль-Церіемъ» (см. ниже) начальникомъ Кишиневскаго гарнизона.

*** По статистическимъ даннымъ молдаване составляютъ 47,58% населенія губерніи.

румынской оккупации. Этот факт был настолько очевидным, что вызвал резкое негодование против Сфатуль-Церия в бессарабском населении. Выразалось оно, однако, как и везде в России по отношению к случайным захватчикам власти, в формах далеко не активных: демократическія городскія думы и земскія собранія составляли резолюціи протеста; политическія партіи «воздерживались» отъ участія въ Сфатуль-Церіи; отдѣльные представители ихъ, вошедшіе въ составъ «парламента» отъ «національныхъ меньшинствъ», говорили тамъ горячія, патріотическія, но безрезультатныя рѣчи; города игнорировали новую власть; деревня признавала ее лишь въ части, относящейся къ санкціонированію захватовъ и разгрома помѣщичьихъ усадебъ.

Здѣсь, въ Бессарабіи, приобщенной всецѣло къ русской культурѣ, новиннистическо-національное движеніе имѣло еще менѣе почвы, чѣмъ на Украинѣ. И хотя Сфатуль-Церій и говорилъ устами поставленнаго имъ молдавскаго премьера, Чегуряна, что «империалистическое правительство сдѣлало все, чтобы задушить національное самосознаніе»... что «въ теченіе прошедшихъ 106 лѣтъ рабства намъ было запрещено все. Намъ было запрещено обнимать своихъ зарубежныхъ братьевъ и слушать призывъ нашей общей матери — Румыніи»... Но народъ и общественность были глухи къ этимъ жалобамъ. Даже въ нѣдрахъ Сфатуль-Церія онѣ звучали фальшиво, вызывая чувство неловкости, и предназначались главнымъ образомъ для экспорта за Прутъ и оплаты проявленныхъ чувствъ и усердія.

Составленный съ вопіющимъ нарушеніемъ какихъ либо нормъ, даже «революціоннаго права», малокультурный по своему составу и не отражавшій ни въ малѣйшей степени воли бессарабскаго населенія Сфатуль-Церій держался однако 13 мѣсяцевъ — пассивностью бессарабской общественности, апатіей народа, румынскимъ золотомъ, потомъ румынскимъ оружіемъ.

Въ началѣ 18 года Сфатуль-Церій, самъ поддерживавшій въ краѣ безпорядки своими демагогическими выступленіями, обратился уже официально къ румынскому правительству съ просьбой о присылкѣ войскъ для ихъ подавленія. П 13 января корпуса ген. Броштіану вступили въ Кишиневъ, безъ труда отбросивъ затѣмъ за Днѣстръ малочисленные молдавскіе отряды, оказавшіе сопротивление.

Цѣль появленія румынскихъ войскъ въ Бессарабіи въ приказѣ начальника генеральнаго штаба ген. Презана объяснилась исключительно поддержаніемъ въ краѣ порядка.

Достоинo удивленія то единодушіе, съ которымъ отнеслись къ факту оккупации края и къ интересамъ России ея представители, враги и союзники:

Штабъ Людендорфа, въ числѣ основаній будущаго мирнаго договора, еще въ концѣ декабря 17 года предлагалъ румынскому правительству занятіе Бессарабіи, а позднѣе для ея оккупации предоставить Румыніи право сохранить въ боевомъ составѣ нѣсколько дивизій.

Французскій посланникъ гр. Сентъ-Олеръ, отъ имени представителей всѣхъ союзныхъ державъ, оправдывалъ румынскую интервенцію и особымъ воззваніемъ успокаивалъ населеніе Бессарабіи, что приходъ румынскихъ войскъ не можетъ имѣть никакого вліянія на ея судьбу.

Бывшій главнокомандующій Румынскимъ фронтомъ ген. Щербачевъ давалъ моральное оправданіе интервенціи, продолжая дружественное сотрудничество съ ген. Презаномъ по подготовкѣ мобилизации румынскихъ дивизій. Считая, повидимому, что событія въ Бессарабіи являются лишь слѣдствіемъ политики Маргеломана*, онъ принялъ участіе въ тайной подготовкѣ политическаго переворота совместно съ представителями союзниковъ, оставшимися въ Яссахъ, и съ румынскимъ королемъ. Предполагалось, что послѣ образованія Восточнаго фронта, Румынія смѣнитъ свое германофильское правительство Маргеломана, порветъ договоръ съ центральными державами и ударитъ въ тылъ украинской группѣ ген. Гирхбаха. Въ дальнѣйшемъ ген. Щербачеву рисовались перспективы русско-румынскаго альянса и движеніе вновь соединенныхъ армій** противъ общаго врага. Кишиневскій плацдармъ былъ, очевидно, очень удобнымъ

* Румынскій премьеръ.

** Румынской и русской поваго формированіи

для этой цѣли, а дислокація вражескихъ силъ какъ нельзя болѣе благопріятствовала успѣху: въ Валахіи было всего лишь 3 нѣм. и 3 австр. дивизіи, а въ Бессарабіи и Молдавіи — только нѣмецкія реквизиціонныя комиссіи.

Ген. Щербачевъ сообщалъ намъ, что приметъ командованіе объединенной арміей лишь «при условіи, что ген. Алексѣевъ выразитъ на это свое принципиальное согласіе, причемъ въ этомъ случаѣ (онъ) будетъ считать себя подчиненнымъ ген. Алексѣеву, какъ Верховному главнокомандующему»*...

Тщетныя надежды!

Пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ, политическія карты перетасуются вновь. Согласіе побѣдитъ, мѣсто Маргеломана займетъ Братіано, румынская политика въ третій разъ перемѣнитъ свое лицо, но судьбы Бессарабіи останутся неизмѣнными. Тяжкій гнетъ румынизации будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ явственнѣе станетъ надвигающаяся изъ-за Днѣстра опасность. И теперь уже она нервируетъ румынскихъ государственныхъ людей и не даетъ имъ мечтать спокойно о великодержавности своей страны...

Тревога ихъ не напрасна.

Событія въ Бессарабіи шли между тѣмъ быстро и планомерно. Прежде всего военныя власти разстрѣляли рядъ лицъ изъ состава Сфатуль-Церія и виѣ его — «красныхъ» и «бѣлыхъ», но одинаково отрицательно относившихся къ румынамъ. «Парламентъ» сбросилъ съ себя немедленно всякій налетъ радикализма и уже открыто сталъ послушнымъ орудіемъ румынской власти. Затѣмъ составъ его былъ пополненъ членами отъ крестьянскаго сѣзда, избранными при подобающей обстановкѣ: «ввода войскъ въ зданіе засѣданій сѣзда, арестовъ его членовъ, а затѣмъ и разстрѣла нѣкоторыхъ изъ нихъ безъ суда, въ томъ числѣ председателя и двухъ товарищей председателя». Послѣ принятія этихъ рѣшительныхъ мѣръ сѣздъ разбѣжался, а Сфатуль-Церій, актомъ отъ 24 января, объявилъ о независимости Молдавской народной республики.

«Республика» просуществовала два мѣсяца и три дня. За это время практика румынскаго командованія послѣ новыхъ казней, арестовъ и бѣгства преслѣдуемыхъ за Днѣстръ увѣнчалась еще большими достиженіями. Въ Сфатуль-Церіи, въ присутствіи г. Маргеломана и румынскихъ властей, въ зданіи, окруженномъ войсками, былъ поставленъ на открытое поименное голосованіе вопросъ о присоединеніи Бессарабіи къ «Родины-матери». Только 3 человека имѣли мужество голосовать противъ и 36 воздержались. И актомъ 27 марта Бессарабія была присоединена къ Румынскому королевству, на автономныхъ правахъ.

Началось приобщеніе края къ чуждой ему государственности, вопреки подтвержденной королевскимъ манифестомъ автономіи — пріемами, соответствовавшими низкой культурѣ страны-поработительницы и правамъ народа, не вышедшаго еще духовно изъ традицій, относящихся ко времени турецкаго владычества.

Бессарабская церковь отторгнута отъ Всероссийской, іерархи изгнаны, въ числѣ богослуженія повсюду введенъ румынскій языкъ.

Въ учрежденіяхъ государственныхъ всѣ служащіе замѣнены румынами и выброшены на улицу.

Земско-городскія учрежденія упразднены.

Русское право и русскій судъ замѣнены румынскимъ правомъ и судомъ, на который возложено «кромѣ отправленія правосудія еще и пробужденіе національнаго чувства, которое должно воодушевлять впредь новыхъ румынскихъ гражданъ по лѣвую сторону Прута»**...

Низшая школа и два класса средней подверглись немедленной и полной румынизации***, прочіе — поспѣдовательно.

Но наиболѣе тягостнымъ былъ тотъ моральный гнетъ, которому подвергали населеніе Бессарабіи продажная администрація и темная, грубая какъ шугдѣ, военная сила,

* Докладъ командированнаго въ Яссы полк. Крейтера отъ 18 сент. и письмо ген. Щербачева отъ 4 ноября 18 года.

** Репортъ королю министра юстиціи Митилеу.

*** Любопытно, что анкета, произведенная въ концѣ 17 года среди родителей учащихся въ Кишиневѣ, дала 91,9% за русскій языкъ.

явившаяся всевластным распорядителем жизни и имущества бессарабцев, въ особенности въ глухих мѣстечках и деревнях. Осадное положеніе — какъ право; непо-мѣрная реквизиція и безпощадное обложеніе — какъ экономическая система; грабежъ — какъ обычай; публичная порка мужчинъ и женщинъ — какъ возмездіе за протестъ. «Записка комитета освобожденія Бессарабіи» приводитъ рядъ документально подтвер-жденныхъ эпизодовъ самоуправства старшихъ румынскихъ офицеровъ — эпизодовъ, пере-носящихъ насъ къ началу XVI вѣка. Мы узнаемъ изъ нея о комендантѣ м. Единцы, ко-торый сгонялъ народъ и заставлялъ кланяться своей шапкѣ, повѣшенной на шесть... О ген. Штербеско, начальникѣ Наманьскаго гарнизона, требовавшемъ, «чтобы всѣ должностныя лица частныхъ и общественныхъ учреждений (русскихъ) не выходили изъ дому, чтобы жители, гуляя по улицѣ въ числѣ не болѣе трехъ, шидѣ не останавливались, чтобы въ гостиницахъ не находилось въ одномъ помѣщеніи болѣе двухъ лицъ одно-временно, чтобы богослуженія въ церквахъ не начинались до прибытія туда жандарм-скихъ чиновъ» и т. д., и т. д.

Дѣятельность румынской власти и ея передаточной инстанціи Сфатуль-Церія вы-звала возмущеніе рѣзительно во всѣхъ слояхъ населенія, независимо отъ національ-ности и «оріентаціи». Оно проявлялось рѣзкими протестами организованной обществен-ности, городовъ, земствъ, волненіями въ деревнѣ, бойкотомъ румынскаго суда и школы. Болѣе активныя проявленія народнаго неудовольствія смолкали, однако, передъ аргу-ментацией румынскихъ штыковъ и пулеметовъ. Единственной организаціей, обраща-вшейся добровольно съ почтительнѣйшими увѣреніями въ своей лояльности къ румын-скому правительству, былъ... «Союзъ земельныхъ собственниковъ». Эта «интернаціо-нальная» организація выражала одинаковую готовность служить нѣмцамъ на Украинѣ, австрійцамъ въ Новороссіи и румынамъ въ Бессарабіи; американскому* и англійскому** капиталамъ — лишь бы сохранить свои земли.

Создавшееся тогда въ Бессарабіи положеніе можно охарактеризовать словами виднаго члена Сфатуль-Церія, румынофила Александри: «по всей странѣ стонъ стоитъ отъ края и до края: беззаконія, издѣвательства, глумленіе такое, какихъ не было, быть можетъ, отъ вѣка. Времена царскаго абсолютизма кажутся чуть ли не раемъ».

Подготовляя такими путями почву, румынское правительство въ концѣ ноября спѣшно созвало на очередную сессію Сфатуль-Церіи, и въ засѣданіи его 27-го числа, въ присутствіи 46 депутатовъ (изъ 162), безъ преній и голосованія, криками одобренія про-вело постановленіе «отъ имени бессарабскаго населенія» объ отказѣ Бессарабіи отъ своихъ автономныхъ правъ...

На другой же день, послѣ принятія постановленія королевскимъ указомъ «Сфатуль-Церіи» былъ упраздненъ.

Изданный велѣдъ за тѣмъ специально для Бессарабіи радикальный аграрный за-конъ, имѣвшій главною цѣлью отобраніе земель въ общерумынскій государственный фондъ, устанавливалъ, между прочимъ, полное отчужденіе земли у «иностранно-под-данныхъ», т. е. у тѣхъ русскихъ и молдаванъ, которые отказались бы принести присягу на вѣрность новому отечеству...

По поводу финальнаго засѣданія бессарабскаго «парламента» «Записка» приво-дитъ одинъ небезынтересный эпизодъ: генеральный комиссаръ Бессарабіи, ген. Вой-тояну во время бесѣды съ крестьянской фракціей «Сфатуль-Церія», почти въ пол-номъ составѣ протестовавшей противъ акта 27 ноября, далъ поразительно беззащитное объясненіе своимъ дѣйствіямъ***: «румынскому правительству было не-обходимо получить этотъ актъ, по совѣту дружественной Франціи, какъ дока-зательство расположенія къ Румыніи всего населенія»...

Противъ насильственнаго захвата румынами Бессарабіи изъ всѣхъ государствъ міра протестовала только... Украинская держава.

* Проектъ Бискупскаго о массовой закупкѣ американскими банками земель Украины и Ново-россіи, затѣмъ парцеляція и перепродажа землевладѣльцамъ (Одесса).

** Аналогичный проектъ южно-русск. земельныхъ собственниковъ (Екатеринополь).

*** Разговоръ былъ тогда же запротоколенъ.

ГЛАВА V.

Украина.

Украина была порабощена немцами.

Ген. Гофманъ, начальникъ штаба Восточнаго фронта и участникъ мирной конференціи, впоследствии, въ 19 г. говоритъ*: «въ действительности Украина — это дѣло моихъ рукъ, а вовсе не плодъ сознательной воли русскаго народа. Я создалъ Украину для того, чтобы имѣть возможность заключить миръ хотя бы съ частью Россіи»...

Эта самоуверенность немецкаго генерала, не углублявшагося въ сложную сущность украинской проблемы, находилась, однако, въ полномъ соответствіи съ военно-политическимъ положеніемъ. Германское правительство успѣшно признало самостоятельность Украины и полномочность Рады, правительства Голубовича и посольства на конференціи никому невѣдомыхъ г. г. Севрюка, Любинскаго и Левницкаго, имѣвшихъ по существу такой же легальный титулъ, какъ Совѣтъ комиссаровъ и его делегаты г. г. Иоффе, Бронштейнъ и Бриллиантъ.

Вспомнимъ, что и правительства союзниковъ до «Брестъ-Литовска» готовы были признать фактически совѣтскую власть, и Нулансъ отъ имени союзниковъ предлагать Троцкому матеріальную помощь... для борьбы противъ немцевъ. По тѣмъ же соображеніямъ признали «украинскую республику» Франція** 5 декабря 17 г., и Англія въ началѣ 18 г. «Представитель Великобританіи на Украинѣ» Пиктонъ Багге заявилъ, что его правительство «будетъ поддерживать всѣми силами Украинское правительство въ стремленіяхъ къ творческой работѣ, къ поддержанію порядка и войнѣ съ центральными державами — врагами демократіи и человѣчества»...

Правительства центральныхъ державъ подписали мирный договоръ съ Украиной 26 января — въ то время, когда почти вся Украина и стольный городъ Кіевъ были во власти большевиковъ. По просьбѣ бѣжавшаго въ Житомиръ правительства Голубовича немцы двинули корпуса ген. Эйхгорна на Украину и почти безъ всякаго сопротивленія (дрались только чехо-словаки), совместно съ австрійскими войсками ген. Бельца въ теченіе двухъ мѣсяцевъ заняли весь нашъ Юго-Западъ и Новороссію***. «Надо было подавить большевизмъ на Украинѣ, — пишетъ Людендорфъ, — проникнуть глубоко въ страну и создать тамъ положеніе, которое доставляло бы намъ военныя преимущества и позволило бы черпать оттуда хлѣбъ и сырье».

Границы новообразованія были опредѣлены въ договорѣ лишь на западѣ — линіей Бѣлгорай—Красноставъ—Межпрѣчье—Сарнаки. Но бурный протестъ поляковъ и давленіе австрійцевъ заставили мирную конференцію «разъяснить» и этотъ пунктъ, предоставивъ разграничительной комиссіи право «провести границу, принимая во вниманіе этнографическія отношенія и пожеланія населенія... на востокъ отъ этой линіи». На востокѣ границы устанавливались впоследствии теоретически-безконечными, подчасъ

* «Daily Mail».

** «Генеральный комиссаръ французской республ.», ген. Табун.

*** Кіевъ занятъ немцами 16 февр., Харьковъ — 23 марта, Ростовъ — 25 апр., Одесса занята австрійцами 27 февр.

весьма курьезными переговорами Шелухина съ Раковскимъ и соглашеніемъ гетмана съ Донецкимъ атаманомъ. Фактически — линіей расположенія германскихъ аванпостовъ, не считавшейся ни съ этнографическими, ни съ историческими признаками, а захватывавшей важнѣйшіе жельзно-дорожные узлы. Эта линія проходила черезъ Клишцы—Стародубъ—Рыльскъ—Бѣлгородъ—Вадуйки—Миллерово.

Мирный договоръ и дополнительные соглашенія накладывали тяжкое экономическое бремя на Украину. До 31 іюня Рада обязалась доставить австро-германцамъ огромныя количества хлѣба и другихъ продовольственныхъ припасовъ, сырья, лѣса и проч.* Взамѣнъ за эти предметы вывоза, оцѣниваемые по низкимъ ставкамъ и низкому валютному курсу, германцы обязались доставить на Украину «предположительно», «по мѣрѣ возможности» по очень высокимъ тарифамъ фабрикаты своей промышленности. Въ основу всей своей экономической политики Германія поставила: для настоящаго — извлеченіе изъ Украины возможно большаго количества сырья, для чего быть затрудненъ или вовсе запрещенъ товарообмѣнъ ея съ сосѣдями, даже съ оккупированной нѣмцами Бѣлоруссіей; для будущаго — захватъ украинскаго рынка и торговли, овладѣніе или подрывъ украинской промышленности и искусственное созданіе сильной задолженности Украины.

Осуществленіе этихъ цѣлей требовало установленія хотя бы элементарнаго порядка въ краѣ и законопослушности населенія. Между тѣмъ, Рада и правительство Голубовича съ этой задачей справиться не могли.

Неполноцѣпность и неподготовленность украинскаго правительства, его полная зависимость отъ нѣмцевъ, дикія и обидныя формы украинизаціи, отталкивавшія однихъ и не удовлетворявшія другихъ, — возмущали противъ власти большевѣцкое и противобольшевѣцкое населеніе городовъ, настроеніе которыхъ сдерживалось присутствіемъ австро-германскихъ гарнизоновъ. Полубольшевѣцкіе лозунги универсаловъ и провозглашеніе социализаціи земли подняли анархію въ деревнѣ, до тѣхъ поръ сравнительно спокойной. Требованіе разоруженія и приемы, употреблявшіеся для выкачиванія хлѣба изъ деревни, усиливали волненія. Вмѣстельство фельдмаршала Эйхгорна, объявившаго въ приказѣ, что урожай принадлежитъ тому — помѣщику или крестьянину — кто засѣетъ поля, вызвало только озлобленіе и въ Радѣ, и въ крестьянствѣ. Все это грозило прервать сообщенія въ краѣ и возможность его эксплуатаціи нѣмцами.

И потому нѣмецкая власть рѣшила устранить Раду.

*

5 апрѣля быть заключенъ договоръ между фельдмаршаломъ Эйхгорномъ и бар. Муммомъ, съ одной стороны, и ген. Скоропадскимъ, съ другой — о направленіи будущей украинской политики**.

10 апрѣля австро-германцы спѣшно закончили и подписали «хозяйственное соглашеніе съ Украинской народной республикой», чтобы одіумъ его легъ на Раду, не на гетмана. 13-го фельдмаршалъ Эйхгорнъ ввелъ военное положеніе, съ примѣненіемъ германской полевой юстиціи, а 16-го при обстановкѣ почти анекдотической нѣмцы разогнали Раду и поставили гетманомъ всея Украины генерала Скоропадскаго.

«Народъ безмолвствовать».

Освѣдомленная въ кievскихъ дѣлахъ организація Шульгина сообщала намъ на Югѣ текстъ телеграммы императора Вильгельма отъ 13 апрѣля къ фельдмаршалу Эйхгорну: «Передайте генералу Скоропадскому, что я согласенъ на избраніе гетмана, если гетманъ дастъ обязательство неуклонно исполнять наши совѣты»***...

Знакомые мотивы. Въ 1708 году одинъ изъ предшественниковъ гетмана Иванъ Мазепа писалъ Стародубскому полковнику Скоропадскому: «съ согласія всей старшины мы

* 60 милл. пудовъ хлѣба, 2¼ милл. пуд. живого вѣса скота, 37½ милл. пуд. жел. руды, 400 милл. яицъ и т. д.

** Довесеніе украинскаго посла бар. Штейнгеля отъ 7 (20) іюня изъ Берлина министру иностр. дѣлъ Украины. См. ниже.

*** Сообщеніе отъ 25 апрѣля.

Гетманъ Скоропадскій у императора Вильгельма.
(Изъ журнала нѣм. и пропаганды "Око")

рѣшили отдаться въ протекцію шведскаго короля въ надеждѣ, что онъ оборонитъ насъ отъ московскаго тиранскаго ига и не только возвратитъ намъ права нашей вольности, но еще умножитъ и расширитъ; въ этомъ его величество увѣрилъ насъ своимъ неотмѣннымъ словомъ и данной на письмѣ ассекুরаціей». Подковникъ Скоропадскій не послушался тогда «прелестныхъ увѣщаній» Мазепы, поѣхалъ въ станъ московскаго боярина Долгорукова и самъ получилъ гетманскую булаву.

Положеніе измѣнилось лишь внѣшне: водворился извѣстный порядокъ, по крайней мѣрѣ въ городахъ, безопасность передвиженія и даже видимый экономическій подъемъ, въ сущности лишь прикрывшій спекулятивную горячку. Впрочемъ, ненадолго — основа этого благополучія имѣла нездоровыя предпосылки.

Зависимость Украины и полная подчиненность ея германской общед и экономической политикѣ при гетманѣ не только не ослабли, но даже возросли. Національный повинизмъ и украинизація легли въ основу программы и гетманскаго правительства. Самъ гетманъ въ официальныхъ выступленіяхъ торжественно провозглашалъ самостоятельность Украины на вѣчныя времена и поносилъ Россію, «подъ игомъ которой Украина стонала въ теченіе двухъ вѣковъ»... Кадетское министерство не отставало въ шовинистическихъ заявленіяхъ и въ прямыхъ дѣйствіяхъ: министръ внутр. дѣлъ Книсяковский вводилъ законъ объ украинскомъ подданствѣ и присягѣ; министръ нар. просвѣщенія Василенко приступилъ къ массовому закрытію и насильственной украинизаціи учебныхъ заведеній; министръ исповѣданій Збѣнковский готовилъ автокефалію украинской церкви... Все вмѣстѣ въ формахъ нелѣпныхъ и оскорбительныхъ рвали связь съ русской культурой и государственностью.

Только социальныя мѣропріятія гетмана рѣзко разошлись съ политикой Рады: руль ея круто повернули вправо. Вскорѣ вышелъ гетманскій указъ о возвращеніи земли помѣщикамъ и о вознагражденіи ихъ за все понесенныя въ процессѣ революціи убытки. Практика реквизицій (для экспорта), кровавыхъ усмирений и взысканія убытковъ при участіи австро-германскихъ отрядовъ была жестока и безжалостна. Она вызвала по всей Украинѣ и Новороссіи стихійныя возстанія, подчасъ многотысячными отрядами. Повстанцы истребляли мелкія части австрійцевъ, нѣмцевъ, убивали помѣщиковъ, чиновъ державной варты, повитовыхъ старостъ и другихъ агентовъ гетманской власти. Въ повстанческой психологіи не было и тѣни украинскаго сепаратизма: они видѣли своихъ враговъ не въ «русскихъ», а въ помѣщикахъ и въ нѣмцѣхъ. Вмѣшательство пришельцевъ вносило въ общую сумму социальныхъ и экономическихъ причинъ возбужденія крестьянскихъ массъ еще и элементъ ярко національный — не украинскій, быть можетъ, и не русскій, но во всякомъ случаѣ въ негативномъ его отраженіи противонѣмецкій; пмъ увлекалась и часть офицерства, поступавшаго въ отряды повстанцевъ и вносившаго въ нихъ нѣкоторую организованность.

«Жовто-блакитный прапоръ», покрывавшій собою политическое и социальное движеніе, служилъ національнымъ символомъ развѣ только въ глазахъ украинской, преимущественно социалистической интеллигенціи, но отнюдь не народной массы.

Гетманская власть покоилась только на германскихъ штыкахъ, а германскія войска, занимавшія города и желѣзно-дорожныя станціи въбаламученнаго края, были окопы, оплетались колючей проволокой, чувствуя себя тамъ, какъ въ осажденной крѣпости.

* *

Отношеніе къ гетманскому режиму, хотя и по разнымъ побужденіямъ, почти у всей русской и украинской общественности было отрицательнымъ.

«Украинскій національный союзъ», объединившій въ іюлѣ все украинскія партіи, поддерживалъ близкія отношенія съ вершителемъ судебъ Украины ген. Гренеромъ*, съ его политическимъ противникомъ — австрійскимъ представителемъ гр. Форгачемъ и одновременно находилъ поддержку въ лѣвыхъ парламентскихъ кругахъ Германіи. Союзъ

* Начальникъ штаба фельдмаршала Эйхгорна.

вели колениративную работу, стараясь направить волну народных возстаній демагогическими посулами въ русло самостоятельной и социалистической политики прежней Рады.

Видные русскіе социалисты, примыкавшіе къ Союзу Возрожденія Россіи, составляли заговоры противъ «реакціонной и не-національной» власти и пытались организовать террористическіе акты, которые, однако, не привелись въ исполненіе, въ виду глубоко мирнаго направленія руководителей союза.

Національный Центръ писалъ 2 іюля В. Шульгину: «мы съ негодованіемъ слѣдимъ за развитіемъ физическаго (?) процесса у васъ въ Кіевѣ и считаемъ, что это бредъ, одерзанный всякаго рода маніей»...

Конференція кадетской партіи 13—15 мая приняла, какъ безспорная начала — «возсоединеніе Россіи, областную автономію и національное равноправіе» и воспретила членамъ партіи «участіе въ правительствѣ, образованномъ при германской коалиціи». Отъ прямого осужденія своихъ кіевскихъ членовъ конференція, однако, отказалась: «Исполнительный Комитетъ, не высказывая въ настоящее время своего окончательнаго сужденія», поручалъ одному изъ членовъ своихъ выяснить... создавшееся положеніе и мѣры «для согласованія положенія членовъ на Украинѣ съ... директивами Ц. К.» Только 27-го іюня центральный комитетъ партіи выразилъ имъ неодобреніе «за принятіе участія въ организациі власти, опирающейся на нѣмецкую поддержку». Въ частной перепискѣ отношеніе московскихъ кадетъ къ кіевскимъ высказывалось гораздо рѣзче и ланидарнѣе. Такъ В. Степановъ писалъ: «здѣсь нѣтъ никого, кто бы не считалъ (какъ) ихъ поведенія, такъ и не исключившаго ихъ изъ партіи (Обл. ком.) возмутительными и марающимъ партію. Меня ободряетъ, что гоненіе на партію въ Москвѣ отчасти смываетъ ту грязь, которою облили насъ кіевляне, бросившіе головой внизъ въ помойную яму германофильства»...

Кіевскіе націоналисты, группировавшіеся вокругъ В. Шульгина, сурово осуждали гетманскую власть по мотивамъ національнымъ и политическимъ.

На сторонѣ ея оставались, притомъ лишь до паденія Германіи, только Союзъ хлѣборобовъ-собственниковъ въ лицѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, возглавлявшихъ эту буфаторскую организацію, весь секторъ крайнихъ правыхъ и «Протофисъ»*. Словомъ — земельная и финансовая знать — македналисты въ области классовыхъ цѣлей и интернаціоналисты въ способахъ ихъ достиженія.

Я приведу характеристику этой среды, исходящую изъ источника, который нельзя заподозрѣть въ некомпетентности и въ предвзятости. Кн. Гр. Трубецкой писалъ: «аристократическій кварталъ Липки былъ... жуткимъ привидѣніемъ минувшаго. Тамъ собрались Петербургъ и Москва; почти всѣ другъ друга знали. На каждомъ шагѣ встрѣчались знакомыя типичныя лица бюрократовъ, банкировъ, помѣщиковъ съ ихъ семьями. Чувствовалось, въ буквальный смыслъ слова, что на ихъ улицѣ праздникъ. Отсюда доносились разеказы о какой то вакханаліи въ области спекуляціи и наживы. Всѣ, кто имѣлъ входъ въ правительственные учрежденія, промышленныя всевозможными разрѣшеніями на вывозъ, на продажу и на перепродажу всякаго рода товаровъ. Помѣщики торопились возмѣстить себя за то, что претерпѣли, и взыскивали, когда могли, съ крестьянъ втрое за награбленное. Правые и аристократы заискивали передъ нѣмцами. Находились и такіе, которые открыто ругали нѣмцевъ и въ то же время забѣгали къ нимъ съ задняго крыльца, чтобы выхлопотать себѣ то или другое. Всѣ эти русскіе круги, долженъ сказать, были гораздо противнѣе, чѣмъ нѣмцы, которые, противъ ожиданія, держали себя отнюдь не вызывающимъ образомъ».

Наконецъ, на сторонѣ гетманской власти стояли еще довольно широкіе бездѣйственные обывательскіе слои, не углублявшіе смысла происходившихъ событій и жаждавшіе покоя, безопасности и примитивнаго порядка — какой угодно цѣной.

Извнѣ гетманскую власть поддерживалъ московскій «Правый Центръ» и примкнувшій къ нему персонально Милуковъ. Послѣдній своимъ вліяніемъ на кадетъ — членовъ правительства старался, сколько могъ, умѣрить буйный характеръ ихъ самостоятельной практикы, но въ самомъ фактѣ украинскаго и донескаго переворотовъ видѣлъ «явленіе

* Союзъ промышленности, торговли и финансовъ.

1 Гетманъ. 2 Гинденбургъ. Людендорфъ

Гетманъ Скоропадскій въ германской главной квартирѣ
(«Око»)

одного порядка и явление положительное... начало возрождения российской государственности... «Государственная самостоятельность областей, освободившихся от большевиков раньше Москвы — писал он —* является неизбежной переходной стадией и неизбежным последствием безсилія Москвы освободиться... собственными силами... Участие в перевороте германцев является печальной неизбежностью, по все же второстепенною чертой»...

В. Шульгинъ, отражая взгляды націоналистовъ, писалъ на Югъ: «и не смогъ проигнорировать надъ собою ломки, т. е. работать надъ восстановленіемъ Россіи съ нѣмцами... Вопреки мнѣнію Миллюкова утверждаю, что кіевскіе кадеты всенародно продали единство Россіи, что было совершенно непростительнымъ шагомъ».

Эти два вопроса (единая государственность и «ориентация») поглощали всецѣло вниманіе русскихъ политическихъ круговъ и вызвали среди нихъ ожесточенную полемику. Все другія стороны жизни Украины въ ихъ глазахъ отходили на задній планъ. Въ частности весьма характерно, что въ томъ огромномъ калейдоскопѣ личныхъ, письменныхъ и печатныхъ ориентировокъ, которыя сосредоточивались въ рукахъ командованія Добровольческой арміи, онѣ отраженія почти не находили.

*

Какъ смотрѣлъ гетманъ на свои взаимоотношенія съ Германіей?

За нѣсколько дней до захвата власти онъ пріѣхалъ къ одному изъ извѣстныхъ кіевскихъ генераловъ и предложилъ ему принять участіе въ образованіи новаго правительства, «которое должно замѣнить Центральную раду и явиться посредникомъ между германскимъ командованіемъ и украинскимъ народомъ». Упомянулъ, что въ этомъ дѣлѣ заинтересованы нѣмцы... Когда собеседникъ его отвѣтилъ отказомъ, мотивируя «непріемлемостью для него работы съ нѣмцами и на нихъ», Скоропадскій возразилъ, что «нѣмцы здѣсь не при чемъ, что онъ будетъ вести вполне самостоятельную политику, и закончилъ даже наивнымъ заявленіемъ, что надѣется обойти нѣмцевъ и заставить ихъ работать на пользу Украины».

«Обойти» оказалось невозможнымъ.

Въ средѣ оккупантовъ шли серьезныя внутреннія тренія: германское парламентское большинство и правительство, австрійское посольство въ лицѣ гр. Форгача — требовали самостоятельности Украины; нѣмецкая военная партія, исходя изъ практическихъ расчетовъ — обезпеченности снабженія и ликвидаціи нарождавшагося Восточнаго фронта — временно склонялась къ единству Россіи. Въ зависимости отъ того, какая педаль нажимала сплывало на Эйхгорна и Мумма, опредѣлялся и политическій курсъ гетманской политики.

28 мая генералъ Гренеръ говорилъ делегаціи отъ свергнутой Рады: «Германія искренно желаетъ самостоятельности Украины и будьте увѣрены, что она — единственный могущественный защитникъ этой самостоятельности въ Европѣ. Мы хотѣли васъ поддержать. Но анархію и социалистическіе беспорядки по соседству съ нашей имперіей терпѣть не хотимъ, не можемъ и не будемъ»... И гетманъ клалъ руку въправо и наслѣдственно украинизировалъ страну руками кадетъ и «умѣренныхъ» украинскихъ націоналистовъ...

Къ этому времени относится разговоръ гетмана съ однимъ виднымъ русскимъ генераломъ, котораго прочли на должность военнаго министра. На вопросъ его, правда ли, что гетманъ принялъ свой постъ исключительно съ цѣлью воссоединенія Малороссіи съ Россіей, — генералъ Скоропадскій отвѣтилъ отрицательно: «можетъ быть, въ отдаленномъ будущемъ это и случится; но сейчасъ я буду стоять на почвѣ самостоятельности Украины»**... Чрезмѣрно ревнивое отношеніе гетмана въ то время къ «русскимъ вліяніямъ» приводило иногда къ курьезамъ. Такъ, когда архіепископъ Антоній былъ назначенъ кіевскимъ митрополитомъ, Скоропадскій, предполагая встрѣтить въ немъ врага

* Письмо изъ Ростова въ Москву отъ 25 мая.

** Бесѣда ген. Х. съ Шульгинымъ.

гетманской власти и нѣмцефильской политики, отказался вначалѣ признать патріаршее назначеніе и убѣдительно просилъ Эйхгорна воспріятельнѣе торжественной встрѣчѣ архіепископа православными кіевлянами. Гетманъ увѣрялъ, что митрополитъ Антоній «большой реакціонеръ» и что «изъ встрѣчи его хотять сдѣлать большую москвофильскую демонстрацію»*...

Въ октябрѣ ген. Гренеръ заявилъ:** «положеніе момента выдвигаетъ сейчасъ передъ Украиной задачи укрѣпленія здоровыхъ національныхъ устоевъ и привлеченія народныхъ круговъ къ участию въ строителствѣ страны, какъ и въ ея управленіи. И здѣсь, какъ и въ Германіи, въ составъ правительства будутъ привлечены представители лѣвыхъ и демократическихкихъ теченій»... Практиковавшаяся нѣмцами ранѣе скрытая поддержка этихъ круговъ теперь становится явной. И гетманъ привлекаетъ въ составъ правительства украинскіхъ соціалистовъ и нажимаетъ еще сильнѣе прессу украинизаціи. «Новый составъ совѣта министровъ — говоритъ премьеръ Лизогубъ представителямъ печати 17 октября — въ области виѣшней и внутренней политики будетъ стремиться къ болѣе рѣзкому выявленію національнаго лица украинской державы, отстаивая всѣми силами самостоятельность и суверенность Украины».

А въ то же время (9 октября) представителю Добровольческой арміи, полковнику Неймирку, при «случайной встрѣчѣ», устроенной самимъ гетманомъ въ квартирѣ его адъютанта гр. Олеуфьева, онъ говорилъ: «я русскій человекъ и русскій офицеръ; и мнѣ очень неспріятно, что, несмотря на рядъ попытокъ съ моей стороны заявлять какія либо отношенія съ ген. Алексѣевымъ... кромѣ ничего не значащихъ писемъ... я ничего не получаю... Силою обстановки мнѣ приходится говорить и дѣлать совершенно не то, что чувствую и хочу — это надо понимать. Даю вамъ слово, что до сего времени я буквально ничѣмъ не связанъ, никакимъ договоромъ съ Берлиномъ*** и твердо отгородился отъ Австріи... Я опредѣленно смотрѣть и смотрю — и это знаютъ мои близкіе, настоящіе русскіе люди — что будущее Украины въ Россіи. Но Украина должна войти какъ равная съ равной на условіяхъ федераціи. Прошло время командованія изъ Петербурга — это мое глубокое убѣжденіе. Самостійность была необходима, какъ единственная оппозиція большевизму: надо было поднять національное чувство. И переворотъ, который былъ сдѣланъ пришедшими нѣмцами, я ранѣе еще предлагалъ союзникамъ, лично говорилъ объ этомъ съ ген. Табуи»...¹

Въ ноябрѣ ген. Гренеръ, смѣнивъ Людендорфа, сдавалъ уже германскія арміи на волю побѣдителей... Въ Кіевѣ говорилъ авторитетно только... нѣмецкій совѣтъ солдатскихъ депутатовъ. И гетманъ распускалъ правительство, приглашалъ на постъ премьера «царскаго» министра Гербеля и издавалъ грамоту о Всероссійской федераціи со включеніемъ въ нее Украины. Одновременно ген. Скоропадскій не прекращалъ весьма оживленныхъ тайныхъ переговоровъ съ Украинскимъ національнымъ комитетомъ, а на Югъ сообщалъ, что «украинскія силы... возглавляемая гетманомъ... въ согласіи съ Дономъ и параллельно съ Добровольческой арміей направляются на борьбу съ большевиками и на восстановленіе единства Россіи»².

Такой же двойственностью отличалась политика украинскаго правительства. Наиболѣе вліятельная кадетская часть его, въ замкнутомъ кругу кіевского главнаго комитета, подъ сильнымъ давленіемъ Милюкова, стремившагося обуздать размахъ украинизаціи, выносила постановленія слѣдовать «по линіи превращенія мѣстнаго національнаго движенія въ обще-государственное путемъ объединенія всего Юга Россіи»³. А виѣстѣнъ комитета «согласованныя дѣйствія» кіевлянъ проявлялись проповѣдью на тему: «единая Россія — это нелѣпость... Насильственное соединеніе въ одномъ государствѣ столь большіхъ и столь разнородныхъ частей недопустимо»... Вдохновитель и правая рука гетмана, Игорь Кистяковскій, въ концѣ 1917 года былъ приверженцемъ Корнилова и

* Докладъ Шульгинской организаціи отъ 5 іюня и свидѣтельство А. В. Стороженко.

** Кіевскія «Послѣднія Новости» 11 октября.

*** Договоръ отъ 5 апрѣля?

¹ Докладъ кіевского представителя 14 окт. № 6.

² Телеграмма на мое имя министра иностр. дѣлъ Афанасьева 16 ноября.

³ Изъ письма Милюкова.

Церемоніальний маршъ

«Хай живе вільна Україна!»

Смотръ 1-й Украинской дивизіи австрійскимъ генераломъ

(Огоо)

Добровольческой арміи, весною 18 года — самостійникомъ и германофиломъ, въ октябрѣ, когда нѣмцы потребовали его удаленія съ поста, — федералистомъ и германофобомъ; а въ ноябрѣ... центристомъ и антантофиломъ...

Въ свою очередь — само двуличное — германское правительство находило также нѣкоторыя странности въ украинской политикѣ... Украинскій посолъ въ Берлинѣ, бар. Штейнгель, 7-го іюля доносилъ министру иностранныхъ дѣлъ: «Императорское правительство находить, что наше правительство не достаточно твердо въ своей политикѣ, почему въ Кіевѣ происходитъ двойная политическая игра, вредящая упроченію дружбы между Германіей и Украиной. Императорское правительство желаетъ, чтобы политика Украинскаго правительства соответствовала во всѣхъ отношеніяхъ условію, заключенному 18 апрѣля (нов. стіля) 1918 г. между генералъ-фельдмаршаломъ Эйхгорномъ и бар. Муммомъ съ одной стороны и Украинскимъ правительствомъ Германа, въ то время находившимся въ процессѣ формировація, съ другой стороны... Въ виду этого Императорское правительство желаетъ расширить границы своихъ правъ въ цѣляхъ организаціи порядка и правосудія»...

Впрочемъ, къ концу сентября, послѣ поѣздки гетмана въ Берлинъ, взглядъ германскаго правительства измѣнился, и министръ ф. Гинце въ рейхстагѣ заявилъ, что на Украинѣ «продолжается въ утѣшительномъ направленіи процессъ консолидаціи. Гетманъ съ министрами вошелъ въ Берлинъ въ соприкосновеніе съ нашимъ правительствомъ. Констатируемъ, что намѣренія гетмана лояльны, планы его намъ откровенно ясны».

*

Вѣдшія сношенія Украины также всецѣло зависѣли отъ нѣмцевъ. Всѣ спорные территоріальныя вопросы о западной границѣ, о подчиненіи Украинѣ Крыма, о Ростовскомъ, Таганрогскомъ округахъ и части Бессарабіи, на которые претендовала Украина, разрѣшались односторонней волей нѣмцевъ и притомъ не въ ея пользу.

Наиболѣе характерной была длившаяся безконечно долго украинно-большевическая конференція, засѣдавшая въ Кіевѣ, съ Шелухинымъ и Раковскимъ во главѣ. Поскольку вопросы, касавшіеся интересовъ Германіи, какъ напримѣръ, передача оккупированной Украинѣ въ большинствѣ числѣ подвижнаго желѣзно-дорожнаго состава и урегулированіе желѣзно-дорожнаго сообщенія, проходили быстро, постольку все остальные, въ особенности вопросы о границахъ, затягивались неимоверно. Участники конференціи играли положительно непристойную роль, будучи пѣшками въ рукахъ закулиснаго дирижера. Приводимый документъ характеризуетъ въ достаточной мѣрѣ эти взаимоотношенія:

Секретно.

Г. Предсѣдатель мирной делегаціи Украины С. Шелухину.

Въ виду того, что въ частномъ разговорѣ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ предсѣдатель мирной делегаціи Раковский выразилъ желаніе разрѣшить возможно скорѣе вопросы, относящіеся къ соглашенію между Россійской республикой и Украинскимъ государствомъ, считаемъ необходимымъ поставить васъ въ извѣстность, что ускореніе украинно-русскихъ отношеній возможно лишь послѣ того, какъ по этому вопросу выскажется германское правительство*...

Но если дѣла конференціи не подвигались впередъ, то многочисленная совѣтская делегація съ большимъ успѣхомъ вела пропаганду и организацію тайныхъ большевистскихъ очаговъ.

Въ октябрѣ министерство внутреннихъ дѣлъ обнаружило двѣ большевистскія крупныя организаціи въ Кіевѣ и Одессѣ, находившихся въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ делегаціей Раковского. Послѣ произведенныхъ арестовъ и вымогъ, какъ въ организаціяхъ, такъ и у самихъ делегатовъ, обнаружилось, что работа большевиковъ велась совместно съ Украинскимъ національнымъ комитетомъ, и что посредниками между ними были... представители нѣмецкой власти...

* Сношеніе министра иностранныхъ дѣлъ Д. Дорошенко отъ 2 сентября 18 года № 2184.

Результаты этого скандального разоблачения были совершенно неожиданные: удаление по требованию немцев с поста министра внутренних дел Кистяковского и освобождение арестованных большевиков.

Нужно было обладать истинно огромным самопожертвованіемъ, неограниченнымъ честолюбіемъ или полной безпринципностью, чтобы при такихъ условіяхъ стремиться къ власти на Украинѣ.

•

Введеніе самостоятельной внешней политики было тѣмъ болѣе невозможно для Украины, что, невзирая на наличность огромныхъ военныхъ запасовъ и людского матеріала, она не имѣла вовсе арміи.

Вооруженныя силы гетмана состояли: 1) изъ дивизіи ген. Натіева, сформированной изъ добровольцевъ, стоявшей въ Харьковѣ, находившейся въ подчиненіи у немцаго командованія, совершенно разложившейся и въслѣдствіи разоруженной немцами. 2) Сердюцкой дивизіи (гвардейской), составленной по набору исключительно изъ сыновей среднихъ и крупныхъ крестьянъ-собственниковъ и вкорѣ разбѣжавшейся. 3) Изъ охранныхъ и пограничныхъ сотенъ, несшихъ службу первыя — полицейскую въ уѣздахъ, вторыя — пограничную на западѣ. 4) Наконецъ, въ августѣ, изъ Владиміръ-Вольнска прибыла сформированная тамъ австрійцами изъ военно-плѣнныхъ украинцевъ «1-я Украинская пѣх. див.», которая вслѣдъ за тѣмъ, ввиду непригодности была расформирована.

Немцы всемѣрно противились организаціи украинской арміи, считая ее опасной для себя, и доуекали только существованіе ея кадровъ.

Подготовка этихъ кадровъ — штабовъ безъ войскъ — шла планомѣрно и основательно. Предполагено было создать 8 корпусовъ двухдивизионнаго состава и 4 конныхъ дивизіи. Съ условнаго согласія немцевъ готовились къ обнародованію указъ о мобилизаціи, и наборъ предполагень былъ на 15 ноября. Точно также готовились кадры «украинскаго флота», въ составъ котораго должны были войти въслѣдствіи разоруженныя и охраняемыя немцами русскія суда Чернаго моря. Какъ извѣстно, къ этому времени наступили событія, потрясшія Германію и поставившія Украину безоружной передъ лицомъ большевизкаго нашествія. Поэтому вопросъ объ украинской арміи интересенъ лишь съ бытовой стороны.

Офицерскій составъ ея былъ почти исключительно русскій. Генералитетъ и офицерство шли въ армію тысячами*, невзирая на официальное поношеніе Россіи, на необходимость ломать русскій языкъ на галиційскую мову**, наконецъ, на психологическую трудность присяги въ вѣрности гетману и Украинской державѣ.

Побудительными причинами поступленія на гетманскую службу были: безпринципность однихъ — «все равно кому служить, лишь бы содержаніе платили», — и идейность другихъ, считавшихъ, что украинская армія станетъ готовымъ кадромъ арміи русской.

Такъ какъ истинные мотивы тѣхъ и другихъ не поддавались опредѣленію, то въ добровольчествѣ создалось рѣзко отрицательное отношеніе ко всѣмъ офицерамъ, состоявшимъ на украинской службѣ.

Каковы же были истинныя стремленія гетмана и его правительства въ центральномъ вопросѣ — объ отношеніи къ Россіи? Было ли официальное неповѣданіе разрыва съ русской культурой и государственностью только личиной или искреннимъ ихъ убѣжденіемъ?

* Генеральный штабъ, напримѣръ, былъ представленъ столь широко, что часть оберъ-офицерскихъ должностей занимали подполковники.

** Одинъ изъ офицеровъ украинской службы рассказывалъ о порядкѣ дѣлопроизводства: начальникъ шьетъ бумаги на русскомъ языкѣ и даетъ ее переводить писарю. Послѣдній беретъ словарь Толпыго, подыскиваетъ украинскія слова и, не зная оборотовъ рѣчи, склоняетъ и спрягаетъ ихъ по русски... Интересно, что сношенія съ немцами приказано было вести только на русскомъ или немецкомъ языкахъ.

Прежде всего въ составъ украинскаго правительства входили люди различныхъ толковъ. Для однихъ самостоятельность Украйны была цѣлью, для другихъ — средствомъ. Гдѣ — въ средствахъ и цѣляхъ — проходила грань побужденій личныхъ, классовыхъ, партійныхъ, можетъ быть своеобразно понимаемыхъ національно-государственныхъ, для насъ было и осталось неяснымъ. Но вся совокупность фактовъ украинской дѣйствительности приводила насъ къ неизмѣнному убѣжденію въ безпринципности украинской политики.

Сохраненіе русской государственности являлось символомъ вѣры ген. Алексѣева, мотомъ и всей Добровольческой арміи. Символомъ ортодоксальнымъ, не допускавшимъ ни сомнѣній, ни колебаній, ни компромиссовъ. Идея невозможности связать свою судьбу съ насадителями большевизма и творцами Брестъ-Литовскаго мира была безспорна въ нашихъ глазахъ не только по моральнымъ побужденіямъ, но и по мотивамъ государственной цѣлесообразности. Идея эта не находила, однако, такого безусловнаго признанія въ глазахъ всей арміи, какъ первая.

Эти положенія легли въ основу нашихъ отношеній къ гетману. Ни ген. Алексѣевъ, ни я не вступали съ нимъ въ сношенія. Быть только одинъ случай, совершенно частный, когда я обратился къ гетману, какъ къ русскому генералу, съ протестомъ противъ заключенія нѣмцами въ кievскую тюрьму офицера штаба арміи, подполковника Ряснянскаго. Отвѣта не послѣдовало. Только съ осени 18 года, когда обнаружилась близость катастрофы, висѣвшей надъ центральными державами и, слѣдовательно, надъ Украйной, гетманъ дѣлалъ попытки черезъ третьихъ лицъ вступить въ сношеніе съ командованіемъ Добровольческой арміи...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ командованіе не прибѣгало ни къ какимъ конкретнымъ мѣрамъ, враждебнымъ гетманскому правительству. Наше участіе въ украинскихъ дѣлахъ ограничилось гласнымъ осужденіемъ гетманской политики, извлеченіемъ изъ Украйны русскихъ офицеровъ, попытками пріобрѣсть тамъ оружіе и патроны, развѣдкой австро-германскихъ силъ и расположенія и подготовкой мѣръ для противодѣйствія предполагавшемуся германскому наступленію противъ Восточнаго фронта и Добровольческой арміи. Такими мѣрами признавались, въ случаѣ возникновенія надобности, партизанская война въ тылу нѣмцевъ, разрушеніе мостовъ и желѣзнодорожныя забастовки*. Кіевскій желѣзнодорожный комитетъ и рядъ видныхъ путейскихъ инженеровъ обѣщали намъ содѣйствіе въ этомъ отношеніи. Много видныхъ гетманскихъ сановниковъ и представителей генералитета присылали «съ оказіей» въ Добровольческую армію увѣренія въ своей вѣрности русской идеѣ. А болѣе экспансивные, не разъ, быть можетъ, авантюристы, неоднократно «испрашивали разрѣшеніе» устроить въ Кіевѣ «дворцовый переворотъ». Пріѣзжалъ въ штабъ арміи делегатъ даже отъ гетманскаго конвоя... Всѣмъ имъ ген. Романовскій категорически запрещалъ какія либо выступленія противъ гетманской власти.

Штабъ Добровольческой арміи не умѣлъ и не хотѣлъ вести политической интриги. Да и самый фактъ гетманства не казался угрожающимъ для національной русской идеи. Въ годы, когда рушились вѣковые троны и сходили со сцены историческія династіи, основаніе новыхъ — представлялось весьма проблематичнымъ... Въ этомъ убѣжденіи укрѣпляли насъ и историческіе прецеденты. «Малорусскій народъ — говоритъ историкъ — рѣшительно не присталъ къ замыслу гетмана и нисколько не сочувствовалъ ему. За Мазепою перешли къ непріятелямъ только старшины, но и изъ нихъ многіе бѣжали отъ него, лишь узнали, что надежда на шведскаго короля плоха и что Карлъ, если бы даже и хотѣлъ, не могъ доставить Малороссіи независимости».

Для многихъ политическихъ дѣятелей теперь, какъ и дѣлсти лѣтъ тому назадъ, — хотя обстановка стала неизмѣримо сложнѣе, — рѣшеніе украинской проблемы сводилось только къ предвидѣнію:

— Кто побѣдитъ?

Карлъ — или Петръ. Гинденбургъ — или Фошъ.

* Июльская забастовка украинскихъ дорогъ, состоявшаяся на эконопическоі почвѣ, показала наглядно, въ какомъ тяжеломъ положеніи могутъ очутиться нѣмцы, разбросанные на огромномъ протяженіи.

ГЛАВА VI.

Крымъ.

Жизнь Крыма до конца 1917 года текла довольно мирно. Въ краѣ уживались рядомъ власти — правительственныя, земско-городскія и революціонныя (совдеды) —, почти однородныя по своему составу (с.-р. и с.-д. меньш.), и все одинаково безсильныя. После октябряскаго переворота собраніе уѣздныхъ и волостныхъ земствъ и городовъ Таврической губерніи создало центральную власть въ лицѣ Крымскаго краевого правительства — также изъ умѣренныхъ социалистовъ, во главѣ съ кадетомъ Богдановымъ. Но собранный 26 ноября національный совѣтъ татарскаго населенія Крыма избралъ татарскій парламентъ (Курултай) и татарское правительство, которое также «взяло на себя защиту и управленіе какъ татарами, такъ и другими народностями, населяющими Крымъ». Совмѣстное существованіе двухъ «правительствъ», порождая тренія въ ихъ взаимоотношеніяхъ, очень мало, однако, отражалось на жизни края, обособившейся рѣзко въ замкнутыхъ рамкахъ городовъ и селъ. Одинаково шаткою была опора обоимъ правительствамъ: у перваго — полубольшевицкіе солдатскіе гарнизоны, у втораго — многочисленное «татарское національное войско» — Крымскій полкъ (кошный) и нѣшія части, силою 2—3 тыс. чел. Оба правительства одинаково трепетали передъ перспективой большевицкаго нашествія и заключили соглашеніе о взаимной поддержкѣ противъ большевиковъ.

Гроза на этотъ разъ шла не съ сѣвера, не изнутри, гдѣ настроеніе совдеповъ, профессиональных союзовъ, рабочей массы и даже солдатскихъ гарнизоновъ было довольно умѣренное... Судьба Крыма оказалась въ рукахъ Черноморскаго флота.

Уже въ ноябрѣ, подъ вліяніемъ агитаторовъ, присланныхъ изъ центра, матросы Черноморскаго флота свергли умѣренный совдепъ въ Севастополѣ, поставили новый большевицкій и организовали въ городѣ совѣтскую власть. Номинально она находилась въ рукахъ сложной комбинаціи изъ совдепа, комиссаріата и революціоннаго комитета, фактически — всецѣло въ рукахъ буйной матросской черни. Съ начала декабря въ Севастополѣ начались повальные грабежи и убійства. А въ январѣ Черноморскій флотъ приступилъ къ захвату власти и на всемъ Крымскомъ полуостровѣ. Описаніе паденія крымскихъ городовъ носитъ характеръ совершенно однообразный: «къ городу подходили военныя суда... пушки наводились на центральную часть города. Матросы сходили отрядами на берегъ; въ большинствѣ случаевъ легко преодолевали сопротивленіе небольшихъ частей войскъ, еще вѣрныхъ порядку и краевому правительству (правительствамъ?), а затѣмъ, пополнивъ свои кадры темными, преступными элементами изъ мѣстныхъ жителей, организовывали большевицкую власть»*.

Такъ пали Евпаторія, Ялта, Феодосія, Керчь и др. А 13 января пала и резиденція правительства — Симферополь.

За спиною матросской черни стояли ея вдохновители — элементъ пришлый, часто уголовный и въ огромномъ большинствѣ своемъ инородный. Составъ агентовъ власти —

* Изъ трудовъ «Особой комиссіи по разслѣдованію злодѣяній большевиковъ».

Опознавание трупов людей, замученных большевиками в Евпатории

говорить описание — «пестрить именами инородцев — латышей, эстонцев, евреев»... Большевицкая власть за четыре мѣсяца своего существованія не умѣла насадить совѣтскій строй. Она только упразднила буржуазныя учрежденія, «соціализировала», преимущественно въ свою пользу, буржуазное имущество и уничтожала буржуазію. Страницы крымской жизни того времени полны ужаса и крови. Я избѣгаю вообще распространяться о «злѣдѣйствахъ большевиковъ» — понятіи, ставшемъ въ наше время банальнымъ и не возбуждающимъ уже остраго чувства возмущенія въ опустошенныхъ душахъ и зачерствѣлыхъ сердцахъ. Но приводимое ниже описаніе* судьбы евпаторійской буржуазіи и преимущественно офицерства весьма характерно для «методовъ соціальной борьбы» и психологій матросской черни, заполнившей своимъ садизмомъ самыя страшныя страницы русской революціи.

«Послѣ краткаго опроса въ засѣданіи комитета, арестованныхъ перевозили въ трюмъ транспорта «Труворъ». За три дня ихъ было доставлено свыше 800 человекъ. Нищія арестованные не получали, издѣвательства словесныя чередовались съ оскорбленіемъ дѣйствіемъ, которое переходило въ жестокіе, до потери жертвами сознанія, побои. На смертную казнь ушло болѣе 300 лицъ, виновныхъ лишь въ томъ, что одни носили офицерскіе погоны, другіе — не изорванное платье. Обреченныхъ перевозили въ трюмъ гидро-крейсера «Румынія»... Смертника вызывали къ люку. Вызванный выходилъ наверхъ и долженъ былъ идти черезъ всю палубу на лобное мѣсто мимо матросовъ, которые наперерывъ стаскивали съ несчастнаго одежду, сопровождая раздѣваніе остротами, ругательствами и побоями. На лобномъ мѣстѣ матросы, подбодряемые Антониною Нѣмичъ**, опрокидывали приведеннаго на полъ, связывали ноги, скручивали руки и медленно отрѣзывали уши, носъ, губы, половой органъ, отрубали руки... И только тогда истекавшаго кровью, испускавшаго отъ нечеловѣческихъ страданій далеко разносившіеся, душу надрывающіе крики — русскаго офицера отдавали красныя палачи волнамъ Чернаго моря».

Властвовала только красная опричина. Противъ нихъ были и крестьянская, и рабочая среда, которая здѣсь, въ Крыму, не переживала медоваго мѣсяца большевицкой власти, какъ это было въ центральной Россіи. Крестьяне охотно восприняли практику соціализаціи, но не могли примириться съ захватомъ пришельцами добра своего и помѣщичьяго, которое также считали своимъ. Рабочіе, не взирая на рядъ спеціальныхъ мѣропріятій новой власти — сокращеніе рабочаго дня, увеличеніе заработной платы и т. д., были за рѣдкими исключеніями ярко враждебны ей. Они видѣли, что наплывъ въ среду ихъ массы безработныхъ, по преимуществу городской черни, дезорганизуеъ предпріятія, что не они стали хозяевами, а пришлая власть, захватывающая бессистемно и орудія производства, и матеріалы, и фабрикаты — для собственнаго прокормленія. Рабочія организаціи, не сочувствовавшія большевизму, преслѣдовались; практика реквизицій и изъятій не миновала и домовъ рабочихъ. Въ перспективѣ ясно рисовался развалъ промышленныхъ предпріятій, дезорганизація рабочаго класса и голодъ.

Татарское населеніе Крыма, совершенно не пріившее большевизма, подвергалось такимъ же расправамъ, какъ и буржуазія; безпощадные къ татарамъ сами, большевики разжигали кромѣ того національную ненависть къ нимъ среди русскаго населенія.

Къ веснѣ 1918 года царилъ уже всеобщее возбужденіе противъ большевицкой власти, какъ вездѣ пассивное или выражавшееся въ мѣстныхъ волненіяхъ и въ подготовкѣ, совершенно, впрочемъ, не серьезной, активнаго выступленія въ средѣ заводскихъ комитетовъ, профессиональных союзовъ, татарскихъ и русскихъ конспиративныхъ кружковъ.

Вопросъ разрѣшился приходомъ германцевъ***.

Если украинская политика нѣмцевъ имѣла въ своемъ основаніи созданіе длительной, на многіе годы, политической и экономической зависимости Украины отъ Германіи, то въ Крыму ихъ интересы ограничивались временными военно-политическими

* Изъ трудовъ «Особой комиссіи по разслѣдованію злѣдѣній большевиковъ».

** Нѣмичи — семья палачей.

*** Группа ген. Кома изъ трехъ пѣх. дивизій и бригады конницы.

и стратегическими условиями. Но крайней мѣрѣ такъ смотрѣла на дѣло главная квартира. Людендорфъ угадываетъ, что онъ «считалъ фантастическими идеи созданія колониальнаго нѣмецкаго государства на берегахъ Чернаго моря»... Еще менѣе германское правительство склонно было поощрять въ этомъ отношеніи иритизанія Турціи. Германской ставкѣ необходимо было обезпечить себѣ безопасность сообщеній въ Черномъ морѣ, которымъ угрожала Сенастопольская крѣпость и непокорный центральный пласти Черноморскій флотъ. Крѣпость и портъ были заняты поэтому германскими войсками 1 мая, а большая часть русскихъ военныхъ судовъ ушла въ Новоросіискъ. Нѣмцы предъявили совѣтской власти требованіе выдать имъ весь Черноморскій флотъ «для использования во время войны въ мѣрѣ, требуемой военной обстановкой». Повѣщеніе совѣта комиссаровъ послѣдовало, но было исполнено только частично: матросы, не имѣя желанія поступить въ распоряженіе нѣмцевъ, и еще менѣе — драться съ ними, пустили ко дну часть судовъ. До сихъ поръ на новоросіискѣмъ рейдѣ злобѣще торчатъ изъ воды верхушки мачтъ — символъ «патріотизма» черноморцевъ, столь же фальшиваго, сколько и безсмысленнаго.

Иначе отнеслись нѣмцы и къ государственному устройству Крыма.

Объ отторженіи его отъ Россійскаго государства объявлено не было. Русскій генералъ Сулькевичъ, по происхожденію литовскій татаринъ, избранный нѣмцами, вмѣсто ханскаго титула принужденъ былъ удовлетвориться званіемъ премьеръ-министра Крымскаго краеннаго правительства. Въ деклараціи, одобренной нѣмецкимъ командованіемъ, Сулькевичъ опредѣлялъ цѣлью образованной имъ власти «сохраненіе самостоятельности полуострова до выясненія международнаго положенія его и возстановленіе законности и порядка».

По условію съ совѣтскимъ правительствомъ Германія обязалась очистить Черноморскій районъ послѣ ратификаціи договора между Россіей и Украиной. Поэтому переговоры между Шелухинымъ и Раковскимъ въ Кіевѣ умышленно затягивались нѣмцами. Гетманъ предъявилъ требованіе о полномъ слияніи Крыма съ Украиной, посягая на три сѣверныхъ хлѣбородныхъ уѣзда Тавріи, и устанавливалъ экономическую блокаду полуострова. Сулькевичъ черезъ одного изъ своихъ министровъ, командированнаго въ Берлинъ гр. В. Татищева, добивался признанія независимости Крыма и защиты его отъ Украины. Сбитая съ толку крымская общественность* видѣла выходъ «въ объединеніи Крыма съ Украиной на условіяхъ широкой автономіи», полагая, что «путь объединенія съ Россіей лежитъ только черезъ Украину».

Германское правительство встрѣтило холодно миссію Татищева и «въ связи съ настоящимъ международнымъ положеніемъ» не сочло для себя возможнымъ «объявить о признаніи государственной независимости Крыма»; а въ отношеніи столкновенія съ Украиной совѣтовало уладить вопросъ личными переговорами гр. Татищева съ украинскимъ премьеромъ Лизогубомъ**.

Политика крымскаго правительства была такого же праваго направленія, какъ и гетманская, встрѣчая оппозицію въ социалистическихъ и либеральныхъ кругахъ земскихъ и городскихъ собраній; весьма, впрочемъ, лояльную, благодаря наличію веселыхъ нѣмецкихъ штыковъ. Правительственная политика не носила официальныхъ признаковъ національнаго шовинизма. За кулисами шла, однако, нелѣпая политическая игра объединенныхъ въ своихъ стремленіяхъ Сулькевича, «Курултая» и татарской группы правительства. Аіивазовъ, уполномоченный представитель Сулькевича въ Константинополѣ, велъ переговоры съ Блестящей Портой объ отторженіи Крыма отъ Россіи и присоединеніи его въ той или другой формѣ къ Турціи... Д. Сейдаметъ, крымскій министръ иностранныхъ дѣлъ, представлялъ германскому правительству въ Берлинѣ шовинистическое обращеніе «Курултая» отъ 21 іюля. Это обращеніе, подписанное А. Хильми*** и Хасаномъ Сабри¹, заключало въ себѣ слѣдующія положенія:

* Съѣздъ представителей земскихъ управъ и городскихъ головъ Крыма.

** Сношеніе германскаго министра иностранныхъ дѣлъ 26 авг. № 35541.123046.

*** «Генеральный директоръ Крымско-татарскаго націон. совѣта».

¹ «Президентъ Крымско-татарскаго парламента».

«Крымско-татарскій народъ, который 135 лѣтъ тому назадъ подпалъ подъ русское иго», надѣялся на помощь Германіи, «опираясь на сущія мусульманскія странамъ счастье историческія высокія цѣли Его Величества Великаго Государя Вильгельма»...

«Несмотря на то, что русскіе въ теченіе 135 лѣтъ грабили имущество татаръ и оскверняли ихъ святыни... численный составъ крымскихъ татаръ все-таки не могъ быть поколебленъ; равнымъ образомъ никакія притѣсненія не могли заставить ихъ забыть то уваженіе, которымъ пользовалось господство ихъ предковъ, предъ коимъ нѣкогда склонялась Москва»...

Далѣе идетъ описаніе національных подвиговъ:

«Во время революціи, когда шло у одного изъ населяющихъ Россію народовъ не было замѣтно національнаго движенія, крымскіе татары заявили 25 марта на конгрессѣ о своей національно-гражданской автономіи и реквизировали вакуфныя земли... 8700 десятинъ и 1 миллионъ рублей»...

Скромное описаніе своего «международнаго» положенія:

Несмотря на пораженіе въ борьбѣ съ большевиками, «крымско-татарскій народъ, опираясь на свое великое національное самопожертвованіе и чувство владычества, сталъ играть въ судьбахъ страны рѣшающую роль»...

Исходя изъ этихъ соображеній, «крымскіе татары желаютъ возстановить въ Крыму татарское владычество... преобразовать Крымъ въ независимое нейтральное ханство, опираясь на германскую и турецкую политику».

II, наконецъ, апофеозъ:

«Въ то время, какъ Россія, великій историческій врагъ (турецкаго и мусульманскаго міра) погибла, и дорога въ Индію, свободная для Германіи, колебалась твердиною Англіи, мусульманскій міръ находитъ силу въ твердой рѣшимости тѣхъ магометанъ, которые въ Крыму и на Кавказѣ въ теченіе столѣтій были лишены чести имѣть право умереть за свои стремленія и надежды»...

Я не сталъ бы приводить такихъ пространныхъ выдержекъ изъ откровенія людей, лишенныхъ элементарнаго такта и грубо невѣжественныхъ, если бы оно не было каррикатурнымъ отраженіемъ тѣхъ пріемовъ и стремленій, которые присущи представителямъ многочисленныхъ новообразованій, возникшихъ на развалинахъ Россіи. Не народныя массы, а именно люди, вынесенные волною революціи на мутную поверхность всплывшей до дна народной жизни, принесли съ собою такую ненависть къ Россіи. Искажая перспективу и причинную связь историческихъ событій, порывая родственныя связи, игнорируя тѣсныя экономическія взаимоотношенія, мѣшая прошлое съ настоящимъ и отождествляя русскую власть съ русскимъ народомъ, они приняли на себя роль суровыхъ и пристрастныхъ судей Россіи, ея исторіи и народа. Ихъ голоса раздавались громко въ парламентахъ, радахъ, кругахъ, медресахъ, сфатуль-церіяхъ, курултаяхъ, въ пріемныхъ иностранныхъ политическихъ дѣятелей всѣхъ странъ, въ отечественной и мировой печати.

Они съ большимъ упорствомъ и стараніемъ углубляли могилу, вырытую совѣтскою властью для погребенія русской государственности — могилу, въ которой часто хоронились и ихъ непрочныя новообразованія.

*

Поддержка «Великаго Государя» и «Высоочтимаго халифа» оказалась непрочной. Осенью 18 года центральныя державы пали, увлекая въ своемъ стремительномъ паденіи кесарей и троны, погребая подъ обломками много безумныхъ надеждъ и фантастическихъ плановъ.

Измѣнилась и судьба Крыма.

Нѣмецкій генералъ Кошъ письмомъ на имя Сулькевича отъ 3 ноября заявилъ, что онъ отъ дальнѣйшей поддержки его отказывается. II Сулькевичъ 4 ноября телеграфировалъ мнѣ въ Екатеринодаръ: «Развалъ среди германскихъ войскъ идетъ полнымъ ходомъ... Въ виду отсутствія вооруженной силы, формировать которую нѣмцы категорически запрещали въ Крыму, нѣтъ никакой опоры для борьбы... Возможны вспышки и

повтореніе неистовствъ болшевиковъ... Обстановка ясно говоритъ за необходимость быстрой помощи союзнаго флота и добровольцевъ... Ввиду борьбы и сильной агитаціи лѣвыхъ партій, кабинетъ мой слагаетъ свои полномочія, уступая мѣсто коалиціонному министерству изъ кадетъ, социалистовъ и татаръ»...

Генералъ Сульженичъ отбылъ въ Азербейджанъ, чтобы тамъ продолжать въ роли «военнаго министра» свою руссофобскую работу, а новое правительство г. Соломона Крыма, вышедшее изъ нѣдръ Таврическаго губернскаго земскаго собранія, обязалось «всеми силами содѣйствовать объединенію расколотившейся Россіи»*.

* Изъ доклада Таврической земской управы Таврич. земск. собранію отъ 17 октября.

ГЛАВА VII.

Закавказье.

Закавказский комиссариатъ подъ руководствомъ сейма* съ конца февраля 18 года велъ мирные переговоры съ Турціей.

Снабженный чрезвычайными полномочіями сейма председатель мирной конференціи Чхенкелш настаивалъ въ Трапезундѣ на восстановленіи русско-турецкихъ границъ 1914 года. Турецкая делегація, при закулисномъ участіи германскихъ дипломатовъ, требовала точнаго выполненія условій Брестъ-Литовскаго мирнаго договора и немедленнаго очищенія отъ закавказскихъ войскъ Карса, Ардагана и Батума. Въмѣстѣ съ тѣмъ турки, затягивая всемѣрно ходъ переговоровъ, окончательныя условія мира ставили въ зависимость «отъ точнаго декларированія закавказской делегаціей сущности, формы, политической и административной организаціи Закавказской республики»**. Ибо, если Закавказье продолжаетъ оставаться въ государственной связи съ Россіей, то для него обязательно выполненіе Брестъ-Литовскаго договора...

Положеніе Закавказья къ этому времени было необыкновенно труднымъ.

Совѣтская власть предъявила ультимативное требованіе выполненія условій договора; Кавказскій фронтъ палъ давно и на мѣстѣ его стоялъ лишь декоративный заслонъ изъ храбраго, но малочисленнаго отряда полковника Ефремова, армянскихъ, частью грузинскихъ новыхъ формированій; кровавый призракъ турецкаго нашествія висѣлъ надъ христіанскимъ населеніемъ и тревожнымъ предвѣстникомъ его служили начавшіяся уже безчинства татаръ въ прифронтовомъ районѣ; въ сеймѣ, въ правительствѣ и даже въ средѣ самой мирной делегаціи мусульманскіе представители явно сочувствовали самымъ широкимъ турецкимъ вождедѣніямъ...

И когда 24 марта турки предъявили ультиматумъ о принятіи въ теченіе двухъ дней Брестъ-Литовскаго договора и немедленномъ очищеніи Батума, Чхенкелш, превысивъ данныя ему сеймомъ полномочія, принялъ все условія турокъ.

Сеймъ, однако, не согласился. Въ торжественномъ и бурномъ засѣданіи 31 марта почти все національныя и политическія фракціи пришли къ убѣжденію о необходимости продолженія борьбы. Даже мусульманскіе представители, отказываясь отъ активнаго выступленія, обѣщали, однако, «всеми доступными средствами оказать возможное содѣйствіе другимъ народамъ Закавказья... къ благопріятной ликвидаціи войны»***.

Сеймъ отозвалъ делегацію Чхенкелш и обратился къ народамъ Закавказья съ воззваніемъ: «...Позорнаго мира мы не подписали — говорилось въ немъ. — Мирные переговоры съ Турціей прерваны. Отнынѣ споръ рѣшается оружіемъ на поляхъ сраженій». Жестъ отчаянія — ибо бороться было нечѣмъ: не было войска для удержанія фронта и не было ни подъема, ни единодушія для войны народной, партизанской.

* См. Т. II гл. XV. Предсѣдатель комиссариата с.-д. Гегечкори, члены — представители демократическихъ партій всехъ національностей Закавказья.

** Матеріалы подготовительной по національнымъ дѣламъ комиссіи. Записка Ю. Шумахера.

*** Idem.

Турки заняли 1 апрѣля Батумъ и, не встрѣвая сопротивленія, перешли въ наступленіе въ общіихъ направленіяхъ на Кутаисъ, Александрополь и Джукльфу.

И 9 апрѣля въ сеймѣ, признавшемъ свое безсиліе остановить турецкое нашествіе, былъ поставленъ на обсужденіе, какъ послѣднее средство спасенія, вопросъ о независимости Закавказья. Сторонникамъ этого акта — не туркофиламъ — рисовались слѣдующія перспективы: край, отдѣлившись отъ Россіи, избѣгнетъ заливающего ее болѣшества; сохранится единство Закавказья и тѣсное мирное сожителство его народовъ; новообразованіе получитъ легальный титулъ для отказа отъ Брестъ-Литовскаго договора и заключенія самостоятельнаго мира; наконецъ, пріобрѣтетъ симпатіи и помощь Германіи, которая давно уже толкала закавказскихъ дѣятелей на этотъ шагъ, имѣя цѣлью расчлененіе Россіи и утвержденіе своего политическаго и экономическаго вліянія въ Закавказьи.

При полномъ согласіи всѣхъ грузинскихъ партій и стыдливомъ молчаніи бывшихъ властителей думъ русской революціонной демократіи г. г. Церетели, Жорданія, Гегечкори, Рамнишвили и др..., при рѣшимости холоднаго отчаянія армянъ..., при ликованіи мусульманъ и горячемъ протестѣ русскихъ была провозглашена Закавказская независимая федеративная республика.

Жизнь, однако, разбивала шагъ за шагомъ иллюзіи оппортунистовъ.

Прежде всего старые хитрые дипломаты оттоманской школы раскрыли, наконецъ, свои карты передъ неопытными игроками «Закавказской республики».

На возобновившейся 28 апрѣля по инициативѣ новаго правительства Чхенкелі конференціи въ Батумѣ турко-германская делегація, подъ предѣлательствомъ Халиль-бея, признала фактъ независимости Закавказья и освободила его отъ обязательствъ, налагаемыхъ Брестъ-Литовскимъ договоромъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ новому государственному образованію, турки предъявили и новыя территориальныя требованія, несравненно болѣе тяжелыя*.

Конференція была сорвана. Турецкая армія, продолжая наступленіе, заняла уже Карсъ**, Александрополь, направляясь далѣе къ Тифлису. Турецкое вліяніе въ мусульманскихъ частяхъ Закавказья переходило въ явное политическое господство тамъ турокъ, грозя сдавить въ турецкихъ тискахъ и отрѣзать отъ жизненныхъ артерій грузинскій и армянскій народы.

Въ этотъ тяжелый моментъ грузинская социаль-демократія, войдя въ сношеніе съ германскимъ правительствомъ, вручила ему безъ оглядки судьбы своего края.

Тождественные вначалѣ интересы Германіи и Турціи, по мѣрѣ увлеченія послѣдней панисламизмомъ въ ущербъ военнымъ дѣйствіямъ противъ Англіи, разошлись. Германія сочла себя вынужденной противодействовать быстрому распространенію турокъ въ Закавказьи по мотивамъ, о которыхъ нѣмецкіе государственные дѣятели говорятъ съ исчерпывающей ясностью:

Гельфферихъ: «Германія очень интересовалась бакинскими нефтяными промыслами, которые соединены нефтепроводомъ съ Батумомъ, и кавказскими богатѣйшими марганцевыми рудниками, имѣвшими для насъ огромное значеніе, какъ въ этой войнѣ, такъ и послѣ войны».

Людендорфъ: «Для насъ (протекторатъ надъ Грузіей) былъ средствомъ, независимо отъ Турціи, получить доступъ къ кавказскому сырью и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, проходящихъ черезъ Тифлисъ. Мы не могли довѣряться въ этомъ отношеніи Турціи. Мы не могли разсчитывать на бакинскую нефть, если не получимъ ее сами».

Получивъ отъ германскаго резидента въ Константинополь ген. фонъ-Лоссова обѣщаніе активной поддержки, 13 мая національный совѣтъ провозгласилъ одностороннимъ актомъ независимость Грузинской демократической республики. Ной Жорданія

* Потребовали половину Эриванской и части Тифлисской и Кутаисской губерій.

** Грузинъ Чхенкелі, вообще проявлявшій чрезвычайную уступчивость туркамъ въ части, касавшейся не-грузинской территоріи, приказалъ сдать Карсъ безъ боя.

и Церетели въ посланіи къ центральному комитету російской соціалъ-демократической партіи оправдывали этотъ шагъ необходимостью «спасенія физическаго существованія грузинскаго народа».

Въ тотъ же день, 13 мая, сложили полномочія сеймъ и общее правительство. Закавказская республика прекратила свое существованіе, и власть перешла къ національнымъ совѣтамъ трехъ новообразованій: Грузин, Арменін и Азербейджана. Германия установила дальнѣйшее продвиженіе турокъ въ предѣлахъ Грузин.

Рѣшающую роль въ актахъ 9 апрѣля и 13 мая сыграли не внутреннія потрясенія общерусской жизни, даже не большевизмъ — волны его еще не докатились до Закавказья и сущность его постигали только верхніе слои народа — а смертельный страхъ передъ турецкими нашествіемъ. Если наоборотъ — мусульманская часть населенія отнеслась съ явной симпатіей къ единоувѣрнымъ туркамъ, то главнымъ образомъ потому, что надѣялась на тотъ перевѣсъ, который теперь получаютъ ихъ интересы въ вѣковой межнациональной распрѣ. Но ни татары, ни грузины и армяне, ни все другія мелкія самобытныя національныя группы въ моментъ разрыва въ массѣ своей не проявляли ненависти къ Россіи. По состоянію своей культуры, вѣковымъ навыкамъ, быть можетъ національнымъ чертамъ характера, народы Закавказья менѣе, чѣмъ гдѣ либо, принимали участіе въ государственной жизни. «Волеизъявленіе народа», «давленіе народныхъ массъ» — эти правовые и стихійные стимулы политическихъ и національных движеній — въ Закавказьи имѣли значеніе несущественное. Если въ общерусскомъ масштабѣ волны революціи смыли съ высотъ жизни русскую интеллигенцію, то здѣсь наоборотъ: исторія Закавказья въ годы смуты есть исторія его интеллигенціи, преимущественно соціалистической. Только она явилась вершительницей внутреннихъ событий, и только на ней лежитъ поэтому историческая отвѣтственность за судьбы закавказскихъ народовъ.

Итакъ, примиряющаго и объединяющаго начала не стало. Пути народовъ Закавказья разошлись. Въ теченіе трехъ лѣтъ будутъ они вести «самостоятельное» существованіе и горѣть въ котлѣ политическихъ страстей и межнациональной распри, пока, наконецъ, не сольются вновь... въ общемъ руслѣ совѣтскаго самодержавія.

Послѣ провозглашенія самостоятельной Грузинской демократической республики делегація ея прибыла въ Берлинъ, и 11 іюня въ рейхстагѣ было объявлено о признаніи Германией новой республики *de facto*. Въ Тифлисѣ появилась дипломатическая миссія полковника фонъ-Кросса съ эскортомъ въ двѣ роты, и съ тѣхъ поръ внутренняя и внѣшняя политика края безраздѣльно была подчинена германскому вліянію. Началось выкачиваніе нѣмцами сырья и одновременно организація ими грузинской вооруженной силы — по свидѣтельству ген. Людендорфа — какъ подсобнаго фактора въ борьбѣ съ англичанами на азіатскомъ театрѣ войны и противъ... Добровольческой арміи, которая все болѣе начинала тревожить нѣмецкое командованіе.

Бакинская нефть особенно крѣпко владѣла умами и чувствами европейскихъ и азіатскихъ политиковъ. Съ весны началось рѣзкое соревнованіе и «бѣгъ взапуски» въ области войны и политики къ конечной цѣли — Батуму — англичанъ отъ Энзели, Нури-пашы (братъ Энвера) черезъ Азербейджанъ и нѣмцевъ черезъ Грузію. Для той же цѣли Людендорфъ снялъ съ балканскаго фронта бригаду кавалеріи и нѣсколько батальоновъ (6—7) и снѣшно сталъ перебрасывать ихъ въ Батумъ и Поті — портъ, заарендованный германцами у грузинъ «на 60 лѣтъ».

Судьба, однако, распорядится иначе: Нури-паша предупредить нѣмцевъ въ Баку, и десантыя нѣмецкія войска не успѣютъ сосредоточиться, какъ отпаденіе въ началѣ сентября Болгарин, поколебавъ окончательно положеніе центральныхъ державъ, заставитъ нѣмецкую главную квартиру отозвать войска изъ Грузин обратно на Балканы...

Грузинскій національный совѣтъ, къ которому перешла верховная власть, образовать правительство, подъ председательствомъ Ноя Раминшвили. Въ силу преобладанія въ правительствѣ и въ самомъ совѣтѣ социаль-демократовъ-меньшевиковъ, — преобладанія искусственнаго для страны по преимуществу земледѣльческой, — политики этихъ учреждений руководили всецѣло лидеры партіи.

Дѣятельность правительства сосредоточилась прежде всего на сформированіи вооруженной силы и на округленіи границъ новой республики. Подъ руководствомъ Дакунгелія возникли отряды «народной гвардіи», общей численностью 10—12 тысячъ, по облику своему, составу, дисциплинѣ и традиціямъ отличавшіеся отъ совѣтской красной гвардіи только развѣ національнымъ шовинизмомъ. Народно-гвардейцы поступали добровольно, по рекомендаціи лѣвыхъ партій, были хорошо вооружены и получали высокіе оклады: отряды были снабжены многочисленной артиллеріей бывшаго кавказскаго фронта. Во главѣ ихъ стояли почти исключительно люди съ большимъ революціоннымъ и тюремнымъ прошлымъ «царской Россіи». Пригодная для поддержки первыхъ шаговъ социаль-демократической власти въ дни революціоннаго угара и заманчивыхъ лозунговъ, народная гвардія становилась, однако, сильной помѣхой при переходѣ къ мирному строителству и прямой угрозой для самой власти, въ особенности въ виду сохраненія въ краѣ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ... Поэтому правительство приступило вскорѣ къ мобилизаціи возрастовъ отъ 16 до 43 лѣтъ, а также къ формированію постоянной регулярной арміи въ 2 пѣх. дивизіи и 1 кав. бригаду. Съ этой цѣлью былъ объявленъ призывъ* всѣхъ «грузинскихъ подданныхъ», родившихся въ 96—98 г. г., причемъ подданными считались лица всѣхъ національностей, въ томъ числѣ и русскіе люди, прописанные по мѣсту жительства на территоріи, вошедшей въ предѣлы Грузіи, до 19 іюля 1914 года**. Нѣмцы всемѣрно способствовали организаціи и снабженію грузинскихъ войскъ.

Еще въ 1914 году образовавшійся изъ состава партіи національ-демократовъ «Союзъ освобожденія Грузіи» заключилъ съ турецкимъ правительствомъ договоръ, на основаніи котораго за активное содѣйствіе Турціи въ войнѣ противъ Россіи «независимая Грузія» приобрѣтала слѣдующія территоріи: Тифлискую и Кутаисскую губ., Сочинскій и Гагринскій округа Черноморской губ., Сухумскій, Батумскій и Закатальскій округа, сѣв. часть Карсской обл. и часть Трапезондскаго вилайета (Лазистанъ). Какъ это ни странно, но социаль-демократы, клеймившіе нѣкогда «имперіалистическую политику» царскаго и временнаго правительствъ, ставъ у власти, восприняли всецѣло психологію грузинскихъ національ-шовинистовъ — тѣхъ, для которыхъ еще 15 іюня, во время засѣданія національнаго совѣта въ лексиконѣ Церетели нашлось слово «измѣна»... Демократическое правительство Грузіи приступило къ планомѣрному распространенію своей власти на территоріи, населенныя чуждыми въ племенномъ отношеніи и враждебными грузинамъ элементами, примѣняя при этомъ разнообразныя способы — войну, подкупъ, терроръ и политическій шантажъ.

Въ первый періодъ — турко-нѣмецкой оккупациі, вожделѣнія Грузіи направились въ сторону Черноморской губерніи. Причиной послужила слабость Черноморья, поводомъ — борьба съ большевиками, гарантіей — согласіе и поддержка нѣмцевъ, занявшихъ и укрѣпившихъ Адлеръ; система же захвата была до крайности проста и однообразна и сильно напоминала дѣятельность румынъ въ Бессарабіи.

Къ концу марта 18 года большевики, постепенно распространяясь изъ Новороссійска къ югу, подошли къ Сухуму. Абхазскій національный совѣтъ обратился за помощью къ грузинамъ. Съ конца апрѣля грузинская народная гвардія начала тамъ войну противъ большевиковъ съ перемѣннымъ успѣхомъ. Прибывшему въ іюнѣ съ подкрѣпленіемъ ген. Мазніеву удалось очистить отъ красногвардейцевъ побережье до самаго Туапсе. Цѣною за избавленіе былъ договоръ, заключенный 11 іюля между Абхазскимъ національнымъ совѣтомъ и грузинскимъ правительствомъ, въ силу котораго Сухумскій округъ временно вошелъ въ составъ Грузинской республики. Пунктъ 3-й договора

* На основаніи закона отъ 13 августа.

** Циркуляръ военн. мин. 18 сентября № 415.

предусматривалъ, что «внутреннее управленіе Абхазіей принадлежитъ Абхазскому совѣту», а 1-й — что «только національное собраніе Абхазіи окончательно опредѣляетъ политическое устройство и судьбу ея».

Но вслѣдъ за симъ, грузинское правительство дважды разгоняетъ національный совѣтъ (августъ и октябрь) и, заключивъ часть членовъ его въ Метехскій замокъ, лишивъ права выборовъ русское и армянское населеніе, какъ не пріемлющее «грузинскаго подданства», къ осени создаетъ вполнѣ покорное и совершенно безличное учрежденіе, состоящее на $\frac{1}{4}$ изъ абхазцевъ и на $\frac{3}{4}$ изъ грузинъ* и возглавляемое президіумомъ съ преобладающимъ составомъ грузинскихъ социаль-демократовъ. Власть въ краѣ перешла всецѣло въ руки грузинскаго «чрезвычайнаго комиссара» и революціонныхъ учреждений, заполненныхъ мѣстными грузинами — пришлымъ элементомъ въ краѣ, издавна устроив-

шимся на Черноморскомъ побережьи въ качествѣ рабочихъ, торговцевъ, подрядчиковъ, духанщиковъ и т. д. Съ интересами коренного населенія и съ его правами хотя бы на внутреннее самоуправленіе грузинская власть перестала считаться вовсе.

Оккупация Сочинскаго округа (включая и Гагры**) произведена была грузинами также на основаніи просьбы о помощи различныхъ мѣстныхъ собраній и съѣздовъ, преимущественно социалистическаго состава, — просьбы, частью вызванныхъ подлиннымъ отчаяніемъ, частью — давленіемъ грузинскихъ военныхъ начальниковъ. Хотя грузинская администрація высказывала официально взглядъ на русское населеніе побережья, какъ на «политическихъ эмигрантовъ», но «историческія права» грузинъ на этотъ округъ очевидно были еще менѣе обоснованы, чѣмъ на Сухумскій***, такъ какъ съ первыхъ же дней грузинскія власти приступили къ разоренію его, отправляя все, что было возможно, въ Грузію. Такъ была разграблена Туапсинская жел. дорога, причемъ увозились рельсы, крестовины, матеріалы, даже больничный инвентарь; распродало съ

* Составъ населенія Сухумскаго округа въ 1916 году въ %: абхазцевъ — 56, грузинъ — 18, русскихъ 11, армянъ 10, прочихъ 5.

** Гагринскій районъ былъ присоединенъ къ Сухумскому округу осенью 17 года Закавказскимъ комитетомъ «по историческимъ основаніямъ», пысканнымъ между прочимъ г. г. Гегечкори и Чхенкели.

*** Въ Сочинскомъ округѣ въ 1913 г. всѣхъ грузинъ числилось 10,8 % а по даннымъ земско-городской статистики среди сельско-хоз. населенія ихъ было 5,8 %.

аукціона многомилліонное оборудованіе Гагринської кліматическої станції, разрушено лісопромисленое діло въ Гаграхъ; уведены племенной скотъ, разрушены культурныя имѣнія и т. д. Все это дѣлалось не въ порядкѣ «обычаевъ гражданской войны», а въ результатѣ планоуѣрной тифлисской политики.

Изъ Абхазіи и Сочинскаго округа шли горькія жалобы и постоянныя просьбы объ избавленіи отъ грузинъ, обращаемыя къ Добровольческой арміи, когда она приблизилась къ Черному морю...

Въ періодъ нѣмецкой оккупациі, въ теченіе 18 года, только еще налаживалась внутренняя жизнь края и административный аппаратъ. Въ трудныхъ условіяхъ зарожденія новой государственности, правящая безраздѣльно партія социаль-демократовъ не рѣшилась выступить сразу къ коренной ломкѣ «старого строя». Въ финансовомъ отношеніи мы видимъ только тяжелый прессъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, печатный станокъ и бонны съ знаменательной надписью — о хожденіи ихъ наравнѣ съ русскими государственными кредитными билетами... Въ экономическомъ — широкое использованіе и распродажу русскаго милліарднаго имущества Кавказскаго фронта; экспортъ, главнымъ образомъ въ Германію, въ огромныхъ размѣрахъ сырья*, даже отчасти хлѣба, въ которомъ ощущался острый недостатокъ въ край, и который притекалъ путемъ преимущественно организованной контрабанды съ сѣвернаго Кавказа; полученіе взамѣнъ — далеко не равноцѣнныхъ, залежалыхъ фабрикатовъ, не имѣвшихъ сбыта на европейскихъ рынкахъ; наконецъ, концессіи, предоставленныя какъ мѣстному, такъ и иностранному капиталу. Въ аграрномъ вопросѣ — націонализацію частно-владѣльческихъ земель, съ передачей ихъ въ пользованіе крестьянству; а позднѣе, когда обнаружилось возбужденіе на этой почвѣ крестьянъ, продажу имъ въ собѣтвенность по высокимъ цѣнамъ отобранныхъ въ государственныя фондъ земель. Въ отношеніи крайне незначительнаго класса рабочихъ — заботы объ улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія и улучшеніи условій жизни, безъ радикальныхъ реформъ. Наконецъ, въ области самоопредѣленія — безудержная «націонализація», угнетеніе и лишеніе культурно-правовыхъ условій существованія «меньшинствъ» — русскаго, абхазскаго, аджарскаго, осетинскаго, татарскаго, армянскаго и т. д. — «меньшинствъ», которыя, однако, въ мозаичномъ организмѣ Грузіи составляли вначалѣ 36, а потомъ, послѣ ея расширенія, болѣе 50 % населенія.

Несомнѣнно грузинское правительство достигло внѣшнихъ условій относительнаго благополучія и порядка, выгодно отличавшихъ край отъ областей совѣтской Россіи. Мѣстныя возстанія, вспыхивавшія на почвѣ національной распри, аграрныхъ взаимоотношеній и большевицкихъ лозунговъ, зачастую прикрывавшихъ просто протестъ угнетемаго русскаго населенія — неизмѣнно подавлялись правительствомъ. Грузинскія миссіи, направляемыя въ Западную Европу, снабженныя хорошими средствами и обладавшія специфически-восточной хитростью и пафосомъ, заносили туда, наряду съ описаніемъ благоденственнаго житія внутри страны, представленія о «тяжести вѣковаго рабства» и обоснованности независимаго существованія своего народа; пекали сочувствія къ молодой «угрожаемой и обижаемой извѣстѣ со всѣхъ сторонъ социалистической республикѣ». Повсюду. Сначала — въ «имперіалистическомъ» Берлинѣ, потомъ, въ дни колебанія военно-политическаго маятника — у всемірной демократіи** и наконецъ — послѣ опредѣлившагося исхода борьбы — у буржуазныхъ правительствъ Лондона и Парижа***.

Миражъ создавался дѣйствительно.

Только миражъ. Потому что въ активѣ новообразованія не было ни «суверенности», ни идеи «самоопредѣленія народовъ», ни демократіи, ни социализма. Ихъ замѣняли вассальная зависимость (отъ Германіи, потомъ Англіи), имперіализмъ, диктатура социаль-демократической партіи и чистѣйшій капитализмъ. Потому еще, что въ теченіе кратковременнаго бытія Грузинской республики народъ ея не создалъ и не могъ создать по времени своихъ матеріальныхъ и культурныхъ цѣнностей, а жплъ исключительно русскимъ наслѣдіемъ, не разрушеннымъ еще ни войной, ни анархіей¹.

* Марганецъ, мѣдь, шерсть, табакъ и т. д.

** Обращеніе къ международному социалистическому бюро.

*** Миссія Церетели и Чхендзе.

¹ Дальность театра войны и пространная оккупациі.

Въ 1918 году жизнь поставила вопросъ:

— Какъ долго при всѣхъ указанныхъ выше условіяхъ возможно независимое существованіе Грузинской республики внѣ всякой государственной связи съ Россіей?

И въ 1921 году дала нечерпывающій отвѣтъ:

— Ровно столько времени, сколько длится въ ней иностранная оккупация, прикрывасть ее южно-русская армія и желаетъ того Москва.

* * *

Армянская республика переживала дни глубокаго отчаянія. Турецкая армія быстро подвигалась впередъ, занимая районы этнографическаго разселенія армянъ и подвергая народъ рѣзнѣ и край оустошенію. Мольбы армянскаго правительства и воздѣйствіе германскихъ представителей, заинтересованныхъ вообще въ ограниченіи турецкаго распространенія, остановили, однако, наступленіе. Демаркаціонная линія была проведена въ шести верстахъ отъ Эривани, и «самостоятельная Арменія» заключена въ голодный гористый районъ, площадью въ 11 тыс. кв. верстъ*, съ 14-ю верстами желѣзной дороги и съ... 600 тысячъ бѣженцевъ, собравшихся отовсюду и обездолившихъ окончательно коренное населеніе.

Эту территорію сдавливали со всѣхъ сторонъ: съ запада — турецкій фронтъ; съ юга, со стороны Алашкертской долины — курды; съ юго-востока «Аракская республика»**, образованная татарскими ханами, враждебными Россіи, ввиду лишенія ихъ нѣкогда феодальныхъ правъ, и кровно ненавидѣвшими армянъ; съ востока — враждебный Азербейджанъ — сначала татарскими бандами, потомъ, въ сентябрѣ при помощи турецкихъ войскъ покоряющій Карабахъ; съ сѣвера — ревниво охраняемая грузинами границы Тифлисской губерніи, черезъ которыя не пропускали ничего, даже продовольственныхъ грузовъ вымпрающему населенію Арменіи.

При такихъ условіяхъ Армянскій національный совѣтъ*** и правительство не могли задаваться ни сложной политикой, ни внутреннимъ строительствомъ. Всѣ ихъ помыслы были направлены исключительно къ сохраненію физическаго существованія остатковъ армянскаго народа. Съ большими трудностями были сформированы войска партизанскаго типа въ 10—15 тыс. человекъ; отрядъ ген. Назарбекова (потомъ Силшкова) велъ непрестанную борьбу съ татарами и курдскими ордами; отрядъ Андроника, не признававшяго власти Эривани, велъ самостоятельныя военныя операціи въ защиту армянъ Елизаветпольской губерніи¹ противъ татаръ и турокъ; сѣвернѣе наступленіе ихъ сдерживалъ отрядъ Меликъ-Шахназарова. Правительство разсылало отчаянныя мольбы во всѣ стороны и безнадежно искало спасительной «оріентациі».

Нѣтъ сомнѣнія, что въ средѣ національнаго совѣта, по преимуществу социалистическаго состава, даже въ руководящей партіи дашнакцановъ (20 изъ 40 членовъ), въ этотъ моментъ болѣе, чѣмъ когда либо, жило яркое сознаніе необходимости государственной связи съ Россіей. Всякой Россіей, независимо отъ ея политическаго строя, — хотя бы и совѣтской, — лишь бы она обладала силой и возможностью спасти армянскій народъ. Но такой Россіи тогда не существовало. Германія не была вовсе заинтересована ни въ странѣ, не имѣющей къ вывозу сырья, ни въ народѣ, который нужно было кормить. Съ остальной Европой связи не было никакой. Оставалась только надежда на окрѣпшую подъ нѣмецкимъ покровительствомъ Грузію...

Въ первой половинѣ іюня Жорданія и Рамшвили пригласили представителей Армянскаго совѣта для раздѣла между Грузіей и Арменіей по этническимъ признакамъ Борчалинскаго уѣзда. Но прибывшихъ армянскихъ делегатовъ встрѣтилъ И. Церетели

* Часть Эриванскаго уѣзда, часть Эчмиадзинскаго и весь Ново-Баязетскій уѣздъ.

** Долина Аракса — Нахичеванскій и Шаруго-Даралагезскій уѣзды.

*** Представители отъ политическихъ партій и племенъ.

¹ Зангезурскій и Шумский уѣзды съ армянскимъ населеніемъ составили временно «самостоятельную республику».

и отъ имени Грузинскаго совѣта заявить имъ, что всѣ спорныя территоріи* со смѣшаннымъ грузино-армянскимъ населеніемъ должны перейти къ Грузіи. Вождь — иѣкогда — русской революціонной демократіи приводилъ такіе мотивы: «армяне послѣ Батумскаго соглашенія (проведеннаго грузинами) не могутъ составить сколько нибудь жизнеспособнаго государства и имъ выгодно усилить Грузію, чтобы было на Кавказѣ сильное христіанское государство, которое при поддержкѣ иѣмцевъ будетъ защищать и себя, и армянь»**...

Черезъ нѣсколько дней грузины своими войсками фактически свободные отъ турокъ спорныя раіоны и немедленно приступили въ нихъ къ набору.

Оставшіеся въ трагическомъ одиночествѣ, Армянская республика съ отчаяніемъ и надеждой ждала поглощенія, раздѣла или избавленія. Откуда придетъ то или другое — можно было только гадать.

* * *

Азербейджанская республика самоопредѣлилась въ границахъ Елизаветпольской, Бакинской губерній и Закатальскаго округа. Фактически — только въ большей части Елизаветпольской губерніи, такъ какъ въ Закаталахъ*** шелъ споръ съ грузинами, на югѣ и юго-востокѣ велись бои съ армянами и русскими, а Баку не признавало власти Азербейджана.

Шовинистическое по отношенію къ Россіи и сосѣдямъ, ярко туркофильское правительство хана Хойскаго, вышедшее изъ либерально-буржуазной партіи «Муссаватъ», съ виѣшне-соціалистической окраской, не торопилось съ устроеніемъ внутренней жизни края, которая шла по инерціи, и обратило исключительное вниманіе на расширеніе его предѣловъ. Къ этому побуждала ихъ и панисламистская идея, овладѣвшая умами особенно сильно послѣ прибытія въ Елизаветполь къ серединѣ августа Нури-паши.

Вооруженной силы, однако, не было почти никакой. Мусульманскій «корпусъ», который формировался въ періодъ власти Закавказскаго комиссаріата и въ которомъ преобладали русскій командный составъ, былъ подъ давленіемъ иѣмцевъ въ началѣ августа распущенъ. Формированіе новаго корпуса съ турецкимъ составомъ сильно задерживалось, благодаря инертности татаръ и нежеланію и непривычкѣ ихъ нести регулярную службу. «Національные вопросы» разрѣшались практически, главнымъ образомъ, нерегулярными татарскими отрядами. Они при участіи турокъ устраивали взаимную кровавую рѣзню съ армянами въ Карабахѣ; они вторглись въ плодородную русскую Мугань¹, гдѣ разгромили и сожгли до 50 поселеній, жители которыхъ, до 30 тыс., бѣжали на сѣверный Кавказъ. Южная часть Мугани, однако, уцѣлѣла. Пройдя въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ черезъ большевизмъ и стряхнувъ его, населеніе Мугани организовало вооруженную силу около 1000 человекъ съ 2 ор. подъ командой полковника Ильѣшевича, отстояло свой край и въ свою очередь предало огню и мечу болѣе 20 татарскихъ селеній. Затѣмъ прожило мирно въ теченіе года, въ качествѣ «Ленкоранской республики», пока не было поглощено Азербейджаномъ по требованію... англичанъ.

Войска Азербейджана вели наступленіе, пока безуспѣшное, на Баку. Фронтъ проходилъ у станціи Кюрдамиръ — въ половинѣ разстоянія между Елизаветполемъ и Баку.

Баку — золотоносный источникъ лучшей нефти, выбрасываемой на міровой рынокъ ежегодно въ количествѣ около 500 милліоновъ пудовъ; прекрасный портъ, въ которомъ сосредоточивался почти весь Каспійскій торговый и транспортный флотъ; центральный узелъ путей, экономическая и стратегическая база Средней Азіи.

Вѣроятно и сами власти Азербейджанской республики не думали серьезно о суверенномъ обладаніи Баку, играя роль лишь ширмы для трехъ борющихся силъ. Германія дополнительными статьями къ Брестъ-Литовскому договору обязалась не допускать турецкія войска въ Бакинскій нефтеносный раіонъ и всячески препятствовала

* Уѣзды Ахалкалакскій, Казахскій, Борчалпскій и часть Александропольскаго.

** Докладъ № 49 представителя Арменіи, полковника Власьева: «Армяно-грузинскій конфликтъ»

*** Лезгинцы, родственные Дагестану.

¹ Ленкоранскій и Джіоватскій уѣзды Бакинской губерніи.

турко-татарскому наступленію... до полного сосредоточенія своихъ войскъ. Турція входила по этому поводу съ рѣзкими нотами, намекая даже на возможность разрыва, а тайно вливалась въ составъ азербейджанскихъ отрядовъ своихъ офицеровъ и аскеровъ. Въ самомъ Баку шло состязаніе турецкаго фанатизма, большевицкой пропаганды, англійскихъ фунтовъ и нѣмецкихъ марокъ...

На «Кюрдамирскомъ фронтѣ» боевыя дѣйствія между тѣмъ замерли.

Въ Баку, какъ и вездѣ, издавна существовала глубокая вражда между татарскимъ и армянскимъ населеніемъ. Послѣ большевицкаго переворота и кровавыхъ столкновеній Азербейджана съ Арменіей она усилилась еще болѣе, принявъ внѣшнія формы борьбы между совѣтской властью, на сторону которой стали дашнакцаны и русскій пролетаріатъ, и турко-татарами, къ которымъ изъ чувства самосохраненія примкнула часть русской интеллигенціи. Еще въ концѣ 17 года Москвою былъ назначенъ с.-д. Шаумянъ «верховнымъ комиссаромъ Закавказья», но до весны проявить своего существованія онъ не имѣлъ возможности.

25 марта при помощи армянскаго полка, возвращавшагося изъ Персіи черезъ Баку, армяно-большевики захватили власть въ городѣ. Переворотъ сопровождался слышанными звѣрствами. Въ городѣ вырѣзанъ былъ цѣлый мусульманскій кварталъ; число жертвъ не было зарегистрировано, но по официальнымъ свѣдѣніямъ азербейджанскаго правительства, вѣроятно нѣсколько преувеличеннымъ, армяне вырѣзали въ Баку и Шемахѣ 10 тыс. татаръ. У власти сталъ совѣтъ, преимущественно изъ дашнакцановъ, во главѣ съ Шаумяномъ. Небольшія части армянъ и русскихъ фронтовиковъ прикрыли городъ со стороны Елизаветполя.

Между тѣмъ, во второй половинѣ іюня въ Баку прибылъ партизанскій отрядъ полковника Лазаря Бичерахова силою въ 1½—2 тысячи человекъ. Отрядъ этотъ состоялъ на службѣ англичанъ, былъ хорошо вооруженъ и отлично оплачивался ими*. Бакинскому совѣту Бичераховъ заявилъ, что онъ — внѣ политики, ни къ какой партіи не принадлежитъ, признаетъ совѣтскую власть и будетъ поддерживать порядокъ. Части его выступили на Кюрдамирское направленіе.

Но въ послѣднихъ числахъ іюня Бичераховъ снялся съ фронта и отошелъ въ сѣверномъ направленіи. Въ Баку, подъ влияніемъ военныхъ неудачъ, произошелъ внутренній переворотъ, при участіи Бичерахова, причемъ большевицкій совѣтъ былъ смѣненъ полубольшевицкимъ «центрофлотомъ». Черезъ нѣсколько дней въ Баку прибылъ и англійскій генералъ Данстервилъ съ небольшимъ отрядомъ и военными инструкторами.

Правленіе центрофлота продолжалось немногимъ болѣе мѣсяца: 2-го сентября 1-й турецкій корпусъ съ Мурсалъ-пашой во главѣ опрокинулъ слабыя части бакинцевъ и, вопреки требованію нѣмцевъ, занялъ Баку. Въ городѣ повторились трагическія сцены конца марта, но въ обратномъ отраженіи: въ теченіе трехъ дней татары производили страшную рѣзню армянъ, причемъ правительство Арменіи опредѣляло число погибшихъ соотечественниковъ въ 25—30 тысячъ человекъ.

Данстервилъ поспѣшно, раньше другихъ, уѣхалъ въ Энзели. Бичераховъ со своими партизанами и съ армянскими отрядами двинулся на сѣверъ, захвативъ свыше 100 миллионовъ рублей Бакинской казны; при помощи канонеровъ овладѣлъ Дербентомъ и Петровскомъ; основалъ въ послѣднемъ эфемерное «Кавказско-Каспійское» правитель-ство, преимущественно изъ с.-р., и объявилъ себя «главнокомандующимъ войсками и флотомъ на Кавказѣ»**. Отрядъ его, сильно растаявшій, съ тѣхъ поръ держалъ фронтъ на югъ — противъ турко-татаръ и на сѣверъ — противъ большевиковъ. Отношенія у Бичерахова съ англичанами совершенно испортились, въ дальнѣйшемъ снабженіи его они отказали, и Бичераховъ вновь заявилъ, что борется только противъ турокъ, въ гражданской войнѣ участія не принимаетъ и «готовъ блокироваться съ большевиками»***.

* Послѣ развала русскаго Кавказскаго фронта Бичераховъ, бывший въ корпусѣ ген. Баратова, организовалъ изъ охотниковъ партизанскій отрядъ и принялъ съ нимъ участіе въ составѣ англійской арміи въ бояхъ въ Месопотаміи и сѣверной Персіи. Затѣмъ былъ направленъ англичанами въ Баку.

** Позднѣе титулъ командующаго войсками былъ утвержденъ за нимъ «Верховнымъ главнокомандующимъ» Уфимскаго правительства ген. Болдыревымъ.

*** Изъ доклада ген. Гришина-Алмазова, посѣтившаго въ Петровскѣ Бичерахова.

Между тѣмъ Азербейджанское правительство вступило въ Баку, и ханъ Хойскій отъ «имени націй» выражаетъ торжественно благодарность турецкому командованію. «Событіе это — говоритъ правительственный офицеръ* — открываетъ самыя широкія перспективы... для всего мусульманскаго міра. Въ этой борьбѣ на вѣсы было брошено самое дорогое — честь и слава тюркскаго племени».

«Народъ ликовать».

Черезъ два мѣсяца быстро мѣняющаяся кинематографическая лента Закавказья покажетъ намъ другую картину: «ликующій народъ» будетъ встрѣчать англійскую флотилію и войска генерала Томсона...

Въ то время, какъ закавказскіе народы въ огнѣ и крови разрѣшали вопросы своего бытія, въ сторонѣ отъ борьбы, но жестоко страдая отъ ея послѣдствій, стояло полумилліонное русское населеніе края, а также тѣ, кто, не принадлежа къ русской національности, признавали себя все-же русскими подданными.

Попавъ въ положеніе «иностранцевъ», лишенные участія въ государственной жизни**, преслѣдуемые подчасъ подозрительностью молодыхъ, не воспринявшихъ еще ни традицій, ни достоинства — правительство, подъ угрозой суровыхъ законовъ о выселеніи, лишеніи имущественныхъ правъ, о «подданствѣ» и наборѣ, допускавшемъ возможность братоубійства, русскіе люди теряли окончательно почву подъ ногами и запутывались въ противорѣчіяхъ, выдвигаемыхъ бурно кипящей жизнью Закавказья.

Я не говорю уже о моральномъ самочувствіи людей, которымъ закавказская пресса и стенограммы національныхъ совѣтовъ*** подносили ежедневно беззащитную хулу на Россію и повѣствованіе о «рабствѣ, насиліяхъ... притѣвленіяхъ... о морѣ крови, пролитомъ свергнутой властью»... Ихъ крови, которая вѣдь перестала напрасно литься только со времени водворенія на Кавказѣ «русскаго владычества».

Отношеніе къ русскимъ проявлялось не вездѣ въ одинаковой формѣ. Въ районахъ турецкой оккупации (Батумъ, Карсъ, Ардаганъ) русскаго населенія осталось мало: изъ страха передъ турецкимъ нашествіемъ крестьяне бросали свои нажитыя мѣста и хозяйства, рабочіе и городское мѣщанство — свои пожитки и заработокъ, и вся эта волна бѣженства текла на сѣверъ. Брошенное добро ихъ частью расхищалось мусульманскимъ населеніемъ, частью реквизировалось турками. Осталось на мѣстахъ главнымъ образомъ буржуазія и служилый элементъ. Къ нимъ турецкія власти отнеслись внѣшне — предупредительно, по существу — безучастно, но терпимо.

Нѣмцы проявили къ русскому населенію подозрительное и сдержанное отношеніе, не оказывая прямого вмѣшательства въ судьбы его и лишь воздѣйствуя въ смыслѣ укрѣпленія центробѣжныхъ стремленій на мѣстныя правительства. Это воздѣйствіе проявлялось скрытно, осторожно, не возбуждая рѣзко русской общественности. Характерно, что въ массѣ горькихъ жалобъ и обличеній, стекавшихся осенью 1918 года къ командованію Добровольческой арміи, меньше всего было относившихся къ германской оккупационной власти...

Въ Арменіи къ русскимъ относились болѣе доброжелательно, чѣмъ въ другихъ воображеніяхъ. Бѣдный своей интеллигенціей и техническими силами край пользовался охотно русскими работниками и въ частности привлекалъ русское офицерство въ ряды своихъ войскъ. Правительство, выдерживая офиціально тонъ сепаратной фразеологіи, вмѣстѣ съ тѣмъ устами одного изъ своихъ министровъ конфиденціально передавало: «политика Арменіи благоприятна Россіи, включительно до положительнаго разрѣшенія вопроса о возсоединеніи съ Россіей; если бы въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ

* «Азербейджанъ».

** Въ Азербейджанѣ въ послѣдствіи, подъ давленіемъ англійскихъ оккупационныхъ властей, русскіе представители въ ограниченномъ числѣ входили въ составъ правительства и парламента.

*** Въ Арменіи — только какъ рѣдкое исключеніе.

правительство Арменіи и оказалось вынужденным дѣлать официальные заявленія другого характера, министр предлагаетъ разсматривать эти заявленія какъ вынужденныя*. Жалобы на притѣсненія армянъ стали поступать лишь позднѣе, когда вернувшіеся въ районы бывшей турецкой оккупации съ сѣвера русскіе бѣженцы нашли свои пожитки и земли въ армянскихъ рукахъ.

Въ Азербейджанѣ, не взирая на яркое туркофильство правительства, русскій элементъ не подвергался гоненію. Правительство края такъ же, какъ и Арменія, бѣднаго культурными силами, не оказывая никакой помощи впадшимъ въ крайнюю нужду русскимъ людямъ, занесеннымъ обстоятельствами въ предѣлы края, не лишало, однако, должностей и работы тѣхъ, кто желалъ найти здѣсь примѣненіе своимъ силамъ. Только вдали отъ центра, особенно въ Шуминскомъ уѣздѣ и на Мугани, пронеслась кровавая волна, поднятая мусульманскимъ фанатизмомъ и, главнымъ образомъ, наступившимъ безвластіемъ. Оттуда раздавались стоны и вопли о помощи, оттуда бѣжали толпы несчастныхъ русскихъ людей на сѣверъ. Правительство хана Хойскаго, казалось, не проявляло интереса къ этимъ событіямъ, а, можетъ быть, безсильно было устранить ихъ.

Совершенно иначе обстояло дѣло въ Грузіи.

Правительство бывшихъ російскихъ социаль-демократовъ, внесшихъ во внѣшнюю политику и тактику російскаго совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ столь яркія идеи интернационализма, теперь задалось цѣлью вытравить всякіе признаки русской гражданственности и культуры въ краѣ — прочно, «навсегда» — прежде всего путемъ устраненія изъ Грузіи русскаго элемента. Цѣлый рядъ законодательныхъ актовъ и административныхъ распоряженій прямо или косвенно преслѣдовали эту идею: принудительное подданство, правовыя ограниченія, аресты, выселенія, наборъ, наконецъ, «націоналізація» — языка, школы, учреждений. Десятки тысячъ русскихъ служилыхъ людей и просто трудовой демократіи, работавшихъ въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, на желѣзной дорогѣ, почтѣ, телеграфѣ и т. д., были замѣнены грузинами и буквально выброшены на улицу. Стекавшіеся со всего Закавказья въ Тифлисъ, какъ военно-административный центръ края и фронта, служилые люди попадали въ отчаянное, безвыходное положеніе, въ особенності семейные.

Грузинское правительство, захвативъ въ свое распоряженіе почти все милліардное имущество Кавказскаго фронта, большіе кредиты и денежную наличность центральныхъ краевыхъ учреждений, расформировываемыхъ войскъ и военныхъ управленій, не сочло себя обязаннымъ произвести справедливую безболѣзненную ликвидацію русскаго наслѣдія. Вопросъ, о которомъ подумалъ — пусть даже въ цѣляхъ агитаціи — Совѣтъ комиссаровъ, препроводившій въ 1918 году въ Тифлисъ 30 милліоновъ рублей «на ликвидацію личнаго состава государственно-служащихъ».

Ликвидация денежной и матеріальной части шла безпорядочно, часто хищнически. Въ отношеніи личнаго состава служащихъ правительство ограничилося лишь назначеніемъ ничтожнаго ликвидаціоннаго пособія отъ 250 до 1000 рублей, выдача котораго однако всемѣрно задерживалась и въ концѣ концовъ свелась, словно въ насмѣшку, къ замѣнѣ денегъ кредиторскими свидѣтельствами на полученіе извѣстной суммы изъ «кредита Россійскаго государства»... Совѣтскаго?

Новый потокъ обездоленныхъ, голодныхъ, нищихъ людей двинулся къ портамъ Чернаго моря и по военно-грузинской дорогѣ, унося съ собою горячую ненависть къ Грузіи и грузинамъ. Въ сознаніи этихъ людей оскорбленіе и униженіе русской государственной идеи несомнѣнно сплывалось и переплеталось съ личнымъ горемъ и обидами. Ихъ возмущеніе было искренне, ихъ психологія несложна и понятна; она передавалась всецѣло русскому обществу по ту сторону кавказскаго хребта.

Имѣло ли отношеніе, проявленное грузинскимъ правительствомъ къ Россіи, основаніе въ народныхъ настроеніяхъ?

Я не буду останавливаться на обильномъ матеріалѣ, поступавшемъ по этому вопросу къ Добровольческому командованію изъ русскихъ источниковъ, быть можетъ,

* Управляющій мѣн. иностр. дѣлъ Мелікь-Каракозовъ. Докладъ представителя закавказскаго отд. к.-д. Теръ-Карапетава.

и несколько пристрастных; приведу мнѣніе туземца, не связаннаго съ правительствомъ, но не оторванаго отъ народа:

«Вопросъ этотъ слишкомъ касается вѣхъ русскихъ и потому изложить его безпристрастно очень трудно... Въ созданіи ненависти грузинъ къ русскимъ играло роль желаніе народа занять спокойно и устранившись отъ русской анархіи... Быть можетъ, и то, что нѣкоторые круги грузинскаго общества съ цѣлью разогрѣвали страсти населенія противъ русскихъ, указывая, что Россія — поработительница, Россія — угнетательница грузинской культуры и самобытности... Что психологія «юноши, только что вышедшаго изъ дѣтскаго возраста», свойственна и народу, «который, начиная жить самостоятельно, ревниво оберегаетъ собственное достоинство и боится, чтобы кто либо, какъ либо не обидѣть его страну»... Докладчикъ увѣрялъ, что «массового преслѣдованія русскихъ не было» и что «тотъ узкій шовинизмъ, который былъ у большинства грузинскаго народа вначалѣ, постепенно началъ слабѣть, и населеніе (стало) лучше относиться къ русскимъ, жалѣя, что связь съ Россіей какъ бы временно порвалась»...

Интересы русскаго населенія въ Закавказьѣ защищали возникшія повсемѣстно національныя организации*. Избраніе ихъ было далеко не правомѣрно. Взаимная связь относительная — но крайней мѣрѣ центральный органъ («Русскій національный совѣтъ» въ Тифлисѣ) не пользовался никакимъ авторитетомъ среди прочихъ. Силы расплылись: въ Тифлисѣ, напримѣръ, одновременно существовали враждебные другъ другу «Русскій національный совѣтъ», «Славяно-русское общество на Кавказѣ», «Закавказская Русь»; «Славяно-русское общество» соперничало въ Баку съ мѣстнымъ «национальнымъ совѣтомъ». Политическая окраска организаций была весьма разнообразна — отъ социалистической («Русскій національный совѣтъ» въ Тифлисѣ**) до крайней правой («Закавказская Русь»). Также различно было отношеніе ихъ къ основному вопросу русской государственности: Тифлисскій совѣтъ, напримѣръ, содѣйствовалъ широко эвакуаціи русскаго элемента изъ Закавказья, въ то время какъ другія организации удерживали его всемѣрно на мѣстахъ, считая государственно вреднымъ такой полный разрывъ, хотя бы и временный, съ Закавказьемъ. Тифлисскій совѣтъ стоялъ на почвѣ соглашательства съ большевиками, имѣлъ сношенія съ совѣтской властью черезъ Владикавказъ и даже до сентября признавался Грузіей какъ «представитель Россійскаго совѣтскаго правительства»; «Славяно-русское общество» относилось примирительно къ временной самостоятельности новообразованій и послало въ составъ Азербейджанскаго министерства; другія организации считали такое направленіе измѣной русскимъ интересамъ.

Словомъ, въ русской общественности по обыкновенію произошелъ расколъ, раздѣлившій силы и средства и ослабившій политическое и моральное вліяніе ея. Тѣмъ не менѣе, было бы несправедливымъ отрицать большую и полезную работу этихъ организаций, направленную къ охранѣ личныхъ и имущественныхъ правъ «россійскихъ подданныхъ», устроению ихъ быта, удовлетворенію культурно-просвѣтительныхъ потребностей, наконецъ, къ общественной благотворительности. Среди тяжелой, подчасъ унизительной обстановки, обладая скудными матеріальными средствами, онѣ поддерживали и русскихъ людей, и русскую идею.

Весьма сложный самъ по себѣ вопросъ бытія народовъ закавказской мозаики получилъ уродливое направленіе благодаря воздѣйствію трехъ крупныхъ факторовъ — русскаго большевизма, турецкаго панисламизма и германскаго империализма. Воздѣйствію временному и преходящему. Было бы поэтому слишкомъ рискованнымъ на основаніи событій и фактовъ этого періода, равно какъ и послѣдующаго***, дѣлать окончательное заключеніе объ истинномъ отношеніи племенъ Закавказья къ русской государственности и русской культурѣ.

* Сочл, Гагры, Сухумъ, Поті, Батумъ, Тифлисъ, Эривань, Баку и Карсъ.

** Предсѣдатель Ф. Лебедевъ, большинство членовъ — с.-р.

*** Вліяніе «Вооруженныхъ силъ Юга Россіи», Совѣтской Россіи и Англіи.

Эти неизмѣримыя цѣнности поставлены были судьбою передъ страшно тяжелымъ испытаніемъ. Оно приняло масштабъ всероссійскій, косвенно — всемірный, въ которомъ судьбы Закавказья — только деталь. Большое время рождаетъ больныхъ людей и больныя идеи. До сихъ поръ длится еще состояніе распада, въ которомъ не могли намѣтиться будущія формы государственной связи закавказской окраины съ Россіей.

Вѣрую, что связь эта выдержитъ испытаніе и не порвется.

ГЛАВА VIII.

Донъ: Внутреннее строительство и вооруженная борьба съ большевиками.

«Кругъ спасенія Дона» открылся въ Новочеркасскѣ 28 апрѣля 18 г.*

Къ этому времени только небольшая часть Донской области была освобождена отъ большевиковъ**. Составленный изъ представителей станицъ и казачьихъ ополченій, главнымъ образомъ ближайшихъ къ Новочеркасску, Кругъ не могъ претендовать на большую авторитетность. Тѣмъ болѣе, что составъ его былъ случайный и совершенно неинтеллигентный. Не разбираясь въ тѣхъ серьезныхъ вопросахъ, которые предлагались на его усмотрѣніе, находясь все время подъ впечатлѣніемъ страха за участь своихъ станицъ, угрожаемыхъ со всѣхъ сторонъ красногвардейцами, работая подъ гулъ орудійныхъ выстрѣловъ, доносившійся до Новочеркасска, Кругъ думалъ только объ одномъ — спасеніи отъ большевиковъ. И покорно утверждалъ положенія, внесенныя председателемъ Круга есауломъ Яновымъ, командующимъ войсками полковникомъ Денисовымъ и генераломъ Красновымъ.

Тѣмъ не менѣе, то единодушіе, которое проявлено было членами Круга въ минуту бѣдствія, имѣло объективно важное и положительное значеніе: Кругъ создалъ сильную власть, давъ ей нравственную опору и до нѣкоторой степени легальный титулъ.

Въ засѣданіи своемъ 3 мая «Кругъ спасенія Дона» призналъ за собою учредительныя функціи («всю полноту верховной власти») и въ тотъ же день избралъ атаманомъ*** генералъ-лейтенанта Краснова, до тѣхъ поръ недовѣрчиво относившагося къ казачьему движенію и упорно отказывавшагося принять участіе въ борьбѣ на Донѣ.

Кругъ постановилъ¹:

1. «Власть управленія войскомъ во всемъ ея объемѣ принадлежитъ Войсковому Атаману въ предѣлахъ всего Всевеликаго² войска Донского».

2. «Впредь до изданія и обнародованія новыхъ законовъ Всевеликое войско Донское управляется на твердыхъ основаніяхъ Свода законовъ Россійской имперіи... Всѣ декреты и иные законы, разновременно издававшіеся какъ Временнымъ правительствомъ, такъ и совѣтомъ народныхъ комиссаровъ, отмѣняются».

3. «Условія приобрѣтенія гражданства Всевеликаго войска Донского, равно какъ и правъ казачества, а также утрата ихъ опредѣляются закономъ»³.

Установивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что положеніе это временное, «впредь до созыва Большого войскового круга, каковой долженъ быть созванъ... не позже двухъ мѣсяцевъ по

* См. Т. II гл. XXXI.

** Сѣв. часть Черкасскаго и Ростовскаго округовъ, Южная часть Донецкаго и почти весь Верхне-Донской.

*** 107 голосовъ противъ 13 при 10 воздержавшихся.

¹ Изъ «основныхъ законовъ», предложенныхъ Кругу ген. Красновымъ какъ обязательное условіе принятія имъ атаманства.

² Историческое происхожденіе этого титула, возстановленнаго ген. Красновымъ, опорочивалось знатоками донской старины, указывавшими, что въ до-петровскихъ грамотахъ это наименованіе писалось «Всѣ великое войско Донское».

³ Донъ не пошелъ на «принудительное подданство», къ чему стремились Украина и Грузія.

окончаниі... сессіи Круга спасенія Дона», Кругъ, въ семь дней закончивъ разсмотрѣніе временной донской конституціи, 5 мая разъѣхался.

Въ управленіе областью вступилъ атаманъ Красновъ, единолично и безраздѣльно осуществлявшій власть до середины августа, т. е. до созыва Большого круга. Правилъ властно, съ большой энергіей и не разбирая средствъ, проявляя недюжинныя административныя способности и твердость воли. Назначенное имъ правительство («совѣтъ управляющихъ») состояло изъ лицъ случайныхъ, не связанныхъ общей политической программой — по убѣжденіямъ правыхъ, по интеллектуальнымъ даннымъ въ большей части не возвышавшихся надъ уровнемъ губернскаго чиновничества. Во всякомъ случаѣ, правительство это заслоняла собою всецѣло фигура самого атамана.

Мѣстные кадеты и болѣе лѣвыя группы въ правительство не вошли. Глава донскихъ кадетъ Н. Парамоновъ, поддержанный Миллюковымъ, жившимъ тогда въ Ростовѣ, получивъ соотвѣтственное предложеніе, потребовалъ въ качествѣ необходимаго условія вхожденія личнаго и своихъ единомышленниковъ въ правительство — устраненія нѣсколькихъ наиболѣе одиозныхъ его членовъ. На этой почвѣ произошелъ разрывъ, и Парамоновъ 20 іюня въ рѣзкой формѣ заявилъ окончательно атаману, что ни онъ, ни его друзья по партіи съ нимъ работать не будутъ.

Донской власти предстояло приступить къ государственной работѣ въ условіяхъ необыкновенно тяжелыхъ.

Главнымъ факторомъ, опредѣлившимъ направленіе и развитіе донскихъ событій, была нѣмецкая оріентація.

25 апрѣля войска ген. фонъ Кнерцера вошли въ Ростовъ; въ началѣ мая послѣ двукратнаго наступленія и серьезнаго боя съ большевиками они овладѣли Батайскомъ; затѣмъ силами въ 3 пѣхотныхъ дивизіи и 2 кавал. бригады нѣмцы заняли западную и сѣверную части Донецкаго бассейна, въ томъ числѣ болѣе четверти Донской области, по вѣншей линіи Мариуполь—Бахмутъ—Миллерово (авангардъ у Кантемировки) — Бѣлая Калитва. Нѣмецкіе гарнизоны стояли въ Таганрогѣ, Ростовѣ, Каменской, временно въ Лихой, Звѣрево и др. пунктахъ.

Первоначальная цѣль нѣмецкой оккупациі въ предѣлахъ Дона была чисто экономическая: «главнокомандующій Восточнымъ фронтомъ утверждалъ, что безъ донецкаго угля стануть украинскія желѣзныя дороги. И ставка волей-неволей согласилась на оккупацию этой части Украины и на выдвигеніе къ Ростову»*... Позднѣе, однако, помимо новыхъ экономическихъ перспективъ, открывшихся въ просторахъ Дона и Кубани, передъ нѣмецкимъ командованіемъ всталъ тревожный вопросъ о создаваемомъ союзниками на Волгѣ «Восточномъ фронтѣ». Задача фонъ Кнерцера расширилась поэтому необходимостью созданія политически и стратегически выгодныхъ условій для противодѣйствія новому фронту.

Нѣмецкія дивизіи, занимая линію болѣе 500 верстъ, надежно прикрывали войско Донское съ сѣвера и запада — не своей численностью, конечно, а сохранившимися еще обаяніемъ силы и договорными отношеніями съ совѣтами. Прикрывали до тѣхъ поръ, пока это входило въ расчеты нѣмецкой политики и допускалось мировымъ положеніемъ Германіи.

Сообразно съ фактической силой, которою располагали нѣмцы на Дону, и безъ сомнѣнія большимъ отпоромъ, встрѣченнымъ со стороны донскаго правительства, нѣмецкая оккупациа проявлялась здѣсь въ формахъ значительно болѣе умѣренныхъ, нежели на Украинѣ. Тѣмъ не менѣе германское командованіе — въ частности представитель главной квартиры майоръ Кофенгаузенъ оказывалъ сильное давленіе на внѣшнія сношенія Дона, на избраніе атамана (сентябрь) и составъ правительства. Нѣмцы выкачивали усиленно донское сырье и хлѣбъ, злоупотребляли реквизиціями, наводнили край своей контръ-развѣдкой и преслѣдовали неуютную имъ печать. На остальныхъ сторонахъ жизни казачества вліяніе ихъ не отражалось почти вовсе и, во всякомъ случаѣ, не препятствовало борьбѣ Дона съ союзниками нѣмцевъ — большевиками.

* Людендорфъ.

Такія отношенія вполнѣ удовлетворяли атамана, который и нынѣ еще внушаетъ мысль о высокой добродѣтельности нѣмцевъ къ Дону въ дни оккупациіи и о своемъ личномъ исключительномъ вліяніи на взаимоотношенія Дона съ нѣмецкимъ командованиемъ. Взглядъ, страдающій большимъ преувеличеніемъ. Быть можетъ, нѣмецкіе генералы, освѣтивъ на Дону, проявили большую дальновидность и солдатскую честность... но и они, и атаманы были лишь незначительными колесиками въ механизмъ бездушной и безпринципной германской политики — безсильные измѣнить что либо въ общемъ ея направленіи.

Мы видѣли и чувствовали это.

Передо мною свидѣтельство, не преломленное сквозь призму времени, — непосредственный переживанія ген. Богаевского.

Уже самый подходъ къ работѣ съ нѣмцами таилъ въ себѣ большія трудности моральнаго характера.

«Я завидую Вамъ, имѣющему возможность не входить съ ними ни въ какія отношенія — писалъ мнѣ Богаевскій* 10 мая 18 г. — Для насъ это невозможно. И вотъ теперь — съ рискомъ проклятій и клячки измѣнника — мы вынуждены имѣть съ ними дѣло, чтобы не погубить сразу слабые зачатки порядка на Дону»...

Потомъ, къ осени, по мѣрѣ установленія реальныхъ взаимоотношеній, опредѣлилась и непрікрашенная сущность ихъ:

«Эфемерныя республики (вырастаютъ) какъ грибы послѣ дождя, на развалинахъ родины подъ «высокимъ покровительствомъ» чужеземцевъ, дающихъ подачки одной рукой, а другой готовыхъ каждую минуту всадить ножъ въ спину въ видѣ большевиковъ... И жестокая судьба заставляетъ вести политику при такихъ условіяхъ, когда душа и сердце дрожать отъ униженія и обиды»***.

Первой заботой новой донской власти было созданіе арміи.

Освобожденіе Дона являлось въ началѣ результатомъ войны народной — партизанской, неорганизованной. Возставали противъ большевиковъ отдѣльныя станицы, подъ командой случайныхъ начальниковъ; соединялись иногда въ болѣе крупныя отряды; выходили поголовно, когда станицѣ угрожала непосредственная опасность, и расходились, когда она отдалялась; нѣкоторыя станицы и вовсе не принимали участія въ борьбѣ. Къ началу мая въ распоряженіи атамана на маленькой еще освобожденной территоріи было 14 самостоятельныхъ отрядовъ общей численностью въ 17 тысячъ бойцовъ, 21 орудіе и 58 пулеметовъ.

Путемъ цѣлаго ряда мѣръ, энергично проведенныхъ, атаману удалось внести начала организаціи и нѣкотораго порядка въ эти нестройныя ополченія. Была объявлена обязательная мобилизація въ дѣйствующую армію 10 возрастныхъ классовъ и въ такъ называемую постоянную армію, формировавшуюся въ районѣ Новочеркасска — двухъ младшихъ возрастовъ; мелкіе отряды сводились въ полки и высшія соединенія, подчиненныя командующему арміей — должность, которая совмѣщалась въ лицѣ ген. Денисова съ управленіемъ военно-морскимъ отдѣломъ (министерствомъ); приняты были радикальныя мѣры по привлеченію въ армію донскихъ офицеровъ, изъ которыхъ многіе, «за дни господства большевиковъ настолько глубоко пережили стадіи своего моральнаго униженія, что извѣрились въ искренность казаковъ и, не вѣря въ успѣхъ дѣла, постарались остаться въ сторонѣ»***; для подготовки и усовершенствованія офицеровъ восстановлено Новочеркасское военное училище, организована офицерская школа, созданы уставы; въ «постоянной арміи» кромѣ обученія введено и воинское воспитаніе, и т. д., и т. д.

* Министръ иностр. дѣлъ («управл. отдѣломъ») въ правительствѣ Краснова.

** Изъ письма ген. Богаевского въ Кіевъ.

*** Изъ отчета начальника военнаго и морского управленія къ 1 авг. 1918 г.

Особенно тяжело стоялъ вопросъ снабженія Донской арміи, ввиду разоренности края и разобщенности съ соседними районами. Попрежнему главными источниками снабженія служили военная добыча и не оскудѣвшіе личные запасы домовитыхъ зажиточныхъ казаковъ. Въ отношеніи боевыхъ припасовъ, которыхъ ненасытное чрево войны пожирало въ огромномъ количествѣ, явился еще другой источникъ — мѣна съ германцами, овладѣвшими богатыми русскими военными запасами на Украинѣ и теперь продававшими ихъ за шерсть, хлѣбъ и скотъ Дона и Ставропольской губерніи. Къ 1-му августа склады Новочеркасска числились въ приходѣ слѣдующую матеріальную часть*:

Приходъ	Орудій	Пулеметовъ	Ружей	Снаряд. въ тысячахъ	Патрон.
Захвачено казаками къ началу мая	16	79	14	7,6	4322
Получено отъ нѣмецкихъ властей и Украины..	25	79	11,7	119	13917

Въ результатѣ къ августу, ко времени созыва Большого круга, въ дѣйствующей арміи, раздѣленной на 6 группъ, числилось 39 тыс. бойцовъ, 93 орудія, 280 пулеметовъ. Въ «постоянной арміи», не двинутой еще на фронтъ, 14 тыс. бойцовъ, составлявшихъ гордость и надежду Дона. Наконецъ, имѣлась и небольшая военная флотилія изъ десяти рѣчныхъ судовъ.

Какова же была боевая и моральная цѣнность Донской арміи?

Одинъ изъ москвичей дѣлился впечатлѣніями, вынесенными имъ съ Донского круга: «ораторы льстили имъ (депутатамъ круга), превозносили безъ мѣры «Всеелшкое войско Донское» — казаки падали на шумиху и самопревозношеніе... Донской демагогъ, социалшеть, нынѣ большевикъ П. Агѣевъ, говорилъ даже о необходимости «духовнаго оказаченія русскаго народа»...

Эта маленькая казачья слабость, не чуждая, впрочемъ, до нѣкоторой степени и неказачьей военной средѣ, зачастую заслоняла истинную сущность событій и приводила людей непосвященныхъ въ недоумѣніе при тѣхъ разительныхъ колебаніяхъ — отъ молниеносныхъ успѣховъ до глубокаго паденія — которыя испытывалъ донской фронтъ.

Все бывало.

Привязанность къ «роднымъ станицамъ» и воспріятіе Родины въ предѣлахъ... станичнаго юрта, дальше котораго не простиралось желаніе бороться; иногда — болѣе или менѣе ясное сознаніе интересовъ Донской области и казачества; наконецъ, весьма смутное представленіе о Родинѣ въ широкихъ, всероссійскихъ рамкахъ. Отчасти въ силу общаго недуга русскаго народа, отчасти потому, что казацы верхи опасались внушать чувство «русскаго патріотизма» не склонной къ нему массѣ.

Была глубокая ненависть къ большевикамъ и братаніе. Истинное стремленіе къ подвигу и корысть. Высокій подъемъ и «утомленіе». Беззавѣтное мужество и «утечка». Преданность начальникамъ и дисциплина — не та, конечно, что проводилась новочеркасскими уставами, а значительно модернизированная гражданской войной и революціей, но все же дисциплина — и митингованіе полками и станицами, грабежъ и неповиновеніе.

Генералы Красновъ, Денисовъ и другіе начальники употребляли чрезвычайныя усилія, чтобы вовлечь казаковъ въ борьбу и боролись съ неустойчивымъ настроеніемъ арміи. Иной разъ, однако, способами весьма рискованными. Къ числу ихъ нужно отнести два — чисто моральнаго свойства, имѣвшие особенно печальные результаты: поддержаніе казачьяго шовинизма и иллюзіи. «До Россіи намъ дѣла нѣтъ» — эта мысль звучала перѣдко на фронтѣ и на кругу, не встрѣчая яркаго, страстнаго отпора сверху. Фронтъ питался все время искусственными иллюзіями — сначала о всемогущей защитѣ императора Вильгельма, потомъ о смѣнѣ экзотическими «русскими» арміями**, наконецъ, о приходѣ союзныхъ дивизій. Жить долго въ состояніи экзальтированной мечты

* Idem.

** Южная, Астраханская, Саратовскій корпусъ...

нелзя. Казаки будутъ ждать осуществленія ея сначала спокойно, потомъ съ буйнымъ истерикѣемъ, пока, наконецъ, не рѣшатъ:

— Обманъ!

И тогда бросять фронтъ.

Всѣ сильныя, величественныя стороны кровавой борьбы Дона и всѣ слабыя, тѣнныя — имѣли источникъ своимъ одно положеніе: Донецкой арміи по существу не было; былъ вооруженный народъ. Точнѣе, вооруженный классъ, такъ какъ казачество составляло лишь около половины населенія области.

Эта истина сознавалась и вождями донского казачества, но высказывалась громко только въ трагическія минуты его существованія. Такъ 1-го февраля 1919 года, когда фронтъ быстро катился назадъ, угрожая паденіемъ Дона, ген. Красновъ взволнованно говорилъ Большому кругу:

— Вѣдь у насъ нѣтъ полковъ стараго времени: у насъ вооруженный народъ, толпа. Она поддается настроенію, идетъ впередъ... И когда повернула назадъ, то ее трудно остановить... Но у меня нѣтъ осужденія казакамъ — я знаю, что мы дошли до послѣдняго.

Это была правда: донское казачество напрягало большія усилія, разорялось и безкровѣло въ борьбѣ, которой не видно было конца.

Къ лѣту 18 года стратегическая обстановка Донецкой арміи слагалась весьма благопріятно. Западные рубежи области прикрывали нѣмецкія войска, а съ Юга — Добровольческая армія; въ самой донской арміи царилъ большой подъемъ. Наступленіе въ сѣверо-восточномъ направленіи противъ Южнаго фронта большевиковъ* шло поэтому съ большимъ успѣхомъ.

Къ началу мая большевицкія силы, занимавшія Донецкую область, располагались въ четырехъ крупныхъ группахъ:

1. Въ центрѣ ж. д. линіи Поворино — Царицынъ	7 тыс.	18 ор.
2. Вдоль ж. д. Лихая (отъ Бѣлой Калиты) — Царицынъ	18 тыс.	60 ор.
3. Вдоль ж. д. Торговая — Царицынъ	15 тыс.	32 ор.
4. Азовская группа — противъ нѣмцевъ, донцовъ и Добровольческой арміи	30 тыс.	90 ор.
	70 тыс.	200 ор.

Началось послѣдовательное очищеніе области отъ большевиковъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ соединенными усиліями отрядовъ генераловъ Фицхелаурова (8—10 тыс. при 11—81 ор.***) и Мамонтова (8—12 тыс. при 7—32 ор.**), общей численностью около 17 тыс. и 18 ор., послѣ многодневныхъ боевъ вторая группа красной гвардіи, сдавленная съ сѣвера и юга, была разбита и отброшена за рѣку Лиску. Въ то же время возставшіе казаки сѣверныхъ округовъ прогнали отъ себя большевиковъ, освободивъ весь районъ до ж. д. Поворино — Царицынъ. Такимъ образомъ возстановлена была сплошная территория и связь сѣвера съ центромъ.

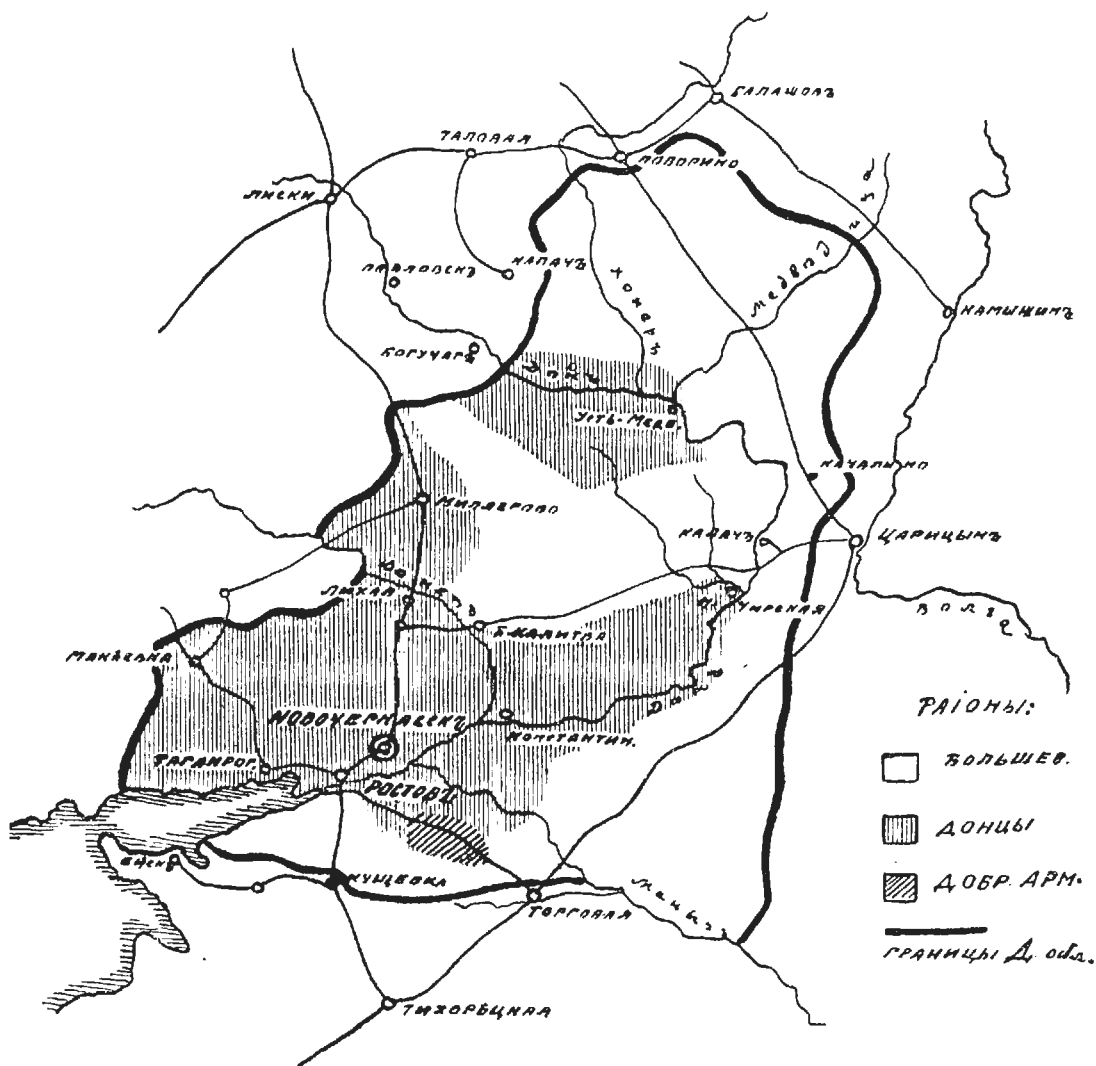
Въ іюнѣ Добровольческая армія взяла Торговую и Великокняжескую и передала освобожденный районъ по р. Манычу донцамъ, продвинувшимся до станицы Зимовники. Въ началѣ мѣсяца соединенными усиліями отряда полк. Дубовскаго, рѣчной флотиліи и ополченій прибрежныхъ станицъ былъ очищенъ отъ большевиковъ лѣвый берегъ средняго Дона и возстановлено судоходство и связь между отрядами отъ Аксая до Чира.

Въ іюлѣ Добровольческая армія, разбивъ южную группу большевиковъ и овладѣвъ Тихорецкой, вышла въ тылъ Азовской группѣ противника, заставивъ ее поспѣшно бѣжать къ Екатеринодару. Азовское побережье было очищено, весь югъ области освобожденъ и обезпеченъ, и Новочеркасскъ избавленъ отъ нервнующей угрозы близости

* Главнокомандующій южнымъ фронтомъ большевиковъ быв. ген. Павелъ Сытинъ.

** Отряды постепенно пополнялись и прибавлялась артиллерія, захватываемая въ бояхъ.

большевиковъ. А на сѣверѣ казаки Усть-Медвѣдницкаго округа, прельстившись обѣщаніями своего сородича б. войск. старшины Миронова, состоявшаго на службѣ у большевиковъ, послѣ бурныхъ митинговъ частью отошли за Донъ, частью передались на его сторону. Генералу Денисову пришлось напрямъ чрезвычайныя успія. Снявъ съ

ПОЛОЖЕНІЕ ДОНА

къ 1-му мая 1918 г.

Чирскаго фронта болѣе прочныя войска ген. Фицхелаурова, онъ перебросилъ ихъ на сѣверъ. Пройдя съ лишнимъ 100 верстъ, въ пятинедельномъ бою Фицхелауровъ разбиваетъ Миронова и отбрасываетъ большевиковъ за линію Грязе-Царицынской ж. дороги. Послѣ этого его отрядъ и хоперское ополченіе, дравшееся сѣвернѣе, дошли до границъ Саратовской губерніи. Часть силъ Фицхелаурова продвинулась къ Царицыну до ст. Качалино, въ то время, какъ ген. Мамонтовъ послѣ кровопролитныхъ боевъ, преслѣдуя остатки 1-й и 3-й совѣтскихъ армій, находившіеся подъ начальствомъ унтеръ-офицера

Тулака (вторая группа), подошел почти вплотную к Марицкому с запада, вызвав в город неописуемую панику. Тулак, отличавшийся злѣрским обращеніемъ съ подчиненными, былъ убитъ красноармейцами и похороненъ ими съ большими почестями. Такимъ образомъ, къ началу августа вся Донская область, за исключеніемъ пяти восточныхъ станицъ, была освобождена отъ большевиковъ.

Собравшіеся 15 августа Большой кругъ «прежде всего вспомнилъ «родныхъ защитниковъ» и выразилъ надежду на близость того дня, «когда сердца всѣхъ дѣтей Дона вознесутся въ горячей благодарной молитвѣ за полное избавленіе его земли отъ предателей, и тогда съ легкимъ свободнымъ вздохомъ они скажутъ вамъ — спасибо, родные страдальцы»...

А Россія?

О ней говорилось конкретно только въ посланіи... на Кубань, которая «совмѣстно съ Дономъ борется за возрожденіе нашей великой мученицы — родины». Надо же было сдвинуть кубанцевъ отъ «родныхъ хатъ» хотя бы къ сѣвернымъ рубежамъ Дона...

* *

Такимъ же быстрымъ темпомъ шла работа атамана и правительства по возстановленію разрушенной большевиками донской жизни.

Со дня опубликованія «основныхъ законовъ» донского новообразованія, атаманъ выполнилъ отчетливо опредѣлить свою политическую программу: возвращеніе къ положенію, существовавшему до февральской революціи. Въ этомъ направленіи шла работа всѣхъ отдѣловъ въ области устроенія края, возстановленія учреждений, соціальной и экономической политики. Не связанные, однако, единствомъ политическихъ взглядовъ, министры вносили нерѣдко ноту диссонанса въ общую монолитную картину реставраціи. Такъ, начальникъ отдѣла торг. и промышл. Лебедевъ признавалъ «право экономической борьбы рабочихъ съ капиталомъ», поощрялъ бытіе профессиональных союзовъ и «здоровой рабочей печати», въ то время, какъ нач. отдѣла внутр. дѣлъ Корнѣевъ «душилъ» и рабочихъ, и союзы, и всякую печать. Отдѣлъ юстиціи возстановлявалъ либеральные законы Временнаго правительства объ «отмѣнѣ административныхъ гарантій», замѣтилъ «особыхъ присутствій съ участіемъ сословныхъ представителей» судами присяжныхъ и т. д. Отдѣлъ народного просвѣщенія «въ согласіи съ постановленіемъ Временнаго правительства» разрабатывалъ автономію высшей школы и пошелъ даже дальше, введя выборное начало для замѣщенія должностей по учебному вѣдомству.

Молодая «республика» стремилась облечь себя въ покровы самостоятельной государственности и по формѣ, и по содержанію. Такъ, Лебедевъ, «съ отдѣленіемъ Донской области отъ Россіи» и «принимая во вниманіе предстоящую жесточайшую мировую борьбу по завоеванію рынковъ сбыта», считалъ необходимымъ удѣлить исключительное вниманіе и средства на созданіе новыхъ отраслей промышленности, «притомъ въ наиболѣе совершенномъ техническомъ оборудованіи»*. Карелинъ (нач. отд. путей сообщенія) ставилъ ближайшей задачей постройку Волго-Донского и соединяющаго Сѣверный Донецъ съ Днѣпромъ каналовъ. Это — въ краѣ, взбаламученномъ до дна, на территоріи, переходящей изъ рукъ въ руки, при отсутствіи силъ и средствъ и при пустой казнѣ**.

Первый отчетъ управленія финансами умѣрилъ, однако, эти грандіозные масштабы. Онъ выяснилъ, что доходы области покрываютъ лишь 46 % расходовъ, что 57½ % расходовъ должны идти на армію и что единственнымъ постояннымъ ресурсомъ казны является печатный станокъ, выброшенный до 15 іюля 101 милліонъ бумажныхъ знаковъ.

Какъ бы то ни было, обывательская жизнь области начинала входить въ норму, создавая мало по малу условія внѣшняго порядка, безопасности и хозяйственнаго

* Изъ отчетовъ къ 1-му августа.

** На первое полугодіе расходная смѣта 400 милліоновъ, доходная — 198.

Похороны «командарма» Тулака

благополучія. А жизнь Ростова и Новочеркасска — типичного тыла трех армій — Донской, нѣмецкой и Добровольческой — была ключомъ въ нездоровой атмосферѣ чудовищной спекуляціи, наживы, політическаго шантажа и вызывающей роскоши.

Иначе обстоялъ вопросъ съ «иногородними» — неказачьимъ населеніемъ области, преимущественно крестьянскимъ. Первое правительство Янова, чувствуя себя еще слабымъ, обратилось къ населенію съ «призывомъ», въ которомъ обѣщанъ былъ одновременно съ созывомъ Большого круга и съѣздъ неказачьяго элемента области «въ цѣляхъ полнаго объединенія всего населенія». Но калединскій «паритетъ» пугалъ Краснова; въ массѣ иногородняго населенія большевизмъ былъ далеко еще не изжитъ и только притаился передъ силой; Ростовская и Таганрогская думы стали въ отношенія, явно отрицательныя къ казачьей власти. Участіе поэтому иногородняго элемента въ государственномъ строителствѣ атаманы признали невозможнымъ. Но этимъ дѣло не ограничилось. По всему краю, какъ откликъ перенесенныхъ бѣдствій, вспыхнуло ярко чувство мести къ большевикамъ, которыми казаки нескрѣнно считали всѣхъ иногороднихъ — крестьянъ и рабочихъ. Оно проявлялось не только въ некультурной массѣ казачества — произволомъ и дикими самосудами — но и въ политикѣ управленія внутреннихъ дѣлъ, въ практикѣ администраціи, въ работѣ полиціи, знаменитыхъ карательныхъ отрядовъ Икаева и Судиковскаго, «наводившихъ ужасъ и панику на населеніе»*, въ дѣятельности «Суда защиты Дона» и полевыхъ судовъ.

Начальникъ отдѣла внутреннихъ дѣлъ Корнѣевъ, поддержанный атаманомъ, пользовавшійся расположеніемъ нѣмцевъ и встрѣчавшій острую враждебность со стороны донской общественности и даже самого правительства, въ сознаніи «правоты» своего курса, не оправдывался, когда давалъ отчетъ Большому кругу, встрѣтившему его также враждебно. Онъ говорилъ:

— Мы — казаки. У насъ своя голова на плечахъ. Не московскимъ воробьямъ учить донскихъ орловъ. Я самъ природный казакъ, во мнѣ говоритъ алая казачья кровь. Мы съ вами рождены пѣз одного тѣста. Я придерживался и буду придерживаться чисто казачьяго курса.

Эта борьба внутренняя изнуряла въ свою очередь казачество, создавая въ области нездоровую атмосферу озлобленія и поддерживая большевицкія настроенія.

Наконецъ, вопросъ политической идеологіи...

Правительство Дона ея не имѣло или, по крайней мѣрѣ, ея официально не высказывало. Терминъ «демократическая республика» чаще другихъ проскальзывалъ въ рѣчахъ управляющихъ. Чувства атамана, впрочемъ, не были секретомъ. Баянъ династій и режима до 17 года**, онъ очевидно не измѣнилъ своимъ привязанностямъ и теперь. Но идея монархизма была тогда крайне не популярной въ средѣ казачества, и атаманы говорили о ней туманно, поэтическими образами, въ которые можно было вложить какое угодно содержаніе. А въ то же время атаманскій офиціозъ «Донской Край», который редактировался И. Родіоновымъ, наряду съ казачьимъ шовинизмомъ, проводилъ идеи ультра-монархизма и мрачной реакціи, по словамъ докладчиковъ Круга производившія на фронтъ, куда листовъ посылались въ большомъ числѣ экземпляровъ, впечатлѣніе, «худшее, нежели всякая большевицкая прокламація».

Словомъ, на Новочеркасскомъ политическомъ горизонтѣ было не ясно: не то царь, не то республика. Не то — «царь на Москвѣ, а атаманы на Тихомъ Дону».

* Изъ доклада коммисіи Круга.

** Многолѣтній сотрудникъ официальнаго военнаго органа «Русскій Ишвалдъ».

ГЛАВА IX.

Донъ: вѣдѣнія политика.

«Вѣдѣнія сношенія вѣтъ самъ атаманъ. Я былъ простымъ исполнителемъ его указаній». Такъ говорилъ управляющій отдѣломъ иностр. дѣлъ ген. Богаевскій.

Врядъ ли исторія съ точки зрѣнія русской національной идеи осудитъ ген. Краснова за то, что онъ въ 1918 году призналъ Донъ «не воюющей» противъ Германіи стороной, воспользовался обезпеченіемъ нѣмцами западныхъ рубежей области и приобрѣтала черезъ нихъ посредство военные запасы бывшаго русскаго Юго-западнаго фронта. Въ тогдашнемъ положеніи Дона другого выхода не было, а силы и военно-политическое положеніе Германіи вынуждали ее удовлетвориться вполне такимъ одностороннимъ нейтралитетомъ и экономическими выгодами своеобразнаго товарообмѣна — русскихъ патроновъ на русскій хлѣбъ.

Но ген. Красновъ пошелъ гораздо дальше, исходя изъ двухъ предпосылокъ, оказавшихся глубоко ошибочными: предвидѣнія побѣды нѣмцевъ въ міровой войнѣ и возможности существованія самостоятельнаго «Донскаго государства» среди бурнаго русскаго океана, заливающего со всѣхъ сторонъ красной волной Донскую землю.

На другой же день послѣ своего избранія атаманъ Красновъ обратился съ письмомъ «какъ равный къ равному» — къ императору Вильгельму. Текстъ этого перваго письма не былъ извѣстенъ командованію Добровольческой арміи, но вскорѣ мы получили копію инструкціи, данной атаманомъ послу своему ген. Черячукину, посланному въ началѣ іюня на Украину, а также втораго письма, отправленнаго 5 іюля германскому императору. Сущность послѣднихъ двухъ документовъ, почти тождественныхъ по содержанію и опредѣлявшихъ основы всей донской политики, сводилась къ слѣдующимъ положеніямъ:

Вильгельмъ долженъ быть:

1. «Признать право Всевеликаго войска Донскаго на самостоятельное существованіе, а по мѣрѣ освобожденія... и всей федераціи, подъ именемъ Доно-Кавказскаго союза». На созданіе его «согласіе всѣхъ державъ имѣется(?) и вновь образуемое государство... рѣшило не допускать, чтобы земли его стали ареной кровавыхъ столкновеній».

2. Включить въ границы войска по соображеніямъ «географическимъ и этнографическимъ» Таганрогскій округъ и «по стратегическимъ» — Лиски, Воронежъ, Поворино, Камышинъ и Царицынъ.

3. «Оказать давленіе на совѣтскія власти Москвы и заставить ихъ своимъ приказомъ очистить предѣлы Всевеликаго войска Донскаго и другихъ державъ, имѣющихъ войти въ Доно-Кавказскій союзъ, отъ разбойничьихъ отрядовъ красной гвардіи и дать возможность возстановить нормальныя, мирныя отношенія между Москвою и войскомъ Донскимъ».

4. Помочь «молодому государству» орудіями, ружьями, боевыми припасами и инженернымъ имуществомъ и... устроить въ предѣлахъ войска Донскаго заводы для боевого снабженія.

За услуги «Его Императорскаго Величества» ген. Красновъ обязался:

* Кубанское, Астраханское, Терское войска, калмыки Ставропольской губ. и народы Сѣвернаго Кавказа.

5. «Всевеликое войско Донское (будетъ) соблюдать полный нейтралитетъ во время мировой борьбы народовъ и не допускать на свою территорію враждебныя германскому народу вооруженныя силы, на что дало свое согласіе и атаманъ Астраханскаго войска, и Кубанское правительство, а по присоединеніи (?) и остальные части союза».

6. Предоставитъ Германіи «право преимущественнаго вывоза» въ обмѣнъ на нѣмецкіе фабрикаты и «особыя льготы на помещеніе (германскихъ) капиталовъ» въ донскія предпріятія.

Все письмо было составлено въ тонѣ вѣрнопреданности, глубоко обидномъ для русскаго національнаго самолюбія — въ отношеніи державы, продолжавшей съ необыкновеннымъ цинизмомъ играть судьбами Россіи. А одна его фраза ударила особенно сильно по чувствамъ офицерства русской арміи: «тѣсный договоръ сулитъ взаимныя выгоды, и дружба, спаянная кровью на общихъ поляхъ сраженій вопиетъ ответственными народами германцевъ и казаковъ, станетъ могучей силой для борьбы со всѣми нашими врагами»...

Прежде всего насъ удивило обращеніе атамана отъ имени «Донско-Кавказскаго союза», котораго фактически никогда не существовало*.

Идея этого союза пришла одновременно съ двухъ сторонъ — изъ верховъ казачества и отъ нѣмецкихъ властей Кіева.

Въ заключенномъ еще между 9 и 24 мая «соглашеніи» между Дономъ и Кубанью ближайшей задачей обѣихъ сторонъ признана была борьба съ большевиками, имѣвшая цѣлью «возстановленіе на территоріяхъ Дона и Кубани твердаго государственнаго порядка» и дальнѣйшей — «обезпеченіе на будущія времена политической и экономической свободы и независимости народовъ, населяющихъ Донскую и Кубанскую области». «Дабы нынѣ разрозненныя части Россіи могли явить болѣе могущественную политическую силу», признано было также необходимымъ «созданіе на югѣ Россіи прочнаго государственнаго образованія на федеративныхъ началахъ». Этотъ договоръ заключалъ еще одно удивительное положеніе, нарушавшее всѣ принципы военнаго дѣла, возвращавшее насъ къ австрійскому «гофкригерату» и косвенно ставившее Добровольческую армію въ невозможное положеніе. «Правительства (Дона и Кубани) учреждаютъ совѣстные совѣты, которымъ предоставляется право разработки плана борьбы съ большевиками и анархіей на территоріи Дона, Кубани и смежныхъ съ ними областей и губерній, а также общее руководство военными операціями въ смыслѣ опредѣленія общихъ и даже частныхъ заданий для отдѣльныхъ армій»...

Это былъ единственный договоръ Кубани съ Дономъ. Заявленія ген. Краснова императору Вильгельму о «согласіи всѣхъ державъ» на бытіе «Донско-Кавказскаго Союза» и о рѣшеніи «не допускать на свою территорію враждебныя германскому народу вооруженныя силы, на что дало свое согласіе Кубанское правительство», оказались неправдой. Послѣ опубликованія знаменитаго письма къ Вильгельму, Кубанское правительство сочло себя вынужденнымъ издать официальное сообщеніе (2 сентября), которое по первому вопросу устанавливало, что «никакихъ другихъ договоровъ (кроме заключеннаго 9—24 мая) ни письменныхъ, ни словесныхъ заключено не было» и что поэтому «Донско-Кавказскій Союзъ» не можетъ считаться существующимъ. По второму вопросу — что — «никакихъ обязательствъ на себя Кубанское правительство не принимало и никого не уполномочивало отъ его имени дѣлать какія нибудь заявленія»...

11 іюня въ Новочеркасскъ прибыли изъ Кіева съ особой миссіей герцогъ Н. Лейхтенбергскій — одно время выставлявшійся нѣмцами въ качествѣ кандидата на русскій престолъ; извѣстный по «корниловскому дѣлу» Иванъ Добрыньскій, состоявшій въ особыхъ отношеніяхъ съ нѣмецкой контръ-развѣдкой**; нѣкто полковникъ князь Тундутовъ — челоуѣкъ крайне ограниченнаго развитія, объявившій себя атаманомъ Астраханскаго войска на томъ основаніи, что состоялъ раньше помощникомъ Астраханскаго атамана.

* Образовавшийся при Калединѣ «Юго-Восточный союзъ», какъ извѣстно, въ началѣ 1918 года распался. См. т. II, гл. 15.

** Въ 1920 году, оставшись на Кавказѣ послѣ эвакуаціи бѣлыхъ, продолжалъ свою карьеру подъ фамиліями «Пшеславскаго» и «Святогора» — въ качествѣ платнаго провокатора Екатеринодарской «чрезвычайки». («Че-ка», изданіе центрального бюро с.-р.)

Тундудовъ добился какими то путями пріема у императора Вильгельма и, вернувшись изъ Берлина, сталъ распространять слухи о своемъ большомъ влияніи, которымъ онъ пользуется у нѣмцевъ. Подѣлился и бесѣдой своей съ императоромъ, который между прочимъ сказалъ ему слѣдующее:

— Славянскій вопросъ намъ надобѣтъ. Поэтому знайте, что никакой «Единой Россіи» не будетъ, а будетъ четыре царства: Украина, Юго-Восточный союзъ, Великобританія и Сибирь. Мы отлично знаемъ, что у васъ въ Кіевѣ думаютъ, что вы присоедините къ Кіеву все остальное и, такимъ образомъ, объедините Россію. Пожалуйста, передайте тамъ, что мы это знаемъ, что мы этого не желаемъ и не допустимъ.

Эта тирада получила широкое распространеніе, попала и въ печать, но нѣмецкое командованіе, вообще очень ревниво относившееся ко всему свѣдѣніямъ, касавшимся Германіи, не опровергло ни факта пріема Тундудова императоромъ, ни заявленій послѣдняго. Это произвело на Югѣ большое впечатлѣніе*.

Позднѣе, въ августѣ существованіе нѣмецкаго плана «реконструкціи» Россійской державы подтвердилось и официально: Лизогубъ**, побывавъ въ Берлинѣ, получилъ увѣренія отъ министра иностр. дѣлъ Гинце, что Германія «благожелательно разсматриваетъ перспективы федераціи государствъ, расположенныхъ на Востокѣ» и что «Украина, составляя часть русскоі федерации, будетъ гарантирована въ смыслѣ ненарушимости верховныхъ правъ и свободы государства»***.

Тундудовъ и Добрыньскій предъявили допекому атаману ноту германскаго командованія въ Кіевѣ 1) объ образованіи Юго-Восточнаго союза, 2) объ удаленіи Добровольческой арміи съ территоріи Дона, разоруженіи ея или удаленіи германофобскаго команднаго состава, 3) о поддержкѣ нѣмцевъ на «Восточномъ фронтѣ» противъ союзниковъ. За выполненіе этихъ требованій нѣмцы обѣщали военно-политическую и экономическую поддержку.

Послѣдній въ тотъ же день Красновъ ген. Алексѣевъ писалъ мнѣ, что атаманъ весьма разстроенъ этимъ ультиматумомъ и заявилъ, что «на началахъ, изложенныхъ въ нотѣ, онъ не можетъ допустить образованіе Юго-Восточнаго союза со вхожденіемъ въ него Донецкой области».

Въ отношеніи Добровольческой арміи вопросъ остался открытымъ. Обостреніе его, повидимому, для всехъ заинтересованныхъ лицъ представлялось слишкомъ опаснымъ. Другія условія ноты оказались не столь непріемлемыми. По крайней мѣрѣ Красновъ писалъ тогда же генералу Эйхгорну:

«Въ настоящее время я занятъ подготовкой общественнаго мнѣнія къ активной борьбѣ съ чехо-словаками, если бы послѣдніе вздумали перейти границы земли войска Донскаго... Если бы Вы помогли Донскому войску окрѣпнуть въ полной мѣрѣ, давъ при этомъ опредѣленное завѣреніе, что по достиженіи сего германскія войска будутъ выведены изъ предѣловъ Донецкой области, тогда Вы могли бы быть увѣрены, что Донское войско, и за нимъ и весь Доно-Кавказскій союзъ Вамъ преданы, Вамъ благодарны, и Вамъ никогда не измѣнятъ. Вы могли бы быть спокойны за Вашъ тылъ на Украинѣ (?) и за Вашъ правый флангъ въ томъ случаѣ, если бы державы Согласія возстановили «Восточный фронтъ». Мы угрожали бы ихъ лѣвому флангу»¹.

Достойно вниманія, что въ то же время ген. Красновъ всемѣрно старался повернуть Добровольческую армію на сѣверъ:

«Съ 15 мая я тѣсно зову Добровольческую армію идти вмѣстѣ съ Донскими казаками на сѣверъ, къ Царицыну, Саратову и Воронежу на соединеніе съ чехо-словаками, если только они не мифъ, но Добровольческая армія или не хочетъ, или не можетъ идти къ сердцу Россіи»²...

* Въ своихъ воспоминаніяхъ императоръ Вильгельмъ подтверждаетъ фактъ аудіенціи, данной Тундудову, и придаетъ серьезное значеніе его цѣлымъ разговорамъ.

** Предсѣдатель совѣта министровъ Украины.

*** Телеграмма Лизогуба гетману отъ 22 авг. о результатахъ императорской конференціи въ ставкѣ.

¹ Письмо было оглашено упр. отд. иностр. дѣлъ въ закрытомъ засѣданіи Круга и сообщено однимъ изъ официальныхъ лицъ командованію Добровольческой арміи.

² Письмо ген. Алексѣеву 8 сентября 18 года № 172.

Обсужденіе организаціи союза между тѣмъ продолжалось — и у атамана съ нѣмецкими офицерами, и въ засѣданіяхъ представителей Дона, Астрахани (?) и Кубани, подъ предѣдательствомъ ген. Краснова. Былъ составленъ и проектъ «правительственной деклараціи Доно-Кавказскаго союза», въ составъ котораго теоретически включали не только Черноморскую, Ставропольскую губ. и Терекъ, но и горцевъ сѣвернаго Кавказа, Сухумскій и Закатальскій округа, съ которыми не было никакой связи и о судьбѣ которыхъ на Дону ничего не было извѣстно.

21 іюня въ сел. Песчаноконскомъ, при подходѣ Добровольческой арміи къ предѣламъ Кубани, на папихиду по убитомъ ген. Марковѣ собрались слѣдовавшіе при арміи кубанскій атаманъ и правительство. Атаманъ сообщилъ мнѣ, что его и предѣдателя правительства ген. Красновъ дважды телеграфно вызывалъ для подписанія договора о Доно-Кавказскомъ союзѣ. Я отвѣтилъ:

— Противъ Доно-Кубанскаго единенія и Доно-Кавказскаго союза въ принципѣ ничего не имѣю. Но освободить Кубань, чтобы она стала въ вассальную зависимость отъ Германіи, я не согласенъ. Если угодно, — пользайтесь. Но тогда завтра же я сверну Добровольческую армію съ екатеринодарскаго направленія на Царицынъ.

Съ тѣхъ поръ засѣданія ген. Краснова съ двумя «правительствами» безъ «народовъ» хотя и продолжались, но не привели ни къ какимъ результатамъ. По свидѣтельству кубанскаго представителя въ Новочеркасскѣ П. Макаренко, кубанцы подъ всякими предлогами уклонялись отъ окончательнаго рѣшенія вопроса и «вели двойную игру» — въ Новочеркасскѣ (П. Макаренко) и въ Кіевѣ (Рябоволь) о федераціи съ Україной и Доно-Кавказскимъ союзомъ, используя въ своихъ интересахъ и Украину, и Донъ.

Отношенія Дона съ Україной сильно портили вопросъ о Таганрогѣ. Въ округѣ имѣлась всего лишь одна донская станица, но онъ давалъ угля вчетверо больше, чѣмъ вся Донская область (81 %). Поэтому — какъ докладывалъ впослѣдствіи Кругу генераль Богачевскій — «Донъ въ этомъ уступить не могъ... Представителямъ германскаго командованія было твердо заявлено, что дѣло можетъ дойти до войны (съ Україной)»*. Украина въ свою очередь была заинтересована Таганрогомъ и Ростовомъ еще и какъ «мостомъ» на Кубань, гдѣ въ кругахъ черноморскихъ политикановъ сильны были украинскія теченія. Подъ давленіемъ нѣмцевъ споръ былъ разрѣшенъ въ пользу Дона, и послѣ этого между нимъ и Україной завязались тѣсныя политическія и экономическія отношенія. Характерно, что и въ этихъ «международныхъ» договорахъ Донъ обязывался не заключать союзовъ, могущихъ вредить Украинѣ и центральнымъ державамъ, и не оказывать помощи чехо-словакамъ.

Совершенно безнадежно обстоялъ вопросъ о «примиреніи» Дона съ большевиками. Нѣмцы, къ которымъ обращался атаманъ по этому вопросу, помочь Дону въ этомъ отношеніи не могли и, какъ увидимъ ниже, не хотѣли. Два письма, посланныя ген. Красновымъ къ одному изъ большевицкихъ «главоверховъ», Іозефовичу, по поводу прекращенія «братобійственной» борьбы, заключенія торговаго договора и т. д., не попали по назначенію**. Въ Кіевѣ «панъ гетманъ обѣщалъ оказать всякое содѣйствіе къ признанію (большевиками) самостоятельности войска Донскаго»***, но на украинно-большевицкой конференціи товарищ Раковскій заявилъ категорически, что совѣтское правительство разсматриваетъ Донъ, какъ «возставшую область, входящую въ составъ совѣтской республики, и считаетъ веденіе прямыхъ переговоровъ съ Дономъ оскорбленіемъ республики».

Наконецъ, союзники Дона, нѣмцы, также не склонны были въ спорѣ между совѣтами и Дономъ становиться на сторону послѣдняго. Мин. ян. дѣлъ Гинде въ сентябрѣ заявилъ въ рейхстагѣ: «мы дѣловымъ образомъ разрѣшили вопросы (Донецкій уголь)... Но изъ этого не слѣдуетъ, что мы признали войско Донское, какъ самостоятельную единицу»...

Эти безплодные переговоры въ рускомъ обществѣ и въ Добровольческой арміи были поняты, однако, какъ уклоненіе отъ борьбы за Россію цѣною спасенія Дона.

* * *

* Докладъ 17 августа 18 года.

** Атаманъ смѣшалъ его съ ген. Іозефовичемъ, который жилъ на Кавказѣ и впослѣдствіи поступилъ въ Добровольческую армію.

*** Докладъ ген. Краснова Кругу 17 сентября.

Внутренняя и внешняя политика атамана создали ему сильную оппозицию в самых разнообразных кругах организованной общественности и личных врагов среди неудовлетворенных идейно или обиденных персонально верхов казачества. В рядах оппозиции нашли место социалистические думы Ростова, Нахичевани, Таганрога, профессиональные союзы, рабочая печать, к.-д. партия и вся многочисленная русская интеллигенция, не разделявшая германофильской политики ген. Краснова или оскорбленная ее внешними проявлениями. На заднем плане донской оппозиции стояла вся масса инородных — рабочих и крестьян, из которых первые только бурлили, вторые поднимали местные восстания, подавляемые казаками.

В среде казачества у атамана были восторженные поклонники и злые враги. Маятник колеблющегося отношения к нему раскачивался то в одну, то в другую сторону, главным образом, в зависимости от большего или меньшего успеха борьбы на фронте.

Показателем общественных настроений того времени могут служить отклики с разных сторон по поводу того злополучного письма императору Вильгельму, которое определило основные вехи донской политики.

На совещании 26 июня донского атамана с представителями германского командования майор Кофенгаузен заявил, что «после того, что он слышал из уст атамана, германское правительство будет всячески поддерживать атамана, содействовать укреплению его власти в области... как путем морального воздействия на население, так и в смысле поддержки таковой реальной силой — оружием и войсками, во всем идя навстречу личным пожеланиям атамана*».

Кадеты на Дону в вопросе о «неизбежности государственной самостоятельности областей и участия немцев» первоначально стали на точку зрения Милюкова... «Я лично употребил все усилия — писал он 25 мая в главный комитет партии — чтобы побудить наших партийных товарищей в Ростове и в Новочеркасске стать на эту точку зрения. Соответственная декларация была сделана партией народной свободы в заседании Ростовской городской думы... Под влиянием дальнейших событий взгляд кадетов круто изменился, найдя некоторое отражение в переписке, веденной в июле между их «политическим другом справа» Родзянко и Красновым. «Родзянко ставил атаману в вину признание им себя и областей «Донско-Кавказского союза» «вассалами германского императора», в «дележ» неконных русских областей», в «способствовании дроблению отечества на части», в «предательстве Добровольческой армии», которая «никогда дружественной к немцам не будет и кровь которой проливается для упрочения какого-то нелеплого самостоятельного союзного государства**».

Ген. Алексеев относился к донской политике также с суровым осуждением. По поводу инструкции Черятушкину он писал мне 26 июня (№ 59): «в лице ген. Краснова немцы притязания нашли отзывчивого исполнителя... Побуждения этой инструкции слишком ясны... из рук немцев получить право называть себя «самостоятельным государством» и воспользоваться случаем округлить границы будущего «государства» за счет Великобритании... За эту измену Родин — позволяю себе так назвать эту инструкцию — немцы должны снабжать войско боевыми припасами, принадлежащими всей России... Ген. Алексеев высказывал опасение, что «в скором будущем Донское и Кубанское войска могут разсматривать Добровольческую армию в виде «вражеской силы», и наше положение может сделаться в стратегическом отношении невыносимым».

Наконец, кн. Г. Трубецкой, делегат «Правого Центра», стоявшего за связь с Германией и проводившего начала «реальной» политики в отношении к немцам, в своем послании в Центр 28 августа писал: «при (создавшихся) условиях политика Краснова в общем своем направлении не нуждается в оправдании... В сущности — чего стоят все эти обязательства? Как только обстоятельства изменятся и появятся

* Выдержка из секретного протокола совещания, представленного на Круг управл. иностр. дѣл.

** Письмо атаману Краснову 28 июля и ген. Алексееву 29 июля.

пная сила, такъ полетятъ и обязательства... Но форма, имъ усвоенная, невозможна. Опъ перестарался... Самый фактъ письма его къ императору Вильгельму хуже его содержанія*...

По существу, вопросъ донской политики расчленялся на явленія двоякаго порядка:

Всѣ эти увѣренія въ преданности германскому императору; всѣ символы суверенной государственности въ видѣ «пословъ», гимна, флага, герба; всѣ торжественныя декларативныя заявленія отъ имени «государства», «народовъ», «демократической республики» о независимости отъ Россіи не только въ годы смуты, но и «на будущія времена»** — казались только бутафоріей, которая могла раздражать или волновать національно мыслящіе элементы Юга. Но за нею скрывались реальныя возможности дѣйствительно серьезнаго характера. Тѣсное сотрудничество съ пѣмцами укрѣпляло положеніе послѣднихъ, содѣйствовало политикѣ расчлененія Россіи и въ случаѣ продолженія войны раздѣляло противобольшевицкія силы на два враждебныхъ другъ другу лагеря. «Независимость» имѣла естественнымъ слѣдствіемъ переговоры о «мирѣ съ Москвой» и возбуждала въ казачествѣ иллюзіи о возможности локализациі борьбы съ большевиками въ предѣлахъ одного Дона — иллюзіи, которыя шли снизу, но находили откликъ и нравственное обоснованіе въ атаманскихъ приказахъ, подрывавшихъ импульсъ къ борьбѣ за Россію и потворствовавшихъ казачьему шовинизму. Такъ, въ приказѣ отъ 30 сентября было сказано: «защита границъ Всевеликаго войска Донскаго отъ натиска красногвардейскихъ бандъ и освобожденіе Россійскаго государства отъ кошмарнаго кроваваго большевизма вынуждаютъ меня вынести борьбу за предѣлы земли войска Донскаго... Принимая во вниманіе труды и кровавыя жертвы, которыя понесло Донское казачество... и обязанность его заняться строителствомъ своей разоренной родины, я не считаю возможнымъ привлекать къ этой работѣ казаковъ». Задача эта возлагалась на формируемую изъ «русскихъ» людей «Южную армію».

Я не касаюсь внутреннихъ побужденій, руководившихъ ген. Красновымъ въ его кипучей работѣ по управленію краемъ. Но во всемъ, что онъ писалъ и говорилъ, была одна чисто индивидуальная особенность характера и стиля, которая тогда, въ дни кровавой борьбы, приводила многихъ къ полной невозможности отнестись съ довѣріемъ къ его дѣятельности...

Пѣмцамъ онъ говорилъ о своей и «Союза» преданности имъ и о совмѣстной борьбѣ противъ державъ Соединенія и чехо-словаковъ***.

Союзникамъ — что «Донъ никогда не отпадалъ отъ нихъ и что германофильство (Дона) — вынужденное для спасенія себя и Добровольческой арміи, которая ничего не смогла бы получить, если бы не самопожертвованіе Дона въ смыслѣ внѣшняго германофильства»¹.

Добровольцевъ звалъ идти вмѣстѣ съ Донскими казаками на сѣверъ, на соединеніе съ чехо-словаками².

Донскимъ казакамъ говорилъ, что за предѣлы войска они не пойдутъ³.

Наконецъ, большевикамъ писалъ о мирѣ⁴...

Такая политика была или слишкомъ хитрой, или слишкомъ безпринципной; во всякомъ случаѣ для современниковъ событій — не вполне понятной. Намъ не пришлось увидѣть и конечныхъ достиженій ея, ибо въ октябрѣ книга бытія внезапно оборвала свое повѣствованіе и перешла къ новой главѣ, измѣнившей карту міра, перевернувшей всѣ внѣшнія декораціи южно-русской борьбы, но не принесшей все же Россіи желаннаго освобожденія.

* Герцогъ Лейхтенбергскій привезъ письмо въ пѣмцкую главную квартиру, но къ императору допущенъ не былъ «по политическимъ соображеніямъ».

** Актъ «Соглашенія Дона съ Кубанью».

*** Письмо Эйхгорну.

¹ Миссія ген. барона Майделя въ Яссы, въ началѣ августа 18 года. Докладъ его отъ 4 ноября.

² Письмо къ ген. Алексѣеву 8 сент. и друг.

³ Приказъ отъ 30 сент. и др.

⁴ Письмо ген. Лозефовичу.

ГЛАВА X.

Противобольшевицкія организаціи внутри Россіи: «Правый Центръ», «Национальный Центръ», «Союзъ Возрожденія Россіи», «Союзъ защиты Родины и Свободы» (Савиновъ).

Со времени октябрьскаго переворота «русскій вопросъ» болѣе, чѣмъ когда либо въ исторіи, потерялъ свое самодовлѣющее значеніе въ міровой политикѣ, ставъ производной въ борьбѣ центральныхъ державъ съ державами Согласія. Способомъ, средствомъ, источникомъ матеріальныхъ и военныхъ ресурсовъ. И только. Вездѣ въ доступныхъ намъ документахъ прямо или косвенно доминируетъ взглядъ на Россію — исключительно какъ на факторъ международной борьбы.

Германія стремилась къ незамерзающему порту на Ледовитомъ океанѣ, къ незыблемымъ запасамъ Мурманска, Владивостока, къ эксплуатаціи Запада и Юга Россіи, къ возвращенію изъ Сибири и использованию 300—400 тысячъ австро-германскихъ плѣнныхъ... Державы Согласія противодействовали ей путемъ оккупации Владивостока и сибирской линіи, поддержаніемъ чехо-словацкаго движенія, созданіемъ Сѣвернаго фронта и подготовкой Восточнаго.

Кромѣ извѣстнаго уже намъ воззванія союзныхъ дипломатовъ въ Вологдѣ, и другія заявленія ихъ носили тотъ же двойственный характеръ, въ которомъ доминировали цѣли международной борьбы. Такъ, на Дальнемъ Востокѣ, осенью 18 года, англійская декларація, упоминая объ «экономической помощи вашей разоренной и страждущей родинѣ», объясняла цѣль предполагавшейся и не осуществленной интервенціи желаніемъ «помочь вамъ спастись отъ раздѣла и гибели, грозящихъ отъ рукъ Германіи, которая старается поработить вашъ народъ и использовать неисчислимые богатства вашей страны». Французская декларація говорила также о помощи «здоровымъ элементамъ русскаго народа», но «непосредственной причиною выступленія называла «необходимость оказать помощь нашимъ союзникамъ, чехо-словакамъ». Рѣзкимъ диссонансомъ въ союзническомъ аккордѣ прозвучало тогда только заявленіе Америки: «вмѣшательство въ дѣла Россіи для нанесенія удара Германіи можетъ скорѣе всего явиться способомъ использования Россіи, нежели оказаніемъ ей помощи». Со свойственной имъ прямолинейностью американцы заявили: «главная забота Соединенныхъ Штатовъ состоитъ въ охранѣ военнаго имущества, проданнаго Америкой Россіи и находящагося въ портахъ Владивостока, Мурманска и Архангельска».

Германія привлекала въ свою орбиту явно Финляндію, Польшу, Украину, Румынію; тайно — русскія противобольшевицкія организаціи... Державы Согласія соперничали съ ней въ этомъ отношеніи, и мало не считаясь съ интересами Россіи. Былъ даже такой періодъ съ ноября 17 года по 19 февраля 18-го — день заключенія Брестъ-Литовскаго мира — когда союзники готовы были признать фактически совѣтское правительство, предлагая ему финансовую и техническую помощь — даже офицерскимъ составомъ — для продолженія войны съ нѣмцами*.

* Обращеніе франц. посла Ньюланса къ Бронштейну. См. т. II] гл. XVIII.

Нѣмцы въ этой игрѣ побѣдили. И союзныя правительства рѣшительно и тогда только окончательно* перестали смотрѣть на совѣтскую власть, какъ на возможное «средство» борьбы противъ центральныхъ державъ. Отнюдь не побужденіями альтруизма, а стеченіемъ обстоятельствъ союзники были отброшены въ противобольшевицкій станъ, тогда какъ Германія, не взирая на внѣшнія противорѣчія ея политики, до конца вооруженной борьбы поддерживала большевизмъ, какъ благопріятный для себя факторъ въ политикѣ и стратегіи.

Рядъ откровеній германскихъ и австрійскихъ государственныхъ дѣятелей въ полной мѣрѣ подтверждаетъ это положеніе. Между ними идетъ споръ о характерѣ и степени виновности отдѣльныхъ лицъ, о большемъ или меньшемъ ихъ дарѣ предвидѣнія, объ истинныхъ мотивахъ тѣхъ или иныхъ дипломатическихъ шаговъ. Но снѣтезъ всѣхъ этихъ откровеній ясенъ и безспоренъ:

1. Въ германскомъ народѣ, правительствѣ, рейхстагѣ, прессѣ, командованіи — существовало два взгляда на роль Россіи: одни въ распадѣ великой страны видѣли неограниченныя положительныя возможности для германской націи, другіе, наоборотъ, «усиленіе англо-саксонскаго мірового владычества» и угрозу бытію Германіи.

2. Съ начала войны, въ особенности же въ 17 году историческія перспективы значительно ступевались подъ вліяніемъ интересовъ момента, и германская мысль единодушно работала въ пользу всемірнаго ослабленія Россіи, какъ вліятельнаго фактора борьбы, результатомъ чего явилась финансовая поддержка большевизма и Брестъ-Литовскій миръ.

3. Въ дальнѣйшій періодъ, когда психологія «побѣдителей» все больше и больше стала омрачаться тревожными предчувствіями, общественные и политическіе круги Германіи вновь вернулись къ историческому трактованію вопроса. Между правительствомъ, говорившимъ объ умѣренности, и главной квартирой, настаивавшей по военнымъ соображеніямъ на политическомъ и экономическомъ разгромѣ Россіи, возникли серьезныя разногласія уже при заключеніи Брестскаго договора и особенно обострились при выработкѣ «дополнительныхъ (къ нему) условій».

4. Съ весны 18 года, когда уже и на верхахъ германскаго командованія повѣяло дыханіемъ катастрофы, когда обнаружилась ясно смертельная опасность большевизма и для Германіи, роли перемѣнились: германское командованіе на Востокъ, поддержанное Мирбахомъ и затѣмъ Гельферихомъ, начало говорить о необходимости «болѣе опредѣленнаго отношенія къ совѣтскому правительству», вплоть до его сверженія. Хотя такой переворотъ въ 1918 году представлялся нѣмецкимъ военнымъ и государственнымъ дѣятелямъ — и былъ въ дѣйствительности — необыкновенно легкимъ, онъ не нашелъ сочувствія въ правительствѣ и поддержки въ ставкѣ. По словамъ ген. Людендорфа, раздѣлявшаго будто бы всецѣло этотъ взглядъ, «правительство увѣрило его въ томъ, что русская политика его отвѣчаетъ настроенію Германіи... и онъ «къ несчастью принужденъ былъ этому повѣрить».

Брестъ-Литовскій миръ со всѣмъ вытекавшимъ изъ него временными послѣдствіями дали нѣмцамъ большевики. Ни одна политическая группа, никакая иная русская власть не могли предоставить Германіи болѣе выгодныхъ для даннаго момента условій.

Исходя изъ этого близорукаго въ историческомъ смыслѣ положенія, отъ начала и до конца, до своего паденія, Германія твердо, опредѣленно и безъ колебаній проводила въ жизнь политику расчлененія и разрушенія Россіи, поддерживая совѣтскую власть во всемъ, что не противорѣчило ошибочно понимаемымъ германскимъ интересамъ.

Въ то же время отвѣтственные представители нѣмецкой власти въ Москвѣ, Псковѣ, Кіевѣ, Ростовѣ входили въ сношенія съ противобольшевицкими вождями и организаціями и давали имъ неопредѣленныя надежды... Эта двойственность — я не вхожу въ обсужденіе искренности отдѣльныхъ нѣмецкихъ дѣятелей — приносила и приноситъ

* Впрочемъ, и позднѣйшія взаимотношенія съ совѣтскою властью Локкарта (Англія), Садюля (Франція), Робинса (Америка) вызывали впечатлѣніе двойственной игры.

нѣмецкому дѣлу серьезныя выгоды въ моральномъ и практическомъ отношеніяхъ. Въ моральномъ — умѣрия одіумъ жестокой нѣмецкой политики и создавая теорію о «двухъ Германіяхъ», подобно тому, какъ въслѣдствіи южно-русская дѣйствительность выдвинула легенду о «двухъ Англіяхъ» — Ллойд-Джорджа и Черчилля... Въ практическомъ — создавая иллюзіи въ определенныхъ кругахъ русской общественности и расколовъ противобольшевицкій фронтъ на двѣ мѣтавшихъ другъ другу, иногда враждебныхъ, «оріентаціи».

Векторъ послѣ большевицкаго переворота въ Москвѣ образовалась конспиративная организація, подъ названіемъ «девятки». Въ нее вошли по три члена отъ к. д. партіи, Торгово-промышленнаго союза и Совѣта общественныхъ дѣятелей. Въслѣдствіи организація разрослась, получивъ характеръ коалиціи консервативныхъ и либеральныхъ общественныхъ группъ, съ явнымъ преобладаніемъ первыхъ, и принявъ наименованіе Московскаго или Праваго Центра*.

Цѣлью организаціи было объединеніе несоціалистическихъ элементовъ страны для борьбы съ большевизмомъ. Такая широкая постановка вопроса, нѣкоторое «полѣвѣніе» и чувство одиночества и оторванности, испытанное правой общественностью въ первый періодъ революціи съ одной стороны, «поправѣніе», вызванное разочарованіемъ и озлобленіемъ либеральныхъ круговъ въ отношеніи революціонной демократіи — съ другой; наконецъ, присущій многимъ изъ членовъ центра страхъ за судьбы Родины — заставляли идти вмѣстѣ политически разнородные элементы организаціи. Но глубокія противорѣчія въ политической и соціальной идеологій, тѣмъ не менѣе, сказывались постоянно: и въ неожиданно открытыхъ рѣчахъ нѣкоторыхъ членовъ на общихъ засѣданіяхъ, и въ работѣ комиссій, гдѣ готовились проекты государственнаго устройства, соціальныхъ реформъ и экономическаго возрожденія страны. Эти противорѣчія, сглаживаемыя и смягчаемыя при общихъ засѣданіяхъ, вполне ясно и откровенно раскрывались на частныхъ собраніяхъ членовъ центра совмѣстно съ группами, имъ близкими, хотя и стоявшими официально внѣ организаціи.

Фактическимъ вдохновителемъ Праваго Центра былъ А. В. Кривошеинъ, хотя онъ и не посѣщалъ общихъ засѣданій, соблюдая крайнюю конспирацію и «по свойству своего характера избѣгая всего, что могло бы его связать и чѣмъ либо компрометировать». Позднѣе такую же закулисную и весьма вліятельную роль онъ игралъ, переѣхавъ въ Кіевъ, въ мѣстныхъ правыхъ кругахъ.

Правый Центръ имѣлъ въ своемъ составѣ небольшой военный отдѣлъ, возглавлявшійся ген. Д. — человекъ 700—800, по преимуществу офицеровъ. За полнымъ отсутствіемъ средствъ эта организація фактически числилась только на бумагѣ.

Въ началѣ 18 года въ Москвѣ дѣлались попытки объединенія и лѣваго крыла русской общественности. Но всѣ переговоры между центральными органами к. д., н. с. и с. р. относительно общей платформы и объединенныхъ дѣйствій не привели ни къ чему. Тогда нѣкоторые лица приступили къ созданію путемъ персональнаго участія внѣ-партійной, съ преобладающимъ однако соціалистическимъ составомъ организаціи, которая и начала функціонировать въ апрѣлѣ 18 года подъ именемъ «Союза Возрожденія Россіи»**.

Союзъ ставилъ себѣ цѣлью «возсозданіе русской государственной власти, возсоединеніе съ Россіей насильственно отторгнутыхъ областей и защиту ся отъ внѣшнихъ враговъ», при помощи союзниковъ. Хотя, такимъ образомъ, основныя цѣли Союза и Центра совпадали, но соглашенія между ними не произошло. Главныя причины расхожденія соціалисты видѣли въ непримиримомъ отношеніи центра къ идеѣ Учредительнаго Собранія***, къ народоуправству и къ выдвигаемому ими преобладающему значенію мѣстныхъ самоуправленій. Что касается организаціи временной власти, то разница

* Въ этомъ очеркѣ я избѣгаю, гдѣ нѣтъ прямой необходимости, называть имена.

** Вначалѣ союзъ этотъ называли «Лѣвымъ Центромъ».

*** Союзъ не считалъ возможнымъ главенство стараго Учредительнаго Собранія.

во взглядахъ была лишь въ формахъ и источникѣ ея происхожденія. Если Правый Центръ мыслилъ ее въ видѣ единоличной военной диктатуры, имъ подготовленной, то и Союзъ Возрожденія, по существу не отрицая диктатуры (вмѣсто единоличной — трехчленная директорія), «въ условіяхъ того момента не видѣлъ возможности созданія власти сколько нибудь правильнымъ демократическимъ путемъ»*. Власть должна была явиться «сама собою, путемъ образованія сильной группы лицъ, которая и могла бы выдѣлится изъ себя такую власть»**.

Нѣкоторая связь между Союзомъ и Центромъ, тѣмъ не менѣе, существовала. Въ составъ обѣихъ организацій съ ихъ вѣдома входили к. д. Астровъ, Степановъ и Н. Щепкинъ, съ цѣлью, кромѣ взаимнаго освѣдомленія, «насколько возможно согласовать дѣйствія той и другой въ наиболѣе отвѣтственные минуты»***; кромѣ того, существовала соединенная коллегія генераловъ (отъ Праваго Центра ген. Циховичъ и адм. Немитцъ; отъ Союза — ген. Болдыревъ) для согласованія «военныхъ мѣропріятій» организацій.

Крупная буржуазія и торговопромышленники, участвуя персонально въ составѣ центровъ, отказывались, однако, нести какія либо жертвы ради борьбы съ большевизмомъ, предпочитая сберечь свое достоинство для... совѣтской экспроприаціи. Это обстоятельство сильно отразилось на организаціяхъ. Безъ средствъ, безъ взаимнаго довѣрія и ясности во взаимоотношеніяхъ, а главное, безъ реальной силы, — работа ихъ протекала вначалѣ вяло, не принося какихъ либо результатовъ.

* * *

Въ началѣ іюня въ московскихъ организаціяхъ произошелъ окончательный расколъ на почвѣ внѣшней «оріентаціи».

Еще въ апрѣлѣ въ средѣ членовъ Праваго Центра намѣтилось сильное германофильское теченіе¹, находившее благодарную почву въ полной пассивности союзниковъ; началась частая встрѣчи и дѣятельныя сношенія членовъ Центра, сначала по собственной инициативѣ, потомъ по порученію президіума, съ второстепенными представителями германскаго посольства. Официально эти собесѣдованія имѣли цѣлью «выяснить, каковы дѣйствительныя намѣренія Германіи въ отношеніи Россіи; является ли Брестскій договоръ окончательной основой, на которой Германія имѣла ввиду и въ дальнѣйшемъ построить свои взаимоотношенія съ Россіей, или же этотъ договоръ есть только тактичeskій шагъ со стороны Германіи, путемъ котораго она обезпечивала себѣ возможность использовать то положеніе, которое создано въ результатѣ захвата власти большевиками»².

Въ основу официальныхъ переговоровъ были положены три условія: «1) возстановленіе единства Россіи, нарушенное въ результатѣ отторженія губерній юго-западнаго края, 2) созданіе національной государственной власти, независимой (?) отъ Германіи и 3) коренной пересмотръ Брестскаго договора»³. Взамѣнъ этого нѣмцамъ предлагался нейтралитетъ и «экономическія преимущества».

Большинство Центра стояло на той точкѣ зрѣнія, что «нѣмцы, завладѣвшіе значительной частью Россіи и распространяющіе свое вліяніе на новыя области, представляютъ столь реальную и мощную силу, что не считается съ ними вовсе, значило бы не признавать фактовъ... Этотъ факторъ будетъ опредѣлять въ ближайшее время ходъ событий въ Россіи... между тѣмъ, какъ разобщенность съ союзниками дѣлала затруднительной или прямо невозможной ихъ помощь Россіи»⁴.

Самый фактъ переговоровъ съ нѣмцами былъ обложенъ большою таинственностью, и результаты ихъ не выносились на общія засѣданія. Германофобское меньшинство

* Мякотинъ.

** Докладъ Титова 21 іюня 1918 года. И среди кадетъ были теченія въ пользу коллективной власти, избранной на собраніи представителей партій и общественныхъ организацій.

*** Записка Астрова.

¹ Въ томъ числѣ Кривошеинъ.

² Докладъ Праваго Центра отъ 14 іюня 18 года.

узнавало о них лишь случайно. Но, помимо официальной идеологии, большинство Правого Центра обладало еще другой, не выносившейся на общія засѣданія и въ деклараціи. «Разница была въ томъ — говоритъ кн. Г. Трубецкой — что для меня каждое изъ этихъ (трехъ) условій*) было *conditio sine qua non*, между тѣмъ (какъ) большинство изъ тѣхъ, кто стоялъ на желательности переговоровъ съ нѣмцами, заранее уже готово было идти на уступки. Это были люди, которые такъ мрачно смотрѣли на положеніе, такъ разубѣдились въ возможности для насъ предпринять что либо безъ посторонней помощи, что они готовы были всеѣмъ пожертвовать, лишь бы нѣмцы освободили насъ отъ большевиковъ». Еще рѣзче опредѣлялъ настроеніе Центра командированный ген. Алексѣевымъ въ Москву А. Ладженскій (правый): «въ побѣдѣ Германіи (они) почти не сомнѣваются. Считаютъ, что лучше сейчасъ пойти въ переговоры, чѣмъ постѣ завершенія событій на Западѣ. Полная неосвѣдомленность о томъ, что тамъ происходитъ. Предположенія построены отчасти на шкурныхъ классовыхъ интересахъ, изаждѣ власти, монархіи во что бы то ни стало, отчасти на невѣрныхъ свѣдѣніяхъ, которыми пишется сейчасъ Москва берлинскимъ агентствомъ»***.

Вскорѣ въ вопросѣ о «Восточномъ фронтѣ» заставилъ все группировки окончательно выработать свои «оріентаціи».

Двумя телеграммами изъ Парижа В. Маклаковъ сообщалъ въ Москву, что союзники рѣшили возстановить Восточный фронтъ путемъ высадки союзныхъ войскъ, преимущественно японскихъ, во Владивостокъ и продвигенія ихъ къ Уралу и Волгѣ. Маклаковъ горячо убѣждалъ Центръ, что это — единственный способъ спасти Россію отъ власти, созданной Германіей, и отъ окончательнаго расчлененія... «Японцы не потребуютъ территориальныхъ уступокъ... союзники никакихъ новыхъ тяготъ на Россію не наложатъ»... Наконецъ, что цѣль предстоящей интервенціи исключительно «защитить Россію отъ наложившей на нее руку Германіи, дать ей свободно организовать и оказать ей экономическую поддержку». Изъ другихъ источниковъ стало извѣстнымъ, что на конференціи союзниковъ, при уклончивомъ отношеніи Америки, постановлено было послать въ Сибирь общесоюзную армію въ 100 тысячъ человекъ, изъ которыхъ 60 тысячъ японцевъ.

Почти въ то же время, въ концѣ мая, прибылъ въ Москву ген. Казановичъ, сдѣлавъ Центру докладъ о судьбѣ Добровольческой арміи и отъ имени ген. Алексѣева и моего заявилъ въ рѣзкой и категорической формѣ о непріемлемости для арміи какой бы то ни было совместной съ нѣмцами работы.

2 іюня по этимъ вопросамъ состоялось засѣданіе Правого Центра. Представители большинства доказывали возможность воссозданія Россіи нѣмецкими руками, гибельность для интересовъ страны японской интервенціи, практическую неосуществимость созданія въ серьезномъ масштабѣ Восточнаго фронта; наконецъ, указывали на новыя «тяжелыя бѣдствія, которыя выпадутъ на долю Россіи въ результатъ столкновенія двухъ армій на линіи Волги»... Меньшинство, учитывая все трудности, считало, что Восточный фронтъ облегчитъ объединеніе и возстановленіе русскихъ силъ, между тѣмъ, какъ «соглашеніе съ Германіей грозитъ Россіи полнымъ пораженіемъ и угнетеніемъ національнаго духа»... И обѣ стороны не договаривали о своихъ затаенныхъ надеждахъ на побѣду: одни — германцевъ, другіе — союзниковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что на рѣшеніе вопроса повліяла и та общая концепція, которая связывала съ Германіей — идею реакціи или, во всякомъ случаѣ, монархической реставраціи, съ Согласіемъ — торжество либерализма или республиканскаго строя. Наконецъ, идейное расхожденіе двухъ группъ центра, по мѣрѣ усиленія его праваго крыла, становилось все болѣе рѣзкимъ и отношенія все болѣе неискренними.

8 іюня группа кадетъ и примыкавшихъ къ нимъ*** вышла изъ состава Правого Центра. Расколъ не вызвалъ вражды, скорѣе — сожалѣнія. На послѣднемъ совместномъ

* См. выше. Трубецкой считалъ необходимымъ при помощи Германіи собрать на Украинѣ русскія силы, либо освобожденіе Москвы и Россіи могло быть сдѣлано только русскими руками.

** Докладъ безъ даты отъ начала іюня.

*** Кадеты Федоровъ, Астровъ, Степановъ и др.; Струве, Бѣлоруссовъ и друг.

засѣданіи представители средняго теченія «свободныхъ рукъ», князья Трубецкіе (Г. Н. и Е. Н.), особенно ярко переживавшіе событія, горячо убѣждали кадетъ, что не настало еще время ставить вопросъ на окончательное рѣшеніе, призывали къ терпимости...

— Я еще не хочу выходить ни на тотъ, ни на другой берегъ — говорилъ, волнуясь, Е. Н. Трубецкой. — Для Россіи еще не ясно, гдѣ ея спасеніе*...

* * *

Расколъ Праваго Центра имѣлъ существенныя послѣдствія, произведя рѣзкую дифференціацію силъ, внесе еще большую ясность и опредѣленность въ политическій обликъ организацій.

Правый Центръ пополнилъ свой составъ представителями союза земельных собственниковъ, церковно-приходскихъ и крайнихъ правыхъ московскихъ организацій**. Его лозунгами стали — монархія (для меньшинства — конституціонная), реакція (для меньшинства — «соціальныя реформы») и союзъ съ нѣмцами. Существовала, между прочимъ, идея обращенія къ патріарху, который «при помощи созваннаго на персональных началахъ Земскаго Собора» долженъ былъ провозгласить царемъ вел. кн. Михаила Александровича.

Интересно, что въ вопросѣ о союзѣ съ нѣмцами тактика Центра допускала извѣстную двойственность. Такъ, въ посланіи своемъ въ Кіевъ и на Югъ*** Центръ подчеркивалъ, что «предположенные разговоры съ представителями Германіи не должны вліять... на отношенія Центра къ союзникамъ, съ которыми несомнѣнно должно поддерживать связи»... Въ отвѣтъ на телеграмму Маклакова, предназначенномъ для союзниковъ¹, говорилось о тяжелой необходимости совместной работы съ нѣмцами, но тѣмъ не менѣе... «мы остаемся вѣрными нашимъ союзникамъ, каковыми мы всегда и были... Ужели можно допустить, что мы виновны въ симпатіи къ нѣмцамъ»?.. Въ этомъ направленіи дѣлались и болѣе реальныя шаги: делегація Центра² обратилась къ французскому генеральному консулу въ Москвѣ Гренару, убѣждая его въ томъ, что Россія безповоротно вышла изъ войны; что безъ согласія нѣмцевъ немыслима перемѣна положенія, что національная власть, которая возникнетъ, не будетъ гермапофильской, и что самимъ союзникамъ выгодно вывести Россію изъ состоянія хаоса...

«Этого у насъ не поймутъ — отвѣтилъ консулъ. — И всякое правительство, которое образуется при содѣйствіи Германіи, не будетъ нами признано»...

Группа, отколовшаяся отъ Праваго Центра, создала новую организацію — Національный Центръ. Это былъ типичный союзъ русскихъ либераловъ, по составу и политической программѣ почти однородный — кадетскій³, по «оріентаціи» — ярко германофобскій и союзническій.

Національный Центръ порвалъ сношенія съ Правымъ Центромъ, вступилъ въ тѣсную связь съ Союзомъ Возрожденія и обратился къ ген. Алексѣеву съ просьбой принять званіе своего предѣдателя. Въ комиссіяхъ Національнаго Центра шла большая подготовительная работа по возстановленію государственно-правовой жизни — по схемамъ, принятымъ на предыдущихъ кадетскихъ съѣздахъ. Въ частности, въ основаніе разработкѣ двухъ важнейшихъ вопросовъ — аграрнаго и рабочаго, положены были слѣдующія общія начала: перваго — частная собственность и «разрывъ съ народническими реминисценціями»; по второму — «денационализація, десоціализація, но бережное обращеніе съ правами рабочихъ организацій и союзовъ». Вообще же все эти вопросы не становились общественнымъ достояніемъ, не выносились изъ засѣданій комиссій обѣихъ группъ и

* Записка Астрова.

** Ширинскій-Пахматовъ, Роговичъ, Нейдгартъ, Треповъ... Крайніе правые дѣлали попытки самостоятельныхъ переговоровъ съ нѣмцами, но встрѣтили отрицательное къ себѣ отношеніе.

*** Отъ 12 іюня.

¹ Отъ 7 іюня.

² Кн. Г. Трубецкой.

³ По опредѣленію одного изъ учредителей: «вездѣшніе кадеты, лѣвые октябристы, правые торговпромышленники и прозрѣвшіе социалсты» (Онипко, Алексинскій, Савишковь. .).

не вліяли поэтому на ихъ взаи́моотноше́нія. Вопросъ же о созданіи временной національной власти встрѣтитъ крупныя разногласія и въ результатѣ длительныхъ споровъ приведетъ къ компромиссу: Союзъ согласился на созывъ новаго Учредительнаго Собранія, а Центръ принялъ предложенную Союзомъ форму временной власти въ видѣ трехчленной директоріи. Уступка эта со стороны Центра имѣла чисто тактическое значеніе — «чтобы раньше времени не порывать съ ними», тѣмъ болѣе, что, какъ откровенно писалъ на Югъ членъ бюро Центра, Степановъ, не было сомнѣнія, что «директорія сама собой превратится въ единоличную власть». Въ составъ директоріи по предположенію организацій должны были войти одинъ генералъ, одинъ социалистъ и одинъ не-социалистъ. Союзъ Возрожденія намѣчалъ для этой цѣли изъ не-соціалистовъ Астрова, Милюкова или Набокова, изъ социалистовъ Аксентьева. Національный Центръ воздержался отъ обсужденія этого вопроса, вызывавшаго принципиальное сомнѣніе, «стоитъ ли давать въ эту неустойчивую комбинацію имена сколько нибудь цѣнныхъ, а тѣмъ болѣе столь цѣнныхъ, какъ тѣ, что ими называются»...

Окончательной формы правленія въ Россіи обѣ организаціи не предпрѣшали, но «носили въ сердцѣ своемъ». По этому вопросу Національный Центръ писалъ В. Шульгину: «Ваши друзья близки Вамъ въ своемъ отношеніи къ вопросу о монархіи... Но... провозглашеніе монархической идеи при настоящихъ настроеніяхъ было бы преждевременнымъ. Движеніе на Волгѣ, движеніе массъ въ большихъ центрахъ не были бы увлечены и подняты теперь провозглашеніемъ монархіи»...

Уклонявшіеся до тѣхъ поръ отъ какихъ либо обязательствъ союзники, наставлявшіе на согласованіи дѣйствій Національнаго Центра и Союза Возрожденія, теперь оказали имъ крупную денежную помощь, оживившую сильно дѣятельность организацій; союзническіе милліоны пошли на политическую работу центровъ, открытіе провинціальныхъ отдѣленій и отчасти на образованіе каждымъ изъ нихъ вооруженной силы, преимущественно офицерскаго состава. Распредѣленіе суммъ дѣлалось по соглашенію между президіумами, причемъ послѣдніе относились крайне ревниво къ своему приоритету, пренебрегая между прочимъ непосредственному субсидированію союзниками Добровольческой арміи. Большія союзническія деньги черезъ центры или, можетъ быть, непосредственно шли на содержаніе всякихъ контръ-развѣдокъ, которые, какъ выяснилось впоследствии, работали одновременно на союзниковъ, на пѣмцевъ, давали свѣдѣнія и московскимъ центрамъ, и арміи. Въ спискахъ агентовъ я къ своему удивленію нашелъ имена лицъ, принимавшихъ сомнительное участіе въ корниловскомъ выступленіи.

Въ официалномъ своемъ сообщеніи, адресованномъ объединеннымъ организаціямъ, московскіе представители союзниковъ торжественно подтверждали принципъ неприкосновенности русскаго территоріи, укрѣпляли надежды на скорое созданіе Восточнаго фронта, обѣщали экономическую помощь Россіи, обязывались не вмѣшиваться во внутреннюю русскую политику и не оказывать давленія на осуществленіе той или другой формы правленія.

Восточный фронтъ, однако, оставался только миражемъ. Манящимъ для однихъ и тревожнымъ для другихъ. Японская армія, «готовая уже въ февралѣ, ожидала окончанія переговоровъ союзниковъ, чтобы выступить»*, но переговоры сильно затягивались, благодаря подозрительности Америки и колебаніямъ прочихъ членовъ Согласія.

Они выжидали.

«Вторая Марна» (іюль 18 года) и затѣмъ отступленіе въ августѣ обезкровленныхъ германскихъ армій открыло новыя радужныя перспективы державамъ Согласія, отвлотивъ ихъ вниманіе отъ безконечно удаленнаго Восточнаго фронта. Но подобно тому, какъ это дѣлали нѣмцы, представители союзниковъ — одни сознательно, другіе по неосвѣдомленности — долго еще гальванизировали въ русское общество идею союзнической интервенціи и помощи просто только въ противовѣсъ германофильскимъ вліяніямъ.

Нужно замѣтить, что меньше всего иллюзіи возбуждало образованіе Восточнаго фронта въ командованіи Добровольческой арміи. И генералъ Алексѣевъ, и я относились

* Изъ того же официалнаго сообщенія.

скептически къ серьезности и искренности желанія союзниковъ помочь намъ живою силою. Въ самый разгаръ переговоровъ объ интервенціи, въ концѣ іюня, ген. Алексѣевъ писалъ мнѣ о своихъ сомнѣніяхъ — о томъ, что у союзниковъ «сознанія безусловной необходимости этого фронта не существуетъ... что между (ними) не только нѣтъ искренняго довѣрія другъ къ другу, но напротивъ — политическая подозрительность поставлена выше стратегическихъ соображеній». «Для насъ — продолжалъ онъ — болѣе важны пока не будущія войска, а чехо-словаки, ополченія Сибири, Оренбурга, Урала»...

* * *

Отдѣльно отъ политическихъ центровъ стоялъ Б. Савинковъ.

Пріѣхавъ въ Москву въ качествѣ члена при «донскомъ триумвратѣ», снабженный удостовѣреніями ген. Алексѣева, онъ широко использовалъ свое новое положеніе. Въмѣсто «привлеченія на Донъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ демократическихъ дѣятелей», какъ формулируетъ Савинковъ данное ему порученіе, онъ предпринялъ самостоятельную организацію въ Москвѣ, прикрываясь именами генераловъ Корнилова и Алексѣева и отвлекая тѣмъ силы отъ Добровольческой арміи.

Его неукротимая энергія, его кипучая дѣятельность и безграничное дерзаніе сопровождалась явнымъ успѣхомъ. Ему удалось найти доступъ къ союзникамъ — до тѣхъ поръ глухимъ ко всѣмъ призывамъ Праваго Центра и Союза Возрожденія — и, что еще важнѣе, получить первоначально отъ Массарика, потомъ и отъ союзниковъ серьезную денежную поддержку. Офицеры шли въ организацію — не къ Савинкову, а «на зовъ» генераловъ Корнилова и Алексѣева. Безъ большого труда Савинкову удалось вызвать расколъ въ военной организаціи Праваго Центра ген. Д., смущенной гермапофильствомъ своихъ руководителей, и привлечь часть ихъ на свою сторону.

Пополненная, такимъ образомъ, почти исключительно офицерствомъ, Савинковская организація приняла названіе «Союза защиты Родины и Свободы» и къ концу мая, по его словамъ, насчитывала до 5½ тысячъ человекъ*, разбросанныхъ, однако, въ Москвѣ и въ 34 провинціальныхъ городахъ.

Такая численность была очевидно слишкомъ ничтожной; но это была единственная реальная сила въ центрѣ страны, и Савинковъ умѣлъ импонировать ею и союзникамъ, и политическимъ организаціямъ. До такой степени, что когда въ серединѣ апрѣля прибылъ въ Москву представитель ген. Алексѣева полковникъ Лебедевъ и сдѣлалъ попытку объединить вокругъ имени его и Добровольческой арміи московское движеніе, онъ встрѣтилъ категорическое требованіе союзниковъ «равнаго участія Савинкова не только въ политической, но и въ чисто военной сторонѣ предпріятія». Лебедевъ вынужденъ былъ поэтому устраниваться отъ участія въ работѣ.

Однако, политическое одиночество Савинкова препятствовало широкому развитію дѣла, тяготило его и смущало союзниковъ. Такъ какъ съ Правымъ Центромъ у Савинкова не могло быть ничего общаго, а лѣвый (Союзъ Возрожденія) не говорилъ о немъ иначе, какъ «со скрежетомъ зубнымъ», естественнымъ было его обращеніе въ Національный Центръ, который встрѣтилъ сочувственно предложеніе и возглавилъ Савинковскую организацію.

Савинковъ, по несчастью, счелъ возможнымъ взять на себя и роль полководца**, проявивъ при этомъ совершенно неожиданныя стратегическія соображенія. Одновременно съ организованнымъ имъ покушеніемъ на Ленина и Троцкаго въ Москвѣ, предполагалось выступить въ Ярославль, Рыбинскъ, Муромъ, Владиміръ и Калугу, «окруживъ столицу возставшими городами и пользуясь поддержкой союзниковъ на сѣверѣ и чехо-словаковъ, занявшихъ Самару (8 іюня), на Волгѣ... Союзники, высадившись въ Архангельскѣ, могли безъ труда занять Вологду и, опираясь на взятый нами Ярославль, угрожать Москвѣ***.

* По свѣдѣніямъ штаба Добровольческой арміи фактически было 2—3 тыс.

** Въ брошюрѣ Савинкова «Борьба съ большевиками» онъ подчеркиваетъ свою роль какъ руководителя операціи въ разсужденіяхъ, чрезвычайно папвныхъ съ военной точки зрѣнія.

*** «Ярославль держался 17 дней — добавляетъ Савинковъ — время, болѣе, чѣмъ достаточное для того, чтобы союзники могли подойти изъ Архангельска».

Выступление было назначено в ночь с 5 на 6 июля.

Для характеристики этого плана нужно добавить, что Савинков имел тесную связь с союзными посольствами, своих разведчиков в большевистском штабе и германском посольстве, следовательно, был в курсе военной обстановки, «ежедневно получая сведения о передвижениях немецких и большевистских войск»; что высадка англичан в Архангельск произошла только 2 августа и что по желѣзной дорогѣ от Архангельска до Ярославля 787 верст, а от Москвы до Самары — 993!..

Национальный Центр усумнился, правда, в целесообразности выступления, явно неподготовленного. Но Савинков ответил, что «конспирация не может оставаться в бездѣйствіи долѣе опредѣленных сроков... Отерочка поведетъ къ разложенію и провалу... Операция, правда, не совсемъ подготовлена, но французы торопятъ, а дѣйствія, разъ начавшись, могутъ развиваться стихійно и восполнить пробѣлы»*.

Такъ какъ Савинковъ утѣрилъ Национальный Центр, что онъ дѣйствуетъ съ полного согласія ген. Алексѣева, то Центр предложилъ ему при занятіи той или иной мѣстности распространять воззванія отъ имени «Сѣверной Добровольческой арміи, подчиненной ген.-отъ инфантеріи Алексѣеву»**...

6 июля состоялся рядъ выступлений вЪ Ярославлѣ, Рыбинскѣ, Муромѣ, окончившихся кровавой расправой большевиковъ съ беззащитнымъ населеніемъ, гибелью множества офицеровъ и разрушеніемъ всей организаціи.

Когда вЪ іюлѣ вЪ Москву отправлялся полковникъ Новосильцевъ***, ген. Алексѣевъ, въ числѣ другихъ порученій, далъ ему указаніе «предостеречь офицеровъ вЪ Москвѣ отъ организаціи и совѣтовать имъ изъ центра уѣзжать на Донъ, на Волгу, вЪ Сибирь, только не сидѣть на мѣстѣ и не ѣхать на Украину, ибо вЪ центрѣ ихъ ожидаетъ гибель или привлеченіе вЪ красную армію». Обращеніе вЪ этомъ духѣ, отъ имени ген. Алексѣева, подписанное Новосильцевымъ и А. Ладыженскимъ¹, появилось дѣйствительно, вызвавъ сильный гнѣвъ Национальнаго Центра. 22 іюля Центр писалъ ген. Алексѣеву: «мы считаемъ это (обращеніе) вреднымъ и способнымъ породить недоразумѣнія. ВЪ немъ говорится, что всякая организація офицерства помимо Добровольческой арміи является авантюрой. Это не такъ. Намъ на Сѣверѣ необходимо имѣть наши русскіе отряды (Савинкова?), которые дѣйствовали бы вЪ общемъ согласованномъ съ союзниками планѣ, были бы опорой для Сѣвера и составляли бы часть арміи, находящейся подъ Вашимъ общимъ руководствомъ».

Тѣмъ не менѣе легенда о сотрудничествѣ Савинкова съ ген. Алексѣевымъ пустила глубокіе корни, попадая часто вЪ печать и сильно нервируя генерала. Чтобы положить конецъ этимъ слухамъ, ген. Алексѣевъ по поводу одной довольно безобидной газетной замѣтки составилъ собственноручное опроверженіе, носящее слѣды большого раздраженія: «никакого представителя Б. В. Савинкова вЪ Екатеринодарѣ не было, а потому... никакой бесѣды быть не могло. Самъ Савинковъ, по многимъ обстоятельствамъ, вЪ районѣ Добровольческой арміи прибыть не можетъ, и прибытія его никто не ожидаетъ... Помѣщеніе подобныхъ замѣтокъ можетъ нанести несправимый вредъ Добровольческой арміи»².

Савинковъ послѣ неудачнаго выступления побывалъ вЪ Сибирь и, не встрѣтивъ тамъ признанія, уѣхалъ вЪ Парижъ.

* Записка Астрова. Тѣ же мотивы приведены были ближайшимъ соучастникомъ Савинкова — Дякофъ-Деренталемъ вЪ «Отечественныхъ Вѣдомостяхъ».

** Докладъ Бѣлорусова.

*** Б. председатель офицерскаго союза.

¹ Командированъ одновременно съ ген. Казановичемъ.

² Отзывъ редактору «Кубанскаго Края» 31 августа 18 года № 312. *

ГЛАВА XI.

Германофильство Праваго Центра и Милюкова. Группа Шульгина. Взаимоотношенія Добровольческой арміи съ политическими организаціями и союзниками. Роль офицерства.

Сношенія Праваго Центра съ нѣмцами послѣ раскола его продолжались, не приводя, однако, ни къ какимъ результатамъ. Нѣмецкіе дипломаты не лишали своихъ собесѣдниковъ надеждъ, но и не давали никакихъ положительныхъ обѣщаній. Въ официальномъ обзорѣ отъ 14 іюня своихъ сношеній съ нѣмцами, Центръ суммировалъ высказанныя ими положенія:

«Въ Германіи — въ правыхъ и военныхъ кругахъ — имѣется сильное теченіе въ пользу установленія въ будущемъ добрососѣдскихъ отношеній къ Россіи, въ результатъ — возстановленіе ея единства и мощи... Возможенъ поэтому пересмотръ Брестскаго договора... Однако, успѣхъ подобной политики зависитъ отъ того, насколько широко и авторитетно будетъ теченіе въ самой Россіи за прекращеніе недоброжелательнаго отношенія къ Германіи. Представители посольства явныхъ признаковъ такого теченія не различаютъ. Большинство общественныхъ круговъ... продолжаетъ видѣть спасеніе Россіи въ побѣдѣ союзниковъ и отрицаетъ возможность какого либо соглашенія съ нѣмцами».

Въ сухомъ и безстрастномъ циркулярѣ Центра какъ будто звучалъ укоръ столь непрактичному проявленію общественнаго настроенія. Составители циркуляра не подмѣтили того бездоннаго цинизма, съ которымъ представители страны, ввергнувшей Россію въ бездну и не сдѣлавшей еще ни одного шага къ облегченію ея трагическаго положенія, смѣли ожидать довѣрія и расположенія къ себѣ. Уподобляя великій народъ побитому псу, лижущему ноги господина, въ надеждѣ на милость его и крохи съ господскаго стола.

Кромѣ тѣхъ «неофициальныхъ» разговоровъ, которые весьма часто вели съ нѣмцами члены Праваго Центра въ порядкѣ дружбы и знакомства, президіумъ уполномочилъ вести переговоры бар. Б. Нольде и кн. Г. Трубецкаго. Послѣдній долженъ былъ посѣтить Донъ и Добровольческую армію, въ поискахъ русской военной силы, а также Кіевъ, гдѣ, какъ предполагалось, достаточно подготовлена почва для соглашенія съ нѣмцами — правыми кругами и... неожиданнымъ союзникомъ Праваго Центра Милюковымъ.

Милюковъ во время господства на Дону большевиковъ скрывался въ Ростовѣ. Послѣ освобожденія города нѣмцами онъ жилъ тамъ еще около мѣсяца. Насъ — въ Мечетинской* — глубоко поразила статья, появившаяся въ «Пріазовскомъ Краѣ» за подписью Оргина. Если не въ авторѣ, то въ главномъ персонажѣ ея, отъ имени котораго шла рѣчь — маситомъ вождѣ — мы узнали безъ труда П. Н. Милюкова, проповѣдующаго... соглашеніе съ нѣмцами.

Эту идею Милюковъ настойчиво и страстно сталъ проводить и въ письмахъ къ ген. Алексѣеву. Они производили тяжелое впечатлѣніе. Мы дважды приглашали его

* Стоянка штаба Добровольческой арміи.

пріѣхать въ Мечетинскую, пріобичиться хоть немного къ нашей жизни и уяснить себѣ психологію добровольчества и его вождей. Почему то, однако, Миллюковъ къ намъ не пріѣхалъ, а въ концѣ мая отправился въ Кіевъ.

Интересно, что такой крутой переломъ въ міровоззрѣніи Миллюкова произошелъ на протяженіи всего только двухъ недѣль. 3 мая еще онъ писалъ ген. Алексѣеву: «и былъ страшно огорченъ появленіемъ въ Ростовѣ добровольцевъ (отрядъ полковника Дроздовскаго) вмѣстѣ съ германцами, развѣсившихъ трехцвѣтныи національный флагъ рядомъ съ германской каской. На словахъ можно сколько угодно отрицать связь съ германцами; но связь сотрудничества фактическаго остается и подкрѣпляется всю ту ложь и клевету, которая распространяется по поводу Добровольческой арміи... Единственный выходъ изъ создававшихся положеній онъ видѣлъ въ томъ, чтобы ген. Алексѣевъ «какъ можно скорѣе и рѣзче отгородилъ свой и нашъ починъ отъ ихъ неудачнаго продолженія», для чего необходимо «формально распустить Добровольческую Армію, объявивъ для всеобщаго свѣдѣнія, что сражаться рядомъ съ германцами даже противъ большевиковъ Вы не пойдете». «Дальнѣйшее размышленіе» привело Миллюкова къ другому заключенію: на случай «невмѣстательства нѣмцевъ въ наши внутреннія дѣла» необходимо, чтобы ген. Алексѣевъ и его сотрудники «не покидали Добровольческой арміи и чтобы сама она не расходилась и продолжала существовать, какъ часть арміи Донецкой области». А 19 мая Миллюковъ перешелъ къ третьему варианту и убѣжденно доказывалъ: «законъ самохраненія для насъ теперь — высшій законъ... Никакіе договоры не могутъ сохранять силы при такомъ измѣненіи обстановки... Союзники несутъ долю отвѣтственности, вслѣдствіе своей переоцѣнки значенія и извѣстной снисходительности къ тенденціямъ нашихъ лѣвыхъ теченій... Германцы хозяева положенія и заинтересованы въ томъ, чтобы государство было возстановлено... Они дорожатъ нашимъ единствомъ и царемъ... И какъ выводъ: «нужно вступить въ переговоры съ нѣмцами, принять ихъ поддержку и свѣсно освободить Москву»; при этомъ нѣмцы «должны перевести армію до крайняго возможнаго пункта... отказавшись (сами) отъ вступленія въ Москву».

Исторія эволюціи Миллюкова и переговоровъ съ нѣмцами изложена въ запискѣ его Правому Центру отъ 29 іюля (11 августа). Политическій удѣльный пѣсъ автора и то большое впечатлѣніе, которое произвела въ свое время его позиція въ русско-нѣмецкомъ вопросѣ, заставляетъ меня привести этотъ докладъ полностью.

«Изъ сообщенія кн. Гр. Нпк. я вижу, что не только въ общихъ чертахъ, но и почти во всѣхъ подробностяхъ наши взгляды на способы вывести Россію изъ настоящаго положенія совпадаютъ. Подобно ему я считаю возстановленіе государственности и объединеніе Россіи первой и главной задачей, нахожу, что необходимо скорѣйшее осуществленіе этой задачи, чтобы не увеличить ея трудности; считаю, что такого скорѣйшаго разрѣшенія нельзя достигнуть безъ контакта съ германцами и что предметомъ такого контакта должно быть созданіе въ Москвѣ не мѣстнаго только «сѣвернаго» правительства, а правительства національнаго, способнаго объединить Россію и для этого заручившагося согласіемъ Германіи на пересмотръ теперь же, а не по окончаніи войны Брестскаго договора.

Для выясненія возможности этого я — не по моей, а по германской инициативѣ — вступилъ въ «необязательныя» сношенія съ представителемъ Oberkommando и имѣлъ (впрочемъ очень поверхностный) разговоръ съ Муммомъ. Въ ихъ лицѣ я встрѣтился съ двумя теченіями, которыя и въ Германіи борются по вопросу объ объединеніи Россіи. Одно изъ нихъ, представленное дипломатами и считавшее себя до сихъ поръ въ согласіи съ рейхстагомъ, стояло за разьединеніе Россіи, созданіе Randstaaten и сближеніе съ Англіей. Другое, представленное вліятельными военными кругами, но теперь распространяющееся и въ либеральныхъ и даже въ социалистическихъ кругахъ, стоитъ за созданіе изъ Россіи сильной союзницы въ будущемъ для борьбы съ Англіей и съ этой цѣлью, а также по принципиальнымъ соображеніямъ (на лѣвомъ флангѣ) склоняется къ пересмотру Брестскаго договора. Первое до сихъ поръ считалось официальнымъ, но перестаетъ имъ быть послѣ отставки Кюльмана. Второе имѣетъ серьезные шансы сдѣлаться официальнымъ. Его успѣхъ сказывается уже теперь въ томъ, что имѣется теченіе компромиссное — самое опасное для насъ — соглашающееся на частичный пересмотръ Брестскаго договора и на неполное объединеніе Россіи.

Германцы, искавшіе до сихъ поръ способа создать «сѣверное правительство» безъ всякаго пересмотра Брестскаго договора, будутъ, конечно, теперь добиваться соглашенія на наиболѣе выгодныхъ для себя условіяхъ — съ наиболѣе сговорчивыми. Но они понимаютъ, что должны считаться съ возможно широкимъ фронтомъ общественнаго мнѣнія, включая и непріятныхъ для нихъ к. д. Этимъ нужно воспользоваться, чтобы нашъ фронтъ объединить на одной опредѣленной программѣ, изъ которой ужъ ничего не уступать къ моменту, когда переговоры начнутся серьезно.

Я предлагал бы для такой программы следующие положения:

1) Правительство должно быть национальным и объединительным с самого начала, с первых шагов. Для этого необходимо, чтобы оно явилось на свет сразу, как монархическое, и могло бы говорить от имени некоторого ядра объединенной теперь же, а не в будущем России. А для этого нужно:

а) Теперь же остановиться на определенной личности кандидата на престол и вступить с этим кандидатом в непосредственные отношения, получив его санкцию — действовать его именем. Я лично предлагал бы отыскать в кн. Михаила Александровича, местопребывание которого должно быть известно его близким в Москве.

б) Так как при создавшемся положении вопрос территориального объединения не может быть предметом одностороннего акта нового правительства, а должен быть решен предварительными переговорами с отдельными образовавшимися теперь правительствами, — успех же переговоров может быть обеспечен лишь при определенном отношении к ним Германии, — то я считаю необходимым ввести уже в наши переговоры с германцами условие, что до создания Правительства будут выяснены благоприятные ответы, по крайней мере, главнейших из создавшихся правительств и будет выработан акт объединения, который мог бы быть опубликован новым правительством, как национальным, в первые же дни его существования.

2) Исходной точкой переговоров должна быть неприкосновенность всей прежней территории России, за исключением Финляндии* (но со стратегическими гарантиями со стороны последней) и Польши (в границах прежнего Царства Польского, без Холмщины и с этнографическим обменом сфера Августовской губ. на части уездов Сокальского и Бельского). В моих («необязательных») переговорах трудность представляла лишь Курляндия, относительно которой я соглашался на «исправление границ». Не знаю, как мы можем уступить Ливаву. Вопрос о Крыме и Закавказье не был затронут, и я опасаясь, что за умолчанием могут скрываться особые виды Германии на эти опорные пункты в будущей борьбе с Англией. Но этих территорий, конечно, мы пожертвовать не можем. При прежнем взгляде трудность представляла также вопрос об особые правах Украины, которую германцы хотели надѣлать правами Баварии. Я не отрицаю возможности идти относительно Украины несколько далее простой автономии, с тем, чтобы это не служило образцом для других объединяемых частей, но не соглашался ни на особую армию, ни на остатки дипломатического представительства, ни на расширенные права относительно железных дорог, почты и телеграфа и т. д. Основным требованием объединения я считал суверенитет центральных органов, единство территории и гражданства, а также создание верхней палаты по типу Bundesrat'a.

3) Так как при такой постановке вопроса Германия должна искать своих преимуществ не в территориальных приобретениях, а в экономических выгодах, то необходимо теперь же привлечь наших промышленников к пересмотру этой части договора и просить их указаний, до каких предѣлов могут простирается здесь наши уступки, — вообще необходимые. Я обращался с этой просьбой к профессору Савицу в Киев и к А. И. Каминьскому в Петроград, но надо, чтобы эта работа была предпринята в Москве — и немедленно.

4) Помимо общих уступок по торговому договору, придется сделать (или санкционировать) и временные — для территорий, ныне занятых германцами. Но при этом необходимо, во первых, ввести в определенные правовые границы непредусмотренную, кажется, в учебниках международного права, власть германцев в области администрации и суда, теперь безграничную даже на Украину, не говоря о Литве, и, во вторых, оговорить для ближайшего же времени полную свободу сообщений и товарообмена для объединяемых областей, единство валюты и помощь как вооружением (у нас же отобранным), так и денежным займом, при немедленном восстановлении нашей армии.

5) Признание нейтралитета, по необходимости благожелательного относительно германцев, но с прекращением всяких враждебных действий на территории восстанавливаемой России. Национальное правительство, кроме единства, должно дать России действительный мир и выход из войны, чего не могли бы дать большевики: в этом будет его санкция в глазах населения.

Быть может, в Москве считают преждевременным говорить о началах будущей внутренней политики, но, мне кажется, необходимо было бы заблаговременно сговориться: без этого трудно было бы приступить к группировке сочувствующих «Правому Центру» элементов на местах. Поэтому предлагаю на обсуждение несколько пунктов, которые кажутся наиболее существенными:

1) Устройство коалиционной власти на основе программы «Правого Центра», по с устранением из ее состава сторонников самодержавия, с одной стороны, и сторонников ориентации «Ливаго Центра»** и прежнего Учредительного Собрания, с другой стороны.

2) В интересах поддержки демократических слоев (крестьянство и кооперация) и восстановления социального мира — немедленный приступ к аграрной реформе, восстанавливающей все нарушенные права, но имеющей целью найти рѣшения, возможно близкия к сложившемуся хаотическому положению землевладения. Восстановление свободы земельных сделок до реформы без

* Если будут настаивать на выходе ее к Ледовитому океану, я предлагал бы (не трогая, конечно, Мурман) обмен ближайшей к Норвегии полосы на Выборгскую губернию. [Примѣчаніе Милюкова].

** «Союзъ Возрожденія Россіи». (Авторъ).

парушенія ея принципів и съ принятіемъ немедленныхъ мѣръ противъ перехода земли въ собственность иностранцевъ.

3) Пересмотръ избирательнаго закона для городскихъ и земскихъ органовъ самоуправленія: введеніе возрастнаго ценза и ценза осѣдлости, двустепенность выборовъ въ деревнѣ, пересмотръ вопроса о полностномъ земствѣ, но не возвращеніе къ куріальной системѣ и не постановленіе старыхъ земствъ.

4) Установленіе переходнаго періода до начала функціонированія правильнаго національнаго представительства. Созывъ, въ случаѣ надобности, для переходнаго періода совѣщательнаго органа, вродѣ «Совѣта республики» изъ общественныхъ элементовъ, стоящихъ на государственной точкѣ зрѣнія, и выработка при его содѣйствіи закона о политическомъ представительствѣ.

Способовъ санкціи основнаго закона, оспориваемаго монархомъ, я не касаюсь здѣсь, по обращая Ваше вниманіе на то, что долженствующій быть опубликованнымъ отъ имени монарха основной законъ долженъ быть готовъ ко времени созданія новаго правительства и было бы очень печально, если бы онъ оказался похожъ на временные основные законы Скоропадскаго и Краснова. Надо теперь же засадить за эту работу нашихъ юристовъ (Нольде, Лазаревскаго, К. Н. Соколова, В. М. Гессена).»

Къ мыслямъ, изложеннымъ въ этой запискѣ, остается добавить болѣе интимныя, высказанныя въ письмахъ* къ ген. Алексѣеву:... что съ предложеннымъ планомъ необходимо снѣшиться, потому что въ Кіевѣ въ другихъ кругахъ переговоры идутъ полнымъ ходомъ и можно очутиться передъ совершившимся фактомъ... Что необходимо создать хоть фикцію освобожденія Москвы руками Добровольческой арміи — не нѣмцкими... Наконецъ, что пріятіе Милюковымъ конституціонной монархіи произошло не безъ борьбы... «было бы несравненно пріятнѣе, если бы его объ этомъ не спрашивали и неизбежное совершилось само собой»...

Общія положенія Милюкова вошли въ основаніе и анонимной записки, составленной послѣмъ Праваго Центра кн. Г. Трубецкимъ и отправленной нѣмцамъ съ одобренія Милюкова и Кривошеина.

*

*

Можно отнести различно къ германофильскимъ теченіямъ въ русскихъ интеллигентскихъ кругахъ въ 1917—1918 годахъ, съ точки зрѣнія національной и этической. Но одно безспорно, что они были беспочвенны и въ смыслѣ государственномъ — бесполезны.

Жизнь шагъ за шагомъ разбивала иллюзіи.

Нѣмцы неожиданно и рѣзко порвали сношенія съ Милюковымъ, и гетманъ, очевидно подъ ихъ давленіемъ, поставилъ передъ своимъ правительствомъ категорически вопросъ о высылкѣ Милюкова изъ Кіева. Совѣтъ министровъ почти единогласно отказался выполнить это требованіе, но Милюковъ, не желая быть причиной министерскаго кризиса, уѣхалъ добровольно въ деревню, въ Черниговскую губернію.

Никакого отвѣта не послѣдовало и на записку кн. Г. Трубецкаго.

Были и другіе симптомы, болѣе внушительные.

16 іюля произошла Екатеринбургская драма, и глубоко возмущенная общественная совѣсть винила въ этомъ злодѣяніи германскую власть, имѣвшую неограниченное вліяніе на совѣтъ комиссаровъ и не пожелавшую воспользоваться имъ для спасенія царской семьи...

Въ Москвѣ и центральной Россіи свирѣпствовалъ жестокій терроръ, обрушившійся съ особенной силой на голову несчастнаго офицерства. Въ разгромѣ нѣкоторыхъ московскихъ военныхъ организацій ясно было сотрудничество нѣмцевъ съ большевиками. Конспирирующая Москва волновалась, возмущалась, называла имена**... Когда гетманское правительство сочло необходимымъ заявить въ Берлинѣ протестъ противъ большевицкаго террора, германскій министръ иностр. дѣлъ Гинце отвѣтилъ: «императорское правительство воздержится отъ репрессивныхъ мѣръ противъ совѣтской власти», такъ какъ то, что дѣлается въ Россіи, «не можетъ быть квалифицировано, какъ терроръ»;

* 19 и 21 мая.

** Отголоскомъ разгрома правой организаціи было дѣло ген. Дрейера на Югѣ Россіи, обвиненнаго офицерствомъ въ выдачѣ организаціи нѣмцамъ, преданнаго полемому суду и оправданнаго за недостаткомъ уликъ.

происходят лишь «случаи уничтоженія попытокъ безответственныхъ элементовъ... провоцирующихъ беспорядокъ и анархію»*. Да и какъ было вступиться нѣмецкому правительству, когда въ Москвѣ его представители — старшій совѣтникъ посольства Риндлеръ и начальникъ контръ-развѣдки Мюллеръ находились въ тѣсномъ сотрудничествѣ съ Караханомъ и Дзержинскимъ и снабжали ихъ «списками адресовъ, гдѣ должны были быть обнаружены преступныя воззванія и сами заговорщики... противъ совѣтской власти»**... При свѣтѣ этихъ позднихъ откровеній какая жуткая роль приходится на долю руководителей противобольшевицкихъ организацій, работавшихъ въ контактѣ съ нѣмцами!..

Убіиство Мирбаха и Эйхгорна не вызвало охлажденія въ отношеніяхъ нѣмцевъ къ большевикамъ. Наоборотъ, 16 августа Германія заключила съ совѣтской Россіей «дополнительное соглашеніе» къ Брестъ-Литовскому договору. Это соглашеніе, какъ извѣстно, окончательно закрѣпило распадъ Россіи и экономическую кабалу ея цѣною признанія Германіей совѣтской власти, политическаго и военнаго сотрудничества съ нею.

Большевизмъ, переживавшій тогда тяжелые дни, былъ спасенъ. Государственные дѣятели Германіи не могли отрѣшиться отъ своей роковой политики въ отношеніи Россіи даже въ ту пору, когда стало очевиднымъ, что надъ ихъ страной нависаетъ катастрофа, война кончается, и пора подумать о будущихъ связяхъ сосѣднихъ народовъ, такъ безумно, такъ нерасчетливо напоенныхъ несмыслимой обидой и органической ненавистью. Ибо тогда уже вожди германской арміи заявили открыто императору и правительству, что войной нѣтъ болѣе никакихъ надеждъ добиться мира***.

Какъ ни предусмотрительна и сурова была нѣмецкая цензура и благопріятствующая ей большевицкая, свѣдѣнія объ петинномъ положеніи дѣлъ на фронтѣ міровой борьбы проникали въ Россію, отражаясь на общественныхъ настроеніяхъ и способствуя значительно ослабленію германофильскихъ теченій. И кн. Г. Трубецкой, принявшій на себя не безъ внутренней борьбы неблагоприятную и лично для него тяжелую роль, побывавъ на Украинѣ, на Дону и пріѣхавъ въ Добровольческую армію, доносилъ Правому Центру¹: «эта тенденція — невозможность какихъ либо соглашеній съ нѣмцами — настолько безповоротна, что объ этомъ не стоитъ начинать разговора ни съ однимъ вождемъ Добровольческой арміи. Но я этого не дѣлалъ и по другимъ причинамъ... Не опасаясь упрековъ, которые навлекли на себя, мы останавливались и на возможности соглашенія съ Германіей, какъ на самомъ безболѣзненномъ рѣшеніи вопроса. Наша совѣсть чиста, но упорствовать дальше на комбинаціи неосуществимой невозможно»...

*

*

Въ Кіевѣ, обособленно отъ правыхъ организацій, стояла группа В. Шульгина. Не политическая партія, не организація — именно группа единомышленниковъ, имѣвшая, однако, серьезное вліяніе въ кіевскихъ буржуазныхъ и военныхъ кругахъ².

Едва ли не съ наибольшей страстностью, съ пыломъ и прямолинейностью, группа Шульгина проповѣдывала три основныхъ своихъ лозунга — борьбу съ большевизмомъ, вѣрность союзникамъ и монархію. Монархію безоговорочную, немедленную, открыто исповѣдуемую. Для Шульгина и его единомышленниковъ монархизмъ былъ не формой государственнаго строя, а религіей. Въ порывѣ увлеченія идеей они принимали свою вѣру за знаніе, свои желанія за реальные факты, свои настроенія за народныя. На Югъ шли посланія, доклады, сводки, въ которыхъ яркими красками изображался ростъ монархическаго движенія въ странѣ. Шульгинъ осуждалъ постоянно политику руководителей Добровольческой арміи, убѣждалъ друзей, что «скоро въ Россіи не будетъ никакихъ республиканцевъ», и просилъ «разъяснить руководителямъ арміи, что никакія

* Телеграмма украинскаго посла барона Штейнгеля изъ Берлина отъ 28 сентября.

** «Красная книга». Офиц. большев. изданіе.

*** Конференція въ Сна 2 августа.

¹ Докладъ отъ 29 августа.

² На выборахъ въ украинское Учредительное собраніе группа Шульгина получила въ Кіевѣ 25,428 голосовъ.

воззванія съ Учредительнымъ собраніемъ и народоуправствомъ не привлекутъ въ армію никого... Вмѣстѣ съ тѣмъ Шульгинъ наставлялъ на сосредоточеніи въ рукахъ его организаціи распределенія въ Киевскомъ центрѣ полномочій для всѣхъ противобольшевицкихъ армій.

Эти посланія получали распространеніе на Югѣ, оказывая извѣстное вліяніе на офицерство и на самого генерала Алексѣева. Въ письмѣ его къ Шульгину я наметъ вполнѣдствіи слѣдующія фразы: «относительно нашего лозунга — Учредительное собраніе — необходимо имѣть виду, что выставили мы его лишь въ силу необходимости. Въ первомъ же объявленіи, которое нами будетъ сдѣлано, о немъ уже упоминается не будетъ совершенно. Наши слоганъ должны быть для Васъ ясны, но проявить ихъ здѣсь открыто было бы ошибкой, т. к. населеніемъ это было бы встрѣчено враждебно. Отъ прежняго лозунга мы отказываемся. Для объявленія же новаго нужны соответствующія обстоятельства и прежде всего подвластная только намъ территория. Это будетъ, какъ только мы перейдемъ къ нашимъ активнымъ планамъ»*...

Шульгинъ видѣлъ въ соглашеніи съ нѣмцами — новое и окончательное закрѣпощеніе Россіи, а въ возстановленіи монархіи нѣмецкими руками — національное бѣдствіе: «монархія и династія будутъ тогда окончательно скомпрометированы»... Шульгинская группа твердо настаивала на легитимномъ принципѣ**, но тотчасъ же подъ давленіемъ чрезвычайныхъ условий жизни вступала съ нимъ въ рѣзкое противорѣчіе: акты 2 и 3 марта*** непререкаемы — говорили они — отсюда связанность Михаила Александровича словомъ въ отношеніи Учредительнаго собранія. Тяжкая болѣзнь и вообще неопредѣленность судьбы цесаревича Алексѣя Николаевича... «Личныя качества» другихъ законныхъ преемниковъ... Какъ выходъ, Шульгинъ предлагалъ весьма сложную систему «добровольныхъ (?) отказовъ менѣе подходящихъ кандидатовъ, пока престолъ не перейдетъ къ лицу, болѣе или менѣе извѣстному населенію или, во всякомъ случаѣ, не возбуждающему нежелательнаго противодѣйствія»...

Въ качествѣ техническаго аппарата группы Шульгинъ основалъ конспиративный органъ, подъ названіемъ «Азбука». Вначалѣ этотъ органъ черпалъ средства для своего существованія исключительно изъ частныхъ источниковъ; въ іюлѣ 18 года, порвавъ съ Правымъ Центромъ, ввиду его нѣмецкой оріентаціи, Шульгинъ вошелъ въ тѣсную связь съ Национальнымъ Центромъ, и «Азбука» получила при посредствѣ послѣдняго крупное пособіе изъ суммъ, отпускаемыхъ союзниками; перенеся вполнѣдствіи свое ядро въ Екатеринодаръ, «Азбука» стала однимъ изъ освѣдомительныхъ органовъ Добровольческой арміи, и съ февраля 19 года содержаніе ея было отнесено на кредиты штаба.

Въ киевскій періодъ своей дѣятельности «Азбука», по словамъ Шульгина, ставила себѣ весьма широкія задачи: политическую и военную развѣдку въ отношеніи большевиковъ, нѣмцевъ и Украинской республики; вербовку въ противобольшевицкія арміи; участіе въ организаціи вооруженныхъ возстаній и выступленій противъ большевиковъ; связь и информированіе лицъ императорской фамиліи, московскихъ Центровъ и Добровольческой арміи.

Дѣйствительно, «Азбука» давала арміи весьма большой и цѣнный развѣдочный матеріалъ, преимущественно о политическомъ и военномъ положеніи на Украинѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, страстная проповѣдь ея «немедленнаго поднятія монархическаго флага» нарушала душевное равновѣсіе киевскаго и добровольческаго офицерства и, какъ увидимъ ниже, сильно затрудняла позицію командованія.

Что касается общей оріентировки, выходившей за предѣлы Украины, освѣдомленность «Азбуки» не шла далѣе слуховъ. Это обстоятельство въ связи съ поисками обстановки, наиболѣе отвѣчавшей политическимъ убѣжденіямъ членовъ шульгинской группы, лишало ясности и опредѣленности ея ближайшія задачи. Такъ въ іюлѣ — іюлѣ Шульгинъ задумалъ перебрасывать офицеровъ и перебзжать со своей организаціей въ

* Отвѣтъ на письмо отъ 5 іюня.

** Крайняя правая и Правый Центр считали необходимымъ возстановить на престолѣ императора Николая II, часть Правого Центра, Национальный Центр и Миллюковъ склонялись къ кандидатурѣ в. к. Михаила Александровича.

*** Отреченіе императора Николая II и условный отказъ в. к. Михаила Александровича.

Архангельскъ къ ген. Пулю, который по свѣдѣніямъ «Азбуки» былъ предназначенъ главнокомандующимъ всѣми союзными войсками Восточнаго фронта; потомъ собирався и за Волгу — причемъ въ главѣ направляемыхъ туда силъ долженъ былъ стать «выдающийся кievскій генераль», а Шульгинъ — его «помощникомъ по гражданской частн»; писалъ и въ Сибирь адмиралу Колчаку, считая его главою сибирскаго правительства* и предлагая перебросить туда свою организацію и 20—25 тысячъ офицеровъ для борьбы противъ нѣмцевъ и большевиковъ, но непремѣнно «подъ открытымъ монархическимъ знаменемъ»; наконецъ, въ концѣ іюля въ штабѣ Добровольческой арміи получена была телеграмма, что организація Шульгина переѣзжаетъ на Донъ, въ распоряженіе ген. Алексѣева «вслѣдствіе невозможности пробиться въ другіе районы, стѣсненій, чинимыхъ на Украинѣ, и требованія нѣмцевъ гетманскому правительству образовать на Украинѣ концентраціонные лагеря»...

* *

Всѣ группы и организаціи вмѣсто матеріальной помощи присылали намъ горячія привѣтствія — и письменно, и черезъ делегатовъ — и всѣ пытались руководить не только политическимъ направлениемъ, но и стратегическими дѣйствіями арміи. Планы предлагались самые разнообразныя. Такъ, напримѣръ, Шульгинъ писалъ въ концѣ мая: «мое мнѣніе — нужно узнать, чѣмъ дышитъ армія Дутова и, если тамъ лозунгъ монархическій и союзнический, открыто провозгласить у себя въ арміи Алексѣева лозунгъ за монархію и союзниковъ и идти на соединеніе съ Дутовымъ». Потомъ прислалъ другое предложеніе: «Добровольческая армія должна покончить со всякими колебаніями, оставить мысль объ Учредительномъ собраніи и народоправствѣ, которымъ изъ мыслящихъ людей никто уже не вѣритъ, и сконцентрировать всѣ свои силы на одной задачѣ — вырвать русскій императорскій домъ изъ физическаго обладанія нѣмцевъ и поставить его въ такое положеніе, чтобы, опираясь на наступающую Японію, отъ имени вступившаго на престолъ законнаго государя объявить священную войну противъ нѣмцевъ, завладѣвшихъ родиной».

Національный Центръ звалъ насъ за Волгу. Правый Центръ — по пути, который должны были пробить для насъ нѣмецкіе корпуса, черезъ Воронежъ на Москву... Представитель союзниковъ — французскій генераль Лавернь — на Царицынъ.

Было предложеніе и совѣтъмъ другого рода, характеризующее среду и дѣятелей, основанное на подномъ непониманіи характера и взглядовъ руководителей добровольчества.

Представитель кievскихъ крайнихъ правыхъ, герцогъ Г. Лейхтенбергскій высказывалъ мысль: «главная опасность Заволжскаго фронта** (въ томъ), что прежніе наши союзники придутъ въ Россію, опираясь на демократическіе, соціалистическіе элементы, и приведутъ страну къ республикѣ». Во избѣжаніе этого «было бы хорошо, если бы ген. Алексѣевъ взялъ на себя командованіе Заволжскимъ фронтомъ»... Роль, предназначавшаяся при этомъ ген. Алексѣеву, была довольно непріятная — провести союзниковъ: «чтобы не было неосновательныхъ подозрѣній — говоритъ герцогъ — необходимо хотя бы на словахъ намекнуть объ этомъ нѣмцамъ... Я беру на себя намекнуть нѣмцамъ объ этой комбинаціи и тогда не опасаясь ихъ противодѣйствія***»...

Организаціи и дѣятели въ перешикѣ между собою скорбѣли, что Добровольческая армія лишена ихъ политическаго руководства; мы же всѣми мѣрами старались избѣгнуть опеки, налагающей партійный штампъ и политическія пути на дѣятельность арміи. Генераль Алексѣевъ относился къ работѣ всѣхъ политическихъ организацій съ нескрываемымъ осужденіемъ. Обобщая свои впечатлѣнія отъ многочисленныхъ личныхъ и письменныхъ докладовъ, онъ писалъ мнѣ 26 іюня: «фактическаго единенія въ мысляхъ, цѣляхъ, задачахъ... между «центрами» не существуетъ. Не мѣняются только жажда власти, стремленіе получить въ свои руки денежную помощь отъ союзниковъ и тяготѣть надъ работою и существованіемъ Добровольческой арміи».

* Письмо отъ 8 іюня 18 г.

** Восточный фронтъ.

*** Отчетъ о разговорѣ герц. Лейхтенбергскаго и А. Ладыженскаго 2 авг. 18 года въ Кіевѣ.

Другой вопрос, лично касавшийся ген. Алексе́ева, также доставлял ему не мало огорчений...

Правильный Центр предполагал поставить во главе вооруженных сил одного из следующих генералов: Брусилова, Мукомелова, Юденича или Лещинского. В связи с предположением о создании Восточного фронта, вопрос о верховном возглавлении русской армии поднят был и в других организациях. Киевские монархисты хотѣли видѣть на этомъ посту В. К. Николая Николаевича или Михаила Александровича, котораго молва настойчиво связывала с чехо-словаками. Союзъ Возрожденія называлъ имена ген. Алексе́ева, адмирала Колчака и ген. Болдырева*. Первые два — очевидно только въ качествѣ уступки Национальному Центру. Этотъ послѣдній хотя и высказывалъ опасеніе, что «подъ вліяніемъ» Миллюкова «и кievской заразы у ген. Алексе́ева мѣняется настроеніе», однако горячо и настойчиво проводилъ кандидатуру его какъ Верховнаго главнокомандующаго и главы «тріумvirата». Въ этомъ направленіи Центръ вліялъ и на союзниковъ. Между прочимъ ген. Алексе́евымъ получено было предложеніе и черезъ французскаго генерала Лаверна прибыть въ Самару, когда откроется возможность «для руководства всѣми войсками, дѣйствующими противъ большевиковъ». Ген. Алексе́евъ еще ранѣе на обращеніе Национальнаго Центра и нѣкоторыхъ союзныхъ представителей отвѣтилъ согласіемъ, при условіи, однако, что ему будетъ обезпечена полная свобода распоряженій и не «будетъ раздѣленія власти»**...

Любопытно, что, получивъ свѣдѣніе о предположеніи союзниковъ выдвинуть на руководящія роли Керенскаго, ген. Алексе́ева писалъ въ Москву: «передайте представителямъ союзниковъ, что... (въ такомъ случаѣ) я почти своимъ прямымъ долгомъ совершенно отказаться отъ всякой военной и политической дѣятельности и никоимъ образомъ не допущу сотрудничества съ разрушителемъ моей Родины»***...

Ген. Алексе́евъ обѣщалъ выѣхать за Волгу, какъ только будетъ подготовленъ технически перѣѣздъ.

Всѣмъ имя ген. Алексе́ева, въ особенности въ военныхъ кругахъ, продолжало пользоваться высокимъ авторитетомъ и популярностью, что давало намъ надежды на объединеніе вокругъ него борющихся силъ. Свидѣтельства этого отношенія — письменныя и устные — получались со всѣхъ сторонъ — отъ организаций, политическихъ дѣятелей и военныхъ вождей. Одни хотѣли видѣть въ немъ главу движенія, другіе — слѣва, въ томъ числѣ и будущая директорія — «использовать его государственную мудрость и военный опытъ», официально — «для блага Россіи», неофициально — для укрѣпленія своего авторитета...

Между прочимъ, адмиралъ Колчакъ, пріѣхавъ въ Омскъ, писалъ 1 октября ген. Алексе́еву о своемъ предположеніи ѣхать въ Европейскую Россію, съ цѣлью «вступить въ Ваше распоряженіе въ качествѣ Вашего подчиненнаго... Вы, Ваше Высокопревосходительство, являлись все это время для меня единственнымъ носителемъ Верховной власти, власти Высшаго военнаго командованія, для меня бесспорной и авторитетной»¹.

Получалась, впрочемъ, нами и другая оцѣнка дѣятельности ген. Алексе́ева — справа, на почвѣ монархическихъ лозунговъ. Въ письмѣ, адресованномъ ген. Алексе́еву и широко распространенномъ въ копіяхъ², графъ Келлеръ говорилъ: «Вашъ начальникъ политическаго отдѣла увѣрялъ меня, что Ваше имя вездѣ популярно и что Вамъ вѣрятъ всѣ. Если онъ и Вамъ докладывалъ то же, то ввелъ Васъ въ заблужденіе. Вѣрятъ Вамъ кадеты и, можетъ быть, и то отчасти, группа Шульгина. Но большинство монархическихъ партій, которыя послѣднее время все разрастаются, въ Васъ не увѣрены,

* Командовалъ 5 арміей, былъ посаженъ большевиками въ Трубецкой бастионъ, тамъ вошелъ въ близкія сношенія съ вождями революціонной демократіи и связалъ съ ними свою судьбу.

** Записка Ладыженскаго и письмо отъ 27 іюня ген. Казановичу. Алексе́евъ ставилъ категорически вопросъ объ единоличной диктатурѣ, не признавая директоріи.

*** Письмо Ладыженскому отъ 13 іюня, № 103.

¹ Письмо было получено въ ноябрѣ, уже послѣ смерти ген. Алексе́ева.

² Письмо отъ 20 іюля. Копіи были разосланы генераломъ Келлеромъ герцогу Лейхтенбергскому, мвѣ и др.

что вызывается тѣмъ, что никто отъ Васъ не слышалъ столь желаннаго, яснаго, опредѣленнаго объявленія, куда и къ какой цѣли Вы идете и куда ведете Добровольческую армію...

Но время шло, образованіе Восточнаго фронта все откладывалось, въ политическихъ центрахъ велась сложная и не вполне понятная для насъ работа, въ печати появлялись новыя пмена Верховныхъ и новыя комбинаціи власти. Игра вокругъ имени ген. Алексѣева сильно огорчала его, иногда больно ударяя по самолюбію. Молодые люди алексѣевского политическаго отдѣла волновались и убѣдительно совѣтовали генералу ѣхать немедленно за Волгу въ «центръ политическихъ событій», чтобы своимъ личнымъ вліяніемъ и авторитетомъ предупредить «возможныя ошибки»... «Выразивъ разъ свое согласіе — отвѣчалъ Алексѣевъ одному изъ нихъ* — поставивъ свои условія, я не втянусь въ ходъ интриги. Я ничего не предприму для достиженія цѣли, ибо я ничего не искалъ и не ищу лично для себя. Найденъ другой, достойнѣйшій, ему и книги въ руки; а я или уйду въ частную жизнь, или остаюсь при Добровольческой арміи... Словомъ, готовый дѣлать дѣло, я уклоняюсь отъ излюбленной интриги, борьбы «центровъ» и «группъ»...

Вопросъ о переездѣ ген. Алексѣева за Волгу такъ и остался открытымъ.

* * *

Исторія противобольшевицкихъ политическихъ организацій есть исторія русской общественности. Нѣтъ сомнѣнія, что наряду съ элементами безпринципными, явно эгоистическими, лично или социальнo заинтересованными — во всѣхъ, рѣшительно во всѣхъ организаціяхъ было много людей самоотверженныхъ, людей высокаго патріотизма, работавшихъ идейно и безстрашно въ тяжелой обстановкѣ сыска, провокаціи и большевицкаго террора.

Но общее направленіе дѣятельности ихъ шло по эксцентрическимъ линіямъ, отражая глубокое расхожденіе не только въ политическихъ взглядахъ, но и социальное, партійное и моральное. Расхожденіе — не отмеченное общимъ національнымъ сознаніемъ, не смолкнувшее предъ лицомъ смертельной опасности, нависшей надъ страной.

Тѣмъ не менѣе противобольшевицкія организаціи имѣли и общія, совершенно аналогичныя черты.

Въ нихъ мы видимъ, во первыхъ, вождей безъ народа. Они рѣшали важнѣйшія задачи бытія русской государственности на основаніи своихъ вѣрованій и умозаключеній, учитывая въ качествѣ элементовъ борьбы политику враговъ и союзниковъ, матеріальную помощь извнѣ, иностранные штыки и т. д. Но сила сопротивляемости или содѣйствія народной массы въ ихъ расчеты входила мало. Русскій народъ, между тѣмъ, все еще пребывалъ въ состояніи неустойчиваго равновѣсія, разбивая въ прахъ всѣ прогнозы, всѣ социальнo-историческія теоріи.

Во вторыхъ, всѣ организаціи — правыя и лѣвыя, не исключая отчасти и совѣтскихъ, — единственную внутреннюю реальную силу, способную на подвигъ, жертву и вооруженную борьбу, видѣли въ русскомъ офицерствѣ и стремились привлечь его всѣми мѣрами къ служенію своимъ цѣлямъ.

Офицерство, между тѣмъ, стояло на распутьи.

Цѣлый рядъ старшихъ генераловъ, въ первые же мѣсяцы поступившихъ на службу къ большевикамъ, своимъ примѣромъ давалъ оправданіе малодушнымъ или заблудившимся. Эти люди создавали теоріи о народѣ, «имѣющемъ такое правительство, какое онъ желаетъ» и о «моральной допустимости служенія народу при всякомъ правительствѣ»... Они — слѣпые или сознательные слуги деспотіи — говорили о служеніи народу...

Въ Москвѣ, Петроградѣ и Кіевѣ — Правый Центръ звалъ офицеровъ для спасенія монархіи — прежде всего монархін — и Родины въ свою организацію, покровительствуемую тѣми, кого офицерство считало заклятыми врагами Россіи — нѣмцами; Савинковскій

* Письмо отъ 17 іюня.

союз — въ свои отряды «для защиты Родины и свободы» — свободы, олицетворяемой идеалами Савинкова; Союзъ Возрожденія — въ свои московскія и мѣстныя организаціи для спасенія революціи и страны; Заволжскіе с.-р. — для защиты Учредительнаго собранія...

Въ Кіевѣ гетманъ собиралъ офицерство подъ желто-голубымъ знаменемъ для защиты Украины; Шульгинъ звалъ за Волгу, въ Архангельскъ, въ Сибирь и въ Добровольческую армію — для спасенія династіи и Россіи, судьбы которой всецѣло и безраздѣльно отождествлялись съ судьбами династіи. Въ то же время старшій генералитетъ, возглавляемый Весселовскимъ и кн. Долгоруковымъ*, найдя спокойный пріютъ въ оккупационной зонѣ ген.-фельдмаршала Эйхгорна, взывалъ къ обществу, приглашая его «поддержать, помочь офицерамъ пережить невзгоды революціоннаго времени и оберечь офицеровъ, жаждающихъ подвига на благо Родины, отъ втягиванія ихъ... во всевозможныя авантюры подъ ложными лозунгами спасенія отечества». Рекомендовалось, впрочемъ, «быть въ полной готовности», ввиду «скараго возсозданія недѣлимой Россіи... подъ скипетромъ законнаго монарха... силами самого русскаго народа»**... Формула, принятая вполнѣдствіи создателями «новой тактики», имѣетъ, какъ оказывается, старое и довольно неожиданное происхожденіе...

Среди вещей этихъ расходящихся путей къ спасенію страны — русское офицерство въ конецъ заблудилось.

* Такъ называемая «военная секція» съѣзда консервативныхъ дѣятелей въ г. Кіевѣ.

** Резолюція отъ 7 іюля.

ГЛАВА XII.

Противобольшевицкое движеніе на Востокѣ: чехо-словаки, «Комитетъ Членовъ Учредительнаго Собранія» и «Народная армія».

Въ то время, когда происходили описанныя событія на территоріи Россіи, вовлеченной въ той или иной формѣ въ сферу германскаго вліянія, за Волгой, на Уралѣ и въ Сибиріи разгоралась въ свою очередь борьба противъ совѣтской власти — широко, въ масштабѣ, соответствовавшемъ необъятнымъ восточнымъ просторамъ.

Главный толчокъ къ ней дало выступленіе чехо-словаковъ. Роль, которую сыграли первоначально 30—40 тысячный чехо-словацкій корпусъ въ чисто военномъ стратегическомъ отношеніи, служить нагляднымъ показателемъ полной безпомощности совѣтскаго правительства весной и лѣтомъ 18 года и той легкости, съ которой возможно было сверженіе его при условіи надлежащаго использования противобольшевицкихъ силъ.

И если этого не случилось, то историческая отвѣтственность за продолженіе кроваваго опыта лежитъ не только на безпринципной и близорукой политикѣ германцевъ и Согласія, но еще въ большей степени на совѣсти русскихъ противобольшевицкихъ дѣятелей.

Углубленные и обостренные революціей социальныя, классовыя, племенные, даже областныя расхожденія набросили вскорѣ густой туманъ на пробудившуюся было русскую національную идею.

Рожденное революціей, штавшееся ея извращеніями въ большей степени, чѣмъ тяжестью иноземнаго нашествія, противобольшевицкое движеніе дало поэтому Архангельскъ, Кіевъ, Новочеркасскъ, Екатеринодаръ, Самару, Омскъ; но оно безуспѣшно было возвыситься до созданія своего Пьемонта.

* *

Чехо-словацкій корпусъ послѣ Брестъ-Литовскаго мира двигался къ Владивостоку, откуда Согласіе предполагало перебросить его на европейскій театръ войны. Къ веснѣ 1918 года чехо-словаки были разбросаны на огромномъ протяженіи — 7½ тысячъ верстъ — отъ Пензы до Владивостока. Въ маѣ, по требованію Мирбаха, Троцкій отдалъ приказъ объ ихъ разоруженіи. По настоянію Массарика, всемѣрно уклонявшагося отъ «вмѣшательства во внутреннія русскія дѣла», чехи подчинились этому распоряженію, потребовавъ лишь оставленія на каждый эшелонъ 150 винтовокъ и нѣсколькихъ пулеметовъ. Но вслѣдъ за симъ послѣдовало изъ Москвы новое распоряженіе — остановить на мѣстахъ всѣ чешскіе эшелоны, разоружить чеховъ окончательно и водворить ихъ въ концентраціонные лагеря.

Эта мѣра совѣтскаго правительства привела къ послѣдствіямъ, для него совершенно неожиданнымъ: чехи возстали.

Безъ какого либо плана, безъ руководящихъ указаній свыше, спасая свою свободу и существованіе, чешскія войска вступили въ борьбу съ большевиками, захватывая желѣзнодорожныя линіи и станціи, разгоняя совѣты и разоружая или уничтожая

красную гвардію. Силы большевиковъ за Волгой были по численности и боевой пригодности ничтожны; дѣйствія чеховъ сопровождались поэтому быстрымъ, ошеломляющимъ успѣхомъ. Повсюду ихъ выступленія вызывали мѣстные возстанія и организацію добровольческихъ отрядовъ — по преимуществу офицерскихъ, отчасти возникшихъ стихійно, отчасти созданныхъ мѣстными военными и политическими центрами. Эти отряды добровольно присоединялись къ чешскимъ войскамъ, увеличивая ихъ силу и значеніе и придавая выступленію чеховъ, вызванному стремленіемъ открыть себѣ путь на востокъ, смыслъ и характеръ идейнаго движенія.

Почти одновременно, въ концѣ мая произошелъ рядъ важныхъ событій: полковникъ Чечекъ во главѣ почти безоружныхъ эшелоновъ взялъ Пензу, захватилъ большое количество оружія и боевыхъ припасовъ и, пробиваясь далѣе за Волгу, занялъ послѣдовательно Сызрань и Самару. Въ Челябинскѣ полковникъ Войцеховскій*, послѣ столкновения съ мѣстнымъ совѣтомъ, разгромилъ его и затѣмъ овладѣлъ желѣзнодорожнымъ узломъ Екатеринбургъ. Въ Западной Сибири первое возстаніе чеховъ произошло въ Ново-Николаевскѣ (западнѣе Томска), гдѣ капитанъ Гайда, совместно съ однимъ изъ главныхъ организаторовъ вооруженной силы въ Западной Сибири, подполковникомъ Гришнымъ-Алмазовымъ, свергли совѣтскую власть, послѣ чего Гайда двинулся на востокъ, освобождая попутные города и направляясь въ Забайкалье, гдѣ за Иркутскомъ прочно засѣли большевики, прервавъ сибирскій путь и сообщеніе съ Владивостокомъ.

Къ концу іюля чехо-словацкій корпусъ былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: бригада Чечка въ Самарѣ, прикрывая направленія отъ Саратова и Пензы; бригада Войцеховскаго въ Екатеринбургѣ — на Казанскомъ и Пермскомъ направленіяхъ; бригада Гайды — по пути въ Забайкалье; пробившаяся ранѣе четвертая бригада располагалась во Владивостокѣ, находясь въ вѣдѣніи начальника штаба корпуса, ген. Дитерихса.

«Восточнаго фронта» въ общепринятомъ смыслѣ этого слова не существовало вовсе. Положеніе мѣнялось чуть ли не ежедневно, находясь въ зависимости отъ передвиженія чешскихъ эшелоновъ и успѣха возникавшихъ постоянно мѣстныхъ возстаній. Съ грубымъ приближеніемъ линію, разграничивавшую сферы вліянія совѣтской власти и противобольшевистскихъ силъ можно провести съ сѣвера по р. Тагиду на Кунгуръ и по Камѣ и Волгѣ на Сызрань — Хвалыньскъ, далѣе на Николаевскъ и Уральскъ. Каждый изъ командировъ бригадъ дѣйствовалъ въ оперативномъ отношеніи совершенно самостоятельно, не выполняя какого либо общаго стратегическаго плана и первоначально не имѣя никакой политической задачи, кромѣ негативной, поставленной Національнымъ совѣтомъ и уже отброшенной жизнью — «невмѣстательства во внутреннія русскія дѣла». Штабъ корпуса, во главѣ съ командиромъ корпуса генераломъ Шокоревымъ, находился въ г. Челябинскѣ, управляя войсками лишь номинально и притомъ только въ административномъ отношеніи.

Составъ корпуса, пополненнаго военнопленными чехо-словаками, разбросанными по Сибири, доходилъ до 40—60 тысячъ**, т. е. по 10—15 тысячъ въ бригадѣ. Вполнѣ боеспособный и дисциплинированный во время вѣшной войны, корпусъ этотъ къ лѣту 18 года значительно пзмѣнилъ свою фзціономію. Подъ давленіемъ большевиковъ и подъ вліяніемъ Національнаго совѣта соціалистическаго состава, онъ воспринялъ нѣкоторыя основы «демократизаціи» и керенщины, вродѣ комитетовъ, выборнаго начала, «революціонной дисциплины» и проч. Русскій командный составъ былъ вскорѣ удаленъ***, и мѣста его были заняты людьми, перѣдко энергичными и способными, но обыкновенно имѣвшими служебный стажъ не выше лейтенанта запаса и потому мало грамотными въ вопросахъ тактики и стратегіи. Военный авторитетъ ихъ стоялъ не высоко, и случаи неповиновенія были обычными. На этой почвѣ произошло, между прочимъ, происшествіе большое впечатлѣніе самоубійство одного пзъ достойныхъ начальниковъ, капитана Швеца. Только жуткое чувство затерянности среди русскаго бушующаго моря

* Офицеръ русскаго генеральнаго штаба.

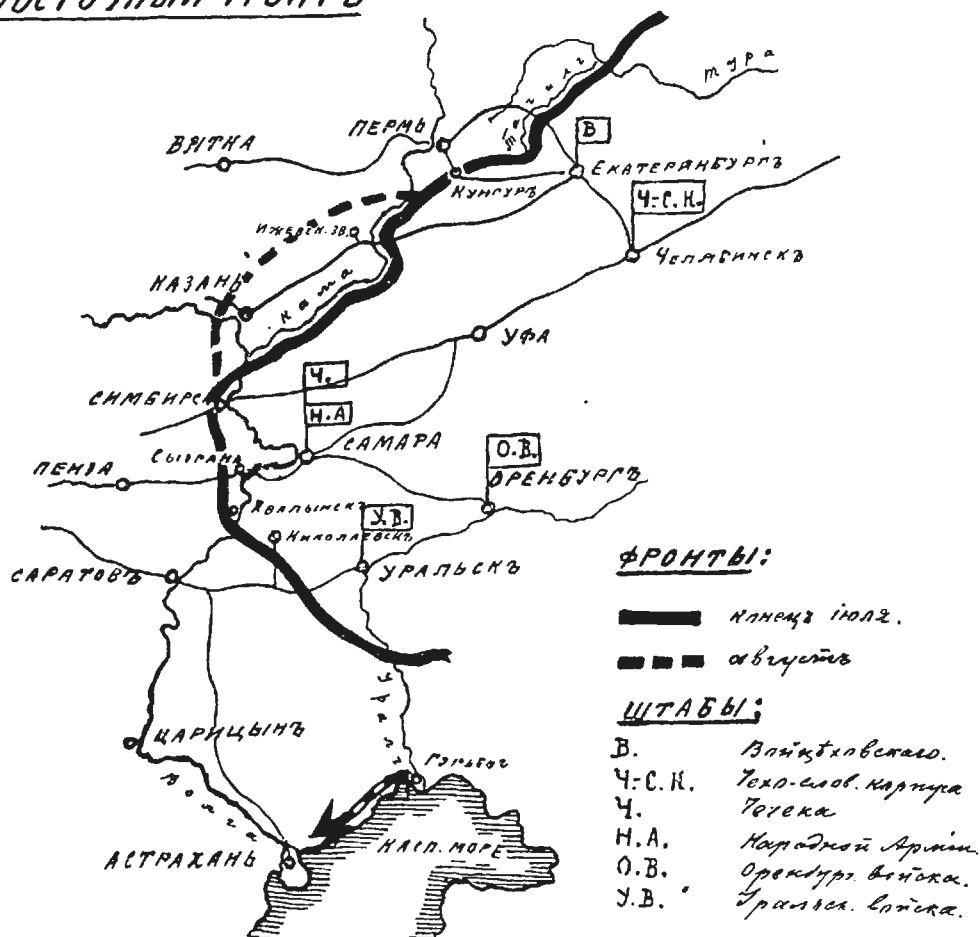
** Точной цифры не знали и въ штабѣ корпуса.

*** Въ томъ числѣ и ген. Шокоревъ, котораго замѣнилъ Сыровой.

заставляло чеховъ держаться своихъ частей и своихъ начальниковъ, восполняя тѣмъ въ извѣстной степени упадокъ воинской дисциплины.

Были и другія темныя стороны въ дѣятельности чехо-словаковъ, о которыхъ въ докладѣ ген. Гришнина-Алмазова* говорится: «...Начальники — все зеленая молодежь, которую нельзя было убѣдить, что надо обращаться къ городскимъ самоуправленіямъ и къ русскимъ властямъ за своими нуждами; что неприемлемо, чтобы они на каждый городъ смотрѣли, какъ на военную добычу. Исчезали цѣлые поѣзда, тысячи сапогъ,

Восточный фронтъ

чешская армія одѣвалась за счетъ сибирской... Поѣзда съ «добычей» являлись повсюду неизмѣнными спутниками чешскаго движенія, развращая морально войска, стѣсняя ихъ оперативную дѣятельность и вызывая въ русскомъ населеніи горечь и недоумѣніе.

Тѣмъ не менѣе, на всемъ пространствѣ отъ Волги до Владивостока это была вначалѣ единственная прочная сила, импониравшая и совѣтскимъ войскамъ, и мѣстному населенію, въ большинствѣ смотрѣвшему на чеховъ, какъ на избавителей.

Большевики поняли, наконецъ, свою ошибку и стали вести широкую пропаганду среди чехо-словаковъ, обѣщая имъ свободный пропускъ съ полнымъ вооруженіемъ и

* Военный министр Сибирскаго правительства.

споряженіємъ, при условіи отказа отъ помощи «бѣлוגвардейцамъ». Какъ это ни странно, подобную же роль взяла на себя американская желѣзнодорожная миссія и генеральный консулъ Гаррисъ*, уговаривавшіе чешскіе эшелоны ѣхать во Владивостокъ. Старшіе чешскіе начальники стремились стянуть свои части къ желѣзнодорожнымъ центрамъ... Мѣстныя русскія организациі обращались съ мольбой о помощи къ начальникамъ эшелоновъ, встрѣчая зачастую полное сочувствіе чеховъ, проявившихъ широкую частную инициативу, въ ущербъ распоряженіямъ свыше. Положеніе запутывалось до крайности и только къ серединѣ лѣта разяснилось: державы Согласія, осуществляя планъ созданія противопѣмскаго Восточнаго фронта, пожелали не использовать создавшееся такъ неожиданно для нихъ благопріятное положеніе, возложивъ на чехо-словацкій корпусъ задачу авангарда, образующаго по Камѣ и Волгѣ заслонъ, подъ прикрытіемъ котораго должна была начаться перевозка союзническихъ силъ. Эшелоны, пробившіеся на востокъ, потянулись вновь на западъ.

Какими бы мотивами ни руководились чехо-словаки, ихъ выступленіе сыграло чрезвычайно важную роль въ исторіи развитія противобольшевизма движенія. Въ этотъ первый періодъ ихъ заслуги въ дѣлѣ освобожденія Россіи неоцѣнны, ихъ тогдашнія вѣны поблекнутъ передъ судомъ исторіи.

*

Въ началѣ мая 18 года собрался 8-й совѣтъ партій социаль-революціонеровъ, на которомъ постановлено было перейти къ открытой борьбѣ съ совѣтской властью и въ то же время при помощи союзной интервенціи «свергнуть германское наслѣдіе». Работа въ этомъ направленіи велась съ большой энергіей, въ особенности въ Заволжьи и въ Сибири. Повсемѣстно образованные комитеты с.-р. брали на себя инициативу подготовки возстанія. И такъ какъ всѣ другія политическія организациі оставались бездѣятельными или склонялись къ соглашательству съ большевиками, то вокругъ с.-р.-овъ начали группироваться противобольшевицкіе элементы, зачастую имъ совершенно чуждые. Тѣмъ болѣе, что симпатіи чешскаго Національнаго совѣта были явно на сторонѣ с.-р.-овъ и въ частности Чернова. Это сказалось въ особенности, когда въ іюлѣ совѣтъ былъ перензбранъ, и во главѣ его стали социалисты — Павлу, Потейдло, Благошъ и др. лица, сыгравшія затѣмъ весьма прискорбную роль въ судьбахъ Сибири. Чешскій совѣтъ воспринималъ русскую дѣятельность исключительно въ освѣщеніи черновцевъ и испытывалъ болѣзненный страхъ, чтобы не прослыть «контръ-революціоннымъ».

На этой почвѣ возникли бытовые курьезы. Такъ, наиболѣе консервативное, монархически настроенное Уральское войско**, чрезвычайно бѣдное интеллигенціей, подъ вліяніемъ с.-р.-овъ упразднило вѣковой институтъ атаманской власти, вручило ее избранному правительству во главѣ съ с.-р.-омъ Фомичевымъ и вступило съ областнымъ комитетомъ с.-р.-овъ въ тѣсный союзъ для борьбы противъ большевиковъ. Однимъ изъ договоровъ предусматривалось «перенесеніе наступленія на другія территоріи», причемъ въ этомъ случаѣ тамъ долженъ быть созданъ «руководящій движеніемъ органъ на паритетныхъ началахъ со стороны Уральского войскового правительства и организациі партій (с.-р.) данной территоріальной единицы»... Своеобразная коалиція для управленія Россіей!.. Ген. Гришинъ-Алмазовъ, организовавшій офицерство на территоріи Сибири, встрѣтилъ огромныя затрудненія, вслѣдствіе невозможности пріобщить его къ политическимъ лозунгамъ господствующей партіи: «пришлось поэтому сойтись на поддержаніи самой идеи власти, хотя бы данное содержаніе ея и представлялось непріемлемымъ»***.

С.-р. воспользовались широко возстаніемъ чехо-словаковъ. И когда бригада Чечка 8 іюня овладѣла Самарой, было объявлено, что власть переходитъ къ «Комитету членовъ Учредительнаго собранія» («Комучъ»). Демократическій покровъ, популярный

* Вслѣдствіи Гаррисъ измѣнилъ свою тактику.

** Большинство казаковъ — старовѣры.

*** Докладъ 30 ноября 18 года.

Оренбургскій аманъ Дутовъ

еще въ русской общественности, прикрывалъ новую диктатуру — партіи с.-р.-овъ, безраздѣльно овладѣвшей властью и вдохновляемой Черновымъ, который — потому ли, что имя его было слишкомъ одіознымъ, потому ли, что не очень вѣрилъ въ успѣхъ дѣла — руководилъ имъ изъ-за кулисъ.

Для исторіи противобольшевизмской борьбы этотъ единственный опытъ чисто социалистическаго правленія* представляетъ большой интересъ. Опытъ, наиболѣе краткій — всего 107 дней — и, какъ кажется, наименѣе удачный.

«Комучъ» объявилъ себя эмбриономъ Всероссійской верховной власти, которая должна была утвердиться при налицѣ 30 членовъ бывшаго Учредительнаго собранія. Въ составъ его вошли Вольскій (предсѣдатель), Климушкинъ, Брушвинъ, Нестеровъ, Филипповскій и другіе, — имена весьма мало извѣстныя русскому обществу. О «правомочности» этого органа говорить не приходится. Точно также не стоитъ «сводить успѣхъ или неуспѣхъ отдѣльныхъ возстаній, паденіе или укрѣпленіе власти исключительно къ личнымъ качествамъ вождей и лидеров»**... Гораздо интереснѣе то общее направленіе дѣятельности с.-р.-скаго правительства, которое при успѣхѣ движенія должно было проявиться во всероссійскомъ масштабѣ.

Основные декреты совѣтской власти — о націонализациі земли и предпріятій, о рабочемъ контролѣ и др. остались въ силѣ; мѣстные совѣты были сохранены. Часть комитета и Черновъ, ставя главной цѣлью своей созданіе единого социалистическаго фронта, уже съ первыхъ дней борьбы искали путей соглашенія съ большевиками, и только рѣшительный протестъ Чешскаго національнаго комитета остановилъ эти попытки. Тѣмъ не менѣе «Комучъ» проявлялъ широкое поустительство въ отношеніи большевистскаго населенія и организацій.

Не имѣя ни правительственнаго авторитета, ни реальной силы, «Комучъ» стремился къ подчиненію своей власти областныхъ новообразованій мѣрами, подчасъ весьма рѣшительными, вызывавшими противодѣйствіе, разрывъ и раздѣленіе силъ. Такъ, Уральское и Оренбургское казачьи войска стали въ зависимость отъ «Самары» изъ-за боевого снабженія и матеріальныхъ средствъ, попавшихъ въ руки комитета. При этомъ большая часть Оренбургской губерціи отдѣлилась (сѣверо-востокъ), присоединившись къ Сибири и поставивъ тѣмъ въ весьма щекотливое положеніе выборнаго атамана Дутова, поторопившагося признать «Комучъ» и даже вступить въ его составъ. Въ концѣ іюля, впрочемъ, Дутовъ съѣздивъ въ Омскъ и завязавъ сношенія съ Сибирскимъ правительствомъ, что вызвало нѣкоторыя репрессіи со стороны «Комуча», какъ лично противъ атамана, такъ и противъ области: Дутовъ былъ исключенъ изъ состава комитета, а область весьма ограничена въ пополненіи снабженіемъ и деньгами. Въ отношеніи Сибирской области «Комучъ» примѣнялъ «таможенную войну» и широкую интригу при посредствѣ печати (черновской), сибирскихъ партійныхъ ячеекъ и с.-р.-ской областной Думы. Въ отношеніи прочихъ, слабѣе организованныхъ территорій мѣры принимались проще. Такъ, когда г. Златоустъ съ уѣздомъ «отложился» къ Сибирской области, «Комучъ» повелѣлъ уфимскому гарнизону идти войною на непокорный городъ. Войска, однако, не поспѣвали и не пошли. Когда же назрѣла возможность вооруженнаго столкновенія «Самары» съ «Омскомъ», то офицерство «Народной арміи» рѣшило категорически въ немъ не участвовать, не останавливаясь передъ «давленіемъ на правительство» и массовымъ уходомъ изъ арміи. Въ результатѣ территорія, подвѣдомственная «Комучу», ограничилась губерніей Самарской, частью Уфимской, двумя уѣздами Оренбургской и — условно — Уральской областью.

Къ государственному строительству «Комучъ» фактически не приступалъ, ограничившись общими деклараціями и посылкой на мѣста своихъ комиссаровъ («генералъ-губернаторовъ»). Но зато вишній антуражъ власти и ея пріемы оставляли далеко позади практику всѣхъ «новообразованій». Огромные штаты «министерствъ» были наполнены исключительно партійными людьми, безъ всякаго стажа и элементарнаго

* Грузія находилась въ особенныхъ условіяхъ.

** Такъ оправдывало впоследствии въ своемъ обращеніи московское бюро Центр. ком. парт. с.-р. слабый составъ «Комуча».

онята. Широко разросшийся «институтъ по охранѣ государственнаго порядка» («охранка»!) и контръ-развѣдка, съ обычными ихъ пріемами, висѣли надъ жизнью буржуазіи и офицерства, зачисленныхъ поголовно въ станъ контръ-революціонеровъ... Десятки милліоновъ народныхъ денегъ расходовались щедрой рукой на поддержку с.-р.-овской печати*, распространявшей широко официальный оптимизмъ, сѣявшей петеримность и возбуждавшей социальную ненависть; на пропаганду, направленную противъ Сибирскаго правительства, потомъ противъ директоріи, на насаждение партійныхъ ячеекъ въ войсковыхъ частяхъ, на созданіе опричнины подъ видомъ русско-чешскихъ «отрядовъ для защиты Учредительнаго собранія» и т. д.** Въ то же время оренбургское и уральское правительства испытывали крайнюю нужду въ денежныхъ средствахъ, необходимыхъ для самыхъ насущныхъ потребностей безпримѣрно тяжелой народной войны.

Если въ активѣ Самарскаго правительства окажется мало элементовъ государственнаго творчества, то безъ сомнѣнія оно войдетъ въ исторію, какъ самое расточительное. Уже въ Уфѣ, послѣ образованія директоріи, переименовавшейся въ «Совѣтъ управляющихъ вѣдомствами», быв. «Комучь» продолжалъ распоряжаться милліонами настолько широко, что потребовалась правительственная ревизія. Директорія командировала съ этой цѣлью члена директоріи ген. Болдырева и вице-директора мин. финансовъ Крестовскаго. Отчетъ комиссіи нарисовалъ удивительную систему расходованія огромныхъ государственныхъ средствъ, при которой «кредиты отпускатись безъ указанія предмета расхода, проводились всегда въ сѣбшномъ порядкѣ и немедленно по полученіи изъ банка ассигнованныя суммы безсѣдно исчезали...

Такимъ же пустоцвѣтомъ оказалась созданная комитетомъ «Народная армія».

Первыя свѣдѣнія о ней мы получили въ началѣ августа — наиболѣе полныя отъ командированнаго за Волгу для связи съ чехо-словаками полк. Моллера, побывавшаго въ Самарѣ, Челябинскѣ и Екатеринбургѣ.

Во главѣ арміи поставленъ былъ «военный штабъ» — коллегія въ составѣ начальника штаба — совершенно случайнаго человѣка — капитана Галкина*** и «членовъ штаба» — штатскихъ людей с.-р.-овъ. Привезенные намъ приказы, уставы, военныя узаконенія исходили отъ трехъ лицъ — Галкина, Боголюбова и Фортунатова; утверждались они въ порядкѣ прежнихъ «Высочайшихъ утвержденій» столь компетентными лицами, какъ Климушкинъ, Брушвицъ и Нестеровъ. Изъ-за недовѣрія къ русскому генералитету командующій арміей не былъ назначенъ, а войска въ оперативномъ отношеніи подчинены были чеху — полковнику Чечеху.

Порядки въ арміи напоминали совершенно времена Керенскаго: дисциплинарная власть начальникамъ дана была только на походѣ и въ бою; въ остальное время дѣйствовать «товарищескій дисциплинарный судъ». «Внѣ службы все равны — гласилъ уставъ. Служба начинается съ отдачи приказанія и команды и кончается съ выполненіемъ приказанія и команды». Комитеты были сохранены. Въ частяхъ организовывались с.-р.-скія ячейки, имѣвшія характеръ «глазъ и ушей» правительства. Въ области внѣшнихъ взаимоотношеній — отбиты погоны, и «гражданскій-солдатъ» обязанъ былъ отдавать честь только прямому начальнику, притомъ одинъ разъ въ день и т. д.¹

Вначалѣ вооруженная сила создавалась по частной инициативѣ, исключительно на основѣ добровольчества. Это были тѣ малыя числомъ, но сплѣныя духомъ добровольческія, главнымъ образомъ офицерскія части, которые совместно съ казаками и

* Газеты «Комуча» — «Народъ», «Народное дѣло».

** Изъ доклада ревизіонной комиссіи. См. ниже.

*** Возведенъ затѣмъ «Комучемъ» въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ генералы.

¹ Для характеристики революціонной демократіи небезынтересно, что въ «Комучѣ» возбужденъ былъ вопросъ объ обязательномъ отданіи чести почетнымъ карауломъ у дома его засѣданій всемъ членамъ Учред. собранія. Министры-соціаллисты сибирскаго правительства назначали себѣ офицеровъ адъютантовъ и т. д.

чехо-словаками нанесли первые удары красным войскам и освобождали Симбирск, Самару, Казань... Которая потом, осенью, послѣ отказа чеховъ отъ борьбы и развала Народной арміи отступали съ боемъ послѣдними, прикрывая уходившіе на востокъ комфортабельные поѣзда чеховъ...

По ироніи судьбы, подъ флагомъ Учредительнаго собранія, такъ же какъ и подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ Корнилова, создавалась классовая армія. Народъ не шелъ добровольно къ поборникамъ «Земли и Воли». Пошли, главнымъ образомъ, офицерство — скрѣпя сердце, въ надеждѣ на измѣненіе политической обстановки — и буржуазная молодежь.

Численность этихъ отрядовъ была не велика; и «Комучь», не организовавъ ни приѣмниковъ, ни мѣстнаго военнаго управленія, наряду съ призывомъ добровольцевъ, приступилъ къ принудительной мобилизаціи возрастовъ 1917 и 1918 гг., т. е. наиболѣе развращенныхъ революціей, и всѣхъ офицеровъ — элемента, если не враждебнаго, то во всякомъ случаѣ чуждаго правительству. Мобилизація производилась, однако, по системѣ воззваній и уговариваній; при этомъ только въ тѣхъ районахъ, гдѣ, по предположеніямъ, «она могла произойти безъ примѣненія силы»... Изъ этихъ контингентовъ начато было формированіе трехъ дивизій: въ Самарѣ, Сызрани и Уфѣ, причемъ три слабыхъ отряда дѣйствующихъ войскъ работали на фронтѣ; подполковника Капцеля — на Казанскомъ направленіи, подполковника Бакича — на Пензенскомъ и полковника Махина — на Николаевскомъ.

Народная армія не внушала довѣрія ни правительству, ни чешскому командованію. Предполагая, что во главѣ чехо-словацкаго корпуса стоитъ ген. Дитерихсъ, ген. Алексѣевъ послалъ ему въ началѣ іюля письмо, въ которомъ, указывая, между прочимъ, на необходимость «скорѣйшаго объединенія всѣхъ здоровыхъ силъ страны и дружественныхъ элементовъ», сообщалъ: «ближайшей задачей Добровольческой арміи ставится выходъ на Волгу», для чего необходимо «содѣйствіе чехо-словацкихъ частей... и казачьихъ отрядовъ, дѣйствующихъ на нижней Волгѣ». Запрашивалъ, въ какой мѣрѣ чехи могутъ содѣйствовать нашему движенію. Моллеръ, не найдя Дитерихса, ознакомилъ съ этимъ письмомъ ген. Шокорева и полк. Чечека*. Первый уклонился отъ прямого отвѣта. Второй выразилъ живѣйшую радость по поводу возможнаго соединенія съ Добровольческой арміей и желаніе видѣть во главѣ всѣхъ силъ — ея командованіе. Начальникъ штаба «Волжской арміи» Чечека, полк. Щепихинъ прислалъ горячій привѣтъ ген. Алексѣеву «и всѣмъ (его) сотрудникамъ, прибытія коихъ мы ожидаемъ съ самымъ живымъ нетерпѣніемъ, которое вызвано не только военной, но пожалуй въ большей степени политической конъюнктурой**». Офицерство Народной арміи, тяготившееся своимъ положеніемъ, выражало тѣ же чувства. Иначе отнесся, однако, капитанъ Галкинъ. Въ бесѣдѣ съ Моллеромъ, выразившимъ отрицательное отношеніе Добровольческой арміи къ политикѣ с.-р.-овъ, онъ сказалъ: «соединяться намъ поэтому не слѣдуетъ, такъ какъ у насъ работа идетъ очень хорошо и въ скоромъ времени народная армія будетъ насчитывать 80 тысячъ штыковъ. А Добровольческая армія внесетъ намъ расколъ».

Иллюзіи исчезли очень скоро.

Мобилизація Народной арміи потерпѣла полную неудачу, встрѣтивъ на мѣстахъ явно враждебное отношеніе, мѣстами сопротивленіе. Къ 1-му августа номинально было призвано 8485 добровольцевъ и 21888 мобилизованныхъ. Но мобилизованные оставались въ частяхъ только до полученія оружія и мундирной одежды, послѣ чего большинство уходило домой. Позднѣе, когда неудачи на фронтѣ заставили армію отходить, цѣлые полки отказывали въ повиновеніи, оставались на мѣстѣ или расходились по своимъ деревнямъ. Уходило понемногу и офицерство, преимущественно въ Сибирскую армію.

И уже въ половинѣ августа, когда Моллеръ, возвращаясь изъ Челябинска, посѣтилъ вновь Самару, настроеніе въ штабѣ Народной арміи радикально измѣнилось. Галкинъ — тогда уже полковникъ — просилъ передать ген. Алексѣеву, «чтобы онъ пріѣхалъ къ нимъ ранѣе, чѣмъ придетъ Добровольческая армія, дабы впередъ уничтожить всю

* Въ серединѣ іюля.

** Письмо отъ 3 августа.

рѣзкую разницу армій». При этомъ онъ добавилъ, что «Комитетъ Учредительнаго собранія рѣшилъ пойти на всѣ уступки, кромѣ земельнаго вопроса (?), и что они сами поняли, что нужно вести твердую политику, но что въ данное время не имѣютъ силы, которой могли бы ее провести».

Придя къ власти на штыкахъ чехо-словаковъ, комитетъ Учредительнаго собранія — филиалъ центральнаго комитета партіи с.-р.-овъ — явился отображеніемъ совѣтскаго правительства, только болѣе тусклымъ и мелкимъ, лишеннымъ крупныхъ именъ, большевицкаго размаха и дерзанія.

Кромѣ чехо-словаковъ опоры у него не было.

Заволжское крестьянство, не испытывшее въ достаточной степени большевицкаго гнета, занятое еще ликвидаціей помещичьей земли и не видѣвшее никакихъ новыхъ «завоеваній» въ декретахъ «Комуча», отнеслось къ его призывамъ по меньшей мѣрѣ равнодушно. Городской пролетаріатъ оказался враждебнымъ новому правительству, и собравшаяся въ Самарѣ рабочая конференція, признавъ это правительство «врагомъ народа», высказалась за подчиненіе совѣтской власти. Буржуазія и не-соціалистическая демократія были отстранены с.-р.-ами отъ государственнаго строительства и усилили собою станъ ихъ противниковъ. Что касается Народной арміи, то надежность ея, какъ опоры власти, опредѣлилась тѣмъ фактомъ, что въ Самарѣ и потомъ въ Уфѣ — пунктахъ квартированія дивизій — «Комучъ» счелъ себя вынужденнымъ формировать особые отряды для своей личной охраны...

«Жестокая дѣйствительность разбила самые прекрасные сны... Возстаніе, поставившее на своихъ знаменахъ принципы чистой демократіи (?); власть, руководящаяся этими принципами, должны быть разбиты, если нѣтъ прочной опоры въ самой демократіи»...

Такой эпитафіей почтило въ послѣдствіи московское бюро центральнаго комитета с.-р.-овъ попытку возглавленія своей партіей русской державы.

Попытку освободить страну чужими руками: отмеченной ими и имъ враждебной буржуазной демократіи и офицерства.

ГЛАВА XIII.

Власть и армія въ Сибири и на Уралѣ.

Въ Сибирь и на Уралѣ большевизмъ нашелъ еще менѣе благопріятную почву, распространяясь главнымъ образомъ отъ центра къ периферіи чисто механическимъ путемъ, вдоль желѣзно-дорожныхъ магистралей. Его заносила, главнымъ образомъ, волна солдатъ, отчасти казаковъ, хлынувшихъ съ фронта, пронесшаяся вначалѣ бурно и потомъ стихавшая, по мѣрѣ разсасыванія солдатчины по необъятнымъ сибирскимъ равнинамъ. Большевизмъ нашелъ пскренній откликъ только въ городскомъ пролетаріатѣ и въ крестьянской бѣднотѣ — «новоселахъ», не успѣвшихъ прочно осѣсть и окрѣпнуть на богатой сибирской почвѣ. Коренное крестьянство Сибири весьма мало интересовалось земельнымъ вопросомъ.

Не находя сочувствія, но и не встрѣчая сколько нибудь серьезнаго сопротивленія, большевизмъ началъ утверждаться въ Сибири только въ январѣ — февралѣ 18 года. Организующимъ его центромъ сталъ Иркутскъ. Собравшійся въ немъ въ ноябрѣ 17 года «Всесибирскій съѣздъ совѣтовъ» избралъ «Центральный исполнительный комитетъ совѣтовъ Сибири»; послѣдній въ срединѣ декабря, послѣ восьмидневныхъ уличныхъ боевъ между большевизмскимъ гарнизономъ и отрядомъ изъ офицеровъ, юнкеровъ и незначительнаго числа казаковъ, захватилъ власть, образовавъ затѣмъ сибирскій совѣтъ народныхъ комиссаровъ.

Утвержденіе большевизма сопровождалось обычными явленіями: сосредоточеніемъ власти въ мѣстныхъ совѣтахъ, упраздненіемъ земско-городскихъ учреждений, правительственныхъ и судебныхъ установленій, разгромомъ кооперации и т. д. Но террора, который заливалъ кровью Европейскую Россію и Кавказъ, въ Сибири не было. Города, конечно, нѣсколько пострадали; но сибирская деревня, за исключеніемъ пригородныхъ селъ, не успѣла испытать ни продразверстки, ни «отнятія палишковъ», ни карательныхъ отрядовъ. Поэтому народъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, когда въ іюнѣ началась борьба противъ совѣтскаго правительства, оставался равнодушнымъ къ ней. Ясно ощущаемаго стимула для нея не было. Только извѣстная инерція, законопослушность — быть можетъ болѣе привитая въ сибирскомъ быту, чѣмъ въ центрѣ — побуждала народъ исполнять въ извѣстной мѣрѣ требованія мѣнявшихся потомъ, какъ въ калейдоскопѣ, правительствъ, давать имъ солдатъ и платить подати.

Смѣнившая большевикомъ сибирская власть, какъ и всѣ рожденныя революціей, не могла претендовать на демократичность происхожденія. Очевидно, въ пожарѣ революціи, въ ожесточеніи борьбы примѣненіе истинно-демократическихъ методовъ построения власти невозможно психологически и не выполнимо технически...

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія впервые началось движеніе, извѣстное подъ именемъ сибирскаго областничества. Движеніе идейное, вызванное мертвящей централизацией Петербурга и тѣмъ невниманіемъ, съ которымъ центръ относился къ экономическимъ и культурнымъ нуждамъ Сибири. Наиболѣе яркимъ представителемъ его былъ — ко времени революціи уже глубокой старецъ — Потанинъ. Съ началомъ революціи движеніе это ожило, и цѣлый рядъ совѣщаній и съѣздовъ Сибири занимался

вопросомъ объ ея государственной автономіи. Но такъ какъ центральная власть была въ то время или слишкомъ слабой (Временное Правительство), или слишкомъ одиозной (Советъ комиссаровъ), и съ другой стороны въ составъ этихъ съѣздовъ входила почти исключительно революціонная демократія, то идейная сторона вопроса вскорѣ отошла на задній планъ, уступивъ мѣсто чисто политической борьбѣ. Борьба за власть.

«Чрезвычайный Сибирскій областной съѣздъ», состоявшійся въ г. Томскѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ, объявилъ объ автономіи Сибири и постановилъ созвать «общесибирскую социалистическую, отъ народныхъ социалистовъ до большевиковъ включительно, съ представительствамъ національностей, власть въ лицѣ Сибирской областной Думы».

Советы отнеслись къ факту созыва Думы, какъ къ контръ-революціонной попыткѣ. И потому, когда въ концѣ января съ большимъ трудомъ собралось въ Томскѣ около полутора ста депутатовъ, большевики арестовали видѣйшихъ изъ нихъ и не допустили открытія Думы. Больше смѣлые депутаты, по инициативѣ пришедшаго человѣка, еврея Дербера, собирались тайно, избравъ на одномъ изъ такихъ засѣданій «Временное Правительство». Гинесъ такъ описываетъ процедуру избранія*: «на частной квартирѣ, собравшаяся неподвижна небольшая группа членовъ Думы, человѣкъ около двадцати изъ полутора ста, «избрала» шестнадцать министровъ съ портфелями и четырехъ безъ портфелей. Шестъ человѣкъ присутствовавшихъ самозабрали себя въ советъ министровъ». Большинство министровъ было избрано безъ ихъ вѣдома и согласія. Всѣ — социалисты или ошибочно считавшіеся таковыми.

«Предсѣдатель правительства» Дерберъ отъ имени Думы издалъ декларацію**, заключающую обычныя нео-большевнцкія положенія группы Чернова, въслѣдствіи воспроизведенныя самарскимъ «Комучемъ» — съ добавленіемъ милостиваго разрѣшенія «всѣмъ народамъ, проживающимъ на своей территоріи, въ разное время присоединеннымъ къ Россійскому государству», путемъ «свободнаго волеизъявленія... отдѣлиться отъ Россійской федеративной республики»....

Десять министровъ (с.-р.-овъ) съ Дерберомъ во главѣ стали затѣмъ пробираться тайно на востокъ, пытались безрезультатно обосноваться въ Читѣ, долго мучили политическую жизнь Харбина, добываясь тамъ признанія, и, наконецъ, съ паденіемъ большевиковъ во Владивостокѣ въ концѣ іюня, объявили себя тамъ всесибирской верховной властью.

Передъ отъѣздомъ Дерберъ намѣтилъ для Западной Сибири комиссаріатъ въ составѣ членовъ Учредительнаго собранія П. Михайлова и Линдберга.

Когда въ іюнѣ военныя организаціи совместно съ чехо-словаками капитана Гайды свергли большевиковъ на всемъ протяженіи отъ Челябинска до Иркутска, Западно-сибирскій комиссаріатъ выступилъ явно, какъ власть, установленная «Временнымъ сибирскимъ правительствомъ»; повсемѣстно появились явочнымъ порядкомъ «уполномоченные правительства», и Сибирь спокойно приняла новую власть.

Но личный составъ комиссаріата, его политика, черпавшая свои откровенія изъ деклараціи Думы и постановлений областного комитета с.-р.-овъ, уронили совершенно престижъ комиссаріата. До такой степени, что черезъ нѣсколько недѣль (1 іюля) комиссаріатъ почти безъ сопротивленія сдалъ власть по требованію группы случайно оказавшихся въ Омкѣ пяти министровъ Дерберовскаго правительства, во главѣ съ Вологодскимъ***. Новое правительство (коалиція с.-р.-овъ и либераловъ) объявило себя, такъ-же какъ и Дерберовское, носителемъ верховной власти и въ первые же дни обнародовало указъ объ отміѣѣ совѣтскихъ декретовъ, объ упраздненіи всѣхъ мѣстныхъ совѣтовъ и о возстановленіи частной собственности. Этотъ актъ расположилъ къ правительству Вологодскаго умѣренные элементы общественности и арміи.

Край отнесся спокойно и къ новому перевороту, но сибирская общественность не успокоилась. Борьба за власть продолжалась, находя отраженіе и въ нѣдрахъ самого правительства. Я не буду останавливаться на всѣхъ перештіяхъ этой борьбы, отмѣчу

* «Сибирь, Союзники и Колчакъ».

** Декларация 27 января.

*** Вологодскій, Патушинскій, П. Михайловъ, Шатловъ и Крутовскій.

лишь характерныя стороны ея. Боролись на авансценѣ политической жизни только социаль-революціонеры и либералы. Съ одной стороны комитетъ Учредительнаго собранія, Сибирская областная дума, областной центральный комитетъ партіи с.-р. и с.-р.-овская фракція правительства, съ другой — правительственная группа Вологодскаго, такъ называемый «дѣловой аппаратъ*» (позднѣе — «Административный совѣтъ»), и командованіе. Всѣ остальныя политическія и общественныя группы, кромѣ коммунистовъ и дѣвухъ с.-р., поддерживали въ той или другой мѣрѣ одну изъ сторонъ, расширяя внѣшніе масштабы участвующихъ — до борьбы между социалистической и либеральной демократіей. Борьбу запутывали и осложняли чехо-словаки, принимавшіе въ ней дѣятельное участіе — до арестовъ членовъ правительства включительно, и союзные представители. Кромѣ генеральныхъ консуловъ Франціи и Англіи (Гаррисъ и Буржуа), все это были мелкіе консульскіе агенты или офицеры для связи. Не разбираясь въ русской жизни, не имѣя ни полномочій, ни даже возможности снестись со своими правительствами, они играли, однако, совершенно неподобающую роль, вмѣшиваясь непрестанно во внутреннія русскія дѣла, не разъ вліяя на важныя рѣшенія и внося въ область политики элементъ хлестаковщины и интриги.

Мало по малу во внутренней борьбѣ двухъ центровъ — Самары и Омска — успѣхъ сталъ клониться на сторону послѣдняго. Умѣренная политика Вологодскаго, все возрастающая сила Сибирской арміи и устанавливавшійся въ краѣ внѣшній порядокъ привлекали въ орбиту сибирской государственности Оренбургское, Уральское казачества и новую Уральскую область**, которая вопреки давленію Самары вошла въ связь съ Омскомъ и приняла общее паправленіе его политики и единство командованія. Наконецъ, Омскъ привлекалъ къ себѣ симпатіи и офицерства Народной арміи.

Соперничество двухъ центровъ отражалось болѣзненно во всѣхъ областяхъ государственной жизни. Такое положеніе дѣлаться не могло. Въ общественномъ сознаніи идея необходимости государственнаго объединенія и созданія обще-россійской власти пустила глубокіе корни, не встрѣчая противодѣйствія и среди идейныхъ сибирскихъ областниковъ.

Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, иностранныхъ представителей и чехо-словаковъ, запутавшихся въ противорѣчіяхъ внутренней русской жизни, и подъ вліяніемъ умѣренныхъ членовъ Союза Возрожденія***, вопросъ объ объединеніи власти былъ наконецъ поставленъ на очередь.

Въ Челябинскѣ 15 іюля состоялась встрѣча представителей Самары и Омска, обнаружившая непримиримое противорѣчіе во взглядахъ на построеніе власти. «Самара» считала всероссійскою верховною властью Учредительное собраніе 1918 года, и себя временнымъ носителемъ ея; «Омскъ» отвергъ категорически это положеніе, заявивъ, что общерусская власть можетъ быть создана только путемъ соглашенія новообразованій.

— На какихъ условіяхъ вы намъ подчиняетесь?

Это былъ первый вопросъ, съ которымъ делегаты «Комуча» обратились къ посламъ «Омска».

Первое совѣщаніе не дало положительныхъ результатовъ. Въ августѣ состоялось второе — тамъ же, въ Челябинскѣ, приведшее къ Уфимскому государственному совѣщанію.

Нѣтъ сомнѣнія, что на уступчивость самарскихъ правителей повліяло угрожающее положеніе Волжскаго фронта, которое ставило ихъ передъ перспективой — въ ближайшемъ будущемъ остаться безъ «народа» и безъ арміи.

*

* Вслѣдствіе полного безлюдья среди революціонной демократіи, с.-р.-овскій комиссариатъ выпужденъ былъ создать аппаратъ управленія изъ либеральныхъ общественныхъ дѣятелей и служилого элемента.

** Часть Пермской губ. съ гор. Екатеринбургомъ, гдѣ образовалось самостоятельное правительство изъ кадетъ и умѣренныхъ социалистовъ съ П. Ивановымъ во главѣ.

*** Авксентьевъ, Аргуновъ и др.

Съ начала 18 года, послѣ захвата власти большевиками, по сибирской магистральной отъ Челябинска до Канска начали формироваться тайно офицерскія дружины. Большая часть изъ нихъ возглавлялась коллективомъ изъ мѣстныхъ с.-р.-овскихъ ячеекъ и находилась изъ извѣстной заискиваемости отъ Дерберовскаго правительства, получая отъ него весьма, впрочемъ, ничтожныя пособія. Военнымъ министромъ считался подпоручикъ Краковецкій, одинъ изъ произведенныхъ Керенскимъ, за выслугу лѣтъ въ семьѣхъ при царскомъ правительствѣ, въ подполковники. Начальникомъ штаба всей организаціи, распространявшейся отъ Челябинска до Байкала, состоялъ артиллерійскій подполковникъ Гришинъ (псевдонимъ «Алмазовъ»). Я познакомился съ нимъ въ концѣ 18 года, когда судьба заставила его покинуть Сибирь и появиться въ Екатеринодарѣ. Молодой, энергичный, самоуверенный, нѣсколько надменный, либераль — быть можетъ болѣе политикъ, чѣмъ воинъ, съ большимъ честолюбіемъ и съ нѣкоторымъ налетомъ авантюризма — онъ несомнѣнно сыгралъ бы большую роль въ сибирскомъ движеніи, если бы въ самомъ началѣ своей карьеры не переоцѣнилъ свой вѣсъ и вліяніе.

Офицерство было въ большомъ смущеніи. Имена Краковецкаго и Гришина-Алмазова не говорили ему ничего. Существовавшее въ потенціи, въ конспираціи какое-то Временное Сибирское правительство не могло внушить ему довѣрія. Но ни признаннаго вождя, ни другого объединяющаго центра не было; не было и матеріальныхъ средствъ, которыхъ не хотѣли давать вѣрный себѣ, законный въ эгоизмѣ торгово-промышленный классъ, не довѣрившій къ тому же возглавленію революціонной демократіи. Средства предоставляла сибирская кооперация, но подъ условіемъ признанія с.-р.-овскаго «правительства». Эти обстоятельства и обусловили внѣшнія формы взаимоотношеній между офицерскими отрядами и с.-р.-овскими ячейками и всю подготовку движенія. Къ тому же руководитель его Гришинъ-Алмазовъ «понималъ, что власть будетъ имѣть тотъ, у кого реальная сила»*, и внушалъ эту мысль колебавшемуся офицерству.

Были, впрочемъ, мѣстами и такъ называемыя «безпартійныя» организаціи, возникавшія по инициативѣ внѣ-партійной интеллигенціи и скудно субсидируемыя мелкими представителями сибирскаго торгово-промышленнаго класса.

Составленная изъ однородныхъ элементовъ, преимущественно офицерскихъ, дружины, находясь подчасъ въ одномъ городѣ, не были объединены и зачастую не знали о существованіи другъ друга. Болѣе сильные отряды сформировались въ Омекѣ, Томскѣ и Иркутскѣ.

Еще въ январѣ отъ Добровольческой арміи за Волгу и въ Сибирь была послана делегация во главѣ съ ген. Флугомъ — по инициативѣ Корнилова и при болѣе чѣмъ сдержанномъ отношеніи къ ней Алексѣева. Военная задача, возложенная на делегацию, заключалась въ томъ, чтобы организовать на мѣстахъ элементы, способные къ борьбѣ съ большевизмомъ, обезпечить ихъ мѣстными средствами и связать въ той или другой формѣ съ Добровольческой арміей**; политическая — завязать сношенія съ мѣстнымъ правительствомъ и войти съ нимъ въ соглашеніе по вопросу формированія добровольческихъ частей. «При наличіи правительства... желающаго помочь (намъ), все мѣропріятія проводить черезъ его посредство, всячески поддерживая краевую власть, а при возможности заключить съ нею договоръ для совмѣстныхъ дѣйствій по возсозданію Россіи»***...

Связь съ Сибирью не наладилась. Мы получили только одно донесеніе отъ ген. Флуга въ іюнѣ, которое шло изъ Омска два съ половиной мѣсяца и сильно отстало отъ быстро текущихъ событій. Онъ не получилъ ни одного распоряженія изъ арміи. По этому поводу ген. Алексѣевъ писалъ мнѣ:

«Расходы льются широкой рѣкой. Выдѣлить изъ своихъ суммъ «хотя бы 100 тысячъ рублей» (представленіе Флуга)... это такая разброска средствъ, которая непосильна для маленькой организаціи, живущей изо дня въ день и тяжкими усиліями добывающей средства... Я считаю необходимымъ закрыть отдѣлъ и держать лицо только

* Изъ доклада ген. Гришина-Алмазова.

** Инструкція Корнилова.

*** Наказъ Алексѣева.

для связи и освѣдомленія... Что важнѣе — содержаніе арміи или политическая работа за тридцать земель, до которыхъ армія не дойдетъ и гдѣ есть свое правительство, свои задачи, свои цѣли, свои средства?»*

Безъ всякихъ денежныхъ средствъ, съ однимъ только авторитетомъ имени генераловъ Алексѣева и Корнилова, Флугъ проѣхалъ черезъ всю Сибирь, посѣтилъ важнѣйшіе центры и вошелъ въ связь съ мѣстными политическими дѣятелями и тайными военными организаціями. Дѣятельность его, носившая поневолѣ совершенно личный, самостоятельный характеръ, сводилась къ ознакомленію съ тайными организаціями, освобожденію ихъ отъ исключительной опеки с.-р.-овскихъ ячеекъ и подчиненію политическому вліянію мѣстныхъ несоціалистическихъ группъ, преимущественно кадетскихъ, путемъ извлеченія средствъ отъ буржуазіи; къ установленію вмѣсто штабныхъ коллективовъ — единоначалія. Наконецъ, въ объединеніи «безпартійныхъ» и с.-р.-овскихъ дружинъ въ нѣкоторыхъ центрахъ подъ общимъ командованіемъ. Такъ, напримѣръ, по его настоянію былъ назначенъ начальникомъ дружинъ въ Омскѣ полковникъ Ивановъ (псевдонимъ «Риновъ»), командиръ одного изъ сибирскихъ казачьихъ полковъ, ставшій позднѣе атаманомъ Сибирскаго войска и командующимъ Сибирской арміей.

Участіе въ дѣлѣ «делегатовъ генераловъ Алексѣева и Корнилова» несомнѣнно придавало ему большую серьезность въ глазахъ офицерства.

Офицерскія дружины, пополненныя добровольцами-интеллигентами, сибирскіе казаки, мѣстами присоединившееся городское и сельское населеніе, при помощи чехословаковъ повсюду легко разбивали красную гвардію и свергали совѣты. Ставшій командующимъ Сибирской арміей и управляющимъ военнымъ министерствомъ сначала въ комиссаріатѣ, потомъ въ правительствѣ Вологодскаго Гришнѣя-Алмазовъ** съ большою энергіей сталъ приводить въ порядокъ эти разношерстные ополченія, освобождая ихъ отъ случайнаго элемента, пополняя добровольцами, вводя организацію и дисциплину. Къ августу Сибирская армія состояла изъ трехъ корпусовъ: Уральскаго (ген. Ханжинъ), Степного (ген. Ивановъ-Риновъ) и Средне-Сибирскаго (полк. Пенцеляевъ). Въ составъ ихъ входили части офицерско-добровольческія, сибирскія и оренбургскія казаки, киргизскія и башкирскія. Кромѣ того, на территоріи Сибири дѣйствовало нѣсколько партизанскихъ отрядовъ, во главѣ съ «атаманами», никому не подчинявшимися и являвшимися бѣдствіемъ для населенія и власти.

Составъ Сибирской добровольческой арміи весьма показателенъ для народныхъ настроеній: «общая численность ея — говоритъ отчетъ — 40 тысячъ человекъ, казаки составляютъ половину этого числа. Если принять во вниманіе, что въ строй на положеніе рядовыхъ добровольно стало до 10 тысячъ офицерской молодежи, призванной по мобилизаціи, то оказывается, что добровольцевъ не военно-обязанныхъ всего 10 тыс. человекъ, причемъ добрую половину этого числа составляетъ интеллигенція, главнымъ образомъ учащаяся молодежь. Такимъ образомъ, «народъ» далъ всего 5 тыс. добровольцевъ***.»

Въ оперативномъ отношеніи, такъ-же какъ и Народная армія, Сибирская была подчинена чешскому командованію: Уральскій корпусъ и часть Степного — Войцеховскому, Средне-Сибирскій — Гайдѣ; только дивизія, дѣйствовавшая въ направленіи на Вѣрный, подчинялась командующему Сибирской арміей. Русскія части были разбросаны между чешскими полками, иногда батальонами, лишая возможности старшій командный составъ оказывать вліяніе на свои войска, мѣшая ихъ внутренней спайкѣ. На этой почвѣ Гришнѣя-Алмазовъ велъ безрезультатную борьбу съ чешскимъ командованіемъ. «Поручики въ генеральскихъ мундирахъ» — по его выраженію — вошли во вкусъ неограниченнаго самовластия — они по существу были господами положенія. Гришнѣя-Алмазовъ рассказывалъ, какъ каштанъ Гайда, напримѣръ, объявилъ своею властью Иркутскую и Енисейскую губерніи на военномъ положеніи и ввелъ на жел.-дор. станціяхъ военно-полевые суды изъ чеховъ, «съ необязательнымъ участіемъ одного русскаго»...

* Письмо отъ 30 іюня 18 года, № 65.

** Произведенъ былъ въ генераль-маіоры.

*** Изъ доклада полковника Хартуларі.

Какъ Гайда награждалъ русскихъ офицеровъ георгіевскими крестами и т. д. Позднѣе самоуправствіе и русскихъ войсковыхъ начальниковъ стало явленіемъ обычнымъ, внося большое разстройство въ гражданское управленіе краемъ.

Въ арміи введена была старая дисциплина, съ нѣкоторыми измѣненіями устарѣвшихъ положеній, и въ угоду революціонной демократіи отмѣнено пошенье погоны; послѣдняя мѣра принята была въ арміи какъ униженіе офицерскаго званія и называлась недостаткомъ.

Говоря о «старой дисциплинѣ», я долженъ оговориться: ни въ одной арміи, ни въ одинъ періодъ революціи не востановить ее въ надлежащей мѣрѣ не удалось. Всеобщій моральный распадъ отзывался болѣзненно въ жизни арміи, поразивъ верхи еще въ большей степени, чѣмъ низы. Можно говорить лишь объ установленіи сверху правильныхъ измѣнѣній на дисциплину и о большемъ или меньшемъ приближеніи къ ихъ осуществленію въ войскахъ. Къ этому вопросу я вернусь, говоря о Добровольческой арміи.

Въ общемъ, офицерство оставалось вполне лояльнымъ въ отношеніи власти, болѣе интересуясь условіями армейской жизни, чѣмъ общей политикой правительства. То обстоятельство, что правительство не вмѣшивалось въ организацію арміи, предоставивъ это дѣло военачальникамъ, побуждало армію «терпѣть» социалистическій комиссаріатъ и относиться спокойно къ полусоциалистическому правительству Вологодскаго. Что касается казачьихъ войскъ, то, оставаясь въ общемъ лояльными къ выборной казачьей власти и къ высшему военному командованію, ведя самоотверженную борьбу съ большевиками, они переживали иногда періодически и сами приступы большевизмической болѣзни...

Къ августу притокъ добровольцевъ въ Сибирскую армію прекратился совершенно. Командованіе рѣшило приступить къ мобилизаціи, призвавъ два возраста 19 и 20 годовъ, не бывшихъ еще на фронтѣ. Тщательно подготовленный наборъ, произведенный въ концѣ августа, далъ до 200 тысячъ человекъ: сибирскіе крестьяне безъ подъема, но покорно шли въ армію, а сопротивленіе, оказанное въ двухъ-трехъ уѣздахъ, было жестоко подавлено вооруженной силой. Не взирая на большой недостатокъ команднаго состава (генераловъ и штабъ-офицеровъ), крайнюю бѣдность въ обмундированіи и снаряженіи, молодая армія организовалась, училась, сколачивалась, возбуждая большія и обоснованныя надежды въ сибирскомъ обществѣ. Прикрытый чехо-словаками и Народной арміей Волжскій фронтъ давалъ возможность Сибири собраться съ силами.

Результатовъ своихъ трудовъ Гришину-Алмазову не пришлось увидѣть. С.-р.-ы совмѣстно съ лѣвой частью правительства, къ которой примкнулъ и Вологодскій, питавшій личное нерасположеніе къ надменному и слишкомъ самостоятельному, по мнѣнію правительства, генералу, добились его устраненія. Слѣпой страхъ передъ призракомъ отечественнаго Бонапарта побудилъ революціонную демократію устранить человека, сумѣвшаго какъ бы то ни было примирить армію съ фактомъ существованія полусоціалистическаго правительства, и передать власть другому лицу — сугубо правому по политическимъ убѣжденіямъ, одиозному въ глазахъ социалистовъ по характеру его прежней дѣятельности (начальникъ уѣзда), но не обладавшему, какъ казалось имъ, опасными качествами Бонапарта... Во время командованія этого другого — ген. Иванова-Ринова — по ироніи судьбы состоялся въслѣдствіи переворотъ 18 ноября.

Удаливъ Гришину-Алмазова самымъ непристойнымъ образомъ, правительство Вологодскаго особымъ «рескриптомъ» отдало ему «заслуженную щедрую дань глубокаго уваженія и признательности».

Генераль Гришину-Алмазовъ увѣрялъ въслѣдствіи, что все «предложенія офицерства и войскъ стать на его сторону онъ отвергъ», чтобы не подрывать авторитета власти... Есть другія данныя, свидѣтельствующія, что подобная попытка была, но встрѣтила противодѣйствіе со стороны старшихъ начальниковъ (соревнованіе Иванова-Ринова) и полное равнодушіе со стороны арміи.

Армія считала Гришину-Алмазова социалистомъ, а социалисты — реакціонеромъ. Такихъ недоразумѣній исторія русской смуты знаетъ не мало.

ГЛАВА XIV.

Дальний Востокъ. Военное положеніе на Восточномъ фронтѣ. «Интервенція».

Дальний Востокъ былъ долго отрѣзанъ отъ остальной Сибири, не имѣя съ ней никакой связи. Только въ началѣ сентября капитанъ Гайда, взявъ Читу, открылъ сквозное движеніе по сибирскому пути.

Въ концѣ ноября 18 года курьеръ привезъ на Югъ письмо адмирала Колчака и докладъ ген. Степанова (лица, близкаго къ адмиралу)*, адресованные на имя покойнаго тогда уже М. В. Алексѣева. Докладъ Степанова, рисующій положеніе дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ, представляетъ большой интересъ въ томъ отношеніи, что онъ составленъ съ вѣдома адмирала**

Привожу этотъ докладъ, составленный по даннымъ къ половинѣ сентября 18 года, въ подробномъ извѣщеніи, исключивъ лишь часть чисто личную и переставивъ нѣкоторые абзацы въ интересахъ послѣдовательности изложенія.

«Въ серединѣ мая положеніе было таково. Въ Иркутскѣ и Забайкальи господствовали большевики, захватившіе Благовѣщенскъ, Хабаровскъ и затѣмъ Владивостокъ. Часть чехословацкихъ эшелоновъ (что-то около 15 тысячъ человекъ) въ это время успѣла добраться до Владивостока съ ген. Дитерихсомъ и французскимъ полковникомъ (нынѣ генераломъ) Парисомъ. Въ Манчжуріи, вѣрнѣе въ такъ называемой полосѣ отчужденія Китайской Восточной жел. дороги, я засталъ полный хаосъ.

Бунтовавшіе запасные батальоны товарищей были разогнаны и смѣнены китайскими войсками (въ декабрѣ). Русская милиція замѣнена также китайской. Администрація жел. дор. сохранилась русской, во главѣ съ Управляющимъ дорогой ген. Хорватомъ.

Затѣмъ, пользуясь свободой отъ большевизма, въ Харбинѣ и на болѣе крупныхъ ж. д. станціяхъ (Хайларъ, Манчжурія), собралось нѣсколько тысячъ русскихъ офицеровъ, болѣею частью изъ войскъ бывшаго Заамурскаго округа пограничной стражи, а также изъ войскъ, рапѣе квартировавшихъ въ Приамурскомъ округѣ.

Масса эта оказалась по достоинствамъ своимъ не съенъ то высокой и мало способной организоваться въ регулярныя, прочныя единицы. Это съ одной стороны, а съ другой, у высшихъ чиновъ отсутствовала необходимая воля и организаторскія дарованія, при наличности мелкой зависти и готовности къ интригамъ. Союзники, т. е. японцы и отчасти французы (знакомые Вамъ ген. Накасима и лейт. Пеліо) сразу же своимъ участіемъ внесли много зла въ попытки создать здѣсь русскія войска. Такъ какъ сверху уклонялись отъ объявленія формировація войсковыхъ частей, то таковыя стали сперва возникать самостійно. Забайкальскаго войска есаулъ Семеновъ вып. роль на ст. Манчжурія нѣсколькихъ ж. д. агентомъ за пхъ симпатіи къ большевизму и объявилъ самъ себя атаманомъ. Ему дали сейчасъ же денегъ японцы и французы. Начался наборъ добрыхъ малыхъ, готовыхъ на все, кромѣ установленія у себя хотя бы тѣни необходимаго воинскаго порядка. Небольшія удачи въ мелкихъ стычкахъ съ отдѣльными большевистскими бандами создали съ одной стороны ложную славу Семенову, а съ другой непризнание пмъ самымъ какой либо иной, кромѣ него самого, высшей объединяющей власти, что особенно культивировалось господами японцами.

Нѣчто подобное создалось, но въ значительно болѣе мелкомъ масштабѣ, и на востокѣ, на ст. Пограничная съ самозваннымъ Уссурийскимъ атаманомъ есауломъ Калмыковымъ, который, какъ оказывается, даже и не приписать ни къ одному казачьему войску, а просто значится Харьковскимъ мѣщаниномъ.

* Письмо адмирала отъ 1 окт. (вѣроятно нов. стilia) и докладъ Степанова отъ 17 сент. 18 года.

** Въ письмѣ адмирала говорится: «ген. Степановъ въ своемъ письмѣ излагаетъ довольно детально положеніе вещей, создавшееся на Дальнемъ Востокѣ».

•Атаманы этого также состоять под покровительством японцев, которые и субсидируют его денежными подаяниями.

Наконец, в самом Харбине возникла бы офицерск. и организация полк. Орлова на более регулярных началах.

Еще в январь возникла и Д. В. мысль о сформировании в полосе отчуждения Китайской ж. д. правительств из числа русских деятелей, собравшихся в Харбин, Владивосток, Китаи и Японии, причем главою такого правительства большинство избирало Управляющего Китайскою ж. д. ген.-лейт. Хорвата. Лица, популярнаго особенно в Китаи. Однако эта мысль встретила среди наших дипломатических представителей в Пекине ряд сомнений в успехе ее осуществления и было в ргои предложено ген. Хорвату сперва создать некоторую вооруженную силу из числа хотя бы прибывших на Д. В. офицеров и только заручившись этой необходимой данною, реализировать свое выступление. А так как ген. Хорват всю службу провел вне строя и по медлительному, нерешительно-эластичному характеру своему и недоуверчивости к сотрудникам мало гарантировать возможность определенной организации воинских частей, то для этой цели и был назван Путиловым и кн. Кудашевым А. В. Колчак и, так сказать, навязан ему, чего однако тогда же никто А. В. не высказал. Решено было, что ген. Хорват озаботится подбором хороших политических деятелей, а адмирал Колчак сформирует для него войска на основах дисциплины и строгой иерархии, без чьей была бы обидана союзниками широкая помощь деньгами и оружием. Когда же то и другое будет готово, то только тогда ген. Хорват и выступит.

Честный, открытый, с сильной волей, глубоко и искренне любящий родину А. В. Колчак принял это предложение и в конце апреля приехал в Харбин. Но здесь его сразу же враждебно встретили и японцы, определившие в нем крупнаго, стойкаго, чисто русскаго деятеля, и старшие чины пани, и военнаго самозваннаго атамана. В течение мая и июня разыгралась грустная и гнусная с точки зрения русских интересов драма, авторами которой были конечно японцы, режиссировали же свои. А. В. травил в Харбине все, а атаманы Семенов отказался даже его принять, когда адмирал сам к нему приехал на ст. Манчжурия. О каком либо воинском единовластии никто и слышать не хотѣл: оно казалось опасным японцам, подозрительным для вышних властей, стѣснительным для младших чинов и контр-революционным для массы.

В результате так никаких войск и не сформировали. Культивировались, как бы папирекорь основной идеѣ, лишь разныя небольшіе отдѣльные отряды, никого выше себя не признающие и составленные главным образом из китайцев, монголов и бурят. Затѣм возникло нѣсколько высоких штабов и много генеральских должностей до главнокомандующаго фронтомъ включительно*. Завелась перениска, канцелярии, дѣлопроизводители, а вонтелей состояло к 1 июля, и то «по спискамъ»: в отрядахъ, признающихъ адмирала, всего 740 человекъ, у атамана Семенова — грубо не подчинявшася ни адмирату, ни ген. Хорвату — что-то около 1800 человекъ (китайцы, монголы, буряты, японцы, 100 сербовъ, 400—500 забайкальскихъ казаковъ и немного русскихъ офицеровъ), у атамана Калмыкова — 70 человекъ. Вотъ и весь боевой составъ, другъ друга не признающихъ и даже угрожающій одинъ другому.

Вслѣдствіе всего этого 30 июня и. ст. адмиралъ Колчакъ выѣхалъ в Токио, чтобы лично выяснитъ тамъ, являются ли поступки ген. Накаима и нѣкоторыхъ офицеровъ японскаго ген. штаба, заключающіеся в подговариваніи пачальниковъ русскихъ отрядовъ не признавать адмирала и не исполнять его приказаній, ихъ личными выступлениями противъ него или это дѣлалось съ вѣдома и одобренія начальника японскаго генеральнаго штаба.

В Токио, въ присутствіи нашего посланника В. П. Крупенскаго и моего, адмиралъ имѣлъ по этому поводу бесѣду съ ген. Такака — помощникомъ Начальника ген. штаба, фактически — его главою. Ген. Такака противъ обвиненій, высказанныхъ адмираломъ, не протестовалъ, но просилъ его «временно» оставаться въ Японіи, обѣщая призвать къ высокой военной дѣятельности впоследствии, по выясненіи условій интервенціи союзниковъ. Такъ А. В. и остался въ Японіи.

Въ июнѣ весь Харбинъ былъ полонъ воплями о необходимости для спасенія Россіи призвать союзниковъ, а главное японцевъ. Больше всѣхъ въ этомъ отношеніи агитировалъ образовавшійся здѣсь еще ранѣе Дальне-Восточный Комитетъ**, при участіи бывшаго члена Государственной Думы Ст. Вас. Востротина (кадетъ). Господа эти сочинили цѣлое молебное посланіе отъ лица «лучшихъ русскихъ людей» и черезъ ген. Хорвата отравили его въ Токио и другимъ союзникамъ.

Вечоръ (9 июля и. ст.) послѣ отъѣзда адмирала изъ Харбина, ген. Хорватъ объявилъ себя Всероссийскимъ Правителемъ, принявшимъ на себя и «всю полноту государственной власти», для чего выѣхалъ на ст. Гродекова, находящуюся на русской территоріи въ Уссурийскомъ краѣ.

Хорватъ организовалъ такъ называемый «Дѣловой Кабинетъ», въ составъ котораго вошла часть членовъ Дальне-Восточнаго Комитета; председателемъ его былъ избранъ Востротинъ. Постъ военнаго министра принялъ недавно передъ этимъ прибывшій отъ Вашего имени ген. Флугъ.

Генералъ Флугъ по своей инициативѣ принималъ участіе и въ политической борьбѣ Сибирскихъ центровъ. Такъ, въ апрѣлѣ въ Омскѣ онъ участвовалъ въ подготовкѣ на случай сверженія большевиковъ «диктатуры во главѣ съ П. Ивановымъ»... Въ началѣ

* Ген. Пѣликонъ былъ назначенъ «главнокомандующимъ Россійскихъ войскъ». Авт.

** Полное названіе — «Дальневосточный Комитетъ защиты Родины и Учредительнаго собранія». Составъ — главнымъ образомъ правый до кадетъ включительно. Авт.

Адмиралъ Колчакъ

июля, какъ сказано выше, вступилъ въ составъ «Всероссійскаго» правительства ген. Хорвата вмѣстѣ со своимъ помощникомъ Глухаревымъ. При этомъ — не персонально, а въ качествѣ «делегатіи генераловъ Алексѣева и Корнилова», что уже совсѣмъ не входило въ его полномочія. Тотчасъ по вступленіи въ должность Флугъ обратился по телеграфу къ Гришину-Алмазову и Иванову-Ринову, объявляя объ образованіи генераломъ Хорватомъ государственной власти, въ составъ которой вошла «возглавляемая имъ миссія»; сообщать, что новая власть приступила къ возсозданію боевыхъ силъ, «въ составъ коихъ имѣютъ войти и организованные въ Сибирѣ боевые отряды». Сибирскіе военачальники отвѣтили привѣтствіями и пожеланіемъ соединенія армій, но отъ признанія надъ собою «всероссійской власти» Хорвата уклонились.

Возвращаясь къ письму ген. Степанова.

«Адмиралъ Колчакъ въ составъ кабинета приглашенъ не былъ ввиду того, что «въ бытность свою въ Харбинѣ онъ всѣхъ возстановилъ противъ себя.

Повидимому и это выступленіе было произведено не безъ настояній японцевъ, гарантпровавшихъ свою всецѣльную поддержку. Хотя незадолго до этого изъ японскихъ субсидій было выдано нѣкому Краковецкому — военному министру еврейско-сибирскаго-Дерберовскаго Правительства 50 тысячъ рублей и само правительство предпринимательно перевезено во Владивостокъ, гдѣ оно и объявило себя истиннымъ правительствомъ Сибири. Такимъ образомъ, въ Уссурийскомъ краѣ сразу же появилось два правительства: во Владивостокъ — находившемся во власти большевиковъ — якобы избранное населеніемъ Западной Сибири во главѣ съ Дерберомъ, и на пограничной съ Манчжуріей ст. Гродеково — всероссійское ген. Хорвата. Кромѣ того особую чисто большевистскую позицію заняли земства Приморской Области и Владивостокское городское самоуправленіе во главѣ тоже съ евреемъ Медвѣдевымъ. Въ Хабаровскѣ властвовали большевики, еврей Краснощекоевъ. Но въ концѣ концовъ эти господа сговорились съ Дерберомъ.

Чехо-словаки, находившіеся во Владивостокѣ, сперва хранили нейтралитетъ, но затѣмъ, подъ угрозой выступленія противъ нихъ германо-австрійскихъ плѣнныхъ, обезоружили во Владивостокѣ и Никольскѣ Уссурийскомъ большевиковъ. Роль при этомъ М. К. Дитерихса до сихъ поръ для меня не ясна (лично мнѣ съ нимъ еще не пришлось увидѣться). Официально онъ заявилъ, какъ офицеру, командированному къ нему адм. Колчакомъ, такъ и представителямъ ген. Хорвата (между прочимъ ген. Флугу), что онъ теперь не является русскимъ, а только чехо-словакомъ, что считаетъ Россію совершенно развалившейся, что никакого русскаго правительства ранѣе, чѣмъ черезъ два года создать нельзя и что всѣ русскія военныя организаціи подлежатъ немедленному роспуску. Въ виду этихъ сужденій онъ категорически отказалъ въ разрѣшеніи ген. Хорвату перѣхатъ во Владивостокъ.

Въ подобныхъ переговорахъ прошелъ июль.

2 августа ген. Хорватъ, опять такъ повидимому не безъ совѣта японцевъ, воспользовавшись отсутствіемъ ген. Дитерихса, проѣхалъ во Владивостокъ. Поѣздъ его пропустили, но слѣдовавшіе зади эшелоны съ офицерскими ротами чехами не были пропущены. Вслѣдствіе этого 5 августа произошла стычка на ст. Голенки. Чехи взорвали путь передъ русскимъ бронированнымъ поѣздомъ, выстрѣлами изъ котораго затѣмъ были убиты два чеха.

Въ августѣ начали прибывать во Владивостокъ, въ Харбинъ и на ст. Манчжурія войска, приставленные союзниками согласно интервенціи. Японцы ввезли пока (къ 20 сент. н. ст.) въ общемъ около двухъ дивизій, остальные союзники строго по условіямъ интервенціи. Главное командованіе и на такъ называемомъ Хабаровскомъ фронтѣ, и на Забайкальскомъ, и общее всѣмъ союзными силами взяли въ свои руки, конечно, японцы (фельдмаршалъ Отани).

Американцы привезли свои войска изъ Филиппинъ, французы и англичане изъ ближайшихъ азіатскихъ колоній. Разумѣется, по сравненію съ японцами войска остальныхъ союзниковъ въ боевомъ смыслѣ представляютъ во всѣхъ отношеніяхъ величину незначительную. Русскіе отряды союзниками совершенно игнорируются, даже въ ихъ штабы не приглашены русскіе офицеры, хотя бы для облегченія сношеній съ мѣстнымъ населеніемъ. Только отрядъ атамана Семенова, вѣроятно потому, что еще съ самаго начала существованія этого отряда, съ первой пачкой японскихъ денегъ — фактическия начальникомъ штаба отряда былъ посаженъ японскій ген. штаба капит. Куроки (сынъ покойнаго маршала).

Весь августъ правительства ген. Хорвата и Дербера провели во Владивостокѣ, высиживая другъ друга на пазорь, при болѣе чѣмъ недвусмысленномъ отношеніи дипломатическихъ и военныхъ представителей союзниковъ.

Наши послы въ Токио и Пекинѣ заняты въ этомъ вопросѣ позицію невмѣшательства, причемъ однако кн. Кудашевъ, не дѣлая никому исключенія, передаетъ официально всѣ обращенія, воззванія и манифесты каждаго возникающаго правительства, не считаясь съ его credo, кромѣ ярко большевистскихъ. Что касается вопроса объ организаціи русской арміи, то ген. Флуга объ этомъ даже и слушать не хотѣли союзники.

Сперва союзниковъ представляли во Владивостокѣ ихъ коммерческіе консулы и старшіе войсковые начальники. Но недавно вмѣсто первыхъ образованъ «Высокій совѣтъ комиссаровъ» изъ спеціальныхъ представителей: отъ Англіи сэръ Элліотъ (бывшій совѣтникъ англійскаго посольства въ Петроградѣ), отъ Франціи г. Реньо (только что покинувшій постъ посланника въ Токио), отъ Америки назначается также посланникъ въ Японію и отъ Японіи г. Масаджеро. Между высокимъ

совета консулов (?) и старшими военными начальниками союзных войск повиديوму пѣтъ солидарности по взглядахъ.

Находящиеся во Владивостокѣ русскіе офицеры, сперва организованные (т. е. по просту названіи) революціонно-большевистскимъ земаствомъ, пытались было признать ген. Хорвата, но за это вѣдѣніе паѣтъ Дербера были публично разоружены по постановленію совета союзныхъ консуловъ, приведеннаго въ исполненіе приказомъ ген. Накасиа. Актъ этотъ былъ настолько позорно обставленъ, что приустретованный русскій артиллерійскій чиновникъ (завѣд. оружіемъ) застрѣлился.

Событіе это вызвало много сочувственныхъ и даже патріотическихъ разговоровъ. Союзники удивлялись, они никакъ не могли представить себѣ, чтобы у русскихъ сохранилось еще столь сильно выраженное чувство національной чести. Но однако все это не помѣшало въ день похоронъ многимъ русскимъ дамамъ и господамъ принять приглашеніе и посѣтиться на благотворительномъ чаѣ, устроенномъ какъ бы нарочно англичанами на палубѣ крейсера Суффолькъ...

Въ первыхъ числахъ сентября происходить новое важное событіе. Чехо-словаки, задержанные на дорогѣ большевиками въ Западной Сибири, прорвались подъ начальствомъ чеха Гайда въ Забайкалье, взяли Читу и вошли въ соприкосновеніе съ только что начинавшимъ наступленіе Забайкальскимъ отрядомъ, состоящимъ изъ японцевъ, чеховъ и войскъ Семелова.

Гайда занялся въ время борьбы съ германо-большевиками въ Сибири человекомъ рѣшительнымъ, разстрѣлявшимъ массы и перепоротившимъ еще большее число лицъ.

Гайда объявилъ себя главнокомандующимъ всѣми русскими и чехо-словацкими войсками и, какъ только добрался до ст. Оловяная Забайкальской ж. д., вызвалъ къ себѣ ген. Хорвата и Дитерихса.

Съ прибытіемъ Гаиды открылся ж. д. проѣздъ въ Иркутскъ и далѣе, чуть ли не до Самары, явилась, наконецъ, давножданная возможность войти въ сношенія съ Западной Сибирью и ея правительствомъ.

20 сентября и. ст. во Владивостокѣ собрались играющіе доминирующую роль старшіе представители союзниковъ, правительства Хорвата и Дербера, Вологодскій и «диктаторъ» Гайда, третирующий пока всѣхъ и каждого...

Успѣха Вологодскаго увѣщаній успѣхомъ. Дерберовское правительство, оказавшееся въ критическомъ финансовомъ положеніи, и Хорватъ отказались отъ власти въ пользу Сибирскаго правительства. Хорватъ былъ назначенъ «памятникомъ на Дальнемъ Востокѣ».

«Въ общемъ все болѣе и болѣе выясняется, что союзники вступили въ предѣлы Россіи не ради спасенія ея, а вѣрнѣе ради своихъ собственныхъ выгодъ. Россіи ничкому не нужно. Установленіе у насъ опредѣленной твердой правительственной власти вредно для интересовъ господъ союзниковъ, желающихъ хозяйничать самостоятельно. Но особенно для нихъ петербургская организація русской военной силы.

Наглѣе всѣхъ это высказываютъ японцы, вносящіе всюду интриги черезъ своихъ агентовъ и закулисныхъ или русскихъ пособниковъ. Вступленіе японцевъ равносильно военной оккупации занятой ими территоріи. Напримѣръ, въ Хабаровскѣ они присвоили себѣ амурскія каповерки и ихъ дорого стоящую базу, подъ предлогомъ военной добычи, отнятой у большевиковъ.

Для своихъ расправъ съ русскими населеніемъ они ввели особые боны, мѣняемые только на іены.

Соперниками японцевъ являются только амерканцы, сильныя съ промышленной и финансовой стороны, но слабыя въ военномъ отношеніи. Соперничество это уже обозначается явно: японцы порой какъ бы издѣваются надъ амерканцами. Недавно, на протестъ амерканцевъ по поводу ввода японцамъ значительно большихъ силъ, нежелая это было оговорено въ условіяхъ интервенціи, японцы насмѣшливо отвѣтили, что они ничего не имѣютъ, если и амерканцы введутъ сюда большее число своихъ войскъ, даже «большее, чѣмъ это можетъ сдѣлать Японія».

Тотъ же ген. Накасиа и другіе японскіе офицеры не стѣснялись публично бранить амерканцевъ... но азиатски стараются натравить на амерканцевъ другихъ союзниковъ, и особенно насъ русскихъ, всюду и всюду подчеркивая, что амерканцы — явные сторовники большевиковъ.

Что касается амерканцевъ, то эти господа въ политическомъ отношеніи скорѣе палвы и до сихъ поръ еще продолжаютъ смотрѣть на Россію и на нашу большевизмъ по внушеніямъ своей еврейской клики, которая и являлась въ С. Штатахъ до послѣдняго времени единственнымъ источникомъ познанія Россіи.

Есть свѣдѣнія, что въ настоящее время эта оріентировка уже подверглась критикѣ и амерканцы хотятъ сами, помимо евреевъ, познаться съ Россіей, ея населеніемъ, укладомъ его жизни и экономическими нуждами. Но когда все это случится!

Англичане, какъ всегда, третируютъ насъ свысока, а французы почему то пока находятся подъ видимымъ вліяніемъ Японіи.

О китайцахъ я и не говорю, — Китай самъ все еще переживаетъ революцію, при дружелюбномъ содѣйствіи Японцевъ, ссужающихъ деньги и оружіе одновременно и сѣверянамъ, и южанамъ, какъ это увѣряютъ дѣлали они и у насъ, субсидируя также одновременно и Семелова (не признающаго ген. Хорвата), и самого Хорвата, и Дербера, а весной даже хабаровскихъ большевиковъ. Нельзя умолчать и о высказываемыхъ союзниками чаяніяхъ въ отношеніи вознагражденія отъ насъ за ихъ «безкорыстную помощь». Еще съ адмираломъ Колчакомъ по этому поводу заводилъ разговоръ ген.

Накаси́ма, но А. В. довольно определённо уклонился от этого вопроса, какъ стоящаго внѣ его компетенціи. Пока выясняется, что Японія, обездоленная желѣзомъ, возьмётъ себѣ: 1) наши лобережные районы, богатые желѣзной рудой, 2) нашу часть Китайской В. ж. дор. и видимо еще съ придачей, 3) Владивостокскаго порта и Уссурийскаго края. Пока же японцы скупаютъ пароходы на Амурѣ и занимаютъ своимъ командами наши рѣчныя канонерки.

Америкапцы часто много говорятъ о необходимости обезпечить за собою право на постройку жел. дор. черезъ Камчатку на Иркутскъ (кажется) съ эксплуатациею прилежащаго района. Вопросъ этотъ не новый и возникать уже до войшы.

Письмо заканчивалось обращеніемъ къ генералу Алексеѣву:

«А какъ здѣсь жаждутъ многіе получить отъ Васъ, глубокоуважаемый Михаилъ Васильевичъ, хотя бы какія нибудь указанія, что надо дѣлать и какъ поступать, чтобы спасти родину отъ грядущаго рабства ея подъ игомъ не только Германіи, но и тѣхъ же союзниковъ, вступающихъ нынѣ въ наши предѣлы якобы изъ безкорыстныхъ побужденій».

Въ письмѣ своемъ отъ 1 октября адмиралъ Колчакъ высказалъ также глубоко пессимистическій взглядъ на общее положеніе Дальняго Востока: «я считаю (его) потеряннымъ для насъ если не навсегда, то на нѣкоторый промежутокъ времени; и только крайне искусная дипломатическая работа можетъ помочь въ томъ безотрадномъ положеніи, въ которомъ находится нашъ Дальній Востокъ. Отсутствие реальной силы, полный распадъ власти, неимѣніе на мѣстѣ ни одного лица, способнаго къ упомянутой работѣ, создали безконтрольное хозяйничанье японцевъ въ этомъ краѣ, въ высшей степени уничительное и безправное положеніе всего русскаго населенія».

Интересно первое впечатлѣніе, которое вынесъ адмиралъ о директоріи, пріѣхавъ въ концѣ сентября въ Омскъ*: «я не имѣю пока собственнаго сужденія объ этой власти, но, насколько могу судить, эта власть является первой, имѣющей все основанія для утвержденія и развитія».

Адмиралъ Колчакъ не питалъ, какъ видно, никакого предубѣжденія къ идеѣ «демократическаго правительства».

*

*

Въ то время, когда на огромномъ пространствѣ отъ Волги до Великаго океана шла непрерывная политическая борьба взаимно ненавидящихъ, свергающихъ другъ друга совѣтовъ, комитетовъ, правительствъ и правителей, на безчисленныхъ внутреннихъ фронтахъ лилась кровь. Политика всецѣло полонила стратегію, внося своими чрезвычайными противорѣчіями элементъ авантюры въ операціи, хаосъ въ снабженіе и начало деморализаціи въ духъ армій.

Въ началѣ августа стратегическое положеніе было слѣдующимъ: Подъ номинальнымъ командованіемъ ген. Шокорева находилось около 120 тысячъ русско-чешскихъ войскъ, изъ которыхъ болѣе половины входило въ составъ Западнаго фронта, 15—20 тысячъ Южнаго, 15—20 тысячъ Забайкальскаго и 10—15 тысячъ расположились во Владивостокѣ.

Противъ этихъ силъ дѣйствовали войска Красной арміи, насчитывавшія на фронтѣ Камы и Волги 80—100 тысячъ, и совершенно не поддающіеся учету многочисленныя красногвардейскіе отряды, такъ называемаго «Ташкентскаго фронта», внутренняго сибирскаго**, Забайкалья и Приморской области.

Операціи развивались почти исключительно вдоль жел.-дор. линій.

Въ Прикамскомъ районѣ, на Пермскомъ направленіи въ первой половинѣ августа большевики произвели сильный нажимъ на Екатеринбургъ, подойдя къ городу на полъ перехода и вызвавъ тамъ сильную панику. Полковнику Войцеховскому удалось, однако, отбросить наступавшихъ.

* Изъ того же письма.

** Отступившія лѣтомъ отъ ж. д. магистрали крупныя банды въ Верхнеуральскѣ, на Алтаѣ и въ сѣверномъ Семирѣчьи.

На Волжскомъ фронтѣ, безъ разрѣшенія командованія, по инициативѣ частныхъ начальниковъ (полковникъ Кашпель, чешскій капитанъ Швець) неожиданнымъ нападеніемъ 7 августа была взята Казань. Операция эта, стратегически необоснованная, имѣла, однако, чрезвычайно важныя послѣдствія: въ Казани былъ захваченъ и поступилъ въ вѣдѣніе Самарскаго правительства золотой запасъ Россійскаго государства въ 651½ милліонъ рублей золотомъ* и кромѣ того 110 милліонъ кредитными билетами и на большую сумму цѣнныхъ бумагъ. Это обстоятельство давало прочную финансовую базу для развитія Восточнаго фронта и сильно подрывало положеніе совѣтской власти.

На Саратовскомъ направленіи, съ марта мѣсяца, проявляя огромное напряженіе, мобилизовать все мужское населеніе съ 19 до 55 лѣтняго возраста, выставивъ до 20 полковъ, вело непрерывную героическую борьбу Уральское войско. Въ такихъ условіяхъ — объ этомъ одинъ изъ участниковъ говоритъ** : «пусть будетъ извѣстно, что въ отношеніи вооруженія въ началѣ нашей борьбы дѣло обстояло такъ, что многіе старики несли съ собой въ бой пистолы, пики, ломы и даже цѣпы; и послѣ боя бывали найдены на полѣ брани съ этимъ оружіемъ самозащиты въ рукахъ». Только въ началѣ іюня, когда самарской грунтовой чеховъ и добровольцевъ былъ взятъ Бузулукъ, войску открылась возможность получить оружіе и боевые припасы. Подъ давленіемъ превосходныхъ силъ большевиковъ, уральскій фронтъ все время мѣнялъ свое очертаніе, дважды (апрѣль и іюнь) подходя почти вплотную къ столицѣ войска — г. Уральску.

До конца августа на Камскомъ и Воижемскомъ фронтахъ было сравнительно спокойно; уральскіе казаки, отбросивъ большевиковъ на всѣхъ направленіяхъ, дрались у Николаевска, Новоузенска и Краснаго Яра (подъ Астраханью); капитанъ Гайда подошелъ къ Байкалу; на прочихъ направленіяхъ шли небольшіе бои съ переменнымъ успѣхомъ.

Въ сентябрѣ обстановка круто измѣнилась подъ вліяніемъ двухъ новыхъ факторовъ: подвинувшейся значительно впередъ организациі Красной арміи и начавшагося броженія въ Чехо-словацкомъ корпусѣ, который продолжалъ еще перебрасывать свои части съ востока на западъ.

Предпринятое большевиками въ началѣ сентября наступленіе — главнымъ силами на Уфимскомъ направленіи — увѣчалось успѣхомъ: они взяли 9-го Казань, 12-го Симбирскъ, а 9-го октября овладѣли и Самарой, продвигаясь затѣмъ дальше на востокъ.

Чехи, избалованные легкими успѣхами надъ красной гвардіей весной и лѣтомъ, теперь, когда начались болѣе серьезныя бои, драться не хотѣли. Тѣмъ болѣе, что къ тому времени путь къ Великому океану былъ уже свободенъ... Глухо прозвучалъ выстрѣлъ, которымъ доблестный чехъ — капитанъ Швець — покончилъ свою жизнь, не будучи въ силахъ перенести тѣ явленія, которыя онъ считалъ предательствомъ... Прозвучалъ, — не разбудивъ ничьей совѣсти. Только добровольческія части, отступая послѣдними, оказывали слабое сопротивленіе преслѣдующему противнику. Съ фронта на востокъ потянулись массы бѣженцевъ.

Въ оправданіе свое чехи приводили мотивы достаточно вѣскіе: неустойчивость русскихъ частей, вызывавшую у нихъ сомнѣніе, «желаетъ ли русскій народъ дѣйствительно у себя порядка, народовластія, свободы... или предпочитаетъ совѣтскую власть»***... «Внутреннюю смуту и неурядицу», въ силу которой наблюдалось «не взаимодействіе отдѣльных областей, но что-то вродѣ глухой вражды... Эгоизмъ и непониманіе государственныхъ задачъ доходили до границъ недопустимаго»¹... Приводились и стратегическія соображенія — неправильность первоначальной разброски силъ и необходимость сосредоточиться въ районѣ Челябинска, чтобы начать серьезную операцию въ одномъ главномъ направленіи — на Вятку-Котласъ для соединенія съ англичанами²...

* Золотой запасъ переходилъ затѣмъ преемственно къ директоріи и къ правительству адмирала Колчака.

** «Уральцы». Е. Коноваловъ.

*** Воззваніе Чечека.

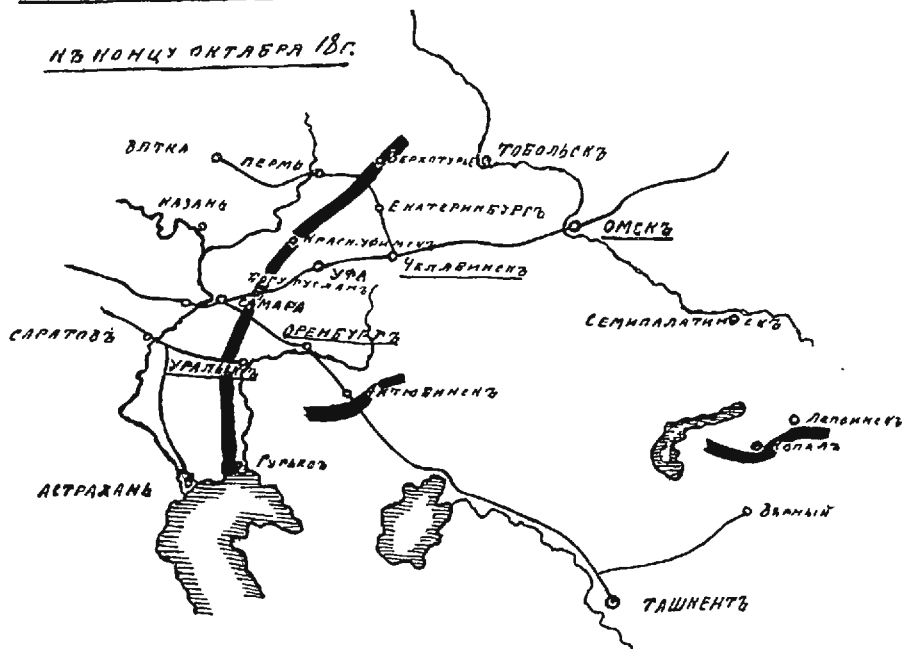
¹ Предсѣдатель Чешскаго національнаго комитета Павлу.

² Объясненія Войцеховскаго.

Образъ дѣйствій чеховъ въ этотъ второй періодъ ихъ участія въ русской смутѣ не нуждается въ оправданіи. Они вольны были рѣшить по внутреннему своему убѣжденію трагическую для насъ дилемму: проливать ли кровь за спасеніе Россіи или уходить. Они стали уходить. Это обстоятельство дастъ намъ, однако, нравственное право отнестись критически къ ореолу героизма и самоотверженности, въ который облачаютъ движеніе чехо-словаковъ, и, во всякомъ случаѣ, не чувствовать себя въ долгу передъ ними. Съ осени 1918 года, въ особенности съ ноября, когда послѣднія ихъ части вышли изъ боевой линіи, Чехо-словацкій корпусъ сталъ чужероднымъ и большимъ наростомъ въ организмъ Сибири, поглощая большія матеріальныя средства ея, столь необходимыя для русской арміи, загромождая и подчасъ парализуя подвижность сибирской магистрали.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТЪ

НЪ КОНЦУ ОКТЯБРЯ 18Г.

Безславное участіе въ драмѣ адмирала Колчака завершило впоследствии дѣло, такъ славно начатое чехо-словаками на Волгѣ...

На другихъ фронтахъ обстоятельства складывались значительно благопріятнѣе: на южномъ — наступленіе большевиковъ не получило развитія; «внутренній фронтъ» былъ ликвидированъ частями Сибирской арміи; палъ окончательно и восточный, со взятіемъ Гайдой Читы. Все вниманіе и силы можно было, слѣдовательно, обратить на Западный фронтъ.

Къ концу октября военное положеніе на территоріи, подчиненной «всероссійской власти» въ лицѣ созданной въ Уфѣ директоріи, представлялось въ слѣдующемъ видѣ:

І. Западный фронтъ шелъ по линіи Верхотурье — Красноуфимскъ — Богурусланъ — станція Неприкъ. Войсками его командовалъ чехъ, ген. Сыровой, смѣнившій Шокорева, имѣя штабъ-квартиру въ Челябинскѣ. Въ трехъ группахъ генераловъ Гайды (Екатеринбургъ), Люпова (Бирскъ) и Войцеховскаго (Уфа) числилось русскихъ войскъ 42 тысячи*, чешскихъ — 20 тысячъ при 182 орудіяхъ.

* Сибирскіе корпуса, Оренбургскій корпусъ и остатки Народной арміи.

II. Уральскій фронтъ шелъ въ направленіи отъ станціи Неприкъ къ берегу Каспійскаго моря, западнѣе Гурьева. Силы — 5½ тысячъ уральскихъ казаковъ при 16 орудіяхъ; во главѣ ихъ стоялъ командующій войсками Уральской области, ген. Акутинъ.

III. Юго-западный фронтъ прикрывалъ направленіе отъ Самары и отъ Ташкента на Оренбургъ — въ районахъ Бузулука и Актюбинска. Фронтъ занимали оренбургскіе казаки и остатки Народной арміи силою въ 15½ тысячъ при 54 орудіяхъ, подъ начальствомъ Оренбургскаго атамана, ген. Дутова.

IV Юго-восточный фронтъ — въ направленіи Семирѣчья; передовыя части занимали Копаль и Ленинскъ. Силы — 6 тысячъ, 11 орудій изъ состава Сибирской арміи находились въ непосредственномъ подчиненіи командующаго арміей ген. Иванова-Ринова, извѣстнаго въ Омскѣ.

Резервомъ могли служить полувооруженныя и полуобученныя три дивизіи ген. Ханизина, расположенныя въ Екатеринбургскомъ районѣ, силою около 30 тысячъ.

Всего, слѣдовательно, сибирскія арміи насчитывали около 90 — 120 тысячъ при 263 орудіяхъ. Войска — устойчивыя на сѣверѣ и югѣ, и морально подавленные на важнѣйшемъ, Самарскомъ направленіи.

Противъ нихъ наступали шесть красныхъ армій* Восточнаго фронта подъ начальствомъ полковника Каменева силами до 100 тысячъ при 300 орудіяхъ**; болѣе двухъ третей этихъ силъ было сосредоточено противъ Западнаго фронта (ген. Сыровой), который медленно катился назадъ подъ ихъ давленіемъ.

Съ августа мѣсяца начала какъ будто сбываться мечта многихъ русскихъ людей, видѣвшихъ спасеніе Россіи въ союзнической интервенціи. Мечта, положенная въ основаніе плановъ большинства политическихъ партій, поддерживавшая морально впавшую въ отчаяніе буржуазію и дрогнувшій фронтъ...

Въ августѣ и сентябрѣ стали прибывать во Владивостокъ транспорты съ долгожданнѣйшими союзными войсками. Высадилось... три дивизіи японцевъ, 5 батальоновъ американцевъ, по батальону англичанъ***, французовъ и итальянцевъ. Численность войскъ явно не соответствовала той огромной задачѣ, которая ставилась имъ пышными декларациями правительствъ и «высокихъ комиссаровъ». Еще болѣе страннымъ показалось примѣненіе этихъ войскъ... Японскія дивизіи расположились во Владивостокѣ, Харбинѣ и вдоль линіи Забайкальской ж. д. до Читы; при этомъ японскій командующій, маршалъ Отаи заявилъ, что никакой другой задачи отъ своего правительства онъ не имѣетъ. Американцы стали на охрану пути между Иркутскомъ и Верхнеудинскомъ и по Уссурийской ж. дор., англійскій батальонъ двинутъ въ Омскъ — резиденцію «высокаго комиссара», очевидно, для представительства.

Этотъ высокій комиссаръ, сэръ Элліотъ, прибывъ раньше другихъ полномочныхъ представителей союзниковъ на екатеринбургскій фронтъ, торжественно заявилъ: «союзники употребляютъ все успія, дабы оказать помощь возрождающейся Россіи, какъ вооруженіемъ, снаряженіемъ, такъ и людьми. Уже находятся въ пути къ Сибири ихъ части, которыя скоро будутъ сражаться на фронтѣ. Помощь подвигается и съ другой стороны отъ Котласа... Нельзя упрекать насъ въ медлительности... Связь только что налажена и теперь дѣлается все, чтобы ускорить помощь»...

Официальная ложь союзниковъ будила надежды, смѣнившіяся скоро глубокимъ разочарованіемъ. Сибирь не получила отъ иностранцевъ ни одного штыка и ни одной копѣйки.

* 1, 2, 3, 4, 5 и армія Ч. В. К., дѣйствовавшая противъ возставшихъ рабочихъ Ижевско-Воткинскаго района.

** По даннымъ штаба Добровольческой арміи къ 1 ноября; большевицкія силы въ Семирѣчьи не вошли въ расчетъ.

*** По другимъ даннымъ около бригады.

Портъ и многомилліонные склады Владивостока были обезпечены, путь для чехословаковъ открытъ, австро-германскіе контингенты военноплѣнныхъ временно локализованы, а военно-политическая обстановка на европейскомъ театрѣ войны давала надежду на скорое и побѣдное ея окончаніе.

Какіе же еще мотивы могли побудить «реальныхъ» политиковъ Запада принять болѣе дѣятельное участіе въ судьбахъ опасной своимъ бурнымъ броженіемъ страны, въ несчастьи непонятнаго для нихъ народа?

ГЛАВА XV.

Внѣшнія затрудненія Добровольческой арміи: нѣмецкая оккупация, Астраханская и Южная арміи.

Съ приходомъ германскихъ войскъ на Донъ положеніе Добровольческой арміи стало весьма затруднительнымъ. Декларации наши, свободно обращавшіяся, не могли создать никакихъ иллюзій въ нѣмецкомъ командованіи въ вопросѣ объ отношеніи къ нему арміи. Правда, первоначальная формула этихъ отношеній, исходившая нѣкогда отъ «совѣта» при триумvirатѣ*, теперь была замѣнена болѣе мягкой: «никакихъ сношеній съ нѣмцами»... Но и эта формулировка не могла примирить нѣмецкое командование съ фактомъ существованія бокъ-о-бокъ силы, безусловно имъ враждебной.

Началось зондированіе почвы.

Кіевская главная квартира черезъ третьихъ лицъ — нѣмецкой оріентации — предлагала намъ войти въ «дружескія сношенія»; гр. Альвенслебенъ некаль свиданія съ адъютантомъ ген. Алексѣева, ротмистромъ Шапрономъ, бывшимъ въ Кіевѣ по дѣламъ арміи; ген. Аршимъ въ Ростовѣ на официальныхъ собраніяхъ высказывалъ свое уваженіе къ Добровольческой арміи и сожалѣніе, что «она не идетъ вмѣстѣ съ нами». На Украинѣ свободно работали вербовочныя бюро, и команды добровольцевъ — въ формѣ, съ отличительными знаками арміи — направлялись безпрепятственно на Донъ, встрѣчая даже извѣстную предупредительность со стороны нѣмецкихъ комендантовъ. Это обстоятельство, наряду съ появившимися въ кіевскихъ газетахъ свѣдѣніями о «союзнической оріентации» арміи, возбуждало даже въ нашихъ кіевскихъ друзьяхъ сильнѣйшее безпокойство — «не готовятъ ли нѣмцы ловушки...»

Попытки эти остались безрезультатными: командованіе Добровольческой арміи, избѣгая какихъ бы то ни было активныхъ дѣйствій въ отношеніи нѣмцевъ, категорически отказалось войти съ ними въ сношенія. Создалось весьма оригинальное «международное» положеніе, которое съ нѣкоторымъ приближеніемъ можно назвать «вооруженнымъ нейтралитетомъ».

Любопытно, какъ расцѣпывала правая общественность наши побужденія въ этомъ вопросѣ. Кн. Г. Трубецкой въ своемъ донесеніи Правому Центру писалъ**: «генералы, стоящіе во главѣ Добровольческой арміи, мыслили возрожденіе Россіи и арміи въ прямой преемственности отъ той идеологии, которую они принесли съ фронта бывшей русской арміи. Нѣмецъ былъ врагъ, и притомъ печестный врагъ, придумавшій удушливые газы, а потомъ и самихъ большевиковъ. Съ этимъ врагомъ могла быть только борьба на жизнь и смерть, и невозможны и недостойны никакіе разговоры. Измѣнить союзникамъ было бы недостойнымъ малодушіемъ и на всѣхъ, кто были заподозрѣны въ германской оріентации, ложилось пятно». Опредѣленіе это, вѣрное въ отношеніи офицерской массы, слишкомъ, однако, элементарно въ отношеніи старшихъ начальниковъ:

* Триумvirаты: Алексѣевъ, Корниловъ, Калединъ; зима 1917—18 г. Первая декларация Добровольческой арміи опредѣляла цѣль ея «борьбой съ надвигающейся анархіей и нѣмецко-большевическимъ нашествіемъ». Т. II, гл. XVII.

** Отъ 28 августа 18 года.

они руководствовались кроме этого мотивами государственной целесообразности и которыми предвидѣлись...

Истинныя намѣренія германцевъ намъ не были извѣстны. Возможность дальнѣйшаго движенія ихъ къ востоку и югу ставила въ крайне тяжелое положеніе Добровольческую армію и вызывала неоднократныя сношенія по этому поводу ген. Алексѣева и мои съ донскимъ правительствомъ. Ген. Богаевскій, управляющій отдѣломъ иностранныхъ дѣлъ, предупреждалъ, что ручаться ни за что нельзя, но что во всякомъ случаѣ «съ вѣдома и согласія войскового правительства никакого передвиженія нѣмцевъ быть не можетъ». Одновременно, однако, приходили свѣдѣнія, что ген. Красновъ помимо своего правительства ведетъ переговоры съ нѣмецкимъ командованіемъ о совместномъ наступленіи на Азовъ и Ейскъ. 15 іюля свѣдѣнія эти получили существенное подтвержденіе. Атаманъ пригласилъ къ себѣ моего представителя ген. Эльснера и убѣждалъ его въ необходимости сдвинуть Добровольческую армію съ Кубани на Царицынъ. Въ качествѣ неопровержимаго довода Красновъ просилъ передать мнѣ со словъ будто бы нѣмецкаго маіора (Стефани?), что нѣмцы сосредоточили «крупныя силы противъ большевиковъ» и «предъявили имъ требованіе очистить Азовъ, Ейскъ, Новороссійскъ и всю жел.-дор. линію отъ Ростова до Новороссійска»; если нѣмцы займутъ тотчасъ же, оккупировавъ такимъ образомъ Кубань*. Съ другой стороны, все чаще поступали донесенія по поводу возможнаго движенія нѣмцевъ на Царицынъ совместно съ донскими казаками. Объ этомъ писалъ и ген. Алексѣевъ. И я, учитывая большое значеніе для насъ Царицына, какъ единственнаго выхода на сѣверъ, просилъ М. В. «предъявить атаману требованіе..., чтобы не только съ его стороны не послѣдовало приглашенія нѣмцевъ, но наоборотъ — были бы устранены все предлоги для ихъ движенія туда».

Нѣмцы, однако, противъ красной гвардіи и совѣтовъ больше не пошлѣ. Только однажды, въ концѣ мая, они вынуждены были вступить въ бой съ большевиками, предпринявшими безъ вѣдома Москвы нелѣбую и безразсудную десантную операцію изъ Азова къ Таганрогу, окончившуюся страшнымъ пораженіемъ большевиковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызвавшую потери и у нѣмцевъ до 700 человѣкъ.

Берлинъ все это время велъ переговоры о «дополнительныхъ соглашеніяхъ» съ Москвой, которая настаивала на очищеніи нѣмцами Ростова и Таганрога или, по крайней мѣрѣ, пропуска по Юго-восточнымъ и Владикавказской дорогамъ большевицкихъ войскъ для борьбы съ Югомъ.

Позднѣе, 23 іюля Чичеринъ предъявилъ преемнику Мирбаха Гельфериху желанія болѣе опредѣленныя: «активное выступленіе противъ Алексѣева и никакой дальнѣйшей поддержки Краснову». Очевидно, какъ отголосокъ этихъ переговоровъ, въ началѣ іюня ген. Кнерцеръ получилъ распоряженіе изъ Кіева о заключеніи перемирія съ большевиками на всѣхъ фронтахъ, въ томъ числѣ на Таганрогскомъ и Батайскомъ...

Все нѣмецкія силы, слѣдовательно, можно было направить противъ Восточнаго фронта, когда онъ представитъ дѣйствительную опасность.

* *

Съ половины іюня отношенія нѣмцевъ къ арміи рѣзко измѣнились. 13 іюня, какъ я говорилъ выше, имѣло мѣсто обращеніе ихъ черезъ Тундута къ Донскому атаману о репрессіяхъ въ отношеніи Добровольческой арміи... Вскорѣ, черезъ мѣстныхъ воинскихъ властей, послѣдовало требованіе нѣмцевъ о сборѣ всѣхъ военно-плѣнныхъ австро-германцевъ, относившихся и къ чехо-словакамъ, находившимся въ рядахъ арміи и сдѣлавшимъ съ ней Первый кубанскій походъ**... На обращенный ко мнѣ тревожный вопросъ представителя ихъ Краля я отвѣтилъ, что избѣгаю тщательно всякихъ столкновеній съ нѣмцами, но защита нашихъ соратниковъ — чехо-словаковъ — это вопросъ нашей чести, и я не останавлиюсь въ случаѣ пужды даже передъ боемъ... Въ Кіевѣ нѣмецкая контръ-развѣдка, пополненная русскими офицерами, въ томъ числѣ дезертирами

Докладъ ген. Эльснера отъ 15 іюня, № 223.

** Около 300—400 человѣкъ въ составѣ инженернаго батальона, отчасти Корпиловскаго полка.

Добровольческой арміи, разгромила мѣстный добровольческій центръ и арестовала полковниковъ Кусонскаго и Рябенскаго*... Начали поступать свѣдѣнія о задержкѣ и арестѣ ездѣвшихъ въ армію офицерскихъ эшелоновъ изъ цѣлаго ряда городовъ... Задержаніе эшелоновъ и офицеровъ германскія власти объясняли тѣмъ, что «Добровольческая армія находится въ состояніи войны съ Германіей, такъ какъ содержится на средства французовъ».

Добровольческіе «центры» стали переходить на конспиративное положеніе, притокъ пополненій сократился.

Въ іюдѣ стали получаться весьма тревожныя свѣдѣнія со всѣхъ сторонъ — отъ Шудьгина, Мидюкова, московскихъ организаций, изъ круговъ, стоявшихъ въ оппозиціи къ Донскому атаману — объ опасности, угрожающей намъ со стороны нѣмцевъ. Не посредственно изъ «Всероссійскаго» (совѣтскаго) генеральнаго штаба пришло тайно донесеніе, что «рѣшено сильнымъ отрядомъ не допустить продвиженія Добровольческой арміи къ Царицыну, а разоружить ее и разогнать, какъ будущее ядро Русской національной арміи».

Обстановка разъяснилась окончательно только къ сентябрю, когда отъ лица, стоявшаго во главѣ одного изъ центральныхъ совѣтскихъ учреждений, получено было подробное освѣщеніе положенія**:

«Послѣ заключенія договора — дополнительнаго къ Брестскому, Гинце*** (серединѣ августа) обратился къ совѣтскимъ властямъ съ нотой, которая является... новымъ дополненіемъ къ договору... Въ концѣ ея имѣется указаніе о необходимости сохраненія ея въ тайнѣ. Въ одномъ изъ пунктовъ нѣмецкое правительство настаиваетъ на принятіи совѣтскими властями рѣшительныхъ мѣръ къ немедленному прекращенію чехословацкаго движенія, къ удаленію союзниковъ съ Мурмана и Архангельска... и подавленію мятежа ген. Алексѣева. Если совѣтская власть окажется не въ состояніи достигнуть указанныхъ выше задачъ собственными силами, то она не должна противодействовать продвиженію для... этихъ цѣлей нѣмецкихъ силъ по территоріи Россіи... Нѣмцы видятъ наибольшую для себя опасность именно въ Добровольческой арміи и въ генералѣ Алексѣевѣ... Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ съ передачей совѣтскимъ властямъ вооруженія, снаряженія и боевыхъ запасовъ, захваченныхъ нѣмцами на нашихъ фронтахъ, а также формированіемъ на нѣмецкія средства... Астраханской и Южной армій — для меня ясно, что нѣмцы принимаютъ всѣ мѣры къ ослабленію численности Добровольческой арміи, и къ поселенію розни между ними (арміями), такъ и по возможности къ полному ея уничтоженію... Что касается Дона, то нѣмцы повидимому передали его большевикамъ, обязавшись дополнительнымъ къ Брестскому договоромъ очистить жел.-дор. линію Воронежъ — Ростовъ, а также не признать его самостоятельности... Повидимому, и совѣтскія власти пришли къ убѣжденію, что нѣмцы не будутъ поддерживать Донъ въ его борьбѣ съ большевиками»...

Что же помѣшало выполненію этихъ плановъ?

Стратегическое положеніе Добровольческой арміи не было такимъ безотраднымъ, какъ представлялось ей друзьямъ въ Москвѣ и Кіевѣ. Это хорошо понимали въ штабѣ ген. Кнерцера и умѣряли воинственное настроеніе своихъ московскихъ дипломатовъ. Корпусъ Кнерцера, состоявшій изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій и кавалерійской бригады, занималъ обширный районъ Таганрогъ — Ростовъ — Миллерово — Бахмутъ и не могъ выдѣлить достаточныхъ силъ для скорой ликвидаціи Добровольческой арміи. Вооруженное выступленіе противъ насъ несомнѣнно охладило бы симпатіи германофильской части русской общественности, всколыхнуло бы національное чувство, въ частности донскаго офицерства, вызвало бы расколъ въ Донской арміи, паденіе Краснова и большой хаосъ въ тылу наступающихъ. Углубленіе германскихъ войскъ на Сѣверный Кавказъ, въ связъ съ большою подвижностью Добровольческой арміи, грозило надолго затянуть операцію, ставя подъ ударъ партизанскихъ отрядовъ всѣ сообщенія нѣмцевъ.

* Черезъ пѣкоторое время были освобождены.

** Отъ 25 сентября 18 года.

*** Министръ иностранныхъ дѣлъ Германіи.

До фактического создания союзниками Восточного противонемецкого фронта и до движения армий на север, такой риск не оправдывался бы обстановкой.

В свою очередь я, совершая Второй Кубанский поход, принял некоторые меры обеспечения. На линии Киев — Ростов Киевский железнодорожный комитет и некоторые организации готовили ж.-д. забастовки, нападения, порчу и разрушение пути — на случай движения на восток немецких подкреплений.

Краснов, по мере движения Добровольческой армии, спланировал с открытием ж.-д. линий от Ростова на Торговую и Тихорецкую и просил ген. Алексева о подчинении ему всех путей сообщения Кубанской области и Ставропольской губернии*. Так как это обстоятельство угрожало существованию армии, облегчая удар по ней немцам, я вынужден был препятствовать этим мероприятиям, мнясь с огромными трудностями подвоза нам снабжения по грунтовым путям. Линия Ростов — Батайск — Торговая была во многих местах основательно разрушена ранее, и инженеры, которым по приказанию Донского атамана надлежало восстанавливать путь, во время возможности саботировали работу. Наконец, 10 июля, после взятия нами станции Кушевки, полковником Кутеповым по моему приказанию взорван был кушевский ж. д. мост, чем прервано было движение от Ростова.

Взрыв у Кушевки вызвал гнев Донского атамана и произвел большое впечатление на немцев, не оставляя уже никаких сомнений в отношении к ним армии. Тем не менее, «вооруженный нейтралитет» не нарушался. Только в конце сентября произошел небольшой эпизод: в первый раз ко мне официально обратился от имени своего правительства майор фон-Кофенгаузен, прося ускорить восстановление проходившей по занятой нами территории линии индо-европейского телеграфа и предлагая дать для исправления и обслуживания ее свой персонал. Кофенгаузену было отвечено через ген. Эльснера**, что вообще все телеграфные линии на территории армии восстанавливаются и чужой помощи не требуется. Через 2—3 недели я получил новую ультимативную уже ноту — о предоставлении германскому командованию указанной линии, с требованием определенного ответа в пятидневный срок... Ответил тем же порядком, что телеграфные линии по мере восстановления поступают в общественное пользование... на точном основании российских законов.

Было ли предъявление этого ультиматума желанием создать повод для открытия военных действий, не знаю — ближайшие дни совершенно изменили обстановку: падение Германии потрясло неслыханная катастрофа, а «высокий представитель» ее фон-Кофенгаузен тайно исчез из Ростова, долго еще потом пугая воображение союзных миссий, безуспешно разыскивавших его на территории Юга.

Я должен добавить еще одно: оставаясь неизменно нашим врагом, немецкое командование на Юге России относилось всегда с большим уважением к Добровольческой армии.

* * *

Не выступая против Добровольческой армии с оружием в руках, немцы старались разложить ее другими путями. К числу их относится создание ими так называемой Астраханской армии***.

В Киеве, в начале июля, образовалась организация для вербовки в эту армию, формировавшуюся на Дону, в районе ст. Великокняжеской. Во главе ее стал совершенно ничтожный человек, полковник Тундутов, в качестве политического руководителя — Иван Добрынский, в окружении чрезвычайно темные элементы (немцы и русские) германской контрразведки.

* Соповещение от 13 июля, № 262.

** Мой представитель на Дону.

*** Такое странное название формирование получило от теоретического предположения Тундутова комплектовать армию астраханскими казаками и калмыками, по мере освобождения Астраханской губернии.

Астраханская армія, принявъ вышніи отличія, служебный распорядокъ и «доуниги» — монархическіе, тѣмъ самымъ должна была отличить офицерство отъ арміи Добровольческой — арміи «съ неопредѣленною политической физиономіей», «признающей Учредительное собрание», даже «въ скрытой формѣ... республиканской» — какъ говорили создатели Астраханской арміи.

Первое время наборъ, открыто поощряемый нѣмцами, имѣлъ извѣстный успѣхъ. Нѣмцы дали Тундудову нѣсколько милліоновъ рублей и отпустили въ небольшомъ размѣрѣ русское боевое снабженіе. Правые круги Кіева, во главѣ съ гр. В. Бобринскимъ, оказывали арміи моральное содѣйствіе, московскій Правый Центръ «вступилъ съ ней въ контактъ». Шли въ армію и офицеры: одни — изъ числа обиженныхъ, не нашедшихъ удовлетворенія своему честодобию въ рядахъ Добровольческой арміи; другіе — изъ-за дикого въ сравненіи съ добровольческимъ оклада; третьи — дѣйствительно искренне привлекаемые монархическимъ доунигомъ. Большинство же шло просто «на борьбу съ большевиками», не разбираясь ясно въ задачахъ новаго формироуанія и въ удѣльномъ вѣсѣ его руководителей.

Организаторы искали долго генерала съ популярнымъ именемъ для возглавленія арміи. Гр. Келлеръ отказался, какъ «открытый противникъ германской оріентаціи»... Ген. Н. І. Ивановъ — также. «Я всегда ставилъ безусловно необходимымъ* полное согласованіе вѣхъ дѣйствій этихъ войскъ — писалъ мнѣ Ивановъ 10 августа — съ Вашей арміей и самымъ пастойчивымъ образомъ отвергалъ возможность какихъ либо моихъ сношеній съ германцами». Характерно для психологін русскаго генералитета: Н. І. допуская снабженіе «Астраханцевъ» запасами, оставшимися на Украинѣ, «что требовало согласія нѣмцевъ», былъ, однако, глубоко оскорбленъ тогда «тяжкимъ обвиненіемъ, возведеннымъ (на него) агентурой**», объ (его) не имѣвшихъ мѣста въ дѣйствительности сношеніяхъ съ представителями германскаго командованія и «убѣдительно просилъ (меня)... разслѣдовать источникъ этихъ обвиненій»... Остановившись «астраханцы» на Павловѣ — лихомъ кавалерійскомъ генералѣ, въ политической идеологін котораго былъ только монархизмъ и никакихъ оскоряющихъ дѣло «предразсудковъ». Павловъ побывалъ у меня въ Тихорецкой, освѣдомился объ отрицательномъ отношеніи моемъ къ новому формироуанію, но должность принялъ.

Въ результатѣ вся эта попытка нѣмцевъ потерять полную неудачу. Къ августу былъ сформированъ только одинъ батальонъ въ 400 штыковъ и до конца существованія «арміи» (начало 19 года) численность ея не превышала 3 тысячъ бойцовъ, пѣ которыхъ въ февралѣ 19 г. только 1753 могло быть на фронтѣ. Втайнѣ отъ руководителей организациі армейскій штабъ астраханцевъ*** считалъ себя въ распоряженіи Добровольческой арміи, получая временами указанія отъ ген. Эльснера, и заявлялъ, что «сформированныя части готовы перейти въ составъ Добровольческой арміи по первому требованію»... Добровольческій штабъ относился, однако, несочувственно къ такому распыленію силъ и къ темной политической игрѣ. Въ результатѣ штабъ Астраханской арміи рисовалъ ген. Эльснеру такіа сцены: «офицеры по прибытіи въ Ростовъ узнаютъ отъ специально поставленныхъ на вокзалѣ (вашихъ) агентовъ объ оріентаціи Астраханскаго войска, источникахъ его содержанія, и до 60—80 % эшелоновъ желаютъ съ мѣста перейти въ Добровольческую армію»... «Затѣмъ, когда эшелонъ идетъ по линіи Батайскъ — Торговая, рьяную агитацію ведутъ (ваши) коменданты станцій. Въ результатѣ значительная часть эшелоновъ переходитъ въ Добровольческую армію. Но мало того, переходящіе начинаютъ все время корить и упрекать остающихся, издѣваться надъ ними. Проявляется взаимная обида и обозленіе»... Астраханскій штабъ просилъ ген. Эльснера самого «по братски распредѣлять пополненія»¹. Ген. Эльснеръ отъ содѣйствія укомплектованію Астраханской арміи отказался, но и не препятствовалъ ему.

* Курсивъ — въ письмѣ.

** Сдѣлавшимся ему случайю извѣстнымъ.

*** Начальникъ штаба подполк. Рябовъ-Рѣшетинъ, ген.-квартирм. подполк. Полеводичъ.

¹ Доклады ген. Эльснера № 1499 и 1661, отъ 3 и 10 августа 18 года.

Въ августѣ нѣмцы, разочаровавшись въ своемъ формированіи, прекратили отпускъ денегъ Тундутову. Донской атаманъ давалъ скудные пособія. И Тундутовъ въ поискахъ матеріальной поддержки обратился въ кіевскую організацію крайнихъ правыхъ — «Совѣтъ монархическаго блока»*. Между ними былъ заключенъ 7 сентября договоръ**, въ силу котораго ничего не вѣдавшее офицерство было поставлено передъ фактомъ неожиданнаго примѣненія его патріотическихъ побужденій: «Войсковой атаманъ передаетъ всю политическую работу Совѣту Монархическаго Блока» (ст. 7-я)... «Астраханская армія должна быть непользована для борьбы со всѣми противниками возстановленія Законопреемственной монархіи и возсозданія Россіи»... (ст. 2-я).

Но казна «блока», черпавшая средства также изъ бердинскаго источника, скоро изсякла, и Астраханская армія все время не выходила изъ тяжелаго кризиса.

Осенью Тундутовъ явился на поклонъ въ Екатеринодаръ. Пороча всячески Донского атамана, онъ просилъ разрѣшенія «отдохнуть» отъ Донской арміи и присоединиться къ Добровольческой. Не считая возможнымъ обострять отношенія, я категорически отказалъ. По тѣмъ же побужденіямъ и не желая подрывать принципа дисциплины, я отклонялъ многократныя ходатайства астраханскихъ частей о переходѣ ихъ въ полномъ составѣ къ намъ.

Тундутовъ и его окруженіе вели праздный и разгульный образъ жизни, а «армія» постепенно таяла; таяла отъ отсутствія пополненій, отъ ухода изъ ея рядовъ многихъ неудовлетворенныхъ и отъ потерь, понесенныхъ въ небольшихъ, но непрерывныхъ бояхъ съ большевиками — на крайнемъ правомъ флангѣ донцовъ, въ Манычскихъ степяхъ.

* *

Почти одновременно съ этой неудачной попыткой нѣмцы предприняли другую, казавшуюся имъ болѣе солидной, ввиду общественнаго положенія лица, ставшаго во главѣ дѣла.

Изъ всѣхъ членовъ императорской фамиліи, оставшихся въ живыхъ, только двое — герцоги Н. и Г. Лейхтенбергскіе — приняли всецѣло «германскую ориентацію». Герцогъ Н. Лейхтенбергскій взялъ на себя роль посла атамана Краснова къ германскому императору и, не будучи принятъ Вильгельмомъ, устранился въ дальнѣйшемъ отъ политической дѣятельности. Герцогъ Г. Лейхтенбергскій сталъ во главѣ формированія на нѣмецкія деньги — при фактическомъ участіи въ штабѣ организаціи нѣмецкихъ офицеровъ — такъ называемой Южной арміи.

Герцогъ былъ «флагомъ». Душою организаціи являлся нѣкто Акацатовъ, членъ Союза русскаго народа. Возглавлялся организація созданнымъ Акацатовымъ союзомъ «Наша Родина», въ составъ котораго кромѣ герцога и Акацатова (предсѣдатель) входило еще нѣсколько членовъ (9), имена которыхъ по интимнымъ соображеніямъ опубликованы не были. Въ качествѣ народной и общественной базы назывались такія полумифическія организаціи, какъ «Всероссійскій національный клубъ», «Всероссійскій національный союзъ», «Союзъ русской молодежи Юга Россіи», «Гимнастическое общество Богатырь», «Крестьянскіе кооперативы», «нѣкоторая часть Союза русскаго народа» и т. д.***

Организація встрѣтила отрицательное къ себѣ отношеніе въ средѣ кіевского генералитета, но за то съ большимъ увлеченіемъ отнеслась къ ней группа гр. В. Бобринскаго.

* «Блокъ» возникъ въ результатѣ соглашенія между крайними правыми и націоналистами группъ Балашова и В. Бобринскаго.

** Подписали договоръ:

- 1) Войсковой атаманъ Астраханскаго войска кн. Тундутовъ.
- 2) Командиръ Астраханскаго корпуса ген.-лейт. Павловъ.
- 3) Управляющій вѣнскимъ отдѣломъ Астрах. каз. войска П. Добрынскій.
- 4) Предсѣдатель Совѣта Монархическаго Блока Соколовъ.
- 5) Членъ Совѣта кн. А. Н. Долгоруковъ.

*** Докладъ офицера штаба южной арміи, полковника Хондзынскаго.

Монархическій лозунгъ былъ поставленъ ясно и опредѣленно. Политическая же ориентація была извѣстна въ точности только верхамъ. Рядовому офицерству сообщалось, что Южная армія не имѣетъ никакихъ обязательствъ въ отношеніи нѣмцевъ и «создается на деньги, занятія у русскихъ капиталистовъ и у монархическихъ организаций».

Территорія для формировація была представлена ген. Красновымъ, неизмѣнно поощрявшимъ эти предпріятія, «русская» (не донская) — южная часть Воронежской губерніи — на которой Акацатовъ сталъ водворять администрацію и «ископанныя начала».

Ни одинъ изъ крупныхъ генераловъ, къ которымъ обращался союзъ «Наша Родина», не пожелалъ стать во главѣ арміи. Такъ до конца своего «самостоятельнаго» существованія, армія оставалась безъ командующаго; его замѣнялъ временно начальникъ штаба, ген. Шильдбахъ, а наличнымъ составомъ формируемыхъ частей командовалъ фактически ген. Семеновъ. Выборъ — весьма показательный: Семеновъ былъ до того удаленъ изъ отряда Дроздовскаго, ввиду полной неспособности въ боевомъ отношеніи, потомъ изъ Добровольческой арміи — за то, что, будучи начальникомъ нашего вербовочнаго бюро въ Харьковѣ, вступилъ въ связь съ нѣмцами и.... отговаривалъ офицеровъ ѣхать въ Добровольческую армію.

На небольшомъ клочкѣ Воронежской губерніи Акацатовъ съ Семеновымъ возстановляли порядки, давно отошедшіе въ область исторіи. Оттуда распространялась нездоровая литература, отравлявшая души офицерства реакціоннымъ изувѣрствомъ и членовѣченнавинственничествомъ. Оттуда же шла лютая травля Добровольческой арміи. «Въ послѣднихъ номерахъ газеты «Наша Родина» — сообщала кievская «Азбука» — нѣтъ ни слова о большевикахъ. Вся газета посвящена грубому поношенію ген. Алексѣева, Шулъгина, Родзянко и т. д. О ген. Алексѣевѣ газета пишетъ, что это онъ предалъ царя, устроивъ ему ловушку, и что онъ разложилъ армію. О всѣхъ вообще, кто, движимый любовью къ несчастной Родинѣ, собрались въ Екатеринодаръ, газета говоритъ, что на лицахъ ихъ «ясно видѣется улыбающійся Азефъ»...

Любопытно, что организаторъ арміи, герцогъ Лейхтенбергскій все же считалъ нужнымъ обратиться ко мнѣ съ письмомъ, въ которомъ выражалъ надежду на совмѣстныя наши военныя дѣйствія въ будущемъ. Я отвѣтилъ весьма сдержанно, что это будетъ зависѣть отъ той политики, которую поведутъ руководители Южной арміи.

Какъ бы то ни было, но расхожденіе въ политическихъ лозунгахъ армій воспринималось въ Кіевѣ повидимому очень остро. Митрополитъ Антоній, хорошо освѣдомленный о настроеніи правыхъ и принимавшій въ работѣ ихъ дѣятельное участіе, съ однимъ офицеромъ — общимъ знакомымъ, пріѣхавшимъ въ Екатеринодаръ въ началѣ августа, передавалъ мнѣ о крайнемъ своемъ безпокойствѣ: «какъ бы русскія арміи не вступили въ междоусобную брань»...

Въ приказѣ Донскаго атамана отъ 26 августа указывалось, что Южная армія, равно какъ Астраханская и «Русская народная армія»*, «въ будущемъ обезпечатъ предѣлы Дона», а «политическими программами ихъ войско не интересуется и ихъ не раздѣляетъ, имѣя одну цѣль — созданіе сильнаго государства — Всевеликаго войска Донскаго». Эта тирада звучала особенно странно, принимая во вниманіе, что южныя части Саратовской и Воронежской губерній были «временно» подчинены Дону и незадолго передъ тѣмъ военными губернаторами тамъ были назначены атаманскими приказами начальники формировавшихся войскъ — ген. Семеновъ** (Воронежской) и подполковникъ Манакинъ (Саратовской***).

И эта вторая попытка нѣмцевъ и русскихъ германофиловъ окончилась неудачей. Тѣмъ болѣе, что нѣмцы, достигнувъ основной своей цѣли — посѣявъ рознь, не думали вовсе о созданіи изъ Южной арміи прочной силы: уже въ сентябрѣ финансированіе ими

* Фактически формировалась самимъ атаманомъ Красновымъ въ южной части Саратовской губерніи.

** Приказъ 6 августа, № 669.

*** Вице-губернаторомъ былъ назначенъ извѣстный Аладьинъ, который и осуществлять «политическое руководство арміи» во главѣ съ набранной имъ «группой земскихъ дѣателей Саратовской губ.». Численность этой «арміи» была ничтожна.

герцога Лейхтенбергскаго почти прекратилось, снабженіе ограничено было до ничтожныхъ размѣровъ. Къ октябрю въ «арміи» было до 3½ тысячъ штыковъ и сабель, безъ обоза, почти безъ артиллеріи, и много небоевого элемента. Въ войскахъ создавалось тяжелое настроеніе. Искусственно вызванное взаимное отчужденіе и озлобленіе между «южанамъ» и добровольцами смѣнялось повемному явнымъ тяготѣніемъ къ Добровольческой арміи отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ частей Южной арміи. Оно усиллось еще болѣе послѣ произведшаго большое впечатлѣніе обращенія Шульгина «къ руководителямъ Астраханской и Южной армій»*. «Ваша тяжелая жертва была принесена напрасно — писалъ онъ. — Теперь, послѣ того, какъ Германія запросила мира, вы, конечно, сознаете, что она никакъ спасти не можетъ». Указывалъ выходъ — «соединиться съ людьми, которые какъ и вы любятъ Россію, но которые шли къ ея спасенію другими путями»... Въ Екатеринодарѣ появились вновь делегаціи отъ Южной и Астраханской армій съ просьбой о присоединеніи къ Добровольческой. «Въ скоромъ времени — обобщалъ свои впечатлѣнія Шульгинъ** — слѣдуетъ ожидать массоваго бѣгства офицеровъ изъ Южной арміи въ Добровольческую, такъ какъ офицерство потеряло надежду на то, что верхи Южной арміи перестанутъ его дѣлать пугаломъ въ глазахъ народа».

Но съ 30 сентября Южная армія поступила уже въ полное подчиненіе ген. Краснову и потому, чтобы не создавать затрудненій атаману, на основаніи моихъ указаній ген. Драгомировъ сообщилъ Шульгину***: «нужно успокоить офицеровъ Южной арміи и убѣдить ихъ не уходить изъ ея рядовъ, такъ какъ въ скоромъ времени все равно они попадутъ подъ наше начальство и послужатъ остономъ при формированіи общерусской арміи»...

Вдѣлись они въ нашу армію дѣйствительно, но... слишкомъ поздно — послѣ окончательнаго развала.

* Открытое письмо въ № 36 «Россіи» въ концѣ сентября.

** Записка отъ 12 октября.

*** Резолюція отъ 23 октября.

ГЛАВА XVI.

Вигъшнія затрудненія Добровольческой арміи: отношенія съ Донскимъ атаманомъ.

Наиболѣе тяжелыя отношенія установились у насъ съ Донскимъ атаманомъ.

На небольшомъ клочкѣ освобожденной отъ большевиковъ русской земли двумъ начальамъ, представленнымъ съ одной стороны ген. Красновымъ, съ другой ген. Алексѣевымъ и мною, очевидно оказалось тѣсно. Совершенно непріемлемая для Добровольческой арміи политическая позиція атамана, полное расхожденіе въ стратегическихъ взглядахъ* и его личныя свойства ставили трудно преодолимые препятствія къ совместной дружной работѣ. Утверждая «самостоятельность» Дона нынѣ и «на будущія времена», онъ не прочь быть, однако, взятъ на себя и пріоритетъ спасенія Россіи. Онъ, Красновъ, обладающій территоріей, «народомъ» и войскомъ — въ качествѣ «верховнаго вождя Южной Россійской арміи»**, брать на себя задачу — ея руками — освободить Россію отъ большевиковъ и занять Москву***... На этомъ же пути стояла другая сила — пока еще «бездомная», но съ непреерекаемымъ обще-русскимъ авторитетомъ бывшаго Верховнаго — ген. Алексѣева и съ большимъ моральнымъ вѣсомъ и боевой репутаціей Добровольческой арміи.

Обѣ стороны, понимая непреложные законы борьбы, считали необходимымъ объединеніе вооруженныхъ силъ и обѣ не могли принести въ жертву свои убѣжденія или предубѣжденія. На этой почвѣ началась длительная внутренняя борьба — методами, соответствовавшими характеру руководителей... Въ то время, когда командованіе Добровольческой арміи стремилось къ объединенію вооруженныхъ силъ Юга — путями легальными, атаманъ Красновъ желалъ подчинить или устранить со своего пути Добровольческую армію; какими средствами — безразлично.

Началось еще въ маѣ, когда неожиданно атаманскимъ приказомъ всѣ донскіе казаки были изъяты изъ рядовъ Добровольческой арміи, что разстроило сильно нѣкоторые наши части, особенно Партизанскій и Конный полки. Мнѣ пришлось поблагодарить донцовъ и отпустить ихъ, чтобы не обострять положенія и не создавать картины развала... Въ краткій періодъ кризиса, пережитаго Добровольческой арміей¹, отдѣльныя лица, иногда небольшія части, дезертировали изъ арміи на службу на Донъ, встречая тамъ радушный пріемъ. Былъ даже случай, что цѣлый взводъ съ оружіемъ и пулеметами, подъ начальствомъ капитана Корнилова² бѣжалъ въ Новочеркасскъ; съ нимъ ушелъ также офицеръ штаба арміи лейтенантъ флота Поздѣвъ и... мой конный вѣстовой —

* См. главу XX.

** Соединенныя «Южная», «Астраханская» и «Народная».

*** Рѣчь въ Таганрогѣ. Приазовскій Край 18 года, № 178.

¹ Май. См. ниже.

Однофамилецъ генерала.

текинецъ; характерная мелочь — послѣдній ушелъ о-двуконь, укравъ ксати мою лошадь. Штабъ велъ по этому поводу переписку, но безрезультатно. Все проходило совершенно безнаказанно. Между тѣмъ переходъ въ Добровольческую армію, хотя бы и легальный, расцѣпывался совершенно иначе. Помню, какой гнѣвъ вызвало вполнѣдствіи формированіе донскимъ генераломъ Семилѣтовымъ послѣ долгихъ переговоровъ партизанскаго отряда въ Черноморской губерніи изъ донскихъ гражданъ, не обязанныхъ службой на Дону*... Отрядъ не представлялъ изъ себя сколько нибудь серьезной силы и, конечно, не могъ имѣть никакого политическаго значенія — по крайней мѣрѣ я не допустилъ бы этого. Но ген. Красновъ считалъ, что цѣль Семилѣтова, «находящагося всецѣло въ рукахъ кадетской партіи, поднять казаковъ противъ правительства и свергнуть его — атамана съ должности»**... Въ іюнѣ ген. Эльснеръ просилъ разрѣшенія ген. Краснова привлечь на службу въ армію иногороднихъ Донской области и получилъ отказъ, мотивированный тѣмъ, что «неокрѣпшія еще мѣстные власти не въ состояніи будутъ заставить иногороднее населеніе выполнить приказъ»***. Черезъ нѣсколько дней атаманъ, однако, отдалъ приказъ о наборѣ иногороднихъ Дона, формируя изъ нихъ полкъ, кадрами для котораго послужили... слѣдовавшіе въ Добровольческую армію офицеры лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. Онъ откровенно высказывалъ ген. Алексѣеву¹ надежду, «что получить гвардейскихъ офицеровъ отъ всѣхъ полковъ гвардіи»². Но Измайловцы не пошли, а инициаторъ этой затѣи, полковникъ Есимантовскій, формировавшій полкъ (потомъ бригаду), при помощи нѣсколькихъ офицеровъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, черезъ два мѣсяца, подчиняясь общему настроенію, писалъ уже покаянное письмо ген. Алексѣеву³: цѣлью его было только «привести въ Добровольческую армію готовый полкъ безъ расходовъ отъ нея». Есимантовскій испрашивалъ указаній, «когда и какъ сдѣлать переходъ въ армію»...

Наиболѣе остоженней доставилъ намъ вопросъ съ отрядомъ полковника Дроздовскаго. Прибывъ въ Новочеркасскъ 25 апрѣля, Дроздовскій въ тотъ же день донесъ мнѣ, что «отрядъ прибылъ въ мое распоряженіе» и «ожидаетъ приказаній». Но время шло, назрѣвалъ 2-й Кубанскій походъ, а начало его все приходилось откладывать: болѣе трети всей арміи — бригада Дроздовскаго — оставалась въ Новочеркасскѣ. Это обстоятельство препятствовало организационному сліянію ея съ арміей, нарушало всѣ мои расчеты и не давало возможности подготовить операцію, о которой было условлено съ ген. Красновымъ 15 мая⁴. По просьбѣ Краснова, отрядъ Дроздовскаго разбрасывался частями по области: конница дралась въ Сальскомъ округѣ, пѣхота употреблялась на «очистку отъ большевиковъ» Ростова и Новочеркасска, на карательныя экспедиціи по крестьянскимъ деревнямъ сѣвера области. Я требовалъ присоединенія бригады; Дроздовскій ходатайствовалъ объ оторочкѣ для отдыха, организаци и пополненія. Красновъ упраскивалъ Дроздовскаго не покидать Новочеркасскъ — публично, на парадѣ передъ строемъ, и болѣе интимно въ личныхъ разговорахъ съ Дроздовскимъ. Атаманъ порочилъ Добровольческую армію и ея вождей и уговаривалъ Дроздовскаго отложиться отъ арміи, остаться на Дону и самому возглавить добровольческое движеніе подъ общимъ руководствомъ Краснова⁵. Слухи объ этихъ переговорахъ и якобы колебаніяхъ Дроздовскаго⁶ дошли до офицеровъ его отряда и вызвали среди нихъ безпокойство. По просьбѣ офицеровъ, командиръ сводно-стрѣлковаго полка, полковникъ Жебракъ, обратился по этому поводу къ Дроздовскому и получилъ отъ него успокоительное завѣреніе.

* Такой наборъ разрѣшался всѣмъ арміямъ, кромѣ Добровольческой. Приказъ войску Донскому № 921.

** Отчетъ о разговорѣ ген. Краснова и Эльснера 18 октября.

Докладъ ген. Эльснера 7 іюня № 144.

¹ Письмо ген. Алексѣева мнѣ отъ 26 іюня № 59.

² Гвардейцы собирались тогда при 1-мъ офицерскомъ полку Добров. Арміи.

³ Отъ 31 августа.

⁴ Свиданіе въ Маньчской. См. ниже.

Докладъ полковника Дроздовскаго.

⁶ Долго еще Красновъ въ засѣданіяхъ правительства, пѣмцамъ и вообще при всякомъ удобномъ случаѣ повторялъ, что «отрядъ полк. Дроздовскаго покинетъ Добровольческую армію и перейдетъ на службу къ Донскому или Астраханскому (?) войску». Протоколъ засѣданія 26 іюня.

Подписке Дроздовскій такъ писалъ мнѣ о новочеркасскихъ интригахъ: «считая преступнымъ разъединять силы, направленные къ одной цѣли, не преслѣдуя никакихъ личныхъ интересовъ и чуждый мелочного самолюбія, думая исключительно о пользѣ Россіи и внося въ дѣла Ваши, какъ вождю, я категорически отказался войти въ какую бы то ни было комбинацію, во главѣ которой не стояли бы Вы»...

Я ждалъ присоединенія отряда, безъ чего нельзя было начинать операцію, атаманы всемірно противились этому и въ то же время... «настаивали на немедленномъ наступленіи — надо использовать настроеніе казаковъ, ихъ порывъ, надо воспользоваться растерянностью комиссаровъ»...

Послѣ бесѣды съ Жебракомъ Дроздовскій пріѣхалъ въ Мечетинскую, отрядъ его былъ зачисленъ въ составъ 3-й бригады въ Добровольческую армию и 23 мая выступилъ на соединеніе съ ней.

Всѣ эти неудачи не останавливали, однако, атамана передъ попытками созданія подчиненной ему «Россійской арміи». Свое недоумѣніе онъ высказалъ однажды въ письмѣ къ ген. Алексѣеву*: «на землѣ войска Донского, а теперь и виѣ ея я работаю совершенно одинъ. Мнѣ приходится изъ ничего создавать армию... снабжать, вооружать и обучать ее. Въ Добровольческой арміи много есть и генераловъ, и офицеровъ, которые могли бы взять на себя работу по созданію армій въ Саратовской и Воронежской губерніяхъ, но почему то они не идутъ на эту работу»... Красновъ не хотѣлъ понять, что его попытки обречены на неуспѣхъ просто въ силу психологій русскаго генералитета и офицерства, глубоко чуждой основнымъ положеніямъ атаманской политики. Попытки — выѣстъ съ тѣмъ неизбежно, даже независимо отъ чьей либо злой воли, ослаблявшія и разстраивавшія Добровольческую армию.

Ввиду явной неудачи формированія «Южной арміи», руководители ея вынуждены были передать ее въ полное подчиненіе генералу Краснову**. 30 сентября состоялся атаманскій приказъ о созданіи «Особой Южной арміи», въ составѣ которой должны были формироваться три корпуса: «Воронежскій» (бывшая «Южная армія»), Астраханскій (бывшая «Астраханская армія») и Саратовскій (бывшая «Русская Народная армія»). На новую армию возлагалась «защита границъ Всевеликаго войска Донского отъ натиска красногвардейскихъ бандъ и освобожденіе Россійскаго государства».

Возникъ вопросъ о возглавленіи арміи генераломъ съ обще-россійскимъ именемъ, чтобы привлечь такимъ образомъ офицерство. Но такого найти не удавалось. Съ ген. Щербачевымъ, жившимъ въ Яссахъ, атаманъ не смогъ войти въ связь. Ген. Драгомировъ, проѣзжая въ августѣ изъ Кіева черезъ Новочеркасскъ, «умышленно уклонился отъ встрѣчи съ Красновымъ», ибо — какъ онъ писалъ мнѣ впоследствии*** — «мы стояли на столь различныхъ точкахъ зрѣнія въ вопросѣ о дружбѣ съ нѣмцами, что нашъ разговоръ могъ бы имѣть результатомъ только крупную ссору, съ чего мнѣ вовсе не хотѣлось начинать свою дѣятельность на Югѣ Россіи». Тѣмъ не менѣе 30 сентября Красновъ обратился къ Драгомирову¹ съ предложеніемъ принять новую армию. Горячій Драгомировъ отвѣтилъ, что въ этомъ формированіи онъ «видитъ продолженіе той же нѣмецкой политики — divide et impera — которая привела нашу Родину къ пропастямъ» и потому «предложеніе этого поста равносильно (для него) оскорбленію»²...

Остановился Красновъ на Н. И. Ивановѣ. Къ этому времени дряхлый старикъ, Н. И., переживъ уже свою былую извѣстность, связанную съ вторженіемъ въ 1914 году армій Юго-западнаго фронта въ Галицію, проживалъ тихо и незамѣтно въ Новочеркасскѣ. Получивъ предложеніе Краснова, онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Екатеринодаръ, не желая принимать постъ безъ моего вѣдома. Я не противился, но не совѣтовалъ ему наклонѣ днѣй давать свое имя столь сомнительному предпріятію.

* Отъ 8 сентября № 172.

** Съ появія, послѣ паденія нѣмцевъ средства — 76 милліоновъ — обязался доставить гетманъ. Но до своего паденія отпустилъ только 4½ милліона.

*** Письмо отъ 3 августа 1922 года въ опроверженіе словъ ген. Краснова о личныхъ переговорахъ съ нимъ. («Архивъ рус. рев.», статья «Всев. войско Донское».)

¹ Тогда уже помощнику Главнокомандующаго Добровольческой арміей.

² Письмо отъ 12 октября № 148. Я ознакомился съ его содержаніемъ только послѣ отправки.

Однако, вернувшись въ Новочеркасскъ, Ивановъ согласился.

25 октября мы прочли въ газетахъ атаманскій приказъ о назначеніи Н. И., заканчивавшійся словами: «Донскія арміи восторженно привѣтствуютъ вождя ихъ новой арміи — арміи Россійской»...

Бѣдный старикъ не понималъ, что нуженъ не онъ, а бѣдная уже тѣнь его имени. Не зналъ, что пройдетъ немного времени и угасшую жизнь его незаинтересованный болѣе Красновъ передастъ исторіи съ такой эпитафіей: «пережитыя имъ (ген. Ивановымъ) въ Петербургѣ и Кіевѣ страшныя потрясенія и оскорбленія отъ солдатъ, которыхъ онъ такъ любилъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и немолодые уже годы его отозвались на немъ и нѣсколько разстроили его уметвенныя способности»...

Ген. Ивановъ умеръ 27 января, увидѣвъ еще разъ крушеніе своей арміи, особенно трагическое въ войскахъ Воронежскаго корпуса*.

* * *

Я шелъ съ арміей походомъ, вѣлъ ежедневно кровавыя бои, требовавшіе большого нравственнаго напряженія и извѣстнаго душевнаго равновѣсія... А изъ нашего тыла, изъ Новочеркасска все чаще шли вѣсти — возмущающія и волнующія. Это были не просто слухи, а факты, документы, основанные на словесныхъ и письменныхъ изліянiяхъ не въ мѣру злобствовавшихъ ненавистниковъ Добровольческой арміи.

Атаманъ въ засѣданiяхъ правительства, въ рѣчахъ и бесѣдахъ... командующій Донскою арміею ген. Денисовъ публично въ офицерскихъ собраніяхъ — поносили и Добровольческую армію, и вождей ея. Поносили все — нашу стратегію, политику, нравственный обликъ начальниковъ и добровольцевъ. «Достоверныя свѣдѣнія» о полномъ развалѣ Добровольческой арміи были любимой темой донскихъ руководителей**.

Даже самый походъ нашъ былъ заранѣе опороченъ. Въ засѣданіи 26 іюня Красновъ заявилъ***, что Добровольческая армія «оставила безъ всякаго предупрежденія Донскаго правительства въ ночь на 11 іюня линію Мечетинская — Кагальницкая, чѣмъ Донская армія поставлена въ крайне тяжелое положеніе, ибо получилось обнаженіе фронта». Этотъ упрекъ брошенъ былъ арміи, двинутой во Второй Кубанскій походъ, имѣвший одной изъ ближайшихъ задачъ освобожденіе Задонья и тотъ общій результатъ, который въ отчетѣ Кругу Денисова выраженъ былъ слѣдующими словами: «Быстрое движеніе войскъ и начало очищенія Сальскаго округа обозначились послѣ успѣховъ Добровольческой арміи, взявшей Торговую... Освободились (также) отъ противника южныя части Ростовскаго и Черкасскаго округовъ, отпала угроза Новочеркасску съ юга и вмѣстѣ съ тѣмъ мы смогли за счетъ Азовскаго и Тихорецкаго направленій усилиться на другихъ фронтахъ, а съ прибывшими подкрѣпленіями перейти къ болѣе активнымъ дѣйствіямъ»...

Отношенія верховъ отражались въ низахъ — особенно въ буйномъ, несдержанномъ новочеркасскомъ тылу. На этой нездоровой почвѣ пьяный скандалъ разрастался въ событіе, перебранка подгулявшихъ офицеровъ — въ оскорбленіе «Донскаго войска» или «Добровольческой арміи». Были, конечно, и чисто бытовыя причины недоразумѣній между «хозяевами» и «пришельцами». «Хозяева» были замкнуты въ кастовыхъ перегородкахъ, нѣсколько эгоистичны и не слишкомъ привѣтливы. Но, если правы были добровольцы, жалуюсь неоднократно на дурное отношеніе къ нимъ казаковъ, то и тѣ имѣли не разъ основаніе для такого отношенія въ поведеніи части добровольческаго офицерства: въ ихъ нескромной самооцѣнкѣ, въ полунезрительномъ отношеніи къ донскимъ частямъ, наконецъ, въ «назойливой бравадѣ монархическими идеями». Правда, эти отношенія складывались рѣзко только въ тыловыхъ гарнизонахъ, а если и отражались въ арміи, то въ гораздо болѣе умѣренныхъ формахъ. Вообще же въ массѣ своей добровольчество и донское казачество жили мирно, не слѣдуя примѣру своихъ вождей.

* Б. «Южная армія».

** Письма ген. Алексѣева и отчеты о засѣданіяхъ.

*** Изъ протоколовъ засѣданій.

Очевидно, въ этой расирѣ были не совѣтъ правы и мы. Ген. Алексѣевъ писалъ мнѣ 26 іюня: «отношенія (между атаманомъ и Добровольческой арміей) не хороши и предѣтъ намъ сильно... Въ особенности, принимая во вниманіе, что и ген. Денисовъ совѣтъ не принадлежитъ къ числу нашихъ друзей. Примѣру главныхъ дѣятелей слѣдуютъ исполнители. Полагаю, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ нужно измѣнить тонъ нашихъ сношеній, такъ какъ въ создавшейся атмосферѣ взаимнаго раздраженія работать трудно. И только когда мы окончимъ счеты, можно будетъ высказать все накопившееся на душѣ за короткое время съ 15 мая». М. В. упустилъ изъ виду одно — что почти вся ориентировка съ Дона исходила отъ него*. Только что онъ умѣлъ обыкновенно облачать эти отношенія въ вишніи дипломатическія формы, я же не постигъ этого искусства. Каждое его письмо дышало недовѣріемъ и осужденіемъ общей политики атамана и Денисова и ихъ отношеній къ Добровольческой арміи. Насколько глубоко было это недовѣріе, видно изъ переписки между ними, имѣвшей мѣсто въ августѣ:

10 августа ген. Алексѣевъ, находившійся тогда въ Екатеринодарѣ, подъ вліяніемъ донесеній изъ Новочеркасска, телеграфировалъ Краснову**: «негласно до меня доходятъ свѣдѣнія, что предпринимаются обыски и аресты моего политическаго отдѣла***. Если это правда, то такой актъ, ничѣмъ не вызванный, будетъ означать въ высокой мѣрѣ враждебное отношеніе къ Добровольческой арміи. Развѣ кровь арміи (пролитая) за Донъ позволяетъ такой унижительный шагъ».

Ген. Красновъ вѣроятно искренно отвѣтилъ: «я удивляюсь, что Ваше Высокопревосходительство доускаете думать, что такой актъ къ дружеской намъ Добровольческой арміи возможенъ. Прошу арестовать какъ злостныхъ провокаторовъ лицъ, распускающихъ такіе слухи. Враги Дона ни передъ чѣмъ не стѣсняются, чтобы вызвать вражду и недовольство въ той арміи, которой Донъ такъ многимъ обязанъ и въ которой виднѣтъ будущее Россіи!»...

Какъ жаль, что въ то же время у атамана и Денисова не находилось для этого «будущаго Россіи» иного эпитета, чѣмъ —

— Странствующіе музыканты.

Или:

— Банды!

Въ случайномъ признаніи атаномъ значенія арміи было, вѣроятно, и нѣкоторое отраженіе донскихъ настроеній... Вѣдь не только пафосъ и правила вѣжливости или «кадетская интрига» руководили Большимъ Войсковымъ Кругомъ — тѣмъ самымъ «мудрымъ» кругомъ, который переизбралъ атамана Краснова — когда Кругъ, собравшись осенью 18 г., обратился къ арміи съ отвѣтнымъ привѣтствіемъ: «...Съ чувствомъ глубокой радости (мы) выслушали братскій привѣтъ и пожеланія успѣха въ нашей работѣ. Слухи, доносившіеся къ намъ даже въ самые отдаленные хуторскіе углы о нарушенныхъ сердечныхъ отношеніяхъ съ вами, тревогой и скорбью отзывались въ нашихъ сердцахъ. Но теперь тревога разсѣяна... У Тихаго Дона нѣтъ достаточно сплѣнныхъ словъ для выраженія своихъ чувствъ преклоненія передъ вашими подвигами, но есть горячая любовь и искреннее желаніе не словами, а дѣломъ служить вамъ въ вашей тяжелой, святой работѣ»²...

Было два челоуѣка — Богаевскій и Эльнеръ — оба люди спокойные и уравновѣшенные, которые больше другихъ работали надъ тѣмъ, чтобы сгладить тренія между Новочеркасскомъ и ставкой Добровольческой арміи, но имъ это рѣшительно не удавалось. Что касается меня лично, то, чтобы не терять душевнаго равновѣсія и не создавать самому какихъ либо поводовъ для осложненій, я съ конца іюня 1918 г. прекратилъ совершенно переписку съ ген. Красновымъ; возобновилась она ненадолго, въ силу необходимости, только послѣ объединенія командованія въ 1919 году. Но атаманъ продолжалъ писать пространно моимъ помощникамъ, вызывая въ нихъ не разъ глубокое недоумѣніе.

* Ген. Алексѣевъ жилъ тогда въ Новочеркасскѣ.

** № 187.

*** Отдѣлъ оставался еще въ Новочеркасскѣ.

¹ 13 августа № 531.

Телеграмма № 10 отъ 18 августа 1918 года.

Представитель Д. А. на Дону ген. Зольнеръ

Такъ, въ октябрѣ 1918 года онъ писалъ ген. Драгомирову*:

«...У Васъ, послѣ тяжелыхъ боевъ прорвался Сорокинъ съ отрядомъ, и Ваши и мои враги пустили слухъ, что ген. Деникинъ нарочно выпустилъ его, чтобы не дать Краснову взять Царицынъ. Судите сами, Абрамъ Михайловичъ, такими слухами, такими грязными сплетнями на чью мельницу мы льемъ воду»...

Возмущенный ген. Драгомировъ 13 октября отвѣчалъ:

— «...Вашимъ вопросомъ — «на чью мельницу мы льемъ воду», Вы какъ будто возлагаете вину на насъ за эти сплетни... Неужели не ясно, что Добровольческая армія изъ силъ выбивается, чтобы сдержать напоръ большевиковъ, значительно превышающихъ (ее) въ силахъ и неизмѣримо обильнѣе снабженныхъ боевыми припасами. Неужели послѣдніе кровопролитные и упорнѣйшіе бои, въ коихъ гибли съ несравненнымъ героизмомъ офицерскія части арміи, даютъ кому либо право сколько нибудь серьезно останавливаться на приведенной Вами грязной сплетнѣ о выпускѣ Сорокина. Неужели по своей доброй волѣ Добровольческая армія два мѣсяца дерется изо дня въ день все на тѣхъ же позиціяхъ, а города и станицы періодически переходятъ изъ рукъ въ руки при всѣхъ ужасахъ, которыми сопровождаются для жителей эти переходы»...

Любопытно, кто же, однако, распространялъ «такія грязныя сплетни?»

Въ тѣ же дни** Красновъ писалъ въ Екатеринодаръ донекому представителю, ген. Смагину:

«...Мы ведемъ борьбу съ восемью совѣтскими арміями, въ то время, какъ противъ Добровольческой арміи только одна армія — Сорокина и та болѣе, чѣмъ на половину выпущена противъ насъ... Прибытіе отряда Сорокина*** и дивизіи Жлобы, не преслѣдуемыхъ по пятамъ добровольцами, и ударъ ихъ въ тылъ нашимъ войскамъ у Царицына произвели на казаковъ угнетающее впечатлѣніе»...

«...Конечно, это письмо только тема для Васъ. Оно не для огласки» — заканчивалъ ген. Красновъ.

*

Я чувствую, что посвятилъ слишкомъ много строкъ и вниманія розни «бѣдыхъ генераловъ». Но это было. Внося элементъ пошлости и авантюризма въ общій ходъ кровавой и страшной борьбы за спасеніе Россіи и отражаясь роковымъ образомъ на ея исходѣ.

* № 02 безъ даты.

** 13 октября № 010.

*** Сорокинъ никогда не выходилъ къ Царицыну. Какъ увидимъ позже, въ октябрѣ противъ Добровольческой арміи было большевнцкихъ войскъ 93 тыс. при 124 орудіяхъ.

ГЛАВА XVII.

Конституція Добровольческой власти. Внутренній кризисъ арміи: ориентаціи и лозунги.

Въ станицахъ Мечетинской и Егорлыкской жила Добровольческая армія — на «чужой» территоріи, представляя своеобразный бытовой и военный организмъ, пользовавшийся полнымъ государственнымъ иммунитетомъ.

Съ перваго же дня моего командованія, безъ какихъ либо переговоровъ, безъ приказовъ, просто по инерціи утвердилась та неписанная конституція Добровольческой арміи, которой до извѣстной степени разграничивался ранѣе кругъ вѣдѣнія генераловъ Алексѣева и Корнилова. Ген. Алексѣевъ сохранилъ за собою общее политическое руководство, вышнія сношенія и финансы, я — верховное управленіе арміей и командование. За все время нашего совмѣстнаго руководства этотъ порядокъ не только не нарушался фактически, но между нами не было ни разу разговора о предѣлахъ компетенціи нашей власти. Этимъ обстоятельствомъ опредѣляется всецѣло характеръ нашихъ взаимоотношеній и мѣра взаимнаго довѣрія, допускавшая такой своеобразный дуализмъ.

Щепетильность въ этомъ отношеніи ген. Алексѣева была удивительна — даже во вышнихъ проявленіяхъ. Помню, въ маѣ, въ Егорлыкской, куда мы пріѣхали оба бесѣдовать съ войсками, состоялся смотръ гарнизону. Несмотря на все мои просьбы, онъ не согласился принять парадъ, предоставивъ это мнѣ и утверждая, что «власть и авторитетъ командующаго не должны ничѣмъ умаляться». Я чувствовалъ себя не разъ очень смущеннымъ передъ строемъ войскъ, когда старый и всеми уважаемый вождь ѣхалъ за мной. Кажется одинъ только разъ, послѣ взятія Екатеринодара, я убѣдилъ его принять парадъ дивизіи Покровскаго, сказавъ, что я уже смотрѣлъ ее.

Въ то же время на всѣхъ засѣданіяхъ, конференціяхъ, совѣщаніяхъ по вопросамъ государственнымъ, на всѣхъ общественныхъ торжествахъ первое мѣсто безспорно и неотъемлемо принадлежало Михаилу Васильевичу.

Въ началѣ іюня, передъ выступленіемъ мной въ походъ, ген. Алексѣевъ переѣхалъ изъ Мечетинской въ Новочеркасскъ и попалъ сразу въ водоворотъ политической жизни Юга. Его присутствіе тамъ требовалось въ интересахъ арміи. Работая съ утра до вечера, онъ велъ сношенія съ союзниками, съ политическими партіями и финансовыми кругами, налаживалъ, насколько могъ, отношенія съ Дономъ, и своимъ авторитетомъ и вліяніемъ стремился привлечь отовсюду вниманіе и помощь къ горячо любимой имъ маленькой арміи.

Но временная наша разлука имѣла и свои отрицательныя стороны. При ген. Алексѣевѣ образовался «военно-политическій отдѣлъ», начальникомъ котораго сталъ полковникъ ген. штаба Лисовой. Этотъ «отдѣлъ» былъ пополненъ молодыми людьми, обладавшими повидимому повышеннымъ честолюбіемъ... Вскорѣ началась нервнирующая перешестка по мелкимъ недоразумѣніямъ между отдѣломъ и штабомъ арміи. Даже милѣйшій и добродушнѣйшій Эльснеръ сталъ жаловаться на «двоевластіе» въ Новочеркасскѣ и на Лисового, который «весьма ревностно слѣдитъ, не получаетъ ли кто либо,

а главное (онъ — Эльснеръ) какихъ либо политическихъ свѣдѣній помимо него». Были случаи и посерьезнѣе. Такъ, напримѣръ, совершенно неожиданно мы прочли въ газетѣ*, случайно попавшей въ армію, официальное уведомленіе отъ «военно-политическаго отдѣла», что уполномоченными представителями арміи по формированію пополненій («начальники центровъ») являются только лица, снабженные собственноручными письменными полномочіями ген. Алексѣева... Это сообщеніе поставило въ ложное положеніе меня и въ родъ самозванцевъ — начальниковъ разбросанныхъ повсюду по Украинѣ и Дону «центровъ» и вербовочныхъ бюро, которые назначались мною и руководились штабомъ. Въ архивѣ я нашелъ переписку, свидѣтельствующую, что это сдѣлано было самовольно «молодыми людьми». Положеніе осталось, конечно, прежнимъ.

По инициативѣ «отдѣла» и за подписью Лисового такъ же неожиданно появилось въ газетахъ сообщеніе, вносившее серьезное измѣненіе въ «конституцію» Добровольческой арміи. Въ этомъ сообщеніи «ввиду неправильнаго освѣдомленія общества» разъяснялась сущность Добровольческой іерархіи, причемъ ген. Алексѣевъ былъ названъ впервые «Верховнымъ руководителемъ Добровольческой арміи».

Такъ какъ въ моихъ глазахъ моральное главенство ген. Алексѣева было и безъ того неоспоримымъ, то официальное сообщеніе не могло внести въ жизнь арміи какихъ либо переменъ, тѣмъ болѣе, что практика «дуализма» осталась безъ ущерба. Мнѣ казалось лишь нѣсколько страннымъ, что узналъ я о новомъ положеніи изъ газетъ, а не непосредственно.

Объ этихъ эпизодахъ я никогда не поднималъ разговора съ ген. Алексѣевымъ.

Всѣ политическія сношенія, внутреннія и внѣшнія, велъ ген. Алексѣевъ, пересылая мнѣ изъ Новочеркасска исчерпывающія сводки личныхъ переговоровъ и подлинныя доклады съ мѣстъ. Съ большинствомъ исходившихъ отъ него лично письменныхъ сношеній я ознакомился только впоследствии. Но то взаимное довѣріе, которое существовало между нами, вполне гарантировало, что ни одного важнаго шага, измѣняющаго позицію Добровольческой арміи, не переговоривъ со мною, ген. Алексѣевъ не предприметъ. И я со спокойнымъ сердцемъ могъ вести армію въ бой.

Съ половины іюля М. В. былъ опять при штабѣ арміи — сначала въ Тихорецкой, потомъ въ Екатеринодарѣ, и личное общеніе наше устраняло возможность какихъ либо трений, создаваемыхъ извнѣ.

Добровольческая армія сохраняла полную независимость отъ политическихъ организацій, союзниковъ и враговъ. Непосредственно возлѣ нея не было и видныхъ политическихъ дѣятелей.

Между прочимъ, и на Дону были попытки организаціи государственной власти и возглавленія добровольческаго движенія, встрѣтившія отпоръ со стороны ген. Алексѣева: Родзянко совместно съ проживавшими въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ общественными дѣятелями усиленно проводилъ идею созыва верховнаго совѣта изъ членовъ всѣхъ четырехъ Думъ. Присылалъ гонцовъ и въ мою ставку. Писалъ мнѣ о необходимости «во что бы то ни стало осуществить (эту) идею», такъ какъ «въ этомъ одномъ спасеніе Россіи». Но при этомъ къ моему удивленію ставилъ «непремѣннымъ условіемъ», чтобы М. В. Алексѣевъ былъ абсолютно устраненъ изъ игры**. Я отвѣтилъ, что общее политическое руководство арміей находится въ рукахъ М. В., къ которому и слѣдуетъ обратиться по этому вопросу непосредственно... Алексѣева я не посвятилъ въ нашу переписку — и безъ того между нимъ и Родзянко существовали враждебныя отношенія.

Не было при насъ и никакого кадра гражданскаго управленія, такъ какъ арміи предстояло выполненіе частной временной задачи въ Ставропольской губерніи и на Кубани, и ген. Алексѣевъ, вовлеченный въ переговоры о созданіи обще-русской власти за Волгой, не считалъ пока нужнымъ создавать какой либо аппаратъ при арміи.

Мы оба старались всѣми силами отгородить себя и армію отъ мятущихся, борющихся политическихъ страстей и основать ея идеологию на простыхъ, безспорныхъ національныхъ символахъ. Это оказалось необычайно труднымъ. «Политика» врывалась въ нашу работу, врывалась стихійно и въ жизнь арміи.

*

«Вечернее Время» 18 года № 16.

** Письмо отъ 7 іюня.

Первый Кубанский поход оставил глубокий след в психике добровольцев, наполнив ее значительным содержанием — отзвуками смертельной опасности, жертвы и подвига. Но вместе с тем вызвал невольную моральную и физическую усталость. Издерганные нервы, утомленное воображение требовали отдыха и покоя. Хотелось не жить темного человеческого жизнью, а быть в обстановке семейного уюта, не слышать ежедневно артиллерийского гула.

Искушение было велико.

От Ростова до Киева и Некова были открыты пути в области, где не было ни войны, ни большевиков, где у многих оставались семьи, родные, близкие. Формальное право на уход из армии было неоспоримо: как раз в эти дни (май) для большинства добровольцев кончался обязательный четырехмесячный срок пребывания в армии... Ворвавшаяся в открытое «окно» жизнь поставила к тому же два острых вопроса — об «ориентации» и «политических лозунгах». Для многих — это был только повод нравственного обоснования своего ухода, для некоторых — действительно мучительный вопрос совести.

Кризис в армии принял глубокие и опасные формы.

Германофильство смутило сравнительно небольшую часть армии. Активными распространителями его в армейской среде были люди заведомо авантюристического типа: доктор Всеволоцкий, Ратманов, Сиверс и др., ушедшие из армии и теперь формировавшие на немецкие деньги в Ростов и Таганрог какие то «монархические отряды особого назначения»... Панченко, издававший грубые, демагогические «бюллетени» — чрезмерно угодливые и рассчитанные на слишком невежественную среду; в них, например, создавшаяся между Германией и Россией отношения объяснялись как результат «агитации наших социалистов, ибо главным врагом (своим) они почему то считали Императора Вильгельма, которого мировая история справедливо назовет Великим»*. Немецкие деньги расходовались широко, но непроизводительно. Впрочем, иногда шли достигли: начальником самого ответственного разведочного узла Добровольческой армии в Ростов какими то непостижимыми путями оказался некто «полковник Орлов»**, состоявший агентом немецкой контр-разведки и членом организации Всеволоцкого...

Влияние более серьезное оказывали киевские германофильские круги. Но и они не могли побороть прочно установившиеся взгляды военной среды, находя отклик главным образом в той части офицерства, которая либо искала поводов «выйти из бояни», либо не пользовалась немецкими обещаниями в качестве агитационного материала против командования.

Несравненно труднее обстоял вопрос с лозунгами.

«Великая, единая и неделимая Россия» — говорило уму и сердцу каждого отчетливо и ясно. Но дальше дело осложнялось. Громадное большинство командного состава и офицерства было монархистами. В одном из своих писем*** ген. Алексеев определил совершенно искренне свое убеждение в этом отношении и довольно верно офицерские настроения:

«...Руководящие деятели армии сознают, что нормальным ходом событий Россия должна подойти к восстановлению монархии, конечно, с теми поправками, кои необходимы для облегчения гигантской работы по управлению для одного лица. Как показали продолжительный опыт пережитых событий, никакая другая форма правления не может обеспечить целостность, единство, величие государства, объединить в одно целое разные народы, населяющие его территорию. Так думают почти все офицерские элементы, входящие в состав Добровольческой армии, ревниво следящие за тем, чтобы руководители не уклонились от этого основного принципа»¹.

Но в мае-июне настроение офицерства под влиянием активных правых

* Курсив подлинника.

** Как выяснилось впоследствии — человек с темным прошлым, по имени П. В. Добровольский.

*** Письмо к ген. Щербачеву от 31 июля 18 года.

¹ Я предпочитаю изобразить взгляд М. В. его собственными словами и утверждаю, что этот взгляд был присущ ему во всех стадиях нашей совместной деятельности на Юге России.

общественныхъ круговъ было значительно сложнѣе. Очень многіе считали необходимымъ немедленное официальное признаніе въ арміи монархическаго лозунга. Это настроеніе проявлялось не только внѣшнѣ въ демонстративномъ ношеніи романовскихъ медалей, цѣпчн гимна и т. п., но и въ нѣкоторомъ броженіи въ частяхъ и... убыли въ рядахъ арміи. Въ частности появились офицеры — агитаторы, склонявшіе добровольцевъ къ участию въ тайныхъ организаціяхъ; въ своей работѣ они злоупотребляли и именемъ в. кн. Николая Николаевича. Меня непріятно удивила однажды сцена во время военнаго совѣта передъ походомъ: Марковъ рѣзко отозвался о дѣятельности въ арміи монархическихъ организаціи; Дроздовскій вспылилъ:

— Я самъ состою въ тайной монархической организаціи... Вы не дооцѣниваете нашей силы и значенія...

*

Въ концѣ апрѣля въ обращеніи къ русскимъ людямъ я опредѣлилъ политическія цѣли борьбы Добровольческой арміи*. Въ началѣ мая мною, съ вѣдома ген. Алексѣева, былъ данъ наказъ представителямъ арміи, разосланнымъ въ разные города, для общаго руководства:

I. Добровольческая армія борется за спасеніе Россіи путемъ 1) созданія сильной дисциплинированной и патріотической арміи; 2) беспощадной борьбы съ большевизмомъ; 3) установленія въ странѣ единства государственнаго и правового порядка.

II. Стремясь къ совмѣстной работѣ со всѣми русскими людьми, государственно мыслящими, Добровольческая армія не можетъ принять партійной окраски.

III. Вопросъ о формахъ государственнаго строя является послѣдующимъ этапомъ и станетъ отраженіемъ воли русскаго народа, послѣ освобожденія его отъ рабочей неволи и стихійнаго помѣшательства.

IV. Никакихъ сношеній ни съ нѣмцами, ни съ большевиками. Единственно приемлемыя положенія: уходъ изъ предѣловъ Россіи первыхъ и разоруженіе и сдача вторыхъ.

V. Желательно привлеченіе вооруженныхъ силъ славянъ на основѣ ихъ историческихъ чаяній, не нарушающихъ единства и цѣлостности русскаго государства, и на началахъ, указанныхъ въ 1914 году русскимъ Верховнымъ главнокомандующимъ.

Оба эти обращенія нашли живой откликъ, но... не совѣтъ сочувственный.

Офицерство не удовлетворялось осторожнымъ «умолчаніемъ» Алексѣева — формулой, которая гласно не расшифровывалась, раздѣлялась многими старшими начальниками и въ цитированномъ мною выше письмѣ** была высказана вполне откровенно: «...Добровольческая армія не считаетъ возможнымъ теперь же принять опредѣленные политическіе лозунги ближайшаго государственнаго устройства, признавая, что вопросъ этотъ недостаточно еще назрѣлъ въ умахъ всего русскаго народа и что преждевременно объявленный лозунгъ можетъ лишь затруднить выполнение широкихъ государственныхъ задачъ».

Еще менѣе, конечно, могло удовлетворить офицерство мое «непредрѣшеніе» и въ особенности моя декларация съ упоминаніемъ объ «Учредительномъ собраніи» и «народоправствѣ». Начальники бригадъ доложили мнѣ, что офицерство смущено этими терминами... Такое же впечатлѣніе произвели они въ другомъ крупномъ центрѣ противобольшевическаго движенія — Киевѣ. Ген. Лукомскій писалъ мнѣ въ то время***: «...Я глубоко убѣжденъ, что это воззваніе вызоветъ въ самой арміи и смущеніе, и расколъ. Въ странѣ же многихъ отшатнетъ отъ желанія идти въ армію или работать съ ней рука объ руку. Можетъ быть, до васъ еще не дошелъ пущьсь бѣшенія страны, но долженъ Васъ увѣрить, что поправленіе произошло громадное. Что всѣ партіи, кромѣ социалстическихъ, видятъ единственной приемлемой формой конституціонную монархію. Большинство отрицаетъ возможность созыва новаго Учредительнаго собранія, а

* Декларация отъ 23 апрѣля. См. Т. II, гл. XXXI.

** Алексѣева къ Щербачеву.

*** 14 мая 18 года.

тѣ, кто допускають, считаютъ, что членами такового могутъ быть допущены лишь ценовые элементы. Вамъ необходимо высказаться болѣе опредѣленно и ясно»...

Миллюковъ сообщаетъ Ц. К. партіи въ Москву, что онъ «вступилъ уже въ сношенія съ ген. Алексѣевымъ, чтобы убѣдить его обратить Добровольческую армію на служеніе этой задачѣ»*. А кн. Г. Трубецкой нѣсколько позже въ своемъ донесеніи Правому Центру** недоумѣваетъ: «...какъ все перемѣнилось! Видѣ, какъ это ни дико, но для штаба Добровольческой арміи, нацпримѣръ, позиція Миллюкова слишкомъ правая, ибо они все еще не отделились отъ полнѣвшихъ побрыкушекъ, вродѣ Учредительнаго собранія, и не высказались еще за монархію».

Атмосфера въ арміи сгустилась и необходимо было такъ или иначе разрѣдить ее. Давъ волю тогдашнимъ офицерскимъ пожеланіямъ, мы отвѣтили бы и слагавшимся тогда настроеніямъ значительныхъ группъ несоціалистической интеллигенціи, но рисковали полнымъ разрывомъ съ народомъ, въ частности съ казачествомъ — тогда не только не склоннымъ къ пріятію монархической идеи, но даже прямо враждебнымъ ей.

Мы рѣшили поговорить непосредственно съ офицерами.

Въ станционномъ правленіи въ Егордынской были собраны все начальники, до взводнаго командира включительно. Мы не сговаривались съ ген. Алексѣевымъ относительно темъ бесѣды, но вышло такъ, что онъ говоритъ о нѣмцахъ, а я о монархизмѣ.

Въ пространный рѣчи ген. Алексѣевъ говоритъ о нѣмцахъ, какъ о «врагѣ — жестокомъ и безпощадномъ» — такомъ же врагѣ, какъ и большевики***... Объ ихъ нечестной политикѣ, объ экономическомъ порабощеніи Украины... О колоссальныхъ потеряхъ нѣмцевъ, объ истощеніи духовныхъ и матеріальныхъ силъ германской націи, о малыхъ шансахъ ея на побѣду... О Восточномъ фронтѣ... О томъ будущемъ, которое сулитъ Россіи связь съ Германіей: «политически — рабы, экономически — нищія»... Словомъ, обосновать два нашихъ положенія:

1) Союзъ съ нѣмцами морально недопустимъ, политически нецѣлесообразенъ.

2) Пока — ни мира, ни войны.

Я сказалъ кратко и рѣзко:

— «Была сильная русская армія, которая умѣла умирать и побѣждать. Но когда каждый солдатъ сталъ рѣшать вопросы стратегіи, войны или мира, монархіи или республики, тогда армія развалилась. Теперь повторяется, повидимому, то же. Наша единственная задача — борьба съ большевиками и освобожденіе отъ нихъ Россіи. Но этимъ положеніемъ многіе не удовлетворены. Требуютъ немедленнаго поднятія монархическаго флага. Для чего? Чтобы тотчасъ же раздѣлиться на два лагеря и вступить въ междоусобную борьбу? Чтобы тѣ круги, которые теперь сяди и не помогаютъ арміи, то ей и не мѣшаютъ, начали активную борьбу противъ насъ? Чтобы 30-тысячное ставропольское ополченіе, съ которымъ теперь идутъ переговоры и которое вовсе не желаетъ монархіи, усилило Красную армію въ предстоящемъ нашемъ походѣ? Да, наконецъ, какое право имѣемъ мы, маленькая кучка людей, рѣшать вопросъ о судьбахъ страны безъ ея вѣдома, безъ вѣдома русскаго народа?»

«Хорошо — монархическій флагъ. Но за этимъ послѣдуетъ естественно требованіе имени. И теперь уже политическія группы называютъ десятокъ именъ, въ томъ числѣ кощунственно въ отношеніи великой страны и великаго народа произносятся даже имя чужеземца — греческаго принца. Что же и этотъ вопросъ будемъ рѣшать по-ротно, или раздѣлимся на партіи и вступимъ въ бой?»

«Армія не должна вмѣшиваться въ политику. Единственный выходъ — вѣра въ своихъ руководителей. Кто вѣритъ намъ — пойдетъ съ нами, кто не вѣритъ — оставитъ армію.»

«Что касается лично меня, я борюсь за форму правленія не буду. Я веду борьбу только за Россію. И будьте покойны: въ тотъ день, когда я почувствую ясно, что

* Объединеніе Россіи путемъ контакта съ нѣмцами и возстановленіе конституціонной монархіи. Искъ 7 мая 18 г.

** 30 іюля 18 г.

*** Показательно, что изъ рядовъ послышалась произнесенная какимъ то хмурымъ полковникомъ фраза: — Да, но это врагъ — культурный...

біеніе пульса арміи расходится съ моимъ, я немедленно оставлю свой постъ, чтобы продолжать борьбу другими путями, которые сочту прямыми и честными.»

Мои взгляды въ отношеніи «политическихъ лозунговъ» нѣсколько расходились съ алексѣевскими: ген. Алексѣевъ принялъ формулу умолчанія — отнюдь, конечно, не по двосудію. Онъ не предусматривалъ насильственного утвержденія въ странѣ монархическаго строя, вѣря, что воспріятіе его совершится естественно и безболѣзненно. У насъ — мои взгляды раздѣляли всецѣло Романовскій и Марковъ — не было такой вѣры. Мы стояли поэтому совершенно искренне на точкѣ зрѣнія болѣе полнаго не-предрѣшенія государственнаго строя.

Я говорилъ объ этомъ открыто всегда. Въ началѣ — такъ же, какъ и въ концѣ своего командованія. Черезъ полтора года на «Верховномъ Кругѣ» въ Екатеринодарѣ мы опять придется коснуться этого вопроса*: «...Счастье родины я ставлю на первомъ планѣ. Я работаю надъ освобожденіемъ Россіи. Форма правленія для меня вопросъ второстепенный. Если когда либо будетъ борьба за форму правленія — я въ ней участвовать не буду. Но, нѣсколько не наслушавъ совѣтъ, я считаю одинаково возможнымъ честно служить Россіи при монархіи и при республикѣ, лишь бы знать увѣренно, что народъ русскій въ массѣ желаетъ той или другой власти. И повѣрьте, все ваши предрѣшенія праздны. Народъ самъ скажетъ, чего онъ хочетъ. И скажетъ съ такой силою и съ такимъ единодушіемъ, что всемъ намъ — большимъ и малымъ законодателямъ — придется только поклониться передъ его державной волей.»

Какъ бы то ни было, два основныхъ положенія — непредрѣшеніе формы государственнаго строя и невозможность сотрудничества съ нѣмцами — фактически нами были соблюдены до конца. Помню только два случая нѣкотораго колебанія, испытаннаго ген. Алексѣевымъ... Въ концѣ августа или началѣ сентября, будучи съ арміею въ походѣ, я получилъ отъ него письмо; подъ вліяніемъ доклада адмирала Ненюкова, ген. Алексѣевъ высказывалъ взглядъ относительно возможности войти въ соглашеніе съ германскимъ морскимъ командованіемъ по частному поводу включенія нашихъ коммерческихъ судовъ Новороссійскаго порта въ общій планъ черноморскихъ рейсовъ, организуемыхъ нѣмцами. Предложеніе исходило отъ ген. Гофмана и являлось, очевидно, первымъ шагомъ къ болѣе тѣснымъ сношеніямъ съ австро-германцами. Ген. Алексѣевъ пожелалъ знать мое мнѣніе. Я отвѣтилъ отрицательно, и вопросъ загложъ. Другой разъ въ Екатеринодарѣ я получилъ очередной докладъ «Азбуки» съ яркимъ изображеніемъ нарастающаго монархическаго настроенія и съ указаніемъ на непопулярность Добровольческой арміи, не выносящей открыто монархическаго лозунга... На докладѣ была резолюція ген. Алексѣева въ такомъ смыслѣ: «надо намъ, наконецъ, рѣшить этотъ вопросъ, Антонъ Ивановичъ, — такъ дальше нельзя». Я зашелъ въ тотъ же день съ Романовскимъ къ ген. Алексѣеву.

— Чѣмъ объяснить измѣненіе Вашихъ взглядовъ, Михаилъ Васильевичъ? Какія новыя обстоятельства вызвали его? Вѣдь настроеніе Дона, Кубани, ставропольскихъ крестьянъ намъ хорошо извѣстно и далеко неблагопріятно идеѣ монархіи. А про внутреннюю Россію мы ровно ничего не знаемъ...

Резолюція, повидимому, была написана подъ вліяніемъ минуты. Михаилъ Васильевичъ перемѣнилъ разговоръ и болѣе этой темы до самой его смерти мы не касались.

Возвращаюсь къ Егорлыцкому собранію.

Послѣ моей рѣчи ген. Марковъ попросилъ слова и отъ имени своей дивизіи заявилъ, что «все они вѣрятъ въ своихъ вождей и пойдутъ за ними». То же сдѣлалъ Эрдели**.

Мы ушли съ собранія, не вынеся опредѣленнаго впечатлѣнія объ его результатахъ. Но къ вечеру Марковъ, успѣвшій поговорить со многими офицерами, сказалъ:

— Отлично. Теперь публика поуспокоилась.

Рѣчь 16 января 1920 года.

** Въ Егорлыцкой стояли только 1-я (Марковъ) и Ковная (Эрдели) дивизіи. 2-я дивизія (Боровскій) — въ Мечетинской и 3-я (Дроздовскій) была еще въ Новочеркасскѣ.

ГЛАВА XVIII.

Внутренняя жизнь Добровольческой армии: традиции, вожди и войны. Генералъ Романовскій. Кубанскія настроенія. Матеріальное положеніе. Сложеніе армии.

Тяжело было налаживать и внутренний бытъ войскъ. Принципъ добровольчества, привлекая въ армию элементы стойкіе и мужественные, вмѣстѣ съ тѣмъ создавалъ нѣсколько своеобразныя формы дисциплины, не укладывавшіяся въ рамки старыхъ уставовъ. Положеніе множества офицеровъ на должности простыхъ рядовыхъ измѣняло характеръ взаимоотношеній начальника и подчиненнаго; тѣмъ болѣе, что елишь и рядомъ, благодаря новому притоку укомплектованія, рядовымъ бывалъ старый капитанъ, а его ротнымъ командиромъ подпоручикъ. Совершенно недопустимо было ежедневно мѣнять начальниковъ, но приходѣ старшихъ. Доброволецъ, безпрекословно шедшій подъ огонь и на смерть, въ обыкновенныхъ условіяхъ — на походѣ и отдыхѣ — не столь безпрекословно совершалъ не менѣе трудный подвигъ повиновенія.

Добровольцы были морально прикрѣплены къ армии, но не юридически. Создался укладъ, до нѣкоторой степени напоминавшій удѣльновѣчевой періодъ, когда «дружинники, какъ люди вольные, могли переходить отъ одного князя на службу другому».

Не менѣе трудно было установить правильныя отношенія со старшими начальниками. Необычныя условія формированія армии и ея боевая жизнь создавали нѣкоторымъ начальникамъ наряду съ извѣстностью, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой то своеобразный служебный иммунитетъ. Не кубанская рада, а ген. Покровскій, благодаря личному своему вліянію, собралъ и привелъ въ армию бригаду (потомъ дивизію) кубанскихъ казаковъ — вооруженную и даже хорошо сколоченную за время краткаго похода. И когда кубанское правительство настойчиво просило устранить его съ должности, выдвигая не слыхомъ обоснованное обвиненіе въ безотчетномъ израсходованіи войсковыхъ суммъ въ бытность его командующимъ войсками, явилось большое сомнѣніе въ цѣлесообразности этого шага...

Своимъ трудомъ, кипучей энергіей и преданностью національной идеѣ Дроздовскій создалъ прекрасный отрядъ изъ трехъ родовъ оружія и добровольно присоединилъ его къ армии. Но и оцѣнивалъ свою заступу не дешево. Позднѣе, какъ то разъ обиженный замѣчаніемъ по поводу неудачно проведенной имъ операціи, онъ писалъ мнѣ: «...Не взирая на исключительную роль, которую судьба дала мнѣ сыграть въ дѣлѣ возрожденія Добровольческой армии, а можетъ быть и спасенія ея отъ угнетенія, не взирая на мои заслуги передъ ней — (мнѣ) приходшему къ Вамъ не скромнымъ просителемъ мѣста или защиты, но приведшему съ собой вѣрную мнѣ крупную боевую силу, Вы не остановились передъ публичнымъ выговоромъ мнѣ»*...

Рапортъ Дроздовскаго — человека крайне нервнаго и вспыльчиваго заключалъ въ себѣ такія рѣзкія и несправедливыя нападки на штабъ и вообще былъ написанъ въ такомъ тонѣ, что, въ видахъ поддержанія дисциплины, требовалъ новой репрессіи, которая повлекла бы несомнѣнно уходъ Дроздовскаго. Но морально его уходъ былъ недопустимъ, являясь

27 сентября, № 027.

несправедливостью въ отношеніи человѣка съ такими дѣйствительно большими заслугами. Такъ же восприняли бы этотъ фактъ и въ 3-й дивизіи... Принципы вступили въ жестокую коллизію съ жизнью. Я, переживая остро этотъ эпизодъ, подѣлился своими мыслями съ Романовскимъ.

— Не беспокойтесь, Ваше превосходительство, вопросъ уже исчерпанъ.

— Какъ?

— Я написалъ вчера еще Дроздовскому, что рапортъ его составленъ въ такомъ рѣзкомъ тонѣ, что доложить его командующему я не могъ.

— Иванъ Павловичъ, да вы понимаете, какую тяжесть вызвали на свою голову...

— Это не важно. Дроздовскій писалъ очевидно въ запальчивости и раздраженіи. Теперь, поусокоившись, самъ, навѣрно, радъ такому исходу.

Прогнозъ Ивана Павловича оказался правильнымъ: вскорѣ послѣ этого случая я опять былъ на фронтѣ, видѣлъ часто 3-ю дивизію и Дроздовскаго. Последний былъ корректенъ, исполнителенъ и не говорилъ ни слова о своемъ рапортѣ. Но слухи объ этомъ эпизодѣ проникли въ армію и дали поводъ клеветникамъ чернить память Романовскаго:

— Скрывалъ правду отъ командующаго!..

Высокую дисциплину въ отношеніи командованія проявляли ген. Марковъ и полковникъ Кутеповъ. Но и съ ними были осложненія... Кутеповъ на почвѣ броженія среди гвардейскихъ офицеровъ, неудовлетворенныхъ «лозунгами» арміи, завелъ рѣчь о своемъ уходѣ. Я уговорилъ его остаться. Марковъ, послѣ одной небольшой операціи въ окрестностяхъ Егорлыкской, усмотрѣвъ въ сводкѣ, составленной штабомъ, неодобреніе его дѣйствіямъ, прислалъ мнѣ рапортъ объ увольненіи своемъ отъ службы. Развѣ возможенъ былъ уходъ Маркова? Генерала легендарной доблести, который самъ въ боевомъ активѣ арміи былъ равноцѣненъ дивизіи... Поѣхалъ Иванъ Павловичъ въ Егорлыкскую къ своему близкому — еще со временъ молодости — другу извиняться за штабъ...

Подчинявшіеся во время боевыхъ операцій всецѣло и безотказно моимъ распоряженіямъ, многіе начальники съ чрезвычайной неохотой подчинялись другъ другу, когда обстановка требовала объединенія группъ. Сколько разъ въ послѣдствіи приходилось мнѣ командовать самому на частномъ фронтѣ въ ущербъ общему веденію операціи, придумывать искусственные комбинаціи или предоставлять самостоятельность двумъ — тремъ начальникамъ, связаннымъ общей задачей.

Приказъ конечно былъ бы выполненъ, но... неискренне, въ несомнѣнный ущербъ дѣлу.

Такъ шли дни за днями, и каждый день приносилъ съ собою какое нибудь новое осложненіе, новую задачу, предъявляемую выбитой изъ колеи армейской жизнью. Выручало только одно: надъ всѣми побужденіями человѣческими у начальниковъ въ концѣ концовъ все же брало верхъ чувство долга передъ Родиной.

Особое положеніе занималъ И. П. Романовскій.

Я не часто упоминаю его имя въ описаніи дѣятельности арміи. Должность «начальника штаба» до извѣстной степени обезпчиваетъ человѣка. Трудно разграничить даже и мнѣ степень участія его въ нашей идейной работѣ по направленію жизни и операціи арміи — при той интимной близости, которая существовала между нами, при томъ удивительномъ пониманіи другъ друга и общности взглядовъ стратегическихъ и политическихъ.

Романовскій былъ дѣятельнымъ и талантливымъ помощникомъ командующаго арміей, прямолинейнымъ исполнителемъ его предначертаній и преданнымъ другомъ. Другомъ, съ которымъ я дѣлилъ нравственную тяжесть правленія и командованія и тѣ личныя переживанія, которыя не выносятся изъ тайниковъ души въ толпу и на совѣщанія. Онъ платилъ такимъ же отношеніемъ. Иногда — въ формахъ трогательныхъ и далеко не безопасныхъ. «Иванъ Павловичъ имѣлъ всегда мужество — говорить одинъ

изъ ближайшихъ его сотрудниковъ по штабу — принимать на себя разрѣшеніе всѣхъ, даже самыхъ несприятныхъ вопросовъ, чтобы оградить отъ нихъ своего начальника».

Ген. Романовскій былъ вообще слишкомъ крупной величиной самъ по себѣ и занималъ слишкомъ высокое положеніе, чтобы не стать объектомъ общественнаго вниманія.

Въ чемъ заключалась тайна установившихся къ нему враждебныхъ отношеній, которыя и теперь еще прорываются дикой, бессмысленной ненавистью и черной клеветой? Я тщательно и настойчиво искалъ отвѣта въ своихъ воспоминаніяхъ, въ письменныхъ матеріалахъ, оставшихся отъ того времени, въ письмахъ близкихъ ему людей, въ разговорахъ съ соратниками, въ памфлетахъ недруговъ... Ни одного реальнаго повода — только слухи, впечатлѣнія, подозрительность.

Служебной дѣятельностью начальника штаба, ошибками и промахами нельзя объяснить создававшееся къ нему отношенія. Въ большемъ дѣлѣ ошибки неизбежны. Было, вѣдь, много учреждений, несравненно болѣе «виновныхъ», много грѣховъ арміи и властей, неизмѣримо болѣе тяжелыхъ. Они не воспринимались и не осуждались съ такой страстностью.

Но стоитъ обратить вниманіе, откуда неуклюжительно шли и идутъ всѣ эти обвиненія, и станеть яснымъ ихъ чисто политическая подкладка. Самостоятельная позиція командованія, не отдававшая арміи въ руки крайнихъ правыхъ круговъ, была причиной ихъ вражды и поводомъ для борьбы — тѣми средствами, которыя присущи крайнимъ флангамъ русской общественности. Они ополчились противъ командованія и прежде всего противъ ген. Алексѣева, который представлялъ политическую идеологию арміи.

Для начала они стагали только репутаціи.

Самый благородный изъ крайнихъ правыхъ графъ Кедлеръ, рыцарь монархій и династій — человѣкъ прямой и чуждый интриги, но весьма элементарнаго политическаго кругозора — искренне вѣрилъ въ легенду о «мятежномъ генераль-адъютантѣ», когда писалъ ген. Алексѣеву: «вѣрю, что Вамъ, Михаилъ Васильевичъ, тяжело признаться въ своемъ заблужденіи; но для пользы и спасенія родины и для того, чтобы не дать нѣмцамъ разрознить послѣднее, что у насъ еще осталось, Вы обязаны на это пойти, покаяться откровенно и открыто въ своей ошибкѣ (которую я лично все же приписываю любви Вашей къ Россіи и отчаянію въ возможности побѣдоносно окончить войну) и объявить всенародно, что Вы идете за законнаго царя»...

Руководители Астраханской арміи еще лѣтомъ 18 года говорили представителямъ Праваго Центра: «Въ Добровольческой арміи должна быть произведена чистка... Въ составѣ командованія имѣются лица, противящіеся по существу провозглашенію монархическаго принципа, напримѣръ, ген. Романовскій».

«Относительно Добровольческой арміи — сообщала намъ организація Шульгина Совѣтъ монархическаго блока рѣшить придерживаться такой тактики: самой арміи не трогать, а при случаѣ даже подхваливать, но зато всемѣрно, всеми способами травить и дискредитировать руководителей арміи. На дняхъ правая рука герцога Г. Лейхтенбергскаго Алацатовъ въ одномъ домѣ прямо сказалъ, что для Россіи и дѣла ея спасенія опасны не большевики, а Добровольческая армія, пока во главѣ ея стоитъ Алексѣевъ, а у послѣдняго имѣются такіе сотрудники, какъ Шульгинъ...» Такая политика «правыхъ большевиковъ», по выраженію «Азбуки», приводила даже въ смущеніе просто правыхъ: Алексе. Бобринскій на дняхъ говорилъ: «я боюсь не лѣвыхъ, а крайнихъ правыхъ, которые, еще не побѣдивъ, проявляютъ столько изувѣрской злобы и нетерпимости, что становится жутко и страшно»...

Такое же настроеніе создавалось въ соответственныхъ кругахъ, группировавшихся въ арміи и возлѣ арміи, и такая же тактика примѣнялась ими.

Какъ составлялись репутаціи въ арміи, или вѣриле для арміи, объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо ко мнѣ ген. Алексѣева, относящееся къ этому періоду*: Въ засѣданіи донескаго правительства (24—25 іюня) атаманъ, по словамъ М. В., заявилъ: «ему достоверно извѣстно, что въ арміи существуетъ расколъ — съ одной стороны Дроздовцы, съ другой —

* Отъ 26 іюня, № 59.

Алексѣевцы и Деникинцы. Дроздовцы будто бы опредѣленно тянутъ въ сторону Юго-Восточнаго союза... Въ той группѣ, которую Красновъ называетъ общимъ терминомъ «алексѣевцы и деникинцы», тоже, по его мнѣнію, идетъ расколъ; я числюсь монархистомъ и это заставляеть, будто бы, нѣкоторую часть офицерства тяготѣть ко мнѣ; Вы же, а въ особенности Иванъ Павловичъ, считается опредѣленными республиканцами и чуть ли не социалистами. Несомнѣнно это отголоски, какъ я полагаю, нашихъ разговоровъ объ Учредительномъ собраніи»...

Человѣкъ серьезный, побывавшій въ Кіевѣ и имѣвшій тамъ общеніе со многими военными и общественными кругами, говоритъ о вынесенныхъ оттуда впечатлѣніяхъ*: «въ кіевскихъ группахъ создалось неблагопріятное и притомъ совершенно превратное мнѣніе о Добровольческой арміи. Болѣе всего подчеркиваютъ социалистичность арміи... Говорятъ, что «идеалами арміи является Учредительное собраніе, притомъ прежнихъ выборовъ...», что Авксентьевъ, Черновъ, пожалуй Керенскій и прочіе господа — вотъ герои Добровольческой арміи, но мы вѣдь знаемъ, что можно ждать отъ нихъ»...

Атака пошла противъ всего вышаго командованія. Но силы атакующихъ были еще слишкомъ ничтожны, а авторитетъ ген. Алексѣева слишкомъ высокъ, чтобы работа ихъ могла увѣнчаться серьезнымъ успѣхомъ. Съ другой стороны крѣпкая связь моя съ основными частями арміи и неизмѣнные боевые успѣхи ея дѣлали, вѣроятно, дискредитированіе командующаго не цѣлесообразнымъ и, во всякомъ случаѣ, не легкимъ... Главнѣйшій ударъ, поэтому, пришлось по линіи наименьшаго сопротивленія.

Отъ времени до времени въ различныхъ секретныхъ донесеніяхъ, въ которыхъ описывались настроенія арміи и общества, ставилось рядомъ съ именемъ начальника штаба сакраментальное слово — «соціалистъ». Нужно знать настроеніе офицерства, чтобы понять всю ту тяжесть обвиненія, которая ложилась на Романовскаго. Соціалистъ — олицетвореніе всѣхъ причинъ, источникъ всѣхъ бѣдъ, стрясшихся надъ страной... Въ элементарномъ пониманіи многихъ въ этомъ откровеніи относительно начальника штаба находили не разъ объясненія всѣхъ тѣхъ затрудненія, неудачи, неустройства, которыя сопутствовали движенію арміи и въ которыхъ повинны были судьба, я, штабъ, начальники или сама армія. Даже люди серьезные и непредубѣжденные иногда обращались ко мнѣ съ доброжелательнымъ предупрежденіемъ:

— У васъ начальникъ штаба — соціалистъ.

— Послушайте, да откуда вы взяли это, какія у васъ данныя?

— Всѣ говорятъ.

Слово было произнесено и внесло отраву въ жизнь.

Затѣмъ началась безудержная клевета.

Только много времени спустя я могъ уяснить себѣ всю глубину той пропасти, которую рыли черныя руки между Романовскимъ и арміей.

Обвиненія были неожиданны, бездоказательны, нелѣпы, всегда безличны и поэтому трудно опровержимы. «Мнѣ недавно стало извѣстнымъ — говоритъ генераль, непосредственно вѣдавшій организационными вопросами — что еще въ 1918 году готовилось покушеніе на Ивана Павловича за то, что онъ якобы противодѣйствовалъ формированію одной изъ Добровольческихъ дивизій... Ну можно ли это изобрѣсти про начальника штаба, только и думающаго о развитіи мощи арміи и болѣе всего о «добровольцахъ»... Одинъ изъ друзей Романовскаго, бывшій и оставшійся монархистомъ и правымъ, описываетъ ту «атмосферу интригъ», которая охватила его осенью 18 года, когда онъ пріѣхалъ въ Екатеринодаръ: «Многіе учли мой пріѣздъ — человѣка близкаго къ Ивану Павловичу, какъ могущаго вліять на него, и стали внушать мнѣ, что онъ злой гений Добровольческой арміи, ненавистникъ гвардіи, виновникъ гибели лучшихъ офицеровъ подъ Ставрополемъ... Съ мыслью вліять черезъ меня на Ивана Павловича, а слѣдовательно и на командующаго арміей разстался не сразу. И мѣсяца два моя скромная квартира не разъ посѣщалась людьми, имѣвшими цѣлью убѣдить меня, какой талантливый и глубоко государственный человѣкъ Кривошеинъ и т. д.... Посѣщенія эти рѣзко оборвались, какъ только убѣдился въ несклонности моей къ политической интригѣ»...

* Докладъ полковника Крейтера отъ 18 сентября.

Психологія общества, толпы, арміи потребує «героевъ», которымъ все прощается, и «виновниковъ», къ которымъ относятся безпощадно и несправедливо. Искусно направленная клевета выдвинула на роль «виновника» генерала Романовскаго. Этотъ «Баркстай-де-Толли» добровольческаго энуса принять на свою голову всю ту злобу и раздраженіе, которыя накапливались въ атмосферѣ жестокой борьбы.

Къ несчастью, характеръ Ивана Павловича способствовалъ усиленію непріязненныхъ къ нему отношеній. Онъ высказывалъ прямолинейно и рѣзко свои взгляды, не облачая ихъ въ принятія формы дипломатическаго лукавства. Вереницы бывшихъ и ненужныхъ людей являлись ко мнѣ со всевозможными проектами и предложеніями своихъ услугъ: я не принималъ ихъ; мой отказъ приходилось передавать Романовскому, который дѣлать это сухо, не разъ съ мотивировкой, хотя и справедливой, но обидной для просителей. Они уносили свою обиду и увеличивали число его враговъ. Я помню, какъ, однажды, послѣ горячаго спора о присоединеніи къ арміи одного отряда на полу-автономныхъ началахъ, Иванъ Павловичъ за столомъ у меня въ большомъ обществѣ обмолвился фразой:

— Къ сожалѣнію, къ намъ приходятъ люди съ такимъ провинціальнымъ самолюбіемъ...

Въ начальникѣ отряда — человѣкѣ доблестномъ, но своенравномъ онъ нажилъ врага... до смерти.

Весь ушедшій въ дѣло, работавшій до изнеможенія, онъ не умѣлъ показать достаточно вниманія, приласкать тѣхъ служилыхъ людей, которые съ утра до вечера толпились со своими нуждами въ его приемной. Они уносили также въ полки, въ штабы, въ общество представленіе о «черствомъ, бездушномъ формалистѣ»... И только немногіе близкіе знали, какой безконечной доброты полонъ былъ этотъ «черствый» человѣкъ и сколькихъ людей — даже враждебныхъ ему — онъ выручалъ, спасалъ отъ бѣды, иногда отъ смерти...

Объ отношеніи къ себѣ въ арміи и обществѣ Иванъ Павловичъ знаетъ и болѣлъ душой.

— Отчего меня такъ не любятъ?..

Этотъ вопросъ онъ задалъ одному изъ своихъ друзей, вращавшихся въ армейской гущѣ, и получилъ отвѣтъ:

— Не умѣешь расположить къ себѣ людей.

Однажды со скорбной улыбкой онъ и ко мнѣ обратился со своимъ недоумѣніемъ...

— Иванъ Павловичъ, вы близки ко мнѣ. Извѣстныя группы стремятся очернить васъ въ глазахъ арміи и монаховъ. Имъ нужно устранить васъ и поставить возлѣ меня своего человѣка. Но этого никогда не будетъ.

Кубанскіе казаки, входившіе въ составъ арміи, въ массѣ своей мало интересовались пока еще «оріентаціями» и «дозунгами» и, стоя на самой границѣ своей области, томились ожиданіемъ наступленія и освобожденія своихъ станицъ. Кубанское офицерство раздѣляло мятущееся настроеніе всего добровольчества.

Атаманъ и правительство придерживались союза съ Добровольческой арміей, не желая рисковать имъ для новыхъ комбинацій. 2 мая въ засѣданіи рады были установлены основныя положенія кубанской политики: 1) «Необходимость продолженія героической дѣятельности Добровольческой арміи, дѣйствующей въ полномъ согласіи съ кубанскимъ правительствомъ»... 2) «Въ настоящее время вооруженная борьба съ центральными державами является нецѣлесообразной... но необходимо принять всѣ мѣры для предотвращенія... продвигенія германской арміи въ предѣлы (края) безъ согласія на то кубанскаго правительства»... 3) «Необходимо полное единеніе съ Дономъ». 4) «Для заключенія (союза) съ Дономъ, выясненія цѣлей германскаго движенія и опредѣленія отношеній съ Украиной... отправить въ Новочеркасскъ, Ростовъ и Кіевъ делегаціи»*

* Протоколъ засѣданія 2 мая.

Назначение послѣднихъ двухъ делегацій вызывало нѣкоторое опасеніе и у насъ, и у атамана, оказавшееся необоснованнымъ. Делегація на Украину, добивавшаяся помощи матеріальной — военнымъ снабженіемъ и дипломатической — «чтобы на мирной конференціи между Украиной и Совѣтской республикой Кубанскій край не былъ включенъ въ составъ Р. С. Р.» — не достигла цѣли. Гетманское правительство дало понять делегаціи, предлагавшей «федерацію», что «безъ включенія Кубанскаго края въ составъ Украинской республики на автономныхъ правахъ (оно) не сможетъ оказать помощи Кубани»... Въ средѣ кубанскихъ правителей возникло опасеніе, что «при соединеніи на этихъ началахъ съ Украиной для нѣмцевъ возникнетъ возможность распространить на Кубань силу договора, заключеннаго Германіей съ Украиной со всѣми послѣдствіями»*.

Вопросъ остался открытымъ.

Точно также непосредственныя сношенія съ нѣмцами въ Ростовѣ ограничились взаимнымъ освѣдомленіемъ, а переговоры о Доно-Кавказскомъ союзѣ, какъ я говорилъ ранѣе, усиленно затягивались кубанцами. Кубанскій дипломатъ Петръ Макаренко неизмѣнно проводилъ взглядъ, что «кубанцы не являются противниками идеи Юго-Восточнаго союза, но воплощеніе его въ жизнь въ спѣшномъ порядкѣ при настоящихъ условіяхъ не является приемлемымъ».

Атаманъ, рада и правительство больше всего опасались, чтобы Добровольческая армія не покинула Кубани, отдавъ ее на растерзаніе большевиковъ, и чтобы на случай нашего ухода на сѣверъ область была обезпечена теперь же своей арміей. Послѣднее требованіе, имѣвшее главнымъ мотивомъ упроченіе политическаго значенія кубанской власти, привело бы къ полной дезорганизаціи арміи и встрѣтило поэтому рѣшительный отказъ командованія.

Между тѣмъ, въ самой средѣ кубанцевъ шла глухая внутренняя борьба. Съ одной стороны, социалистическое правительство и рада, съ другой, кубанское офицерство — возобновили свои старые неоконченные счеты. На этотъ разъ съ офицерствомъ шелъ атаманъ, полковникъ Филимоновъ, поддерживавшій періодически то ту, то другую сторону. Назрѣвалъ переворотъ, имѣвшій цѣлью установленіе единоличной атаманской власти.

30 мая состоялось въ Мечетинской собраніе, на которомъ атаманъ перечислялъ вину правительства и рады, «расхитившихъ его власть». Офицерство отвѣтило бурнымъ возмущеніемъ и недвусмысленнымъ призывомъ — расправиться со своей революціонной демократіей. Поздно ночью ко мнѣ пришли совершенно растерянные Бычъ — предсѣдатель правительства и полковникъ Савицкій — члены правительства по военнымъ дѣламъ; они заявили, что готовы уйти, если ихъ дѣятельность признается вредной, но просили оградить ихъ отъ самосуда, на который толкаетъ офицерство атаманъ.

Переворотъ могъ вызвать расколъ среди рядового казачества, а главное, толкнуть свергнутую кубанскую власть въ объятія нѣмцевъ, которые несомнѣнно признали бы ее, получавъ легальный титулъ для военнаго и политическаго вторженія на Кубань. Поэтому въ ту же ночь я послалъ письмо полковнику Филимонову, предложивъ ему не осложнять и безъ того серьезный кризисъ Добровольческой арміи.

Впослѣдствіи полковникъ Филимоновъ въ кругу лицъ, враждебныхъ революціонной демократіи, не разъ говорилъ:

— Я хотѣлъ еще въ Мечеткѣ покончить съ правительствомъ и радой, да генераль Деникинъ не позволилъ.

Такъ же отрицательно отнеслись къ этому факту и общественные круги, близкіе къ арміи; въ нихъ создалось убѣжденіе, что «тогда, на первыхъ порахъ была допущена роковая ошибка, которая отразилась въ дальнѣйшемъ на всемъ характерѣ отношеній Добровольческой арміи и Кубани»...

Я убѣжденъ, что прійти въ Екатеринодаръ — если бы насъ не предупредили тамъ нѣмцы — съ однимъ атаманомъ было дѣломъ совершенно легкимъ. Но долго ли онъ успѣлъ бы тамъ — не знаю. Въ то время во всѣхъ казачьихъ войскахъ было сильное стремленіе къ народоправству не только въ силу «завоеваній революціи», но и «по праву

* Объясненія Быча въ засѣданіи 10 іюня.

древней обыкновенности». Во всякомъ случаѣ, то, что сдѣлалъ на Дону Красновъ, оставивъ въѣзній декорумъ «древней обыкновенности» и сосредоточивъ въ своихъ рукахъ единоличную власть, было не подъ силу Филимонову.

Какъ бы то ни было, въ лицѣ кубанскаго казачества армія имѣла прочный и надежный элементъ. Офицерство почти поголовно исповѣдывало обще-русскую національную идею; рядовое казачество шло за своими начальниками, хотя многіе и руководствовались болѣе житейскими мотивами: «они только и думаютъ — говорить на засѣданіи ради одинъ кубанскій дѣятель — какъ бы скорѣе вернуться къ своимъ хатамъ, своимъ женамъ; они теперь охотно пойдутъ бить большевиковъ, но именно, чтобы вернуться домой».

Финансовое положеніе армій было поистинѣ угрожающимъ.

Наличность нашей казны все время балансировала между двухнедѣльной и мѣсячной потребностью армій. 10 іюня, т. е. въ день выступленія армій въ походъ, ген. Алексѣевъ на совѣщаніи съ кубанскимъ правительствомъ въ Новочеркасскѣ говорилъ: «...теперь у меня есть четыре съ половиной милліона рублей. Считая поступающіе отъ донскаго правительства 4 милліона, будетъ 8½ милліоновъ. Мѣсячный расходъ выражится въ 4 милліона рублей. Между тѣмъ, кромѣ указанныхъ источниковъ (ожиданіе 10 милл. отъ союзниковъ и донская казна) денегъ получить неоткуда... За послѣднее время получено отъ частныхъ лицъ и организаций всего 55 тысячъ рублей. Ростовъ, когда тамъ былъ приставленъ ножъ къ горлу, обѣщавъ дать 2 милліона... Но когда... немцы обезпечили жизнь богатыхъ людей, то оказалось, что оттуда ничего не получимъ... Мы уже рѣшили въ Ставропольской губ. не останавливаться передъ взиманіемъ контрибуцій, но что изъ этого выйдетъ, предсказать нельзя»*.

30 іюня ген. Алексѣевъ писалъ мнѣ, что, если ему не удастся достать 5 милл. рублей на слѣдующій мѣсяцъ, то черезъ 2—3 недѣли придется поставить безповоротно вопросъ о ликвидаціи армій...

Ряду лицъ, посланныхъ весной 18 года въ Москву и Вологду**, поручено было войти по этому поводу въ сношенія съ отечественными организациями и съ союзниками; у послѣднихъ, какъ указывалъ ген. Алексѣевъ, «не просить, а требовать помощи намъ» — помощи, которая являлась ихъ нравственной обязанностью въ отношеніи русской арміи... Денежная Москва не дала ни одной копѣйки. Союзники колебались: они, въ особенности французскій посолъ Нулансъ, не уясняли себѣ значенія Сѣвернаго Кавказа, какъ фланговаго района въ отношеніи создаваемого Восточнаго фронта и какъ богатѣйшей базы для немцевъ, въ случаѣ занятія ими этого района.

Послѣ долгихъ мытарствъ для армій черезъ Национальный Центръ было получено ген. Алексѣевымъ около 10 милліоновъ рублей, т. е. полутора-двухмѣсячное ея содержаніе. Это была первая и единственная денежная помощь, оказанная союзниками Добровольческой арміи.

Нѣкто Л., пріѣхавшій изъ Москвы для реализаціи 10-милліоннаго кредита, отпущеннаго союзниками, обойдя главные ростовскіе банки, вынесъ безотрадное впечатлѣніе: «...по завѣреніямъ (руководителей банковъ) всѣ капиталисты, а также и частные банки держатся выжидательной политики и очень не увѣрены въ завтрашнемъ днѣ».

Въ такомъ же положеніи было и боевое снабженіе. Получили нѣсколько десятковъ тысячъ ружейныхъ патроновъ и немного артиллерійскихъ отъ войска Донскаго; Дроздовскій привезъ съ собой свыше милліона патроновъ и нѣсколько тысячъ снарядовъ. Это были до смѣшного малая цифра, но мы давно уже не привыкли къ такимъ масштабамъ и поэтому положеніе нашего шарка считали почти блестящимъ. Техническая часть? Кромѣ полевыхъ пушекъ — 2 мортиры, 1 гаубица, 1 исправный броневой автомобиль...

* Отчетъ о совѣщаніи.

** Ген. Казановичъ, А. А. Ладыженскій, полковникъ Новосильцевъ, ротмистръ Шапроновъ.

Заведывающему Комитетом
Финансовым Отделом
Добровольческой Организации.

Мне как я-времени ответствен-
ности в Организации определен
вознаграждение от Московского
центра по 1000 руб. в месяц.

Ваше письмо по этому вопросу я не
получил этого вознаграждения за
январь, февраль, март и ап-
рель 1918.

Прошу, по Вашему желанию времени
по этому вопросу из-обратить внимание
Организации и провести ее по отве-
таю, чтобы не было вразброс
расчета от Московского центра

Генерал Селицкий

22 апреля 1918
Горьковского

Автограф генерала Алексеева

Было смѣшно и трогательно видѣть, какъ весь гарнизонъ станицы Егорлыкской ликовалъ при видѣ отбитаго 31 мая у большевиковъ испорченнаго броневика «Смерть кадетамъ и буржуйамъ», и съ какою радостью потомъ мечетинскій гарнизонъ смотрѣлъ на этотъ броневикъ, преобразенный въ «Генерала Корнилова» и появившійся на станичныхъ улицахъ. Нѣсколько дней и ночей, чтобы поспѣть къ походу, чинили его въ станичной кузницѣ офицеры — уставшіе и вымазанные до ушей, но теперь торжественно-серьезные...

Ген. Алексѣевъ выбивался изъ силъ, чтобы обезпечить матеріально армію, требовалъ, просилъ, грозилъ, изыскивалъ всевозможные способы, и все же существованіе ея висѣло на волоскѣ. Попржнему главныя надежды возлагались на снабженіе и вооруженіе средствами... большевиковъ. Михаилъ Васильевичъ шталъ еще большую надежду на выходъ нашъ на Волгу: «только тамъ могу я рассчитывать на полученіе средствъ» — писалъ онъ мнѣ. «Общанія Пармонова... въ силу своихъ отношеній съ царичинскими кругами обезпечить армію необходимыми ей денежными средствами разрѣшатъ благополучно нашу тяжкую финансовую проблему».

Въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ протекала наша борьба за существованіе арміи. Бывали минуты, когда казалось, все рушится, и Михаилъ Васильевичъ съ горечью говорилъ мнѣ:

— Ну что же, соберу все свои крохи, раздѣлю ихъ по братски между добровольцами и распушу армію...

Но мало по малу горизонтъ сталъ проясняться.

Еще въ маѣ Покровскій привелъ конную кубанскую бригаду, которая удивила всѣхъ своимъ стройнымъ — какъ въ до-революціонное время — ученіемъ; 3 іюня къ намъ пришелъ изъ большевицкаго района полкъ мобилизованныхъ тамъ казаковъ; черезъ два дня гарнизонъ Егорлыкскій съ недоумѣніемъ прислушивался къ сильному артиллерійскому гулу, доносившемуся издалека: то вели бой съ большевиками отколовшіяся отъ Красной арміи и въ тотъ же день пришедшія къ намъ въ Егорлыкскую одиннадцать сотенъ кубанскихъ казаковъ.

Въ концѣ мая прибыла и долгожданная бригада Дроздовскаго.

Въ яркій солнечный день у околицы Мечетинской на фонѣ зеленой допекой степи и пестрой радостной толпы народа произошла встрѣча тѣхъ, кто пришли изъ далекой Румыніи, и тѣхъ, кто вернулись съ Перваго Кубанскаго похода. Одни — отлично одѣтые, подтянутые, въ стройныхъ рядахъ, почти сплошь офицерскаго состава... другіе — «въ пестромъ обмундированіи, въ лохматыхъ папахахъ, съ большими недочетами въ равненіи и выправкѣ — недочетами, некупавшимися боевой славой добровольцевъ»*.

Встрѣча была поистинѣ радостная и искренняя.

Съ глубокимъ волненіемъ привѣтствовали мы новыхъ соратниковъ. Старый вождь, ген. Алексѣевъ, обнажилъ сѣдую голову и отдалъ низкій поклонъ «рыцарямъ духа, пришедшимъ издалека и влившимъ въ насъ новыя силы»...

И въ душу закрадывалась грустная мысль: почему ихъ только три тысяч**.

Почему не 30 тысячъ прислали къ намъ умиравшіе фронты великой ибкогда русской арміи... Впрочемъ, мало по малу начали поступать и другія укомплектованія. Во многихъ пунктахъ были уже образованы «центры» Добровольческой арміи и «вербовочныя бюро». Они снабжались почти исключительно мѣстными средствами — добровольными пожертвованіями, такъ какъ армейская казна была скудна, и ген. Алексѣевъ могъ посылать имъ лишь совершенно ничтожныя суммы***. Въ городахъ, освобожденныхъ отъ большевиковъ, сталкивались «вербовщики» нѣсколькихъ армій, въ томъ числѣ и самостоя-

* Впечатлѣнія дроздовца.

** Въ томъ числѣ 1340 штыковъ, 400 шапекъ.

*** Сохранились записи денегъ, ассигнованныхъ «на образованіе центровъ»: Одесскаго — 10 тысячъ рублей, Тираспольскаго — 5 тыс., Таганрогскаго — 3 тысячи и т. д.

тельные вербовщики бригады Дроздовскаго. Въ они примѣняли перѣдко неблаговидные приемы конкуренціи, запутывая и безъ того сбитое съ толку офицерство. Тѣмъ не менѣе оно текло въ армію десятками, сотнями, приноси иногда разобранные ружья и пулеметы; прилетали и «сбѣжавшіе» изъ подъ охраны нѣмцевъ и большевиковъ аэропланы...

Въ самый острый періодъ армейскаго кризиса, когда начался отливъ изъ арміи подъ формальнымъ предлогомъ окончанія четырехъ-мѣсячнаго договорнаго срока службы, и приказаль увольнять всѣхъ желающихъ въ трехнедѣльный отпускъ: захотятъ — вернутся, нѣтъ — ихъ добрая воля.

Въ послѣдніе дни передъ началомъ похода мимо дома, въ которомъ я жилъ, на окраинѣ станицы, по большой маньчжурской дорогѣ днемъ и ночью тянулись подводы: возвращались отпускные. Приобщившись на время къ вольной, мирной жизни, они бросили ее вновь и вернулись въ свои полки и батареи для неизвѣстнаго будущаго, для кровавыхъ боевъ, несущихъ съ собою новыя страданія, быть можетъ, смерть.

Добровольческая армія сохранилась.

Встрѣча отряда Дроздовскаго
въ Мечетинской

ГЛАВА XIX.

Красная армія.

Къ веснѣ 1918 года обнаружилась окончательно полная несостоятельность Красной гвардіи.

5-й сѣздъ совѣтовъ возстановилъ всеобщую воинскую повинность: «на каждомъ честномъ и здоровомъ гражданѣ въ возрастѣ отъ 18 до 40 лѣтъ лежитъ долгъ по первому зову Совѣтской Республики встать на ея защиту отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ... Изъ буржуазіи призывного возраста должно быть создано тыловое ополченіе для укомплектованія нестроевыхъ частей, служительскихъ и рабочихъ командъ».

На этихъ общихъ основаніяхъ началась организація «рабоче-крестьянской» Красной арміи. Строилась она на принципахъ старыхъ, отмеченныхъ революціей и большевиками въ первый періодъ ихъ властвованія, въ томъ числѣ на нормальной организаціи, единовластіи и дисциплинѣ.

Введено было «всеобщее обязательное обученіе военному искусству», основаны инструкторскія школы для подготовки команднаго состава, взяты на учетъ старый офицерскій составъ, привлечены поголовно къ службѣ офицеры генеральнаго штаба и т. д. Совѣтская власть считала себя уже достаточно сильной, чтобы влѣсть безъ опасенія въ ряды своей арміи десятки тысячъ «спеціалистовъ», заведомо чуждыхъ или враждебныхъ господствующей партіи...

Организація арміи шла съ великимъ трудомъ и большими препятствіями: инерція несенія государственной повинности была прервана, прежній двигатель борьбы — иноземное нашествіе — сильно поблекъ и къ тому же вытравлялся большевиками изъ народнаго сознанія, новый — буржуазная контръ-революція — не былъ воспринятъ въ должной мѣрѣ; другихъ стимуловъ не было; въ качествѣ побудительнаго фактора оставался лишь страхъ и принужденіе.

Русская жизнь этого періода (лѣто 1918 года) являетъ разительную аномалію народной психологіи, вытекавшую изъ недостаточно развитого политическаго и національнаго самосознанія русскаго народа. На огромномъ пространствѣ страны возникъ десятокъ правительствъ и десятокъ армій, отмѣченныхъ всѣми цвѣтами политическаго спектра, начиная съ Красной и кончая Южной. Всѣ они производили мобилизаціи на занятыхъ ими территорияхъ. Во всѣ шелъ народъ — съ превеликимъ нежеланіемъ, оказывая пассивное, очень рѣдко активное сопротивленіе, но все же шелъ и воевалъ, проявляя то высокую доблесть, то постыдное малодушіе; бросалъ «побѣжденныхъ», переходилъ къ «побѣдителямъ» и мѣнялъ красную кокарду на трехцвѣтный уголъ и наоборотъ съ такою легкостью, какъ будто это были только украшенія форменной одежды... Всѣ усилія красныхъ, бѣлыхъ и черныхъ вождей придать борьбѣ характеръ народный не увѣнчались успѣхомъ. За всѣ пять лѣтъ русской смуты происходилъ глубокий внутренній процессъ разложенія и сложенія социальныхъ слоевъ, были вспышки народнаго гнѣва, были міражи народнаго подъема, но вооруженной народной борьбы еще не было. Когда она начнется на самомъ дѣлѣ, то, въ какія бы формы ни вылился ея

политическіе лозунги, она будетъ національной, весьма скоротечной и положитъ конецъ великой смутѣ.

Первый призывъ военно-обязанныхъ былъ объявленъ совѣтскимъ декретомъ во второй половинѣ іюля. Пять призывныхъ возрастовъ (21—25-лѣтній) дали до 800 тысячъ солдатъ. Число это непытливо огромныя колебанія по пути отъ уѣздныхъ пріемниковъ до фронта. Тѣмъ не менѣе, къ 1 ноября совѣтская власть насчитывала на территории Россіи до полумилліона штыковъ и сабель.

Съ Красной арміей въ собственномъ смыслѣ слова мы встрѣтимся только поздней осенью. Мѣтомъ шла лишь подготовка и нѣкоторые преобразованія. Армія оставалась смѣшаннаго типа — частью изъ добровольцевъ, частью изъ людей, мобилизованныхъ на мѣстахъ — насильственно, безпорядочно, властью мѣстныхъ совѣтовъ или частныхъ войсковыхъ начальниковъ. Центральное управленіе употребляло большія успѣхи, чтобы собрать воедино множество возникшихъ самостоятельно отрядовъ и придать имъ организацію полковъ, дивизій, армій; чтобы взять въ свои руки волю «контръ-революціонныхъ начальниковъ» путемъ установленія за ними неусыпнаго наблюденія политическихъ комиссаровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заставить распущенную солдатскую массу повиноваться этимъ начальникамъ. Выборное начало было отмѣнено и если на практикѣ еще примѣнялось, то только въ отношеніи должностей не выше ротнаго командира. Уже въ іюнѣ къ намъ попалъ большевицкій приказъ, въ силу котораго упразднили войсковые комитеты; взамѣнъ ихъ въ частяхъ не выше полка допускались «комисси» съ контрольно-хозяйственными функціями. При этомъ приказъ предупреждалъ, что всякое вмѣшательство этихъ комиссій въ дѣйствія команднаго состава будетъ разсматриваться какъ контръ-революціонное выступленіе, и виновные будутъ разстрѣливаться...

Въ области репрессій были восстановлены всѣ прежніе виды наказаній до смертной казни включительно.

Я не буду останавливаться на другихъ военныхъ мѣропріятіяхъ совѣтской власти, въ силу разнообразныхъ причинъ никогда не достигшихъ преображенія Красной арміи въ дѣйствительно серьезную національную силу. Интересно отмѣтить лишь тотъ путь, которымъ пошли совѣты — путь рѣшительной и полной реставраціи во всемъ — въ строѣ, въ службѣ и бытѣ войскъ. Это явленіе было естественнымъ по той простой причинѣ, что Красная армія строилась исключительно умомъ и опытомъ «старыхъ царскихъ генераловъ». Участіе въ этой работѣ комиссаровъ Троцкаго и Подвойскаго, товарищей Аралова, Антонова, Сталина и многихъ другихъ было вначалѣ чисто фиктивнымъ. Они играли лишь роль надзирателей надъ работами арестантской артели и вмѣстѣ съ тѣмъ учились исподволь у своихъ «арестантовъ» ихъ сложному и новому для себя искусству; одни оставались неучами, другіе преуспѣвали — по крайней мѣрѣ въ такой степени, чтобы отличить мѣру явно цѣлесообразную отъ грубой провокаціи.

Одни дали разумъ, другіе внесли волю.

Всѣ органы центральнаго военнаго управленія возглавлялись генералами-сценіапистами — особенно широко былъ представленъ генеральный штабъ — работавшимъ подъ неослабнымъ надзоромъ коммунистовъ. Почти всѣ фронты* и большинство красныхъ армій имѣли во главѣ старшихъ начальниковъ старой арміи. Периодически на большевицкомъ горизонтѣ вспыхивали довольно яркими звѣздами самородные таланты, рожденные войной и революціей, но это были лишь рѣдкія исключенія, и вся сила, вся организація Красной арміи покоилась на старомъ генералитетѣ и офицерствѣ.

Первое время, кромѣ десятка авантюристовъ, еще въ начальный періодъ революціи оторвавшихся отъ идеологіи офицерства и теперь безоглядно шедшихъ съ большевиками, весь прочій генералитетъ, поступившій на службу, былъ имъ враждебенъ.

* Сѣверный — противъ Архангельска (ген. Парскій), Восточный — на Волгѣ (полк. Каменевъ), Южный — противъ Дона (ген. Сытинъ), Западный — на фронтѣ нѣмецкой оккупации, Сѣверо-Кавказскій — противъ Добровольческой арміи, частью противъ Дона (ген. Сибиревъ).

Наборъ красноармейцевъ

Почти все они находились в сношениях с московскими Центрами и Добровольческой армией. Не раз к нам поступали от них запросы о допустимости службы у большевиков... Они оправдывали свой шаг вначале необходимостью препятствовать германскому вторжению, потом «недолговечностью большевизма» и стремлением «кабинетным путем разработать все вопросы по воссозданию русской армии и пристроить так или иначе голодных офицеров». Жизнь отбита им годами террора, «внутренних фронтов» и прямым участием в междоусобной борьбе. Часть их перешла впоследствии в противобольшевистские армии, другая была последовательно истреблена большевиками, остальных засосало большевицкое болото, в котором нашли успокоение и человеческая низость, и многие подлинные душевные драмы.

Московские Центры поощряли вхождение в советские военные учреждения и на командные должности доверенных лиц, с целью осведомления и нанесения большевизму возможного вреда. Я лично решительно отвергал допустимость службы у большевиков, хотя бы и по патристическим побуждениям. Не говоря уже о моральной стороне вопроса, этот шаг представлялся мне совершенно нецелесообразным. От своих единомышленников, занимавших видные посты в стане большевиков, мы решительно не видели настолько реальной помощи, чтобы она могла оправдать их жертву и окупить приносимый самым фактом их советской службы вред. За 2½ года борьбы на Юге России я знаю лишь один случай умышленного срыва крупной операции большевиков, серьезно угрожавшей мощи армией. Это сдѣлалъ человекъ съ высокимъ сознаниемъ долга и незауряднымъ мужествомъ; поплатился за это жизнью. Я не хочу сейчасъ называть его имя... Были, конечно, переходы къ намъ на фронтъ отдельныхъ лицъ и цѣлыхъ «красныхъ» частей, но въ общемъ операции большевиковъ протекали довольно планомерно, иногда талантливо, поскольку это зависѣло отъ высшего командованія, а не исполнителей.

Рядовое офицерство уничтожалось или насильственно привлекалось въ Красную армию. Жизнь раздѣлила рѣзко старый офицерскій составъ на три группы. Въ первой — весьма малочисленной — были «стоящіе на советской платформѣ» — коммунисты искренніе или «октябрьскіе», во всякомъ случаѣ настолько скомпрометированные своимъ близкимъ участием въ кровавой работѣ большевиковъ, что видъ советскаго строя имъ выхода не было... Во второй — столь же малочисленной — такъ называемые «контръ-революционеры», невзирая на необычайный гнѣтъ, сыскъ и терроръ советской власти, работавшіе активно противъ нея. Работа эта проявлялась въ разрозненныхъ вспышкахъ, возстаніяхъ, покушеніяхъ, въ переходѣ на сторону «бѣлыхъ армій» и т. д. Свидѣтельствуя о высокомъ самоотверженіи участниковъ, эти факты имѣли тѣмъ не менѣе эпизодическій характеръ, мало отражаясь на общемъ ходѣ событій. Наконецъ, третья группа — наиболѣе многочисленная, брошенная въ ряды Красной армии голодомъ, страхомъ, принужденіемъ, раздѣлила общую судьбу русской интеллигенціи, обратившейся въ «спецовъ». Страдающіе морально или безпечные, нуждающіеся или берущіе отъ жизни все, что можно, они слились въ одну массу дояльныхъ советскихъ работниковъ. Но неприглядность положенія и неспокойная совесть заставляли ихъ искать болѣе высокихъ идеологическихъ обоснованій своей жертвы или паденія. Для немногихъ представителей революціонной демократіи это былъ временный этапъ — гораздо болѣе близкій и родственныи, чѣмъ ненавистный имъ «бѣлый станъ»; этапъ, приближающій къ устроению социалистическаго отечества, арена идейной пропаганды, имѣющей цѣлью «превратить армию изъ средства порабошенія широкихъ народныхъ массъ въ реальную вооруженную силу демократіи». Для многихъ правыхъ — такой же этапъ, только на другомъ пути: «мы убѣжденные монархисты, но не возстанемъ и не будемъ возставать противъ советской власти потому, что разъ она держится, значить, народъ еще недостаточно хочетъ царя. Соціалистовъ, кричащихъ объ Учредительномъ собраніи, мы ненавидимъ не меньше, чѣмъ ихъ ненавидятъ большевики. Мы не можемъ бить ихъ самостоятельно, мы будемъ ихъ уничтожать, помогая большевикамъ. А тамъ, если судьба будетъ угодно, мы и съ большевиками расчитаемся»*... Наконецъ, и тогда уже, лѣтомъ 18 года послышались

* Докладъ капитана гв. Энгельгарта о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ съ Восточнаго — противоческаго фронта.

тѣ мотивы, которые въсѣдѣствіи съ большимъ опозданіемъ восприняли Устряловъ и прочіе смѣнливцы: бѣлое движеніе не опирается на народъ и раздробляетъ Россію; большевизмъ — явленіе чисто народное, объединяющее страну; большевизмъ погибнетъ самъ, когда народъ изживетъ его; сопротивление бесполезно и задерживаетъ лишь естественный историческій процессъ...

Какъ бы то ни было, совѣтская власть можетъ гордиться тѣмъ искусствомъ, съ которымъ она поработила волю и мысль русскаго генералитета и офицерства, сдѣлавъ ихъ невольными, но покорнымъ орудіемъ своего укрѣпленія. Воспринявъ большевизмскую практику, эти люди, конечно, попрежнему чужды большевизмской идеологій. Настанетъ день, когда и они вмѣстѣ съ народомъ приложатъ руку къ спасенію страны — совершенно искренно и даже съ энтузіазмомъ. И будутъ отрицать тогда, что вѣдь благодаря и ихъ трудамъ спасеніе это пришло такъ поздно...

Жизнь Красной арміи въ тотъ переходный періодъ протекала чрезвычайно разнообразно. Были, однако, общія черты, свойственныя частямъ всѣхъ фронтовъ. Формировались части по распоряженію штабовъ и совдеповъ, но чаще по частной инициативѣ. Принимали названіе по мѣстности формированія, иногда по фантазій организатора: «Черная Хмара», «Гроза буржуазіи», «Пятый неустрашимый» и т. д. Отдѣльные отряды совершенно произвольной численности жили полу-самостоятельной жизнью, входя въ составъ «колоннъ», дивизій, армій. Жили на мѣстныя средства — реквизиціей и грабежомъ, рѣдко имѣя связь съ довольствующими учрежденіями. Умирали въ нихъ люди массами — отъ постоянныхъ боевъ и еще болѣе — въ результатъ потрясающаго неустойства санитарной части.

Основное ядро полковъ, отрядовъ составляли обыкновенно «коммунистическая ячѣйка», матросы и деклассированные элементы — старые солдаты, по тѣмъ или другимъ причинамъ не вернувшіеся домой и обратившіе военную службу въ ремесло. Изъ послѣднихъ выбиралось обыкновенно ротное начальство — несвѣдущее въ военномъ дѣлѣ, но восполнявшее до нѣкоторой степени отсутствіе военного образованія дѣлительнымъ опытомъ и зачастую отмытымъ знаніемъ психологій своихъ подчиненныхъ. Охотно выбирали въ командиры и старыхъ офицеровъ, отношеніе къ которымъ значительно перемѣнилось въ сравненіи съ первымъ періодомъ революціи. Иногда назначали ихъ насильно, противъ воли, такъ какъ власть приносила тогда больше терній, чѣмъ розъ. Должно быть сроднило общее несчастье и одинаковый гнетъ со стороны коммунистовъ. Главную массу арміи составляло попрежнему крестьянство — инертное и не воинственное.

Наконецъ, огромную роль въ утвержденіи коммунистической власти, въ особенности вначалѣ, играли отряды наемниковъ — латышей, китайцевъ, плѣнныхъ венгровъ и нѣмцевъ. Полное непониманіе совершающихся событій, презрѣніе къ странѣ и народу, холодная страшная жестокость и садизмъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тревожное чувство обреченности и грядущаго возмездія — дѣлали этотъ элементъ чрезвычайно удобнымъ, слѣпымъ и покорнымъ, орудіемъ въ рукахъ совѣтской власти. Эти отряды составляли личную охрану совѣтскихъ самодержцевъ, комплектовали кадры палачей въ че-ка и въ арміи, участвовали во всевозможныхъ карательныхъ экспедиціяхъ, усмиряли крестьянскія возстанія, пестрели интеллигенцію и «бѣлыхъ», подогрѣвали съ тыла пулеметами духъ красныхъ вопновъ и направлялись съ непокорными честолюбцами, появившимися время отъ времени среди краснаго командованія.

Эта своеобразная «интервенція», примѣненная народными комиссарами, своими кровавыми образами запечатлѣлась надолго въ памяти русскаго народа.

Изъ томъ 18 года сводки штаба Добровольческой арміи устанавливали «рѣзко бросающуюся въ глаза черту Красной арміи: борьбу между начальниками, старавшимися установить порядокъ, и подчиненными — пассивно, иногда активно сопротивлявшимися

Смотръ красной арміи (Парицѣиъ)

Смотръ красной арміи (Царицынъ)
(Начальство)

этому... Приказы и телеграммы полны жалобъ, указаній, увѣщаній, угрозъ. Наиболѣе распространены въ арміи неисполненіе приказаній, небрежное несеніе службы, самовольное оставленіе фронта, насплія, грабежи, пьянство». Обученіе отсутствовало почти вовсе. Жизнь въ войскахъ принимала такой тяжелый и сумбурный характеръ, что, подъ вліяніемъ болѣе разумнаго элемента, въкоторыя части сами выносили постановленія о примѣненіи въ нихъ суровыхъ мѣръ наказанія, включительно до розогъ и смертной казни.

Красная армія въ переходный періодъ жила еще преемственно традиціями «революціонной арміи» 17 года, и потому боевая годность ея была весьма относительной. Но она шла массами. Стихійная тяга къ землѣ, къ дому, просто къ мирной жизни вызывала дезертирство въ небывалыхъ размѣрахъ, особенно лѣтомъ, обращая красныя части въ проходные этапы, черезъ которые передвигалась человѣческая волна. Ушедшихъ замѣняли новые люди — иногда явившіеся добровольно, чаще взятые насильно. И они шли опять массами, подгоняемые пулеметами «карательныхъ отрядовъ», побуждаемые страхомъ столько же, сколько и злобой, подогрѣваемые надеждой на скорое окончаніе безумной кровавой борьбы. А на территоріяхъ, пораженныхъ войной, люди подымались съ наспяженныхъ мѣстъ, разоряли свои хозяйства и шли куда глаза глядятъ, безъ толку и безъ смысла. За арміей двигался громаднй обозъ съ добромъ красноармейцевъ — своимъ и награбленнымъ, съ женщинами, которыя ихъ ссорили и развращали, съ дѣтьми, которыя ихъ связывали.

Казалось тогда, что въ толщѣ народной слагается безразличное отношеніе къ вопросу — кто побѣдитъ: лишь бы скорѣе конецъ.

ГЛАВА XX.

Второй кубанскій походъ: силы и средства сторонъ; театръ; планъ операціи.

Къ началу 2-го Кубанскаго похода, т. е. въ июнь мѣсяцъ 1918 г., составъ Добровольческой арміи былъ слѣдующій:

Штабъ арміи:

Начальникъ штаба генералъ Романовскій.
Начальникъ строевого отд.* генералъ Трухачевъ.
Начальникъ снабженія полк. Мальцевъ.
Инспекторъ артиллеріи генералъ Невадовскій.
Нач. санитарн. части Н. М. Родзянко.

1 дивизія (генералъ Марковъ):

1-й Офицерскій пѣхотный полкъ**.
1-й Кубанскій стрѣлковый полкъ.
1-й Конный полкъ**.
1-я отдѣльная легкая батарея (3 орудія).
1-я инженерная рота.

2-я дивизія (генералъ Боровскій):

Корниловскій ударный полкъ.
Партизанскій пѣхотный полкъ.
Улагасевскій пластуновскій батальонъ.
4-й Сводно-кубанскій полкъ (конный).
2-я отдѣльная легкая батарея (3 орудія).
2-я инженерная рота.

3-я дивизія (полковникъ Дроздовскій).

2-й Офицерскій стрѣлковый полкъ.
2-й Конный полкъ***.
3-я отдѣльная легкая батарея (6 орудій).
Конно-горная батарея (4 орудія).
Мортирная батарея (2-mortиры).
3-я инженерная рота¹.

1-я конная дивизія² (генералъ Эрдели).

1-й Кубанскій казачій полкъ.
1-й Черкесскій конный полкъ.
1-й Кавказскій казачій полкъ.
1-й Черноморскій казачій полкъ.

1-я Кубанская казачья бригада (генералъ Покровскій).

2-й Кубанскій казачій полкъ.

* Въ концѣ мѣсяца строевой отдѣлъ былъ раздѣленъ на управленіе генералъ-квартирмейстера и дежурнаго генерала, во главѣ которыхъ стали полковникъ Сальниковъ и генералъ Трухачевъ.

** Оставался временно въ Новочеркасскѣ.

*** Часть его съ 2 орудіями оставалась въ Донской арміи.

¹ Сформирована на походъ.

² Придана была къ ней часть конно-горной батареи дивизіи Дроздовскаго.

3-й Кубанскій казачій полкъ.

Взводъ артиллеріи (2 орудія).

Кромѣ того: Пластунскій батальонъ, одна гаубица и броне-автомобили «Вѣрный», «Корниловецъ» и «Добровольецъ»*.

Всего въ арміи состояло 5 полковъ пѣхоты, 8 конныхъ полковъ, 5½ батарей, общей численностью 8½—9 тысячъ штыковъ и сабель и 21 орудіе.

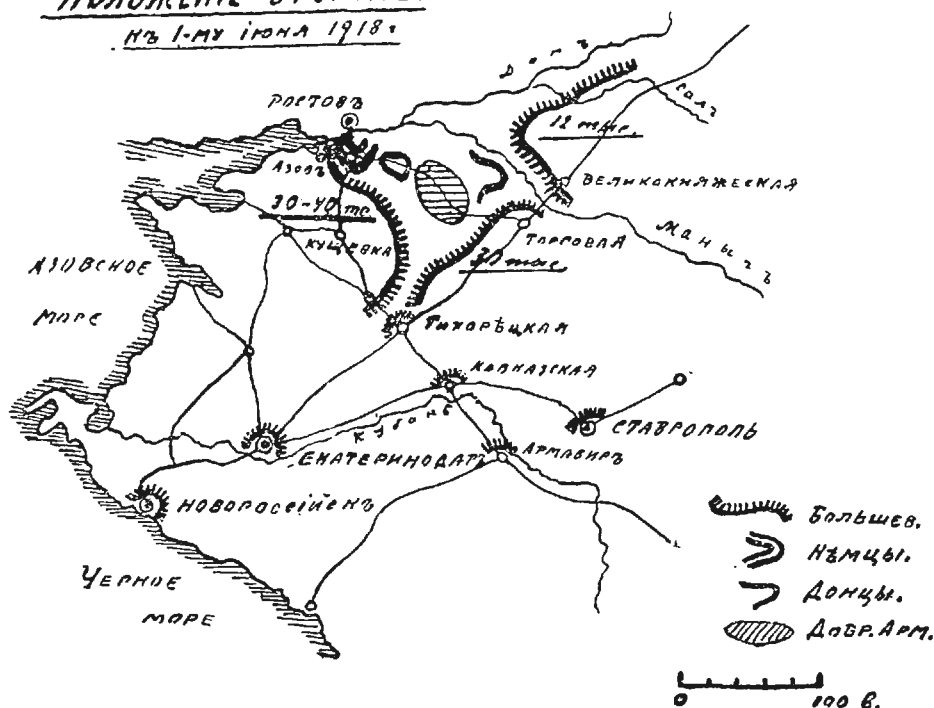
На первый періодъ операцій арміи былъ подчиненъ отрядъ донскихъ ополченій полковника Быкадорова силою около 3½ тысячъ съ 8 орудіями; отрядъ этотъ дѣйствовалъ по долинѣ Маныча.

*

Противъ насъ на Сѣверномъ Кавказѣ располагалась Сѣверо-кавказская красная армія, плохо подчинявшаяся центру и не прочно связанная внутри, ввиду соревнованія самостоятельныхъ республикъ — Кубанской, Черноморской, Терской и Ставропольской**.

ПОЛОЖЕНІЕ СТОРОНЪ.

на 1-му іюня 1918 г.

Главнокомандующимъ былъ Автономовъ, который за все время своего пребыванія во главѣ войскъ, съ 1 апрѣля по 10 мая, велъ ожесточенную борьбу съ гражданской властью Кубано-черноморской республики (Ц. И. К.). Его поддерживали войсковые начальники, въ томъ числѣ Сорокинъ. Въ началѣ апрѣля Ц. И. К., боявшійся диктаторскихъ стремленій Автономова, отрѣшилъ его отъ командованія и должность главнокомандующаго замѣнилъ «чрезвычайнымъ штабомъ обороны», въ который вошло семь штатскихъ большевиковъ. Автономовъ выѣхалъ въ Тихорецкую и выступилъ открыто противъ своего правительства. Началась своеобразная «полюшка» путемъ воззваній и приказовъ. Въ нихъ члены Ц. И. К. именовались «нѣмецкими шпионами и провокаторами», а Автономовъ и Сорокинъ — «бандитами и врагами народа», на головы которыхъ

* Последний въ починкѣ.

** Впѣвшее объединеніе первыхъ двухъ послѣдовало 14 мая, прочихъ — въ началѣ іюня, когда образовалась «Сѣверо-Кавказская совѣтская республика».

призывались «проклятія и вѣчный позоръ». Въ распрѣ приняла участіе и армія, которая на фронтовомъ съѣздѣ въ Кушевкѣ постановила «сосредоточить всѣ войска Сѣвернаго Кавказа подъ командой Автономова... категорически потребовать (отъ центра) устранения вмѣшательства гражданскихъ властей и упразднить «чрезвычайный штабъ».

Споръ рѣшила Москва, давъ 14 мая Автомонову почетное, но бездѣйтельное назначеніе «инспектора и организатора войсковыхъ частей Кавказскаго фронта» и назначивъ военнымъ руководителемъ — генеральнаго штаба генералъ-маіора Ситсаревъ.

Ситсаревъ ослѣлъ въ Царинѣ, откуда и правилъ фиктивно, такъ какъ со взятіемъ нами Торговой (12 іюня) почти всякая связь его съ сѣверо-кавказскими войсками была утеряна. Фактически командовалъ Калинин — латышъ, кажется подполковникъ, имѣвшій свой штабъ въ Тихорѣцкой.

Послѣ разгрома большевиковъ подъ Тихорѣцкой и Кушевкой, Ситсаревъ былъ обвиненъ въ «контръ-революціи» и смѣщенъ; 21 іюля, за нѣсколько дней до паденія Екатеринодара главнокомандующимъ былъ назначенъ «бандитъ и провокаторъ» Сорокинъ, котораго официальныя «Извѣстія» переименовали въ «спасителя республики».

Силы сѣверо-кавказскихъ войскъ не поддавались точному учету. Ихъ не знали точно ни мы, ни «всероссійскій генеральный штабъ*», ни даже штабъ Калпина. Постоянно появлялись какія то новыя части, наименованія которыхъ черезъ недѣлю исчезали безслѣдно; создавались крупныя крестьянскія ополченія, которыя послѣ неуспѣха или занятія добровольцами района ихъ формировація рассасывались незамѣтно по своимъ селамъ.

Главнѣйшія группы красныхъ силъ располагались слѣдующимъ образомъ:

1. Въ районѣ Азовъ — Кушевка — Сосыка стояла армія Сорокина въ 30—40 тысячъ при 80—90 орудіяхъ и двухъ бронепоездахъ, имѣя фронтъ на сѣверъ противъ Ростова (нѣмцы) и на сѣверо-востокъ противъ донцовъ и добровольцевъ. Эта группа состояла главнымъ образомъ изъ бывшихъ солдатъ Кавказскаго фронта отступившихъ весной съ Украины отрядовъ; отличалась болѣе правильной организаціей и дисциплиной и имѣла во главѣ начальника наиболѣе популярнаго.

Часть войскъ Сорокина предприняла весной наступленіе противъ Добровольческой арміи, 19 мая подступила къ самой станицѣ Мечетинской, по концентрическимъ наступленіемъ двухъ колоннъ (изъ Мечетинской и Егорлыкской) я опрокинула большевиковъ за Гуляй — Борпсовку. Съ тѣхъ поръ до конца іюня на этомъ фронтѣ было покойно.

2. Въ районѣ по линіи жел. дор. Тихорѣцкая — Торговая и къ сѣверу отъ нея располагались многочисленные, не объединенные отряды общей численностью до 30 тысячъ со слабой артиллеріей. Въ числѣ ихъ находились получившія вполнѣдствіи боевую извѣстность пѣхотная бригада, называвшая себя «желѣзной», Жлобы и конная — Думенко. Состояли эти части главнымъ образомъ изъ фронтовиковъ и крестьянъ Ставропольской губерніи, остатковъ частей б. Кавказскаго фронта, отчасти изъ мобилизованныхъ кубанскихъ казаковъ. Эти войска тревожили постоянно наше расположеніе у Егорлыкской.

3. Въ углу, образуемомъ р. р. Манычемъ и Саломъ, имѣя центромъ Великокняжескую, располагалось 5 отрядовъ, силою до 12 тысячъ при 17 орудіяхъ, объединенныхъ одно время подъ командой Васильева. Составъ ихъ — однородный съ отрядами второй группы, только вмѣсто кубанскихъ казаковъ въ нихъ входили сотни донскихъ — большевиковъ. На этомъ фронтѣ происходили постоянныя стычки съ донскими отрядами Быкадорова.

4. Кромѣ этихъ трехъ группъ, во многихъ крупныхъ городахъ и на жел.-дор. станціяхъ расположены были сильныя гарнизоны изъ трехъ родовъ оружія**.

Снабжались оружіемъ и боевыми припасами красныя войска Сѣвернаго Кавказа изъ остатковъ прежнихъ военныхъ складовъ Кавказскаго фронта, путемъ отобранія отъ

* Большевицкія боевыя расписанія намъ сообщали и изъ Москвы.

** Тихорѣцкая, Екатеринодаръ, Армавиръ, Майкопъ, Новороссійскъ, Ставрополь и др.

«Главковерхъ» Сорокинъ

населенія, отчасти організаціей производства въ Армавирѣ, Пятигорскѣ, Георгіевскѣ и подвозомъ сначала изъ Царицына, потомъ, съ потерей желѣзной дороги, кружнымъ и тяжелымъ грунтовымъ путемъ изъ Астрахани черезъ Святой Крестъ. Во всякомъ случаѣ, насъ поражало обиліе снарядовъ и патроновъ у большевиковъ; ураганному подчасъ огню ихъ приходилось противопоставлять только дисциплину боя и... доблесть войскъ.

Въ общей сложности, въ предстоящей операціи Добровольческую армію ожидала встрѣча съ 80—100 тысячами большевѣцкихъ войскъ — частью уже знакомыхъ намъ по первому походу, частью еще неизвѣданной силы и духа. Въ составъ ихъ входило не мало надежныхъ въ военномъ отношеніи и тяготѣвшихъ всецѣло къ совѣтской власти кадровъ тѣхъ отрядовъ, которые подъ давленіемъ иѣмцевъ отошли за Донъ съ Украины, Крыма и Донской области. Наконецъ, въ то время, какъ солдаты русскихъ армій европейскаго фронта расплылись свободно по всему необъятному пространству Россіи, войска Кавказскаго фронта, не попавшія въ Черноморскую эвакуацію, были зажаты въ тѣсномъ районѣ между Дономъ и Кавказскимъ хребтомъ, ставъ неистощимымъ и хорошо подготовленнымъ матеріаломъ для комплектованія Сѣверо-кавказской красной арміи.

Театръ войны во Второмъ Кубанскомъ походѣ обнималъ Задонье, Ставропольскую губернію, Кубанскую область и Черноморскую губернію*.

Этотъ край прорѣзывали двѣ главныхъ линіи Владикавказской жел. дороги: 1) Ростовъ — Владикавказъ и 2) Новороссійскъ — Царицынъ. Онѣ связывали политическіе центры, отдѣльныя арміи и фронты большевиковъ; вторая, кромѣ того, была единственной желѣзнодорожной артеріей, соединяющей Кавказъ съ центромъ Россіи. Это обстоятельство, въ связи съ сосредоточеніемъ военныхъ дѣйствій почти исключительно вдоль желѣзнодорожныхъ линій, придавало особенное значеніе Владикавказской дорогѣ и ея узловымъ станціямъ: Торговой, Тихорѣцкой, Кущевкѣ, Кавказской, Екатеринодару. Сила и расположеніе непріятельскихъ войскъ и направленіе желѣзнодорожныхъ магистралей почти исчерпывали стратегическіе элементы операціи; въ остальномъ — преобладающее вліяніе имѣло политическое положеніе, которое являлось мощнымъ орудіемъ стратегіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, довѣло надъ ея велѣніями.

Гражданская война подчиняется инымъ законамъ, чѣмъ война народовъ.

Остановимся вкратцѣ на политическомъ положеніи края.

*

*

Задонье, занятое большевиками, раздѣлялось рѣзко на двѣ части. Ростовскій округъ, населенный сплошь иногородними и насыщенный пришлыми войсками Сорокина, остановившими въ немъ жизнь, давно уже пережилъ увлеченіе большевизмомъ. Отрицательно относившіеся къ казачьей власти и до большевиковъ, и послѣ нихъ, ростовскіе крестьяне чувствовали еще менѣе влеченія къ власти совѣтовъ. Достоинъ вниманія, что многіе крестьянскіе депутаты округа еще на съѣздѣ 5—12 мая въ г. Ростовѣ, окруженные штыками и пулеметами красногвардейцевъ, имѣли мужество проявить свои истинныя чувства: по вопросу о мобилизаціи для борьбы противъ «бѣлогвардейцевъ» 51 голосъ былъ поданъ за мобилизацію, 44 противъ при 9 воздержавшихся... Иное положеніе было на Манычѣ и Салтѣ**, гдѣ многолюдныя и богатыя крестьянскія слободы*** дали преобладающій контингентъ красныхъ отрядовъ, гдѣ они сами были хозяевами своей жизни и вершителями судебъ стариннаго спора съ казаками. Тамъ иногороднее

Событія на Терекѣ не отражались непосредственно на этой операціи.

** Сальскій округъ съ центромъ Великокняжеской.

*** Особенно Мартыновка и Орловка.

население было почти сплошь настроено большевцами, казаки пали духомъ, и продвиженіе по округу донскихъ ополченій съ сѣвера шло поэтому чрезвычайно быстро и эффективно.

✱ ✱

«Ставропольская республика» самоуправлялась съ января 18 года, имѣя свой собственный «совѣтъ народныхъ комиссаровъ», который просуществовалъ только до марта, когда былъ свергнутъ красноармейцами. Присланный изъ Петрограда для организациі красной арміи бывший жандармскій ротмистръ Конне совместно съ матросомъ Якшинимъ и нѣсколькими солдатами поставилъ свой «совѣтъ», отличавшійся исключительнымъ неумѣньемъ и жестокостью. Всей своей тяжестью совѣтъ обрушился на городъ Ставрополь, не имѣя еще достаточной силы распространить свое вліяніе по губерніи; только со второй половины іюня въ ней начали работать карательные отряды.

«Демократическія земства» и «соціалистическія думы» были разогнаны и замѣнены совѣтами, попавшими всецѣло во власть солдатчины. Они — бывшіе фронтовики — были хозяевами положенія: они законодательствовали, взымали сборы, мобилизовали население, на районныхъ сѣздахъ рѣшали вопросы о войнѣ и мирѣ. Губернія — исключительно земледѣльческая, богатая, въ которой средній подворный надѣлъ составлялъ 20,6 десятинъ, и 70 % всей земли находилось во владѣніи сельскихъ обществъ и крестьянъ. Остальные 30 % только что были подѣлены, и крестьяне не успѣли еще воспользоваться плодами своего пріобрѣтенія. Осязательныя выгоды новаго строя сталкивались съ тяжестью отрицательныхъ сторонъ безвластія и безпорядка, вторгнувшихся въ жизнь. Сѣздъ фронтовиковъ и представителей сѣвернаго района губерніи колебался. Въ маѣ шли переговоры съ нимъ моего штаба при посредствѣ подполковника Постовскаго о «сохраненіи нейтралитета» и безпрепятственномъ пропускѣ арміи на Кубань для борьбы съ Красной арміей.

Въ самомъ Ставрополѣ настроеніе было иное. Безсмысленная и жестокая власть вооружила противъ себя всѣхъ, безъ различія убѣжденій, почти уничтоживъ политическія и социальныя грани и раздѣливъ населеніе на двѣ неравныя части: угнетателей и угнетенныхъ. Начавшійся въ ночь на 20 іюня особенно сильный терроръ уносилъ многочисленныя жертвы, преимущественно изъ среды офицеровъ, зарегистрированныхъ совѣтомъ въ числѣ около 900 человекъ. Подъ вліяніемъ предстоящей неминуемой опасности уничтоженія и ввиду слуховъ о приближеніи Добровольческой арміи, которая къ 27 іюня подходила къ селу Медвѣжьему*, въ этотъ день состоялось вооруженное выступленіе тайной офицерской организациі, возглавлявшейся полковникомъ Ртищевымъ. Малочисленное по числу участниковъ и совершенно не подготовленное выступленіе это было кроваво подавлено. Почти все участники были перебиты въ уличной схваткѣ или казнены послѣ жестокихъ пытаній. Терроръ усилился.

Подъ вліяніемъ этихъ событій городъ замеръ и въ мертвой тревогѣ ждалъ просвѣта. Вырвавшіеся изъ Ставрополя обреченные, въ томъ числѣ представители социалистическихъ земствъ и думъ, обращались ко мнѣ съ мольбой о помощи. Деревня волновалась и многія села склонялись къ миру съ Добровольческой арміей. Но представители сѣзда сѣвернаго района въ началѣ іюня прервали переговоры со штабомъ, и армія принуждена была идти по Ставропольской губерніи съ тяжелыми боями, встрѣтивъ на линіи Торговая — Тихорецкая, наряду съ пришлыми отрядами Красной арміи, и многотысячное мѣстное ополченіе...

Жилъ еще въ губерніи народъ глубоко мирный, трудолюбивый и темный — калмыки. На нихъ больше, чѣмъ на кого либо обрушились громы революціи; они всеми своими помыслами были на сторонѣ Добровольческой арміи, но не могли дать ей ни силы, ни помощи.

* Дивизія ген. Боровскаго 28 іюня заняла с. Медвѣжье въ 95 верстахъ отъ Ставрополя.

Совершенно иначе сложилась обстановка в «республике Кубанской».

Я не буду останавливаться на деятельности трех последовательно сменившихся «щиков» и «народных комиссаров», в основу которой положено было несложное коммунистическое откровение: «организация крестьянской, казачьей и горской бедноты для борьбы с кулацкими элементами крестьянства и казачества». При этом казаки и горцы поголовно причислялись к разряду кулаков.

Результаты такой политики не замедлили сказаться очень скоро и получили справедливую оценку в устах самих же большевистских деятелей. Так, комиссар земледелия Вильямовский докладывал Ц. И. К.: «идет сплошное уничтожение хозяйств, пропадают и живой, и мертвый инвентарь, приказы мои бессильны». Чрезвычайный съезд советов в июль в своем постановлении высказал осуждение «по вопросу о грабежах, насилиях и убийствах трудового горского народа (черкесов), творимых отдельными отрядами и жителями некоторых станиц, благодаря чему стерты с лица земли целые аулы и остатки их обречены на гибель и голодную смерть».

Московский центр, приступая к «разказачиванию», делал это все же с некоторой осмотрительностью и постепенностью. Декрет от 30 апреля 18 года предусматривал, например, переход запасных, частновладельческих и других земель первоначально в руки войсковых комитетов, которые должны были, однако, распределить землю между всеми нуждающимися. Московское правительство допускало даже формирование казачьих частей Красной армии, «принимая при этом во внимание все бытовые и военные особенности казаков». Но правительства местных «республик», в том числе Кубанской, шли дальше, стремясь к немедленному и полному уничтожению казачества, как сословия*. Земельная практика на Кубани приняла особенно тяжелые формы: «Казаков — говорится в отчете комиссии** — своими руками вспахавших и засеявших свои земли, заставляли под пулеметами собрать весь урожай, обмолотить хлеб и тогда зерно и солому разделить между всеми жителями станиц»***...

Сопротивление вызывало «отъем», аресты, застенки. Большинство иногородних принимало то или иное, хотя бы и косвенное участие в обездолении казачества.

Унижаемые морально, разоряемые материально и истребляемые физически, кубанские казаки скоро стянули с себя всякий налет большевизма и начали подниматься.

История казачьих восстаний трагична и однообразна. Возникавшие стихийно, разрозненно, без серьезной подготовки, почти безоружными массами, они сопровождались первоначально некоторым успехом; но через 2—3 дня, после сосредоточения красных войск, казаки платились кровью, погибая и в бою, и от рук палачей в своих станицах. Так, 27 апреля вспыхнуло восстание в семи станицах Ейского отдела и было задушено в два дня... В начале мая были массовые восстания в Екатеринодарском, Кавказском и других отделах... В июне возмело несколько станиц Лабинского отдела, пострадавших особенно жестоко: кроме павших в бою с большевиками, было казнено 770 казаков. Отчет «Особой комиссии» полон описаниями потрясающих сцен безчеловечной расправы. Вот, например, станица Чамлыкская: «12 июня партию казаков отвели к кладбищенской ограде... перекололи всех штыками, штыками же, как вилами, перебрасывали тела в могилу через ограду. Были между брошенными и живые казаки, зарыли их в землю живыми. Зарывали казненных казаки же, которых выгоняли на работу оружием. Когда зарывали зарубленного пашками казака Сиденко, она застонала и стала просить напиться. Большевики предложили ему попить крови из свежих ран зарубленных с ним станичников... Всего казнено в Чамлыкской 185 казаков... Трупы их по несколько дней оставались незакрытыми; свиньи и собаки растаскивали по полям казачье тело»...

Некоторые отделы отвоёвывали право формирования чисто кубанских частей, которые и перешли к нам.

** «Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков».

*** Иногородними.

Съ Кубани шель стоить, болязненно отзывавшійся въ сердцахъ кубанцевъ, находившихся въ рядахъ Добровольческой арміи. Тамъ ждали насъ со страстнымъ нетерпѣніемъ.

Въ «Черноморской республикѣ» не было крушыхъ силъ и серьезной военной организаціи. Когда начались возстанія у сѣверныхъ границъ губерній, а съ юга — наступленіе грузинъ, «главнокомандующій черноморскими силами» Калинин* доносилъ Ц. И. К.: «сдержатъ бѣгство солдатъ невозможно. Ради Бога, высылайте людей»... Комитетъ просилъ помощи у флота и получилъ отказъ: черноморскій флотъ въ то время рѣшалъ на митингахъ вопросъ своего далѣйшаго существованія. Половина ушла въ Севастополь, въ подчиненіе нѣмцамъ, другая была затоплена на Новороссійскомъ рейдѣ. Это національное бѣдствіе имѣло только одно благоприятное для Добровольческой арміи послѣдствіе: красный Новороссійскъ и Черноморье остались беззащитными. Они должны были неизбежно раздѣлить участь Кубани.

Въ серединѣ мая, когда рѣшался планъ предстоящей операціи, не было еще ни новолжекаго, ни чехо-словацкаго движенія. Вышшими факторами, обусловливавшими рѣшеніе политической стороны вопроса, были только нѣмцы, Красновъ и гибнущая Кубань.

Отъ того или иного рѣшенія вопроса зависѣла судьба арміи и всего добровольческаго движенія...

Конечная цѣль его не возбуждала ни въ комъ сомнѣній: выходъ на Москву, сверженіе совѣтской власти и освобожденіе Россіи. Разномысліе вызывали лишь пути, ведущіе къ осуществленію этой цѣли...

Я въ полномъ согласіи съ генераломъ Романовскимъ ставилъ ближайшей частной задачей арміи освобожденіе Задонья и Кубани.

Исходили мы изъ слѣдующихъ соображеній:

1. Немедленное движеніе на сѣверъ при условіи враждебности нѣмцевъ, которые могли сбросить насъ въ Волгу, при необходимости базированія исключительно на Донъ и Украину, т. е. области прямой или косвенной нѣмецкой оккупации и при «нейтралитетѣ» — пусть даже вынужденномъ — донцовъ, могли поставить армію въ трагическое положеніе: съ сѣвера и юга — большевики, съ запада — нѣмцы, съ востока — Волга. Что касается перехода арміи за Волгу, то оставленіе въ пользу большевиковъ богатѣйшихъ средствъ Юга, отказъ отъ людскихъ контингентовъ, притекавшихъ съ Украины, Крыма, Сѣвернаго Кавказа, словомъ, отказъ отъ поднятія противъ совѣтской власти Юга Россіи наряду съ Востокомъ — представлялся совершенно недопустимымъ. Онъ могъ явиться лишь результатомъ нашего пораженія въ борьбѣ съ большевиками или... нѣмцами.

2. Освобожденіе Задонья и Кубани обезпечивало весь южный 400-верстный фронтъ Донской области и давало намъ свободную отъ нѣмецкаго вліянія обезпеченную и богатую базу для движенія на сѣверъ; давало притокъ укомплектованій надежнымъ и воинственнымъ элементомъ; открывало пути къ Черному морю, обезпечивая близкую и прочную связь съ союзниками въ случаѣ ихъ побѣды; наконецъ, косвенно содѣйствовало освобожденію Терека.

3. Насъ связывало нравственное обязательство передъ кубанцами, которые шли подъ наши знамена не только подъ лозунгомъ спасенія Россіи, но и освобожденія Кубани... Невыполненіе даннаго слова имѣло бы два серьезныхъ послѣдствія: сильнѣйшее разстройство арміи, въ особенности ея конницы, изъ рядовъ которой ушло бы много кубанскихъ казаковъ, и оккупация Кубани нѣмцами. «Всѣ измучились — говорилъ ген.

* Позднѣе смѣнилъ Автономова.

Алексѣву предѣдатель кубанскаго правительства Бычъ — Кубань ждѣть больше не можетъ... Екатеринодарская интеллигенція обращаетъ взоры на нѣмцевъ. Казаки и интеллигенція обратятся и пригласятъ нѣмцевъ... Таманскій отдѣлъ въ концѣ мая послѣ неудачнаго возстанія сдѣлалъ это фактически...

Ген. Алексѣвъ, по окончаніи Перваго похода, испытывалъ приступы глубокаго пессимизма. Въ его письмѣ отъ 10 мая Милокову изложены мотивы такого настроенія: 1) армія доживаетъ послѣдніе гроши; 2) «нѣмцы, ихъ скрытыя политическія цѣли и намѣренія»; 3) «личность (Донскаго) атамана, ген. Краснова, его дѣятельность въ октябрѣ 1917 года, его отношеніе къ Добровольческой арміи; 4) безпомощность Кубани, невозможность и безцѣльность повторенія туда похода при данной обстановкѣ, не рискуя погубить армію»...

Ген. Алексѣвъ мучился гамлетовскимъ вопросомъ: быть или не быть арміи и «куда намъ идти».

«На Кубани — гибель» — писалъ онъ... «На Кавказѣ — мало привлекательнаго и дѣлать нечего. Ген. Красновъ, беря начальственный тонъ по отношенію къ арміи, ука- зываетъ ей путь — скорѣ берите Царицынъ, но Дроздовскаго я удержу въ Новочер- каскѣ до созданія регулярной Донской арміи. Цѣль — сунуть насъ въ непосильное предпріятіе, на пути къ выполнению котораго мы можемъ столкнуться съ нѣмцами, из- бавиться отъ насъ на Дону»...

Тѣмъ не менѣе, не видя другого выхода, ген. Алексѣвъ присоединился къ нашему плану — движенію на Кубань.

15-го мая, по моему приглашенію, въ станицѣ Манычской состоялось совѣщаніе съ ген. Красновымъ, въ которомъ приняли участіе ген. Алексѣвъ, Кубанскій атаманъ Филимоновъ, ген. Богаевскій и другіе. «Тильзитъ» — какъ острили въ арміи. Совѣща- ніе, имѣвшее кромѣ разрѣшенія насущныхъ вопросовъ еще и скрытую цѣль — сбли- женія съ донскимъ атаманомъ, не привело къ существеннымъ результатамъ; отъ на- чала до конца оно велось въ тонѣ весьма официалъномъ и неискреннемъ.

Ген. Красновъ настаивалъ на немедленномъ движеніи Добровольческой арміи къ Царицыну, гдѣ «есть пушки, снаряды и деньги, гдѣ настроеніе всей Саратовской гу- берніи враждебно большевикамъ». Царицынъ долженъ былъ послужить въ дальнѣй- шемъ нашей базой. Я, поддержанный ген. Алексѣвымъ и атаманомъ Филимоновымъ, изложилъ наши мотивы и настоялъ на своемъ планѣ. Второй вопросъ о полученіи съ Дона 6 милліоновъ рублей, слѣдовавшихъ арміи по разверсткѣ еще во время Каледина, вызвалъ неожиданный отвѣтъ Краснова:

— Хорошо. Донъ дастъ средства, но тогда Добровольческая армія должна подчи- ниться мнѣ.

Я отвѣтилъ:

— Добровольческая армія не нанимается на службу. Она выполняетъ обще-госу- дарственную задачу и не можетъ поэтому подчиниться мѣстной власти, надъ которой довлѣютъ областные интересы.

Прочіе менѣе важные вопросы прошли удовлетворительно, и мы разъѣхались, унося съ собой чувство полной неудовлетворенности.

Съ тѣхъ поръ въ письмахъ, рѣчахъ, обращеніяхъ къ ген. Алексѣву и Эльснеру ген. Красновъ просилъ, скорбѣлъ, негодовалъ, призывая армію бросить Кубань и идти на Царицынъ. Онъ рисовалъ отчаянное положеніе нашей арміи, когда она, двинувшись на Кубань, неминуемо «попадетъ въ мѣшокъ между нѣмцами и большевиками»; обѣ- щалъ деньги, оружіе, боевые припасы въ случаѣ рѣшенія моего идти на Царицынъ, гдѣ «Добровольческая армія пріобрѣтетъ возможность войти въ связь съ Дутовымъ плш... переправиться на тотъ берегъ Волги»... Какимъ образомъ нѣмцы могли допустить снаб- женіе Добровольческой арміи, присоединившейся къ Восточному — противонѣмец- кому фронту, я не могъ понять. Изъ всѣхъ своихъ многочисленныхъ бесѣдъ съ Крас- новымъ Эльснеръ вынесъ весьма неопредѣленное впечатлѣніе: «каковы тайныя цѣли, которыми руководится Красновъ?.. Можетъ быть онъ искренне желаетъ оберечь До- бровольческую армію отъ того тяжелаго положенія, въ которое она можетъ стать, столкнувшись съ нѣмцами. Можетъ быть... ввиду худшаго положенія на Царицынскомъ

фронты, Красновъ, хотя и утверждаетъ, что можетъ вести Царицынъ собственными силами, хочетъ все же привлечь помощь армій въ этомъ направленіи... Можетъ быть, предлагая Царицынъ за освобожденіе области отъ большевиковъ, Красновъ хочетъ избавиться одновременно и отъ Добровольческой арміи, которая причиняетъ ему все же много безпокойства и волненій»^{*}

Вначалѣ ген. Алексѣевъ, переѣхавшій въ концѣ мая въ Новочеркасскъ, отстаивалъ твердо наше рѣшеніе. По поводу нареканій Краснова онъ писалъ мнѣ 5 іюня: «мы должны сохранить за собою полную свободу дѣйствій, не смущаясь ничѣмъ неудовольствіемъ». Но уже къ концу іюня, подъ влияніемъ новочеркасскихъ настроеній и, главнымъ образомъ, призрака германской опасности, М. В. все чаще сталъ напоминать мнѣ о Волгѣ. Письмо его отъ 30 іюня дышало вновь глубокимъ пессимизмомъ: «углубленіе наше на Кубань можетъ повести къ гибели... Обетановка зоветъ насъ на Волгу... Центръ тяжести событій, рѣшающихъ судьбы Россіи, перемѣщается на востокъ. Мы не должны опоздать въ выборѣ минуты для оставленія Кубани и появленія на главномъ театрѣ».

Я къ этому времени взялъ уже Тихорѣцкую и не могъ, конечно, бросить на полпути операцію, стоившую много крови и развивавшуюся съ такимъ успѣхомъ.

Прошелъ мѣсяцъ и подъ влияніемъ развертывавшихся событій ген. Алексѣевъ вернулся къ прежней своей оцѣнкѣ положенія: «уничтоженіе большевиковъ на Кубани — писалъ онъ ген. Щербачеву** — обезпеченіе лѣваго фланга общаго стратегическаго фронта, сохраненіе за Россіей тѣхъ богатствъ, которыми обладаютъ Донъ и Кубань, столь необходимыхъ Германіи для продолженія войны, являются составной единицей общей стратегической задачи на Восточномъ фронтѣ, и Добровольческая армія уже въ настоящую минуту выполняетъ существенную часть этой общей задачи».

Пройдетъ еще два-три мѣсяца и мы уже въ нѣкоторой перспективѣ будемъ въ состояніи оцѣнить пройденный путь... Мы узнаемъ о томъ, что готовили намъ на Волгѣ «дополнительный договоръ» нѣмцамъ съ большевиками; успѣшимъ, что подъемъ въ населеніи Поволжья угасъ такъ же быстро, какъ и возникъ; что тамъ намъ предстояли бы еще болѣе сложныя отношенія съ черновскимъ «Комучемъ». Увидимъ, что на Югѣ открывается близкій свободный путь къ Черному морю и къ побѣдоноснымъ союзникамъ, а армія растетъ на Кубани непрерывно въ числѣ и силѣ.

*

Итакъ — на Кубань!

Стратегически планъ операціи заключался въ слѣдующемъ: овладѣть Торговой, прервавъ тѣмъ желѣзнодорожное сообщеніе Сѣвернаго Кавказа съ центральной Россіей; прикрывъ затѣмъ себя со стороны Царицына, повернуть на Тихорѣцкую. По овладѣніи этимъ важнымъ узломъ сѣверо-кавказскихъ дорогъ, обезпечивъ операцію съ сѣвера и юга захватомъ Кущевки и Кавказской, продолжать движеніе на Екатеринодаръ для овладѣнія этимъ военнымъ и политическимъ центромъ области и всего Сѣвернаго Кавказа.

Для прикрытія со стороны группы Сорокина я оставилъ только одинъ полкъ и два орудія ген. Покровскаго, который долженъ былъ объединить командованіе и надъ ополченіями задонскихъ станицъ.

Этотъ планъ былъ проведенъ до конца, не взирая на противодѣйствіе вражеской силы и стороннихъ вліяній.

Насъ было мало: 8—9 тысячъ противъ 80—100 тысячъ большевиковъ. Но за нами было военное искусство... Въ арміи былъ порывъ, сознаніе правоты своего дѣла, увѣренность въ своей силѣ и надежда на будущее.

С.-д. Данъ разсказываетъ, какъ тѣломъ 19 года гдѣ-то на Уралѣ, живя возлѣ красноармейскаго лагеря, онъ слышалъ съ утра до вечера солдатскую пѣсню, распѣваемую большевицкими полками, перефразировавшими на совѣтско-патріотическій ладъ ея слова. Какъ толпа дезертировъ, окруженныхъ конвоемъ, оглушала улицы города все той же пѣснюю:

^{*} Разговоръ между Красновымъ и Эльснеромъ 15 іюня. Отчетъ № 228.

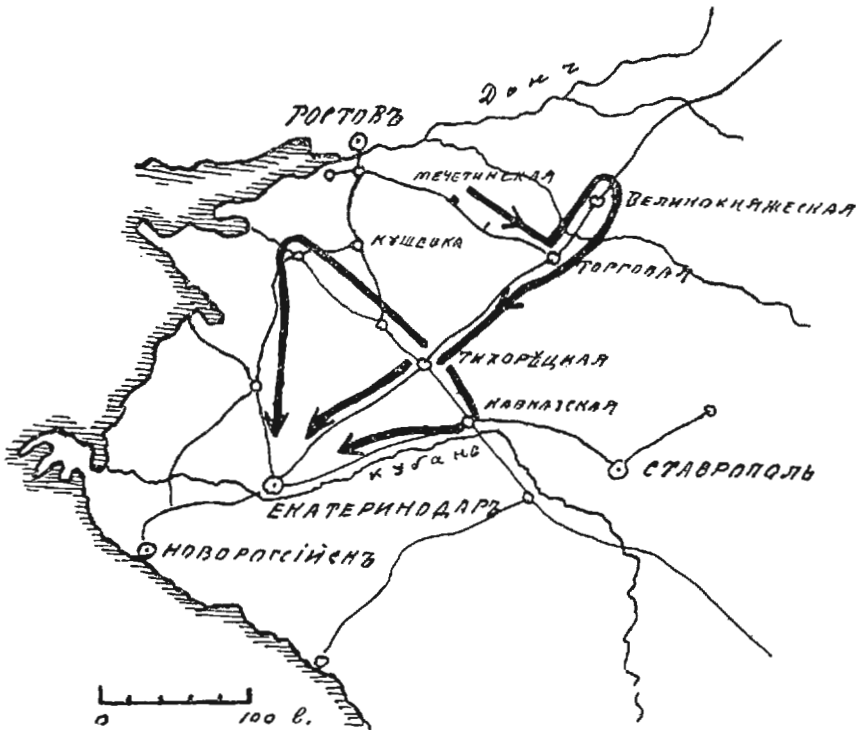
^{**} Отъ 31 іюля.

Смѣло мы въ бой пойдемъ
За власть совѣтовъ
И съ радостью умремъ
Мы за все это.

«Такъ умѣла казенщина — заключаетъ Данъ — ополчить все, въ чемъ когда то ска-
зывался порывъ наивнаго, но несомнѣнно искренняго энтузіазма(?)».

Въ Добровольческой арміи умирали не... «за все это»... Тамъ пѣли пѣсню по старому:

Смѣло мы въ бой пойдемъ
За Русь святую
И съ радостью умремъ
За дорогую.

НѢ ПЛАНУ ОПЕРАЦІИ.

И это была не фраза, а искренній обѣтъ, запечатлѣнный сознательнымъ подви-
гомъ, для многихъ кровью и смертью.

Было еще одно обстоятельство:

«Наша стратегія вполнѣ согласовалась съ качествами молодой арміи, болѣе спо-
собной на увлеченіе, чѣмъ на требующія терпѣнія и выдержки медленныя движенія,
могущей закалиться только побѣдами, побѣждающей только при нападеніи и одержи-
вающей верхъ только въ силу порыва»...

Эти слова принадлежатъ историку Сорелю* и относятся къ французской револю-
ціонной арміи временъ Конвента. Но они съ величайшей точностью воспроизводятъ
боевой обликъ и арміи Добровольческой.

* * *

9—10 іюня 1918 г. армія выступила во Второй Кубанскій походъ.

* Сорель. «Европа и Французская революція».

ГЛАВА XXI.

Взятіе Торговой. Смерть генерала Маркова.

На 12 іюня назначена была атака станціи Торговой.

Еще 9-го началось расхождение дивизій на широкомъ фронтѣ, причемъ конница Эрдели и дивизія Маркова съ донскими частями Быкадорова должны были наканунѣ (11-го) выйти къ линіи жел. дороги Тихорѣцкая—Царицынъ, очищая свои районы отъ мелкихъ партій большевиковъ, отвлекая ихъ вниманіе и 12-го завершая окруженіе Торговой; двѣ сильныхъ колонны — Дроздовскаго и Боровскаго — направлены были съ возможною скрытностью вдоль линіи жел. дороги Батайскъ — Торговая и берегомъ р. Средняго Егорлыка для непосредственнаго удара на Торговую. Дивизія Боровскаго составляла вначалѣ мой общій резервъ.

Въ этомъ походѣ армія, не смотря на свою малочисленность, двигалась все время широкимъ фронтомъ для очистки района отъ мелкихъ бандъ, для прикрытія жел.-дорожнаго сообщенія и обезпеченія главнаго направленія отъ удара мелкихъ отрядовъ и ополченій, разбросанныхъ по краю.

10-го іюня послѣ упорнаго боя ген. Эрдели овладѣлъ с. Лежанкой; часть красноармейцевъ была изрублена, другая взята въ плѣнъ, остальные бѣжали на югъ. 11-го конница съ такимъ же успѣхомъ овладѣла с. Богородицкимъ, выславъ въ тотъ же день разъѣзды для порчи и перерыва жел.-дор. пути отъ Тихорѣцкой.

Я со штабомъ шелъ при колоніи Боровскаго и заночевать въ с. Лопанскомъ. На разсвѣтѣ 12-го видѣлъ бой колонны. Побывавъ въ штабѣ Боровскаго, въ цѣляхъ Кутепова*, ворвавшихся въ с. Крученобалковское, и съ большимъ удовлетвореніемъ убѣдился, что духъ, закаленный въ первомъ походѣ, живетъ и въ начальникахъ, и въ добровольцахъ.

Около 7 часовъ утра, разбивъ большевиковъ у Крученой балки, Боровскій преслѣдовалъ ихъ передовыми частями въ направленіи Торговой, давъ отдыхъ главнымъ силамъ.

Со стороны Торговой, которую должна была атаковать колонна Дроздовскаго на разсвѣтѣ, слышенъ былъ только рѣдкій артиллерійскій огонь. Мы съ Романовскимъ, нѣсколькими офицерами и казаками, перейдя рѣчку, поскакали къ его колоннѣ.

Дроздовскій, сдѣлавъ ночной переходъ, съ разсвѣтомъ развернулся съ запада противъ Торговой и велъ методическое наступленіе, примѣняя тактику большой войны... Въ тотъ моментъ, когда мы въѣхали въ хуторъ Кузнецова, части Дроздовскаго готовились тамъ къ переправѣ черезъ р. Егорлыкъ. Большевики отъ Торговой обстрѣливали насъ рѣдкимъ артиллерійскимъ огнемъ; съ противоположнаго берега и хутора Шавліева шелъ ружейный и пулеметный огонь; туда, стоя открыто въ разстояніи 150 шаговъ, стрѣляло картечью наше орудіе...

Прошло уже болѣе пяти лѣтъ съ того дня, когда я первый разъ увидѣлъ дроздовцевъ въ бою, но я помню живо каждую деталь. Ихъ хмураго, нервнаго, озабоченнаго начальника дивизіи... Суетливо, какъ насѣдка, собиравшаго своихъ офицеровъ и бродившаго

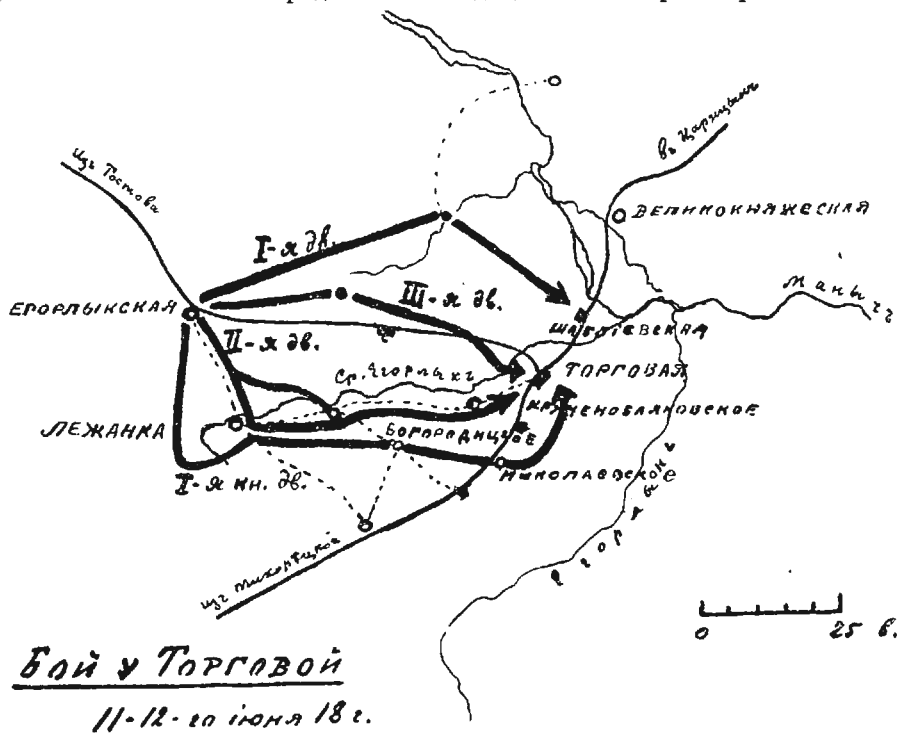
* Полковникъ Кутеповъ командовалъ бригадой во 2-й дивизіи.

Група уцѣлѣвшихъ «старыхъ Дроздовцевъ»

прихрамывая (старая рана) подъ огнемъ по открытому полю Жебрака... Перераненныхъ артиллеристовъ, продолжавшихъ огонь изъ орудія, съ изрѣщеннымъ пулями щитомъ... И бросившуюся на глазахъ командующаго черезъ рѣчку вбродъ роту — во главѣ со своимъ командиромъ штабъ-капитаномъ Туркуломъ — со смѣхомъ, шутками и криками «ура»...

Хуторъ Шавліевъ былъ взятъ и дивизія стала переходить черезъ Егорлыкъ и развертываться противъ Торговой, откуда изъ длинныхъ линій окоповъ была встрѣчена огнемъ. Дроздовскій долго перестраивалъ боевой порядокъ; темпъ боя сильно замедлялся. Между тѣмъ, со стороны Крученой балки по всему полю, насколько видно было глазу, текли въ полномъ безпорядкѣ толпы людей, повозокъ, артиллеріи — спасавшихся

отъ Боровскаго. Я послалъ приказаніе всей колоннѣ послѣдняго продолжать немедленно наступленіе на Торговую.

Около 2 часовъ дня началъ подходить Корнупловскій полкъ, и дроздовцы вмѣстѣ съ нимъ двинулись въ атаку, имѣя въ своихъ цѣпяхъ Дроздовскаго и Жебрака.

Торговая была взята; захвачено три орудія, много пулеметовъ, плѣнныхъ и большіе интендантскіе запасы. На жел.-дор. станціи, гдѣ расположился мой штабъ, тотчасъ по ея занятіи, дроздовцы установили уже пулеметъ на дрезину и погнались за уходящими эшелонами большевиковъ; другіе мастерили самодѣльный «броневой поѣздъ» изъ платформъ съ уложенными на нихъ мѣшками съ землей и ставили орудіе и пулеметы. Вечеромъ «Первый бронепоездъ» (!) Добровольческой арміи двинулся къ станціи Шавліевской.

Въ этотъ же день ген. Эрдели съ кубанскими казаками захватилъ съ бою с. Николаевское, станцію Крученскую и, оставивъ тамъ полкъ для прикрытія со стороны Тихорѣцкой, двинулся къ Торговой. Казаки и черкесы прошли за три дня 110 верстъ съ нѣсколькими боями; уставшія лошади еле двигались. Тѣмъ не менѣе, Эрдели къ вечеру подошелъ къ Торговой, успѣвъ перехватить большевикамъ юго-восточные пути отступленія, и въ происшедшей тамъ конной атакѣ казаки многихъ изрубили, болѣе 600 взяли въ плѣнъ.

12 июня возсозданный Добровольческая армія одержала свой первый крупный успех. Съ 12 июня въ течение 20 мѣсяцевъ Сѣверный Кавказъ былъ отрѣзанъ отъ центральной Россіи, а центръ страны отъ всероссійскихъ житницъ — Кубанской области и Ставропольской губерніи и отъ грозненской нефти*. Это обстоятельство несомнѣнно подрывало экономическій базисъ совѣтской власти, но въ силу роковыхъ переплетеній интересовъ не могло не отзываться на общемъ состояніи народнаго хозяйства. Утѣшала меня надежда, что такое положеніе недолговѣчно, и что штыками своими Добровольческая армія принесетъ скорѣе сѣверу освобожденіе, а вмѣстѣ съ нимъ хлѣбъ, уголь и нефть.

Мечты!..

Спускалась уже ночь, замирали послѣдніе отзвуки артиллерійской стрѣльбы гдѣ-то на сѣверѣ, а отъ колонны Маркова не было никакихъ извѣстій. Наконецъ, пришло донесеніе.

— «Станція Шабліевская взята»...

«Генералъ Марковъ смертельно раненъ»...

11 июня Марковъ очистилъ отъ мелкихъ большевѣцкихъ бандъ районъ между Ютой и Манычемъ и приступилъ къ операціи противъ Шабліевки. Станція оказалась занятой сильными отрядами съ артиллеріей и бронепоездами. Взять ее въ этотъ день не удалось. Весь день 12-го продолжался тяжелый и упорный бой, вызвавшій серьезныя потери, и только къ вечеру, очевидно въ связи съ общей обстановкой, большевики начали отступать. Уходили и бронепоезда, посылая послѣдніе, прощальные снаряды по направлению къ брошенной станціи. Однимъ изъ нихъ вблизи отъ Маркова былъ тяжело раненъ капитанъ Дурасовъ... Другой выстрѣлъ — предпослѣдній — былъ роковымъ. Марковъ, обливаясь кровью, упалъ на землю. Перенесенный въ пѣзу, онъ мучился долго, приходя иногда въ сознаніе и прощаясь трогательно со своими офицерами-друзьями, онемѣвшими отъ горя.

Сказалъ:

— Вы умирали за меня, теперь я умираю за васъ...

На утро 1-й Кубанскій стрѣлковый полкъ провожалъ останки своего незабвеннаго начальника дивизіи. Раздалась команда — «слушай на краутъ!»... Въ первый разъ полкъ такъ небрежно отдавалъ честь своему генерату: ружья валились изъ рукъ, штыки колыхались; офицеры и казаки плакали навзрыдь...

Къ вечеру тѣло привезли въ Торговую. Послѣ краткой литіи гробъ на рукахъ понесли мы въ Вознесенскую церковь сквозь строй добровольческихъ дивизій. Въ сумракѣ, среди тишины, спустившейся на село, тихо подвигалась длинная колонна. Надъ гробомъ рѣялъ черный съ крестомъ флагъ, его флагъ, мелькавшій такъ часто въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ боя...

Послѣ отпѣванія я отошелъ въ уголокъ темнаго храма, подальше отъ людей и отдавался своему горю.

Уходятъ, уходятъ одинъ за другимъ, а путь еще такой длинный, такой тяжелый...

Вспомнились послѣдніе годы — Галиція, Волинь, Ставка, Бердичевъ, Быховъ, Первый Кубанскій походъ... Столько острыхъ, тяжелыхъ и радостныхъ дней, пережитыхъ вмѣстѣ и сроднившихъ меня съ Марковымъ... Но не только потерялъ другъ. Въ арміи, въ ея духовной жизни, въ пафосѣ героическаго служенія образовалась глубокая брешь. Сколько предположеній и надеждъ связывалось съ его именемъ. Сколько разъ потомъ, въ поискахъ человѣка на фонѣ жуткаго безлюдья, мы съ Иваномъ Павловичемъ, точно угадывая мысли другъ друга, говорили со скорбью:

— Нѣтъ Маркова...

* Въ районѣ Кизлярскаго и Петровскаго участковъ Владикавказской жел. дороги царилъ анархія и велась борьба между терцами, горцами и большевиками.

Генералъ Марковъ въ гробу

Похороны ген. Маркова (Новочеркасскъ)

Въ ту же ночь два грузовика со взводомъ вѣрныхъ соратниковъ, съ пулеметами по бортамъ везли дорогую кладь по маньчжской степи, еще кишѣвшей бродячими партіями большевиковъ, въ Новочеркасскъ. Тамъ — осиротѣлая семья покойнаго — мать, жена и дѣти, тамъ «его» полкъ и десятки тысячъ народа отдали послѣдній долгъ праху героя, который когда-то училъ своихъ офицеровъ:

— Легко быть честнымъ и храбрымъ, когда сознать, что лучше смерть, чѣмъ рабство въ униженной и оскорбленной Россіи...

13-го іюня я отдалъ приказъ по арміи:

§ 1.

«Русская армія понесла тяжелую утрату: 12 іюня при взятіи станціи Шабліевки палъ смертельно раненый генералъ С. Л. Марковъ.

Рыцарь, герой, патріотъ, съ горячимъ сердцемъ и мятежной душой онъ не жилъ, а горѣлъ любовью къ Родинѣ и браннымъ подвигамъ.

Желѣзные стрѣлки чтутъ подвиги его подъ Творильней, Журавинымъ, Борынѣй, Перемышлемъ, Луцкомъ, Чарторійскомъ... Добровольческая армія никогда не забудетъ горячо любимаго генерала, водившаго въ бой ея части подъ Екатеринодаромъ, въ Ледяномъ походѣ, у Медвѣдовской...

Въ непрестанныхъ бояхъ, въ двухъ кампаніяхъ, вражеская пуля падла его. Слѣпой судьбѣ угодно было, чтобы великій русскій патріотъ палъ отъ братоубійственной русской руки...

Вѣчная память со славою павшему...

§ 2.

Для увѣковѣченія памяти перваго командира 1-го Офицерскаго полка, части этой впредь именоваться — «1-й Офицерскій генерала Маркова полкъ».

ГЛАВА XXII.

Походъ и бои отъ Великокняжеской до Бѣлой глины.

Для обезпеченія дальнѣйшей операціи противъ Тихорѣцкой со стороны Царицына и для содѣйствія Дону по освобожденію Сальскаго округа я двинулъ армію на Великокняжескую.

2-я дивизія Боровскаго осталась въ Торговой, имѣя два конныхъ полка у Александровскаго и Николаевскаго, фронтомъ въ сторону Тихорѣцкой. Остальныя силы въ ночь на 15 іюня заняли исходное положеніе на лѣвомъ берегу Маныча, съ тѣмъ, чтобы атаковать Великокняжескую на слѣдующее утро.

Правый берегъ Маныча занимали отряды красныхъ, усилившіеся значительно частями, отступившими въ послѣдніе дни отъ Торговой и Шабліевки — всего до 12 тысячъ, причемъ въ районѣ Великокняжеской изъ этого числа было около 6 тысячъ съ двумя бронепоездами и нѣсколькими батареями.

Въ направленіи жел.-дорожнаго моста двинуть былъ Дроздовскій; сѣвернѣе его, на двѣ переправы смѣнившій временно покойнаго Маркова Кутеповъ*, которому, вмѣстѣ съ подчиненными ему донцами, надлежало атаковать Великокняжескую съ сѣверо-запада; еще лѣвѣе его долженъ былъ наступать донской отрядъ Карѣва. На правомъ крылѣ шель Эрдели черезъ переправу у Ново-Манычской для охвата Великокняжеской съ востока.

Утромъ 15-го начался бой. Я шель опять съ дивизіей Дроздовскаго, желая на первыхъ порахъ присмотреться къ ней и придать болѣе быстрый темпъ и болѣе широкій размахъ развитію боя: методизмъ европейской войны потерпѣлъ значительныя измѣненія въ добровольческомъ опытѣ войны гражданской.

Часть силъ Дроздовскаго развернулась противъ жел.-дорожнаго моста, часть пошла правѣе, найдя въ укрытомъ мѣстѣ бродъ по горло черезъ два рукава рѣчки и маленькую рыбацкую лодку; подъ руководствомъ Жибрака одна рота стала переправляться.

Гремѣла большевицкая артиллерія, сосредоточивъ свой огонь преимущественно на полустанкѣ, возлѣ котораго дымилъ нашъ знаменитый «Первый бронепоездъ». Временами онъ подходилъ къ самому мосту, обстрѣливая въ упоръ большевицкія цѣпи.

Переправа длилась очень долго. Я приказалъ «надавить». Дроздовскій поднялъ боевой порядокъ и двинулъ противъ моста; батарея, обогнавъ пѣхотныя цѣпи, подскакала къ самому берегу, снялась открыто и стала поливать непріятельскія цѣпи шрапнелью. Огонь съ того берега ослабѣлъ. Вскорѣ отъ Великокняжеской показался паровозъ съ большимъ бѣлымъ флагомъ, издавая непрерывный свистъ...

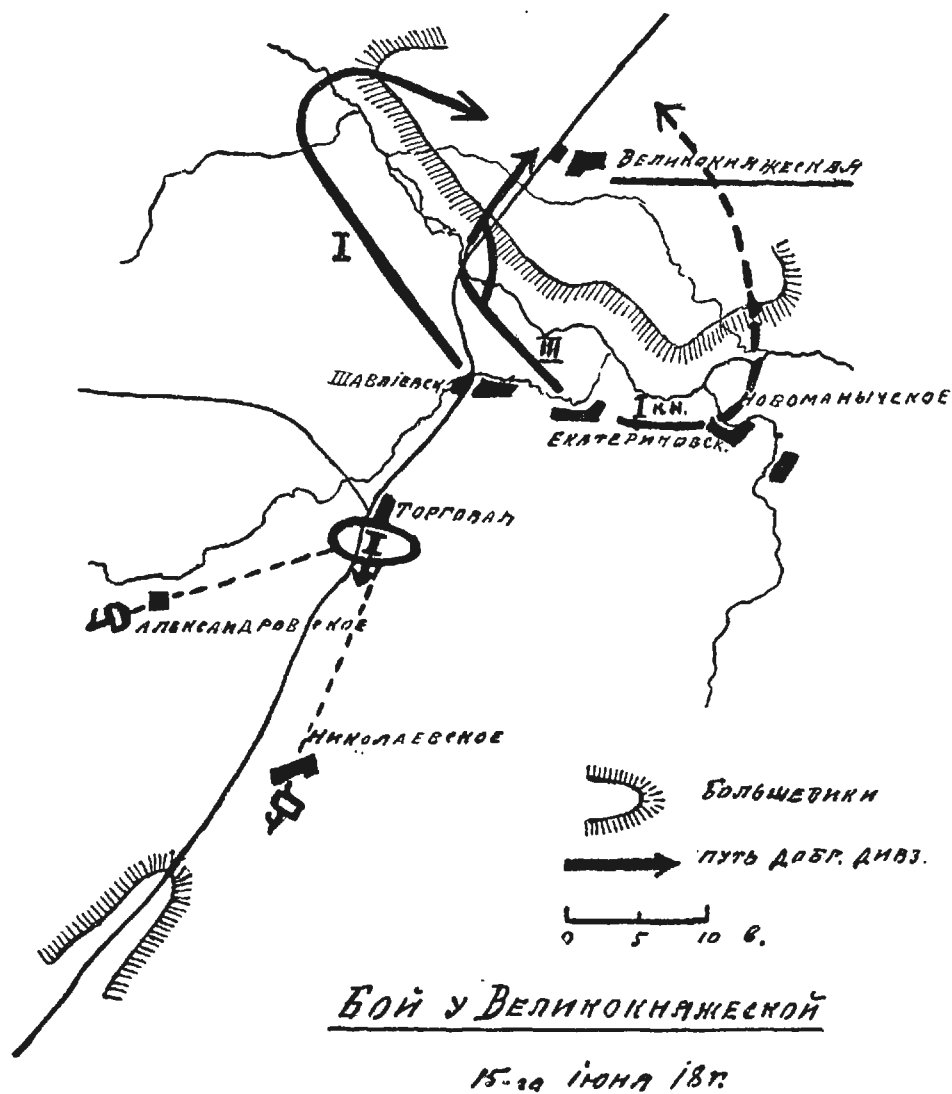
— Очевидно парламентары, — слышится въ рядахъ.

Но паровозъ летѣлъ, не сбавляя хода, и нашъ «бронепоездъ» лишь въ послѣднюю минуту догадался дать почти въ упоръ два-три выстрѣла, разбившихъ паровозъ, усѣгшій, однако, ударить по передней платформѣ «бронепоезда» и сильно покарать

* 1-я дивизія предназначалась ген. Казановичу, который долженъ былъ скорѣе вернуться изъ Москвы, гдѣ онъ находился въ секретной командировкѣ.

нѣсколькихъ человекъ. Паровозъ оказался безъ людей, облитый нефтью, съ бомбами, при-
вязанными на буферахъ. Этотъ эпизодъ на нѣсколько минутъ овладѣлъ вниманіемъ
всего поля боя: враги какъ будто забыли другъ про друга...

Опять поднялись цѣпи 2-го Офицерскаго полка и пошли впередъ безостановочно.
Внушительная картина стройнаго наступленія и на насъ даже произвела впечатлѣніе;
большевики замѣтно зашевелились въ длинныхъ бережныхъ окопахъ, а когда появи-

лись на томъ берегу первые дозоры отъ переправившейся въ бродъ нашей роты, все
хлынуло въ беспорядкѣ къ Великокняжеской; артиллерія и переправившіяся цѣпи
преслѣдовали противника огнемъ.

На лѣвомъ флангѣ цѣпи большевиковъ еще держались, когда роты дроздовцевъ въ
колоннахъ, подъ огнемъ бросились къ желѣзнодорожному мосту и заняли его. Мы пе-
решли на тотъ берегъ съ головной ротой; артиллерійскій взводъ, обгоняя пѣхоту, ушелъ
далеко впередъ; на рысяхъ проходилъ конный полкъ...

Картина отступленія была полная. Влѣво, далеко на горизонтѣ показались также
бѣгущія толпы, за ними какія то конныя лавы — какъ оказалось — донскія сотни изъ

колонны Кутепова, который, отбросив большевиковъ отъ сѣверныхъ переправъ, шелъ на перерѣзъ къ Великокняжеской.

Дроздовскій послѣ переправы сталъ собирать свои части и развѣрживать вновь боевой порядокъ. Но надобности въ этомъ уже не было — большевики уходили безостановочно. Подполковникъ Рясненскій съ командой развѣдчиковъ, за нимъ штабъ арміи съ конвоемъ и 2-й конный полкъ поскакали къ станицѣ. Черезъ нѣсколько минутъ мы входили уже въ вымершую окрестность; конники преслѣдовали противника, мы расположились въ одномъ изъ станиціонныхъ зданій.

Потери наши были ничтожны.

Къ сожалѣнію, окруженіе не вышло: Эрдели, встрѣтивъ упорное сопротивленіе у с. Ново-Маньчскаго со стороны отряда Думенко, безъ артиллерійской поддержки — горный орудіе къ несчастію испортилось — черезъ Манычъ не переправился. Маньчская группа противника была опрокинута, но не разбита. И долго еще потомъ въ Ставропольской губерніи воевала она на флангѣ арміи, отвлекая съ главнаго направленія наши силы для противодѣйствія.

*

На царницинскомъ направленіи наша задача была окончена. Въ самой Великокняжеской сосредоточилось до 2½ тысячъ донцовъ; донскіе отряды продолжали сами очищеніе Сальскаго округа, продвинувшись затѣмъ верстъ на 80, къ станицѣ Зимовники. Только гнѣздо мѣстныхъ большевиковъ — слобода Мартыновка — держалось еще цѣлыхъ пять недѣль, осажденное со всѣхъ сторонъ донскимъ ополченіемъ.

Давъ войскамъ отдыхъ и передавъ районъ донскому командованію, 17 іюня я повернулъ армію къ Торговой, чтобы приступить къ операціи по овладѣнію Тихо-рѣцкой.

Слѣпить было тѣмъ болѣе необходимо, что съ 18-го началось сильнѣйшее давленіе со стороны войскъ Сорокина на слабый нашъ заслонъ по линіи Кагальницкая — Егорлыкская, угрожая тѣмъ нашимъ сообщеніямъ съ Дономъ.

Очевидно, во исполненіе общей директивы начиналось наступленіе большевиковъ по всему фронту: на с. Лежанку шелъ полкъ конницы отъ ст. Плоской; вдоль желѣзной дороги изъ Песчаноконскаго наступала сборная колонна оправившихся послѣ пораженія и усиленныхъ мобилизаціей частей силою до 6—8 тысячъ; въ районѣ Сандата—Башанта—Ивановское собирались большіе отряды, частью вернувшіеся изъ за Маныча, частью пришедшіе изъ Медвѣжьяго и окрестныхъ селъ; они атаковали Эрдели у Ново-Егорлыкского, но были отбиты.

Обезпечивъ Торговую однимъ полкомъ конницы, къ утру 19-го я приказалъ арміи выйти на линію Богородицкое (Боровскій) — Развильное (Дроздовскій) — Ивановское (Эрдели, съ подчиненіемъ ему частей Кутепова), съ цѣлью на слѣдующій день атаковать Песчаноконское.

Это движеніе привело къ упорному бою колонны Дроздовскаго за с. Николаевское, которое въ ночь на 19-е оказалось въ рукахъ большевиковъ, выбившихъ оттуда нашъ конный заслонъ. Бой этотъ продолжался весь день и стоилъ дроздовцамъ потерь около 120 человекъ. На моихъ глазахъ проходили эпизоды, глубоко волнующіе и трогательные: атака пѣхоты — 2-го Офицерскаго полка по открытому ровному полю, подъ ураганнымъ огнемъ большевиковъ... Неравное единоборство нашего деревяннаго «бронепоезда» съ двумя настоящими бронепоездами красныхъ... Съ разбитымъ бомбой паровозомъ, убитымъ машинистомъ и перераненными офицерами, весь въ пламени онъ возвращался тихо къ станицѣ Крученой. За нимъ шли бронепоезда большевиковъ. Вдругъ изъ за насыпи неожиданно раздался по нимъ залпы роты дроздовцевъ, нанесшіе серьезныя потери растерявшейся командѣ головного бронепоезда... Оба дали задній ходъ и, преслѣдуемые ротой, быстро уходили изъ глазъ...

Къ 3—4 часамъ полудни послѣ боя на деревенскихъ улицахъ дивизія овладѣла Николаевскимъ и Поливанскимъ и вышла на западную окраину; проводивъ ночь безъ сна, истомленная и голодная войска залегла тутъ же на привалъ. День клонился къ вечеру. Развильное — цѣль сегодняшняго дня — еще въ семи верстахъ; противникъ

может устроиться и вновь оказать сопротивление... Я со штабом проѣхалъ цѣли и двинулся въ направленіи Развильнаго. Попали подъ ружейный огонь. Остановились. Но пѣхота, увидѣвъ впереди флагъ командующаго, поднялась и двинулась впередъ. Въ то же время Дроздовскій лично повелъ пересоставленный «бронепоездъ» къ станціи Развильной...

Село и станцію заняли безъ сопротивленія. Большевики уходили поспѣшно, и только подъ утро мы узнали причину:

Боровскій занялъ съ утра Богородицкое и выдвинулъ авангардъ къ Песчанокоскому; авангардъ къ ночи послѣ краткаго боя ворвался въ Песчанокоское, оказавшись въ глубокомъ тылу у противника.

Колонна Эрдели продвигалась также успѣшно впередъ: полковникъ Кутеповъ выбилъ послѣдовательно большевиковъ изъ Сандатовскаго и Ивановскаго, а 3-й Кубанскій полкъ, при содѣйствіи броневика «Вѣрный», преслѣдуя бѣгущихъ, захватилъ орудіе и пулеметы и гналъ большевиковъ до Красной Поляны; при этой лихой атакѣ понесена была тяжелая потеря: палъ, сраженный пулей, командиръ полка, полковникъ Шкуратовъ...

* *

Утромъ 20 іюня дивизіи Дроздовскаго приказано было продолжать движеніе на Песчанокоское, Эрдели — занять Разсыпное.

Въ Песчанокоскомъ обстановка между тѣмъ измѣнилась: слабый авангардъ Боровскаго былъ выбитъ изъ села отошедшими туда съ сѣверо-востока отрядами и возставшими жителями: Песчанокоское и Бѣлая Глина — многолюдныя богатѣйшія села (мѣстечки) тихорецкой линіи, привлекавшія агитаторовъ, пропаганду и всякіе буйные элементы, считались очагами большевизма, наиболѣе враждебными Добровольческой арміи.

Къ Песчанокопскому поднялись большинствоя силы со всѣхъ сторонъ, устранились, приводились въ порядокъ. Съ утра 20-го Боровскій велъ на село наступленіе всей своей колонной отъ Богородицкаго и не имѣлъ успѣха; разстрѣлявъ послѣдніе свои патроны и снаряды, колонна его нополудни залегла ввиду Песчанокопскаго.

Колонна Дроздовскаго медпала выступленіемъ — отъ измора людей и отеутетвія подвождъ*. Я поднялъ дивизию по тревогѣ. Конница и артиллерія диннулись походомъ, пѣхота — поѣздомъ вереть восемь, пока медшій впереди нашъ «бронепоездъ», оицъ сильно пострадавшій въ этотъ день, не вступилъ въ бой съ бронепоездами противника.

Уже передъ закатомъ обѣ дивизіи (2-я и 3-я) съ сѣвера и востока атаковали село. Конница Дроздовскаго ворвалась было въ село, но была выбита. Шель немолчный гулъ орудій и ружейная трескотня; сѣбна, словно отдаленное эхо, имъ вторила канонада: то колонна Эрдели вела бой въ 12 верстахъ отъ насъ у Разсыпного, которое Эрдели, разбивъ большевиковъ, занялъ къ ночи.

Около 8 часовъ вечера дроздовцы ворвались въ восточную часть села, части Боровскаго въ сѣверную. Большевики уходили въ беспорядкѣ на Бѣлую Глину; отдѣльныя части, отряды ихъ, блуждая въ темнотѣ, попадали въ руки добровольцевъ и были уничтожаемы.

Бой въ этотъ день отличался большой ожесточенностью.

Мы вѣзжали въ полной темнотѣ. Село совершенно вымерло: большинство жителей бѣжало вмѣстѣ съ отступавшими большевиками. Ихъ гнали безумный страхъ передъ добровольцами... боязнь мести. Во время Перваго Кубанскаго похода, когда армія возвращалась на Донъ, часть тяжело раненыхъ добровольцевъ подлѣчилась и какимъ то чудомъ попала въ Песчанокопское; тамъ они вначалѣ благополучно скрывались, но потомъ были кѣмъ то выданы; и сельскій сходъ, на разрѣшеніе котораго поступила судьба добровольцевъ, постановилъ ихъ казнить, что и было приведено въ исполненіе.

На другой день послѣ занятія нами села произведено было разслѣдованіе и въ результатѣ его дома нѣсколькихъ отеутствовавшихъ виновниковъ предательства и казни, по выводѣ изъ нихъ людей, были сожжены со всѣмъ скарбомъ.

Въ Песчанокопскомъ дать арміи трехдневный отдыхъ.

До сихъ поръ мы били жестоко Красную армію, но не нанесли дѣйствовавшей противъ насъ группѣ окончательнаго пораженія. И теперь разбитыя части тянулись къ Бѣлой Глинѣ, составивъ 10-тысячный гарнизонъ, основаніемъ котораго служили называвшая себя «желѣзной» бригада Жлобы и отрядъ матросовъ. Войска эти пополнились вошедшими чуть ли не поголовно въ ихъ составъ жителями призывного возраста Бѣлой Глины — частью добровольцами, частью мобилизованными Жлобой.

Они поднялись не за совѣтскую власть, а за свое село...

Подступы къ селенію лихорадочно укрѣплялись и занимались передовыми частями; большевики проявляли уже нѣкоторую организованность и тактическое пониманіе.

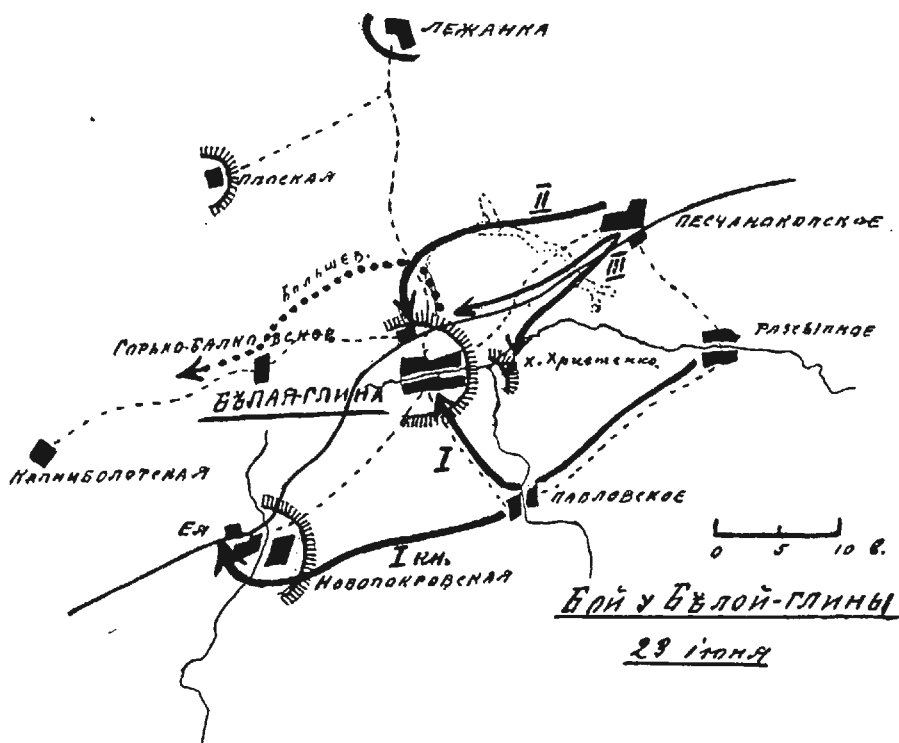
Операция наша подготавлилась тщательно и должна была привести къ полному окруженію Бѣлой Глины.

Еще 22-го колонна Эрдели (конная дивизія и 1-я див. Кутепова) была подтянута въ районъ с. Павловскаго, а полкъ конницы — въ Лесжанку для обезпеченія съ сѣвера. Всѣмъ колоннамъ приказано начать наступленіе съ такимъ расчетомъ, чтобы атаковать Бѣлую Глину на развѣтѣхъ 23-го: Боровскому съ сѣвера, Дроздовскому вдоль жел.-дорожной линіи и рѣчки Разсыпной, Кутепову — съ юга, отъ Павловскаго. Эрдели съ кубанскими казаками долженъ быть къ вечеру 22-го занять станцію Новопокровскую и станцію Юю, разрушить жел. дорогу, прикрыть насъ со стороны Тихорѣцкой и отрѣзать большевикамъ западные пути отеутупленія изъ Бѣлой Глины.

Въ ночь на 23-ье началось наступленіе.

* Въ походѣ пѣхота передвигалась обыкновенно на подводахъ, совершая поэтому огромные марши.

Пѣхота Дроздовскаго двинулась съ сѣвера, подъ начальствомъ полковника Жебрака и около полуночи остановилась верстахъ въ двухъ отъ окоповъ противника. Храбрѣйшій и достойнѣйшій командиръ — полковникъ Жебракъ — велъ полкъ ненесуко. Темной ночью одинъ батальонъ пошелъ въ дальнѣйшій обходъ, другой съ Жебракомъ во главѣ въ походной колоннѣ, безъ развѣдки двинулся въ направленіи хутора Христенко. Встрѣченный въ упоръ залпомъ красноармейской заставы батальонъ смѣшался. Жебракъ бросился впередъ съ крикомъ «въ атаку», но тотчасъ же упалъ, смертельно раненый пулей. Дроздовцы, потерявъ нѣсколько десятковъ человекъ, добѣжали до хутора и опять парвались на жестокой огонь изъ расположенныхъ за нимъ окоповъ противника; понесли тяжелыя потери. Въ ночной тѣмѣ все перепуталось. Обходившій батальонъ дроздовцевъ, услышавъ выстрѣлы, бросился въ ихъ направленіи, былъ встрѣченъ огнемъ

большевиковъ, остановился и открылъ въ свою очередь огонь по хутору, поражая и большевиковъ, и своихъ...

Вскорѣ оба батальона отхлынули и залегли.

Эта ночь стоила дорого 3-й дивизіи. Кромѣ командировъ полка и батальона (полковникъ Чернышевъ), она похоронила около 100 своихъ воиновъ.

Между тѣмъ, на остальныхъ направленіяхъ наступленіе шло весьма успѣшно. Кутеповъ къ развѣду подошелъ къ южной окраинѣ Бѣлой Глины, атаковалъ село и скорѣ ворвался въ него; участвовавшій въ этой атакѣ 2-й конный полкъ колонны Дроздовскаго, сѣвши вновь на коней, преслѣдовалъ бѣгущихъ большевиковъ. Боровскій взялъ съ бою своимъ Партизанскимъ полкомъ станцію и входилъ въ село съ сѣвера. По всему селу ходилъ броневикъ «Вѣрный» и, въ суматохѣ боя обстрѣливаемый и своими, и чужими, разгонялъ большевнцкія толпы.

Около 9 часовъ, почувствовавъ окруженіе, дрогнули и цѣли, лежавшія противъ батальоновъ дроздовцевъ. Нестройными толпами стали онѣ метаться во все стороны, ища свободнаго выхода... Я стоялъ у жел.-дор. будки возлѣ дороги въ Лежанку. Эта дорога оказалась единственной, но недоразумѣнію не прегражденной колонной

Боровскаго. Къ ней хлынулъ человѣческій потокъ — все, что осталось отъ Бѣлоглинской группы. Артиллерія Дроздовскаго сопровождала его сильнымъ огнемъ; броневикъ, эскадронъ 2-го коннаго полка, мой конвой и штабные офицеры бросились въ атаку...

Остатки красныхъ войскъ спасались кружнымъ путемъ черезъ с. Горькобалковское на стан. Калниболотскую.

Въ тотъ же день къ утру Эрдели занялъ станицу Новопокровскую и станицю Ею, отбивъ двукратно контръ-наступленіе со стороны Тихорецкой пѣхоты противника съ бронепоездами.

Разгромъ большевиковъ подъ Бѣлой Глиной, помимо общаго стратегическаго значенія, оказалъ большое моральное дѣйствіе на Кавказскую красную армію и ставропольское населеніе. Принесъ и матеріальные результаты: въ наши руки попало около 5 тысячъ плѣнныхъ, много оружія, боевыхъ припасовъ и другой военной добычи.

Взятіе первой кубанской станицы Новопокровской подняло настроеніе кубанскихъ казаковъ, приблизивъ осуществленіе ихъ заветной цѣли.

*

Когда батальоны дроздовцевъ входили въ село, глазамъ ихъ представилось тяжелое зрѣлище: передъ пустыми окопами лежали раненные, умирающіе и обезображенные большевиками трупы ихъ товарищей. На тѣлѣ Жебрака зіяло 17 штыковыхъ ранъ... «До поздней ночи по всему полю подбирали раненыхъ и свозили трупы убитыхъ и замученныхъ офицеровъ и добровольцевъ» — говорится въ исторіи Дроздовской дивизіи. «Когда узнали, что всѣ трупы добровольцевъ обезображены издѣвавшимися надъ ними (заживо) большевиками, озлобленіе оставшихся въ живыхъ стало еще больше»...

На другой день я услышалъ, что Дроздовскій разстрѣлялъ много плѣнныхъ красноармейцевъ. Я вызвалъ его къ себѣ и указалъ на недопустимость такой жестокой массовой расправы, наносившей къ тому же явный вредъ арміи. Онъ говорилъ о Жебракѣ, о замученныхъ добровольцахъ, о томъ, что большевики убиваютъ и мучатъ всѣхъ... Мертвенно блѣдный, дрожащимъ голосомъ онъ вспоминалъ о «вчерашнемъ» — весь во власти чувства гнѣва и печали. Я потребовалъ, чтобы подобные факты не повторялись. И зналъ, что Дроздовскій, другой, третій — если не исполняютъ приказъ, то только формально. Многіе изъ добровольцевъ жили тогда тѣмъ же побужденіями, которыя дроздовецъ — поэтъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ похоронъ своихъ друзей и соратниковъ у Бѣлоглинской церкви, выразилъ въ словахъ «похороннаго марша»:

«...И взоромъ души мы стремилися въ даль
На новую славную битву,
Гдѣ жертвы погибшихъ въ бою роковымъ
Отмстить мы сурово рѣшили.
И въ тихомъ молчаньи со скорбнымъ челомъ
Мы всѣ отъ могилъ уходили».

Нужно было время, нужна была большая внутренняя работа и психологическій сдвигъ, чтобы побороть звѣриное начало, овладѣвшее всѣми — и красными, и бѣлыми, и мирными русскими людьми. Въ Первомъ походѣ мы вовсе не брали плѣнныхъ. Во второмъ — брали тысячами. Позднѣе мы станемъ брать ихъ десятками тысячъ. Это явленіе будетъ результатомъ не только измѣненія масштаба и методовъ борьбы, но и эволюціи духа.

А плѣнные?

Я видѣлъ ихъ тогда въ Бѣлой Глинѣ — вѣсколько тысячъ. Вмѣшавшись въ толпу ихъ, пытался побесѣдовать, желая выяснитъ психологію этой оглушенной революціей, то звѣрской, то добродушной, воюющей и ненавидящей войну массы. Напрасно. Звѣриный страхъ сковалъ ихъ мысли и рѣчь. Съ недоумѣніемъ, не вѣря своему счастью, расходились они, отпущенные по домамъ. И мнѣ думалось:

Пойдутъ ли эти люди, и съ какимъ чувствомъ, вновь на войну, когда ихъ призовутъ по мобилизаціи мы или большевики?

ГЛАВА XXIII.

Тихорѣцкая операція.

Въ то время, когда армія двигалась съ боями въ направленіи на Тихорѣцкую, на крайнемъ правомъ флангѣ ея, начиная съ 18 іюня, шло наступленіе войскъ Сорокина противъ нашего Задонскаго заслона (Кагальницкая — Егорлыкская), съ явной цѣлью — ударомъ по сообщеніямъ армій и выходомъ въ тылъ ея сорвать нашу операцію.

Я получалъ тревожныя донесенія отъ Покровскаго и свѣдѣнія о крайнемъ неудовольствіи Новочеркасска. Покровскій жаловался, что ему не даютъ съ Дона боевыхъ припасовъ, у него совершенно изсякшихъ, и настойчиво просилъ подкрѣпленій. Я еще 18-го послалъ въ ст. Егорлыкскую Корниловскій полкъ съ двумя орудіями* для обезпеченія ближайшаго фланга армій и предоставилъ затѣмъ заслону справляться собственными силами: ослабленіе главнаго удара было недопустимо; только его успѣхъ рѣшалъ судьбу армій, операцій и всѣхъ второстепенныхъ направленій.

На 42-верстномъ фронтѣ отъ Кагальницкой до Егорлыкской войскъ было не много: у Покровскаго (Кагальницкая и Мечетинская) — полкъ кубанцевъ, 2 орудія и 6 сотенъ донскихъ ополченій — въ общемъ не болѣе 1½ тысячъ; у подполковника Постовскаго (Егорлыкская), до прибытія Корниловскаго полка, ополченіе станицы — до тысячи человекъ съ 2—3 орудіями.

18 іюня колонна большевиковъ въ 2½ тысячи съ артиллеріей и даже съ 6-дюймовыми орудіями атаковала Егорлыкскую, но была отброшена и преслѣдуема Постовскимъ. Съ того же дня началось наступленіе крупныхъ отрядовъ Сорокина (6—8 тысячъ человекъ) на Покровскаго, достигшее высшаго напряженія 23 іюня. Большевики взяли с. Гуляй-Борисовку и подошли вплотную къ ст. Кагальницкой. Покровскій съ трудомъ сдерживалъ напоръ противника; потери, понесенныя его казаками, были значительны. Между тѣмъ, 22 іюня выступили на присоединеніе къ армій отдохнувшіе и пополнившіеся въ Новочеркасскѣ Марковскій и 1-й конный полки: для атаки Тихорѣцкой я стягивалъ всѣ силы. Ввиду тяжелаго положенія Покровскаго, я направилъ полки эти черезъ мечетинскій фронтъ, чтобы попутно они могли помочь Покровскому.

Подойдя къ Кагальницкой, полки эти въ ночь на 25-е вступили въ бой съ большевиками, окружившими уже полукольцомъ станицу. Командиръ Марковскаго полка, полковникъ Тимановскій атаковалъ большевиковъ. Послѣ крайне упорнаго и жестокаго боя разбилъ ихъ, захвативъ орудіе и 11 пулеметовъ, и отбросилъ далеко на западъ. Въ этотъ день получилъ боевое крещеніе и вынесъ доблестно главную тяжесть боя вновь сформированный третій батальонъ Марковскаго полка изъ офицеровъ, прибывшихъ съ Украины и Новороссіи.

Побѣда стоила, однако, марковцамъ чрезвычайно дорого: 31 убитъ и 280 ранено.

На другой же день, 26-го, полкъ продолжалъ путь и, сдѣлавъ въ двое сутокъ 110 верстъ, присоединился въ Горькой Балкѣ къ армій.

Между тѣмъ, новочеркасская полтика продолжала вносить холодную струю въ наши настроенія и областной шовинизмъ въ стратегію.

* Черезъ нѣсколько дней возвращены къ своей дивизіи.

По поводу событий на мечетинском фронте и требований Покровского от Дона боевых припасов и поддержки, ген. Эльснер пишет в сообщении с донскими властями: «...Ген. Богасевский мне ответил — писал он начальнику моего штаба —, что для атамана такая слабая численность группы Покровского была полной неожиданностью; что слухи о взятии (большевиками) Кагальницкой и Мечетинской сильно возмущают население Новочеркасска... Краснов прислать мне ответ (собственноручной

БОИ СЪВЕРНАГО ЗАСЛОНА

18-25 ІЮНЯ 18Г.

зашекой)... Ответ этот настолько резок по своему тону, так раздраженно критикует действия армии, что я его Вам не пришло. Общій смысл таковъ, что армія легкомысленно предприняла настоящую операцію, обнаживъ свою линію сообщеній, которая теперь находится подъ ударами противника; онъ предупреждать объ опасности операціи на Торговую и Великокняжескую безъ предварительной ликвидаціи Батайской группы, но его не послушали»...*

* Докладъ отъ 3 іюля, № 9.

Генералъ Тимаповскій (†)

29-го директивой ген. Денисова мечетинскій районъ демонстративно включенъ былъ въ составъ Донского фронта и туда направлень донской пѣшей полкъ съ 3 орудіями. Воплѣвъ своевременно и безопасно, ибо Сорокинъ, послѣ пораженія, нанесеннаго ему 25 іюня Тимановскимъ, прекратилъ наступленіе, и на мечетинскомъ фронтѣ наступило полное затишье; совѣтское командованіе оттянуло свои отряды съ этого фронта на югъ, къ тихорѣцкой линіи, предчувствуя заносимый тамъ нами ударъ.

Краснову я не отвѣтилъ: докладъ Эльснера полученъ былъ мною уже въ Тихорѣцкой, когда «донское правительство приносило генерату Богаевскому, какъ бывшему добровольцу, торжественное поздравленіе по поводу успѣховъ Добровольческой арміи»...

Наступленіе большевиковъ въ эти дни велось на всемъ нашемъ фронтѣ.

24-го передовыя части большевиковъ атаковали кубанцевъ Эрдели у станицы Ея, но были отброшены; 25-го они возобновили атаку уже силами въ 4—5 тысячъ при 12 орудіяхъ и двухъ бронепоездахъ. Развивали артиллерійскій огонь давно уже не слыханнаго напряженія, израсходовавъ въ этотъ день до тысячи снарядовъ... Но духъ ихъ былъ уже подорванъ, и конница Эрдели, усиленная броневиками, опрокинула противника и преслѣдовала ихъ далѣе въ направленіи Тихорѣцкой.

Такимъ образомъ, 23-го Добровольческая армія нанесла пораженіе большевикамъ подъ Бѣлой Глиной, а черезъ три дня сѣверо-кавказская красная армія, отказавшись отъ всякихъ активныхъ плановъ, перешла уже къ оборонѣ на всемъ своемъ фронтѣ. Только войска «Ставропольской республики» въ районѣ Медвѣжье — Успенская проявляли еще нѣкоторую активную дѣятельность.

*

Въ районѣ Бѣлая Глина — Новопокровская армія простояла до 30-го іюня, подтягивая всѣ свои силы, обезпечивая частными боями предстоящую операцію и свое развертываніе.

Къ этому времени группировка противника армейской развѣдкой опредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

1. Подъ непосредственнымъ командованіемъ «главковерха» Каляина въ районѣ Калниболотская — Терновская и Тихорѣцкая располагалось 11—12 тысячъ войскъ — по преимуществу тѣхъ, которые уже испытали наши удары — при 16 орудіяхъ и большимъ количествомъ пулеметовъ; 3 бронепоезда.

2. На сѣверѣ въ Незамаевской стоялъ конный отрядъ, связывавшій эту группу съ арміей Сорокина.

3. Штабъ «главковерха» находился на станицѣ Тихорѣцкой, въ поѣздахъ. Вокругъ станицы и станицы укрѣплялась позиція, усиливаемая проволочными загражденіями.

4. Южнѣ насъ на линіи Успенская — Ильинская находился отрядъ Думенко (2—2½ тысячи, 4 орудія, 20 пулеметовъ) и въ районѣ Привольное — Медвѣжье нѣсколько ставропольскихъ отрядовъ общей численностью около 4 тысячъ при 4 орудіяхъ.

Подготовку операціи пришлось начать съ ликвидаціи этихъ южныхъ группъ, угрожавшихъ при дальнѣйшемъ движеніи нашему тылу. Ударъ по нимъ, чтобы не задержатъ общаго наступленія, требовалъ отъ начальника большой рѣшимости и стремительности. Этими качествами обладалъ въ высокой степени начальникъ 2-й дивизіи ген. Боровскій. И кромѣ того еще однимъ: онъ никогда не велъ рѣчи о малочисленности своихъ войскъ, пхъ переутомленіи и т. д. Разговоръ нашъ 27-го былъ кратокъ:

— Необходимо въ три дня разбить большевиковъ у Медвѣжьяго, Успенской и Ильинской, съ тѣмъ, чтобы 30-го сосредоточиться въ районѣ Пльинской, такъ какъ 1 іюля состоится общее наступленіе наше на Тихорѣцкую...

— Слушаю.

— Александръ Александровичъ, вы взвѣсили, что передъ вами — 115 верстъ пути и 6 тысячъ красноармейцевъ?

— Исполню.

Можете выступить завтра съ разсвѣтомъ?

Выступлю сегодня къ вечеру...

Мы простились; вечеромъ я провожалъ колонну Боровскаго, вытягивавшуюся изъ Бѣлой Глины; а 30-го пополуночи къ штабу, перешедшему въ Новоокровскую, подѣхалъ автомобиль: Боровскій вдвоемъ съ адъютантомъ по дорогѣ, по которой бродили еще разбѣды большевиковъ, прѣхалъ съ докладомъ изъ... Ильинской.

«Рейдъ Боровскаго», какъ называли этотъ походъ, протекалъ съ быстротой, поистинѣ кинематографической.

Утромъ 28-го у хутора Богомолова, въ 45 верстахъ отъ Бѣлой Глины, колонна встрѣтила 4 тысячный отрядъ большевиковъ съ 4 орудіями. Боровскій атаковалъ противника. Корниловскій полкъ, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ перейдя вбродъ по горло рѣчку, захватилъ хуторъ Богомоловъ, разбилъ противника и, преслѣдуя его совместно съ кубанскимъ коннымъ полкомъ, овладѣлъ Медвѣжьимъ. Въ наши руки попало 2 орудія, 2 пулемета, много ружей и около тысячи плѣнныхъ. Въ ту же ночь Боровскій продолжалъ движеніе и на разсвѣтѣ 29-го атаковалъ кубанскимъ пластуни-скимъ батальономъ вторую группу противника подъ Успенской* (1½ тысячи пѣхоты при 2—3 орудіяхъ); разбилъ и ее; при этомъ нашъ удивительный броневикъ «Вѣрный» атаковалъ непріятельскую батарею и, перебивъ ея лошадей, завладѣлъ орудіемъ, изъ котораго тотчасъ же команда броневика открыла огонь по отступающимъ. 30-го Боровскій, разбивъ въ третій разъ большевиковъ, овладѣлъ Ильинской.

Остатки отрядовъ красной арміи частью разсѣялись во всѣ стороны, частью отошли на югъ и къ Тихорѣцкой. Поднявшіеся кубанскія станицы Успенская и Ильинская могли уже своими силами охранить южное направленіе.

29 и 30-го произошла смѣна дивизіи Эрдели въ Новоокровской частями Дроздовскаго. Постѣ небольшихъ стычекъ Эрдели занялъ станицу Незамаевскую, а Кутеповъ сосредоточилъ всю свою дивизію въ станицѣ Калниболотской.

Такимъ образомъ, 30-го закончилось развертываніе арміи на 66-верстномъ фронтѣ по линіи Незамаевская — Калниболотская — Новоокровская — Ильинская.

Въ тотъ же день отданъ былъ мною приказъ: «завтра 1-го іюля овладѣть станціей Тихорѣцкой, разбивъ противника, группирующагося въ районѣ Терновской — Тихорѣцкой». Колоннамъ предстояло сдѣлать отъ 35 до 60 верстъ, по крайней мѣрѣ съ двумя боями. Но утомленіе окушится сохраненіемъ многихъ жизней, а неожиданность парализуетъ волю противника...

Планъ операціи предусматривалъ окруженіе Тихорѣцкой.

Эрдели долженъ былъ, захвативъ станцію Леушковскую, прикрыть насъ частью силъ съ сѣвера отъ Сосыки, а съ остальными выйти къ жел.-дорожной линіи Екатеринодаръ — Тихорѣцкая у станицы Новорождественской, чтобы затѣмъ ударить съ запада въ тылъ Тихорѣцкой группѣ.

Кутепову — содѣйствовать взятію станціи Порошинской и атаковать потомъ Тихорѣцкую съ сѣвера.

Дроздовскій былъ направленъ вдоль жел. дороги; ему предстояло овладѣть станціей Порошинской и станціей Терновской и атаковать Тихорѣцкую съ востока.

Боровскому — содѣйствовать съ юга атакѣ станціи Терновской, постѣ чего, прикрывшись заслономъ со стороны Кавказской, атаковать Тихорѣцкую съ юго-востока.

Къ Незамаевской были подтянутъ и Покровскій. Бригада кубанскихъ казаковъ Глазенапа охраняла нашъ правый флангъ и тылъ отъ Торговой до фронта и поддерживала порядокъ въ сѣверной части Ставропольской губерніи.

*

Въ ночь на 1-е колонны выступили.

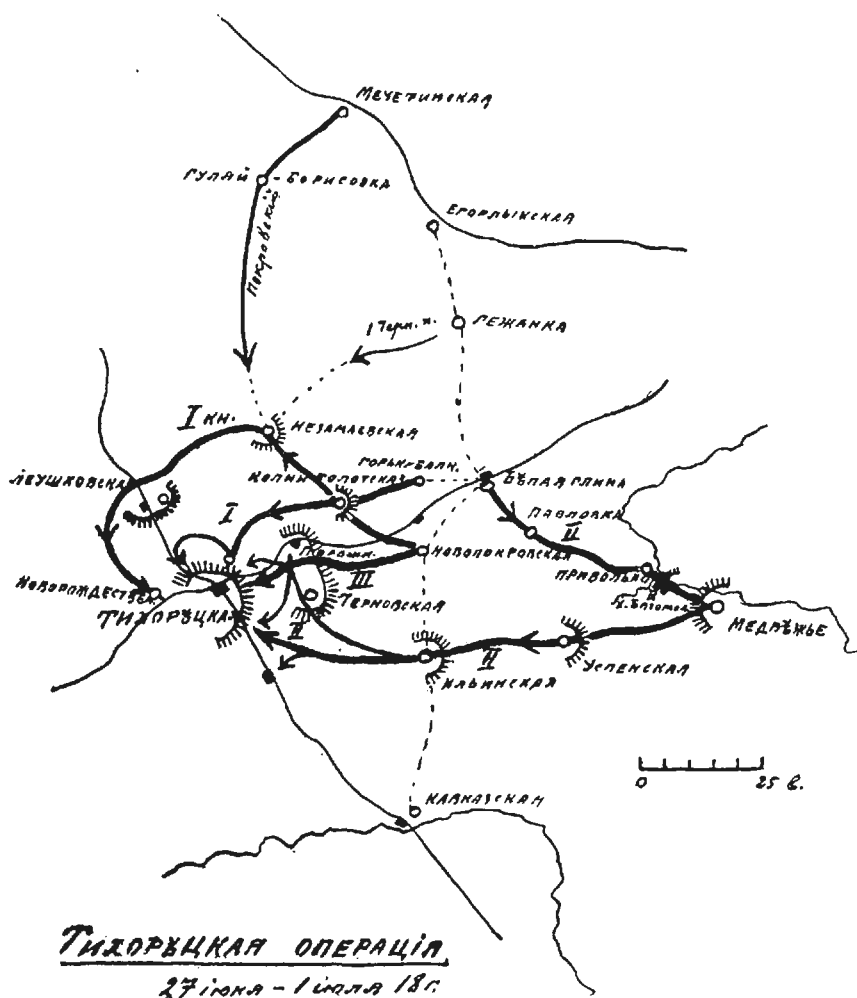
Станица Терновская и станція Порошинская, занятые красноармейской дивизіей, отрядомъ коммунистовъ и тысячею мѣстныхъ большевиковъ — инородицъ съ однимъ бронепоездомъ, были взяты почти однимъ маневромъ.

* Въ 34 верстахъ отъ Медвѣжьяго.

Генера. Боровскій

Колонна Дроздовскаго двигалась ночью и послѣ привала съ разсвѣтомъ продолжала наступленіе, ведя попутно бой съ бронепоездомъ большевиковъ; около 8 часовъ утра она появилась ввиду станицы; къ этому времени колонна Кутепова прямымъ движеніемъ выходила уступомъ въ охватъ Порошинской съ сѣвера, а Корниловскій полкъ, выдѣленный Боровскимъ, направляется въ тылъ большевикамъ по западной окраинѣ Тернов-

ской, къ жел.-дорожной станціи. Послѣ краткаго огневого боя, большевики начали отступать на всемъ фронтѣ и около 9 часовъ утра корниловцы* и дроздовцы владѣли уже станицей и станціей.

Къ полудню положеніе было таково:

Эрдели подходилъ къ Новолеушковской; Кутеповъ, потѣснивъ небольшія части противника, сталъ на привалъ въ Новоромановской; Дроздовскій — въ Терновской; Боровскій былъ на полпути между Ильинской и Тихорецкой.

* Пошли затѣмъ на соединеніе со своей дивизіей.

Большевики быстро отступали передъ нами къ Тихорѣцкой. Бой кончился. Поле опустѣло и смогло. Казалось, что сегодняшний страдный день не будетъ уже свидѣтелемъ новаго боя... Внослѣдствіи плѣнные передавали намъ, что впечатлѣніе «конца» всецѣло овладѣло штабомъ Калинина. Тамъ ждали нашего наступленія только на слѣдующій день. Главкомъ и штабные чины — постѣ бессонной ночи и тревожныхъ переживаній сегодняшняго утра успокоились и легли отдохнуть.

Ихъ разбудить подѣ вечеромъ громъ артиллеріи на тихорѣцкихъ позиціяхъ.

*

Полудни наступленіе наше продолжалось.

Дивизія Дроздовскаго*, съ посаженной вновь на повозки пѣхотой, шла вдоль полотна, отгоняя своей артиллеріей бронепоезда большевиковъ. Около 5 часовъ полудни закончилось ея развертываніе верстахъ въ шести отъ Тихорѣцкой. Цѣпи двинулись по высокому хлѣбу, дошли шаговъ на тысячу до окоповъ противника, и, встрѣченныя сильнымъ ружейнымъ огнемъ, залегли. Артиллерія большевиковъ обстрѣливала насъ временами ураганнымъ огнемъ. Такъ прошло около часу. Отъ 5-ой желѣзнодорожной будки, гдѣ расположились штабы Дроздовскаго и мой, мы увидѣли какое то подозрительное движеніе и суету у южнаго выхода изъ станціи. Тамъ метались люди, повозки, скакали конные... Нельзя было разобрать — свои или чужіе, но все это текло съ юга на сѣверъ, что было для насъ радостнымъ предзнаменованіемъ...

Я приказалъ дивизіи Дроздовскаго продолжать наступленіе. Цѣпи поднялись и, встрѣченныя ураганнымъ огнемъ, залегли опять. Но это была уже послѣдняя вѣпшыка. Прошло нѣсколько минутъ, и цѣпи большевиковъ, густо лежавшія въ окнахъ возлѣ полотна, поднялись и побѣжали — не къ станціи, а въ сѣверо-восточномъ направленіи.

Вѣроятно, узнали...

Станція Тихорѣцкая, расположенная въ тылу и въ центрѣ укрѣпленной позиціи, была уже въ нашихъ рукахъ...

Боровскій, наступая съ юго-востока, вдоль желѣзной дороги Ростовъ — Владикавказъ, прорвалъ Партизанскимъ полкомъ расположеніе большевиковъ; кубанскій конный полкъ его дивизіи пошелъ по тыламъ, внося повсюду сильнѣйшую панику; Корниловцы устремились къ станціи.

Черезъ четверть часа мы съ Романовскимъ и нѣсколькими офицерами штаба встрѣтили Боровскаго на станціи. Тамъ было безлюдно. Добровольцы 2-й дивизіи продолжали бой въ поселкѣ; станціонные служащіе попрятались. Веѣ пути были загромаждены поѣздными составами, стоялъ въ полной непркосновенности и штабной поѣздъ главкомъ. Самъ Калининъ, какъ передавали потомъ желѣзнодорожники, пѣшкомъ, безъ шапки, въ одиночествѣ, пробрался между составами и скрылся въ направленіи на Екатеринодаръ. Его начальникъ штаба, полковникъ ген. штаба**, застигнутый на мѣстѣ, заперся въ своемъ купѣ. Когда потомъ чины инженерной роты взломали дверь купѣ, глазамъ вошедшихъ представилась такая картина: на полу въ лужѣ крови лежалъ трупъ полковника и рядомъ съ двѣ замѣтными признаками жизни — его жена, въ которую онъ стрѣлялъ передъ самоубійствомъ... Его помощникъ и адъютантъ были разстрѣляны.

По станціи откуда-то вело огонь непріятельское тяжелое орудіе; въ желѣзнодорожномъ поселкѣ шла частая трескотня — ружейная и пулеметная, и Боровскій озабоченно собиралъ своихъ добровольцевъ, вышедшихъ изъ рукъ во время стремительной атаки, чтобы организовать на всякій случай оборону станціи.

А на позиціи все еще шелъ горячій бой. Въ тѣсномъ кольцѣ судорожно метались люди, ища спасенія и находя повсюду смерть. До поздней ночи гремѣла немолчно артиллерія и трещали ружья и пулеметы. Спускавшаяся тьма придавала какой то особенно суровый и тревожный колоритъ картинѣ боя.

* Къ этому времени составъ ея усилился «Солдатскимъ полкомъ» (изъ мобилизованныхъ и плѣнныхъ) и кубанскимъ пластушскимъ батальономъ. См. ниже.

** Фамиліи не помню.

Генералъ Орде.

Только противъ лѣваго крыла дивизіи Дроздовскаго противникъ побѣжалъ, не принявъ атаки. На правомъ флангѣ Солдатскій полкъ бросился на окопы и въ ожесточенной штыковой схваткѣ уложилъ много большевиковъ. Остатки ихъ бѣжали на сѣверъ и сѣверовостокъ, преслѣдуемые ротами Солдатскаго полка и кубанцами Боровскаго. Тамъ они нашли конецъ, встрѣтивъ войска Кутепова...

Дивизія Кутепова, занявъ безъ боя станицу Тихорѣцкую, къ 4 часамъ частями Марковского полка преградила большевикамъ сѣверные пути отступленія и жел. до-ст. со стороны Сосыки. Наступая затѣмъ на станцію, Кутеповъ встрѣтилъ отчаянное сопротивление. Перешедшіе въ контръ-атаку противъ Марковцевъ большевики были опрокинуты ими обратно въ окопы; лѣвѣе — 1-й кубанскій полкъ, атакованный внезапно двумя броневиками, сталъ отходить, преслѣдуемый красной пѣхотой. Наша артиллерія поддержала полкъ огнемъ, разбила одинъ броневикъ, а 2-й конный полкъ, бросившись на выручку, атаковалъ пѣхоту противника, налетѣлъ на окопы и перерубилъ много большевиковъ, понеся при этомъ самыя тяжелыя потери.

На полѣ, покрытомъ высокой пшеницей, въ ночной темнотѣ связь между частями 1-й дивизіи была совершенно нарушена. Части перепутались между собой и съ большевиками. Происходилъ рядъ недоразумѣній, иногда комичныхъ, часто фатальныхъ. Въ такой сложной обстановкѣ Кутеповъ продолжалъ наступленіе, окончившееся полнымъ разгромомъ и уничтоженіемъ противника.

Я видѣлъ на другой день это поле. Жуткое зрѣлище представляли длинныя линіи окоповъ — по обѣ стороны дороги въ станицу Тихорѣцкую — сплошь заваленныя человеческими трупами... Они — вчера еще вольные или невольные защитники окоповъ — прекратили огонь и подняли на ружьяхъ бѣлые флаги (платки); но когда добровольцы и съ ними верхомъ Кутеповъ со штабомъ подѣхали къ окопамъ, ихъ встрѣтили залпомъ. Перебили людей, ранили адъютанта начальника дивизіи. Поэтому, когда окопы попали, наконецъ, въ руки добровольцевъ, пощады не было никому...

На ночлегъ войска расположились по квартирамъ въ районѣ Тихорѣцкой, выдвигнувъ авангардъ на сѣверъ, западъ и югъ.

Подъ утро получено было донесеніе отъ Эрдели, что дивизія его, пройдя въ этотъ день съ боемъ около 60 верстъ, обойдя Леушковскую съ сѣвера, къ ночи подошла къ Новорождественской и жел. дорогѣ, довершивъ окруженіе тихорѣцкаго узла и случайныхъ остатковъ спасавшагося бѣгствомъ противника. Семь поѣздовъ успѣло, однако, проскочить въ Екатеринодаръ.

* *

Значеніе для насъ побѣды подъ Тихорѣцкой было весьма велико.

Въ стратегическомъ отношеніи мы 1) разгромили окончательно 30-тысячную группу Калнина; 2) приобрѣтали обезпеченное сообщеніе съ тыломъ (Тихорѣцкая — Торговая), свободу дѣйствій и возможность переброски войскъ по желѣзной дорогѣ въ трехъ важныхъ направленіяхъ; 3) разъединяли отдѣльныя группы красныхъ войскъ и въ частности ставили въ весьма затруднительное положеніе армію Сорокина, которая должна была теперь держать фронтъ на сѣверъ (нѣмцы и донцы) и на югъ, имѣя подъ ударомъ свою линію сообщеній*.

Въ матеріальномъ отношеніи Добровольческая армія приобрѣла огромныя по нашимъ масштабамъ и неопѣнимыя для насъ трофеи: массу подвижнаго состава, три бронированныхъ поѣзда, аэропланъ, броневые автомобили, около 50 орудій**, въ томъ числѣ морскія дальнобойныя, большое количество ружей, пулеметовъ и огнестрѣльныхъ припасовъ; много различнаго интендантскаго имущества.

Наконецъ, въ моральномъ отношеніи «Тихорѣцкая» еще болѣе укрѣпила увѣренность въ своихъ силахъ въ арміи и ея престижъ въ глазахъ друзей и враговъ. «Взятіе

* Кущевка — Тимашевская — Екатеринодаръ.

** Болѣе половины исправныхъ или требовавшихъ небольшого ремонта.

Тихорецкой — доносили из Новочеркасска — произвело сильное, можно сказать, радостно-ошеломляющее впечатление не только среди всех кругов населения, но и среди всех без исключения членов правительства... Кубанцы начали поступать в ряды армии еще более интенсивно... Большевицкая пресса прекратила обычное глумление над «блугвардейскими бандами», но удвоила злобность. А военный комиссаріат «ввиду серьезности момента и надвигающейся со стороны врагов революции на Северо-Кавказскую республику опасности» объявилъ вскорѣ «всеобщую мобилизацию»*...

* Изъ приказа Северо-Кавказскаго комиссаріата.

ГЛАВА XXIV.

Положеніе къ 1 августа арміи и освобожденнаго края. Обликъ Добровольческой арміи.

Армія прошла въ три недѣли 262 версты, выдержавъ рядъ серьезныхъ боевъ и понесъ значительныя потери. Большевики оказались гораздо болѣе стойкими, чѣмъ мы ожидали. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ данныхъ объ общемъ числѣ убитыхъ и раненыхъ за этотъ періодъ; полагаю, что ихъ было болѣе четверти состава арміи. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ полковыхъ реляціяхъ, или въ моемъ очеркѣ встрѣчается фраза «потери наши были ничтожны», надо помнить, что опредѣленіе это весьма относительно: здѣь гибли наши кадры, наши первые, наши лучше, пѣйные добровольцы...

Тѣмъ не менѣе составъ арміи къ первымъ числамъ іюля — по крайней мѣрѣ удвоился. Шелъ непрерывный притокъ съ Украины и Новороссіи, отчасти изъ центральной Россіи добровольцевъ, главнымъ образомъ, офицеровъ; освобождаемая кубанскія станицы — по приказу и добровольно — становились въ ряды арміи* или вооруженными отрядами охраняли ея сообщенія; поступали на пополненіе частей, теперь уже въ большомъ числѣ, плѣнные красноармейцы, и во всѣхъ раіонахъ дѣйствія арміи привлекалась по мобилизаціи мѣстная молодежь, первоначально два возрастныхъ класса. Дроздовскій сдѣлалъ даже опытъ формировація отдѣльной части изъ плѣнныхъ и мобилизованныхъ. Его «1-й Солдатскій полкъ» принималъ доблестное участіе подъ Тихорѣцкой и въ дальнѣйшихъ бояхъ.

Наконецъ, были факты и другого порядка: нѣкоторые села Ставропольской губерніи, приведенныя въ отчаяніе совѣтскимъ режимомъ, постановляли сами на сходахъ мобилизацію извѣстныхъ контингентовъ населенія и присылали ихъ на службу въ ряды арміи.

Пополнивъ значительно свои ряды, Добровольческая армія къ началу іюля успѣлась слѣдующими войсковыми частями**: однимъ пѣхотнымъ полкомъ («Солдатскій»), четырьмя пластунскими батальонами, тремя кубанскими конными полками, пятью батареями. Части эти вошли въ составъ дивизій или пошли на развертываніе новыхъ соединеній***; кромѣ того, въ составъ арміи входило 4 бронепоезда и автоброневой дивизіонъ изъ 6 машинъ.

Ввиду вступленія у станицы Новопокровской на территорію Кубани, я обратился къ Кубанскому атаману съ письмомъ, въ которомъ указывалъ на необходимость подготовки имъ и правительствомъ, помимо схемы гражданскаго управленія области, и плана необходимыхъ военныхъ мѣропріятій. «Эти вопросы, — писалъ я — какъ затрагивающіе интересы Добровольческой арміи, предварительное проведенія ихъ въ жизнь, должны быть нами совместно обсууждены». Въ основаніе военныхъ мѣропріятій я ставилъ:

* Кромѣ чисто кубанскихъ конныхъ и пластунскихъ частей, кубанскіе казаки входили въ составъ пѣхотныхъ добровольческихъ полковъ.

** См. гл. XX.

*** Бригада Покровскаго развернута въ Кубанскую дивизію и сформирована отдѣльная бригада (Глазенапа).

1) полное напряженіе силъ Кубани для скорѣйшаго ея освобожденія; 2) все первоочередныя части должны входить и впредь въ составъ Добровольческой арміи для выполненія общегосударственныхъ задачъ; 3) въ дальнѣйшемъ со стороны освобожденнаго кубанскаго казачества не должно быть проявлено никакого сепаратизма.

Какъ бы въ отвѣтъ на это письмо состоялся приказъ по войску, подписанный атаманомъ, полковникомъ Филимоновымъ и «военнымъ министромъ» полковникомъ Савицкимъ. Приказъ попалъ ко мнѣ случайно. Въ немъ самостоятельно, безъ моего участія, разрѣшены были все вопросы организаціи вооруженныхъ силъ, причемъ, вмѣсто призыва къ полному напряженію, давались уже опасныя психологически обѣщанія объ освобожденіи изъ рядовъ арміи, и въ частности изъ чисто добровольческихъ частей, извѣстныхъ контингентовъ...

На этой почвѣ произошла первая крупная размолвка моя съ кубанскими властями. Въ результатѣ атаманъ оставилъ въ силѣ приказъ, сохранивъ «принципъ суверенности», а же продолжалъ организацію кубанскихъ частей въ мѣрѣ дѣйствительной потребности, вызываемой общимъ военнымъ положеніемъ.

Наконецъ, къ этому же періоду относится еще одинъ эпизодъ. Полагая, что послѣ ряда побѣдъ достаточно назрѣла психологическая возможность перестроенія добровольческихъ частей на основахъ обще-обязательной службы, я запросилъ секретно мнѣніе по этому вопросу начальниковъ дивизій...

Отвѣтили, что пока преждевременно.

*

Довольствовалась армія, ввиду богатства края, обыкновенно хорошо — за наличный расчетъ, рѣдко путемъ платныхъ реквизицій. Иногда населеніе кормило добровольцевъ по доброй волѣ бесплатно. Вообще нужно замѣтить, что имѣвшія мѣсто на этой почвѣ злоупотребленія меньше всего озлобляли народъ, въ глазахъ котораго такого рода незаконная «повиность», если и была непріятной, не разъ тяжелой, то, очевидно, слишкомъ привычной.

Снабженіе арміи нѣсколько улучшилось; источниками его служили попрежнему военная добыча, грузы, слѣдовавшіе въ адресъ совѣтскихъ учреждений, покушка за наличныя, а на территоріи Кубани и за зачетныя квитанціи — за счетъ ея правительства. Реализація не имѣвшаго военного значенія совѣтскаго добра служила, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторымъ источникомъ пополненія скудной казны ген. Алексѣева. Я снялъ съ арміи эту обузу и попросилъ Михаила Васильевича принять это дѣло на себя, поручивъ общественнымъ дѣятелямъ изъ состава военно-промышленнаго комитета ликвидацію имущества.

Ген. Алексѣевъ пріѣхалъ въ это время въ Тихорецкую, предполагая вскорѣ вернуться въ Новочеркасскъ. Но сначала его болѣзнь, потомъ занятіе Екатеринодара задержали его при арміи, съ которой онъ болѣе уже не разлучался. Вообще, послѣднее время здоровье М. В. сильно пошатнулось, и онъ, не взирая на это, работалъ изъ послѣднихъ силъ, отдавая всего себя на служеніе арміи. Все, что касалось ея, онъ принималъ близко къ сердцу и, казалось, жилъ только этимъ «своимъ послѣднимъ дѣломъ на землѣ»...

Ген. Алексѣевъ создалъ особую комиссію, которую, между прочимъ, обязалъ, чтобы «въ первую очередь были соблюдены интересы мѣстнаго населенія, избѣгая перепродажъ и спекулянтовъ», и чтобы работа шла «въ полномъ контактѣ съ кубанскими кооперативами и потребительскими организаціями».

Дѣло пошло, къ сожалѣнію, такъ же плохо, какъ и въ рукахъ военного вѣдомства. Первый предсѣдатель комиссіи Н. Парамовъ въ самомъ началѣ (4 авг.) былъ арестованъ и высланъ вѣмцами, какъ состоявшій въ оппозиціи имъ и донскому атаману. Проходили недѣли, мѣсяцы, грузы портились, расхищались, а ростовскіе и новочеркасскіе общественные дѣятели организовывали и переорганизовывали комиссіи, составляли и пересоставляли учетъ и перессорились въ конецъ другъ съ другомъ. Сохра-

нилась обширная переписка, характерная для безвременья и дѣятелей его. «Большинство членовъ комиссіи — пишутъ одинъ изъ участниковъ, мотивируя свой отказъ отъ участія въ ней, — лица совершенно неподготовленные и бесполезныя, одинъ завѣдомо вредный и невѣжественный... Члены комиссіи не давали никакой опоры ни въ общественномъ значеніи, ни въ дѣловомъ, въ сложныхъ вопросахъ были опасны, а меня связывали въ политическомъ (?) и дѣловомъ отношеніи... «Васъ испугало — отвѣчаетъ другой — что разные недостойные люди начинаютъ свивать себѣ гнѣздо и паутиной интригъ и личной выгоды окутываютъ то святое дѣло, которое обагрено кровью тысячъ юношей... Но развѣ Вы вчера родились и не знаете, что, къ сожалѣнію, на одного честнаго чело-вѣка приходится тысяча пегодяевъ»...

Въ итогѣ за ближайшіе мѣсяцы — августъ, сентябрь — комиссія успѣла реализовать изъ числа многомилліоннаго имущества всего на одинъ милліонъ рублей.

На ту же комиссію возложено было ген. Алексѣевымъ «принятіе на учетъ всѣхъ оставленныхъ большевиками желѣзнодорожныхъ грузовъ, находившихся на станціяхъ (занятыхъ арміей), выясненіе принадлежности грузовъ владѣльцамъ и возвращеніе имъ имущества съ удержаніемъ извѣстнаго % въ пользу Добровольческой арміи».

Реализація осложнялась вмѣшательствомъ со всѣхъ сторонъ. Кубанское правительство считало собственностью войска всѣ грузы, матеріалы и вообще всякое имущество, отбитое у большевиковъ на территоріи Кубани, и требовало передачи этого имущества въ свое распоряженіе. Генералъ Алексѣевъ на эти домогательства отвѣчалъ указаніемъ, что военная база создавалась большевиками вѣдь средствами всего Сѣвернаго Кавказа и Россіи. Я со своей стороны охотно соглашался уступить кубанскимъ правителямъ всю «добычу», но съ тѣмъ, чтобы они взяли на себя и содержаніе арміи...

Войсковые начальники, какъ напримѣръ Покровский, въ погоняхъ популярности, раздавали «добычу» щедрой рукой станицамъ. Даже Донъ черезъ новочеркасское представительство передавалъ ген. Алексѣеву, что «хотя войско не претендуетъ на оспариваніе всего захваченнаго, но очень просило бы подѣлиться необходимыми для него предметами»*...

Въ общемъ итогѣ дѣятельности интендантства и общественныхъ элементовъ въ арміи создавалось впечатлѣніе, что запасовъ всякаго рода — великое множество, но до войскъ они не доходятъ. Войсковые начальники и части вводили свои «коррективы» въ систему снабженія, въ результатѣ которыхъ мнѣ пришлось 30 іюля приказомъ разъяснять довольно элементарное положеніе, что «предметы военной добычи составляютъ собственность арміи, а не тѣхъ лицъ, въ чьи руки они попали»... Это разъясненіе имѣло особенное отношеніе къ казачеству, гдѣ распространительный взглядъ на «добычу» былъ не благопріобрѣтеннымъ, а составлялъ вѣковую традицію.

Другимъ подсобнымъ средствомъ пополненія казны являлись контрибуціи, наложенныя на тѣ села Ставропольской губерніи, населеніе которыхъ приняло участіе въ вооруженномъ противодѣйствіи Добровольческой арміи. Контрибуціи назначались въ мѣрѣ вины и соответствовали количеству населенія: minimum — въ Шабліевкѣ и Екатериновской (вмѣстѣ 50 тысячъ рублей), maximum — въ Бѣлой Глинѣ (2½ милл.). Разверстка была предоставлена сельскимъ самоуправленіямъ. Это мѣропріятіе, будучи рискованнымъ и непопулярнымъ, создавая неравномѣрное обложеніе, противъ ожиданія не потребовало никакихъ репрессій и дало казнѣ 6½ милліоновъ рублей, изъ которыхъ къ 1-му августа фактически поступило 3 милліона.

Такими палліативными мѣрами поддерживалась казна ген. Алексѣева, отъ которой зависѣло само существованіе арміи.

Особенно остро стоялъ вопросъ со снабженіемъ боевыми припасами, попрежнему добываемыми только изъ двухъ источниковъ: покупкой въ небольшихъ размѣрахъ отъ Дона — по дорогой цѣнѣ, за ставропольскій хлѣбъ и шерсть, и отъ большевиковъ — цѣною несравненно болѣе дорогой — добровольческой крови.

*

* Докладъ Лисового отъ 6 іюля.

Считал движение наше на Кубань временнымъ, предполагая, что организація гражданской власти произойдетъ за Волгой при его участіи въ масштабъ всероссійскомъ, ген. Алексѣевъ не создавалъ при арміи органовъ гражданского управления. Этотъ вопросъ поднимался однажды въ Мечетинской среди лицъ Алексѣевского окруженія и то не серьезно: со мной бесѣдовалъ А. Ладыженскій относительно организаціи гражданского и политическаго отдѣла при ген. Алексѣевѣ въ составѣ его — Ладыженскаго, Б. Суворина и кадета Богданова*. Я отнесся отрицательно къ этому предположенію.

Когда армія освободила сѣверную часть Ставропольской губерніи, организація мѣстной власти стала научно необходимой. У меня на походѣ для этой цѣли не было рѣшительно ничего. Вдвоемъ съ Иваномъ Павловичемъ мы разрыпались необыкновенно трудныя вопросы запутанной, сложной мѣстной жизни по веѣмъ отраслямъ управления и законодательства. Эти вопросы выдвигались каждый день, со веѣхъ сторонъ; веѣ кругомъ искали помощи, защиты, а главное, какихъ нибудь правовыхъ нормъ, на которыя можно было бы опереться. Можно было, конечно, воспользоваться готовымъ правительственнымъ аппаратомъ Дона или Кубани. Но безправное положеніе на Дону, потомъ и на Кубани иногородняго населенія исключало всякую возможность присоединенія, хотя бы и временнаго, Ставропольской губерніи къ одной изъ казачьихъ областей.

Я написалъ ген. Алексѣеву. Но и у него тогда, повидимому, ничего не было. Снесся съ ростовскимъ к.-д. Зеелеромъ, ввиду его стажа въ качествѣ популярнаго либеральнаго дѣятеля и бывшаго ростовскаго градоначальника, предлагая ему вступить въ управленіе Ставропольской губ. Зеелер пріѣхалъ, ознакомился съ положеніемъ, далъ понять, что онъ не прочь быть бы занять постъ моего помощника по гражданской части, но отъ губерніи отказался.

Вообще въ то время, когда по всей «пограничной» въ отношеніи совѣтской Россіи губерніи шли непрестанные бои и возстанія, и губернскій городъ вполнѣ двѣжды переходилъ изъ рукъ въ руки, служба тамъ не привлекала никого; она требовала гражданского подвига. Послѣ перваго занятія нами Ставрополя, отсюда нотянуто такой провинціальной склокой, общественные элементы такъ прочно и сложно переплелись во взаимномъ недоверіи, озлобленіи и враждѣ, что разобраться въ этихъ взаимоотношеніяхъ было невозможно и вручить власть незнакому мѣстному челоѣку казалось опаснымъ.

При такой обетановкѣ пришлось начинать дѣло управленія въ первой освобожденной русской губерніи. Приказами моими по гражданской части были признаны дѣйствующими веѣ законы, изданные до 25 октября 17 года, т. е. до большевизкаго переворота; восстановлены судъ, сельскія и волостныя власти, уѣздныя, потомъ губернскія учрежденія. Во главѣ губерніи поставленъ былъ военный губернаторъ, полковникъ Глазенацъ — командиръ отдѣльной бригады, которая осталась въ губерніи въ его распоряженіи.

Отъ первыхъ шаговъ нашихъ въ освобожденномъ краѣ, хотя и занимавшемъ пока крошечную территорію, зависѣло много. И первые шаги оказались неудачными.

Кубанское правительство въ предѣлахъ своей области восстанавливало автоматически станичныя и окружныя органы; кое-гдѣ въ станицахъ перевыбирали правленіе и атамановъ, въ большинствѣ остались прежніе, смѣнивъ лишь ненавистное казачеству наименованіе «комиссаръ». Въ городахъ прежнія думы распускались, и мѣстное самоуправленіе передавалось въ руки назначаемыхъ правительствомъ головъ, которые сами подбирали составъ городскихъ управъ. Въ конституцію края и организацію областной власти было внесено еще одно серьезное отступленіе отъ практики недавняго прошлаго: социалистическіе правители порвали окончательно съ «паритетомъ», устранивъ отъ всякаго участія въ дѣлѣ управленія областью болѣе половины его иногородняго населенія. Правители были казаками, мыслили и чувствовали по казачьи. Но, если бы они и хотѣли въ то время «проявить демократизмъ», то въ силу создававшегося въ казачествѣ настроенія сдѣлать это было очень трудно.

*

*

* Завѣдывалъ у ген. Алексѣева финансовою частью. Впоследствии былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Крымскаго правительства.

Какъ бы то ни было, армія подвигалась неизмѣнно впередъ, и отъ нея уцѣлѣвъ — главнымъ образомъ — зависѣли судьбы населенія, значеніе разнородныхъ политическихъ теченій въ краѣ и отношеніе его къ самой арміи.

Армія представляла изъ себя организмъ чрезвычайно сложный. Въ ней были и герои, наполнившіе эпическимъ содержаніемъ лѣтопись борьбы; и мученики, оросившіе ея страницы своею кровью; и люди, пришедшіе безъ подъема, безъ увлеченія, но считавшіе необходимымъ исполнить свой долгъ; и загнанные туда нуждой или просто стаднымъ чувствомъ; были профессионалы войны, ищущіе примѣненія своему ремеслу; были исковерканные жизнью, которые шли, чтобы мстить, и потерявшіе совѣсть, — чтобы разбойничать и грабить. Наконецъ, была еще рыхлая, безличная среда вольныхъ и подневольныхъ людей, попавшихъ охотою, по мобилизации, случайно, по своей или чужой ошибкѣ; ихъ психологія мѣнялась діаметрально при колебаніяхъ боевого счастья...

Наши походы, въ обстановкѣ необычайной, создавали чудесныя боевыя традиціи добровольцевъ; но изъ нихъ нѣкоторые выносили также и печальные навыки: легкое отношеніе къ жизни — своей и чужой, къ «большевицкому» добру; слишкомъ распространителное толкованіе понятія «большевикъ», которое обнимало широко вольныхъ и невольныхъ участниковъ совѣтскаго уклада.

У многихъ слагалась особая психологія, создававшая двойную мораль — одну въ отношеніи своихъ, другую — къ чужимъ.

Всѣ тѣ черныя стороны жизни, которыя были зачаты еще на міровой войнѣ и углублены въ революціи общимъ упадкомъ чувства законности и порядка, теперь въ обстановкѣ гражданскаго безначалія, неумовности преступленій и, можетъ быть, пассивности общаго отношенія къ нимъ, создали благоприятную почву для преступнаго элемента, который проникалъ въ армію. Даже въ штабъ арміи проникли такіе люди, какъ нѣкто, именовавшій себя княземъ Химшиевымъ (начальникъ команды ординарцевъ) и подъесаулъ Чайдоянцъ (комендантскій адъютантъ), — чины, имѣвшіе по характеру служебныхъ обязанностей постоянное и непосредственное отношеніе къ населенію; оба они попали затѣмъ подъ судъ — первый за грабежи, второй за грабежи и убійства...

Командующій арміей по своему положенію не имѣлъ возможности соприкасаться близко съ самой гущей армейскаго быта, съ его грѣхами и пороками. Но то немногое, что доходило до меня, доставляло немало огорченій.

Положеніе, между тѣмъ, становилось крайне труднымъ. Въ краѣ только что начинали возстановляться судъ и гражданская власть; въ арміи не было пока военныхъ юристовъ; судъ въ ней былъ поэтому упрощенный, далеко не совершенный: полковой — нормального типа и военно-полевой. Въ нашей исключительной военно-походной обстановкѣ этотъ послѣдній въ буквальномъ смыслѣ слова могъ только казнить или помиловать. Смертная казнь, какъ высшая мѣра наказанія, была всецѣло во власти суда. Но, подчиняясь общей психологіи, и начальники, и суды были милостивы къ своимъ и суровы къ «чужимъ».

Въ цѣляхъ борьбы съ самосудами — въ большей степени, чѣмъ для огражденія арміи — была введена статья въ Уголовное Уложеніе*, предусматривавшая виновность «въ способствованіи или благопріятствованіи войскамъ или властямъ совѣтской Россіи въ ихъ военныхъ или иныхъ враждебныхъ противъ Добровольческой арміи или союзныхъ съ ней войскъ дѣйствіяхъ». И вслѣдъ за симъ организованы были комиссіи для производства разслѣдованія по нарушеніямъ этой статьи лицами, не принадлежащими къ составу арміи. Эти комиссіи, которымъ было предоставлено право налагать и самимъ въ административномъ порядкѣ взысканія отъ 1 года 4 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія до небольшого денежнаго штрафа, спасли многихъ людей отъ горькой участи. Впослѣдствіи списки осужденныхъ представлялись мнѣ періодически начальникомъ военнаго и морскаго суднаго отдѣла, и я уменьшалъ наказанія или слагалъ ихъ вовсе**

* Статья 108¹.

** Съ 24 января по 6 февраля въ судебнo-слѣдственную комиссію поступило 705 дѣлъ, изъ которыхъ 266 переданы въ другія судебныя учрежденія, 92 не разобраны, 82 окончены въ административномъ порядкѣ и 251 прекращено за отсутствіемъ состава преступленія.

Въ тѣхъ же цѣляхъ — предотвращенія массовыхъ самосудовъ — кубанское правительство на своей территоріи организовало повсемѣстно станичныя «чрезвычайныя» или «полевые суды». Эта мѣра имѣла послѣдствія весьма печальныя: составленные изъ казаковъ данной станицы, лишеныя въ своихъ дѣйствіяхъ какой бы то ни было объективности, суды эти сводили кроваво личные счеты со своими иногородними, обратившись сами въ орудіе организованнаго самосуда.

Въ пестромъ калейдоскопѣ, который являла собою Добровольческая армія, каждый увидитъ тотъ свѣтъ или ту тѣнь, которые пожелаетъ найти. Но одинъ эти отдѣльныя явленія не дадутъ еще историкъ представленія объ обликѣ арміи. Онъ долженъ будетъ поставить ихъ въ тѣснѣйшую связь и зависимость отъ историческихъ условій зарожденія арміи, отъ духа народа, передавашаго въ армію свои добродѣтели, пороки и заблужденія.

Историкъ отмѣтитъ несомнѣнно еще одно важное явленіе — эпидемическое распространеніе русскаго большевизма — въ формахъ, быть можетъ, болѣе слабыхъ, иногда мало замѣтныхъ, — поражавшихъ, тѣмъ не менѣе, морально широкіе круги, ему чуждые и враждебные. Въ навыки, пріемы, методы, въ самый складъ мышленія людей вливалась незамѣтно, несознательно большевицкая отравка. Эпидемія пронеслась и по бѣлымъ арміямъ, и по освобожденнымъ районамъ, и по міровымъ путямъ разселенія эмиграціи. Она находила тамъ свои жертвы среди философовъ и богослововъ, среди начальниковъ и воиновъ, правителей и судей, политиковъ и купцовъ, въ толщѣ домовнаго крестьянства, зажиточнаго мѣщанства и рабочихъ, казаковъ и иногороднихъ; въ красномъ, розовомъ, бѣломъ и черномъ станахъ.

Одни переносили болѣзнь легко, другіе долго и мучительно, третьи не исцѣлились до сего дня.

Въ разные періоды своего существованія переболѣла по разному и Добровольческая армія. Но въ своихъ подвигахъ, страданіяхъ и грѣхахъ была постоянна въ одномъ: она являла образъ высокаго самопожертвованія и пламеннаго патріотизма.

ГЛАВА XXV.

Второй кубанскій походъ. Подготовка Екатеринодарской операціи: Куцевка, Кавказская, занятіе Ставрополя, Пластуновская.

Добровольческая армія, отдохнувъ въ теченіе двухъ дней въ районѣ Тихорѣцкой, приступила къ подготовкѣ екатеринодарской операціи.

Къ этому времени сѣверо-кавказскія красныя войска располагались въ слѣдующихъ организованныхъ группахъ:

1. Армія Сорокина (около 30 тысячъ) попрежнему — въ районѣ Куцевка — Сосыка.

2. Екатеринодарская группа — въ составѣ екатеринодарскаго гарнизона — 5—8 тысячъ и остатковъ Тихорѣцкой группы Калнина — 2—3 тысячи — деморализованныхъ, остановленныхъ съ большимъ трудомъ въ районѣ Кореновки.

3. «Кавказская» группа силою 3½—4 тысячи человекъ, занимавшая жел.-дор. узелъ Кавказской и выдвигавшаяся передовыми частями къ станицѣ Малороссійской. Въ томъ же направленіи стояли крупныя гарнизоны Армавира и Майкопа.

4. Ставропольская группа численностью 6—8 тысячъ; отряды ея располагались въ Ставрополѣ, въ Благодарненскомъ и Медвѣженскомъ уѣздахъ.

5. Наконецъ, множество болѣе или менѣе организованныхъ мелкихъ отрядовъ, разбросанныхъ по всему Сѣверному Кавказу.

Чтобы расширить фронтъ движенія и обезпечить предстоящую операцію, я поставилъ арміи слѣдующія задачи:

1. Генераламъ Эрдели, Покровскому и полковнику Кутепову (около 8—10 тысячъ*) — разбить армію Сорокина и овладѣть жел.-дор. узломъ Куцевкой, что приводило одновременно къ освобожденію Ростовскаго округа (Задонья).

2. Генералу Боровскому (3—4 тысячи) разбить «кавказскую» группу и овладѣть жел.-дор. узломъ Кавказской.

3. Полковнику Дроздовскому (2½—3 тысячи) — прикрыть Тихорѣцкую со стороны Екатеринодара.

Независимо отъ чисто стратегическихъ условій, всякое расширеніе фронта и занятіе новой территоріи вызывало подъемъ тамъ казачества и притокъ живой силы въ ряды арміи. А несравненныя качества добровольцевъ позволяли мнѣ съ 20-тысячной арміей вести одновременно операціи отъ Куцевки до Армавира (220 верстъ), отъ Динской до Ставрополя (220 верстъ)...

3-го іюля армія начала наступленіе. Въ тотъ же день части Сорокина, стоявшія противъ Кагальницкаго донскаго фронта, оставили его, поспѣшно уходя на Куцевку.

* Боевой составъ дивизій мѣнялся чуть не ежедневно — съ одной стороны отъ убыли, съ другой отъ притока пополненій.

По разным причинам, вытекавшим из личных свойств начальников, нельзя было объединить командования над тремя дивизиями, направленными на Куцевку; пришлось руководить ими непосредственно мѣ.

Главная колонна — дивизія Кутепова — направлена была вдоль жел. дороги; конница Покровскаго правѣла отъ Незамесковой въ охватъ Куцевки съ востока; конница Эрдели лѣвѣла — на Уманскую — Старо-Минскую — на пути отступленія Сорокина.

5-го іюля Кутеповъ у Сосенки, послѣ краткаго боя съ большевиками, насчитывавшими нѣсколько батальоновъ, 4 орудія и 3 бронированныхъ поѣзда, опрокинулъ ихъ и занялъ этотъ жел.-дорожный узелъ.

6-го колонна его, продолжая наступленіе, встрѣтила крайне упорное сопротивленіе на линіи станціи Крыловской — станціи Екатериновской. Послѣ неоднократныхъ атакъ, 1-й дивизіи удалось полудни овладѣть станціей. Но бой у Екатериновской продолжался до поздней ночи, вызвавъ большія потери и потребовавъ введенія въ дѣло всѣхъ резервовъ. Запоздалый подходъ шедшей съ юга конницы Покровскаго еще болѣе осложнилъ положеніе. Атаки Марковцевъ и конниковъ 1-го полка встрѣчали неожиданно стойкій отпоръ большевиковъ, переходившихъ не разъ въ контръ-атаку; бывали тяжелыя минуты. Только въ сумеркахъ намъ удалось отбѣснить фронтъ большевиковъ. Утомленные войска заночевали въ полѣ, а къ разсвѣту противника уже не оказалось: подъ вліяніемъ общей обстановки, отчасти угрозы со стороны появившихся частей Покровскаго, онъ отошелъ въ направленіи Куцевки.

Въ тотъ же день Эрдели, наступая вдоль жел. дор. Сосенка — Старо-Минская, велъ рядъ боевъ съ боковымъ отрядомъ арміи Сорокина, выдержавъ сильную контръ-атаку его и къ вечеру овладѣлъ станціей Уманской. Въ этомъ центрѣ конспиративной работы и очагѣ возстаній казаковъ Ейскаго отдѣла дивизія Эрдели значительно пополнилась.

7-го вечеромъ колонны Кутепова и Покровскаго продолжали наступленіе, на этотъ разъ въполнѣ согласованно. Подъ утро 8-го вновь начался тяжелый бой дивизіи Кутепова при подходѣ къ станціи Кисляковской. Обѣ стороны проявляли высокое напряженіе и незаурядное мужество; не разъ то большевики, то добровольцы мѣстами начинали отступленіе... Только полудни, когда Покровскій овладѣлъ станціей Кисляковской, угрожая тылу большевиковъ, занимавшихъ станцію, въ рядахъ ихъ началось замѣшательство. Войска Кутепова стремительно двинулись въ атаку, опрокинули противника, заняли станцію и преслѣдовали большевиковъ на разстояніи трехъ верстъ.

Но Сорокинъ, придавая повидимому исключительное значеніе Куцевскому узлу, къ которому, какъ оказалось, спѣшно отходили войска его съ Батайскаго и Кагальницкаго фронтовъ, поѣзда и всѣ обозы, направилъ на югъ новыя подкрѣпленія и приказалъ отряду, дѣйствовавшему противъ Кисляковской, перейти въ контръ-наступленіе. Бой начался вновь — такой же упорный и кровавый, и только къ вечеру войска Кутепова разбили, наконецъ, противника, хлынувшаго въ беспорядкѣ въ сторону Куцевки.

На разсвѣтѣ 10-го предположена была атака Куцевки...

Но въ ночь на 10-е станцію Куцевку покинули послѣднія аррьергардныя части Сорокина, главные силы котораго отступали спѣшно вдоль Черноморской жел. дороги въ направленіи на Тимашевскую.

Утромъ 10-го колонны Кутепова и Покровскаго вступили въ Куцевку; съ сѣвера одновременно съ ними подходили донскія части и... нѣмцые развѣзды.

Раздавшійся вѣдѣ за тѣмъ взрывъ Куцевскаго моста былъ тяжелой данью политикѣ, сковавшей стратегію.

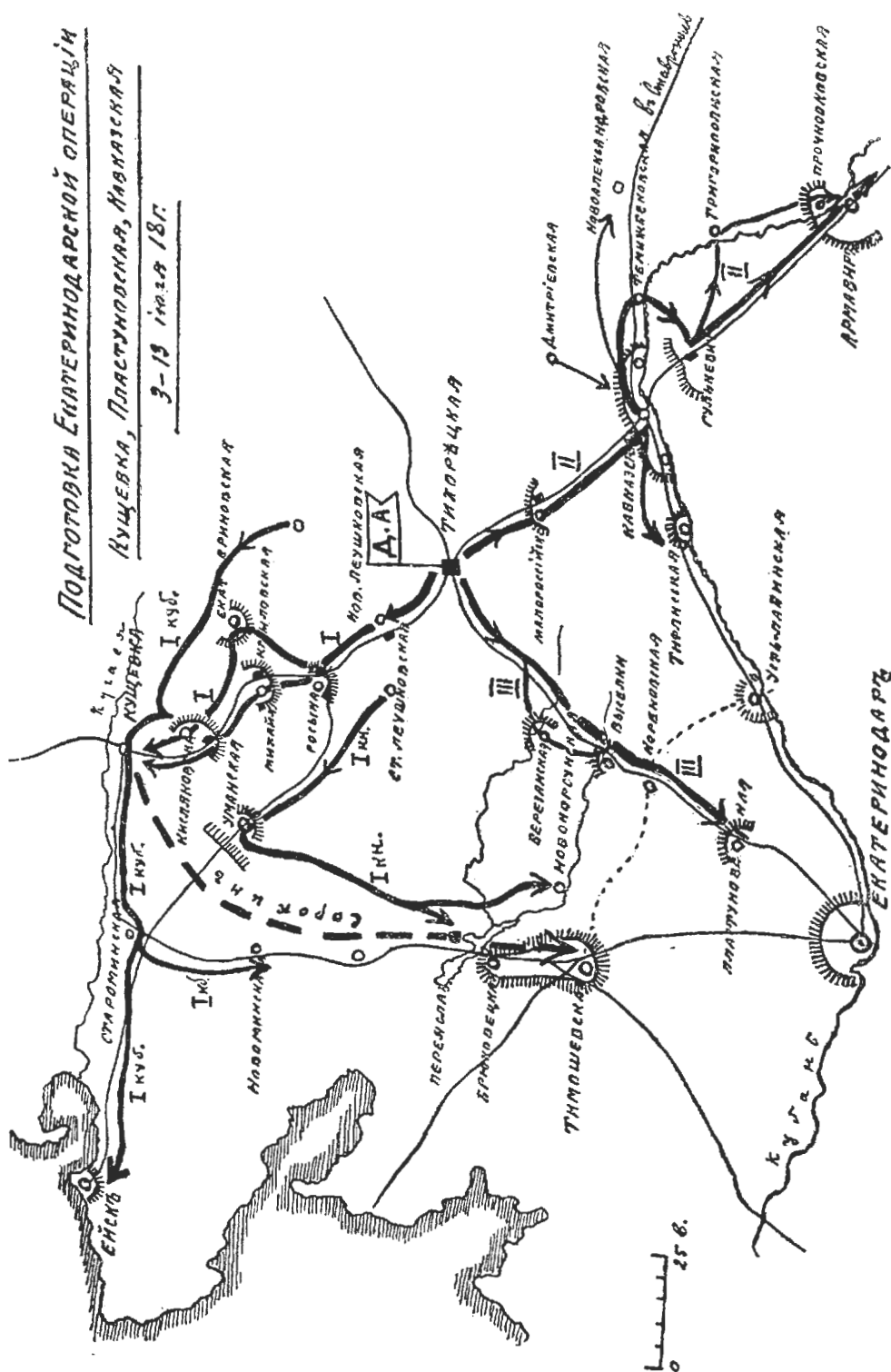
Занятіе Куцевки имѣло для насъ весьма важное стратегическое значеніе: оно вызвало полное очищеніе отъ большевиковъ Задонья и упраздненіе южнаго донскаго фронта, дало намъ выходъ къ Азовскому морю и обезпеченіе екатеринодарской операціи съ сѣвера.

Въ этотъ день (10-го) я посѣтилъ Куцевку и далъ войскамъ новыя задачи: конница Покровскаго преслѣдовать главные силы противника на Старо-Минскую, частью силъ очистить Ейскій районъ; конница Эрдели двигаться на перерѣзъ пути Сорокина между Старо-Минской и Тимашевской для удара во флангъ ему; начать немедленную

Подготовка Енатиринодарской операции

Кушувка, Полянуновская, Навиновская

3-19 июля 187

переброску дивизіи Кутепова по жел. дорогѣ черезъ Тихорецкую на екатеринодарское направленіе.

Армія Сорокина уходила, бросая свои обозы, склады и груженные поѣзда, стараясь выйти изъ стратегическаго окруженія и изъ подѣ нашихъ ударовъ.

Преслѣдованіе ея, къ сожалѣнію, не отличалось напоромъ и стремительностью. Ейскъ былъ занятъ 12-го. Покровский, не учтя обстановку, подчиняясь своей слабости къ толпѣ и овамъ, удѣлать болѣе, чѣмъ нужно, силъ и вниманія этому второстепенному направленію и самъ лично свернулъ съ главнаго пути, чтобы посѣтить освобожденный городъ... Нѣсколько дней было потеряно, связь съ дивизіей временно нарушена. Эрдели съ 6-го числа оставался въ районѣ Уманской и не могъ или не дерзнулъ ударить во флангъ Сорокину, ведя мелкіе, затяжные бои съ его боковымъ заслономъ. Оперативныя свѣдѣнія этихъ дней характеризуютъ это направленіе стереотипной фразой — «положеніе безъ переменъ».

Ведя затѣмъ параллельное преслѣдованіе, Эрдели 13-го числа занялъ станицы Перелазскую и Ново-Корсунскую. Къ этому дню Сорокинъ успѣлъ уже сосредоточиться въ районѣ Тимашевской, прикрывшись съ сѣвера трудно проходимымъ лиманомъ Лебяжьимъ и низовьями р. Бейсуга.

Генералъ Боровскій со 2-й дивизіей началъ наступленіе 3-го іюля. Выбравъ большевиковъ послѣдовательно изъ ряда станцій и станицъ, пройдя въ три дня съ боями 60 верстъ, онъ атаковалъ 5-го іюля главныя силы противника въ районѣ Кавказской. Ударъ, занесенный одновременно съ запада, сѣвера и сѣверо-востока*, увѣнчался полнѣйшимъ успѣхомъ: большевики бѣжали, главнымъ образомъ, за Кубань, не успѣвъ ни эвакуировать станцій, ни повредить жел.-дорожнаго моста черезъ рѣку. Въ наши руки попалъ огромный подвижной составъ.

Обезпечивъ себя занятіемъ станицы Тифлисской со стороны Екатеринодара и Ново-Александровской со стороны Ставрополя, Боровскій прочно утвердился въ Кавказскомъ узлѣ. Обладаніе имъ разъединяло стратегически Екатеринодаръ, Ставрополь и Армавиръ, открывъ намъ свободу дѣйствій по всѣмъ этимъ направленіямъ и обезпечивъ главное операціонное направленіе арміи съ юга.

Но большевики, расположившись на лѣвомъ берегу Кубани, тревожили добровольцевъ вылазками въ районѣ жел.-дорожнаго моста и обстрѣливали наше расположеніе и станцію артиллерійскимъ огнемъ. Къ тому же, 8-го пришло извѣстіе о паденіи Ставрополя**, что развязывало Боровскому руки въ этомъ направленіи. Поэтому онъ рѣшилъ расширить свою задачу. Оставивъ полковника Писарева съ Партизанскимъ полкомъ въ районѣ Тифлисской — Кавказской, остальными силами дивизіи переправился съ боемъ на лѣвый берегъ Кубани у ст. Темжбекской и 12 іюля атаковалъ съ фланга и съ тыла группу большевиковъ у жел.-дор. моста и станцій Гулькевичи. Большевики частью были захвачены въ плѣнъ, частью разсѣяны.

Сравнительная легкость, съ которой было достигнуто успѣхъ, побудила дивизію развивать наступленіе къ Армавиру... Я не толкалъ, но и не сдерживалъ. 13-го правая колонна (пластуны) Боровскаго взяла съ бою станцію Кубанскую, а лѣвая — Корниловцы съ батареей — овладѣла Григориопольской п., переправившись тамъ же черезъ Кубань, двинулась на югъ правымъ берегомъ рѣки... Къ ночи Корниловцы овладѣли Прочнокопской — станицей, висящей на высокомъ утесѣ Кубани надъ самымъ Армавиromъ. Утромъ соединенными силами обѣихъ колоннъ постѣ двухчасоваго ожесточеннаго уличнаго боя Армавиръ былъ взятъ. Разбитые большевики уходили въ безпорядкѣ на Майкопъ и Невинномысскую...

* Отрядъ полковника Селезнева изъ мобилизованныхъ кубанскихъ казаковъ, шедшій изъ станицы Дмитріевской.

** См. ниже.

Мы, однако, не дооцѣнили силы противника и къ тому же въ Армавирѣ были, по-видимому, слишкомъ безпечны...

Въ связи съ успѣшно начавшимся 15 іюля наступленіемъ арміи Сорокина* возобновилась дѣятельность красныхъ войскъ на всѣхъ направленіяхъ.

15-го большевики ударили на слабый заслонъ Партизанскаго полка у Тифлисской и захватили станицу, угрожая тылу Боровскаго. Но полковникъ Писаревъ вернулъ съ бою станицу и стойко сдерживалъ затѣмъ неоднократныя попытки большевиковъ форсировать тамъ Кубань.

17-го большевики, значительно усилившіеся подошедшими изъ Майкопа подкрѣпленіями, атаковали Армавиръ съ запада. Боровскій, обратившій больше вниманія на югъ**, не успѣлъ перегруппировать войска, вынужденъ былъ очистить Армавиръ и въ ближайшіе дни отойти къ Кавказской. Южный авангардъ, отрѣзанный большевиками, съ трудомъ пробился сквозь ихъ расположеніе на соединеніе съ дивизіей.

Одержанный большевиками успѣхъ получилъ официальное признаніе со стороны «командующаго Армави́ро-Кавказскимъ фронтомъ, тов. Тулинова». Приказъ его весьма характеренъ для красноармейскихъ Епи́ходовыхъ: «Честь и слава геройскимъ полкамъ, отрядамъ вѣреннымъ мнѣ. Приношу Вамъ свою великодушную благодарность, за Вашу небывалую храбрость, цѣлыми вѣками революціи другихъ иностранныхъ государствъ. Вы стали выше историческихъ бойцовъ славы освободительной исторіи, героически заняли Армавиръ съ открытыми глазами и стальной грудью идя прямо по пути р-а з-свѣта свободы»...

Армавирская неудача, весьма мало отразившаяся на стратегическомъ положеніи арміи, имѣла, однако, трагическія послѣдствія для несчастнаго города...

Въ дни занятія его Боровскимъ, измученное большевизмическимъ режимомъ на встрѣтило добровольцевъ восторженно и потомъ всѣми способами проявляло свое положеніе къ нимъ. Когда 17-го вернулись красноармейцы, началась расправа: большевики убили болѣе полуторы тысячи невинныхъ людей. Описаніе особо такъ рисуетъ картину этого страшнаго дня: «...Безпрерывные ружейные прерывистый трескъ пулеметовъ, крики озвѣрѣвшей толпы, хрустъ дробящихся кладами череповъ, стоны, хриплые умиравшихъ, молебны еще цѣплявшихся страдальцевъ, кровь, кровь кругомъ, ощущеніе то прикасающейся, то отдающей руки смерти»...

Изъ за отвлеченныхъ положеній стратегіи, изъ за строкъ речей пѣвающихъ побѣду, то сухо-лаконичныхъ, скрывающихъ влеченное и смертельно измученное лицо русскаго обывателя. ждалъ не разъ класть лишнюю пирю не на ту чашку вѣсовъ за дѣло цинъ, на которой поконились принципы военнаго искусства...

* *

8-го іюля получено было донесеніе о паденіи Ставрополя.

Штабная сводка объявляла объ этомъ событіи слѣдующими словами: власть изгнана изъ Ставрополя и вмѣстѣ съ красной гвардіей бѣжала въ А. Въ Ставрополь прибылъ нашъ военный губернаторъ и вступили наши войска.

Вѣроятно для многихъ событіе это казалось тогда значительнымъ и радостнымъ. Но для арміи оно являлось тяжелой обузой. Занятіе Ставрополя — не въ попланомѣрнаго развитія операціи, а въ результатѣ партизанскаго налета — сдѣлало женіе города весьма непрочнымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно палатало на насъ прарабязанность защищать его, отвлекая силы отъ главнаго направленія.

Стучилось все это въ обстановкѣ почти феерической.

* См. слѣдующую главу.

** Авангардъ былъ выдвинутъ на станцію Овечки, въ 50 съ лишнимъ верстахъ

Въ Кисловодскѣ въ маѣ объявился партизанъ, полковникъ Шкуро. Онъ былъ заподозрѣнъ большевиками въ контръ-революцію, арестованъ и отправленъ во Владикавказъ. Тамъ, при содѣйствіи ген. Мадритова, находившагося въ добрыхъ отношеніяхъ съ терскимъ «совѣтомъ народныхъ комиссаровъ», Шкуро не только освобождается, но и отпускаютъ обратно въ Кисловодскъ. Прошло немного времени, и Шкуро во главѣ отряда, въ составъ котораго входили кубанскіе казаки Баталпаинскаго и Лабинскаго отдѣловъ, въ серединѣ іюня появляется подъ Кисловодскомъ. Взявъ городъ и продержавшись въ немъ нѣсколько дней онъ, выбитый большевиками, уходитъ на Кубань и ищетъ соединенія съ Добровольческой арміей.

Выступленіе Шкуро дало сигналъ къ преждевременному возстанію терцевъ и къ сильнымъ репрессіямъ со стороны большевиковъ въ отношеніи кисловодской буржуазии.

Къ концу іюня отрядъ Шкуро появился въ Ставропольской губерніи, ведя по дорогѣ удачныя бои съ большевицкими частями. Его движеніе опережала громкая молва о неслѣдной силѣ отряда, неизмѣнной удачѣ его «атамана» и жестокихъ расправахъ съ совѣтскими властями...

Появившись 5-го іюля къ сѣверу отъ Ставрополя, Шкуро вошелъ въ связь съ Добровольческой арміей, а городу предъявилъ ультиматумъ о выходѣ изъ него въ опредѣленный срокъ красно-армейцевъ, грозя въ противномъ случаѣ начать «обстрѣлъ тяжелой артиллеріей»...

Какъ это ни странно, но комиссары Ставрополя и начальникъ гарнизона Шпакъ, напуганные тревожными вѣстями, идущими со всѣхъ сторонъ объ успѣхахъ добровольцевъ, 8-го очистили городъ безъ боя...

Ликовацію измученныхъ жителей не было предѣла.

Въ Тихорецкой, куда пріѣхалъ Шкуро представиться и заявить о своемъ подчиненіи, я первый разъ увидѣлъ этого офицера, котораго Кубань долго считала своимъ національнымъ героемъ. Тогда — только начиналась еще восходящая линія его карьеры и слагались первыя легенды... Молодой, нервный, веселый, безпечный, подкупающій своей удалью и безшабашностью — словомъ, типъ настоящаго партизана. Отрядъ его имѣлъ составъ приблизительно четырехъ полковъ, и потому я общалъ Шкуро послѣ реорганизациі и снабженія его артиллеріей и технической частью, развернуть отрядъ въ дивизію, сохранивъ за нимъ командованіе.

Но прошло нѣсколько дней, и изъ Ставрополя начали поступать тревожныя свѣдѣнія. Отрядъ Шкуро — отличный для набѣговъ — былъ мало пригоденъ для длительного боя на подступахъ къ Ставрополю. Партизаны кутили — больше всѣхъ самъ Шкуро не обижали населеніе, подѣлили склады... «Старики»-кубанцы ворчали — «не шли въ отрядъ, чтобы защищать буржуевъ»... Поддаваясь обаянію своего чальнища, они въ то же время скептически относились къ его молодости и опыту. До того, что не ясно было, кто надъ кѣмъ верховодить.

Его атаманъ отнесся также съ сомнѣніемъ къ отряду. Въ результатѣ въ

отъ командированъ вернувшійся послѣ излѣченія ранъ, полученныхъ въ

отъ, достойнѣйшій полковникъ Улагай и принялъ дивизію, получившую

назначеніе 2-й Кубанской. Шкуро, хотя и съ нѣкоторой обидой, согласился

на бригаднымъ командиромъ. Черезъ нѣкоторое время, по выдѣленіи наи-

спокойныхъ казаковъ Баталпаинскаго отдѣла въ «Кубанскую Партизанскую

бригаду», Шкуро получилъ съ нею самостоятельную задачу — дѣйствовать на

въ Добровольческой арміи и поднять закубанскіе отдѣлы...

Ставрополь ликовалъ недолго. На третій день послѣ освобожденія (10 іюля) опомлеся отъ испуга большевицкіе отряды повели наступленіе на городъ съ трехъ сторонъ, идя къ его предѣбъ. Казаки Шкуро и вновь сформированный изъ ставропольскихъ офицеровъ «3-й офицерскій полкъ» съ трудомъ отбивали наступленіе. 12-го іюля было грозное и потребовало переброски туда съ главнаго — екатеринодарскаго полка съ батареей и броневикомъ... Но Шкуро удалось отбросить большевиковъ на Кубань.

не боеспособенъ и вскорѣ былъ расформированъ.

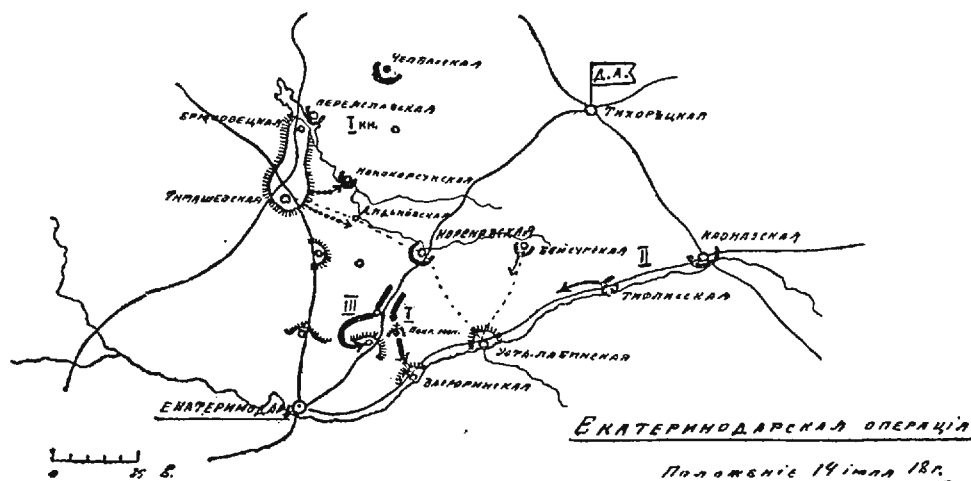

Въ районѣ Ставрополя наступило нѣкоторое затишье, которое было нарушено 18-го, когда съ юга и востока на городъ вновь повели наступленіе красноармейцы силами до 10 тысячъ при 6 орудіяхъ. И на этотъ разъ Партизаны, подкрѣпленные частями Боровскаго*, послѣ десяти-дневныхъ боевъ разбили противника, преслѣдуя его въ обоихъ направленіяхъ верстъ на 40.

Въ началѣ августа наступленіе повторится. И долго еще Ставропольское направленіе будетъ отвлекать преждевременно наши силы, средства и вниманіе, пока не войдетъ въ нормальный районъ сѣверо-кавказской операціи.

*

На Екатеринодарскомъ направленіи Дроздовскій расширялъ районъ прикрытія Тихорѣцкой, продвигаясь постепенно къ Екатеринодару. Дѣйствуя быстро и энергично,

онъ опрокидывалъ слабыя части противника, группировавшагося вдоль жел. и занималъ станицы по обѣ стороны ея, привлекая казаковъ къ участію въ бою. Онъ взялъ послѣ серьезнаго боя ст. Выселки, 10-го Кореновскую, наконецъ, 13-го новскую, находившуюся въ 90 верстахъ отъ Тихорѣцкой и въ 37 — отъ Екат.

Къ 14-му закончилось сосредоточеніе въ районѣ Плас-
Конница располагалась сѣвернѣе, у Челбасской, имѣя
ской и Ново-Корсунской въ непосредственномъ сооп-
Покровский долженъ былъ идти съ сѣвера на Т.

Предстояло рѣшить вопросъ о направленіи у,
главныхъ силъ Красной арміи, въ частности гру
Тимашевской, то Добровольческой арміи на
роны Екатеринодара, ударить всѣми си
Тимашевской только сильный аррьергар
ницы Покровскаго и Э. въ Ти
ринодаръ настолько

* Улагаевскій п.

** Въ командова:
вичъ. Полковникъ К
гаубичной батареей С

Вся совокупность войсковой и агентурной разведки свидетельствовала о томъ, что армія Сорокина, ослабленная численно и деморализованная, прикрываясь аррьер-гардами, идетъ на Екатеринодаръ. Очевидцы передавали о тысячахъ повозокъ съ пѣхотой и громадныхъ обозахъ, непрерывной лентой идущихъ днемъ и ночью вдоль Черноморской жел. дороги къ Екатеринодару.

Поэтому принято было второе рѣшеніе, приведшее къ десяти-дневному сраженію, - одному изъ наиболѣе тяжелыхъ и кровопролитныхъ за всю операцію.

ГЛАВА XXVI.

Бои на путяхъ къ Екатеринодару. Кореновская.

Для овладѣнія Екатеринодаромъ направлена была большая часть арміи. Дивизіи Казановича и Дроздовскаго (1-я и 3-я) — вдоль Тихорѣцкой линіи; Эрдели (1-я конная) — съѣверѣ, параллельно пмъ, къ черноморской линіи для удара по городу съ сѣвера; Покровскій (1-я Кубанская дивизія) — съ сѣвера на Тимашевскую и далѣе въ тылъ Екатеринодарской группѣ большевиковъ. Боровскій (2-я дивизія) долженъ былъ частью своихъ силъ наступать вдоль Кавказской жел.-дор. линіи для обезпеченія главнаго направленія и для демонстраціи. Для обезпеченія тыла въ Кореновской былъ оставленъ пластунскій батальонъ съ двумя орудіями.

14-го іюля я съ Романовскимъ былъ въ центральной группѣ, въ станицѣ Пластунской, установилъ окончательно детали наступленія и напутствовалъ каждую дивизію пожеланіемъ, чтобы она «первою вошла въ Екатеринодаръ». Этотъ пріемъ боевого порученія какъ нельзя болѣе соответствовалъ общему настроенію — всѣ рвались къ Екатеринодару.

Къ вечеру того же дня Дроздовскій маневромъ окруженія взялъ станцію Динскую, захвативъ 3 орудія, 600 плѣнныхъ и большую добычу; южнѣе — Казановичъ съ боя монастырь (Покровская общ.).

Поздно ночью я вернулся въ Тихорѣцкую. Штабъ арміи на другой день долженъ былъ перейти въ Кореновскую.

Но утромъ 15-го связь съ центральными колоннами была порвана. По жел.-дор. ж.ному телефону мы получили донесеніе, что станція Кореновская была атакована кругомъ нашими силами противника и взята имъ; гарнизонъ нашъ частью уничтоженъ, частью въ плѣнѣ.

Большевицкія войска съ занятіемъ Кореновской оказались въ тылу центра нашей группы, разъединили ее отъ конницы Эрдели и штабъ арміи и создали существенную угрозу Тихорѣцкому узлу, для обороны котораго оставшіеся батальоны, 1—2 сотни и мой конвой.

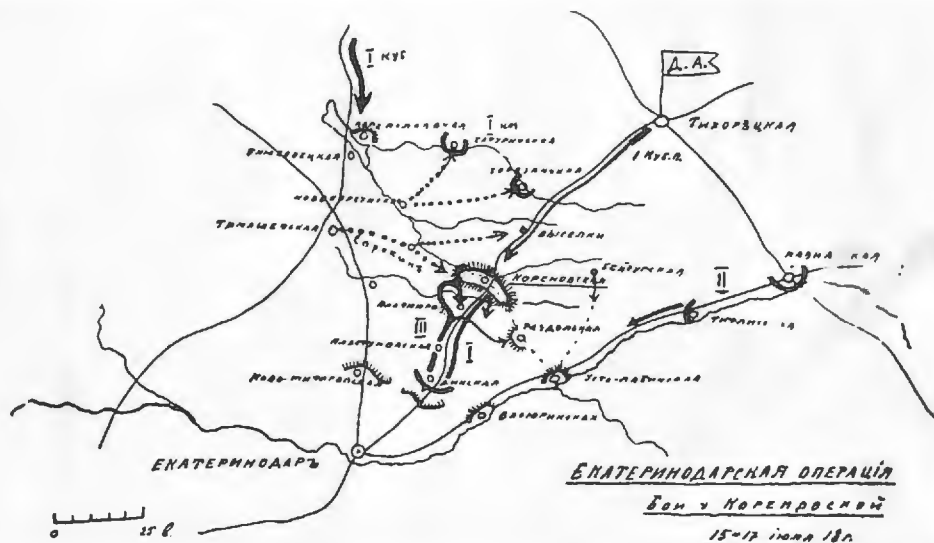
Положеніе создалось грозное.

Я приказалъ немедленно отозвать изъ Ставрополя полкъ и совместно съ бронепоездами удара по Кореновской съ сѣверо-западной группѣ будетъ наносить его очевидно съ юго-западной группѣ — «минуя всякія препятствія» и чего бы это ни стоило, и выйти въ тылъ Сорокину; Эрдели — ударить въ тылъ Сорокину.

Въ центральную колонну штабъ послалъ на аэропланахъ помощи; летчикъ долженъ былъ спуститься въ районъ, находясь въ рукахъ непріятеля...

Прошли томительныя сутки...

Сведѣнія развѣдки о движеніи большевиковъ изъ Тимашевской на Екатеринодаръ имѣли нѣкоторыя основанія: туда текли обозы, бѣженцы, дезертиры, мелкіе отряды, отколовшіеся отъ Сорокина. Главныя силы оставались, однако, въ районѣ Тимашевской, приводились въ порядокъ, пополнялись по пути мобилизованными. Силы эти, какъ оказалось, не менѣе 25—30 тысячъ. На основаніи согласныхъ показаній цѣльныхъ Сорокинъ принялъ рѣшеніе — выставить противъ Покровскаго заслона лучшую свою дивизию, которая должна была въслѣдствіе отступать на Тамань и Юго-Востокъ, самому пробиться черезъ Кореновскую на Усть-Лабу, съ цѣлью уйти на Кубань. Вѣроятно, только въслѣдствіе легкости овладѣнія Кореновской и создавшаяся благоприятная обстановка побудили его использовать свое положеніе и попытаться разбить Добровольческую армію. Во всякомъ случаѣ весь планъ свидѣтельствуешь о большой смѣлости и искусствѣ. Не знаю чьи — Сорокина или его штаба. Но если

то идейное руководство въ стратегіи и тактикѣ за время сѣверо-кавказской войны возложено было на самого Сорокина, то въ лицѣ фельдшера-самородка совѣтская Россія имѣла крупнаго военачальника*...

Сорокинъ перешелъ въ наступленіе на широкомъ фронтѣ, направляя главныя силы на Кореновскую. Въ этотъ день онъ, отбросивъ конницу Эрделя, вышелъ на линіи: Тимашевская — Сергѣевская, а 15-го взять Кореновскую.

Послѣ овладѣнія противника у Сергѣевской и Дядьковской, къ нимъ была туда новая развѣдка, а колонны Казановича и Динской.

Оставшись отрѣзанными отъ Тихорѣцкой, Казановичъ послалъ арьергардъ съ бронепоездомъ у устья Лабы, съ цѣлью атаковать ее. Марковцы Казановича — 2-й конный полкъ былъ направленъ на ст. Раздольная — юго-востока.

Послѣ овладѣнія въ Ставрополѣ. См. ниже.
1-й батальонъ марковцевъ и 1-й конный полкъ.

Сидятъ с.гѣва направо:
Третьяковъ, полк. Кутеповъ, ген. Казаковичъ. Гейдеманъ
Штабъ 1-й дивизіи

Съ разсвѣтомъ Казановичъ, имѣя всего два батальона марковцевъ съ артиллеріей и бро то Лидомъ, атаковалъ большевиковъ въ направленіи станицы (Станичная), не дожидаясь подхода Дроздовскаго, и потерпѣлъ неудачу; батальоны его залегли, отбывая огонь отъ наступавшей пѣхоты противника, отъ атакующей большевической колонны. Въ 8 часовъ утра войска Дроздовскаго развернулись сѣвернѣе жел. дор., направляясь на станицу съ запада, и бой подъ Кореновской, тыломъ къ Екатеринодагу продолжался съ новымъ напряженіемъ въ теченіе всего дня.

Войска Сорокина оказались здѣсь въ значительно превосходныхъ силахъ и своего боевого качества. Артиллерія его выпускала огромное количество снарядовъ.

Напрасны были многократныя атаки нашихъ дивизій, выѣзды «на картечь» батарей, личный примѣръ начальника: Дроздовскаго, подъ непрерывнымъ огнемъ ободрявшаго свои войска, Казановича, выѣзжавшаго въ пѣши противника на броневикѣ въ горячія минуты боя, Тимановскаго, водившаго лично въ атаку батальонъ марковцевъ для спасенія положенія...

Дивизіи наши понесли тяжелыя потери, были смяты и къ вечеру отошли, преслѣдуемая противникомъ, за руч. Кирпели къ станицѣ Платшировской. «Отходъ пѣхоты, имѣвшей на своемъ пути болотистую рѣчку — говорится въ описаніи дѣйствій Дроздовской дивизіи — носилъ очень тяжелый характеръ... Были случаи самоубійства добровольцевъ, отъ изнеможенія не имѣвшихъ возможности (уйти) отъ противника и боявшихся упасть въ его руки. Оставленныхъ на полѣ боя раненыхъ и выбившихся изъ силъ постигла страшная смерть. Красные проявляли нечеловѣческую жестокость, выкалывали имъ вырѣзали члены и сжигали (потомъ) раненыхъ на кострахъ»...

Дивизіи остановились на ночь на позиціи за ручьемъ. Части стали подсчитывать свои порядки, ряды и почти израсходованные боевые припасы, приводились въ порядокъ. На сѣзѣ, состоявшемся въ эту ночь въ Штабѣ 3-й дивизіи, обстановка рисовалась въ крайне мрачномъ свѣтѣ. Казановичъ такъ описываетъ это совѣщаніе: «Дроздовскій объявилъ, что считаетъ создавшееся положеніе критическимъ и единственной путь спасенія видѣть только, чтобы, пользуясь темнотой, отступить въ восточномъ направленіи и иѣека кружнымъ путемъ соединенія съ командующимъ арміей или Боровскимъ... Что надо спасать части отъ уничтоженія... Казановичъ протестовалъ: «такое отступленіе развяжетъ большевикамъ руки, они (возьмутъ) Тихорѣцкую, порвутъ всякую связь между отдѣльными частями арміи... Операция будетъ сорвана, наше отступленіе поведетъ къ пораженію арміи по частямъ. Съ другой стороны, надо себѣ представить, чтобы ген. Деникинъ оставался въ бездѣйствіи — очевидно, онъ направляетъ все, что ему удалось собрать, въ тылъ стоящимъ противъ большевикамъ».

Казановичъ, наконецъ, заявилъ, что ввиду потери связи съ командующимъ арміей, какъ старшій, на основаніи полевого устава, вступаетъ въ командованіе и приказываетъ съ разсвѣтомъ возобновить наступленіе на Кореновскую...

Съ утра 17-го были сдѣланы попытки наступленія марковцами и пѣхотой, но безуспѣшно. Противникъ въ свою очередь перешелъ въ наступленіе на фронтъ.

Съ особенной силой большевики обрушились въ направленіи фланга Дроздовцевъ (Солдатскій полкъ) и на Марковцевъ. Во мнѣ наши были захвачены и въ нихъ шель жестокой штыковой бой. Незначительнымъ поддержкамъ храбраго 2-го Офицерскаго полка подполковника Мюнцинскаго удалось возстановить положеніе.

Въ атакахъ большевиковъ, не смотря на ихъ исключительную силу, замѣтили однако какую то необычайную нервность.

Большевики не просто атакуютъ — они пробивались

Въ то время, когда силы добровольцевъ были уже на исходе, спустился летчикъ штаба арміи. Онъ сообщилъ такъ страстно желавшей помощи со стороны Тихорѣцкой...

Настроеніе войскъ сразу подняло съ.

По полудни надъ Кореновской появились высокіе разрывы шрапнелей. Это 1-й Кубанскій полкъ съ батареей и бронепоездомъ атаковалъ Кореновскую группу противника съ тыла.

Вскорѣ на всемъ полѣ между Кореновской и Платнировской добровольцы увидѣли ясную и знакомую имъ картину «конца», когда поле сразу оживаетъ и по немъ мечутся во все стороны повозки, вездичики и ишіе люди... 1-й Кубанскій полкъ порвался въ Кореновскую; навстрѣчу ему шель стремительно Марковскій. Разбитый противникъ спѣшно уходитъ двумя волнами: одна, смявъ правый флангъ Марковцевъ, бросилась на югъ, на Раздольное, откуда ее встрѣтилъ атакой 2-й конный полкъ; другая въ сравнительномъ порядкѣ текла на западъ, провожаемая огнемъ артиллеріи Дроздовскаго, и остановилась тыловыми частями верстахъ въ 2—3 отъ Кореновской. Дроздовскій подъ впечатлѣніемъ вчерашняго дня не рѣшился преслѣдовать ее иждотой...

Связь съ Тихорѣцкой была возобновлена. Большевики понесли весьма тяжелыя потери — добровольцы пощадъ не давали. Но и Добровольческая армія была сильно обезкровлена. 1-я и 3-я дивизіи потеряли 25—30 % своего состава. Въ числѣ убитыхъ были храбрѣйшіе первопоходники — Марковцы полк. Хованскій, подп. Штохмисскій, шт.-ротмистръ Дударевъ и много другихъ...

Не одинъ день потомъ въ Тихорѣцкой провожалъ я въ могилу прахъ своихъ старыхъ соратниковъ, со скорбью въ душѣ и съ больной неотвязчивой думой:

— Уходить, уходить... одинъ за другимъ...

Проклятая русская дѣйствительность! Что, если бы вмѣсто того, чтобы уничтожать другъ друга, все эти огряды Сорочина, Жлобы, Думенко и др., войдя въ составъ единой Добровольческой арміи, повернули на сѣверъ, обрушились на германскія войска генерала фонъ-Кнерцера, вторгнувшіяся вглубь Россіи и отдѣленные тысячами верстъ отъ своихъ базъ...

Къ утру 18-го войска Добровольческой арміи на Екатеринодарскомъ направленіи располагались слѣдующимъ образомъ: на сѣверѣ ген. Покровскій, ведя весьма упорные бои, форсировалъ низовья Бейсуга и послѣ уличнаго боя овладѣлъ Брюховецкой. Эрдели располагался главными силами въ районѣ Березанской, однимъ полкомъ занимая Запуринскую. 1-я дивизія Казановича была на походѣ къ ст. Выселки, выдѣливъ Марковскій полкъ на станцію Бейсугъ. Дроздовскій оставался въ районѣ Кореновской, авангардъ въ Платнировской.

Время, когда происходили описанныя выше событія въ южной группѣ Сорочинская продолжала наступленіе на востокъ, угрожая Березанской и Выселкамъ. большевики выбили Эрдели изъ Березанской и заняли станицу. Въ то же время съ сѣвера колонна сосредоточилась у хутора Журавскаго, подходя къ вечеру по ней артиллерійскій огонь.

Значитъ во что бы то ни стало съ этой группой, вновь угрожающей сообщеніямъ. Я приказалъ Дроздовскому вести активную Казановичу, съ подчиненіемъ ему кромѣ 1-й дивизіи и конницы эту группу большевиковъ.

Дроздовскій производилъ перегруппировку силъ и отражалъ наступленіе всего однимъ батальономъ...

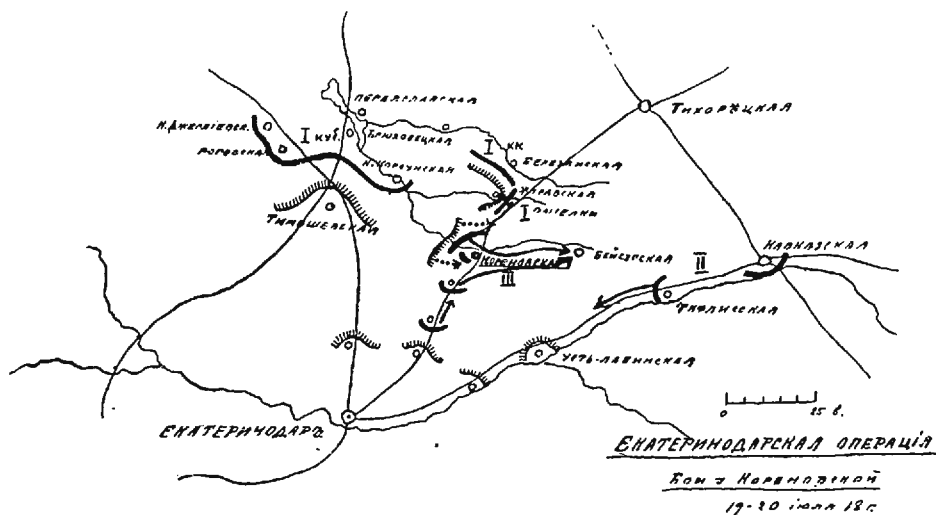
группа большевиковъ съ утра большими силами обру- ливскаго. Весь день шель бои, въ теченіе котораго больше- шись въ Кореновскую съ юга. Одновременно замѣчено ны вдоль р. Малеваны, съ запада на востокъ, въ глубокой .л. Войска Дроздовскаго проявляли большое упорство, но необыкновенно настойчивъ, шель въ превосходныхъ силахъ, вой руки инициативу, приковавъ Дроздовскаго къ Кореновской къ пассивной оборонѣ.

Положеніе Кореновской стало безнадежнымъ.

Понеся серьезныя потери, утомленный физически и морально, Дроздовскій отдалъ приказъ объ отступленіи. Начавъ съ трудомъ выводъ войскъ изъ боя еще засвѣтло, онъ въ теченіе ночи отошелъ на востокъ, верстъ за 30, въ станицу Бейсугскую, оторвавшись совершенно отъ противника. На другой день (20-го) онъ донесъ мнѣ, что за минувшіе бои дивизія сильно пострадала, въ настоящее время не боеспособна и требуетъ полнаго отдыха...

Извѣстіе объ отступленіи 3-й дивизіи пришло въ штабъ арміи и къ Казановичу только пополудни 20-го. Казановичъ, между тѣмъ, велъ упорныя атаки Березанской и Журавки. Первая была нами взята; но сопротивленіе Журавской группы противника разбивало всѣ наши усилія. Войска Казановича, въ особенности Марковскій полкъ во главѣ съ Тимановскимъ, ходили многократно въ атаку, несли тяжелыя потери, но успѣха не имѣли.

21-го іюля Сорокинъ былъ назначенъ главнокомандующимъ красныхъ войскъ Сѣвернаго Кавказа, и это назначеніе, повидимому, повліяло на упорство его войскъ.

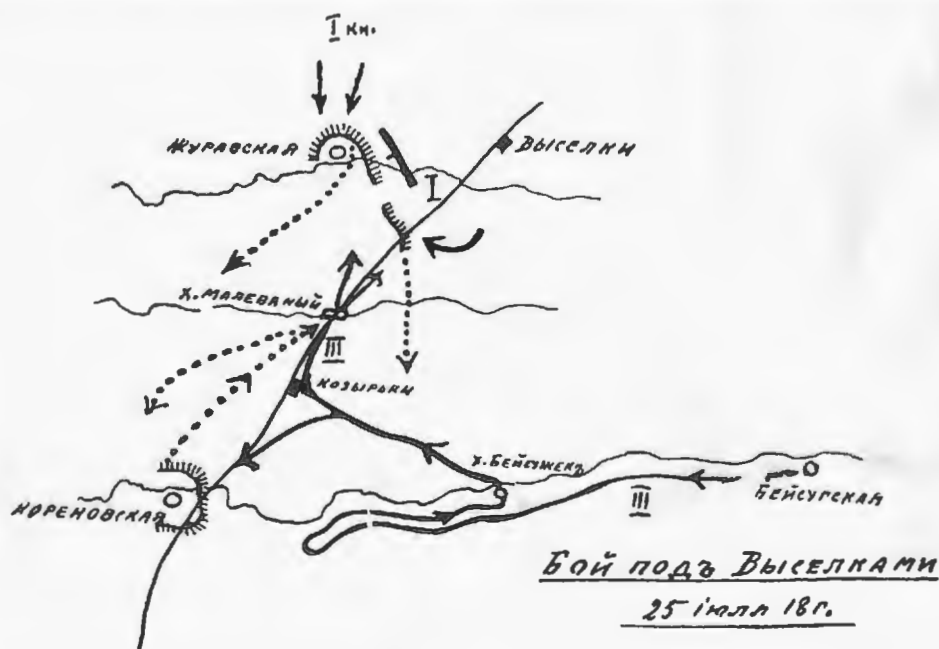
На Екатеринодарскомъ фронтѣ создалось для насъ положеніе тѣгостной, томительной неопредѣленности. Только на сѣверѣ обстановка нѣсколько улучшилась: 20-го наша флотилія, организованная въ Ейскѣ, вошла на рейдъ Приморско-Ахтарской и высадила тамъ небольшой десантъ, который занялъ станцію, а въ то же время Покровскій послѣ упорнаго боя взялъ станицы Ново-Джерлѣевскую, Роговскую и Ново-Корсунскую, охвативъ съ сѣвера Тимашевскій жел.-дорожный узелъ.

На 24 іюля я вновь назначилъ общее наступленіе Екатеринодарской группы, привлекиши и 3-ю дивизію: Дроздовскому приказано было, несмотря на переутомленіе дивизіи, наступать на Кореновскую, въ тылъ сѣверной группѣ большевиковъ съ цѣлью облегченія задачи Казановича.

Оставивъ большую половину своихъ силъ для выполненія задачи пассивной — прикрытія Усть-Лабинскаго направленія, Дроздовскій съ остальными 24-го двинулся лѣвымъ берегомъ рѣки Бейсужка; но атаковать Кореновскую, занятую по его свѣдѣніямъ крупными силами противника, не рѣшился и заночевалъ на полпути въ хуторѣ Бейсужекъ. Казановичъ атаковалъ опять, опять понесъ большой уронъ и безрезультатно. Между 1-й и 3-й дивизіями создавались натянутыя отношенія, основанныя меньше всего на ихъ боевыхъ достоинствахъ: и начальники, и части могли поспорить въ доблести... Но трудно было сочетать два характера — безудержнаго Казановича и осторожнаго Дроздовскаго, двѣ системы въ тактикѣ: у Казановича лобовые удары всѣми силами, рассчитанные на доблесть добровольцевъ и впечатлительность большевиковъ;

у Дроздовскаго медленное развертываніе, введеніе въ бой силъ по частямъ, малыми «пакетами» для уменьшенія потерь, которыя отъ этого не разъ становились еще тяжелѣе.

Утромъ 25-го Дроздовскій продолжалъ движеніе, измѣнивъ его направленіе: учитывая слабость своихъ силъ, онъ отказался отъ глубокаго обхода и рѣшилъ выйти въ ближній тылъ Журавской группѣ большевиковъ. Двинувшись на хуторъ Малеваный и овладѣвъ имъ въ десятый часъ утра, Дроздовскій направилъ 1-й Солдатскій полкъ въ сторону Выселокъ, гдѣ велъ бой ген. Казановичъ. Появленіе нашихъ войскъ вызвало большую панику среди большевистскихъ обозовъ. Въ теченіе 4—5 часовъ Дроздовскій, прикрывшись со стороны Кореновской конницей, велъ здѣсь двусторонній горячій бой: обходя большевиковъ, онъ оказался самъ обойденнымъ противникомъ, подошедшимъ къ Малеваному съ юго-запада отъ Кореновской. Сдерживая его съ этой стороны

артиллерійскимъ огнемъ, Дроздовскій лично съ «солдатскими» ротами отражалъ атаки съ сѣверо-востока. Большевики, стоявшіе противъ Выселокъ, повернули въ его сторону. Сначала одна волна, которая была разстрѣляна и уничтожена въ штыковомъ бою, потомъ вскорѣ и остальные силы, преслѣдуемая съ сѣвера Марковцами и 1-мъ коннымъ полкомъ. Послѣдній, въ пылу увлеченія, гонясь по пятамъ за большевиками, налетѣлъ и на Дроздовцевъ и, пока недоразумѣніе разъяснилось, понесъ потери отъ ихъ огня.

Сѣвернѣе, между тѣмъ, у Журавской 1-й Кубанскій полкъ и конница Эрдеги вновь съ большимъ подъемомъ атаковали позицію противника съ сѣвера и сѣверо-востока и, опрокинувъ большевиковъ, заняли станицу.

Къ 4 часамъ все было кончено.

Армія Сорокина, на этотъ разъ понесла жестокое пораженіе, отступала на всемъ фронтѣ, преслѣдуемая и избиваемая конницей, броневиками, бронепоездами. Къ вечеру занята была съ бою и Кореновская.

Только въ этотъ день (25-го) я прибрѣлъ вновь полную свободу дѣйствій и получилъ возможность продолжать выполненіе своего основнаго плана.

ГЛАВА XXVII.

Взятіе Екатеринодара.

Армія Сорокина уходила съ большой поспѣшностью главной массой въ направленіи на Екатеринодаръ, частью на Тимашевскую; тамъ попрежнему Таманская дивизія оказывала упорное сопротивленіе конницѣ Покровскаго и даже 28-го предприняла серьезное контръ-наступленіе въ направленіи на Роговскую... На югѣ отдѣльная группа большевиковъ — 4—6 тысячъ съ артиллеріей и бронепоездами располагалась въ районѣ Усть-Лабинской (постоянная переправа черезъ Кубань), занимая станицы Воронежскую и Ладожскую и выдвинувшись передовыми частями къ Раздольной и Киршильской. Подъ прикрытіемъ екатеринодарской укрѣпленной позиціи и Усть-Лабинской группы, по мостамъ у Екатеринодара, Пашковской, Усть-Лабинской шло непрерывное движеніе обозовъ: совѣтское командованіе перебрасывало свои тылы и коммуникаціи за р. Кубань...

Не взирая на крайнее утомленіе войскъ непрерывными боями, я двинулъ армію для неотступнаго преслѣдованія противника: Эрдели и Казановича — въ направленіи Екатеринодара съ сѣвера и сѣверо-востока, Дроздовскаго — противъ Усть-Лабы. Покровскій попрежнему имѣлъ задачей овладѣніе Тимашевскимъ узломъ и Боровскій — содѣйствіе колоннѣ Дроздовскаго продвиженіемъ части силъ внизъ по Кубани.

27-го кубанская конница Эрдели вышла къ Черноморской жел. дорогѣ у ст. Медвѣдовской, а по Тихорѣцкой вѣтви — блестящей конной атакой одного изъ кубанскихъ полковъ овладѣла станицей Пластуновской. Дроздовскій въ этотъ день взялъ съ боя Киршильскую, а Корниловскій полкъ — ст. Ладожскую, причемъ захватили исправный непріятельскій бронепоездъ съ 6 орудіями и 8 пулеметами*.

28-го, подвигаясь вдоль обѣихъ жел.-дорожныхъ линій, Эрдели занялъ Ново-Титоревскую и Динскую, подойдя на 20 верстъ къ Екатеринодару. 29-го въ районѣ Динской сосредоточилась и 1-я дивизія Казановича, причемъ бронепоездъ ея подходилъ въ тотъ день къ разъѣзду Лорисъ, на полпути къ Екатеринодару.

Штабъ арміи перешелъ въ Кореновскую, потомъ въ Динскую.

Задержка была за Усть-Лабой.

28-го Дроздовскій производилъ развертываніе по линіи р. Киршилы и на слѣдующій день атаковалъ Усть-Лабу, одновременно выслалъ конный полкъ съ полубатареей противъ Воронежской. 4-й Кубанскій пластунскій батальонъ ворвался на станцію и въ станицу, но, не поддержанный главными силами, вскорѣ былъ выбитъ оттуда большевиками, подошедшими изъ Воронежской, отчасти съ востока. Въ разыгравшемся здѣсь бою большевики, отрѣзанные отъ Екатеринодара, сами многократно атаковали съ фланга боковыми отрядами главныя силы Дроздовскаго, перешедшія къ пассивной оборонѣ, задержавъ ихъ къ сѣверу отъ станицы; въ то же время параллельно фронту шла непрерывная переброска за Кубань по Усть-Лабинскому мосту большевицкихъ обозовъ и войскъ. Только къ вечеру по инициативѣ частныхъ начальниковъ кубанскіе

* Дѣло капитана Морозова.

пластуны ворвались вновь въ Усть-Лабу совместно съ Корниловскими ротами, наступившими съ востока. Аррьергарды противника, метавшіеся между Воронежской и мостомъ, совместными дѣйствіями конницы Дроздовскаго были уничтожены, захвачены многочисленные еще обозы, орудія, пулеметы, боевые припасы: конница заняла Воронежскую.

30-го дивизія Дроздовскаго отдыхала. Я получилъ приказаніе двигаться безотлагательно къ Екатеринодару, оставивъ лишь небольшой отрядъ для прикрытія Усть-Лабинской переправы. Въ этотъ вечеръ и на слѣдующій день Дроздовскій подошелъ къ станицѣ Старо-Корсунской, войдя въ связь вправо съ Казановичемъ.

Такимъ образомъ, къ 1-му августа вся Екатеринодарская группа Добровольческой арміи подошла на переходъ къ Екатеринодару, окруживъ его тѣснымъ кольцомъ съ сѣвера и востока.

1-го предстоятъ штурмъ Екатеринодарскихъ позицій.

Онѣ тянулись отъ Кубани, опоясывая Пашковскую, — разъѣздъ Лорисъ и далѣе къ Екатеринодарскимъ «Садамъ»*, пересѣкая Черноморскую ж.-д. линію; непосредственно впереди города шла вторая непрерывная линія окоповъ. Мѣстность кругомъ была совершенно ровная, покрытая садами и обширными полями кукурузы.

1-го августа послѣ ожесточеннаго боя Покровскій взялъ, наконецъ, Тимашевскую и разбитый противникъ началъ отходить въ общемъ направленіи на Новороссійскъ...

Въ этотъ же день съ ранняго утра начались бои на всемъ Екатеринодарскомъ фронтѣ. Кубанцы Эрдели дошли до «садовъ», сбивая передовыя части противника, подержанныя бронепоездомъ; Казановичъ послѣ горячаго боя овладѣлъ разъѣздомъ Лорисъ и продвинулся впередъ версты на двѣ; Дроздовскій потѣснилъ противника къ станицѣ Пашковской и занялъ разъѣздъ того же имени. Въ такомъ положеніи наши войска застала ночь, а на утро возобновились опять упорный бои.

Я шелъ съ войсками Казановича. Все поле боя было видно какъ на ладони; едали видѣлись знакомыя очертанія города... Четыре мѣсяца тому назадъ Армія уходила отъ него въ неизвѣстное, раненая въ сердце гибелью любимаго вождя. Теперь она мня здѣсь, готовая къ новому штурму.

Шелъ непрерывный гулъ стрѣльбы. Быстро подвигался впередъ 1-й Кубанскій полкъ подъ сильнымъ огнемъ; лѣвѣе цѣпи Дроздовскаго** катились безостановочно къ Пашковской, на нѣкоторое время скрылись въ станицѣ и потомъ появились опять, пройдя ее и гоня передъ собой нестройныя цѣпи противника... Проходитъ немного времени и картина боя мѣняется: начинается движеніе въ обратномъ направленіи. Наши цѣпи отступаютъ въ безпорядкѣ и за ними текутъ густыя волны большевиковъ, подоспѣвшихъ изъ резерва; прошли уже Пашковскую, угрожая и лѣвому флангу Казановича. Дроздовскій, вызвавъ свои многочисленные резервы, останавливаетъ съ фронта наступленіе противника; я направляю батальонъ Кубанскаго стрѣлковаго полка въ тылъ большевикамъ; скоро трескъ его пулеметовъ и ружей вызываетъ смятеніе въ рядахъ большевиковъ. Волна ихъ повернула вновь и откатилась къ Екатеринодару.

Къ вечеру Дроздовскій занималъ опять Пашковскую, заночевавъ въ этомъ районѣ. Казановичъ продвинулся съ боемъ до предмѣстья.

На фронтѣ Эрдели, у Ново-Величковской бригада кубанцевъ (Запорожцы и Уманцы) атаковала и уничтожила колонну, пробивавшуюся на соединеніе съ Тимашевской группой большевиковъ. Къ концу дня Эрдели атаковалъ на широкомъ фронтѣ аррьергарды противника съ сѣвера и запада отъ Екатеринодара и въ девятомъ часу вечера ворвался въ городъ.

Утромъ 3-го наши колонны и штабъ арміи вступали въ освобожденный Екатеринодаръ — ликующій, восторженно встрѣчавшій добровольцевъ. Вступали съ волнующимъ чувствомъ въ тотъ городъ, который за полгода борьбы въ глазахъ Добровольческой арміи пересталъ уже вызывать представленіе о политическомъ и стратегическомъ центрѣ, пріобрѣта какое то особое мистическое значеніе.

* Предмѣстье города.

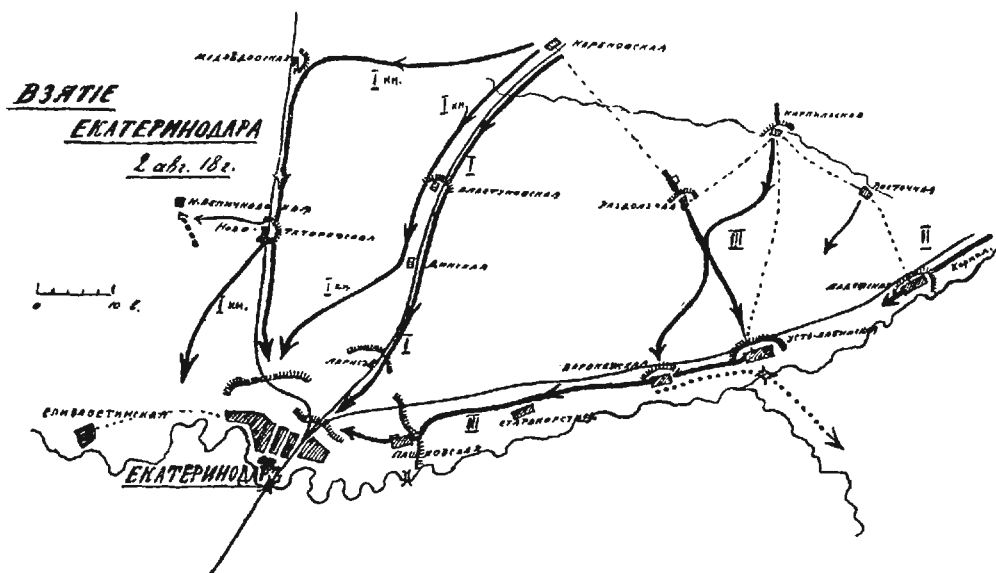
** 4-й Кубанскій пластунскій батальонъ и батальонъ 2-го Офицерскаго полка.

Еще на улицахъ Екатеринодара рвались снаряды, а изъ-за Кубани трещали пулеметы, но это были уже послѣдніе отзвуки отпумѣвшей надъ городомъ грозы. Войска Казановича овладѣли мостомъ и отбросили большевиковъ отъ берега.

Въ храмахъ, на улицахъ, въ домахъ, въ человѣческихъ душахъ были праздники — свѣтлый и радостный.

* *

Взятіе Екатеринодара было вторымъ «роковымъ моментомъ», когда по мнѣнію многихъ — не только правыхъ, но и либеральныхъ политическихъ дѣятелей, добровольческое командованіе проявило «недопустимый либерализмъ», вмѣсто того, чтобы «покончить съ кубанской самостоятельностью», посадивъ на Кубани наказнаго атамана, и создавъ себѣ такимъ образомъ спокойный, замиренный тылъ.

О послѣдствіяхъ такого образа дѣйствій можно судить только гадательно. Ни генералъ Алексѣевъ, ни я не могли начинать дѣла возрожденія Кубани — съ ея глубоко расположеннымъ къ намъ казачествомъ, съ ея доблестными воинами, боровшимися въ нашихъ рядахъ — актомъ насилія. Была большая надежда на мирное сожителство. Но, помимо принципиальной стороны вопроса, я утверждаю убѣжденно: тотъ, кто захотѣлъ бы устранить тогда насильственно кубанскую власть, вынужденъ былъ бы примѣнять въ краѣ систему чисто большевизкаго террора противъ самостоятниковъ и по-палъ бы въ полнѣйшую зависимость отъ кубанскихъ военныхъ начальниковъ.

Когда былъ взятъ Екатеринодаръ, я послалъ кубанскому атаману, полковнику Фплимонову въ Тихорѣцкую телеграфное извѣщеніе объ этомъ событіи и письмо слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь
Александръ Петровичъ!

Трудами и кровью воиновъ Добровольческой арміи освобождена почти вся Кубань.

Область, съ которой пась связываетъ крѣпкими узами безпримѣрный Кубанскій походъ, смерть вождя и сотни разсѣянныхъ по кубанскимъ степямъ братскихъ могилъ, гдѣ рядомъ съ кубанскими казаками покоятся вѣчнымъ сномъ добровольцы, собравшіеся со всѣхъ концовъ Россіи.

Армія всімъ сердцемъ раздѣляеть ра. ость Кубаня.

Я упреждаю, что Краевая Рада, которая должна собраться въ кратчайшій срокъ, найдетъ въ себѣ разумъ, мужество и силы залѣчить глубокія раны во всѣхъ проявленіяхъ народной жизни, нанесенныя ей наизвѣстномъ разнузданной черни. Создать единоличную твердую власть, состоящую въ тѣсной связи съ Добровольческой арміей. Не порвать сыпловой зависимости отъ Единой, Великой Россіи. Не станетъ ломить основное законодательство, подлежащее коренному пересмотру въ будущихъ всероссийскихъ законодательныхъ учрежденіяхъ. И не повторить соціальныя опыты, приведшіе народъ ко взаимной дикой враждѣ и обнищанію.

Я не сомнѣваюсь, что на примѣрѣ Добровольческой арміи, гдѣ на ряду съ высокой доблестью одержала верхъ надъ «революціонной свободой» красныхъ бандъ воинская дисциплина, воспитаются новыя полки Кубанскаго войска, забывъ навсегда комитеты, митинги и всѣ тѣ преступныя нововведенія, которыя погубили ихъ и всю армію.

Несомнѣнно, только казачье и горское населеніе области, ополчившееся противъ враговъ и насильниковъ и выдержавшее вмѣстѣ съ Добровольческой арміей всю тяжесть борьбы, имѣетъ право устраивать судьбы родного края. Но пусть при этомъ не будутъ обездолены иногородніе: суровая кара палачамъ, милость заблудившимся темнымъ людямъ и высокая справедливость въ отношеніи массы безобиднаго населенія, страдавшаго такъ же, какъ и казаки, въ темныя дни безправья.

Добровольческая армія не кончила свой крестный путь. Отданная на поруганіе совѣтской власти Россія ждетъ избавленія. Армія не сомнѣвается, что казаки въ рядахъ ея пойдутъ на новыя подвиги въ дѣлѣ освобожденія отчизны, красуясь на камняхъ чьихъ положены на Кубани и въ Ставропольской губерніи.

Дай Богъ счастья Кубанскому Краю, дорогому для всѣхъ насъ по тѣмъ душевнымъ переживаниямъ — и тяжкимъ и радостнымъ — которыя связаны съ безбрежными его степями, гостепріимными станицами и родными могилами.

Уважающій Васъ

А. Деппингъ.

Кубанское правительство просило меня повременить со въѣздомъ въ Екатеринодаръ, чтобы оно могло прибыть туда ранѣе и подготовить «достойную встрѣчу». Но въ Екатеринодаръ втягивались добровольческія дивизіи, на томъ берегу шелъ еще бой, и мнѣ поневолѣ пришлось перевести свой штабъ на Екатеринодарскій вѣстникъ; только къ вечеру не вытерпѣлъ — проѣхалъ незамѣтно на автомобилѣ по знакомому городу — теперь неузнаваемому — загаженному, заплеванному большевиками, еще не вполнѣ вѣрившему счастью освобожденія.

Много позднѣе къ величайшему своему изумленію въ отчетѣ о секретномъ засѣданіи законодательной рады (28-го февр. 19 г.) въ числѣ многихъ тяжкихъ винъ, предъявленныхъ Рябоволомъ командованію, я нашелъ и слѣдующую: «когда послѣ взятія Екатеринодара атаманъ и предсѣдатель рады были съ визитомъ у Алексѣева (въ Тихорецкой), тотъ опредѣленно заявилъ, что атаманъ и правительство должны явиться въ городъ первыми, какъ петинные хозяева; что всякіе выработанные безъ этого условія церемоніалы должны быть отменены. Но конечно этого не случилось»...

Тонкіе политики! Если бы я зналъ, что нашъ совмѣстный въѣздъ въ «столицу» (4-го августа) такъ огорчитъ ваше чувство суверенности, я отказался бы вовсе отъ торжествъ. И притомъ никто не препятствовалъ въѣду правительству и радѣ войти въ Екатеринодаръ хотя бы... съ копницей Эрдети, атаковавшей городъ.

Первые часы омрачились маленькимъ инцидентомъ: добровольцы принесли мнѣ глубоко возмущившій ихъ экземпляръ воззванія, расклееннаго по всѣмъ екатеринодарскимъ улицамъ. Оно было подписано ген. Букретовымъ — предсѣдателемъ тайной военной организаціи, проявившей признаки жизни только въ моментъ вступленія въ городъ добровольцевъ. Начиналось оно слѣдующими словами: «Долго жданные хозяева Кубани, казаки и съ ними часть иногородцевъ, неся съ собою справедливость и свободу, прибыли въ столицу Кубани»... Добровольческая армія — «часть иногородцевъ»! Такъ...

Букретовъ пришелъ представиться и не былъ принятъ. Долго ждалъ на вокзалѣ и, когда я вышелъ на перронъ, подошелъ ко мнѣ. Я сказалъ ему:

— Вы въ своемъ воззваніи отнеслись съ такимъ неуваженіемъ къ Добровольческой арміи, что говорить мнѣ съ Вами не пріятно.

Повернулся отъ него и ушелъ.

Этотъ ничтожный по существу случай имѣлъ, однако, весьма важныя послѣдствія. Букретовъ затаилъ враждебное чувство. Проидетъ съ небольшимъ годъ... Кубанская

Смотръ 4 августа 1918 г.

Марковский полкъ

Молебенъ августа 1918 года

У собора

Въ Екатеринодарѣ

рада, весьма ревниво относившаяся всегда къ чистотѣ казачьей крови своихъ атамановъ, измѣнить конституцію края и вручить атаманскую булаву генералу Букретову... Человѣку «чужому», не имѣвшему никакихъ заслугъ въ отношеніи кубанскаго казачества, состоявшему подъ слѣдствіемъ по обвиненію во взяточничествѣ, по происхожденію еврею, приписанному въ полковничьемъ чинѣ къ казачьей станицѣ, но зато... «несомнѣнному врагу главнокомандующаго»... Букретовъ приложить все усилія, чтобы углубить и ускорить разрывъ между Кубанью и главнымъ командованіемъ, потомъ вѣроломно сдѣлать остатки Кубанской арміи большевикамъ и исчезнуть.

4-го августа на вокзалѣ торжественно встрѣчали въ моемъ лицѣ Добровольческую армію атаманъ, правительство, рада и делегации. Потомъ все вмѣстѣ поѣхали верхомъ на соборную площадь, гдѣ собрались духовенство, войска и песнѣтная толпа народа. Подъ палящими лучами южнаго солнца шло благодарственное молебствіе. И были минуты тѣ животворящей росой на испепеленныя смутой души; примиряли съ перенесенными терзаніями и углубляли вѣру въ будущее — страны многострадальной, измученнаго народа, самоотверженной арміи... Это чувство нашло было на лицахъ, оно поднимало въ эти минуты людей надъ житейскими буднями и объединяло толпу, ряды добровольцевъ и собравшихся возлѣ аналога военачальниковъ и правителей.

Когда проходили послѣ молебствія войска — офицерскія части, кубанская конница, черкесы — все загорѣлые, тщательно украсившіе ради торжественнаго случая свои изношенные, заплатанныя одежды, ихъ встрѣчали отовсюду любовно и трогательно.

Въ привѣственныхъ рѣчахъ на вокзалѣ, потомъ въ застольныхъ, въ войсковомъ собраніи, кубанскіе правители — Филимоновъ, Бычъ, Рябоволъ и др. превозносили заслуги Добровольческой арміи и ея вождей и, главное, свидѣтельствовали — въ особенности устами атамана — о свей преданности національной идеѣ. «Кубань отлично знаетъ, что она можетъ быть счастливой только при условіи единства матери — Россіи — говорилъ атаманъ. — Поэтому, закончивъ борьбу за освобожденіе Кубани, казаки въ рядахъ Добровольческой арміи будутъ биться и за освобожденіе и возрожденіе Великой Единой Россіи»...

Это было самое важное; остальное, казалось, все приложится.

5-го пріѣхалъ въ Екатеринодаръ ген. Алексѣевъ, встрѣченный торжественно и душевно. Вновь состоялось молебствіе и парадъ прибывшей неожиданно въ Екатеринодаръ дивизіи Покровскаго...

Покровскій привелъ нѣсколько полковъ, хотя городъ былъ взятъ уже два дня тому назадъ, а Тимашевская группа большевиковъ уходила на Славянскую... «Полки измотались — говорилъ онъ — все равно необходима дневка. Но всеобщее желаніе кубанцевъ было пройти еще лишнихъ 15—20 верстъ, чтобы увидѣть свою столицу, своихъ вождей и себя показать»...

Въ этотъ день кубанцы чествовали ген. Алексѣева. Опять слышались горячія рѣчи, полныя признанія заслугъ арміи, любви къ Кубанскому краю и глубокаго патриотизма по отношенію къ Россіи...

Я отъ души пожелалъ, «чтобы освобожденная Кубань не стала вновь ареной политической борьбы, а приступила какъ можно скорѣе къ творческой созидательной работѣ»...

ГЛАВА XXVIII.

Политика кубанской власти. Взаимоотношения Кубани и Добровольческой армии осенью 1918 года.

Окончились празднества, отзвучали рѣчи и настали суровые, дѣловые будни. Войска двигались къ Лабѣ, Тамани и Новороссійску, а скатеринодарская жизнь забила ключомъ, впитавъ въ себя самые разнородные и зачастую рѣзко противоположные интересы создававшегося вновь военнаго и политическаго центра Юга Россіи.

Первымъ важнымъ вопросомъ явилось разграниченіе власти военнаго командованія и кубанскаго правительства.

Кубанскіе правители во главу угла поставили свою суверенность. Они основывали ее на своемъ выборномъ провозглашеніи и на договорѣ съ ген. Корчиловымъ и Добровольческой арміей, заключенномъ въ Ново-Дмитріевской 17 марта 1918 года*. Взятое дѣйствительно или казавшееся только нарушеніе этого принципа вызывало съ ихъ стороны упорное прямое или скрытое противодѣйствіе. Ген. Алексѣевъ и я въ свою очередь не имѣли ни малѣйшаго желанія вмѣшиваться въ управленіе краемъ. Но жизнь была сильнѣе и кубанской власти, и командованія и говорила языкомъ своихъ суровыхъ требованій. Какъ ни какъ, на территоріи «сувереннаго» края жила и боролась «суверенная» армія. Врагъ, еще многочисленный и сильный, занималъ значительную часть Кубани, и положеніе требовало полнаго напряженія силъ, полнаго подчиненія всей краевой жизни и дѣятельности правительства — интересамъ вооруженной борьбы.

Исходя изъ этихъ мотивовъ, мы основали наши взаимоотношенія на «Положеніи о полевомъ управленіи войскъ», поставивъ кубанское правительство въ такую же связь съ нами, какая существовала до 23 августа 1915 года между ставкой вел. кн. Николая Николаевича и россійскимъ правительствомъ. Отсутствіе верхняго звена въ этой іерархической цѣпи создавало объективно поводы для крупныхъ и мелкихъ недоразумѣній и «превышеній» то одной, то другой стороной своей компетенціи. Тѣмъ не менѣе, такое положеніе, не закрѣпленное никакимъ актомъ, оспариваемое не разъ кубанскимъ правительствомъ, просуществовало фактически цѣлыхъ полтора года — долгій срокъ, въ который мы безнадежно искали и не нашли пріемлемыхъ формъ государственной связи Кубани съ той Россіей, которая была представлена командованіемъ.

Совершенно невозможно перечислить всѣ тѣ мелкіе поводы, главнымъ образомъ матеріальнаго характера, которые возникали ежедневно и портили наши отношенія. Я останавлиюсь лишь на той группѣ фактовъ, которую приводило само кубанское правительство въ обращеніи къ ген. Алексѣеву и ко мнѣ**:

1. Вмѣшательство проходящихъ добровольческихъ отрядовъ во внутреннюю жизнь станицъ и городовъ.

2. Реквизиціи, производимыя арміей, въ особенности большевнцкихъ складовъ, запасовъ и имущества, которые кубанское правительство считало своимъ призомъ.

* См. Т. II, гл. XXIV.

** Сношеніе Предсѣдателя Веча 18 августа.

Вступленіе добровольцевъ — Екатеринбургъ
3 августа 1918г.

Кубанскій атаманъ генералъ Филимоновъ

3. Сборъ продовольствія и отводъ квартиръ непосредственнымъ распоряженіемъ органовъ арміи, помимо кубанскихъ учреждений.

Несомнѣнно, претензіи кубанскаго правительства имѣли не мало оснований, но далеко не исчерпывали вопроса. За быстрымъ движеніемъ арміи не поспѣвало административное устройство края... Органы снабженія и продовольствія кубанскаго правительства — малочисленные и немощные — не въ состояніи были удовлетворить потребностей разбросанной на огромномъ протяженіи арміи... Съ обѣихъ сторонъ — армейскихъ и кубанскихъ органовъ снабженія — проявлялось полное недоверіе другъ къ другу и борьба за свои интересы, не умѣряемая общей, единою властью. И если кубанское правительство не безъ извѣстнаго основанія говорило, что съ нимъ «представители Добровольческой арміи въ своихъ распоряженіяхъ, касающихся многихъ важныхъ сторонъ мѣстной и краевой жизни, не считаются», то правъ были и ген. Алексѣевъ, положившій на одномъ изъ представленій резолюцію*: «по закону всѣ органы кубанскаго краевого правительства должны являться исполнительными для Арміи, очищающей вооруженною рукою территорію (области) и за нее ведущей борьбу. Практика и дѣятельность г-на Быча показываетъ иное. Мы не можемъ теперь рассчитывать на выполненіе краевымъ правительствомъ своихъ обязанностей передъ арміей. Остается заботиться самимъ, не останавливаясь передъ суровыми реквизиціями»...

*

Помимо этихъ матеріальнаго характера столкновеній, съ первыхъ же шаговъ обнаружилось идейное расхожденіе между кубанскимъ правительствомъ и командованіемъ арміи.

Къ кубанскимъ дѣятелямъ не примѣнимы общерусскіе термины партійной принадлежности: въ кастовомъ, сословно-казацкомъ укладѣ они теряютъ совершенно свое обычное содержаніе. Казакъ — с.-р. или с.-д., напримѣръ, — совершенная аномалія. Можно говорить объ этомъ лишь относительно.

Дѣйственная казацка я интеллигенція дѣлилась на социалистовъ и либераловъ; почти не были представлены консерваторы. Сообразно территоріальному и генеалогическому происхожденію существовало дѣленіе на Черноморцевъ** и Линейцевъ***, совпадавшее съ большимъ отличіемъ политическихъ стремленій обѣихъ группъ. Встрѣчались нерѣдко уклоненія отдѣльных лицъ отъ такого грубаго политическаго размежеванія по территоріальнымъ признакамъ, но въ широкомъ обобщеніи оно было вѣрно: слово «черноморецъ» стало синонимомъ украинофила, социалиста, сепаратиста; «линейецъ» — синонимомъ либерала, русскаго централиста или автономиста.

Политическимъ центромъ черноморцевъ былъ Екатеринодаръ, линейцевъ — Армавиръ. Первые имѣли довольно сильныхъ въ областномъ масштабѣ вожakovъ, во главѣ съ Бычомъ — предѣдателемъ правительства и Рябоволомъ — предѣдателемъ законодательной рады. «Мозгъ» и «импульсъ» кубанскаго сепаратизма. Ихъ неизмѣннымъ спутникомъ — тѣнью, декорацией былъ товарищъ предѣдателя законодательной рады — Шахмъ-Гирей. Онъ никогда не говорилъ другихъ словъ, чѣмъ его вдохновители, и притомъ всегда отъ имени всего черкесскаго народа. А мирный спокойный народъ «его» совершенно не интересовался политической борьбой; почтенные представители черкесовъ въ послѣдствіи въ радѣ единогласно присоединялись къ мнѣнію Шахмъ-Гирея и такъ же единогласно опровергали его, когда на засѣданіи въ средѣ ихъ присутствовалъ другой, старшій Гирей (Кемечъ) — командиръ Черкесскаго полка — храбрый доброволецъ и русскій централистъ.

Линейцы были слабѣе численно и возглавлялись интеллектуально менѣе сильными лидерами. Это обстоятельство поставило линейцевъ въ хроническое положеніе «оппозиціи», группировавшейся вокругъ полковника Филимонова. Центральное положеніе,

* 31 августа.

** Черноморцы — потомки запорожцевъ, населяющіе сѣв.-зап., большую часть Кубани.

*** Линейцы — выселенные нѣкогда съ Дона «на линію» казаки и выходцы крестьяне центральныхъ и Ставропольской губерній.

нимъ занятое, обуславливалось не политическимъ вліяніемъ Филимонова, а ролью его, какъ атамана, борющагося за атаманскую власть, обезличенную конституцій, расхищаемую правительствомъ и законодательной радой — атамана, считавшагося другомъ Добровольческой арміи.

Послѣднее обстоятельство требуетъ нѣкотораго разъясненія. Съ самого начала нашей совмѣстной дѣятельности на Кубани атаманъ Филимоновъ игралъ не вполне опредѣленную роль: въ своей борьбѣ съ черноморской группой онъ искалъ и находилъ всегда поддержку въ командованіи; но въ борьбѣ командованія съ той же политической группой занималъ часто нейтральное положеніе. Никогда, къ сожалѣнію, мы до конца не договаривались, и пути наши поэтому не разъ расходились.

Въ толщѣ кубанскаго казачества и въ кубанскихъ частяхъ оба эти политическія теченія отражались вначалѣ весьма мало. Въ особенности въ войскахъ: казаки шли за своими начальниками, а эти послѣдніе были совершенно лояльны въ отношеніи командованія арміи и раздѣляли всецѣло національные стимулы ея.

Въ правительствѣ и радѣ возобладали черноморцы. Этотъ фактъ опредѣлилъ направление всей политики Кубани и ея взаимоотношенія съ Добровольческой арміей. Первые мѣсяцы, однако, противодѣйствіе арміи со стороны кубанскаго правительства носило болѣе пассивный характеръ, прорываясь лишь въ рѣзкихъ агитаціонныхъ выпадахъ противъ Арміи членовъ господствующей партіи въ законодательной радѣ, въ печати и на станичныхъ сборахъ. Агитація почти не находила отклика въ станицахъ, полныхъ добраго чувства къ арміи — освободительницѣ. И ген. Алексѣевъ, и я получали множество постановленій и привѣтствій отъ станицъ — теплыхъ, сердечныхъ, безхитростныхъ, когда они были лишены... казеннаго штампа.

Правительственная агитація носила формы чрезвычайно грубыя и примитивныя. Чтобы дать понятіе о характерѣ ихъ, я приведу одинъ эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ концѣ мѣсяца послѣ взятія арміей Екатеринодара. 31 августа всѣ екатеринодарскія газеты получили циркулярное предложеніе отъ кубанскаго правительства напечатать приговоръ станицы Старонижестеблѣвской... Въ немъ были такіе перлы самостійной идеологій, съ тонкой игрой на отождествленіи совѣтской власти съ Россіей: «мы козаки... по своему слабуумію или недохвату въ науши, нытакъ давно изминыли булы своей ридній Кубани, дали волю и власть проклятому москалю... Проклятый москаль волю и власть козачу штыкомъ соби въ руки захватывъ, задавивъ насъ якъ мухъ»... но «наши батьки паны, якъ люди ученні, ны допусыты заблудывшихся насъ до погыбыты, стали на опалцаткы, перздъ тію чернотою сибирякамы и каторжанами и вывылы насъ зъ москальской ныволн... И спасыби Вамъ наши спасытыли Кубанци паны, гинпралы и весь начальствующій составъ, въ особенности рыдному батьку, полковныку Фылымонову, батьку Бычу и всей Раді... вылыкѣ спасыби... за Вашу щырость, за спасеніе насъ и нашихъ имуществъ». Ввиду возмущенія этимъ фактомъ «русской» общественности, кубанскій «министръ» Калабуховъ на другой день разъяснилъ, что «вышеупомянутый приговоръ съ резолюціей Войскового Атамана «отпечатать», по личному недосмотру г. секретаря (правительства) былъ разосланъ во всѣ редакціи»...

А «москаши» — Корниловъ, Алексѣевъ, Марковъ, Дроздовскій и много тысячъ другихъ — одни уже сложили свои головы, другіе продолжали борьбу за спасеніе Кубани...

Казачество въ цѣломъ не было пока вовлечено въ нашу распрю. Сильный врагъ былъ — порога Екатеринодара, а какой будетъ политическій обликъ созываемой Кравъ — неизвѣстно. Перетягивать поэтому струны кубанскимъ дѣятелямъ не стоило...

Тѣмъ не менѣе, основныя линіи политики черноморской группы въ дѣятельности правительства Быча начали проявляться съ полною опредѣленностью.

Идея «Великой Украины», въ которой Кубань займетъ положеніе «равнаго члена», проводилась пока еще теоретически: нѣмецкая оккупация и гетманскій режимъ служили охлаждающимъ началомъ. Черноморцы ждали возвращенія къ власти центральной рады и Петлюры. Практически принимались однако мѣры къ округленію границъ «Великой Кубани», въ предѣлахъ которой мыслились и юго-западная часть Ставропольской

Панихида по генералѣ Корниловѣ
(Екатеринодаръ, «Ферма»)

губерній, и вся Черноморская* По мѣрѣ движенія нашихъ войскъ въ предѣлы Черноморской губ., за ними шли агитаторы, снабженные удостовѣреніями Кубанскаго правительства, побуждая населеніе требовать «возвращенія къ родной матері — Кубани»; они, впрочемъ, быстро выплавливались добровольческими властями. Позднѣе правительство Быча входило въ тайныя сношенія съ грузинами о присоединеніи къ Кубани Черноморской губ., находившейся подъ управленіемъ Добровольческаго командованія, и въ то же время воздѣйствовало на населеніе безхлѣбной губерніи голодной блокадой, закрывъ границы войска для продовольственныхъ грузовъ.

Суверенность подчеркивалась и укрѣплялась всѣми способами.

Официальная газета Кубанскаго правительства** заявляла, что Кубань въ будущемъ «не помирится на самоуправленіи, ни даже на автономіи, а будетъ отстаивать суверенныя права... Казачество хочетъ быть полноправнымъ хозяиномъ во всѣхъ областяхъ гражданской и экономической жизни. Ему нужны свои порты и дороги, независимость при опредѣленіи своихъ отношеній къ другимъ соседнимъ областямъ или государствамъ и полная частная и общественная инициатива и самостоятельность во всѣхъ вопросахъ экономической политики»...

Остатки общегосударственныхъ учрежденій закрывались — даже такіе, какъ напримѣръ, 14 приютовъ б. вѣдомства импер. Маріи, эвакуированныхъ на Кубань въ 17 году и обреченныхъ теперь на голодное существованіе. Съ другой стороны, областныя учрежденія, связанные административными нитями съ другими губерніями Сѣвернаго Кавказа, безъ всякаго предувѣдомленія командованія превращались въ самостоятельныя красавы***. Распоряженіемъ правительства быть воспрещенъ вѣздъ на Кубань «русскихъ бѣженцевъ», а въ концѣ августа были закрыты всѣ границы области для вывоза почти всего сырья и предметовъ продовольствія, чѣмъ нарушился установившійся обмѣнъ съ районами, занятыми Добровольческой арміей, отягчая ихъ положеніе и вызывая неудовольствіе противъ командованія. Такія же распоряженія отдавались на Дону. Съ 13-го сентября кубанское правительство подчинило себѣ желѣзныя дороги, проходящія по краю, и, такимъ образомъ, изъ Новороссійска, напримѣръ, въ Ростовъ черезъ Торговую движеніе по одной Владикавказской дорогѣ происходило черезъ три «суверенныя государства» съ донскими и кубанскими таможенями: районъ Добровольческой арміи (Новороссійскъ — Тонельная), Кубань (до станціи Ея), опять районъ Добровольческой арміи (до Торговой) и Донъ (до Ростова)... Конечно, такое положеніе было нетерпимымъ, и начальникъ военныхъ сообщеній арміи долженъ былъ наложить руку на всю сѣть ж. д. театра войны.

Неоднократныя попытки генерала Алексѣева къ согласованію дѣятельности, къ объединенію снабженія, финансовой системы и т. д. встрѣтили подозрительность и недовѣріе кубанскаго правительства. И ген. Алексѣевъ, разочарованный въ своихъ ожиданіяхъ въ полной мѣрѣ, писалъ атаману, что во всѣхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ Кубани онъ видитъ только «стремленіе всѣми силами отмсжеваться отъ вопросовъ общегосударственнаго значенія, и все управленіе краемъ свести къ удовлетворенію чисто мѣстныхъ интересовъ»¹.

Казачій шовинизмъ въ отношеніи иногороднихъ — «русскихъ» проявлялся въ формахъ, совершенно недопустимыхъ. Казаки мстили за свое разореніе, за свою кровь. Иногородніе считались поголовно большевиками и являлись безправными на кубанской землѣ; на нихъ налагались тяжкія матеріальныя кары за дѣйствительный и мнимый большевизмъ включительно до отобранія домовъ и угодій безвѣстно отсутствующихъ главъ семей²; дѣтей ихъ изгоняли изъ школъ, и само правительство создавало высшее учебное заведеніе для «коренныхъ жителей края». А сколько людей перевѣшано и

* Эти районы входили и въ карту «Великой Украины».

** «Вольная Кубань» 22 сентября (передовая).

*** Судебныя учрежденія Черноморской губ., напримѣръ, были ранѣе подвѣдомственны Екатеринодарскому суду.

¹ Письмо атаману 4 сентября № 586.

² Официальный текстъ закона говорилъ о «лицахъ, бѣжавшихъ съ большевиками изъ сочувствія къ нимъ».

разетрѣбно было станичными судами, объ этомъ не вѣдомо было кубанскому правительству, не занимавшемуся подобной статистикой. Въ самомъ кубанскомъ «парламентѣ», собиравшемся въ октябрѣ, серьезно обсуждался вопросъ о поголовномъ выселеніи иногороднихъ изъ Кубанской области, причемъ болѣе экзотичные ораторы сбились: вмѣсто «выселенія» упоминали иногда объ «истребленіи».

Могли ли умѣрить эти настроенія правительство Быча? Несомнѣнно. Боролось ли съ ними? На этотъ вопросъ отвѣтилъ въ засѣданіи рады товарищъ предѣдателя Рябцевъ: «борьба съ... иногородними (!) входила въ одну изъ задачъ Законодательной Рады».

Обоснованіе этой борьбы было чуждо какихъ либо идеологическихъ мотивовъ. Это была только борьба за землю. Комитетное опредѣленіе существа этой борьбы мы находимъ у предѣдателя кубанскаго правительства Луки Быча: «иногородніе — говорить онъ* — имѣли основаніе быть остро недовольными своимъ положеніемъ... Они здѣсь не имѣли земли, столь плодородной богатѣйшей земли, которая составляла общинную собственность всего войска и не могла поступить въ ихъ полное распоряженіе, чего они, какъ истые крестьяне, такъ жаждали». Бычъ находилъ вполне естественнымъ такой порядокъ: «Конечно, для нихъ звучало бы странной пропой требованіе земли въ томъ невозможномъ въ дѣйствительности случаѣ, если бы такое требованіе было предъявлено казаками, случайно поселившимися, скажемъ, въ Тверской или Воронежской губерніяхъ, откуда они пришли на Кубань... «Революція, давшая возможность проявить и углубить притязанія на казачьи земли, со стороны иногороднихъ, создала чрезвычайную тучную почву для выѣдренія большевизма въ эту среду. Строго говоря, большевизмъ игралъ роль прикритія къ вопросу аграрному»...

Какъ бы то ни было, игра на казачьемъ шовинизмѣ составляла одну изъ главныхъ средствъ для сохраненія за собой вліянія черноморской группы. Сойти съ этой позиціи — значило бы потерять вліяніе и власть.

Общерусская революціонная демократія мирилась съ такимъ положеніемъ, оставалась въ постоянномъ союзѣ съ «демократическимъ» правительствомъ Быча въ противобѣсъ «реакціонному» командованію. А въ народѣ эти чисто казачьи эксцессы запослались нерѣдко въ пассивъ добровольчеству, отягчая синодикъ нашихъ собственныхъ не малыхъ прегрѣшеній. Вообще, когда кубанскій казакъ бралъ станицы, пушки и плѣнныхъ, правительство ревниво слѣдило, чтобы онъ былъ наименованъ «кубанцемъ»; когда же казакъ поролъ и грабилъ иногороднихъ, его называли «добровольцемъ»...

Помимо моральнаго и политическаго значенія своего, эти взаимоотношенія, какъ увидимъ ниже, имѣли слѣдствіемъ притокъ значительныхъ пополненій иногороднихъ въ ряды Красной арміи и усиленіе ея упорства и воли къ продолженію борьбы.

*

Въ край, и въ частности въ Екатеринодарѣ, наѣхало много общественныхъ и политическихъ дѣятелей изъ Украйны, Крыма, Москвы. Одни пѣзъ нихъ присоединились всецѣло къ позиціи Добровольческой арміи, другіе стали въ сторонѣ, не рѣшаясь еще открыто высказаться противъ подозрѣваемой въ реакціонности арміи и вмѣстѣ съ тѣмъ нецугавшіе чрезмѣрнаго самостоятельности «демократическаго» кубанскаго правительства. Въ началѣ сентября выступилъ Шульгинъ съ «Россіей», проводя съ большою страстностью идеи монархизма и націонализма. Загорѣлась жестокая полемика съ органами лѣваго и самостоятельнаго направленія — «Вольной Кубанью» (правит. газета), «Сыномъ Отечества» (газета Шрейдера), «Кубанскимъ Краемъ» и др., отражая до извѣстной степени теченіе борьбы между крайнимъ правительствомъ и командованіемъ въ области національныхъ задачъ. «Россію» считали нашимъ оффиціозомъ и потому въ ея лицѣ направляли удары по адресу командованія. Это было не совсѣмъ вѣрное толкованіе. Газета всемѣрно поддерживала армію и имѣла близкую связь съ нею, главнымъ образомъ, благодаря

* Изъ стенографическаго отчета.

** Статья Быча въ «Донской Волиѣ», 1918 г., № 21.

Папихида по ген. Марковѣ (Екатеринодаръ)

личнымъ дружественнымъ отношеніямъ Шульгина съ ген. Драгомировымъ*. Драгомировъ и штабъ арміи давали газетѣ информацию и иногда фактическое освѣщеніе мѣропріятій добровольческаго командованія и его взаимоотношеній съ другими новообразованіями. Но въ политической идеологіи своей Шульгинъ не былъ связанъ никакимъ обязательствомъ. Онъ говорилъ отъ себя и за себя, иногда отражая мнѣніе командованія, иногда идя въ разрѣзъ съ нимъ. Вліяніе его органа на офицерство было несомнѣнно очень велико. Пришлая «россійская демократія», представителемъ которой считалъ себя Г. Шрейдеръ и члены редакціи «Сына Отечества», отнеслись съ особеннымъ опасеніемъ къ этому вліянію. «Сынъ Отечества», слѣдуя твердо традиціямъ отжившей охранной прессы, писалъ доносы казачьимъ правительствамъ: «открыто ведущаяся на Дону (Суворинъ) и на Кубани (Шульгинъ) пропаганда монархизма имѣетъ всѣ признаки государственнаго преступленія... Постановленіемъ бывшаго Временнаго правительства, утвержденнымъ волею Всенароднаго Учредительнаго Собранія, разогнаннаго большевиками, въ Россіи установлена республиканская форма правленія... Покушающійся въ данное время на сверженіе этой единственно законной формы правленія является преступникомъ передъ народомъ. Эти покушенія предполагаютъ заговоръ, бунтъ»...

Подобныя откровенія изъ области государственнаго права поддерживались кубанскимъ правительствомъ въ нужныхъ случаяхъ, поддерживались имъ и Шрейдеровскіе органы въ качествѣ оппозиціи Добровольческой арміи. Но только до извѣстнаго предѣла: Шрейдеръ съ его Учредительнымъ Собраніемъ** 18 года для кубанскихъ самостійниковъ казался такимъ же центристомъ, хотя и социалистическаго образца, какъ и Шульгинъ. *

Вообще, настроеніе пріѣзжей россійской интеллигенціи оказалось огульно не въ пользу кубанской власти. И однажды Кубанское вѣдомство внутреннихъ дѣлъ въ длинномъ, полемическаго характера приказѣ*** констатировало наплывъ въ Екатеринодаръ «множества членовъ различныхъ партійныхъ теченій и организацій», которые «выявляютъ безконечныя резолюціи, протесты и почти открытое противодѣйствіе мѣстной правительственной власти». На основаніи «военнаго положенія» вѣдомство нашло необходимымъ «воспретить всѣ, безъ исключенія, собранія» и «закрывать газеты» за статьи, «вызывающія недовѣріе къ Краевой власти и затрагивающія (высшихъ) представителей сосѣднихъ дружественныхъ новообразованій»...

Только поношеніе Добровольческой власти и арміи не преслѣдовалось закономъ и исполнителями его, являясь однимъ изъ методовъ политической борьбы.

*

*

Наиболѣе серьезное столкновеніе съ кубанской властью произошло по вопросу о выдѣленіи автономной Кубанской арміи съ подчиненіемъ ея во всѣхъ отношеніяхъ атаману и лишь въ оперативномъ — добровольческому командованію.

Къ сентябрю относительный составъ Добровольческой арміи былъ слѣдующій:

Составъ	Пѣхотныхъ полковъ	Конныхъ полковъ	Батарей
Части			
Общероссійскихъ:	10	2	14
Кубанскихъ:	(пласт. бат.) 8	16	7

Техническія войска были укомплектованы по преимуществу общероссійскимъ элементомъ. Всѣ войсковыя части въ силу условій комплектованія — на походѣ и въ бою —

* Помощникъ Верховнаго руководителя, ген. Алексѣева.

** Позже организовалъ Юго-Восточный комитетъ членовъ Учред. Собранія.

*** Приказъ Калабухова 24 октября 18 года.

были переменыны. Казачьи входили въ большѣмъ числѣ въ составъ пѣхотныхъ полковъ, въ особенности 1-го Кубинскаго Стрѣлковаго и Партизанскаго; не-казачьи офицеры, ввиду сильнаго некомплекта у кубанцевъ, составляли по преимуществу командный элементъ въ пластунскихъ батальонахъ* и въ кубанскихъ батареяхъ. Если подсчитать боевой составъ общероссійскихъ и кубанскихъ частей, то кубанцевъ въ арміи было 50%; внеся поправку за счетъ казаковъ, находившихся въ рядахъ офицерскихъ частей, эту цифру надо поднять до 60—65%.

На общемъ засѣданіи командованія и кубанскихъ властей 12 августа вопросъ о выдѣленіи всѣхъ кубанцевъ и созданіи арміи поставленъ былъ въ формѣ категорическаго требованія. Особенно настаивалъ на этомъ большой недоброжелатель арміи, «военный министр», полковникъ Савицкий — офицеръ конвоя Его Величества, перешедшій нескѣто въ станъ «соціалистовъ» и самостійниковъ. Такія неожиданныя превращенія весьма характерны: когда вспыхнула революція, одними изъ первыхъ пришли въ Думу дворцовые слуги — насѣдственно пользовавшіеся цѣреками милостями — заставить старый «ненавистный» режимъ и порадоваться на новыхъ «господъ»...

Официальные мотивы этого требованія были знакомы и раѣе: примѣръ «старшаго брата» — Дона, имѣющаго свою армію; моральное самочувствіе кубанскихъ казаковъ, чѣторыхъ заслуги якобы «затираются» подъ общимъ именемъ Добровольческой арміи... Наконецъ, необходимость имѣть свою армію на случай ухода по стратегическимъ соображеніямъ добровольцевъ. Кубанскіе правители не были здѣсь такъ открытны, какъ на засѣданіяхъ законодательной, потомъ краевой рады, когда вопросъ о борьбѣ съ большевиками отошелъ окончательно на задній планъ, и «Кубанская армія» выдвигалась открыто какъ политическое орудіе противъ Добровольческой. Одинъ изъ черноморскихъ лидеров, П. Макаренко говорилъ: «всякій человѣкъ, который хочетъ возвыситься надъ обыкновенными, старается прибрать къ рукамъ вооруженную силу... Это общее правило — забрать больше власти надъ войсками, а тогда уже диктовать свои условія. Необходимо кубанскія войска подчинить кубанскому атаману (правительству?), а въ оперативномъ отношеніи опъ можетъ подчинить ихъ тому, кому найдетъ пужнымъ»**.

Создавать Кубанскую армію для политическихъ цѣлей Быча и Рябова было нецѣлесообразно. «Ихъ» армія въ «Россію» не пошла бы. Но, помимо этого, такая операція надъ арміей, находившейся въ постоянномъ движеніи и въ бояхъ, была технически не выполнима и, во всякомъ случаѣ, грозила полнымъ подрывомъ ея боеиспособности. Добровольцы остались бы съ порѣдѣлыми пѣхотными частями и безъ конницы, а кубанцы — безъ генеральнаго штаба, безъ техническихъ частей, съ сильно ослабленной артиллеріей и пластунскими батальонами, изъ которыхъ несомнѣнно ушло бы все не-казачье офицерство.

Я соглашался постепенно, по мѣрѣ притока укомплектованій, выдѣлять всѣхъ кубанцевъ изъ чисто добровольческихъ въ казачьи части, но въ формированіи отдѣльной арміи, нарушающей систему организаціи и затрудняющей стратегическое использование силъ, категорически отказалъ.

Споръ грозилъ затянуться до безконечности. Я всталъ и заявилъ:

— Въ то время, когда половина Кубани подъ властью большевиковъ, и на поляхъ ея льется кровь добровольцевъ, кубанское правительство стремится развалить армію. Я этого не допущу.

Извинившись затѣмъ за свой рѣзкій тонъ и за уходъ передъ ген. Алексѣевымъ, я вмѣстѣ съ Романовскимъ покинулъ засѣданіе.

Вопросъ этотъ загложъ. Черезъ мѣсяць онъ поднялся опять въ бурномъ засѣданіи законодательной рады. Тамъ, однако, оказался у насъ союзникъ: атаманъ Филимоновъ заищилъ позицію командованія и Добровольческую армію, въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ обвинялъ правительство, требовалъ устранения имъ поводовъ къ разрыву и призывалъ къ полному единенію съ арміей***. «Стоя близко къ Добровольческой арміи, —

* Такъ было и во время міровой войны: кубанскаго офицерства хватало только на пополненіе конницы и артиллеріи; въ пластунахъ (пѣхота) они служить не любили.

** Отчетъ о засѣданіи 10 ноября 18 года.

*** Засѣданіе 19 сентября.

говорилъ онъ — имѣя частыя сношенія съ командующимъ... я не замѣчалъ никогда желанія послѣдняго мѣшать работѣ правительства или стремленія къ захвату власти.

Отстаивая передъ командованіемъ иногда неумѣренные требованія «казацкой вольности», въ своемъ кругу атаманъ Филимоновъ вносилъ умѣряющую струю въ разгоряченную атмосферу, созданную казацкимъ шовинизмомъ и центробѣжными силами. Свой взглядъ на общность интересовъ арміи и края онъ высказалъ однажды образной фразой: «мы такъ срослись съ Добровольческой арміей, что каждое расхожденіе кровотоচিতъ»...

*

Въ смыслѣ взаимоотношеній арміи и кубанскаго правительства первые два мѣсяца были только прелюдией. Они только намѣтали глубокими бороздами тѣ направленія, которыми разойдутся пути Кубани и Арміи. Пока шелъ разговоръ лишь о размежеваніи власти на Кубанской территоріи и не подымался еще вопросъ о созданіи «южной власти».

Тѣмъ не менѣе, создавшееся положеніе борьбы «на два фронта» было крайне тягостнымъ. Не разъ, послѣ очереднаго столкновенія, мы высказывали мысль: что, если предоставить Кубань ея собственной участи и дальнѣйшую борьбу на ея территоріи — ея арміи, вывести добровольческія части первоначально въ Ставропольскую губернію?... Въ концѣ концовъ это было возможно. Но дальше и мы, и Романовскому рисовались перспективы далеко не радостнаго свойства... Ослабленная и дезорганизованная Добровольческая армія должна была бы пробивать себѣ новые пути на сѣверъ или на югъ и начинать всю работу сначала — опять безъ базы, въ политической обстановкѣ, еще болѣе сложной... Кубанская армія, лишенная «спинного хребта» въ лицѣ добровольческихъ частей, была совершенно безсильна справиться съ Сѣверо-Кавказской красной арміей. Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, что послѣ взятія Екатеринодара борьба съ большевиками потребуетъ еще 5 мѣсяцевъ времени, полнаго напряженія всѣхъ силъ Добровольческой арміи и большихъ жертвъ... Съ нашимъ уходомъ большевики хлынули бы вновь въ освобожденный край, затопили бы неповинныя кубанскія станицы и Черноморскую губернію... Всѣ наши труды и жертвы пошли бы прахомъ.

Цѣпи, связывавшія насъ съ Кубанью, были неразрывны еще по одной причинѣ: мы стало извѣстнымъ, что въ случаѣ рѣшенія объ уходѣ Добровольческой арміи кубанскіе военные начальники произведутъ въ Екатеринодарѣ переворотъ, свергнувъ правительство и законодательную раду и, вѣроятно, истребятъ многихъ черноморскихъ вожakovъ. Пришлось бы, слѣдовательно, взявъ на себя нравственную отвѣтственность за происшедшее, возвращаться къ исходному положенію въ обстановкѣ значительно ухудшившейся въ стратегическомъ и политическомъ отношеніи.

Въ такомъ напряженномъ положеніи обѣ стороны ждали Краевой Рады, которая должна была внести ясность въ наши отношенія.

Бычь или Филимоновъ? Самостійность и федерація съ Украиной или автономная Кубань въ Единой Великой Россіи? Война или миръ?

ГЛАВА XXIX.

Составъ и положеніе Добровольческой арміи въ августѣ. Расположеніе сторонъ. Дальнѣйшій планъ операціи.

Второй Кубанскій походъ: Освобожденіе Западной Кубани и Черноморской губ. Преслѣдованіе большевиковъ въ Закубаньи. Взятіе Майкопа.

Постепенно развѣртываясь и укомплектовываясь, Добровольческая армія къ сентябрю имѣла слѣдующій боевой составъ*:

Составъ	Штыковъ и пашекъ	Орудій	Пулеметовъ
Части			
1-я дивизія	2,678** 3,165*** 1,964 ¹		76
2-я дивизія	4,907	11	48
3-я дивизія	3,442	11	57
Отдѣльная стрѣлк. бригада	973	—	—
1-я Конная дивизія	3,564	9	21
1-я Кубанская каз. дивизія	2,986	8	12
2-я Кубанская каз. дивизія	1,760	8	5
Кубанская Партизанская бригада	656	2	2
Отдѣльная Кубанская каз. бригада	1,600	4	8
Гарнизонъ Ейска	1,204	—	—
Польскій отрядъ	?	?	?
Армейская группа артиллеріи:			
а) 2 тяжелыхъ батареи	—	5	5
б) 5 бронепоездовъ	число машинъ	9	9
Авто-броневой дивизионъ	8	3	15
1 и 2-й авіаціонные отряды	число машинъ		
Радио-дивизионъ	?		
Желѣзнодорожная рота	?		
Техническая рота	?		
Запасныя части	Конныхъ полковъ	Запасныхъ батальоновъ	Пластунск. батальоновъ
	1	6	5
	людей 3—5 тысячъ		
Всего ³	Штыковъ и пашекъ	Орудій	Пулеметовъ
	35—40 тысячъ	86	256

* Разновременно въ составъ дивизій по мѣрѣ надобности придавались пластунскіе батальоны и станочные гарнизоны и потому составъ указанъ весьма приблизительно.

** Въ резервъ командующаго.

*** На Туапсинскомъ фронтѣ.

¹ На Ставропольскомъ фронтѣ (Два пластунскихъ батальона).

Не вошли въ расчетъ чины техническихъ частей, нестроевые, чины нѣкоторыхъ полковъ и батареи, не доставившихъ въ свое время свѣдѣній.

Для пополненія армії призвані були въ ряды ея по мобилизаціи еще два призывныхъ возраста — 1916 и 1917 годовъ, проходившіе нормально черезъ органы мѣстнаго военнаго управленія и запасныя части. Кубанцы дали въ дѣйствующую армію 10 возрастныхъ классовъ. Штабу приходилось вести при этомъ длительную борьбу съ войсками, которыя путали и сбивали всѣ расчеты, мобилизуя сами въ свои ряды безспешно населеніе раіоновъ, ими проходимыхъ. Шла большая организаціонная работа по развертыванію частей, органовъ снабженія, санитарныхъ, военныхъ сообщений.

Можно отмѣтить и нѣкоторые бытовые вопросы, возникшіе въ этотъ періодъ. Приостановка чинопроизводства въ теченіе года произвела большія осложненія въ привычныхъ для офицерства взаимоотношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что въ армію притекали офицеры съ Украйны, Кавказа, гдѣ гетманъ, новыя правительства и генералы, ликвидировавшіе бывшій Кавказскій фронтъ, не только производили офицеровъ за выслугу лѣтъ, но и награждали за отличіе чинами и даже георгіевскими крестами. Производство существовало и въ соедѣней Донской арміи.

Но возстановленіе производства выдвигало на сцену другой больной для арміи историческій вопросъ — о преимуществѣ въ чинахъ офицеровъ гвардіи. Теперь въ рядахъ Добровольческой арміи, въ отношеніи офицеровъ, служащихъ въ одной и той же части, такое преимущество однихъ являлось еще большимъ анахронизмомъ и слишкомъ бросающейся въ глаза несправедливостью. Чтобы не идти путемъ умаленія въ рангѣ гвардейскихъ чиновъ, я упразднилъ въ арміи чинъ подполковника, сравнивъ затѣмъ въ правахъ прохожденія службы офицеровъ гвардіи и арміи. Впослѣдствіи, въ силу техническихъ затрудненій, чинъ подполковника пришлось возстановить для всей арміи, но гвардейскія привилегіи были окончательно упразднены.

Мѣра эта прошла вполне безболѣзненно, если не считать, что противъ начальника штаба, который самъ служилъ когда то въ гвардіи, создала новое обвиненіе: «ненавистникъ гвардіи».

Въ центрѣ шла одновременно организаціонная работа и политическая борьба, а войска подвигались все дальше впередъ. Успѣхъ воодушевлялъ армію, примирялъ съ невзгодами и лишениями, съ постоянными недочетами снабженія, съ тяжелыми условіями санитарно-медицинской помощи, словомъ, съ тѣмъ неустройствомъ тыла, которое росло съ увеличеніемъ арміи и территоріи, ею занимаемой, которое историкъ отмѣтитъ во всѣхъ арміяхъ эпохи гражданской войны — неустройствомъ, составлявшимъ настоящее бѣдствіе.

Уже тогда, осенью 18 года, съ тыломъ мы не справились. Мѣнялись по многу разъ начальники тыла и его учрежденій, сформировывались и переформировывались исполнительные органы. И тогда, и потомъ были во главѣ люди со стажемъ государственной и административной работы, съ установившейся репутаціей воли, энергіи и опыта, а дѣло оставалось неизмѣнно въ безнадежномъ положеніи. Потому ли, что не удалось найти «настоящаго» организатора тыла, потому ли, что общія условія — потрясающая бѣдность армейской казны, развалъ хозяйственной жизни страны, всеобщая моральная распушенность и политическія тренія — ставили затрудненія непреодолимые.

Въ результатѣ добровольцы оставались безъ одежды, безъ сапогъ и съ весьма примитивной медико-санитарной помощью. Переносили свое положеніе стоически и даже весело въ дни успѣховъ, и кляли тылъ въ дни неудачъ. И если армія все же жила, двигалась, боролась и побѣждала, то въ этомъ... не было заслуги тыла.

Боролись все одни и тѣ же люди, тѣ же части — изо дня въ день, безъ отдыха, безъ смѣны, потому что силъ всегда было недостаточно, потому что на пути своемъ они встрѣчали все новыя и новыя полчища.

Новый стратегическій масштаб развернувшейся на широкихъ фронтахъ арміи вызвалъ извѣстную переменъ въ системѣ ея управленія: до сихъ поръ въ теченіе пяти мѣсяцевъ я имѣлъ возможность вести армію лично, непосредственно, имѣя съ ней полное и постоянное общеніе. Теперь открывалась болѣе широкая стратегическая работа начальникамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ суживалась сфера непосредственнаго моего вліянія на войска.

Раньше я велъ армію, теперь я командовалъ ею.

Въ началѣ августа фронтъ Добровольческой арміи простирался отъ низовьевъ Кубани до Ставрополя (восточнѣе), на разстояніи около 400 верстъ.

На этомъ протяженіи группировка непріятельскихъ силъ была слѣдующей:

1. Таманская группа Матвѣева, насчитывавшая разновременно отъ 10 до 15 тысячъ, располагалась въ районѣ станицы Ставянской, прикрывая Новороссійское направление вдоль Черноморской желѣзной дороги. Численность ея и въ особенности отъѣнное боевое достоинство наша развѣдка недооцѣнивала.

2. Группа, непосредственно подчиненная Сорокину, около 15 тысячъ, перейдя за Кубань, задержалась въ низовьяхъ Лабы.

3. Армавирская группа, силою въ 6—8 тысячъ, прикрывала линію Кубани отъ Усть-Лабинской до Армавира, располагаясь въ двухъ пунктахъ — противъ Кавказской и въ Армавирѣ.

4. Ставропольскія группы, организовавшіяся въ разныхъ мѣстахъ, неопредѣленной численности, подступавшія къ Ставрополю съ сѣверо-востока, востока и юга силами 8—10 тысячъ.

5. Невинномысская группа, образовавшаяся вѣроятно только къ концу августа, неопредѣленной силы. Начальнику ея Гайчинцу подчинялись и ближайшія части Ставропольской группы.

6. Майкопская группа — около 5 тысячъ, расположенная въ районѣ Майкопа — Бѣлорѣченской.

7. Ближайшимъ резервомъ этихъ группъ могла служить Минераловодская группа, не занятая непосредственно борьбою съ терскими казаками, около 5 тысячъ.

Силы большевиковъ на сѣверномъ Кавказѣ, безпрестанно измѣняя свою численность, къ сентябрю насчитывали до 70—80 тысячъ при 80—100 орудіяхъ.

Къ октябрю соотношеніе силъ измѣнилось: при прежнемъ приблизительно боевомъ составѣ Добровольческой арміи, силы Сѣверо Кавказской арміи большевиковъ исчислялись нашей развѣдкой въ 93 тыс. при 124 орудіяхъ. При этомъ между Лабой и Кубанью числилось 50 тыс. при 65 оруд. и въ Ставропольскомъ районѣ 40 тыс. при 59 оруд.

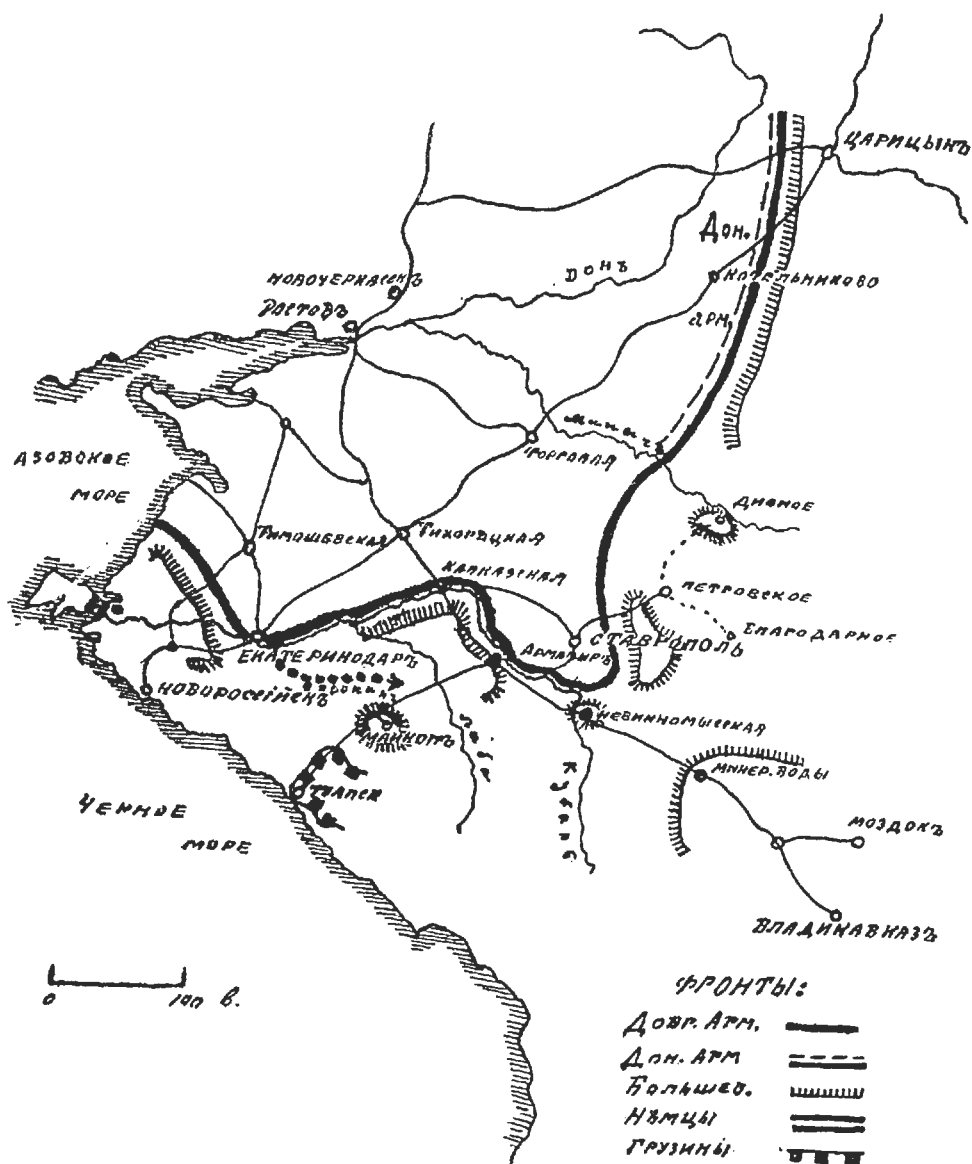
Такимъ образомъ, взятіе Екатеринодара Добровольческой арміей не разрѣшало еще окончательно ни въ стратегическомъ, ни въ политическомъ отношеніи ея задачи на Кубани. Борьба съ большевиками оказалась попрежнему непосильной Кубанскому казачеству. Предстояло, слѣдовательно, дальнѣйшее движеніе наше, которое, ставъ въ силу сложившейся обстановки неизбежнымъ, развиваясь планомерно и послѣдовательно, приводило къ обезпеченію освобожденнаго края и всего Сѣвернаго Кавказа надежными естественными рубежами — Чернымъ и Каспійскимъ морями и Кавказскимъ хребтомъ. Каспійское море, кромѣ того, открывало сообщеніе съ сибирскими образованіями черезъ Гурьевъ и съ англичанами черезъ Энзели, а Черное море соединяло съ Закавказскими новообразованіями и полуоткрывало окно въ Европу...

Исходя изъ этой широкой задачи, ближайшей цѣлью арміи я поставилъ освобожденіе западной Кубани и Черноморской губерніи и обезпеченіе угрожаемаго Ставропольскаго района, становившагося организаціонной базой большевиковъ; послѣ чего — всеми силами обрушиться на армію Сорокина, зажавъ ее между Кавказскими предгорьями и р. Кубанью.

Эта борьба — жестокая, кровавая и упорная — спасала не одинъ только Сѣверный Кавказъ. Только благодаря ей являлось возможнымъ независимое существованіе Дона и Грузіи. Только она давала необходимую передышку этимъ новообразованіямъ, давала время имъ собраться съ силами и сплести въ 1918 году ихъ земли отъ потока наиболѣе организованныхъ, наиболѣе стойкихъ большевизскихъ полчищъ Сѣвернаго Кавказа.

Вожди Дона и Грузіи не хотѣли въ свое время понять значенія этой борьбы.

*

Расположеніе сторонъ къ 3 августа 1863.

Противъ Таманской группы противника отъ Екатеринодара направлены были 5 августа 2 колонны: ген. Покровскаго (1-я Кубанская див.) — правымъ берегомъ Кубани и полковника Колосовскаго (1 конный полкъ, 1-й Кубанскій стрѣлковый полкъ, батарея — изъ состава 1-й дивизіи, 2 бронепоезда) — вдоль ж. д. на Новороссійскъ.

Генераль Покровскій 7 августа послѣ жестокаго боя овладѣлъ станицей Славянской. Противникъ, оказывая упорѣйшее сопротивленіе, уходилъ двумя колоннами — на Троицкую и Варениковскую переправы; къ утру 8-го числа Покровскій велъ уже бой за обладаніе ж.-д. мостомъ у Троицкой, затянувшійся на трое сутокъ, въ то время, какъ главныя силы его двигались къ низовьямъ Кубани. 11-го Покровскій разбилъ аррьергардъ большевиковъ у Варениковской и къ вечеру занялъ Темрюкъ, захвативъ 10 орудій, много снарядовъ и ибсколько сотъ плѣнныхъ.

Таманская группа, понесъ тяжелыя потери и жертвуя своими аррьергардами, успѣла перейти за Кубань, спѣша къ Новороссійску, который въ то время находился уже подъ сильной угрозой съ сѣверо-востока...

Полковникъ Колосовскій наступалъ быстро и рѣшительно вдоль Новороссійской линіи, опрокидывая противника, захватывая плѣнныхъ, орудія, бронепоезда, уничтожая союдены и поднимая нагорныя станицы. 11-го, послѣ полутораднего тяжелаго боя, онъ овладѣлъ узловой станціей Крымской, вызвавъ тѣмъ паденіе Троицкой переправы; затѣмъ, пройдя въ два дня съ боями 40—50 верстъ, 13-го отбросилъ тыльныя части большевиковъ и занялъ Новороссійскъ.

Добровольцы были встрѣчены тамъ восторженно.

Въ эти два-три дня Таманская группа, задержавъ Покровскаго на переправахъ черезъ Кубань, уходила форсированными маршами и, успѣвъ проскочить черезъ Новороссійскъ до 13-го, двинулась далѣе побережьемъ на югъ, вырвавшись изъ негъ нашихъ ударовъ. Мы получали свѣдѣнія о бѣгствѣ разстроенихъ и разлагавшихся толпъ, но свѣдѣнія эти оказались невѣрными: Таманская группа сохранила извѣстную организацію, дисциплину и, главное, ту стойкость, которая неизмѣнно отличала ее въ дни Тимашевской операціи. По пути къ ней присоединялись все безпокойные, отчаянные элементы Тамани, Новороссійска, побережья, все мелкіе отряды, спасавшіеся отъ мщенія возставшихъ станицъ. По Сухумскому шоссе катилась эта волна людей и лошадей, съѣдавшая, какъ саранча, все скудные запасы побережья. Было ясно, что тамъ, въ голодномъ краю Черноморья, такой крупный отрядъ безъ подвоза долго жить и дѣйствовать не можетъ; на Грузію, конечно, не пойдетъ. Естественно было ожидать движенія его вдоль Туапсинской ж.-д. линіи въ направленіи Армавира на соединеніе съ арміей Сорокина. Поэтому, приказавъ Колосовскому преслѣдовать Таманцевъ вдоль побережья, я перебросилъ дивизію Покровскаго, остановившуюся къ сѣверу отъ Новороссійска, лѣвымъ берегомъ Кубани на перерѣзъ Туапсинской линіи въ Майкопскій районъ.

Слабыя конныя части Колосовскаго, двигаясь встѣдъ за отступавшимъ противникомъ, сбивая его аррьергарды, къ 20 августа заняли Ольгинскую въ полупереходѣ отъ Туапсе, въ которомъ сосредоточились, отдыхали и устраивались войска Таманской группы.

Съ этого дня на побережьи были лишь мелкія стычки и дѣятельность развѣдчиковъ.

Такимъ образомъ, къ срединѣ августа западная часть Кубанской области и сѣверъ Черноморской губерніи были освобождены отъ большевиковъ, и Добровольческая армія, занявъ Новороссійскъ, утвердилась на Черномъ морѣ.

Покровскій, между тѣмъ, пройдя 180—200 верстъ, 26-го занялъ станцію Бѣлорѣченскую и, продолжая преслѣдованіе отступавшей на востокъ Майкопской группы противника, къ вечеру занялъ городъ Майкопъ и станцію Пиатинскую. Въ этомъ районѣ къ нему присоединились два сборныхъ кубанскихъ отряда — полковника Морозова, ранѣе дѣйствовавшаго совместно съ грузинами Мазніева, и ген. Геймана, поднявшаго возстаніе въ районѣ Майкопа.

Выходъ Покровскаго къ Туапсинской линіи встревожилъ Таманскихъ большевиковъ. Въ тотъ же день Таманская группа двинулась изъ Туапсе черезъ Хадыженскій перевалъ въ направленіи Армавира и въ ночь на 29-е подошла къ Бѣлорѣченской. Съ этого времени въ теченіе 10 дней длился неравный бой 3 тысячъ кубанцевъ Покровскаго тыломъ

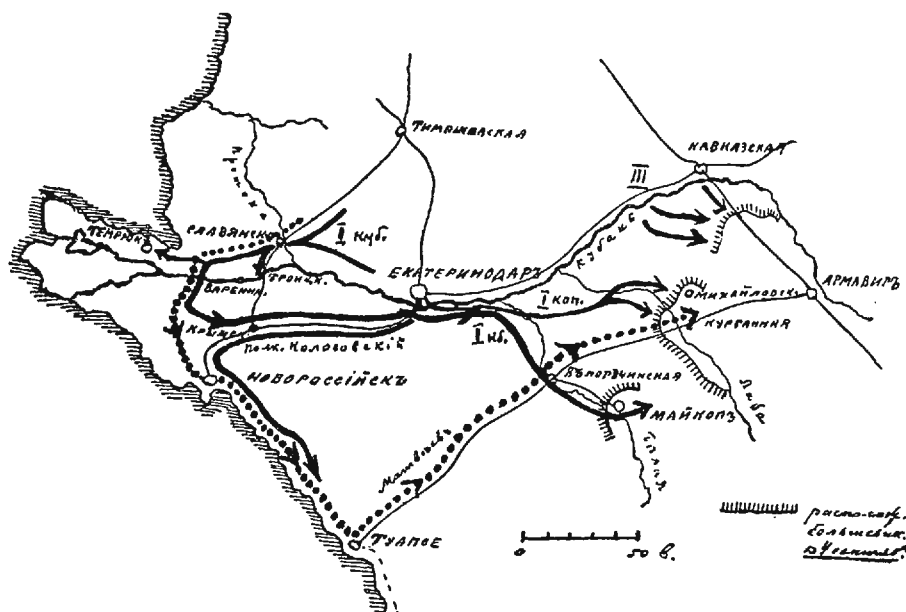

Генераль Покровскій

къ Михайловской группѣ Сорокина противъ 10—15 тысячъ таманцевъ, пробивавшихся на востокъ. Только къ 1-му сентября къ сѣверу отъ Бѣлорѣченской вышли еще 1½ батальона полк. Моллера, двинутые на поддержку Покровскаго изъ моего слабаго резерва.

Эта операція полна отдѣльными эпизодами находчивости и удали кубанскихъ частей, работавшихъ и на фронтѣ, и въ тылу противника, устраивавшихъ засады и ходившихъ въ отчаянныя атаки на непріятельскіе окопы.

29-го, послѣ горячаго боя, большевики овладѣли Бѣлорѣченской и стали укрѣпляться въ ея районѣ; 2-го сентября возобновили атаки крупными силами къ югу отъ станицы, черезъ Ханскую въ направленіи Майкопа; большевикамъ удалось перейти рѣку Бѣлую и даже захватить станицу Ханскую, но, встрѣченные конными атаками Кубанцевъ съ

Движеніе въ Черномъ морѣ и въ Закубаньѣ

5 авг. — 5 сент. 18г.

тыла и фланга, они, понеся большія потери, отхлынули за рѣку. На другой день, распространяясь къ сѣверу, большевики смяли заслонъ Моллера и въ ночь на 4-е обрушились всѣми силами на части Покровскаго, преграждавшія имъ путь на востокъ, опрокинули ихъ, ушли за Лабу и, соединившись тамъ съ Сорокинымъ, стали въ районѣ Курганной.

Все это время 6. группа Сорокина, атакованная 1-й Конной и 3-й дивизіями и развернувшая противъ нихъ всѣ свои силы, не предпринимала серьезнаго нажима въ тылъ Покровскому. Такъ же пассивна была разстроенная имъ Майкопская группа. Только въ день послѣдняго боя, воспользовавшись отвлеченіемъ главныхъ силъ Покровскаго къ Бѣлорѣченской, Майкопская группа перешла въ наступленіе отъ Кужорской и заняла вновь Майкопъ. Покровскій, предоставивъ преслѣдованіе Таманской группѣ небольшимъ коннымъ частямъ, повернулъ главные свои силы на Майкопъ. 7-го сентября въ происшедшемъ здѣсь бою разбилъ большевиковъ, взялъ тысячу плѣнныхъ, большую военную добычу и захватилъ окончательно городъ.

1-я Кубанская дивизія повернула затѣмъ на востокъ къ Лабѣ, приступивъ къ выполненію общеармейской задачи по окруженію арміи Сорокина.

* *

2-я дивизія Боровскаго была двинута въ Ставропольскій районъ, ввиду серьезной и непосредственной угрозы Ставрополю. Ее смѣнила дивизія Дроздовскаго, къ 7-му августа закончившая свое развертываніе для занятія линіи р. Кубани отъ ст. Пашковской (поздѣ Екатеринодара) до ст. Григоринской на протяженіи около 180 верстъ. Занятъ гарнизонами пункты съ важнѣйшими переправами (Усть-Лабинская, Тифлисская, Романовская) и имѣя подвижной резервъ въ поѣздныхъ составахъ, Дроздовскій на остальномъ протяженіи ограничился наблюденіемъ и разстановкой отрядовъ, сформированныхъ изъ казаковъ прибрежныхъ станицъ; несли они службу весьма охотно и исправно.

Преслѣдованіе главной колонны Сорокина, отступавшей черезъ Екатеринодаръ и Усть-Лабу на востокъ, возложено было на дивизію Эрдели. 8-го августа дивизія сдѣлала попытку переправиться черезъ Кубань у Усть-Лабы, но, ввиду плохой технической подготовки переправы, потерпѣла неудачу: передовыя части ея, успѣвшія перейти на лѣвый берегъ Кубани, были сброшены большевиками въ рѣку и понесли большія потери. Эрдели отказался отъ форсированія рѣки и, потерявъ цѣлую недѣлю, кружнымъ путемъ черезъ Екатеринодаръ къ 14-му вышелъ лѣвымъ берегомъ Кубани къ рѣкѣ Бѣлой, гдѣ столкнулся съ авангардами б. отряда Сорокина и Майкопской группы.

Съ 14-го Армавирская группа большевиковъ проявила активную дѣятельность: во многихъ мѣстахъ противникъ форсировалъ переправы черезъ Кубань, особенно серьезными силами у Кавказскаго узла (хут. Романовскій). Войска Дроздовскаго отбили, однако, большевиковъ повсюду, а у Кавказской, отбѣжавъ ихъ отъ переправъ, частью перекололи, частью утопили въ рѣкѣ.

Появленіе 1-й Конной дивизіи у Бѣлой и неудачи на фронтѣ Кубани охладили порывъ Армавирской группы: 16-го большевики испортили мосты у Усть-Туркесской и Тифлисской и отошли къ югу. Это обстоятельство позволило Дроздовскому значительно сократить фронтъ обороны и перебросить на лѣвый берегъ Кубани 2-й конный полкъ, который вскорѣ вошелъ въ связь съ 1-й Конной дивизіей*, отбросившей б. Сорокинскую группу за Лабу и занявшей 19-го ст. Темиргоевскую.

Съ этой поры на фронтѣ 1-й Конной, 1-й Кубанской, 3-й дивизій начались упорнѣйшіе, жестокіе бои, понемногу разсѣивавшіе гипнозъ разсказовъ о «разложеніи» большевицкой арміи и ставившіе насъ вновь лицомъ къ лицу съ большими и серьезными силами противника.

По ту сторону фронта происходили какіе то непонятные для насъ психологическіе процессы, проявлявшіеся въ военныхъ операціяхъ перемежающимися вспышками высокаго подъема и безпричинной паники.

* Съ конца августа въ командованіе дивизіей на мѣсто ген. Эрдели вступилъ генералъ баронъ Врангель, поступившій въ это время въ армію.

ГЛАВА XXX.

Состояніе большевицкихъ войскъ Сѣвернаго Кавказа въ августъ и сентябрь. Наступленіе наше въ августъ 18г. Бой подъ Ставрополемъ, взятіе Армавира и Невинномысской. Стратегическое окруженіе большевицкой арміи.

Сѣверо-Кавказская красная армія послѣ понесенныхъ пораженій испытывала дѣйствительно глубокой кризисъ. Въ «Окопной правдѣ*» — органѣ красно-армейскихъ депутатовъ «Донско-Кубанскаго фронта» — появилось откровенное признаніе: «въ нашей арміи нѣтъ дисциплины, организованности... ее развѣдаютъ примазавшіеся преступные элементъ которымъ чужды интересы революціи... Приходится констатировать недо-вѣріе бойцовъ къ командному составу, такъ и команднаго состава къ Главкому (Сорокину), что ведетъ въ концѣ къ полному развалу всей революціонной арміи»... Состоявшійся въ сентябрѣ въ Пятигорскѣ съѣздъ фронтовыхъ делегатовъ опредѣлилъ конкретныя причины поражений, потребовалъ устраненія ихъ суровыми мѣрами**: 1) неподчиненіе войсковыхъ частей высшему командному составу «благодаря преступности отдѣльныхъ лицъ команднаго состава и недисциплинированности бойцовъ», трусости и паническому настроенію «многихъ»; 2) «грабежи, насилія, реквизиціи», словомъ, «цѣлый рядъ насилій надъ мирнымъ населеніемъ»; 3) «обезсиленіе арміи бѣженскимъ движеніемъ, вносящимъ панику при первомъ же выстрѣлѣ»...

О деморализаціи красныхъ свидѣтельствовали и неизбѣжный спутникъ ея — дезертирство: не только казаки, бывшіе въ составѣ большевицкихъ войскъ, но и красноармейцы сотнями стали переходить на нашу сторону.

Особенно большія нареканія были на командный составъ. О немъ говорили много и съѣздъ, и резолюціи частей, и приказы Сорокина. «Товарищи, — говоритъ одна изъ резолюцій — которые совершенно не компетентны въ военныхъ стратегическихъ вопросахъ, преступно принимаютъ на себя обязанности, которыхъ они выполнить не могутъ»... «Скверно то — писалъ Сорокинъ*** — что командиры, начиная съ взводныхъ, убѣгаютъ отъ бойцовъ въ трудныя минуты... Въ бою я съ вами — это видѣли все... «Сорокинъ продастъ» говорятъ... А гдѣ въ то время командиры?.. Лучшіе изъ нихъ съ бойцами... а другіе въ то время по городу съ бабами раскатываютъ пьяные... Самые лучшіе боевые планы рушатся изъ за того, что приказанія не во время или вовсе не исполняются»...

Авторитетъ Сорокина былъ уже подорванъ, и ему приходилось оправдываться даже по обвиненію въ измѣнѣ: «я знаю, что про меня болтаютъ, когда я объѣзжалъ фронты Армавирскій и Кавказскій: уже нашлись друзья, которые говорили, что я перебѣжалъ. Мнѣ эти разговоры не обидны, но они мѣшаютъ исполнять святое и тяжелое дѣло защиты нашихъ правъ трудящихся»... Сорокинъ сурово расправлялся съ порочившими его начальниками и политическими комиссарами; многихъ расстрѣлялъ.

* 5-го сентября 18 года.

** Изъ резолюціи съѣзда.

*** Приказъ въ августѣ 18 года № 5.

Тѣмъ не менѣе, подозрительность пустила глубокіе корни. И съѣздъ делегатовъ, хотя и выразилъ «товарищу Сорокину» полное довѣріе, но «принимая во вниманіе, что единоличное командованіе вноситъ въ ряды арміи недоувѣріе и особенно въ виду назначенія его сверху», приставилъ къ Главному двухъ «политическихкихъ комиссаровъ»*.

Въ теченіе августа состояніе многихъ частей Кавказской красной арміи было еще плачевно; но уже къ началу сентября процессъ распада красныхъ войскъ приостановился. Хотя красное командованіе попрежнему проявляло отступательныя тенденціи, но онѣ встрѣчали не разъ неожиданный отпоръ въ самой солдатской массѣ, нѣсколько отѣйлившей, благодаря уходу или бѣгству многихъ пришедшихъ частей — на сѣверъ, къ Царицыну. Одна изъ нашихъ сводокъ отмѣчала такой необыкновенный фактъ: «1-я Лабинская бригада, насильно выбравъ командиромъ всячески отъ этого уклонявшагося Ярового, принудила его (вопреки директивѣ вышшаго командованія) подъ угрозой разстрѣла вестись въ бой. Наступленіе бригады кончилось разгромомъ ея подъ Упорной»**.

Эта перемена настроенія явилась въ большой мѣрѣ отголоскомъ взаимоотношеній кубанскихъ казаковъ съ инородцами. Инородцы, осѣдло живущіе на Кубани, въ большемъ числѣ вливались въ ряды красныхъ войскъ. Въ своихъ постановленіяхъ войсковыя части, состоявшія главнымъ образомъ изъ этого элемента, начали предъявлять требованія къ своему командованію «прекратить отступление, реорганизовать фронтъ и затѣмъ наступать только впередъ, впередъ на врага, впередъ къ своимъ женщинамъ, женомъ и дѣтямъ, которыя гибнутъ подъ гнетомъ разбоя и призываютъ къ намъ о помощи»***... «Въ полку случилось волненіе — доносятъ другіе¹ — о томъ, что получились свѣдѣнія, что Лабинская горитъ, семьи насилуются, что разгорается усиленная провокація, какъ будто командный составъ ведетъ къ разрухѣ»...

Наша развѣдка уяснила себѣ положеніе въ станѣ противника съ большимъ запозданіемъ и въ сентябрѣ пришла къ пессимистическому выводу: Сѣверо-кавказская красная армія начинаетъ понемногу выходить изъ кризиса «не ослабленной, а наоборотъ усилившейся. Она желаетъ рѣшить боевые вопросы, составляющіе основу дальнѣйшаго существованія Кубанской республики; побѣду она видитъ въ занятіи крупныхъ центровъ края, въ разгромѣ Добровольческой арміи и въ порабоженіи казачества»...

Вопросъ стоялъ на мертвой точкѣ: побѣда казаковъ — порабоженіе инородцевъ, побѣда красныхъ — порабоженіе казаковъ. Ни та, ни другая сторона не могли возвыситься надъ первобытными принципами борьбы за существованіе.

*

Не въ столь рѣзкихъ формахъ выражалось настроеніе крестьянства Ставропольской губерніи, но все же тамъ было далеко не спокойно. Совѣтская власть сильнѣйшей агитаціей возбуждала народъ противъ Добровольческой арміи и въ то же время побуждала къ лихорадочному формпрованію отрядовъ изъ мѣстныхъ контингентовъ. Эти отряды не были ни достаточно организованы, ни особенно искусны. Но ихъ было много, они возникали и появлялись неожиданно, дѣйствуя то планомерно, то партизанскими набѣгами. Гражданская власть наша была слабой и неопытной, чтобы справиться съ народными настроеніями, воинская сила — слишкомъ малочисленной, чтобы подавить мѣстные формпрованія. Въ Ставропольской губерніи переплетались рѣзко расходящіяся настроенія: одни села встрѣчали добровольцевъ какъ избавителей, другія — какъ враговъ. Работа въ краѣ велась поэтому въ обстановкѣ напряженной и нервнующей: съ перваго же дня Ставрополь находился подъ угрозой подступившихъ съ трехъ сторонъ отрядовъ противника и жилъ подъ впечатлѣніемъ то приближавшейся, то удалявшейся артиллерійской канонады...

* Даты постановленія не знаю, но напечатано было въ газетахъ отъ 5-го сентября.

** Бой у Покровскаго.

*** Воззваніе «президіума Лабинской бригады».

¹ «Военно-полевой совѣтъ 1-го Кубанскаго в. р. кавалер. полка».

Къ началу августа наши войска Ставропольскаго района* располагались полукругомъ вокругъ города въ переходѣ отъ него съ сѣвера, востока и юга; по линіи Кубани слабымъ кордономъ стояли кубанскіе гарнизоны. 4-го августа началось вновь одно-временное наступленіе большевиковъ съ юга отъ Невинномысской и съ востока отъ Благодарнаго. Первое было отбито, второе имѣло вначалѣ успѣхъ: прикрывавшія Ставрополь съ востока наши части были опрокинуты и противникъ (4—5 тысячъ) подошелъ къ предмѣстьямъ города и къ станціи Пелагидѣ, угрожая перерѣзать сообщенія нашей Ставропольской группы съ Екатеринодаромъ...

Дивизіи Боровскаго еще 4-го приказано было, по смѣнѣ ея 3-й дивизіей, перейти къ Ставрополю. 8-го части ея высаживались у Ставрополя и Пелагиды какъ разъ въ тотъ моментъ, когда туда подошли большевики. Полки (Корниловскій и Партизанскій) прямо изъ вагоновъ бросились на противника, опрокинули и преслѣдовали его.

Всю вторую половину августа Боровскій, объединившій здѣсь командованіе, велъ непрерывные бои частями своей дивизіи и 2-й Кубанской. На долю послѣдней пришлось особенно тяжелая работа: полковн. Улагай буквально леталъ по краю, пройдя нѣсколько сотъ верстъ, разбивая и преслѣдуя появлявшіеся въ разныхъ мѣстахъ отряды противника. Въ результатѣ весь обширный районъ верстъ на сто по радіусу отъ Ставрополя былъ очищенъ отъ большевическихъ отрядовъ и Боровскій, занявъ съ боя Прочнокопскую и Барсуковскую, имѣлъ возможность сосредоточить къ верхней Кубани свои главные силы.

*

Въ связи съ успѣшнымъ выходомъ Боровскаго къ Кубани и значительнымъ сокращеніемъ фронта 3-й дивизіи, я приказалъ Дроздовскому перейти за Кубань и овладѣть Армавиромъ. Эта рискованная операція съ самаго начала была не по сердцу осторожному Дроздовскому и потому исполненіе ея сопровождалось треніями со штабомъ арміи.

Послѣ продолжительныхъ развѣдокъ 3-я дивизія 26-го августа подъ прикрытіемъ 2-го коннаго полка переправилась частью силой черезъ Кубань у Тифлисской и двинулась отсюда на востокъ во флангъ противъ-Кавказской группѣ противника.

Въ теченіе четырехъ дней Дроздовскій велъ упорные бои и къ 31-му овладѣлъ станціей Гулькевичи одновременнымъ ударомъ съ запада и черезъ ж-д. мостъ. Пересбивъ всю дивизію на лѣвый берегъ и свои коммуникаціи на Кавказскую, онъ повелъ наступленіе на Армавиръ вдоль жел. дороги, направивъ колонну ген. Чеботова (Самурскій пѣх. и 2-й кон. полки съ батареями) противъ Михайловской, для содѣйствія 1-й Конной дивизіи. Вначалѣ обѣ колонны имѣли успѣхъ. Но 1-го сентября къ большевикамъ подошли значительныя подкрѣпленія, и они перешли въ контръ-наступленіе, угрожая обоимъ флангамъ дивизіи Дроздовскаго. Послѣ упорнаго боя онъ вынужденъ былъ отвести лѣвую колонну къ станціи Гулькевичи, куда 2-го вышли окруженные со всехъ сторонъ и пробившіеся штыками Самурцы** Шаберта. Западнѣе вела настойчивыя атаки 1-я Конная дивизія ген. Врангеля, приковавшая къ себѣ Михайловскую группу*** противника, взявшая съ бою оплотъ ея—станцію Петропавловскую, но встрѣтившая въ дальнѣйшемъ упорное сопротивленіе.

Еще ранѣе для содѣйствія Армавирской операціи я приказалъ Боровскому ударить въ тылъ Армавирской группы большевиковъ, захватить Невинномысскую, прервавъ тѣмъ единственную желѣзно-дорожную линію сообщеній арміи Сорокина.

Судьба играетъ иногда событіями чрезвычайно прихотливо... Впослѣдствіи въ Невинномысской въ наши руки попала директива Сорокина, въ которой на командующаго Невинномысской группой Гайчина¹ возлагалась задача: «...приготовиться къ рѣшительному наступленію, цѣль котораго и задача во что бы то ни стало взять городъ Ставрополь... Наступленіе начать 2-го сентября въ 4 часа утра, отступленій не допускаю.

* 2-я Кубанская дивизія, Отдѣльная бригада и мелкія части.

** Самурскій полкъ, бывший 1-й Солдатскій.

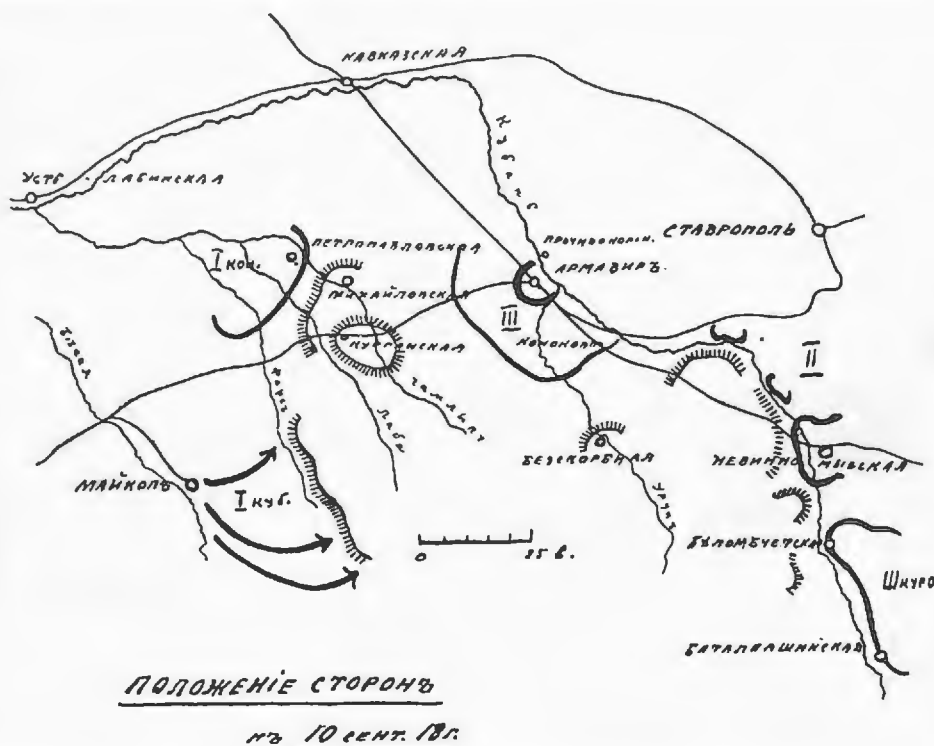
*** Бывшая группа Сорокина.

¹ Официально — «Командующій войсками сѣверо-восточнаго фронта».

Ставрополь приказываю взять (4) сего сентября... Командующек. Сѣв. Кавказа Сорокинъ. Политическій комиссаръ Торекій».

Гайчищевъ въ развитіе этой директивы отдать диспозицію, по которой войска его группы, удерживая фронтъ Кубани отъ Армавира до Барсуковской, главными силами должны были «нанести грозный ударъ» въ направленіи къ Ставрополю на фронтѣ Барсуковская — Темнолѣсская, съ охватомъ съ востока конницей.

2-го сентября — въ тотъ же день, когда долженъ былъ намъ нанести ударъ Гайчищевъ, 2-я дивизія Боровскаго обрушилась на Невинномысскую. «Въ полдень — говоритъ сводка — доблестныя части ген. Боровскаго, несмотря на чрезвычайное упорство и стойкость противника, ворвались въ станицу; продолжая стремительное наступленіе,

овладѣли ею и перекинули часть силъ на лѣвый берегъ Кубани. Громадныя толпы противника въ полномъ безпорядкѣ бросились бѣжать къ Армавиру... Въ моментъ атаки въ Невинномысской находилось шесть большевическихъ штабовъ, въ томъ числѣ и штабъ Сорокина, который бѣжалъ верхомъ за Кубань въ моментъ нашего вступленія въ станицу... Въ тотъ же день партизанская бригада Шкуро, выйдя южнѣе, овладѣла станціей Барсуки, разрушивъ тамъ путь.

Этотъ нашъ успѣхъ отразился рѣзко на положеніи фронта Дроздовскаго. 3-го сентября онъ отбѣлъ съ успѣхомъ атаки противника, а 4-го перешелъ вновь въ наступленіе, подойдя съ разсвѣтомъ 6-го къ Армавиру. Бой длился нѣсколько часовъ и окончился полнымъ пораженіемъ Армавирской группы большевиковъ. 4-й пластунскій батальонъ овладѣлъ Туапсинскимъ вокзаломъ, 2-й Офицерскій полкъ Владикавказскимъ, а съ праваго берега, изъ Прочнокопской ворвались въ городъ роты корниловцевъ. Нѣсколько эшелоновъ подкрѣпленій спѣшили къ большевикамъ съ запада по Туапсинской жел. дорогѣ, но заслонъ Самурскаго полка захватилъ одинъ поѣздъ цѣликомъ, другіе встрѣтили жестокимъ огнемъ, и эшелоны, бросивъ поѣзда, бѣжали на югъ. Паника распространилась по всему полю. 2-й конный полкъ до вечера преслѣдовалъ и рубилъ

бѣгущихъ долиной Урупа; два бронепоезда прошли до слѣдующей станціи Коноково (22 версты) и тамъ громили огнемъ орудій и пулеметовъ собравшіяся толпы отступавшихъ большевиковъ...

Между тѣмъ Боровскій, опасаясь за свой правый флангъ, оставилъ въ Невинномысской пластунскую бригаду, и главныя силы перевелъ въ хуторъ Темнолѣсскій (см. Ново-Екатериновка). Воспользовавшись этимъ, Сорокинъ сосредоточилъ противъ Невинномысской значительныя силы конницы, которыя, переправившись черезъ Кубань съѣверѣе Невинномысской, въ ночь на 4-е разсѣяли пластуновъ и овладѣли станціей.

6-го я былъ въ войскахъ Боровскаго въ Ново-Екатериповской. Учитывая важное значеніе перерыва Владикавказской жел. дороги, я приказалъ имъ вновь атаковать Невинномысскую.

Боровскій 7-го овладѣлъ атакой Корниловскаго полка ст. Барсуки, а 8-го атаковалъ Невинномысскую съ трехъ сторонъ и занялъ станцію, отбросивъ большевиковъ къ западу, за Рождественскую.

*

*

Три мѣсяца уже армія вела непрестанные, кровопролитные бои — безъ отдыха, безъ снѣны. Части по многу разъ перемѣнили уже свой боевой составъ; вливались новые эшелоны добровольцевъ съ сѣвера и юга Россіи и кубанскихъ казаковъ; уѣзжали и возвращались раненые; гибли тысячами воины; ожидали своей неминуемой участи уцѣлѣвшіе, ибо казалось, что нѣтъ возможности выйти изъ этой кровавой эпопеи живымъ и не искалѣченнымъ. Но когда я бывалъ у кубанцевъ Врангеля и Покровскаго, у добровольцевъ Казановича, Дроздовскаго, Боровскаго не только въ дни ихъ побѣдъ, но и тяжелыхъ неудачъ, я видѣлъ людей усталыхъ, но бодрыхъ и жизнерадостныхъ. Они не жаловались на свою удручающую матеріальную обстановку и только просили — «по возможности» патроновъ и пополненій. Имъ не нужны были пышныя и возбуждающія слова приказовъ, рѣчей, не нужны были обманчивыя обѣщанія социальныхъ благъ и несбыточныхъ военно-политическихъ комбинацій. Они знали, что путь ихъ дологъ, тернистъ и кровавъ. Но большинство изъ нихъ желали спасенія Родины, вѣрили крѣпко въ конечную побѣду и съ этой вѣрой шли въ бой и на смерть.

Врагъ былъ попрежнему силенъ, жестокъ и упоренъ.

Послѣднее время, впрочемъ, обстановка какъ будто опять явно складывалась въ нашу пользу... Къ 10 сентября главная масса Сѣверо-Кавказской красной арміи находилась въ положеніи почти стратегическаго окруженія: на сѣверѣ у Петропавловской стояла дивизія Врангеля, имѣвшая задачей опрокинуть Михайловскую группу большевиковъ и наступать на Урупскую; у Армавира закрывалъ пути Дроздовскій; на западѣ Покровскій тѣснилъ Майкопскихъ большевиковъ къ Лабѣ, направляясь къ Невинномысской; на востокъ — рѣка Кубань и Боровскій у Невинномысской; на юго-востокъ — партизанскіе полки Шкуро у Баталпашинска и Бѣломечетинской*... По всему обширному району, зажтому между горами и Кубанью, по всѣмъ путямъ шли безконечныя большевnickіе обозы, направляясь на юго-востокъ... Изъ перехваченнаго приказа Сорокина отъ 9 сентября явствовало, что армія его потеряла надежду на возвращеніе Кубани и стремится пробиться къ Минеральнымъ Водамъ...

16 сентября получена была первая вѣсть и отъ возставшихъ терцевъ: «казацко-крестьянскій съѣздъ» изъ Моздока радіотелеграммой привѣтствовалъ Добровольческую армію «какъ носительницу идеи Единой, Великой, недѣлимой и свободной Россіи» и обѣщала «направить всѣ силы для скорѣйшаго соединенія съ нею».

* Занялъ 4-го сентября.

ГЛАВА XXXI.

Переходъ большевиковъ въ контръ-наступление въ началѣ сентйбря 1918 года на Армавиръ, Ставрополь и по верхней Кубани. Перемяна большевицкаго командованія и плана операціи. Отступленіе большевиковъ въ концѣ сентйбря къ Невинномысской. Преслѣдованіе ихъ нашей конницей къ Уручу. «Мятежъ» Сорокина и его смерть. Терроръ въ Пятигорскѣ.

10-го сентйбря намѣренія большевицкаго командованія обнаружилсь: для овладѣнія вновь Владикавказской магистралію и обезпеченія сообщеній съ Минераловодскимъ райономъ въ этотъ день Сѣверо-Кавказская красная армія перешла въ наступленіе на широкомъ фронтѣ: Таманская группа отъ Курганной на Армавиръ (съ запада) и Невинномысская группа, усиленная уцѣлѣвшими частями, отступившими 6-го отъ Армавира, — на Невинномысскую и Бѣломечетинскую (на югъ и юго-востокъ).

11-го таманцы развертывались безпрерывно противъ Армавира и 12-го атаковали Дроздовскаго, перешедшаго къ оборонѣ. Первую половину дня большевики, при поддержкѣ сильнаго артиллерійскаго огня, вели упорныя атаки, охватывая городъ съ сѣвера. Но огнемъ и контръ-атаками нашихъ войскъ были отражены повсюду, понеся тяжелыя потери; на сѣверѣ имъ удалось, однако, перехватить желѣзную дорогу. Къ вечеру новая колонна противника стала развертываться противъ южной части города.

Считая свои силы недостаточными и положеніе слишкомъ рискованнымъ, Дроздовскій въ ночь на 13-е оставилъ городъ и перешелъ на правый берегъ Кубани, въ Прочнокопскую, сохранивъ за собою переправу у форштадта, прикрытую предмостнымъ укрѣпленіемъ.

Еще въ ночь на 11-е я приказалъ отправить изъ Екатеринодара по жел. дорогѣ на помощь Дроздовскому отрядъ полковн. Тимановскаго*, который подошелъ къ Армавиру рано утромъ 13-го. Въѣстъ съ тѣмъ Дроздовскому послано было приказаніе 13-го перейти въ наступленіе**.

Тимановскій донесъ Дроздовскому о прибытіи и о своемъ намѣреніи начать атаку. Полудни онъ съ большой стремительностью атаковалъ противника съ сѣвера и овладѣлъ его позиціей. Большевики отступили къ городу. Но, не видя наступленія 3-й дивизіи и получивъ запоздалое приказаніе Дроздовскаго не ввязываться въ этотъ день въ бой***, Тимановскій заочевалъ на позиціи.

Я повторилъ приказаніе атаковать Армавиръ 14-го. Переведя дивизію у Прочнокопской на лѣвый берегъ Кубани и соединившись съ Тимановскимъ, Дроздовскій повелъ атаку на городъ съ сѣверо-запада, понесъ серьезныя потери, но успѣха не имѣлъ. Къ вечеру онъ прекратилъ наступленіе.

1-я Конная дивизія все эти дни вела упорныя атаки противъ Михайловской группы большевиковъ. Сотни кубанцевъ непрестанными налетами портили Туашенскую дорогу, прерывая связь группы съ Армавиромъ; правая колонна дивизіи, атакуя съ запада,

* Марковскій полкъ, 2 орудія, 3 сотни. Около 1½ тысячъ штыковъ и сабель.

** Приказаніе это, по заявленію штаба Дроздовскаго, не дошло по назначенію.

*** Дроздовскій считалъ необходимымъ дать двухдневный отдыхъ войскамъ.

разбила большевиковъ у Дондуковской и Каше-Хабля, занявъ эти пункты. Михайловская группа большевиковъ была зажата, ослаблена, прикована, но всё усилія разбить ее не увѣнчались успѣхомъ. Кубанцы несли большія потери, которыя вновь и вновь пополнялись притокомъ, идущимъ изъ освобожденныхъ станицъ.

Я былъ 16-го въ отрядѣ Дроздовскаго. Онъ считалъ безцѣльнымъ дальнѣйшее наступленіе на Армавиръ, пока не будетъ разбита Михайловская группа... Согласившись съ нимъ, я оставилъ на Армавирскомъ направленіи слабый застой полковника Тимановскаго и въ тотъ же день двинулъ Дроздовскаго съ главными силами противъ Михайловской, давъ ему задачу — нанести быстрый и внезапный ударъ съ востока во флангъ и тылъ Михайловской группѣ и совместно съ конницей Врангеля разбить ее. Дроздовскій вышелъ только къ вечеру 17-го на фронтъ Врангеля и принялъ иное рѣшеніе: ночью произвести смѣну 1-й Конной дивизіи на ея позиціи и съ 7 часовъ утра 18-го атаковать съ сѣвера, съ фронта. Конница Врангеля постѣ такой рокировки должна была ударить съ востока въ тылъ Михайловской. Атака Дроздовскаго не имѣла успѣха; части его понесли тяжелыя потери и къ вечеру отошли къ Петропавловской. Полное истощеніе артиллерійскихъ патроновъ послужило не малой причиною увеличенія числа жертвъ.

Между тѣмъ, Врангель, обойдя Михайловскую, вышелъ въ тылъ Михайловской группѣ и овладѣлъ Курганной, перехвативъ коммуникаціи противника. Здѣсь въ теченіе дня онъ велъ успѣшный бой на три стороны противъ непріятельскихъ войскъ и бронепоездовъ. Но когда, отбивъ Дроздовскаго, большевики отъ Михайловской повернули противъ 1-й Конной дивизіи, и къ тому же обозначилось наступленіе съ юго-востока отъ Константиновской, положеніе Врангеля между двумя рѣчками стало весьма тяжелымъ; съ наступленіемъ сумерекъ онъ съ трудомъ, но благополучно вывелъ дивизію по единственной переправѣ — жел.-дор. мосту черезъ Чамлыкъ.

Армавирская группа большевиковъ въ эти дни оставалась пассивной.

* * *

На западѣ, на верхней Лабѣ успѣшно боролась 1-я Кубанская дивизія Покровскаго. Гибрсопъ противника, занимавшаго лѣвую рѣку Фарсъ, онъ широкимъ фронтомъ (40—50 верстъ) наступалъ къ Лабѣ, направляя главные силы противъ Лабинской и Зассовской. Къ 14 сентября Покровскій, опрокидывая противника, подошелъ на всемъ фронтѣ къ Лабѣ, захвативъ Мостовое и, переправивши часть силъ черезъ Лабу, преслѣдовалъ большевиковъ, бѣгущихъ къ Владимірской и Вознесенской. Тысячи повозокъ обоза, множество плѣнныхъ попали въ наши руки; кромѣ того, было отбито около 2 тысячъ уведенныхъ большевиками кубанскихъ казаковъ. Этотъ значительный успѣхъ, создававшій угрозу сѣвернымъ группамъ противника, встревожилъ большевицкое командованіе. Майкопская группа была усилена и 15-го на всемъ фронтѣ перешла въ наступленіе, оттѣснивъ Покровскаго на лѣвый берегъ Лабы. 10 дней продолжался бой съ большевиками, перешедшими вновь въ нѣсколькихъ мѣстахъ Лабу и наступающими въ общемъ направленіи на Майкопъ. Въ ночь на 28-е большевики, отчаявшись въ успѣхѣ наступленія на этомъ фронтѣ, ушли за Лабу, тѣнимые по пятамъ кубанцами, переправившимися также у Владимірской.

Положеніе здѣсь оставалось попрежнему весьма угрожающимъ для большевиковъ.

* * *

Неудачно для насъ складывалась обстановка на лѣвомъ флангѣ. Сорокинъ, сосредоточивъ крупныя силы противъ Невинномысской, съ 10 сентября нѣсколько разъ настойчиво атаковалъ Боровскаго, но понесъ большія потери и вначалѣ успѣха не имѣлъ. Наконецъ, 15-го онъ принудилъ Боровскаго отойти къ Ново-Екатериновкѣ и овладѣлъ Невинномысской, открывъ вновь сообщеніе своей арміи по Владикавказской магистраліи.

15 CENT. - 100785. 187

Еще южнѣе дѣйствовали партизанъ Шкуро. Широко привлекая въ свои ряды кубанское казачество, подымая поголовно станицы Баталпашинскаго отдѣла, онъ развернулъ уже свой отрядъ въ дивизію и совмѣстно со станичными гарнизонами успѣшно отражалъ нападеніе большевиковъ, стремившихся перейти верхнюю Кубань въ районъ Бѣломечетской. Но въ тѣ дни, когда Сорокинъ атаковалъ Невинномысскую, Шкуро, тяготѣвшій по мотивамъ не стратегическимъ къ Кисловодску, повернулъ на югъ и 12-го съ боя взялъ этотъ городъ. Черезъ двѣ недѣли, подъ давленіемъ большевическихъ отрядовъ, наступавшихъ съ сѣвера и востока на Бугурустанскую и Кисловодскъ, Шкуро, съ которымъ очень трудно было поддерживать связь, очистилъ городъ и былъ привлеченъ въ районъ арміи. Большевики жестоко расправились съ кисловодской буржуазіей. Очередная сводка отмѣтила своимъ безстрастнымъ языкомъ «мелкій боевой эпизодъ»: «чтобы сосредоточить все усилія для активныхъ дѣйствій въ направленіи на станцію Курсавку, полковникъ Шкуро оставилъ Кисловодскъ». А самъ партизанъ 28-го уже опять былъ большевикомъ, бралъ плѣнныхъ и пулеметы въ районъ Владикавказской магистральной...

Въ то время, какъ Невинномысская группа большевиковъ противъ фронта Боровскаго повидимому все больше усиливалась, назрѣвала серьезная угроза и его тылу и сообщеніямъ въ Ставропольскомъ районѣ. Въ результатъ работы въ сентябрѣ мѣсяцѣ, на сѣверо-востокъ и востокъ Ставропольской губерніи организовались двѣ сильныя группы: въ районѣ Дивное—2-я Ставропольская дивизія или группа Ипатова (12 тысячъ штыковъ, 1 тысяча сабель), и въ районѣ Благодарное—1-я Ставропольская дивизія или группа Рыльского (5 тысячъ штыковъ, 500 сабель); кромѣ того, къ сѣверо-востоку отъ Петровска стоялъ отрядъ Жлобы, силою до 6 тыс., устраивавшійся послѣ пораженія, нанесеннаго ему 14 сентября полк. Улагамъ.

Противъ этихъ частей мы имѣли мелкіе отряды восточнѣе Медвѣжьяго, у Донскаго, гарнизонъ Ставрополя и 2-ю Кубанскую дивизію у Петровскаго, общей численностью 4—5 тысячъ.

16-го сентября 2-я Ставропольская дивизія большевиковъ начала наступленіе одновременно въ трехъ направленіяхъ: на Торговую, Медвѣжье и Донское. И черезъ три дня, сбивъ наши охраняющія части, дошла на сѣверъ до Нѣмецко-Хангинскаго, а главными силами до р. Егорлыкъ на фронтѣ Преградное—Безопасное. Для прикрытія Торговой мною былъ переброшенъ по жел. дорогѣ небольшой отрядъ, а къ станціи Егорлыкъ стянуты съ разныхъ сторонъ 1½—2 тысячи и 2 орудія. Въ командованіе этимъ сборнымъ отрядомъ* вступилъ ген. Станкевичъ, который получилъ задачу обезпечить съ сѣвера Ставрополь.

Въ... увшись къ Безопасному, онъ отбросилъ противника, и на нѣсколько дней здѣсь водворилось спокойствіе. Въ свою очередь полковн. Улагай въ районѣ Благодарнаго 28-го разбилъ 1-ю Ставропольскую дивизію и на нѣкоторое время вывелъ ее изъ строя. Но 2-я Ставропольская дивизія въ концѣ мѣсяца вновь перешла въ наступленіе крупными силами и отбросила отрядъ ген. Станкевича; въ то же время сѣверная колонна ея заняла села по нижнему Егорлыку въ одномъ переходѣ отъ Торговой.

Необходимо было какъ можно скорѣе ликвидировать эту постоянную угрозу нашей связи съ Дономъ и войсками праваго берега Кубани, тѣмъ болѣе, что у Невинномысской шло сосредоточеніе крупныхъ большевическихъ силъ.

Я стянулъ въ Ставрополь-Армавирскій районъ все силы Добровольческой арміи**.

1-ю дивизію Казановича сосредоточилъ противъ Армавира, а 3-ю—Дроздовскаго перевелъ на правый берегъ Кубани для смѣны Боровскаго. Постѣднему приказано было, объединивъ командованіе надъ войсками Ставропольскаго района и присоединивъ къ нимъ свою 2-ю дивизію, очистить въ возможно короткий срокъ сѣверъ губерніи.

Смѣна на фронтѣ противъ Невинномысской закончилась 2-го октября, а 6-го соединенными силами Станкевича, Улагая и 3-ей дивизіи большевики были разбиты у Терновки.

Кубанскіе пластуны и конница, части польской бригады, добровольческая артиллерія. Для характеристики нашихъ масштабныхъ боевого снабженія: отряду дано было 50 снарядовъ и по 70 патроновъ на винтовку..

** Только на грузинскомъ фронтѣ остался конный и 1-й формировался дивизионъ.

Принявши командование надъ колонной ген. Станкевичъ преслѣдовалъ противника на сѣв.-востокъ и въ бояхъ 12—14-го въ районѣ Большой Джалги, въ которыхъ приняла участіе и шедшая отъ Торговой вдоль Маныча Донецкая бригада, нанесъ имъ вновь сильное пораженіе. Дальнѣйшее преслѣдованіе стало невозможнымъ, такъ какъ въ эти дни у Невинномысской и Ставрополя разразились событія, потребовавшія спѣшнаго возвращенія туда 2-й дивизіи и конницы Улагая.

Тяжкіе сентябрьскіе бои обезкровили и насъ, и противника. Они кромѣ того подорвали духъ въ большевицкихъ войскахъ, вселили и въ нихъ, и въ совѣтахъ еще большее недовѣріе къ своему командованію.

Уселилось также общее неудовольствіе Сорокинымъ. Во второй половинѣ сентября на собраніи большевицкихъ командировъ въ Армавирѣ командовавшій Таманской группой Матвѣевъ при общемъ одобреніи заявилъ, что выходитъ изъ подчиненія Сорокину. Матвѣевъ былъ вызванъ въ Пятигорскъ и тамъ по приговору военно-революціоннаго суда разстрѣлянъ. Эта казнь вызвала сильное возмущеніе въ войскахъ Таманской группы и страшное озлобленіе лично противъ Сорокина.

22-го сентября Ц. и. к. Сѣверо-Кавказской республики, сообразно новой организациі центральнаго Московскаго управленія* и полученныхъ свыше указаній, отмѣнилъ единоличную власть главнокомандующаго и во главѣ Сѣверо-Кавказской арміи поставилъ «Ревоенсовѣтъ» подъ предѣлательствомъ Полуяна** и членовъ: Сорокина, Гайчинца***, Петренко¹ и Крайняго². Прежній штабъ Сорокина былъ устраненъ и сформированъ новый въ составѣ нѣсколькихъ большевицкихъ дѣятелей во главѣ съ казачьимъ офицеромъ Одарюкомъ.

Къ концу сентября относится также перемѣна стратегическаго плана большевицкаго командованія: было рѣшено оставить Кубань и, прикрываясь сильными аррьергардами на Лабѣ и у Армавира, отступить на юго-востокъ, въ общемъ направленіи на Невинномысскую.

Признаки отхода колонны и обоза мы замѣчали еще въ 20-хъ числахъ сентября. Въ ночь на 1-е октября аррьергардъ Михайловской группы, взорвавъ мостъ у Коше-Хабля, сталъ отходить въ направленіи на Урупскую. Это обстоятельство побудило перейти въ рѣшительное наступленіе всѣ три наши лѣвобережныя дивизіи.

Ген. Казановичъ 1-го октября атаковалъ Армавиръ. Части его ворвались было уже въ городъ, но контръ-атакой противника были отброшены съ большими потерями, особенно тяжелыми въ Сводно-гвардейскомъ полку³.

Ген. Врангель, опрокидывая аррьергарды противника и догоняя главныя силы его, въ первый же день прошелъ до 50 верстъ, слѣдуя на Урупскую и Безскорбную. Въ послѣдующіе дни на Урупѣ произошелъ рядъ серьезныхъ боевъ съ переходившимъ не разъ въ контръ-наступленіе противникомъ, который былъ въ концѣ концовъ смятъ и отброшенъ за рѣку. Дивизія послѣ жестокаго уличнаго боя заняла 6-го Безскорбную, 7-го Урупскую, но дальнѣйшее продвиженіе ея было остановлено большевиками.

Ген. Покровский, отбросивъ заслоны большевиковъ, перешелъ Лабу и атаковалъ 2-го Вознесенскую и Упорную, но взять ихъ не могъ. 3-го большевики сами перешли въ наступленіе — въ первомъ направленіи неудачно, во второмъ — силами до 4-хъ полковъ пѣхоты и многочисленной конницы оттѣснили Покровскаго обратно за Лабу. На слѣдующій день онъ вновь и вновь атаковалъ и послѣ многихъ упорныхъ боевъ къ 7-му вышелъ къ Урупу, овладѣвъ Попутной и Отрадной.

* Во главѣ всѣхъ совѣтскихъ войскъ сталъ «Ревоенсовѣтъ» во главѣ съ Троцкимъ.

** Б. нар. ком. ви. дѣлъ.

*** Командующій войсками сѣверо-восточнаго фронта

¹ Б. начальникъ штаба Сорокина.

² Предсѣд. краеваго комитета партіи больш. и тов. предсѣд. Ц. и. к.

³ Развернуть незадолго передъ тѣмъ изъ 4-го батал. Марковскаго полка.

Обе дивизии нанесли противнику большой урон, захватили много пленных и оружия, но сопротивление его было непрежисему упорным.

Къ 10 октября положеніе на фронтъ было слѣдующимъ:

1-я дивизія стояла подѣ Армавиромъ, 1-я Конная и 1-я Кубанская по Урупу до Отрадной. Далѣе шелъ измѣничивый фронтъ Партизанской бригады (дивизіи) и ополченій Баталіоннаго отдѣла, который проходилъ примѣрно отъ Отрадной (связь съ Покровскимъ), сѣвернѣе Вѣдомечетской, подходя и временами захватывая Воронскотѣево (въ 14 верстахъ отъ ст. Курсавки), далѣе на Суворовскую. Шкуро, очищая отъ большевиковъ Баталіонскій отдѣлъ, производилъ съ успѣхомъ непрестанныя нападенія на желѣзныя дороги, разстраивая движеніе по ней и угрожая все время сообщеніямъ противника. Отъ Армавира по правому берегу Кубани далѣе отъ Барсуковской на Ново-Екатериновку стояли мѣстные гарнизоны, пластунскіе батальоны и 3-я дивизія.

Въ этомъ чрезвычайно оригинальномъ остромъ углу въ качествѣ аррьергардовъ по Урупу и Кубани располагалось около 20 тысячъ большевистскихъ войскъ; по линіи Курсавка — Минеральныя Воды для непосредственнаго охраненія жел. дороги отъ нападеній Шкуро 4—5 тысячъ; и въ районѣ Невинномысской сосредоточился сильный кулакъ до 20 тысячъ.

Дальнѣйшее направленіе его было намъ невѣдомо.

*

Я не знаю, чей инициативѣ принадлежитъ послѣдующій планъ дѣйствій Сѣверо-Кавказской арміи большевиковъ. Были ли директивы изъ Москвы, рѣшилъ ли вопросъ «Ревосоветъ» или оказалъ давленіе созданный въ то время Сорокинымъ и зашедшій въ Невинномысской «Чрезвычайный съѣздъ совѣтовъ и представителей красной арміи».

Передъ большевистскимъ командованіемъ стояло три направленія отхода: по Владикавказской жел. дорогѣ, упирающейся въ Кавказскія горы или Каспійское море; на Святой Крестъ — съ отходящимъ отъ него Астраханскимъ трактомъ; наконецъ, третье, сопряженное съ новыми боями — на Ставрополь, съ возможностью пользоваться Астраханскимъ трактомъ и открыть связь и сообщеніе съ Царицыномъ и прикрывавшей его 10-й совѣтской арміей, лѣвый флангъ которой подходилъ къ Манычу у Кормового*.

До насъ доходили свѣдѣнія еще въ сентябрѣ, что по этому поводу возникли большія тренія въ средѣ команднаго состава и что Сорокинъ и Гайчинъ — сторонники движенія на Святой Крестъ, Матвѣевъ — на Ставрополь.

Въ результатѣ длительныхъ споровъ и колебаній большевистское командованіе приняло рѣшеніе: перебросивъ свои тылы на Святой Крестъ, двинуться къ Ставрополю, съ цѣлью овладѣнія имъ.

Сорокинъ не принималъ уже активнаго участія въ операціи. Въ то время, когда большевистскія войска подѣ начальствомъ Федько атаковали Ставрополь, онъ, опальный главнокомандующій, со своимъ штабомъ и конвоемъ находился въ Пятигорскѣ. Опасаясь расправы со стороны третируемыхъ имъ и не довѣрившихъ ему большевистскихъ главарей, Сорокинъ задумалъ устроить переворотъ, съ цѣлью захватить въ свои руки верховную военную власть. 13-го октября онъ арестовалъ председателя Ц. и. к. Кавказской республики Рубина, товарища председателя Дунаевского и Крайняго, члена Ц. и. к. Власова и начальника «чрезвычайной комиссіи» Рожанскаго. Всѣ эти лица — кромѣ Власова евреи — были въ тотъ же день разстрѣляны. По объясненію приближенныхъ Сорокина, пойманныхъ и заключенныхъ въ тюрьму, Сорокинъ — яркій юдофобъ — «ненавидѣлъ евреевъ», возглавлявшихъ кавказскую власть, и «рѣшился на кровавую расправу, негодуя на постоянное вмѣшательство Ц. и. к. въ военное дѣло, что мѣшало военнымъ операціямъ»**.

Но Съѣздъ совѣтовъ и представителей фронта постановилъ объявить Сорокина виѣ закола, «какъ измѣнника революціи», и доставить его въ Невинномысскую «живымъ или мертвымъ для всенароднаго... суда»...

* Въ 42 верстахъ отъ Дивнаго — пункта сосредоточенія 2-й Ставропольской дивизіи (большевисткой).

** Изъ акта разслѣдованія Особой комиссіи.

Похороны жертв ягитгорской чрезвычайки (1919 г.)

Не найдя поддержки въ арміи, Сорокинъ бѣжалъ изъ Пятигорска въ направленіи Ставрополя; 17 октября былъ пойманъ однимъ изъ таманскихъ полковъ возлѣ города, привезенъ въ ставропольскую тюрьму* и тамъ убитъ во время допроса командиромъ 3-го Таманскаго полка Вспенко.

Выступленіе Сорокина отозвалось трагически на судьбѣ Минераловодской интеллигенціи. Еще послѣ захвата Кисловодска Шкуро и возстанія терскихъ казаковъ тюрьмы Минеральной группы были заполнены заложниками, которые согласно приказу чрезвычайки подлежали разстрѣлу «при попыткѣ контръ-революціоннаго возстанія или покушенія на жизнь вождей пролетаріата». Когда умеръ командовавшій сѣверо-западнымъ фронтомъ, товарищъ Ильинъ отъ ранъ, полученныхъ въ бою съ добровольцами, чрезвычайная комиссія казнила въ его память 6 заложниковъ. Послѣ разстрѣла Сорокинымъ членовъ Ц. п. к. общаніе было исполнено въ болѣе широкомъ масштабѣ: «чрезвычайка» постановила «въ отвѣтъ на дьявольское убійство лучшихъ товарищей» разстрѣлывать заложниковъ — по двумъ спискамъ 106 человекъ. Въ ихъ числѣ были генералы Рузскій и Радко-Дмитріевъ, зѣрски зарубленные 18-го октября. Обоимъ имъ большевизцкіе главари неоднократно предлагали стать во главѣ кавказской красной арміи и оба они отказались отъ предложенія, заплативъ за это жизнью.

«Въ одномъ бѣльѣ — говорится въ описаніи Особой комиссіи — со связанными руками, повели заложниковъ на городское кладбище», гдѣ была приготовлена большая яма... «Палачи приказывали своимъ жертвамъ становиться на колѣни и вытягивать шею. Велѣдъ за этимъ наносили удары шапками... Каждого заложника ударяли разъ по пяти, а то и больше... Нѣкоторые стонали, но большинство умирало молча... Всю эту партію красноармейцы свалили въ яму... На утро могильщики засыпали могилы... Вокругъ стояли лужи крови... Изъ свѣжей, едва присыпанной могилы слышались тихіе стоны заживо погребенныхъ людей. Эти стоны донеслись до слуха Обрѣзова (смотрителя кладбища) и могильщиковъ. Они подошли и увидѣли, какъ «изъ могильной ямы выглядывалъ, облокотившись на руки, одинъ недобитый заложникъ (священникъ І. Рябухинъ) и умолялъ вытащить его изъ подъ груды наваленныхъ на него мертвыхъ тѣлъ... Повидимому, у Обрѣзова и могильщиковъ страхъ передъ красноармейцами былъ настолько великъ, что въ душахъ ихъ не осталось болѣе мѣста для другихъ чувствъ — и они просто забросали могилу землей...

Стоны затихли».

Сохранился рассказъ о послѣднемъ разговорѣ ген. Рузскаго со своимъ палачомъ**:

— Признаете ли вы теперь великую россійскую революцію?

— Я вижу лишь одинъ великій разбой.

* Послѣ взятія большевиками города.

** Предсѣдатель «чрезвычайки» Артабековъ.

ГЛАВА XXXII.

Оставление нами Ставрополя. Боя подь Армавиромъ, на Урупѣ и въ Баталпашинскомъ отдѣлѣ. Очищеніе отъ большевиковъ лѣваго берега Кубани. Двенадцати-восьмидневное сраженіе подь Ставрополемъ (10 октября — 7 ноября).

10 октября Невинномысская группа большевиковъ перешла въ наступленіе на сѣверъ, на фронтъ Дроздовскаго. Это было началомъ рѣшительнаго для Добровольческой арміи двенадцати-восьмидневнаго сраженія подь Ставрополемъ.

Отряду Дроздовскаго* предстояло всемірно задерживать противника до подхода съ сѣвера 2-й и 2-й Кубанской дивизій.

10-го Дроздовскій отразилъ наступленіе большевиковъ и только на правомъ флангѣ его большевики сбили пластуновъ и овладѣли Барсуковской. На слѣдующій день онъ самъ перешелъ въ контръ-атаку, понесъ серьезныя потери, но безуспѣшно. Ввиду того, что на западѣ была потеряна важная позиція—гора Недреманная, Дроздовскій съ разсвѣтомъ 12-го отошелъ къ Татаркѣ, въ 11 верстахъ отъ города, гдѣ въ ночь на 14-е былъ вновь атакованъ большевиками и отброшенъ къ сѣверу. Въ теченіе дня 14-го Дроздовскій велъ напряженный бой на подступахъ къ Ставрополю, стараясь при помощи подошедшаго съ сѣвера Корниловскаго полка вернуть захваченную большевиками гору Базовую. Атаки Корниловцевъ и Самурцевъ не имѣли успѣха, и пополудни дивизія очистила Ставрополь, отступивъ къ сѣверу. Толпы мирнаго населенія покидали зловещный многострадальный городъ, спасаясь отъ большевическаго нашествія. Въ Ставрополь вошли красныя войска и приступили къ расправѣ...

Одновременно съ наступленіемъ главныхъ силъ большевиковъ въ направленіи Ставрополя колонна ихъ продвигалась внизъ по Кубани, захватывая переправы, причемъ къ 14-му весь правый берегъ до Убѣженской оказался въ ихъ рукахъ.

Въ теченіе ближайшихъ дней противникъ велъ частныя атаки въ сѣверномъ направленіи для обезпеченія Ставрополя, не стремясь или не будучи въ силахъ развивать свой успѣхъ надъ ослабленными и разрозненными частями нашей Ставропольской группы. И къ 18-му, когда подтянулись части 2-й и 2-й Кубанской дивизій, Ставропольская группа Боровскаго располагалась по фронту Ново-Марьевка — село Пелагиада — Дубовка, въ 13—20 верстахъ отъ города. Фронтъ большевиковъ шелъ кругомъ Ставрополя черезъ Надеждинское — Михайловское — Сенигальевское — Ново-Екатериновскую.

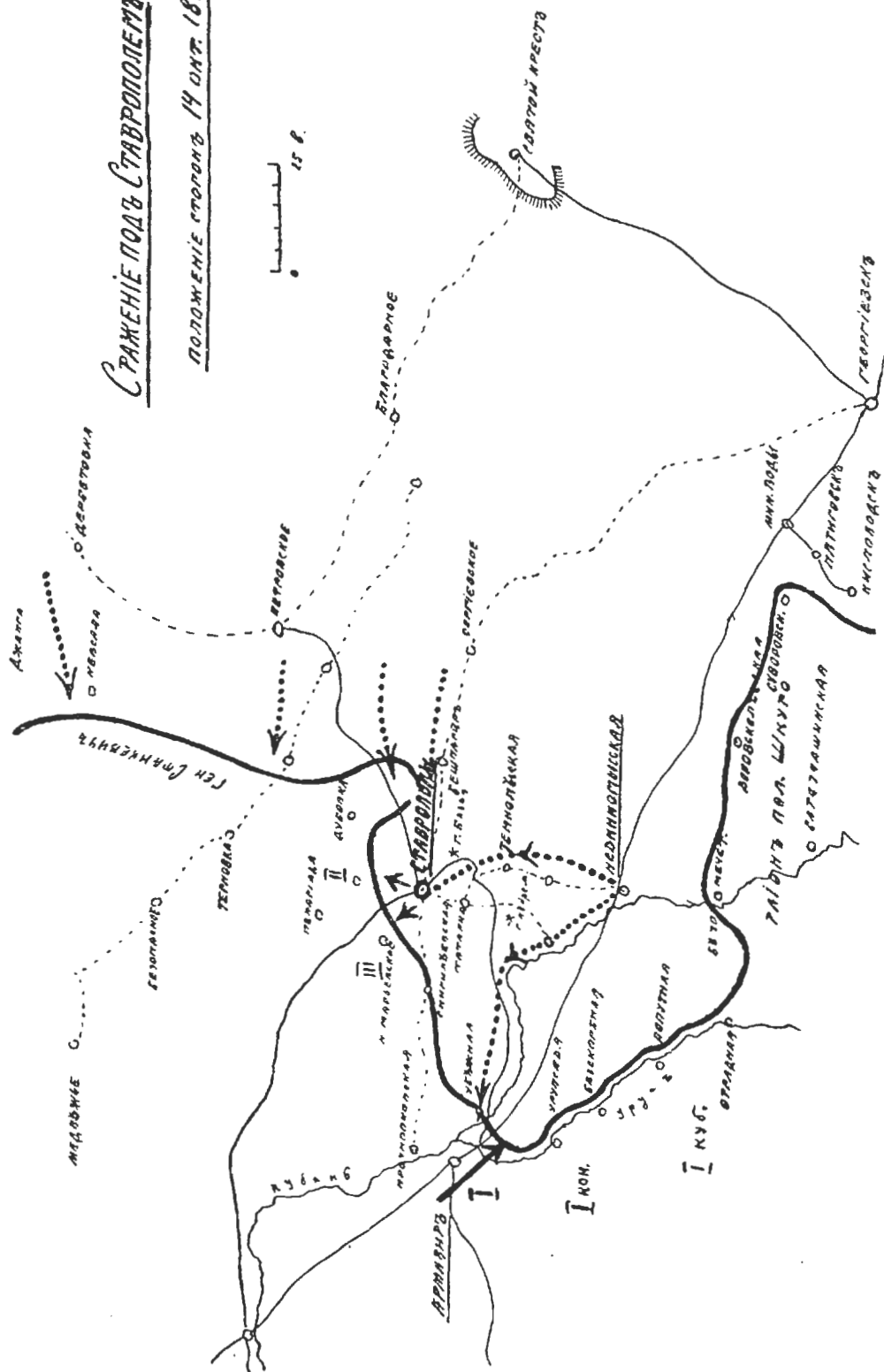
*

Я съ полесвымъ штабомъ и, какъ всегда, съ начальникомъ штаба, съ которымъ мы были неразлучны, находился въ эти дни на Армавирскомъ направленіи. Отдавъ ген. Казановичу послѣдній батальонъ и не имѣя болѣе въ своемъ распоряженіи резервовъ, я видѣлъ возможность успѣха только въ настойчивомъ выполненіи основнаго плана и,

* 3-я дивизія и пластунская брагада.

Сраженіє подъ Ставрополемъ

ПОЛОЖЕНІЕ СТОРОНЪ 14 ОКТ. 1871.

въ частности, въ развитіи активности нашего западнаго фронта. Генераламъ Казановичу, Врангелю и Покровскому было подтверждено напрямчъ крайнія усилія, чтобы сбросить лѣвобережную группу противника въ Кубань и тѣмъ развязать намъ руки на Ставропольскомъ направленіи.

Ген. Казановичъ 13-го октября внезапной атакой овладѣлъ Армавиромъ, захвативъ большіе трофеи. На другой день его дивизія отбросила противника за Урунь, разбила его вновь у Коноково и, преслѣдуя обоими берегами, къ 16-му дошла до Николаевки и Маджино.

Конница ген. Врангеля не могла развивать этотъ ударъ: съ 10-го числа она была прикована къ Уруню постоянными атаками противника, причемъ Безсмертная нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки. Только 15-го дивизія вышла частью силъ на правый берегъ Уруня и имѣла тамъ нѣкоторый успѣхъ. Но 17-го большевики перешли въ контръ-атаку на всемъ фронтѣ между Урупомъ и Кубанью и отбѣнили конныя части ген. Врангеля за Урунь, а дивизію ген. Казановича — подъ Армавиръ къ разбѣду Вольному...

Въ эти дни Минераловодская группа нѣсколько разъ возобновляла наступленіе на полк. Шкуро по всему фронту отъ Невинномысской до Суворовской, но безрезультатно, и партизаны попрежнему совершали удачныя набѣги на желѣзную дорогу.

Не было ни свѣдѣній, ни донесеній отъ ген. Покровскаго. Наблюдая 17-го бой у Казановича, я убѣдился, что здѣсь разрѣшенія задачи искать трудно. Послать вновь приказаніе Покровскому о крайней необходимости взятія Невинномысской и выхода въ тылъ Армавирской группѣ противника...

Только 21-го мы получили радостное извѣстіе, что 18-го Покровскій послѣ упорнаго боя овладѣлъ станицей и станціей Невинномысской, захватилъ тамъ большую военную добычу и преслѣдуетъ большевиковъ на сѣверо-западъ и на юго-востокъ... Отъ Армавира и Уруня потянулись уже большевицкіе резервы въ сторону Невинномысской, вступившіе въ бой съ Покровскимъ 19-го, но отброшенные къ сѣверу, въ то время, какъ часть нашей конницы, распространяясь вдоль ж.-д. линіи, заняла станцію Барсуки.

Этимъ ослабленіемъ силъ Армавирской группы воспользовалась 1-я Конная дивизія. 20-го ген. Врангель произвелъ перегруппировку, оставивъ заслонъ у Урупской и перебросивъ главныя силы къ Безсмертной. 21-го, перейдя рѣку, онъ обрушился на большевицкую дивизію, разбилъ ее на голову и преслѣдовалъ уцѣлѣвшіе остатки ея въ направленіи Успенской; юго-восточнѣе такая же участь постигла еще два большевицкихъ полка... 22-го доблестная дивизія продолжала преслѣдованіе, добывая отставшія части противника, и захватила станцію Овечка, куда вскорѣ подошла пѣхота Казановича съ бронепоездомъ. За эти два дня кубанцы Врангеля взяли около 2 тысячъ плѣнныхъ, 19 пулеметовъ, огромные обозы.

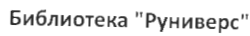
Немногія уцѣлѣвшія войска Армавирской группы, прижатые къ Кубани, текли безостановочно на юго-востокъ; совмѣстно съ отрядами, остававшимися на лѣвомъ берегу Кубани, они съ мужествомъ отчаянія обрушились на Покровскаго и 21-го выбили его изъ Невинномысской. Только 23-го послѣ трехдневныхъ тяжелыхъ боевъ онъ вторично и окончательно овладѣлъ Невинномысской.

1-я Конная дивизія сосредоточилась въ районѣ Успенской, 1-я — у Овечки.

*

18-го октября въ одной изъ хатъ станицы Рождественской собралось офицерство 3-й, отчасти 2-й дивизій; я ожидалъ, что послѣ перенесенныхъ безмѣрно тяжелыхъ боевъ и ставропольской неудачи увижу хоть тѣнь моральной усталости и разочарованія... И былъ глубоко обрадованъ ихъ настроеніемъ. Они жадно ловили всякій намекъ на улучшение общаго положенія и интересовались только тѣмъ, что облегчало намъ дальнѣйшее веденіе борьбы. Я видѣлъ части — сильно порѣдѣлыя, истомленные, полудохлые, въ обтрепанной легкой одеждѣ — зимняя стужа наступила въ этомъ году рано — и тѣмъ не менѣе готовые къ новымъ боямъ.

22-31 oct. 18c

И могъ порадовать ихъ послѣдними свѣдѣніями объ европейскихъ событіяхъ, о паденіи Германіи, торжествѣ союзниковъ и объ открывающихся перспективахъ. Помогутъ ли намъ союзники войсками — не знаю, но матеріальною частью несомнѣнно и въ широкомъ масштабѣ. Это, впрочемъ, дѣло будущаго. А теперь я привезъ съ собою немало теплой одежды, нѣсколько сотъ пополненій, на сей разъ много патроновъ и... глубокую, ничѣмъ не сокрушимую увѣренность въ доблести добровольцевъ, которая приведетъ несомнѣнно къ нашей побѣдѣ въ предстоящемъ рѣшительномъ сраженіи...

Первые успѣхи на Урунгъ и подѣ Невинномысской вызвали большой подъемъ въ нашей Ставропольской группѣ, нѣсколько отдохнувшей и пополненной.

22-го ген. Боровскій перешелъ въ наступленіе по всему фронту.

2-я и 3-я дивизіи направлены были на Ставрополь съ сѣвера по обѣимъ сторонамъ жел. дороги, 2-я Кубанская дивизія — черезъ Надеждинскую съ востока. Въ первый же день Боровскій имѣлъ нѣкоторый успѣхъ: пластуны заняли Сенгилѣвскую, Улагай — Надеждинскую, а 2-я и 3-я дивизіи, хотя и съ тяжелыми потерями, дошли до самой окраины города. 23-го бой продолжался, причемъ 2-й Офицерскій полкъ дивизіи Дроздовскаго стремительною атакой захватилъ монастырь Іоанна Предтечи и часть предместья. Мой полевой штабъ находился въ эти дни подѣ Ставрополемъ на станціи Рыдзынская, и я съ ген. Романовскимъ и нѣсколькими офицерами штаба, слѣдуя съ 2-мъ Офицерскимъ полкомъ, вошли въ монастырь нѣсколько преждевременно: попали подѣ контръ-атаку противника, вскорѣ, впрочемъ, отраженную.

Далѣе войскамъ Боровскаго продвигаться оказалось не подѣ силу. 24-го противникъ самъ переходилъ многократно въ контръ-атаки, особенно настойчивыя на фронтѣ 3-й дивизіи и Корниловскаго полка; обѣ стороны понесли тяжелыя потери и наступленіе наше захлебнулось.

Такъ какъ къ тому времени лѣвобережныя дивизіи закончили свою операцію, я получилъ возможность все силы Добровольческой арміи направить противъ Ставрополя.

Ген. Боровскому на сѣверномъ Ставропольскомъ фронтѣ приказано было временно перейти къ активной оборонѣ; ген. Врангелю, очищая попутно правый берегъ Кубани въ сторону Убженской и Николаевской, сосредоточиться въ Сенгилѣвской для атаки Ставрополя съ запада; ген. Казановичу — наступать черезъ гору Недреманную и Тартарку съ юга; ген. Покровскому, совместно съ Партизанской дивизіей Шкуро, черезъ Темнолѣскую — съ юго-востока; для удержанія Невинномысской оставался отрядъ ген. Гартмана — пластунскіе батальоны 1-й и 1-й Кубанской дивизій, а ополченія Баталпашинскаго отдѣла должны были обезпечивать операцію со стороны Минераловодской группы противника.

Я съѣздилъ вновь на Армавирское направленіе, видѣлъ войска Казановича и Покровскаго подѣ Невинномысской, куда пріѣхалъ и Шкуро. И по вынесенному впечатлѣнію отъ чудеснаго настроенія войскъ и начальниковъ не беспокоился болѣе за окончательный исходъ Ставропольской операціи.

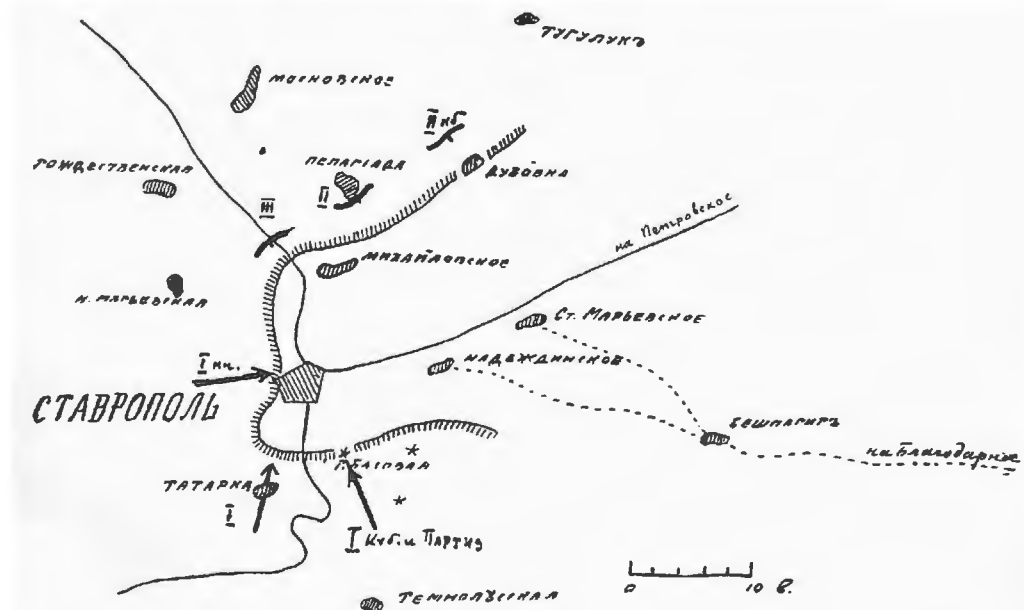
Вернувшись къ Ставрополю, я засталъ все то же положеніе. Въ теченіе четырехъ дней большевики вели упорныя атаки на всемъ фронтѣ Боровскаго. Мы потеряли Сенгилѣвскую, но сохранили свое положеніе подѣ Ставрополемъ цѣною новыхъ тяжелыхъ потерь. Въ то же время 2-я совѣтская Ставропольская дивизія, воспользовавшись ослабленіемъ заслона ген. Станкевича, съ 17-го перешла въ наступленіе и къ 24-му отбросила его отъ Б. Джалги къ Тахтинскому, гдѣ онъ и сдерживалъ въ дальнѣйшемъ противника.

Войска съ юга, между тѣмъ, подвигались. Къ 29-му октября ген. Врангель, очистивъ берегъ Кубани и разбивъ большевиковъ у Сенгилѣвской, подступилъ къ Ставрополю съ запада; ген. Казановичъ атаковалъ гору Недреманную*; ген. Покровскій, сбивая аррьергарды противника, къ вечеру 28-го дошелъ до горы Холодной, въ 10 верстахъ къ юго-востоку отъ Ставрополя; обѣ фланговыя дивизіи вошли въ связь съ частями Боровскаго.

* Къ югу, въ переходѣ отъ Ставрополя.

Это тактическое положеніе внесло крайнюю нервность въ настроеніе обложеннаго кругомъ города и въ ряды большевическихъ войскъ. Городъ былъ забитъ тысячами раненыхъ, больныхъ, тифозныхъ большевиковъ, и каждый день увеличивалъ число ихъ. Всѣ пути подвоза были отрѣзаны. Въ Ставрополѣ, какъ передавали вырвавшіеся оттуда, носились уже зловѣщіе слухи объ измѣнѣ... Нѣкоторыя большевическія части постановляли тайно сдаваться намъ, но попытки ихъ въ этомъ направленіи ликвидировались поставленными сзади позицій пулеметами. Только Таманская группа, стоявшая противъ войскъ Боровскаго, оставалась вполне надежной и рѣшила «драться до послѣдняго»...

Большевицкое командованіе рѣшило, очевидно, прорвать блокаду. 29-го совѣтскія войска крупными силами обрушились на весь фронтъ ген. Боровскаго и отбросили 3-ю дивизію, повесившую вновь громадныя потери, версты на двѣ отъ ея позицій. На прочихъ участкахъ многократныя атаки противника успѣха не имѣли.

СТАВРОПОЛЬСКОЕ СРАЖЕНІЕ

31 окт. 18г.

Этотъ день стоилъ и намъ, и въ особенности противнику очень дорого. Изнуренные потерями большевики 30-го не возобновляли атакъ.

Между тѣмъ, съ юга кольцо сжималось: ген. Казановичъ, атаковавъ 29-го гору Недреманую, съ крутыми скатами, взялъ ее, отбилъ нѣсколько контръ-атакъ и 30-го подошелъ къ Татаркѣ; рядомъ и восточнѣе ген. Покровскій атаковалъ гору Базовую и Холодную. На горѣ Холодной былъ захваченъ и закрытъ Ставропольскій водопроводъ.

Къ 29-му октября, съ занятіемъ Покровскіихъ ст. Темнолѣсскаго вся Кубанская область была освобождена отъ большевиковъ.

Большевицкое командованіе еще разъ напрягло всѣ свои силы, чтобы вырваться изъ окруженія, и на разсвѣтъ 31-го вновь атаковало на сѣверѣ фронтъ группы Боровскаго, на юго-востокѣ конницу Покровскаго. На этотъ разъ совершенно растаявшіе полки 2-й и 3-й дивизій не выдержали и опрокинутые и преслѣдуемые противникомъ поспѣшно уходили на сѣверо-западъ, остановившись только на высотѣ селенія Пелагіады. Конница Улагая отошла къ Дубовкѣ. Части Покровскаго были также нѣсколько потѣснены.

Отбиваясь от наступавших большевиков с перебиванными остатками своей дивизии и ведя их лично в контр-атаку, доблестный полковник Дроздовский был тяжело ранен в ступню ноги... Паль сраженный пулей в висок командир Корниловского полка полк. Индѣйкин...

Въ виду пассивности большевиков на западном их фронтѣ, ген. Врангель, оставив противъ него часть силъ, съ четырьмя полками кубанцев* свернулъ на Ново-Марьенку, ударилъ въ тылъ наступавшей тамъ лѣвой колоннѣ противника и, отбросивъ его къ сѣверо-востоку, занялъ вновь монастырь и предместье, оставленные дроздовцами.

Наступила ночь. На сѣверѣ все стихло, но на югѣ и западѣ шелъ еще сильный огонь...

Прорывъ удался. Большевики вырвались изъ кольца. Образовавъ новый фронтъ по линіи Дубовка (южнѣе) — Михайловское — Ставрополь — гора Базовая, они поспѣшно стали перебрасывать свои тылы въ направленіи Петровскаго...

Еще изъ Невинномысской я и старшіе кубанскіе начальники снесли телеграфно съ кубанскимъ правительствомъ по вопросу объ отсрочкѣ открытія краевой Рады, назначеннаго на 28-е октября, до окончанія Ставропольской операціи, чтобы дать возможность кубанскимъ начальникамъ, избраннымъ членами Рады, принять участіе по крайней мѣрѣ въ первыхъ ея шагахъ... Это предложеніе вызвало возмущеніе въ рядахъ черноморской группы и обвиненіе командованія въ саботированіи Рады. Кубанское правительство не сочло возможнымъ отложить открытіе Рады. Частное совѣщаніе ея 27-го постановило лишь въ программу первыхъ дней включить вопросы внутренняго распорядка, а торжественное засѣданіе въ моемъ присутствіи назначить на 1-е ноября.

Считая весьма важнымъ въ политическомъ отношеніи мое обращеніе къ Радѣ до начала ея работы, я въ ночь на 1-е рѣшилъ поѣхать на нѣсколько часовъ въ Екатеринодаръ. Во время произнесенія мною въ Радѣ рѣчи** пришла телеграмма, что бригада 1-й Конной дивизіи ген. Бабіева ворвалась въ Ставрополь... Это извѣстіе, которымъ я подѣлился съ Радой, вызвало бурную радость всѣхъ собравшихся... Той же ночью я вернулся въ Пелагіаду. Оказалось, что ген. Бабіевъ занимаетъ 1-го вокзалъ, но противникъ оставался еще въ городѣ и только пополуночи 2-го, при поддержкѣ Самурскаго и 1-го Кубанскаго стр. полковъ и броневиковъ, 1-й Конной дивизіи удалось окончательно овладѣть городомъ.

Ставрополь былъ взятъ. Большевики оставили въ немъ 2½ тыс. непогребенныхъ труповъ и до 4 тыс. невывезенныхъ раненыхъ. На дверяхъ лазаретовъ были надписи: «Довѣряются чести Добровольческой арміи»... Они могли рассчитывать на безопасность своихъ раненыхъ. Мы — почти никогда. Во всякомъ случаѣ, наши офицеры, попадавшіе въ руки большевиковъ, были обречены на мученія и вѣрную смерть.

Но большевики, понесшіе огромныя потери, проявляли все же упорство необыкновенное. 3-го я двинулъ войска въ наступленіе на востокъ и въ тотъ-же день большевики тоже перешли въ наступленіе, опять отбѣнивъ наши части, дѣйствовавшія сѣвернѣе Ставрополя, и оказывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, упорное сопротивленіе Казановичу у Надеждинскаго. Четыре дня еще шли бои востокъ Ставрополя, и только 7-го, путемъ полнаго напряженія силъ, наша атака лучшихъ и наиболѣе сохранившихся красныхъ войскъ — Таманской группы, сосредоточенной въ районѣ Тугулуку — Дубовка — Пелагіада, увѣнчалась окончательнымъ успѣхомъ: наступленіемъ остатковъ пѣхотныхъ дивизій съ запада, дивизіи полк. Улагая съ сѣвера, конницы ген. Врангеля съ юга отъ Ставрополя — войска противника были окружены, разбиты на голову и обратились въ паническое бѣгство. Ихъ преслѣдовали въ направленіи Петровскаго 1-я Конная и

* Ему придана была ранѣе бригада конницы пѣзъ состава 3-й дивизіи.

** Въ этомъ томѣ обзоръ политической я заканчиваю сентябремъ, а военный для цѣльности изложенія довожу до конца ставропольской операціи.

ГЛАВА XXXIII.

Соприкосновеніе Добровольческой арміи съ нѣмцами и грузинами. Наши взаимоотношенія.

Утвержденіе наше на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей привело къ соприкосновенію съ германскими войсками и флотомъ. Въ предвидѣніи неизбежныхъ встрѣчъ съ нѣмецкими властями, добровольческимъ начальникамъ дана была мною краткая инструкція, заключающая слѣдующія положенія: самимъ избѣгать всякихъ встрѣчъ и всякаго общенія; относительно политической конъюнктуры Добровольческой арміи: Брестъ-Литовскаго мира не признаемъ, отношенія наши съ Германіей можетъ установить только всероссійская центральная власть, которой пока не существуетъ; но враждебныхъ дѣйствій противъ нѣмцевъ мы безъ вызова съ ихъ стороны предпринимать не намѣрены; относительно торговыхъ сношеній — вопросъ преждевременный, такъ какъ торговый аппаратъ еще не налаженъ; но боевые припасы покупать готовы въ обмѣнъ на произведенія страны; при всѣхъ сомнительныхъ вопросахъ ссылаться на немѣнныя отъ меня инструкціи.

На Ейскомъ рейдѣ 2 августа появилась нѣмецкая флотилія изъ четырехъ судовъ* подъ брейтъ-вымпеломъ капитана 2-го ранга, именовавшагося «командующимъ германскими морскими силами въ Азовскомъ морѣ». Въ бесѣдѣ съ начальникомъ гарнизона онъ объяснилъ причину появленія нѣмецкихъ судовъ слѣдующимъ образомъ**: «при послѣднемъ походѣ большевиковъ на Таганрогъ ими были пойманъ и приведенъ въ Ейскъ пароходъ, на которомъ находились австрійскіе офицеры. Послѣдніе были безчеловѣчно убиты и выброшены въ море... Кромѣ того, въ послѣднее время замѣчено много судовъ, пристающихъ въ разныхъ пунктахъ Крымскаго и Азовскаго побережья и высаживающихъ тамъ большевиковъ, спасающихся отъ Добровольческой арміи. Задача флотиліи — прекратить звѣрства на морѣ, не допускать и истреблять высаживающихся пегодаевъ, такъ какъ никакому государству не пріятно имѣть ихъ въ своей средѣ»...

Такое неожиданное отношеніе свое къ союзникамъ и пособникамъ Германіи командующій флотиліей пояснилъ тѣмъ, что «хотя Германія и заключила официальный договоръ съ Совѣтской Россіей, неофициально онъ можетъ выразить живѣйшее пожеланіе въ скорѣйшей и окончательной побѣдѣ надъ большевиками въ цѣляхъ умиротворенія края и введенія въ немъ законнаго порядка и твердой власти».

Я думаю, что нѣмецкій офицеръ говорилъ искренно, и такихъ было не мало, но голосъ ихъ не имѣлъ никакого рѣшительнаго значенія въ русской политикѣ Германіи.

На второй день по взятіи Новороссійска на рейдѣ его появился нѣмецкій миноносецъ, который стоялъ тамъ постоянно и въ эти дни случайно отсутствовалъ. Нѣмецкій офицеръ тотчасъ же явился съ визитомъ къ военному губернатору полковнику Кутепову, поздравилъ его съ занятіемъ Новороссійска, выразилъ крайнее изумленіе быстротой движенія Добровольческой арміи и спросилъ, чѣмъ могутъ быть полезны германскія суда.

* Приспособленные и вооруженные русскія суда — бывшіе тральщики и землечерпалки.

** Рапортъ начальника гарнизона г. Ейска 2 августа № 4.

Содѣйствіе было вѣжливо отклонено. Въ дальнѣйшемъ нѣсколько разъ представители германскаго и австрійскаго (изъ Одессы) командованія обращались къ полк. Кутепову за разрѣшеніемъ проѣхать для переговоровъ въ Екатеринодаръ, но имъ было въ этомъ отказано.

Въ то же самое время нѣмцы высаживались у Адлера и начали рыть окопы фронтомъ на сѣверъ противъ насъ...

Сложнѣе былъ вопросъ относительно Тамани. Еще весною возставшія противъ большевиковъ таманскія станицы обратились къ нѣмецкому командованію въ Крыму съ просьбой о помощи. Быть можетъ это обращеніе было инсценировано и нѣмцами, для которыхъ, по словамъ маіора фонъ-Кофенгаузена, въ вопросѣ о занятіи полуострова «большую роль играла военная сторона дѣла, а именно обезпеченіе Керченскаго пролива». Нѣмцы ввели на полуостровъ полкъ съ батареей, потомъ еще нѣсколько усилили оккупационный отрядъ и вытѣснили большевиковъ до Темрюка, продвинувъ свой фронтъ къ лиманамъ въ низовьяхъ Кубани.

Съ тѣхъ поръ Тамань жила своей обособленной отъ остальной Кубани жизнью. Былъ тамъ свой «атаманъ» — полковникъ Перетяткинъ, свои «вооруженныя силы», то собиравшіяся, то расходившіяся и совершенно игнорируемыя нѣмцами. Казаки вели распрю, захватывали чужія запашки, разбирали войсковыя запасныя земли, рыболовныя воды; начальство вело подкопы другъ противъ друга и противъ кубанскаго правительства, не признавая его власти. Словомъ — суверенная Тамань въ суверенной Кубани.

А въ станицѣ Таманской — столицѣ новаго государственнаго образованія — квартировалъ командиръ 10 ландверной бригады*, правившій всѣмъ, всѣми помыкавшій и содѣйствовавшій, главнымъ образомъ, безпрепятственному вывозу съ полуострова сырья и хлѣба. Посредникомъ его въ сношеніяхъ съ таманцами и фактическимъ распорядителемъ ихъ судебъ былъ платный нѣмецкій агентъ инженеръ Каштановъ — авантюристъ, весьма сходный по типу съ Иваномъ Добрыньскимъ. Каштановъ носился съ планами движенія нѣмцевъ на Новороссійскъ и Екатеринодаръ.

Когда въ началѣ іюля кубанское правительство командировало на Тамань кружнымъ путемъ черезъ Ростовъ своихъ представителей и ген. Борисевича, съ цѣлью соединить Тамань съ Кубанскимъ краемъ, его послы были арестованы и высланы нѣмцами. 13 августа войска Покровскаго, преслѣдуя большевиковъ, захватили Темрюкъ и на лѣвомъ берегу Кубани у моста столкнулись съ нѣмецкой ротой. Рѣка стала демаркаціонной линіей между войсками и районами политическаго вліянія нѣмцевъ, съ одной стороны, и Кубанскаго правительства и Добровольческой арміи, съ другой. Съ нѣкоторыми, однако, отличіями: въ приказѣ Таманскаго атамана мы прочли распоряженіе командира ландверной бригады: «по причинѣ полного нейтралитета (?), приказы Добровольческой арміи для казачьихъ войскъ Таманскаго полуострова недействительны. Приказы же Кубанскаго краеваго правительства — только въ соглашеніи съ германскимъ генеральнымъ командованіемъ въ Симферополѣ. Таманскій полуостровъ находится подъ германской защитой»**.

Но въ половинѣ сентября таманскіе депутаты постановили «выразить благодарность германскому командованію за оказанную помощь и теперь же просить оставить Таманскій полуостровъ»; съ аналогичнымъ представленіемъ обратился посолъ Кубанскаго правительства къ высшему германскому представителю въ Ростовѣ маіору фонъ-Кофенгаузену. Послѣдній отвѣтилъ, что главное командованіе согласно на введеніе въ предѣлахъ Тамани обще-кубанской администраціи и «милиціи». Что же касается «очищенія края навсегда», то «это вопросъ довольно отдаленнаго будущаго», и о немъ можно будетъ говорить только тогда, «если дружелюбное отношеніе (будущей) краевой рады дастъ намъ нужныя гарантіи»***... Ухудшившееся положеніе на западномъ фронтѣ дѣлало нѣмцевъ пассивными и уступчивыми.

* Изъ состава оккупационныхъ войскъ Крыма.

** 10 сент. 18 г. № 139.

*** Телеграмма Макаренко изъ Новочеркасска 19 сентября № 285.

Такое положеніе въ этомъ глухомъ углу продолжалось до конца октября, когда нѣмецкія войска вынуждены были поспѣшно покинуть Тамань, а потомъ и Крымъ...

Когда войска Добровольческой арміи продвинулись къ Новороссійску, получено было извѣстіе, что въ районѣ Туансе съ 24 июля находится небольшой грузинскій отрядъ* подъ начальствомъ ген. Мазніева, къ которому примкнуло нѣсколько сотенъ кубанскихъ казаковъ Майкопскаго отдѣла. Въ началѣ сентября этотъ отрядъ оперировалъ вдоль армавиръ-туапсинской жел. дороги между Туансе и Бѣлорѣченской, ведя борьбу съ большевиками и помогая оружіемъ и боевыми припасами возставшимъ кубанскимъ станицамъ.

По установленіи связи съ Мазніевымъ, ген. Алексѣевъ послалъ ему письмо**, выражая свою радость, что «судьба поставила насъ не только въ близкое боевое соприкосновеніе, но едѣлала насъ союзниками, борющимися пока за одно и то же дѣло и дѣйствующими въ одномъ и томъ же направленіи... Думаю — писалъ онъ — болѣе того, убѣжденъ —, что этотъ союзъ приметъ длительный и болѣе широкій характеръ»... Распорядившись объ отправкѣ продовольственныхъ припасовъ въ отрядъ, ген. Алексѣевъ сообщалъ, что онъ вообще «широко пойдетъ навстрѣчу грузинскому правительству въ удовлетвореніи его продовольственныхъ нуждъ, ожидая, что и оно подѣлится (съ нимъ) своими запасами и прежде всего винтовками и патронами». М. В. просилъ для обсужденія условій товарообмѣна и др. вопросовъ командировать въ Екатеринодаръ довѣренныхъ отъ правительства лицъ.

Между тѣмъ, таманская группа большевиковъ, отступая отъ Новороссійска на югъ, опрокинула отрядъ Мазніева, который отошелъ къ Сочи. Нашъ конный полкъ, преслѣдуя большевиковъ по пятамъ, 26 августа занялъ Туансе, округъ котораго поступилъ въ управленіе добровольческихъ властей.

Дальнѣйшее движеніе наше по Черноморской губерніи было приостановлено грузинами, отношеніе которыхъ къ намъ рѣзко измѣнилось. Къ югу отъ Туансе, вмѣсто большевисткаго, образовался грузинскій фронтъ; грузинское правительство отозвало ген. Мазніева, какъ чловека общероссійской оріентаціи, замѣнивъ его Коніевымъ. Въ районѣ Туансе стали сосредоточиваться передовыя грузинскія силы, по преимуществу «народной гвардіи» (до 3 тысячъ при 18 орудіяхъ); на побережьи у Сочи, Дагомыса и Адлера грузины стали снѣжно возводить укрѣпленія фронтомъ на сѣверъ, причемъ въ послѣднихъ двухъ пунктахъ высадился небольшой нѣмецкій десантъ. Создавалась угроза Новороссійску.

Въ это время наладилось уже сообщеніе между Новороссійскомъ и южными портами, и изъ Грузіи хлынули къ намъ вмѣстѣ съ волною бѣженцевъ и волнующія вѣсти о проявленіяхъ грузинскаго шовинизма... Изъ Сочи и Сухума шли молебны объ избавленіи края отъ грузинъ.

Между тѣмъ, грузинское правительство въ отвѣтъ на приглашеніе ген. Алексѣева командировало въ Екатеринодаръ въ качествѣ своего представителя — Гегечкори, совместно съ ген. Мазніевымъ.

Обстановка, сопровождавшая начало нашихъ сношеній, имѣвшихъ въ послѣдствіи столь важное значеніе для обѣихъ сторонъ, не свидѣтельствовала объ искренности грузинъ и не предвѣщала ничего добраго. Проѣздомъ въ Екатеринодаръ Гегечкори остановился въ Сочи, гдѣ при его участіи состоялся рядъ митинговъ, организованныхъ социалистическимъ блокомъ. На нихъ посылались рѣчи «высокаго гостя» и другихъ ораторовъ, дышавшія враждой къ Добровольческой арміи, и клятвы, что она войдетъ въ Сочинскій округъ только «черезъ трупы грузинскихъ красногвардейцевъ»...

12 и 13 сентября состоялось совѣщаніе между Добровольческимъ командованіемъ, кубанскимъ правительствомъ и грузинскими представителями***.

* 2 батальона, 4 батареи, броневой поѣздъ.

** 16 августа № 228.

*** Участники: генералы Алексѣевъ, Деникинъ, Драгомировъ, Лукомскій, Романовскій; В. В. Шульгинъ и В. А. Степановъ; полк. Флимоновъ, Бычъ и Воробьевъ; Гегечкори и ген. Мазніевъ.

Ген. Алексѣевъ былъ тяжело боленъ и съ большимъ трудомъ поднимался въ эти дни съ постели, чтобы вести засѣданіе. Послѣдній разъ передъ смертью онъ участвовалъ въ государственной работѣ.

Открылъ онъ засѣданіе привѣтствіемъ «дружественной и самостоятельной Грузіи» и завѣреніемъ, что «съ нашей стороны никакихъ поползновеній на самостоятельность Грузіи не будетъ». Но, давъ такое обезпеченіе отъ имени Добровольческой арміи и кубанскаго правительства, мы должны ожидать равноцѣннаго отношенія со стороны грузинскаго правительства къ намъ»...

Затѣмъ съ большою горечью, словами рѣзкими, не облеченными въ дипломатическія формы, онъ нарисовалъ картину тяжелаго и унижительнаго положенія русскихъ людей на территоріи Грузіи, расхищенія русскаго государственнаго достоянія, вторженія и оккупации грузинами, совмѣстно съ нѣмцами, Черноморской губерніи...

Въ его рѣчи, дополненной потомъ въ порядкѣ обмѣна мнѣній, намѣчены были слѣдующіе главные вопросы:

1. Отношеніе Грузіи къ большевикамъ, къ Добровольческой арміи и къ нѣмцамъ.
2. Отношеніе къ русскому населенію на территоріи, занятой грузинами.
3. Вопросъ о нашихъ правахъ на часть русскаго государственнаго имущества и въ частности военныхъ запасовъ бывшаго Кавказскаго фронта.
4. Вопросъ о гарантіяхъ, чтобы при товарообмѣнѣ русскій хлѣбъ шелъ дѣйствительно въ Грузію, а не въ Германію.
5. Вопросъ о границахъ и объ очищеніи грузинами Сочинскаго округа.

«Борьба съ большевиками — это вопросъ нашей жизни и смерти» — сказалъ Гегечкорі... Категоричность этого заявленія была, впрочемъ, тотчасъ же ослаблена поясненіемъ, что задача эта ставится лишь «на Черноморскомъ побережьи», по окончательно поблекла послѣ повторныхъ заявленій Гегечкорі: «они (большевики) говорятъ, что мы находимся въ тѣсномъ союзѣ съ Добровольческой арміей. Въ дѣйствительности же ни въ какомъ союзѣ (съ ней) мы не состоимъ, а выполняемъ одну общую работу — борьбу съ большевиками. Представлять же нашу работу, носящую случайный характеръ, въ смыслѣ связанности съ Добровольческой арміей — нельзя»...

Итакъ, для выполненія обще-русской задачи — въ Грузіи союзника мы не найдемъ. Печально, но по крайней мѣрѣ ясно.

На вопросъ, что означаетъ совмѣстное вторженіе грузинъ и нѣмцевъ въ Черноморскую губернію и «не участвуетъ ли Грузія въ союзѣ съ нѣмцами и большевиками въ комбинаціи окруженія Добровольческой арміи*», Гегечкорі категорически отвергъ подобное предположеніе: «...мы оберегаемъ свою независимую республику и если нѣмцы начнутъ (!) вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла, то правительство, съ которымъ мы работаемъ, уйдетъ»...

Фактъ притѣсненія русскихъ въ Грузіи Гегечкорі отвергалъ. Быть также выражалъ сомнѣніе по этому поводу, предлагая «съ большою осторожностью относиться къ этимъ свѣдѣніямъ», и утверждалъ, что кубанцы, возвращающіеся изъ Грузіи, «не жаловались на скверныя къ себѣ отношенія». Совѣщаніе приняло предложеніе обследовать вопросъ этотъ на мѣстѣ смѣшанной комиссіей. Относительно государственнаго имущества и запасовъ бывшаго Кавказскаго фронта, захваченныхъ грузинами, Гегечкорі заявилъ, что «этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ на болѣе авторитетномъ собраніи, на которомъ будутъ представители всей Россіи, а не отдѣльныхъ ея частей». Его поддержалъ всецѣло Бычъ, заявившій, что сейчасъ кубанское правительство претензій не предъявляетъ, а «переноситъ это на болѣе компетентные органы; по частныя соглашенія по этому предмету заключать будетъ». Эти «частныя соглашенія», въ отношеніи боевого имущества въ особенности, вызывали, однако, у насъ серьезныя опасенія: въ борьбѣ противъ совѣтской власти возставшихъ терскихъ казаковъ и осетинъ, которымъ удалось на время овладѣть Владикавказомъ**, грузины приняли болѣе чѣмъ странное участіе... По крайней мѣрѣ, засѣдавшій во Владикавказѣ большевицкій «4-й съѣздъ

* См. заявленіе Людендорфа, глава VII.

** 5—17 августа 1918 года.

трудовых народов» так информировать местные совдены: «слухи о томъ, что грузины подступили къ Владикавказу, неистинны. Наоборотъ, грузинское правительство отпустило намъ миллионъ патроновъ»...

Гегечкори подтвердилъ фактъ закупки и вывоза грузинскаго хлѣба иѣмцами, а гарантію того, что такая же участь не постигнетъ русскій хлѣбъ, онъ видѣлъ въ томъ, что хлѣбъ будетъ поступать въ распоряженіе правительства. Это положеніе резюмировать кратко одинъ изъ участниковъ совѣщанія: грузинскій хлѣбъ — иѣмцамъ, а русскій — грузинамъ...

Всѣ эти вопросы, однако, могли быть въ концѣ концовъ разрѣшены удовлетворительно. Передъ совѣщаніемъ всталъ основной принципиальный вопросъ, который являлся по выраженію ген. Алексѣева «камнемъ преткновенія, не давалъ возможности приступить къ обсужденію другихъ, съ которыми мы всегда будемъ сталкиваться»... Отношеніе къ нему должно было служить показателемъ искренности и миролюбія грузинскаго правительства. Мы требовали возвращенія къ Черноморской губерніи Сочинскаго округа** на который ни по историческимъ, ни по этнографическимъ мотивамъ Грузія не имѣла никакихъ правъ. Округъ, въ которомъ изъ 50 селеній — 36 русскихъ, 13 смешаннымъ пришлымъ населеніемъ и только одно грузинское; въ которомъ грузины всего 10,8 %***; который миллионами русскихъ народныхъ денегъ обращенъ былъ изъ дикаго пустыря въ цвѣтущую, культурную здравницу. Былъ поднятъ вопросъ и относительно Абхазіи, насильственно присоединенной къ Грузіи, но никакихъ требованій въ отношеніи ея предъявлено не было.

Гегечкори отъ имени грузинскаго правительства заявилъ категорически, что Сочинскій округъ не можетъ быть оставленъ Грузіей изъ-за опасеній насилій со стороны большевиковъ надъ грузинами, которыхъ тамъ якобы 22%... Мы возражали, что большевиковъ уже нѣтъ на побережьи, что силы Добровольческой арміи достаточно велики, чтобы охранить округъ, что нельзя такимъ одностороннимъ актомъ — волею грузинскаго правительства — отнимать русское достояніе только потому, что некому было заступиться за него...

Споръ принялъ страстный характеръ.

Гегечкори отрицалъ за Добровольческой арміей даже право защиты русскихъ интересовъ.. «На какомъ основаніи Добровольческая армія выступаетъ защитникомъ этого населенія?... Ни вы, ни мы (?) не имѣемъ права рѣшать судьбу какихъ бы то ни было округовъ, такъ какъ вы представляете не Россійское государство, каковое только и могло бы претендовать на это... Вѣдь Добровольческая армія — организація частная... При настоящемъ положеніи вещей Сочинскій округъ долженъ войти въ составъ Грузіи... Ему возражали, что разъ Грузія считаетъ себя независимой республикой, то пусть же не вмѣшивается въ чужія, русскія дѣла и предоставитъ намъ самимъ судить о нихъ, о томъ, «частная» ли организація Добровольческая армія или государственная; пусть предоставитъ и Абхазіи имѣть сужденіе о своей судьбѣ...

Насъ непріятно поразила уклончивая роль кубанскаго представителя Быча, который, какъ впоследствии оказалось, вошелъ тогда же въ тайное соглашеніе съ Гегечкори... Позднѣе, 11 ноября, Бычъ повѣдалъ на засѣданіи рады, что грузины не страшны Кубани, что они заявили о намѣреніи передать ей Сочинскій округъ по соглашенію съ кубанскимъ правительствомъ и что между Кубанью и Грузіей поэтому никакихъ недоразумѣній нѣтъ...

«Великая Кубань» и «Великая Грузія» нашли общій языкъ за счетъ интересовъ «Великой Россіи».

Эти пожеланія Быча не нашли, однако, поддержки въ революціонной демократіи. «Сочинскій объединенный совѣтъ социалистическихъ партій» рѣшилъ, что «хотя округъ экономически тяготеетъ къ Кубанской области, но присоединеніе его къ Кубани расширило бы сферу вліянія военной диктатуры», и поэтому постановилъ, чтобы: 1) «грузинское

* Засѣданіе Кисловодскаго совдепа. «Извѣстія» отъ 25 августа.

** См. главу VIII. Граница округа — рѣка Бзыбь.

*** Гегечкори исчислялъ 22 %.

правительство немедленно особым декретом оформило временное присоединение Сочинского округа к республике и 2) одновременно установило правильный товарооборот с Кубанской областью для обеспечения населения округа хлебом и другими продуктами первой необходимости*.

Итак, «свободы» — грузинская, а хлеб — русский.

Гегечкори в последнем слове своем после горячих дебатов повторил:

— Наше заявление остается в силе. Мы настаиваем на временном оставлении Сочинского округа в пределах Грузинской республики.

Он сказал «временном», отказавшись разъяснить существо этого понятия. И было свидетельством его, равно как и тайные обещания Бычу, живы. Ибо на карт, где грузинская республика обозначила свои «исторические границы», которая ее парижская делегация должна была отстаивать перед мирной конференцией, в состав «Великой Грузии» показан был и Сочинский округ до Туапсе.

Генералъ Алексѣевъ высказалъ сожалѣніе, что нетерпимость грузинъ не позволяетъ продолжать переговоры, и закрыть засѣданіе.

— Должно же быть чувство справедливости, чувство мѣры...

Ввиду несостоявшегося соглашения, я, не предпринимая никаких враждебных в отношении Грузии действий, закрыл однако границу для пропуска через нее грузов. Войска наши остановились южнее Туапсе. Во всей грузинской прессе, особенно официальной, началась безудержная травля Добровольческой армии, «мобилизующей свои силы на Кубани для объединения с силами открытой монархической реставрации, для беспощадной борьбы с демократией»**... Травля русского народа, для которого на страницах социалистических газет находились такие эпитеты, как «проклятый судьбою»...

Политика грузинского правительства была настолько непонятна, что вызвала на совещании вопрос:

— Не связаны ли вы в вашем решении кѣмъ либо?.. (Германией).

Гегечкори ответил:

— Мы связаны только своим собственным решением.

Действительно, уйдут кѣмцы, придут англичане, но отношение к России не изменится. Грузия не откажется также от захвата русской земли, не облетит его даже в какие либо псевдо-юридические формы, а заявит откровенно: Сочинский округ нам нужен как буфер между Россией и Абхазией, «Гагринские ворота» — как оборонноспособный рубеж против наступления «какой либо армии» с севера***.

Быть еще один мотив, обольщавший не раз всех могильщиков великодержавной России...

Официоз грузинского правительства, с.-д. газета «Борьба» доказывала в то время, что во всех случаях и при всех комбинациях дело восстановления России осуждено на полную неудачу и провал; даже в том случае, если сбудется лучшая перспектива, и «союзная демократия» построит свою попытку «на связи с (русской) демократией, Учредительным собранием, Уфой»...

Такъ начался нашъ отношенія съ Грузією, чреватая послѣдствіями и вызвавшія легенды о нетерпимости добровольческой политики, оттолкнувшей будто бы отъ себя Грузію — «естественнаго союзника» нашего въ борьбѣ съ большевиками...

Время срывает покровы с людей и событий, разрушает легенды.

* Постановление 18 сент. 18 г.

** «Борьба».

*** Протокол переговоров англ. ген. Бригса с членами груз. пр-ства в мае 1919 г.

Въ 21 году, когда окончилось самостоятельное существованіе Грузіи, Церетели, взывая къ «пролетаріату всего міра», чтобы онъ «заклеймилъ подобный актъ имперіализма» совѣтовъ, оправдывался противъ обвиненія въ посягательствѣ на совѣтскую власть*:

«...Грузія всегда была противницей всякаго вмѣшательства во внутреннія русскія дѣла. Она никогда не участвовала въ политическихъ выступленіяхъ, имѣвшихъ характеръ такого вмѣшательства. Она наотрѣзъ отказалась сотрудничать съ ген. Деникинымъ въ то время, когда Добровольческая армія была всего болѣе могущественна, и когда она искала союза съ Грузіей, угрожая ей войной въ случаѣ отказа»...

Враги Добровольческой арміи — они не признавали, что, подрывая ея бытіе, губятъ этимъ и свой народъ.

* «Воля Россіи» 21 года № 156. Письмо Церетели «по порученію с. д. партій и раб. проф. союзовъ Грузіи».

ГЛАВА XXXIV.

Событія на Дону осенью 1918 года: положеніе на фронтѣ; взаимоотношенія съ Добровольческой арміей; проектъ Доно-Кавказскаго союза; Донской Крутъ.

Продолжалась борьба съ большевиками и на Дону.

Въ началѣ августа противъ 54 тысячъ донцовъ* совѣтская власть имѣла вначалѣ 40, потомъ 66½ тысячъ штыковъ и сабель. Донская армія достигла почти всѣхъ рубежей войска на сѣверѣ, западѣ и югѣ; только на востокѣ въ Сальскихъ степяхъ большевики владѣли еще небольшою частью донской территоріи. Но административные рубежи области не имѣли никакого стратегическаго значенія и не были обороноспособны. Необходимо было поэтому продвинутся къ рубежамъ стратегическимъ, занявъ важнѣйшіе узлы дорогъ. Между тѣмъ, казаки не желали продвигаться дальше границъ своей области — «намъ чужого не надо» — рассчитывая, что большевики удовлетворятся такой ихъ «лояльностью». Заблужденіе — невзирая на неоднократные кровавые уроки, прочно владѣвшее казачествомъ и поддерживаемое большевицкой пропагандой: «дой войну, мы васъ не тронемъ»... Пришлось въ стратегію вмѣшаться Кругу**, который въ особомъ указѣ отъ 18 августа повелѣлъ донскому войску «для наилучшаго обезпеченія нашихъ границъ... выдвинутся за предѣлы области, занявъ города Царицынъ, Камышинъ, Балашовъ, Новохоперскъ и Калачъ въ районахъ Саратовской и Воронежской губерній».

Но подъ вліяніемъ настроеній фронта уже черезъ мѣсяцъ поколебалась и твердость Круга, найдя отраженіе въ закрытомъ засѣданіи 18 сентября.

Одно изъ окружныхъ совѣщаній внесло заявленіе: «казаки на фронтѣ ждутъ мира или поддержки. Всякое замедленіе поведетъ къ гибели казачества», а потому совѣщаніе задаетъ вопросъ: 1) на какую и когда поддержку можно рассчитывать и 2) возможно ли добиться путемъ переговоровъ прекращенія гражданской войны»...

Атаманъ отвѣтилъ, что дипломатическіе переговоры съ совѣтской властью ведутся черезъ дружественную Украину, и обѣщано содѣйствіе германскаго командованія... Что помогутъ добровольцы послѣ освобожденія Кубани... Что «ни о какой гибели рѣчи быть не можетъ, казачество накануне побѣды»... Но, «считаясь съ усталостью казаковъ на фронтѣ»..., на сѣверѣ приказано прекратить наступленіе... Войска отойдутъ за укрѣпленную линію («съ проволочными загражденіями») Богучаръ — Калачъ — Кантемировка, которую займетъ («русская») «Южная армія»... Такъ же будетъ устроено на сѣверо-востокѣ... Словомъ, «мы переходимъ къ оборонѣ, и она будетъ вестись главнымъ образомъ артиллеріей, пулеметами и ружейными батареями. Войска перейдутъ почти къ караульной службѣ»***...

Такими иллюзіями, стоявшими въ полномъ противорѣчій со стратегіей, психологіей и практикой гражданской войны и передающими всю инициативу въ руки противника, приходилось донскимъ генераламъ успокаивать утомленные нервы представителей

* Въ томъ числѣ 15 тысячъ «молодой арміи».

** Собрался въ августѣ См. ниже.

*** Изъ отчета о засѣданіи 18 сентября.

на Кругѣ и вонзовъ на фронтѣ. Въ этомъ отношеніи положеніе мое было неизмѣримо легче, чѣмъ атамана: Добровольческая армія, по крайней мѣрѣ основныя ея части, шла безпрекословно туда, куда я ее велъ.

Всю осень, тѣмъ не менѣе, на Донскомъ фронтѣ продолжались бои, временами съ большимъ напряженіемъ. На сѣверѣ донцы овладѣли городами Катачомъ и Павловскомъ. Въ половинѣ сентября большевики крупными силами перешли тамъ въ контрнаступленіе отъ ст. Таловой, но были разбиты ген. Гусельщikovымъ. Серьезныя недоразумѣнія между «главкомомъ» Подвойскимъ и однимъ изъ видныхъ красныхъ начальниковъ — Сиверсомъ подрывали положеніе Подвойскаго и повели къ прекращенію задуманной здѣсь наступательной операціи. Въ началѣ августа большевики повели наступленіе и отъ Царицына и отбѣснили ген. Мамонтова за Донъ. Но подтвержденный ирѣшкими частями — пѣхотной бригадой и конной дивизіей изъ состава молодой арміи, въ сентябрѣ Мамонтовъ вновь подошелъ къ самому Царицыну; въ началѣ октября царицынская «тройка» (Сталинъ — Мининъ — Ворошиловъ) посылала въ центръ отчаянныя телеграммы, считая положеніе города безнадежнымъ... Ихъ выручило, однако, прибытіе изъ Ставропольскаго района «стальной дивизіи» Жлобы. Жлоба, много разъ терпѣвшій неудачи въ бояхъ съ добровольцами и не ладившій съ Сѣверо-кавказскимъ командованіемъ, бросилъ тайно фронтъ и пошелъ къ Царицыну. «Реввоенсоветъ» «за преступное, самочинное, губительное для дѣла революціи оголеніе фронта» объявилъ Жлобу «виѣ закона», причемъ «каждый честный гражданинъ совѣтской республики обязанъ (быть) его разстрѣлять безъ промедленія»*. Но роль, сыгранная Жлобой подъ Царицыномъ, очевидно, примирила съ нимъ совѣтскую власть, такъ какъ имя его еще не разъ потомъ встрѣчалось въ оперативныхъ сводкахъ. Подъ угрозой охвата своего праваго фланга дивизіей Жлобы донцы вновь принуждены были отойти къ Дону.

Въ то время, какъ на фронтѣ Дона шла борьба съ перемежающимися приступами то высокаго подъема, то ослабленія воли къ сопротивленію, на Южномъ фронтѣ Красной арміи положеніе было многимъ хуже. Цѣлый рядъ военныхъ мятежей, отказовъ отъ исполненія боевыхъ приказаній, крупныхъ ссоръ между красными начальниками знаменуютъ этотъ періодъ операцій совѣтскихъ войскъ, не блещущій боевымъ вдохновеніемъ. Съ огромнымъ упорствомъ большевицкое командованіе стягивало, однако, на Донъ новыя войска за счетъ Украинскаго, «внутренняго» и даже Восточнаго фронтовъ. Въ концѣ октября, ко времени паденія Германіи, въ районѣ Поворино — Балашовъ сосредоточился сильный кулакъ изъ войскъ 9-й арміи Егорова, побудившій донское командованіе ослабить напряженіе въ Царицынскомъ и Воронежскомъ направленіяхъ и стягивать силы къ сѣверо-востоку области.

Поздняя осень и зима 18—19 года принесли съ собою новыя кровопролитныя сраженія, потребуютъ отъ Донскаго войска громаднаго напряженія силъ и новыхъ жертвъ...

Отношенія между добровольческимъ и донскимъ командованіями оставались попрежнему весьма тягостными. Они проявлялись въ повседневной жизни на каждомъ шагѣ и вносили первичный элементъ въ текущую работу. Точекъ же соприкосновенія въ этой, по существу общей, работѣ было слишкомъ много.

Продолжалось и расхожденіе политическое.

Въ послѣднихъ числахъ іюля Кубанскій атаманъ прислалъ мнѣ поступившую къ нему отъ ген. Краснова для подписанія декларацію Доно-Кавказскаго союза.

Текстъ ея гласилъ:

«Подъ тяжестью ударовъ судьбы, обрушившихся на нашу Родину, въ видахъ сохраненія своей независимости, благополучія и достоянія и общности интересовъ близкихъ по духу народовъ, населяющихъ Юго-востокъ, въ октябрѣ 1917 года мы провозгласили себя Юго-восточнымъ Союзомъ, пребывая въ увѣренности, что общими успѣхами Союзъ этотъ сумѣетъ противостоять наступающимъ темнымъ силамъ, поправившимъ всѣ Божескіе и человѣческіе законы.

* Приказъ отъ 19 сентябля № 6.

Начавшаяся борьба съ большевиками дала временный успѣхъ послѣднимъ.

Нынѣ Господь благословляетъ успѣхомъ наше оружіе: край нашъ ожилъ. Однако, имѣя въ виду, что для похода въ наши степи и горы готовятся новыя полчища п въ видахъ государственной необходимости, Атаманы: Всевеликаго Войска Донскаго, Войска Кубанскаго, Войска Астраханскаго, Войска Терскаго и Предсѣдатель Союза Горцевъ Сѣвернаго Кавказа, беря на себя всю полноту Верховной Государственной Власти, настоящимъ провозглашаютъ сувереннымъ Государствомъ Доно-Кавказскій Союзъ.

Объявляя объ этомъ, просимъ Васъ, Милостивый Государь, передать Вашему Правительству нижеслѣдующее:

1. Доно-Кавказскій Союзъ состоитъ изъ самостоятельно управляемыхъ государствъ: Всевеликаго Войска Донскаго, Кубанскаго Войска, Астраханскаго Войска и Союза Горцевъ Сѣвернаго Кавказа п Дагестана, соединенныхъ въ одно государство на началахъ федераціи.

2. Каждое изъ государствъ, составляющихъ Доно-Кавказскій Союзъ, управляется во внутреннихъ дѣлахъ своихъ согласно съ мѣстными законами на началахъ полной автономіи.

3. Законы Доно-Кавказскаго Союза раздѣляются на общіе для всего Союза п мѣстные, каковыя каждое государство имѣетъ свои.

4. Доно-Кавказскій Союзъ имѣетъ свой флагъ, свою печать п свой гимнъ.

5. Во главѣ Доно-Кавказскаго Союза стоитъ Верховный Совѣтъ: изъ Атановъ (или ихъ замѣстителей) Доискаго, Кубанскаго, Терскаго, Астраханскаго п главы Союза Горцевъ Сѣвернаго Кавказа п Дагестана, избирающихъ изъ своей среды Предсѣдателя, который п приводитъ въ исполненіе постановленія Верховнаго Совѣта.

6. При Верховномъ Совѣтѣ періодически собирается не менѣе раза въ годъ Сеймъ представителей отъ населенія государствъ, входящихъ въ Доно-Кавказскій Союзъ.

7. Сеймъ собирается распоряженіемъ Верховнаго Совѣта, объявленнымъ черезъ его Предсѣдателя, п вырабатываетъ обще-государственные законы, утверждаемые Верховнымъ Совѣтомъ.

8. Доно-Кавказскій Союзъ имѣетъ общую армию п флотъ. Командующій всѣми вооруженными силами Союза назначается Верховнымъ Совѣтомъ.

9. Доно-Кавказскій Союзъ имѣетъ слѣдующихъ общихъ министровъ, назначаемыхъ Верховнымъ Совѣтомъ:

Иностранныхъ дѣлъ
Военнаго и Морскаго
Финансовъ
Торговли п Промышленности
Путей Сообщенія
Почты п Телеграфа
Государственнаго Контролера п
Государственнаго Секретаря.

10. Временной резиденціей Правительства Доно-Кавказскаго Союза объявляется городъ Новочеркасскъ.

11. Доно-Кавказскій Союзъ имѣетъ общіе: монетную систему, кредитные билеты, почтовые п гербовыя марки, общіе тарифы: желѣзнодорожные, таможенные п портовые, а также почтовые п телеграфные.

12. Доно-Кавказскій Союзъ, провозглашая себя самостоятельной Державой, объявляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ находится въ состояніи нейтралитета п, не будучи въ состояніи войны съ какой либо Державой міра, борется лишь съ большевистскими войсками, находящимися на его территоріи.

13. Доно-Кавказскій Союзъ намѣревается п впредь поддерживать мирное отношеніе со всѣми Державами п не допускать вторженія на свою территорію никакихъ войскъ, хотя бы для этого пришлось отсталывать интересы свои п своихъ гражданъ вооруженной силой.

14. Доно-Кавказскій Союзъ настоящимъ изъявляетъ свое намѣреніе вступить въ торговыя п ныя сношенія съ Державами, которыя признаютъ его державныя права.

15. Границы Доно-Кавказскаго Союза очерчиваются на особой картѣ, причемъ въ составъ территоріи Союза входятъ Ставропольская п Черноморская губерніи, Сухумскій п Закатальскій округа п, по стратегическимъ соображеніямъ, южная часть Воронежской губерніи со станціей Лиска п городомъ Воронежомъ, а также часть Саратовской губерніи съ городами Камышиномъ п Царицыномъ п колоніа Сарепта.

16. Доно-Кавказскій Союзъ выражаетъ увѣренность, что народженіе его будетъ благопріятно принято всѣми Державами, заинтересованными въ его существованіи, п что онъ не замедлитъ прислать своихъ представителей, равно какъ п Союзъ не замедлитъ послать свои дипломатическія Миссіи къ признаннымъ его Державамъ.

Нѣкоторыя положенія этого акта являлись совершенно несомѣстимыми съ идеологіей Добровольческой арміи. Созданіе «сувереннаго государства» въ корнѣхъ противорѣчило идеѣ Единой Россіи... Созданіе вооруженныхъ силъ «Союза», имѣющихъ задачей «борьбу съ большевистскими войсками» лишь «на его территоріи», лишало всякаго смысла жертвы добровольцевъ, приносимыя во имя спасенія Россіи. Ген. Алексѣевъ, я, тысячи, тысячи офицеровъ, поступавшихъ сознательно въ армію, не могли относиться къ подобнымъ актамъ только какъ къ «политическимъ трюкамъ» или «ключкамъ бумаги»: практика новообразованій съ явнымъ превалпрованіемъ чсто областныхъ

интересовъ, до стремленія къ примиренію съ большевиками включительно, не вызвала въ этомъ отношеніи сомнѣній. Добровольческой арміи предстояло или стать орудіемъ сомнительной областной политики, творимой Радой, Кругомъ и прежде всего измѣнчивымъ настроеніемъ казачества, или оставить территорію «союза», распространившея съ надеждами на прочную политическую и военную базу, созданіе которой потребовало столько же усилій и жертвъ. Вѣришь — второе. Ибо первое было психологически невозможно ни для руководителей, ни для массы «русскихъ» добровольцевъ.

Исходя изъ этихъ положеній, я обратился съ письмомъ къ предѣдтелю донскаго правительства, ген. Богаевскому. Привожу текстъ письма со сдѣланными на немъ сбоку пометками атамана Краснова.

Милостивый Государь
Африканъ Петровичъ.

Образованіе въ октябрѣ 1917 года Юго-Восточнаго Союза въ дѣйствительности осталось только на бумагѣ.

Успѣхи большевиковъ, развалъ казачества на Дону и Кубани, а также возникшая борьба на Терекѣ — не дали возможности провести въ жизнь образованіе Юго-Восточнаго Союза.

Помѣтки атамана Краснова: Нынѣ обстоятельства вновь позволяютъ вернуться къ мысли создать прочный и сильный Союзъ, могущій предотвратить новыя испытанія.

Измѣненію обстановки Донъ и Кубань въ значительной степени обязаны Добровольческой арміи, при помощи которой изгоняются большевики и уничтожается власть черш.

«Армія нынѣ политич.» Добровольческая армія, имѣющая задачей возрожденіе единой великой Россіи, кровью своей сроднилась съ Дономъ и Кубанью и далѣе, передъ выполненіемъ своей основной, исторической задачи, она поможетъ и Тереку освободиться отъ большевиковъ.

При образованіи Юго-Восточнаго Союза въ октябрѣ 1917 года никто не имѣлъ никакихъ сепаратныхъ стремленій, и авторы идеи Союза считали, что образованіе Союза необходимо лишь временно, до возстановленія единой Россіи.

Составленная же нынѣ правительственная декларация Дово-Кавказскаго Союза вызываетъ самыя серьезныя возраженія:

«Это не вѣрно» 1. Прежде всего создается впечатлѣніе, что идетъ рѣчь о созданіи постоянной федеративной Державы, воплѣтѣ самостоятельной, на подобіе «самостійной» Украйны.

Авторы этой декларации какъ бы думали объ узаконеніи расчлененія Россіи, а не объ ея объединеніи.

«Причемъ тутъ Добровольческая армія.» 2. Совершенно игнорируется Добровольческая армія, которая помогла Дону и Кубани въ борьбѣ съ большевиками.

Даже больше: пунктъ XIII даетъ право думать, что и Добровольческая армія, находящаяся на территоріи Союза, можетъ быть признана враждебной.

3. Включеніе въ составъ Дово-Кавказскаго Союза Ставропольской губерніи, въ которой уже введено управленіе распоряженіемъ командующаго Добровольческой арміей, безъ особаго представителя отъ губерніи является недопустимымъ.

Эта губернія можетъ быть включена въ Союзъ лишь какъ полуправный членъ Союза, такъ какъ и по размѣрамъ, и по значенію она является значительной, и интересы ея и Добровольческой арміи должны быть вполне обезпечены особымъ представителемъ ея въ Верховномъ Совѣтѣ.

«Согласенъ» 4. Пунктъ IV устанавливаетъ особый флагъ Державы, въ то время, когда врядъ ли допустимо имѣть какой либо другой флагъ помимо родного русскаго.

5. Декларация не можетъ включать въ себѣ такіе пункты, какъ XII, XIII и XIV, которые связываютъ дальнѣйшую политику Державы, веденіе каковой возлагается на Верховный Совѣтъ.

«Ничего подобнаго» 6. Пунктъ XV особенно подчеркиваетъ стремленіе къ «самостійности» и къ дальнѣйшему расчлененію Россіи.

Вслѣдствіе всего изложеннаго, не возражая противъ пользы образованія Дово-Кавказскаго Союза, считаю необходимымъ:

«Само собой разумеется» 1. Определенно указать, что Союзъ образуется временно — впредь до воссозданія Россіи.

«Можно» 2. Включить въ составъ проектируемаго Верховнаго Совѣта представителя Добровольческой арміи и военнаго генералъ-губернатора Ставропольской губерніи.

«Никогда» 3. Командующими всѣми вооруженными силами Союза назначить командующаго Добровольческой арміей.

«Совершенно вѣрно, но причемъ тутъ Добровольческая армія.» 4. Окончательная редакция декларации должна быть выработана послѣ созыва большаго круга на Донъ и рады на Кубани, при участіи представителя Добровольческой арміи, итпорировать которую недопустимо.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности

Деникинъ.

Мои положенія имѣли цѣлью: вхожденіемъ въ «Верховный Совѣтъ» представителя Добровольческой арміи, которымъ мыслилось такое авторитетное лицо, какъ ген. Алексѣевъ, создать гарантіи общерусскаго направленія политики «союза»; путемъ объединенія вооруженныхъ силъ въ лицѣ командующаго Добровольческой арміей — направить вооруженную борьбу въ русло общегосударственныхъ задачъ. Въ отвѣтъ мы получили игнорированіе участія арміи, какъ государственно-правового фактора въ созданіи «конституціи» союза и полный отказъ отъ объединенія командованія. Такъ какъ кубанское правительство въ свою очередь не сочувствовало проекту по другимъ мотивамъ — для него опаснымъ и неприемлемымъ было принятіе на себя «всей полноты верховной власти» атаманами — то и на этотъ разъ «Союзъ» остался только однимъ изъ многихъ бумажныхъ проектовъ.

Тѣмъ не менѣе, необходимость объединенія сказывалась во всѣхъ областяхъ жизни все съ большею настойчивостью. Финансовый вопросъ, напримѣръ, запутывался до чрезвычайности. Донская область имѣла свою экспедицію заготовленія денежныхъ знаковъ, которыми пользовался въ незначительной мѣрѣ Кубань и Добровольческая армія. Необходимо было или объединить эмиссію или выпускать каждому свои знаки, къ чему стремилась Кубань и что, обезцѣнивъ и донскіе, и наши знаки, создало бы полный хаосъ въ денежномъ оборотѣ небольшой освобожденной территоріи.

Ген. Алексѣевъ обратился къ Донскому и Кубанскому атаманамъ съ приглашеніемъ прислать своихъ представителей въ комиссію ген. Лукомскаго для разрѣшенія при участіи пзвѣстныхъ русскихъ финансовыхъ дѣятелей финансовой проблемы вообще и въ частности вопроса объ единой монетной системѣ. Къ нашему удивленію ген. Красновъ отвѣтилъ не только согласіемъ, но и болѣе широкимъ контръ-предложеніемъ:

«Я бы пошелъ дальше — писалъ онъ. — Полное объединеніе Дона и Кубани, связанныхъ общими интересами, послужило бы къ началу возсозданія единой, недѣлимой Россіи... Настало время создавать общихъ министровъ финансовъ, путей сообщенія, продовольствія, юстиціи; а впоследствии, когда яенѣ станетъ общая полтика и менѣе разбросанъ фронтъ, — то и министра иностранныхъ дѣлъ, военнаго, морского... (и т. д.) полагалъ бы имѣть общихъ по соглашенію между Вашимъ Высокопревосходительствомъ, Атаманомъ Кубанскаго войска и мною»*.

Это письмо произвело на ген. Алексѣева впечатлѣніе полной перемѣны курса донской политики; онъ приказалъ размножить и спѣшно разослать его мнѣ, Лукомскому, въ комиссію.

Опять — «ключокъ бумаги», можетъ быть, предвыборный пріемъ... — черезъ недѣлю предстояли перевыборы донскаго атамана... Оказалось, что донскіе представители, собравшіеся черезъ нѣсколько дней въ финансовой комиссіи, вовсе не желали отказываться отъ исключительнаго эмиссіоннаго права Дона и не приняли никакого, даже принципиальнаго рѣшенія подъ предлогомъ, что этотъ вопросъ подлежитъ компетенціи Круга и Рады...

На собиравшійся Донской Кругъ вообще возлагалось много надеждъ и ожиданій не однимъ только Дономъ. Кругъ долженъ былъ указать общее направленіе политики для старшаго и наиболѣе сильнаго численно казачьяго войска, дававшего тонъ другимъ.

Не малый интересъ представлялъ поэтому и атаманскій вопросъ. Оппозиція атаману была сильна интеллектуально и работала нерѣдко пріемами, подрывавшими идею донской власти. Тѣмъ болѣе, что политическая борьба переносилась на фронтъ: въ силу почти поголовнаго участія мужскаго населенія въ войнѣ, законъ предоставлялъ выборныя права частямъ. Начались митинги, агитація, разгорѣлись политическія страсти, въ особенности на окружныхъ совѣщаніяхъ, отражаясь затѣмъ броженіемъ въ войскахъ на фронтѣ. Атаманъ энергично расправлялся съ оппозиціей. Болѣе видные представители ея тѣмъ или другимъ путемъ были обезврежены. Такъ, бывшій походный атаманъ ген. Поповъ устраненъ отъ дѣятельности; генералы Семилѣтовъ, Сидоринъ, полк. Гушинъ обезчещены атаманскимъ приказомъ и оставили службу; к.-д. Н. Е. Пармоновъ арестованъ нѣмцами и высланъ на Украину. Высланъ былъ также Красно-

* Письмо ген. Краснова ген. Алексѣеву 3 сент. 18 года № 679.

вымъ съ Дона представитель «россійской оппозиціи» М. В. Родзико въ качествѣ... «гражданина Демократической совѣтской республики»... Любили на Дону красныя словца. Самъ кандидатъ оппозиціи на постъ донскаго атамана — пользовавшійся репутаціей человека либеральныхъ взглядовъ, противника пѣмцевъ и друга Добровольческой арміи — ген. А. Богаевскій состоялъ предѣдителемъ правительства, и его безупречная лояльность гарантировала атаману, что въ этой должности онъ будетъ безонасѣбъ, чѣмъ на сторонѣ.

Кругъ собрался 15 августа, и уже самымъ фактомъ избранія своимъ предѣтелемъ В. А. Харламова — лидера оппозиціи — показало, что довѣріе къ атаману не безусловно... Борьба продолжалась и на Кругѣ всевозможными приемами, не разъ чисто демагогическими. Атаманскіе выборы затягивались оппозиціей; судьба ихъ долго колебалась и въ серединѣ сентября была окончательно разрѣшена при взаимодействіи трехъ разнородныхъ факторовъ: давленія германцевъ, лояльности Добровольческаго командованія и отказа отъ баллотировки ген. Богаевского.

Еще 4 сентября майоръ фонъ-Кюфенгаузенъ писалъ ген. Краснову о враждебности къ пѣмцамъ ген. Богаевского и объ его, якобы, интригахъ противъ атамана: «...Высшее германское командованіе проситъ Васъ потребовать немедленнаго выбора атамана которымъ несомнѣнно будете Вы, Ваше Превосходительство (судя по всему тому, что намъ извѣстно)... Отсрочка выборовъ атамана даетъ возможность агитировать враждебнымъ пѣмцамъ элементамъ и я боюсь, что высшее командованіе сдѣлаетъ свои выводы и прекратитъ снабженіе оружіемъ»... Въ день избранія атамана на совѣщаніе президіума и старѣйшинъ явился командующій арміей ген. Денисовъ и принесъ телеграмму, адресованную на его имя майоромъ фонъ-Кюфенгаузенемъ:

«По порученію высшаго германскаго командованія имѣю честь сообщить Вамъ слѣдующее: происшедшее за послѣдніе дни показываетъ, что на Кругѣ имѣется стремленіе ограничить власть Атамана. Въ виду чего предвидится опасность, что будетъ образовано правительство со слабою властью, которая не сможетъ въ достаточной мѣрѣ противостоять многочисленнымъ внутреннимъ и внѣшнимъ врагамъ Донскаго Государства.

Такъ какъ съ другой стороны высшее командованіе можетъ находится въ хорошихъ отношеніяхъ только съ такимъ Государствомъ, которое по конструкціи своего правительства дастъ увѣренность быть сильнымъ и защитить свою свободу, оно (высшее германское командованіе) видитъ себя вынужденнымъ, до тѣхъ поръ, пока это обстоятельство является сомнительнымъ, временно воздержаться отъ всякой поддержки оружіемъ и снарядами. Примѣненіе этого рѣшенія продолжится до тѣхъ поръ, пока не будетъ выбранъ Атаманъ, въ которомъ высшее германское командованіе будетъ увѣрено, что онъ поведетъ политику Донскаго Государства въ направленіи, дружественномъ Германіи, и который будетъ облеченъ Кругомъ полною властью, необходимой для настоящаго серьезнаго момента.

Я прошу Ваше Превосходительство сообщить объ этомъ еще сегодня же Его Высокопревосходительству Донскому Атаману, къ которому высшее германское командованіе питаетъ самое полное довѣріе, а также сообщить г. Предсѣдателью Совѣта Министровъ ген.-лейт. Богаевскому.

Подпись:

фонъ-Кюфенгаузенъ,
генеральнаго штаба майоръ.»

Денисовъ, говорится въ отчетѣ, прибавилъ, что «придется совершенно прервать всякія сношенія съ Добрарміей», но «это предложеніе не встрѣтило сочувствія»*...

Добровольческое командованіе, которое ген. Красновъ считалъ злѣйшимъ своимъ врагомъ и опорой оппозиціи, активнаго участія въ борьбѣ донцовъ за атаманскій перначъ не принимало. Въ привѣтственной рѣчи, произнесенной на Кругѣ ген. Лукомскимъ, не было сказано ни слова о нашихъ треніяхъ съ атаманомъ. Лукомскій выразилъ «глубокую увѣренность арміи въ томъ, что все слухи о какихъ то антирусскихъ и сепаратныхъ стремленіяхъ отдѣльныхъ лицъ и группъ на Дону являются злобной клеветой»... Онъ говорилъ еще объ «объединеніи въ общей работѣ по возсозданію единой Великой Россіи и единой могучей русской арміи»... Секретный наказъ, данный мною

* Отчетъ отъ 15 сентября № 16.

ген. Лукомскому*, «въ вопросѣ о конструкціи власти на Дону при тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ коихъ находится нынѣ область», требовалъ придерживаться слѣдующихъ положеній:

«1. Единая твердая власть, не связанная никакими коллегіями, необходима.

2. Кругъ долженъ обязать будущаго атамана къ прямому, честному и въполнѣ доброжелательному отношенію къ Добровольческой арміи.

3. Расколъ среди политическихъ партій на Дону, новыя потрясенія, подрывъ и умаленіе атаманской власти совершенно не желательны.

Поэтому, если оппозиція не имѣетъ прочной почвы подъ погами и сильныхъ кандидатовъ и считать нужнымъ поддержать кандидатуру ген. Краснова, возраженій со стороны Добровольческой арміи не будетъ, при соблюденіи пункта 2-го.

4. Такъ какъ личная политика генерала Краснова совершенно не соотвѣтствуетъ позиціи, занятой Добровольческой арміей, то активной поддержки (напримѣръ, публичное выступленіе съ соотвѣтствующей рѣчью, офиціозный разговоръ и т. под.) оказывать отнюдь не слѣдуетъ.

Изложенное въ пунктѣ 3-мъ надлежитъ сообщить довѣрительно отдѣльнымъ виднымъ представителямъ оппозиціи.

5. Выдѣленіе отдѣльныхъ частей Добровольческой арміи на Царицынскій фронтъ пользы не принесетъ, а среди разпорядныхъ элементовъ донскихъ ополченій, астраханскихъ организацій — могло бы вызвать чреватые послѣдствія. На Дону остались неиспользованными части новой донской арміи; длительность ихъ подготовки значительно больше, чѣмъ мобилизованныхъ Добровольческой арміи.

Во всякомъ случаѣ Добровольческая армія, какъ только справится со своей задачей на Кубани, будетъ двинута безотлагательно на Царицынъ и поможетъ въ полной мѣрѣ Дону. При этомъ обязательно подчиненіе дѣйствующихъ на этомъ фронтѣ донскихъ частей командованію Добровольческой арміи.

Незаконченность работы здѣсь** подорвала бы въ корнѣ моральное значеніе Добровольческой арміи и привела бы опять къ «исходному положенію», т. е. окруженію всѣхъ границъ Дона большевиками.»

Генераль Алексѣевъ по поводу производства Кругомъ атамана Краснова въ генералы отъ кавалеріи послалъ ему телеграмму, поздравивъ въ сердечныхъ выраженіяхъ съ производствомъ, «являющимся достойной оцѣнкой (его) самоотверженныхъ, неунышныхъ трудовъ по созданію молодой Донецкой арміи»...

На Кругу, между тѣмъ, все болѣе нарастало напряженное настроеніе... «Генераль Богаевскій — докладывалъ нашъ представитель въ Новочеркасскѣ, допущенный къ присутствію во всѣхъ засѣданіяхъ Круга, даже закрытыхъ, — несомнѣнно пользовался большими симпатіями Круга и, если бы баллотировался, то прошелъ бы лучше Краснова. Но было ли бы это лучше для Дона, сказать не могу: онъ слишкомъ мягкій человѣкъ и врядъ ли ему удалось бы справиться»... Наконецъ, на засѣданіи 11 сентября вопросъ разрѣшился: ген. Богаевскій потребовалъ слова и заявилъ о своемъ категорическомъ отказѣ баллотироваться въ атаманы. Онъ говорилъ искренно и задушевно о серьезности момента, о недопустимости ломки въ направленіи государственныхъ дѣлъ, непозбѣжной при избраніи новаго лица на постъ атамана, о внѣшней политикѣ, которой «Донъ прижать къ стѣнѣ»... «Я не хочу мѣшать счастью Дона, служить препятствіемъ къ скорѣйшему освобожденію его... не хочу быть виновникомъ пролитія хотя бы одной лишней капли крови казака»...

Атаманомъ былъ переизбранъ ген. Красновъ.

Въ числѣ вопросовъ, разрѣшенныхъ Кругомъ, было два особой важности; «въ тяжелое время напряженной войны казачества за свое существованіе, за свои права и вольности» Кругъ, утвердивъ основные законы, предоставилъ Донскому атаману «въ полномъ объемѣ власть управленія военнаго и гражданскаго и власть законодательства во время отсутствія Круга»***... Это была большая побѣда ген. Краснова. Кругъ принялъ также законъ «объ отчужденіи въ войсковой земельный фондъ всѣхъ частновладѣльческихъ земель съ ихъ нѣдрами и лѣсами... для удовлетворенія малоземельныхъ казаковъ и коренныхъ крестьянъ»¹. Это была побѣда оппозиціи.

* Отъ 22 августа.

** На Кубани.

*** Указъ 15 сентября 18 года.

¹ Вознагражденіе было установлено только за земли.

Свое отношеніе къ виѣшней политикѣ атамана Кругъ высказалъ въ словахъ сдержанныхъ и осторожныхъ: «одобрить общее въ отношеніи центральныхъ державъ направленіе политики правительства, основанной на принципѣ взаимнаго и равноправнаго удовлетворенія обѣихъ сторонъ въ практическихъ вопросахъ, выдвигаемыхъ жизнью, безъ вовлеченія Дона въ борьбу ни за, ни противъ Германіи... Къ вопросу объ «Юго-восточномъ Союзѣ» Кругъ отнесся довольно равнодушно, но призналъ все же принципиально необходимость его возстановленія и пересмотра союзнаго договора. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кругъ высказалъ Добровольческой арміи «горячую любовь и некрепкое желаніе не словами, а дѣломъ служить (ей) въ (ей) тяжелой святой работѣ»*

Хотя, такимъ образомъ, конкретно взаимоотношенія между Донскимъ атаманомъ и Добровольческимъ командованіемъ установлены не были, но «общее отношеніе Круга къ Добровольческой арміи — какъ доноситъ нашъ представитель — было въ высшей степени благожелательное. Это много разъ высказывалось... А въ частныхъ бесѣдахъ многіе и до сего времени продолжаютъ смотрѣть на армію, какъ на спасителей Дона, а потомъ и Россіи... Въ составѣ правительства (также) очень много сторонниковъ арміи». «Теперь — резюмировать докладчикъ свои впечатлѣнія — съ громадными измѣненіями виѣшней обстановки, и атаманъ Красновъ долженъ измѣнить свой курсъ въ отношеніи Добровольческой арміи».

* См. Гл. XVI.

ГЛАВА XXXV.

Вопросъ о всероссійской власти. Отношеніе къ нему русской общественности и политическихъ группъ. Позиція вел. князя Николая Николаевича. Уфимская директорія. Взаимоотношенія командованія Добровольческой арміи съ директоріей.

Вопросъ о всероссійской власти занималъ всё политическія группировки. Какъ существо, такъ и пути пришествія власти представлялись въ крайне разнообразныхъ формахъ.

Правый Центръ, какъ мы знаемъ, ставилъ своей задачей возстановленіе монархіи и династїи, не останавливаясь, однако, окончательно на личности вѣнценосца. Путь къ разрѣшенію этой задачи Центръ видѣлъ въ слѣдующемъ*:

Въ результатъ вооруженной борьбы съ большевиками и мѣстныхъ возстаній, во главѣ войскъ и гражданскаго управленія силою вещей стануть военачальники въ рангѣ «главноначальствующихъ». Эти лица «не должны задаваться цѣлями государственнаго строительства»... Единственная ихъ задача — «это очищеніе подчиненной имъ мѣстности отъ остатковъ совѣтской власти, прекращеніе гражданской войны и классовой борьбы, недопущеніе къ власти или участію въ управленіи социалистическихъ элементовъ, хотя бы самаго праваго толка, водвореніе порядка и возстановленіе дѣятельности желѣзныхъ дорогъ, телефоновъ и телеграфовъ». Вначалѣ «главноначальствующие естественно будутъ самостоятельными, засимъ ихъ дѣятельность должна быть объединена: «въ мѣстностяхъ, находящихся на пути слѣдованія съ юга Добровольческихъ армій, объединяющимъ лицомъ явится Главнокомандующій этими арміями... Сѣверныя же области, по мѣрѣ возстановленія связи, должны быть подчинены главноначальствующему г. Москвы и Московской губерніи»... Послѣ этого появляется «Правитель Государства и Совѣтъ Министровъ», задача которыхъ въ первое «переходное время» сводится «главнымъ образомъ къ расчисткѣ пути для проведенія въ будущемъ органическихъ реформъ»...

Правый Центръ понемногу распадался и терялъ всякое политическое значеніе. Значительная часть его членовъ оставила совѣтскую Россію и перѣехала въ Кіевъ, гдѣ вошла въ составъ мѣстныхъ организацій и въ большемъ числѣ въ образовавшееся тамъ «Совѣщаніе членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта». Эта новая организація явилась, такимъ образомъ, духовной преемницей Праваго Центра, воспринявшей и его германофильство, и политическую идеологию, умѣрявшуюся, впрочемъ, до октября (переизбраніе президіума) участіемъ Миллюкова и его единомышленниковъ. Къ осени, сообразно съ новыми факторами — надвигавшимся кризисомъ Германіи и создавшейся въ процессъ борьбы съ большевизмомъ новой «политической картой Россіи», пути къ созданію конституціонной монархіи, которая признавалась Совѣщаніемъ наилучшей формой правленія, намѣтились уже нѣкоторые**: 1) «объединеніе подъ однимъ знаменемъ какъ Добровольческой арміи, такъ и всѣхъ отдѣльных... правительствъ въ

* Записка отъ 1-го іюля 18 года.

** Паказъ «уполномоченнымъ Совѣщанія», отправлявшимся въ Добровольческую армію.

цѣляхъ созданія одной общей мощной военной силы, имѣющей цѣлью сверженіе большевиковъ и образованіе взамѣнъ ихъ русской государственной власти (при условіи предоставленія отдѣльнымъ областямъ широкой автономіи); и 2) созданіе объединеннаго органа сильныхъ общественныхъ группъ, состоящаго какъ изъ представителей учреждений, отражающихъ зрѣлую политическую мысль страны, каковыми являются бывшія законодательныя палаты, земскія и городскія самоуправленія дореволюціоннаго избранія, такъ и представителей важнѣйшихъ отраслей народнаго труда, какъ то земледѣлія и земледѣлія, промышленности, торговли, финансовъ»...

Партія соц.-рев., какъ мы видѣли, верховной властью считала Комитетъ членовъ Учредительнаго собранія, самарскій эмбрионъ котораго посылалъ своихъ «намѣтниковъ» — комиссаровъ на мѣста.

Пути «Національнаго Центра» и «Союза Возрожденія» по началу сошлись. Обѣ организаціи считали необходимымъ за предѣлами Восточнаго фронта впрядь до созыва новаго Учредительнаго собранія организовать всероссійское правительство — по существу диктатуру, по формѣ трехчленную директорію. Въ отношеніи персональных назначеній стороны до конца не договорились: Національный Центръ настаивалъ на «возглавленіи» директоріи верховнымъ руководителемъ Добровольческой арміи ген. Алексѣевымъ; Союзъ Возрожденія обходилъ этотъ вопросъ уклончиво... Для переговоровъ съ новообразованіями и окончательнаго рѣшенія вопроса обѣ стороны избрали изъ своей среды по три члена и командировали ихъ на Сѣверъ, Югъ, за Волгу и въ Сибирь.

Въ переходный періодъ борьбы за возсозданіе государства директорія по мысли Союза Возрожденія «должна была опираться на возстановливаемые ею въ районѣ ея дѣйствій демократическіе органы мѣстнаго самоуправления».

*

Всѣ правыя группировки, выдвигая идею о временномъ «Правителѣ Государства», диктаторѣ, Верховномъ главнокомандующемъ, съ этими понятіями связывали имя вел. кн. Николая Николаевича.

Вел. кн. жилъ тогда въ имѣніи своего брата вел. кн. Петра Николаевича — «Дюльберѣ». Жилъ крайне замкнуто, не принимая многочисленныхъ представителей политическихъ партій, искавшихъ свиданія съ нимъ. Выбѣтъ съ тѣмъ онъ рѣзко отклонилъ всякое общеніе съ нѣмецкими властями оккупированнаго Крыма.

Въ Добровольческой арміи идея привлеченія вел. кн. къ активной дѣятельности впервые проявилась реально въ концѣ мая 1918 года. Въ Мечетинскую станицу, гдѣ стояла тогда армія, пріѣхали два офицера и отъ имени якобы нѣкой тайной организаціи, не имѣвшей, конечно, никакой связи съ великимъ княземъ, начали вербовать въ нее офицеровъ. Отъ поступающаго требовалось только признаніе верховнаго главенства Николая Николаевича и выступленіе, когда имъ будетъ указано. Новому члену организаціи выдавался картонный знакъ съ номеромъ и инициалами великаго князя.

Узнавъ объ этомъ, я приказалъ отыскать этихъ офицеровъ и представить ихъ мнѣ. Оказалось, что они выѣхали въ Егорлыкскую, въ дивизію Дроздовскаго. Запросилъ Дроздовскаго, который отвѣтилъ, что офицеры уѣхали въ Ростовъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Тогда же, въ концѣ іюня, на Дону появился кн. П. М. Волконскій. Послѣ бесѣды съ нимъ ген. Алексѣевъ писалъ мнѣ изъ Новочеркасска*:

«На дняхъ я бесѣдовалъ съ кн. Волконскимъ, человѣкомъ, видимо, близкимъ и приближеннымъ вел. князю. По его словамъ Николай Николаевичъ никакого желанія идти на арену политической жизни не имѣетъ, но его угнетаетъ мысль, что онъ посылкой своей телеграммы о необходимости отреченія способствовалъ гибели монархіи, разрушенію Россіи и хотѣлъ бы, чтобы загладить свой шагъ, принять участіе въ боевой работѣ. Это можетъ привести къ присоединенію къ намъ вел. князя, если не отклонить пріѣзда. Время на все имѣется»...

* 30 іюня № 65.

Въ августѣ кн. Волконскій былъ въ Екатеринодарѣ и видѣлся вновь съ ген. Алексѣевымъ и со мною. Ген. Алексѣевъ со словъ кн. Волконскаго передавалъ мнѣ, что вел. князь Николай Николаевичъ выражаетъ неудовольствіе, что до сихъ поръ не получаетъ приглашенія отъ командованія Добровольческой арміи стать во главѣ движенія, тогда какъ это является желаніемъ всей арміи... М. В. былъ весьма озабоченъ такой постановкой вопроса, ввиду тѣхъ настроеній, которыя существовали въ занятомъ краѣ, въ казачествѣ и въ особенности на Кубани. Со мною кн. Волконскій бесѣдовалъ объ опасности пребыванія вел. князя въ Крыму и о возможности для него избавиться отъ нѣмецкой опеки путемъ тайнаго переѣзда на территорію Добровольческой арміи; я отвѣтилъ, что въ случаѣ нужды будетъ оказано всемѣрное содѣйствіе.

Пронесходило какое то большое недоразумѣіе.

Я не знаю, что говорили кн. Волконскому ген. Алексѣевъ, но впоследствии къ моему удивленію оказалось, что того, кого мы считали «посломъ Дюльбера», въ Дюльберѣ сочли посломъ... ген. Алексѣева. Кн. Волконскій въ качествѣ такового просилъ пріема, но «вел. кн., рѣшившій лично не принимать никого, кто являлся къ нему съ какимъ либо политическимъ предложеніемъ, не сдѣлалъ исключенія и въ этомъ случаѣ». Освѣдомленіе произошло черезъ третьихъ лицъ и заключалось въ слѣдующемъ: кн. Волконскій отъ имени ген. Алексѣева довелъ до свѣдѣнія вел. князя, что «Добровольческая армія мечтаетъ, чтобы въ извѣстную минуту онъ сталъ во главѣ ея и что ген. Алексѣевъ запрашиваетъ его принципиальнаго согласія съ тѣмъ, чтобы оповѣститъ (вел. князя), когда такая минута настанетъ». Мы получили изъ авторитетнаго источника сообщеніе*, не заставшее уже въ живыхъ М. В. и установившее, что инициатива переговоровъ не исходила вовсе отъ вел. князя, а являлась лишь отвѣтомъ на предложеніе, сформулированное кн. Волконскимъ; сообщеніе — свидѣтельствовавшее о личной незаинтересованности великаго князя и о большомъ политическомъ тактѣ его. «Великій князь полагаетъ — шпали намъ — что ему можно будетъ принять въ свое время приглашеніе Добровольческой арміи при условіяхъ, которыя аннулировали бы претенціозныя заявленія кн. Львова о «волѣ народа**». Для спокойствія его совѣсти нужно было бы, кромѣ обращенія Добровольческой арміи, которую онъ цѣнитъ по заслугамъ, чтобы оно было подкрѣплено соотвѣствующимъ, возможно болѣе всѣмъ обращеніемъ общественности. Великій князь стоитъ въ сторонѣ (отъ всѣхъ политическихъ группъ). Если обстоятельства сложатся такъ, что его личность можетъ послужить дѣлу объединенія, онъ пойдетъ на это... Онъ совершенно одинаково, какъ и Добровольческая армія, оцѣниваетъ первоочередную задачу, которая состоитъ не въ рѣшеніи коренныхъ вопросовъ государственнаго устройства, а въ объединеніи Россіи и водвореніи въ ней того элементарнаго порядка и мира, когда народъ въ состояніи будетъ самъ рѣшать свое устройство. Онъ говоритъ, что если бы ему пришлось активно выступить въ той или другой формѣ, то онъ именно такъ и понималъ бы свою задачу, выполнивъ которую, отошелъ бы»...

Еще до полученія этого отвѣта, въ началѣ сентября, въ Екатеринодарѣ распространились упорные слухи, что, уступивъ многократнымъ просьбамъ руководителей правыхъ партій, встрѣчавшихъ до той поры категорическій отказъ, великій князь согласился стать во главѣ Южной и Астраханской армій. Это свѣдѣніе, пеходившее главнымъ образомъ изъ круговъ, возглавлявшихъ Южную армію, встревожило ген. Алексѣева и екатеринодарскихъ общественныхъ дѣятелей. За подписью М. Родзянко, В. Шульгина и Н. Львова было послано великому князю письмо, предостерегающее его отъ этого шага. Одновременно ген. Алексѣевъ, присоединяясь къ ихъ освѣщенію политическихъ сторонъ вопроса, считъ нужнымъ «освѣтить военно-политическую и военную сторону дѣла***. Онъ писалъ великому князю:

* Отъ 27-го сентября.

** Въ письмѣ предсѣдателя Временнаго Правительства кн. Львова вел. кн. Николаю Николаевичу о необходимости оставить постъ Верховнаго главнокомандующаго говорилось: «народное мнѣніе рѣшительно и настойчиво высказывается противъ занятія членами дома Романовыхъ какихъ либо государственныхъ должностей».

*** Письмо ген. Алексѣева къ я. к. Н. Н., отправленное 15 сентября.

«Десять мѣсяцевъ существуетъ Добровольческая армія въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ обстаноки. На ея глазахъ развалились Донское и Кубанское казачьи войска, охваченныя большевизмомъ. Мы видѣли постепенное оздоровленіе особенно кубанцевъ, хотя нельзя сказать, что и въ настоящую минуту казачье населеніе стало вполне прочнымъ и надежнымъ орудіемъ борьбы съ большевизмомъ. Мы пережили тяжелую минуту опыта, приобрѣли его дорогой цѣною и не имѣемъ права закрывать глаза на этотъ опытъ и его показанія.

Мы пережили нѣсколько минутъ, когда полное изсякновение средствъ, казалось, ставило предъ нами даѣннѣшему существованію и дѣятельности, но Богъ и добрые люди шли къ намъ на помощь и армія нищая, ничего не имѣвшая, выросла съ 400 человекъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ, въ прочный корпусъ. Мы являемся учрежденіемъ Русско-Государственнымъ, существующимъ на русскія деньги. Помощь, полученная нами отъ союзниковъ, настолько пока ничтожна, что не можетъ измѣнить этого основного положенія.

Но поставленные въ сильную зависимость отъ казачьихъ территорій, на которыхъ мы работаемъ, мы не можемъ проявлять торопливости въ заключеніи политическихъ лозуговъ, ибо это послужило бы во вредъ дѣлу. Мѣстное населеніе далеко не готово къ воспріятію идеи монархіи. Болѣзненный микробъ федераціи еще бродитъ среди населенія. Вотъ почему съ безкопечною осторожностью и углублемъ нужно подходить къ постановкѣ каждаго новаго вопроса.

Между тѣмъ, Добровольческая армія является для нѣмецкаго командованія совершенно нежелательнымъ явленіемъ. Оно три раза пыталось заставить меня войти съ ними въ непосредственныя переговоры. Ни я, ни генералъ Деникинъ не пошли на это въ глубокомъ убѣжденіи, что это внесло бы извѣстный духовный развалъ въ среду нашихъ войскъ.

Тогда нѣмцы повели работу по другой системѣ: съ одной стороны, въ особенности въ Кіевѣ, ведется злостная агитація противъ Добровольческой арміи и ея вождей, преимущественно русскими генеральскими руками, съ другой стороны, лихорадочно приступаютъ къ формированію особыхъ, такъ называемыхъ монархическихъ армій на нѣмецкія деньги и по нѣмецкой программѣ. Такъ нарождалась Астраханская армія; но перехваченная нѣмцами телеграмма князя Тудутова ко мнѣ указала, повидимому, нѣмцамъ, что Астраханская армія особаго довѣрія къ себѣ не заслуживаетъ*; интересъ къ этой арміи у нѣмцевъ сразу охладѣлъ и, вѣроятно, новыя ассигновки, денежныя и матеріальныя, болѣе не послѣдуютъ.

Но нѣмцы съ увлеченіемъ ухватились за созданіе такъ называемой Южной Добровольческой арміи, руководимой нашими аристократическими головами, и такъ называемой Народной арміи въ Воронежской губерніи, гдѣ во главѣ формированія поставленъ полковникъ Мамакинъ, социаль-революціонеръ**. На эти формированія не будутъ жалѣть ни денегъ, ни матеріальныхъ средствъ. Во главѣ Южной арміи, а быть можетъ и всѣхъ формированій, предположено поставить графа Келлера. При всѣхъ высокихъ качествахъ этого генерала за нимъ не хватаетъ выдержки, спокойствія и правильной оцѣнки общей обстановки. Въ концѣ августа онъ былъ въ Екатеринподартѣ. Двухдневная бесѣда со мной и ген. Деникинымъ привела, повидимому, графа Келлера къ нѣкоторымъ выводамъ и заключеніямъ, что вопросъ не такъ простъ и не допускаетъ скоропалительныхъ рѣшеній.

Меня болѣе всего странитъ постановка вопроса о денежныхъ средствахъ. Полагаю, что деньги эти взяты вѣсцѣло у нѣмцевъ, но прикрыты фигурнымъ листомъ, что деньги эти берутся только замѣообразно, составляя долгъ Государства, какъ будто отъ этого измѣняется взаимоотношенія между замѣодавцемъ и принявшимъ отпущенную сумму. Будетъ ли это Государственный долгъ, будетъ ли это субсидія со стороны Германіи, наши дѣятели нѣмецкой оріентаціи окончательо закабалятъ Россію на нѣсколько поколѣній нѣмцамъ.

Но еще болѣе тревожитъ постановка военныхъ и военно-политическихъ задачъ новыми формированиями. Да, они должны будутъ вести якобы борьбу съ большевиками, но папоспѣ удары п чехо-словаками, а слѣдовательно, и нашей Добровольческой Арміи, когда та выйдетъ на Волгу.

Какое торжество нѣмецкой политики, когда она незамѣтно направитъ другъ на друга лучшіе и наиболѣе честные элементы Русскаго народа, когда мы собственными руками будемъ истреблять другъ друга, тогда какъ нѣмцы въ тиши будутъ помогать большевикамъ. Дѣятели Кіева и Южной Арміи мечтаютъ просить Ваше Императорское Высочество стать во главѣ этихъ новыхъ формированій. Я доложилъ Вамъ съ полной откровенностью возможную обстановку братоубійственной войны, въ которой Вы не можете принять участія.

Мы должны для предстоящей борьбы сплотить всѣ разнородные элементы, а не создавать искусственныхъ преградъ на пути къ возрожденію Россіи».

Тревога оказалась напрасной. Николай Николаевичъ оставался твердымъ въ своей «союзнической оріентаціи» и въ своемъ рѣшеніи выступить только во имя общенародныхъ интересовъ и не принимать участія въ политической игрѣ партій, строившихъ свои планы и осуществленіе своихъ цѣлей на авторитетѣ его имени. Въ Екатеринподартѣ онъ отвѣтилъ:

— «Будьте покойны».

*

* Телегр. отъ 4 августа говорила о стремленіи астраханцевъ къ единенію съ Добровольческой арміей, «историческій путь которой является единственнмъ для истинныхъ преданныхъ сыновъ Единой, Великой Россіи».

** Саратовскій корпусъ («Народная армія») формировался ген. Красновымъ. Это — ошибка. Авт.

Между тѣмъ, Сибирь ранѣе всѣхъ перешла отъ словъ къ дѣлу и создала государственную власть, которая наименовала себя Всероссийской.

Государственное совѣщаніе, собравшееся въ сентябрѣ въ Уфѣ, ни въ коемъ случаѣ не могло претендовать на демократичность способа своего образованія. Это было представительство политическое — партій (с.-р., с.-д., н.-с., к.-д., «Единства»), территориальное — новообразованій фактическихъ (правительства «Комуча», сибирскаго, Уральскаго, шести сибирскихъ казачьихъ войскъ) и несуществующихъ (правительства Астраханскаго казачьяго войска, Башкирин, Алашъ-Орды, Туркестана), «національнаго правительства тюрко-татаръ внутри Россіи»; организаций: съѣзда членовъ Всероссийскаго Учредительнаго собранія, представителей съѣзда городовъ и земствъ и Союза Возрожденія Россіи...

Число членовъ Государственнаго совѣщанія было 129. Изъ нихъ членовъ б. Учредительнаго собранія 77 — почти всѣ с.-р.-ы. Члены этой партіи входили въ составъ совѣщанія еще и какъ представители центрального комитета ея и въ замаскированномъ видѣ — въ качествѣ представителей экзотическихъ правительствъ, «Земгора» и — въ лицѣ председателя совѣщанія Авксентьева и Аргунова — въ качествѣ делегатовъ Союза Возрожденія.

Совѣщаніе рѣзко раздѣлилось на двѣ неравныхъ численно и непримиримыхъ идейно части. Одна группировалась вблизи Сибирскаго правительства (казачьи делегаты, несоціалистическіе представители другихъ организаций, н.-с.-ы); другая — вблизи Самарскаго «Комуча».

Совѣщанію предстояло рѣшить три основныхъ вопроса: о формѣ верховной власти, о порядкѣ ея отвѣтственности и о личномъ составѣ правительства.

Верховной властью лѣвая часть считала Учредительное собраніе 18-го года, а до открытія его — Съѣздъ членовъ Учредительнаго собранія, передъ которымъ должно быть отвѣтственно Всероссийское правительство. Последнее мыслилось во образѣ директоріи, коалиціонной по своему составу. Сибирское правительство снабдило своихъ пословъ инструкціей, гласившей: «Всероссийская власть должна быть организована по типу директоріи, въ составѣ не болѣе 5 лицъ; политическая отвѣтственность власти возможна только передъ будущимъ полномочнымъ органомъ правительнаго волеизъявленія народа, и до созданія такого органа Всероссийская власть является несмѣняемой». Казачество шло дальше, требуя единоличной и безотвѣтственной диктаторской власти.

Вокругъ этихъ точекъ зрѣнія шла сильнѣйшая борьба, грозившая полнымъ разрывомъ между борющимися сторонами. А военно-политическая обстановка въ эти дни становилась, между тѣмъ, все болѣе угрожающей. Совѣтскія арміи овладѣли Казанью, Симбирскомъ и приближались къ Самарѣ... Началось новое наступленіе большевиковъ на фронтѣ Оренбургскаго и Уральскаго казачества... Главнокомандующій Сыровой и председатель Національнаго комитета Павлу требовали скорѣйшаго созданія всероссийской власти, угрожая оставленіемъ фронта чехами... Въ Омскѣ назрѣвалъ глубокій кризисъ на почвѣ столкновенія и борьбы за власть между Сибирскимъ правительствомъ и с.-р.-овскою Сибирскою областною думой...

Эти обстоятельства заставили обѣ стороны пойти на взаимныя уступки, съ обѣихъ сторонъ неискреннія. И 23 (н. ст.) сентября 18-го года былъ обнародованъ «актъ объ образованіи верховной власти», носящій явные слѣды сильнаго давленія с.-р.-овской партіи.

«Единственнымъ носителемъ Верховной Власти на всемъ пространствѣ Государства Россійскаго» объявлялось «Временное Всероссийское правительство» въ составѣ пяти лицъ: Н. Д. Авксентьева, Н. И. Астрова, ген.-лейт. Болдырева, П. В. Вологодскаго и Н. В. Чайковскаго. Замѣтителами ихъ были избраны А. А. Аргуновъ, В. А. Виноградовъ, ген. отъ инфантеріи Алексѣевъ, В. П. Сапожниковъ и В. М. Зензиновъ. Изъ пяти членовъ директоріи только двое были на лицѣ, а трое, согласія которыхъ не спрашивали, отсутствовали. Поэтому директорія приступила къ дѣятельности въ составѣ Авксентьева (с.-р.), ген. Болдырева (безпарт., членъ Союза Возрожденія), Виноградова (к.-д.), Сапожникова (безпарт.), Зензинова (с.-р.).

Директорія призначалась відповідальною передъ Учредительнымъ собраніємъ 1918-го года, которое должно было открытись 1-го января 1919 года при наличности не менѣе 250 человекъ или 1-го февраля при наличности 170 членовъ. Директорія обязалась «неуклонно руководствоваться въ своей дѣятельности непререкаемыми верховными правами Учредительнаго собранія». «Съѣздъ членовъ Учредительнаго собранія» продолжалъ существовать параллельно съ правительствомъ, какъ «государственно-правовое учрежденіе», пользуясь независимостью, неприкосновенностью, средствами изъ государственнаго казначейства и охраной «предоставляемой правительствомъ особой воинской команды». Его задача была номинально ограничена «обезпеченіемъ» дѣятельности Всероссийскаго Учредительнаго собранія.

Не касаясь личности правителей, въ самой идее построенія власти мы видимъ крупные дефекты. По происхожденію своему она врядъ ли могла претендовать на значеніе всероссийской. Фразы — «вступивъ по волѣ народовъ въ управленіе государствомъ»*... «объединеніе (въ лицѣ правительства) всѣхъ областей, народностей и партій освобожденной части Россіи»**... — звучали безсильно и не убѣдительно при наличности самостоятельныхъ новообразованій Украины, Дона, Кубани, Грузин... и при неопредѣленности и остротѣ взаимоотношеній даже съ сибирскими областными правительствами, «установленіе предѣловъ компетенціи» которыхъ «предоставлялось мудрости Временнаго Всероссийскаго правительства»***...

Отвѣтственность коалиціоннаго правительства передъ партійнымъ с.-р.-овскимъ собраніємъ являлась автоматомъ политически несообразнымъ и психологически чреватыхъ опасностями. Установленіе ея вызвало глубокое неудовольствіе во всѣхъ не-соціалстическихъ кругахъ, перенесенное съ мѣста на личный составъ правительства. Даже умѣреннѣйшій Союзъ Возрожденія устами Мякотина говорилъ: «это рѣшеніе совѣщанія окончательно установило партійный характеръ созданной имъ власти и отталкивало отъ нея всѣхъ, кто неспособенъ быть связанъ надеждою на возрожденіе Россіи съ эс-эровскимъ Учредительнымъ собраніємъ»...¹

Совѣщаніе не учло еще одного важнаго обстоятельства — психологич. единственности къ тому времени реальной русской силы на территоріи, подвластной новому правительству — Сибирской арміи. Психологич., глубоко враждебной всему комитету явлений, связанныхъ съ «черновскимъ учредительнымъ собраніємъ».

Члены Союза Возрожденія, игравшіе на совѣщаніи примирительную роль и вошедшіе въ составъ директоріи, нарушили полномочія, данныя имъ Союзомъ. Аргуновъ (замѣститель) — по убѣжденію, считая, что «только... Учредительное собраніе даннаго состава... являлось юридически тѣмъ полномочнымъ органомъ, предъ которымъ могло и должно было предстать временное всероссийское правительство»...² Ген. Болдыревъ (верховный главнокомандующій) — по мотивамъ практическимъ: «Союзомъ Возрожденія — писалъ онъ ген. Алексѣеву 30 сентября 18 г. — была предложена компромиссная формула безотвѣтственной власти на опредѣленный срокъ... Мы исходили изъ того убѣжденія: если новая власть укрѣпится за періодъ безотвѣтственной работы, едва ли тогда явится у кого либо желаніе идти противъ такой власти. И тогда будущее покажетъ дальнѣйшій ходъ государственной жизни Россіи. Если же этой власти не удастся справиться съ тѣми исключительными по трудности условіями работы, тогда становится безразличнымъ — будетъ ли она безотвѣтственной, или нѣтъ».

Жизнь дала отвѣтъ ранѣе срока — переворотомъ 18 ноября.

* * *

Тотчасъ послѣ своего избранія, директорія обратилась съ посланіемъ къ ген. Алексѣеву и ко мнѣ.³ Объявляя о принятіи на себя «всей полноты Верховной Государствен-

* Изъ «Грамоты ко всѣмъ народамъ Россіи».

** Изъ «Грамоты», адресованной генералу Алексѣеву и мнѣ.

*** Изъ «акта объ образованіи верховной всероссийской власти».

¹ Бротиора «Союзъ Возрожденія Россіи».

² «Между двумя большевизмами».

³ 2-го октября № 69.

ной власти на всемъ пространствѣ Государства Россійскаго», директорія, «восхищаясь» одиннадцатимѣсячной борьбой Добровольческой арміи, посылала ей свой привѣтъ, и выражала надежду «въ скоромъ времени принять на территоріи освобожденной Россіи усталыхъ бойцовъ, которые найдутъ здѣсь и отдыхъ, и справедливую оцѣнку своихъ трудовъ»... Высказывала убѣжденіе, что «государственная мудрость и высотія гражданскія качества руководителей и горячая любовь офицеровъ и солдатъ къ Родинѣ укажутъ Добровольческой арміи единый съ Правительствомъ путь»... Одновременно официальнымъ письмомъ на и ген. Алексѣева Авксентьевъ приносилъ ему «искреннее поздравленіе съ назначеніемъ». М. В. тогда не было уже въ живыхъ, и это поздравленіе съ «должностью», котораго онъ никогда бы не принялъ, казалось намъ нѣсколько нескромнымъ и обиднымъ въ отношеніи его памяти.

Ген. Богдыревъ въ свою очередь въ официальном письмѣ приглашалъ ген. Алексѣева «принять всѣ мѣры къ развитію и упроченію идеи возрожденія Россіи подъ знаменемъ Всероссійскаго правительства» и указывалъ стратегическую задачу Добровольческой арміи: «Было бы крайне желательнымъ и необходимымъ, чтобы Ваша армія и примыкающія къ ней силы овладѣли бы нижнимъ теченіемъ Волги, примѣрно на плесѣ Царицынѣ — Астрахань. Въ дальнѣйшемъ имѣло бы огромное значеніе овладѣніе Саратовымъ». Въ частномъ письмѣ* онъ говорилъ еще о недостаткѣ людей въ Сибири и желательности пріѣзда туда генераловъ Драгомирова, Лукомскаго, Головина... О необходимости, чтобы «здѣсь новая Россія (была бы) надлежаще представлена», и въ связи съ этимъ о желательности «служенія вашего (т. е. ген. Алексѣева) и ген. Деникина на постахъ Всероссійскаго масштаба».

Ни одно изъ новообразованій Юга не признало власти директоріи. Я также отказался признать Уфимскую директорію Всероссійской властью, какъ «ответственную и направляемую Учредительнымъ собраніемъ перваго созыва, возникшимъ въ дни народнаго помѣшательства... и не пользующимся въ странѣ ни малѣйшимъ нравственнымъ авторитетомъ». вмѣстѣ съ тѣмъ я признавалъ «исключительно важное значеніе Сибирскаго объединенія и находилъ необходимымъ — путемъ взаимныхъ соглашеній направить русскія силы Востока и Юга къ одной общей цѣли — возрожденію великодержавной Россіи**»...

Инструкціи въ этомъ духѣ были посланы въ Сибирь курьеромъ, который долженъ былъ разыскать тамъ командированныхъ ген. Алексѣевымъ еще въ началѣ 18-го года ген. Флуга и полк. Лебедева. О нихъ въ штабѣ арміи не было никакихъ свѣдѣній. Оказалось въ послѣдствіи, что ген. Флугъ въ Харбинѣ сталъ военнымъ министромъ «Всероссійскаго правительства» Хорвата, а Лебедевъ оказался въ Омскѣ, принялъ видное участіе въ ноябрьскомъ переворотѣ и непостижимымъ образомъ, не имѣя никакого команднаго стажа, сталъ вскорѣ начальникомъ штаба Верховнаго главнокомандующаго, адмирала Колчака.

Добровольческая армія въ эти дни истекала кровью на поляхъ Ставрополя и не могла принять немедленнаго участія въ выполненіи стратегической задачи, данной Уфой.

* Отъ 30 сентября.

** Изъ рѣчи на открытіи Кубанской Рады.

ГЛАВА XXXVI.

«Военно-походное» управление. Добровольческая политика. Образование «Особаго совѣщанія».

Въ непосредственномъ управленіи командованія Добровольческой арміи находилось нѣсколько уѣздовъ Ставропольской губерніи и Черноморская губернія безъ Сочинскаго округа. Это положеніе опредѣлялось словами приказа: «впредь до возсоединенія и созданія верховной власти Русскаго Государства... губернія въ порядкѣ верховнаго управленія подчиняется командованію Добровольческой арміи»*.

Въ Ставрополѣ былъ поставленъ военнымъ губернаторомъ командиръ бригады полковникъ Глазенацъ, помощникомъ его ген. штаба ген. Уваровъ. Въ Новороссійскѣ — командиръ бригады полковникъ Кутеповъ, помощникомъ его — Сенько-Поповскій. Военные губернаторы подчинялись командующему арміей и были отвѣтственны только передъ нимъ. Это упрощенное «военно-походное» управленіе, основанное на «Положеніи о полевомъ управленіи войскъ», до крайности затрудняло меня, отвлекая отъ веденія операций и вызывая на мѣстахъ чрезмѣрную инициативу, не разъ граничившую съ произволомъ. Постановка во главѣ гражданской администраціи лицъ военныхъ, командовавшихъ одновременно вооруженной силой — въ краѣ, гдѣ шла непрестанная война не только на фронтѣ, но и внутри, вызывалась обстановкой и казалась наиболѣе цѣлесообразной, подчиняя весь ходъ народной жизни интересамъ борьбы. Къ тому же было необыкновенно трудно создать и поддерживать авторитетъ гражданского начальника въ глазахъ военной массы, наполнившей край — театръ войны. Но отсутствіе административнаго опыта и сложившаяся въ процессѣ революціи психологія военныхъ начальниковъ въ значительной мѣрѣ уничтожала выгоды военного управленія.

Представлялось наиболѣе естественнымъ привлечь къ совмѣстной работѣ мѣстную организованную общественность, но въ этомъ заключался наибольшій камень преткновенія... Революція измѣнила обликъ русской общественности, сметая или преобразивъ въ корнѣ старыя ея организаціи. Когда кровью Добровольческой арміи освободились Ставрополь и Черноморье, изъ подъ обломковъ совѣтскаго зданія быстро встали и возродились только органы революціонной (соціалистической) демократіи въ образѣ земскихъ, городскихъ, кооперативныхъ, профессиональныхъ и другихъ. Той самой революціонной демократіи, въ отношеніи которой въ военной средѣ сложилось непримиримо враждебное отношеніе, съ именемъ которой неразрывно были связаны самыя тяжелыя переживанія развала арміи, страны, внѣшняго разгрома ея, воспоминанія о совѣтахъ, комитетахъ, о корниловской трагедіи, о голгофѣ офицерства, объ явномъ противодѣйствіи первымъ шагамъ нарождающейся арміи... Той революціонной демократіи, которая и теперь отнеслась къ арміи — освободительницѣ, если не враждебно, то, во всякомъ случаѣ, подозрительно и недоброжелательно.

Попытки съ той стороны были...

20 іюля въ Москвѣ члены главныхъ комитетовъ Всероссійскаго земскаго и городского союзовъ, составъ которыхъ за время революціи сильно пополнился лѣвыми

* Приказъ о Черноморской губ. 14-го августа № 7.

элементами*, объединились лично, организовали общій «главный комитет» и постановили «выступить на широкую арену общаго государственнаго строительства». Въ числѣ основныхъ своихъ задачъ главный комитетъ поставилъ «возстановленіе демократическихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія на территоріи всей Россіи».

Но такъ какъ арены для подобной дѣятельности въ Центральной Россіи и на Украинѣ не оказалось, то главный комитетъ перенесъ свою дѣятельность въ Екатеринодаръ. Я до сихъ поръ не увѣренъ, дѣйствовали ли пріѣхавшія къ намъ лица — В. Н. Малияновичъ, Муганскій, Кирилловъ — по порученію З. Г. О. или на свой страх**... Они образовали Юго-Восточный комитетъ З. Г. О., включенный мною по традиціямъ военнаго времени въ составъ Добровольческой арміи для оказанія ей «всесторонней помощи по сапитарной части и снабженію». Стараніями Е. А. Елачича были привезены на Кубань небольшія суммы и имущество Юго-Западнаго и Румынскаго фронтовъ, и комитетъ поступилъ на полное иждивеніе арміи, пріобрѣта вмѣстѣ съ тѣмъ все льготы, установленныя для военнотружашихъ.

Черезъ нѣкоторое время въ комитетѣ произошелъ расколъ, повлекшій временный выходъ изъ него всей земской группы во главѣ съ Елачичемъ. Произведенный разборъ дѣла выяснилъ интересныя детали. Члены Главнаго комитета поставили въ подчиненное къ себѣ отношеніе Юго-Восточный комитетъ, который оказался лишь «прикрытіемъ» ихъ политической дѣятельности. «Главная задача З. Г. О. — говорилъ Малияновичъ*** — это участіе въ общественно-политической работѣ, остальное должно быть отодвинуто на задній планъ. Практическая помощь Добровольческой арміи является только подсобной работой, дающей возможность утилизовать персоналъ и матеріальныя средства союзовъ. Разсматривать Юго-Восточный комитетъ какъ армейскій неправильно, ибо въ приказѣ Добровольческой арміи мы включились съ болью въ сердца, тѣмъ болѣе, что политическая фізіономія Добровольческой арміи до сихъ поръ намъ не ясна». Малияновичъ установилъ «общность кассы» Юго-Восточнаго комитета съ главнымъ, единоличное храненіе и распоряженіе суммъ комитета Кирилловымъ и, такимъ образомъ, за счетъ бѣдной армейской казны — потому что иныхъ источниковъ не предвидѣлось — началась политическая работа въ духѣ обще-соціалистическихъ тенденцій того времени... противъ Добровольческой арміи.

Я былъ крайне удивленъ необыкновенной развязностью членовъ главнаго комитета и въ особенности Малияновича, который явился ко мнѣ и, любезно оставая за мной командованіе арміей, заявилъ о своемъ намѣреніи «руководить политической жизнью городовъ и земствъ»...

«Сотрудничество» въ такой формѣ было неприемлемымъ, удѣльный вѣсъ группы Малияновича слишкомъ незначительнымъ. Мною были приняты поэтому мѣры, чтобы вернуть Юго-Восточному комитету обликъ армейскаго общественно-служебнаго органа, а Малияновичу и его сподвижникамъ предоставлено вести политическую работу за свой счетъ внѣ комитета и внѣ арміи въ рамкахъ закона и «положенія о полевомъ управленіи войскъ».

Такъ неудачно окончилось первое общеніе наше съ «демократической общественностью».

Психологія военной среды, имѣвшая много основаній въ прошломъ, въ извѣстной частіи ея принимала характеръ нетерпимости не только въ отношеніи соціалистическихъ, но и либеральныхъ мѣстныхъ дѣятелей. Либеральная общественность, къ тому же, разгромленная ходомъ революціи, не имѣла на мѣстахъ ни организацій, ни силы, ни вліянія, ни даже особеннаго желанія работать въ обстановкѣ, угрожающей ежечасно самому физическому существованію должностныхъ лицъ.

И военныя губернаторства обрастали мало по малу махровымъ цвѣтомъ стараго чиновничества — не рѣдко добросовѣтнаго, но потерявшагося въ угарѣ революціи, оставшаго отъ быстро мчавшейся колесницы жизни. Обрастали и элементами авантюристическими, возвращенными условіями революціи и гражданской войны.

* Въ составъ «Союза Возрожденія» п З. Г. О. входили зачастую одни и тѣ же лица.

** Именовались они «зарубежной делегаціей главнаго комитета».

*** Журналъ засѣданія № 9 отъ 19 сент. 18 г.

Въ центрѣ не было пока компетентныхъ направляющихъ органовъ. Военные губернаторы терпѣлись въ обстановкѣ до крайности запутанной, на почвѣ безвременья и удручающаго бездѣлья. И я, и они дѣлали не мало ошибокъ. Бывали и такіе эпизоды, которые весьма тягостно отражались на положеніи Добровольческой арміи, возбуждая противъ нея населеніе. Такъ, ген. Уваровъ, замѣняя временно Ставропольскаго губернатора, въ его отсутствіе успѣлъ отдать рядъ оглушительныхъ приказовъ объ аннулированіи всѣхъ законовъ Временнаго правительства, о вознагражденіи проторей и убытковъ помѣщиковъ, объ уничтоженіи преступниковъ на мѣстѣ преступленія... Приказы были отменены, Уваровъ «по прошенію» уволенъ отъ должности, но настроеніе создавалось весьма неблагоприятное для арміи...

Въ уѣздахъ было хуже.

Впоследствии, въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Ставрополь я очертилъ откровенно собравшимся общественнымъ дѣятелямъ создавшееся положеніе слѣдующимъ образомъ:

— «Намъ не удастся наладить гражданское управленіе; въ уѣзды идутъ люди отпѣтые; уѣздныя административныя должности стали этаномъ въ арестантскія роты. Между тѣмъ, мѣстная интеллигенція предпочитаетъ заниматься политикой и будироваціемъ; не отказывается, впрочемъ, отъ «постовъ» и «портфелей». Добровольцы приносятъ несчетныя жертвы своими жизнями. Принесите жертву и вы: умѣрьте ваши масштабы, дайте мнѣ нѣсколько честныхъ и умныхъ начальниковъ уѣздовъ; я окажу имъ полную поддержку и обеспечу возможность работать. Создать условія нормальной жизни, ввести успокоеніе, насадить право и законность въ одномъ русскомъ уѣздѣ — работа гораздо болѣе значительная, чѣмъ всѣ упражненія въ партійныхъ программахъ и резолюціяхъ».

И было слово мое подобно гласу вопіющаго въ пустынѣ.

*

Программы положительнаго государственнаго строительства у насъ по началу не было. До нѣкоторой степени общія основанія добровольческой политики опредѣлялись въ сказанной мною при первомъ посѣщеніи Ставрополя рѣчи, имѣвшей декларативный характеръ*:

«...Добровольческая армія поставила себѣ задачей возсозданіе Единой Великодержавной Россіи. Отсюда — ропотъ центробѣжныхъ силъ и мѣстныхъ больныхъ честолюбій.

Добровольческая армія не можетъ, хотя бы и временно, идти въ кабалу къ иноземцамъ и тѣмъ болѣе набрасывать щипы на будущій вольный ходъ русскаго государственнаго корабля. Отсюда — ропотъ и угрозы извнѣ.

Добровольческая армія, свершая свой крестный путь, желаетъ опираться на всѣ государственно-мыслящіе круги населенія. Она не можетъ стать орудіемъ какой либо политической партіи или общественной организаціи. Тогда она не была бы Русской Государственной Арміей. Отсюда — неудовольствіе нетерпимыхъ и политическая борьба вокругъ имени арміи. Но если въ рядахъ арміи и живутъ опредѣленные традиціи, она не станетъ никогда палачомъ чужой мысли и совѣсти. Она прямо и честно говоритъ: будьте вы правыми, будьте вы лѣвыми — но любите нашу нетерзанную Родину и помогите намъ спасти ее.

Точно такъ же, обрушиваясь всей силой своей противъ растлителей народной души и расхитителей народнаго достоянія, Добровольческая армія чужда социальной и классовой борьбы. Въ той тяжелой болѣзненной обстановкѣ, въ которой мы живемъ, когда отъ Россіи остались лишь локутья, не время рѣшать социальные проблемы. И не могутъ части русской державы строить русскую жизнь каждая по своему.

Поэтому тѣ чины Добровольческой арміи, на которыхъ судьба возложила тяжелое бремя управленія, отнюдь не будутъ ломать основное законодательство. Ихъ роль —

* 26-го августа.

создать лишь такую обстановку, въ которой можно бы сносно, терпимо жить и дышать до тѣхъ поръ, пока Всероссийскія законодательныя учрежденія, представляющія разумъ и совѣтъ народа русскаго, не направятъ жизнь его по новому руслу — къ свѣту и правдѣ».

Необходимо остановиться на двухъ положеніяхъ, вытекающихъ изъ этой программы.

Первое — отражала ли она дѣйствительно идеологію добровольчества? Далеко не всего. Во всякомъ случаѣ, я убѣжденно и искренно выразилъ въ ней свои взгляды, стараясь внушить ихъ борющимся и правящимъ.

Второе — уклоненіе отъ радикальной ломки государственнаго и соціального строя, съ предоставленіемъ этой работы будущимъ правомочнымъ органамъ народной воли...

Историки отмѣтятъ, что эта идея являлась господствующей въ теченіе 1917—1920 годовъ среди русскіихъ политическихъ группировокъ, составляя наиболѣе слабое и уязвимое мѣсто всѣхъ правительствъ и правителей, ставя ихъ въ неизмѣримо болѣе трудное положеніе, чѣмъ то, въ которомъ была совѣтская власть, объявивъ себя хозяиномъ русской жизни и ломая ее безпощадно и безоглядно. Съ различными оттѣнками, но одинаково по существу эта идея нашла отраженіе въ актахъ Временнаго правительства*, въ «Корниловской программѣ», въ программахъ «центровъ», въ «Грамотѣ ко всѣмъ народамъ Россіи» Уфимской директоріи, въ деклараціяхъ адмирала Колчака.

Обоснованіе этой идеи было до крайности простымъ и яснымъ и казалось неопровержимымъ. Еще до большевицкаго переворота, въ сентябрѣ 17 года оно нашло, между прочимъ, такое согласное опредѣленіе въ двухъ органахъ — радикальной и либеральной мысли:

Газета «День» писала: «Споръ программъ сейчасъ напоминаетъ о метафизической сущности... Передъ всей страной пылѣтъ одна платформа — національнаго бѣдствія... Пусть завтра у власти станетъ любой герой большевицкаго райка, онъ долженъ будетъ, какъ и его «имперіалистическій» предшественникъ, озаботиться ликвидаціей ташкентскаго мятежа, выкачиваніемъ хлѣба изъ деревни, изобрѣтеніемъ новаго способа печатанія денегъ. Прекрасныя слова, широковѣщательные лозунги, святость канона — все это блекнетъ передъ неумолимой прозой — такой простой и такой зловѣщей. И въ этой прозѣ — ключи, размыкающіе конфликтъ программъ, въ ней, и только въ ней одной — отправной пунктъ соглашенія тѣхъ общественныхъ группъ, которыя должны образовать коалиціонную власть». Перепечатывая эти строки, «Рѣчь» говорила**: «Попстинѣ, золотыя слова... Справиться съ національными бѣдствіями, сохранить единство Россіи — вотъ вся программа. Если бы ее удалось осуществить — это была бы величайшая заслуга передъ родиной и передъ революціей, которая только этимъ путемъ и можетъ быть спасена».

Теорія разошлась съ практикой.

Мы не учли элемента времени и степени напора народной стихіи. Правители стремились къ «неумолимой прозѣ», народъ хотѣлъ еще «поэзіи» демагогическихъ лозунговъ. Правители желали пріостановить временно теченіе жизни въ создавшихся берегахъ, покуда нѣкая высшая власть не расчислитъ новое русло, а жизнь бурно рвалась изъ береговъ, разрушая плотины и сметая гребцовъ и кормчихъ.

*

*

Въ августѣ, т. е. послѣ мѣсячнаго опыта «военно-походнаго» управленія окончательно назрѣла необходимость созданія органа, который могъ бы всесторонне заняться устройствомъ освобожденной арміей территоріи. Эта территорія была еще очень незначительна, но расширенію ея побѣдами Добровольческой арміи должно было предшествовать созданіе правительственнаго аппарата и установленіе дѣловой программы его работъ.

* Не взирая на объявленіе Россіи республикой и согласіе на автопомію Украины.

** Передовая 23 сентябрю 17 года.

Идея эта появлялась у многих лиц, прикосновенных къ арміи. В. Шульгинъ составилъ перечень тѣхъ отдѣловъ, изъ которыхъ долженъ былъ состоять новый органъ. Названіе его («Особое Совѣщаніе») принадлежитъ также ему. Ген. Лукомскій, состоявшій съ 5 августа моимъ помощникомъ по гражданской части, въ развитіе идеи Шульгина представилъ мнѣ докладъ о необходимости образованія при мнѣ «Особаго совѣщанія» по разрѣшенію вопросовъ, связанныхъ съ возстановленіемъ нормальной жизни на территории, освобождаемой отъ власти большевиковъ. По его мысли, совѣщанію предоставлялась роль, исключительно отвѣчающая его названію, именно — «давать заключенія по дѣламъ, вносимымъ на его разсмотрѣніе» главнымъ командованіемъ.

Я считалъ функціи гражданскаго управленія, выходящія за предѣлы «Положенія о полковомъ управленіи войскъ», принадлежащими ген. Алексѣеву и поэтому вторично просилъ его взять на себя это бремя.

Одновременно вопросомъ этимъ занимался и ген. Драгомировъ, состоявшій съ 10 августа «помощникомъ Верховнаго Руководителя». Ему принадлежитъ окончательная разработка и редакція того «Положенія объ Особомъ Совѣщаніи», которое было утверждено ген. Алексѣевымъ 18 августа безъ измѣненій. Актъ этотъ не опубликовывался, очевидно, чтобы не вызвать до времени возбужденія въ кубанскомъ правительствѣ, относившемся крайне подозрительно ко всѣмъ государственнымъ начинаніямъ командованія.

«Положеніе» такъ опредѣляло цѣль созданія «Особаго Совѣщанія».

а) Разработка всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ возстановленіемъ органовъ государственнаго управленія и самоуправленія въ мѣстностяхъ, на которыя распространяется власть и вліяніе Добровольческой арміи. б) Обсужденіе и подготовка временныхъ законовъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго устройства, какъ мѣстнаго значенія по управленію областями, вошедшими въ сферу вліянія Добровольческой арміи, такъ и въ широкомъ государственномъ масштабѣ по возсозданію великодержавной Россіи въ прежнихъ ея предѣлахъ. в) Организція сношеній со всѣми областями бывшей Россійской Имперіи для выясненія истиннаго положенія дѣлъ въ нихъ и для связи съ ихъ правительствами и политическими партіями для совместной работы по возсозданію великодержавной Россіи. г) Организція сношеній съ представителями державъ Согласія, бывшихъ въ союзѣ съ нами, и выработка плановъ совместныхъ дѣйствій въ борьбѣ противъ коалиціи центральныхъ державъ. д) Выясненіе мѣстоахожденія и установленіе тѣсной связи со всѣми выдающимися дѣятелями по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, а также съ наиболее видными представителями общественнаго и земскаго самоуправленія, торговли, промышленности и финансовъ для привлеченія ихъ въ нужную минуту къ самому широкому государственному строителству. е) Привлеченіе лицъ, упомянутыхъ въ § 4, къ разрѣшенію текущихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жпзнью.»

Особое Совѣщаніе заключало слѣдующіе отдѣлы: государственнаго устройства, внутреннихъ дѣлъ, дипломатическо-агитаціоннаго, финансоваго, торговли и промышленности, продовольствія и снабженія, земледѣлія, путей сообщенія, юстиціи, народнаго просвѣщенія и контроля.

Предѣдателемъ Особаго Совѣщанія являлся ген. Алексѣевъ, а замѣстителями его въ порядкѣ послѣдовательности — я, ген. Драгомировъ и Лукомскій.

Въ «положеніи» отразилась въ значительной мѣрѣ существовавшая практика дуализма власти, которую не желалъ нарушать составитель его, создавая одинъ общій органъ для двухъ соправителей. На «большихъ засѣданіяхъ», подъ предѣдательствомъ ген. Алексѣева, должны были разрѣшаться «наиболѣе серьезные вопросы общегосударственнаго значенія и разсмотрѣніе сложныхъ законопроектовъ, затрогивающихъ интересы нѣсколькихъ вѣдомствъ». На «малыхъ засѣданіяхъ»*, подъ моимъ предѣдательствомъ, предполагалось разрѣшать «въ снѣшномъ порядкѣ не терпящіе отлагательства вопросы текущей жизни, связанные съ установленіемъ гражданскаго правопорядка въ мѣстностяхъ, занятыхъ Добровольческой арміей». Отзвукомъ того-же дуализма явилось отсутствіе въ «Совѣщаніи» военно-морского отдѣла, учрежденнаго лишь впоследствии и возглавленнаго ген. Лукомскимъ, къ которому перешли обязанности военнаго и морского министра и кромѣ того всѣ органы снабженія арміи.

Генералы Алексѣевъ и Драгомировъ принимали всѣ мѣры къ розыску и привлеченію въ Екатеринодаръ извѣстныхъ имъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей,

* Съ участіемъ заинтересованныхъ представителей вѣдомствъ.

Генера. М. В. Алексѣевъ

что представляло серьезнѣйшія затрудненія, ввиду разобщенности русскихъ областей и того неспокойнаго и потому мало привлекательнаго положенія, въ которомъ находился Сѣверный Кавказъ — театръ военныхъ дѣйствій. По ходу событій русской революціи главное ядро русской общественности переселялось по историческимъ этапамъ: весною 18 года — Москва; лѣтомъ — Кіевъ; осенью — Одесса; весною 19 года — Екатеринодаръ. Эта концентрація силъ въ опредѣленныхъ пунктахъ сопровождалась всегда и необыкновеннымъ сгущеніемъ тамъ политической атмосферы на почвѣ обостренной розни и борьбы. Безлюдіе было такъ велико, что отдѣлы по долгу оставались въ управленіи временныхъ замѣстителей во время поспѣховъ по свѣту и въ ожиданіи прибытія неизвѣстно гдѣ находившихся кандидатовъ. Морской отдѣлъ, напримѣръ, ждалъ намѣстнаго возглавленія весь періодъ борьбы Юга — полтора года...

Образованіе «Особаго Совѣщанія» — этого зачаточнаго органа управленія — поднималось медленно. Первыми участниками его были Г. А. Гейманъ (финансы), Э. П. Шуберскій (пути сообщеній), ген. А. С. Макаренко (юстиція), А. А. Нератовъ (диплом.), В. А. Лебедевъ (торг. и пром.)... По мѣрѣ формированія отдѣловъ туда переходили и текущія дѣла по управленію территоріей, занятой арміей. Общихъ засѣданій — ни большихъ, ни малыхъ — до смерти ген. Алексѣева не состоялось.

ГЛАВА XXXVII.

Приступъ къ государственному строительству на Югѣ. Смерть генерала Алексѣева.

Ген. Драгомировъ былъ приглашенъ ген. Алексѣевымъ для совмѣстной работы и «дальнѣйшаго путешествія съ нимъ въ Уфу». Въ началѣ августа М. В. подтвердилъ свое намѣреніе «выѣхать въ Уфу, какъ только явится возможность сколько нибудь вѣрпаго способа сообщенія и когда состояніе его здоровья позволитъ ему совершить путешествіе». Онъ предполагалъ выждать продвигенія арміи по Сѣверному Кавказу и пробраться въ Сибирь черезъ Петровскъ и Уральскую область.

М. В. не подѣлился ни со мною, ни съ Драгомировымъ своими дальнѣйшими планами, но, повидимому, къ этому времени онъ сошелъ уже со своей категорической точки зрѣнія на диктатуру, какъ на единственно пріемлемую форму власти и соглашался возглавить директорію по проекту Національнаго Центра.

Но состояніе здоровья М. В. стало уже совсѣмъ плохо; всѣ близкіе понимали, что ни о какомъ переездѣ не можетъ быть рѣчи... Послѣднія 2—3 недѣли М. В. почти не вставалъ съ постели, никого не принималъ и выступивалъ лишь изрѣдка важнѣйшіе доклады ген. Драгомирова, предоставивъ ему разрѣшеніе всѣхъ остальныхъ дѣлъ.

Между тѣмъ, время шло, жизнь кипѣла и предъявляла свои неумолимые требованія... Стратегическая обстановка указывала, что армія надолго еще задержится на Сѣверномъ Кавказѣ... Вопросъ о Восточномъ фронтѣ и формированіи тамъ Всероссійской власти принималъ все менѣе опредѣленные формы... Совѣщательный характеръ «Особаго совѣщанія» явно не могъ устранить затрудненій, вытекавшихъ изъ отсутствія на территоріи правительственнаго аппарата... Наконецъ, обостренныя отношенія съ Кубанью требовали полнаго и яснаго юридическаго обоснованія. Ген. Драгомировъ приводилъ еще одинъ мотивъ о необходимости «взять представительство обще-русскихъ интересовъ», — мотивъ, выдвинутый жизнью даже ранѣе, чѣмъ выступили на сцену всѣ остальные вопросы политическіе и гражданскаго управленія — экономическій хаосъ: «раздѣленіе юга Россіи на самостоятельныя области, ведущія сепаратную финансовую и таможенную политику, создали невыносимыя условія, затруднившія и ограничившія обмѣнъ произведеній земли и промышленности, затруднившія даже почтовые и телеграфныя сношенія между отдѣльными областями и совершенно убившія общую и всѣмъ доступную систему кредита».

Эти обстоятельства оказали рѣшающее вліяніе на дальнѣйшую судьбу образованія власти.

Ген. Драгомировъ поручилъ въ частномъ порядкѣ проф. К. Н. Соколову и В. А. Степанову составить проектъ государственнаго устройства, въ результатѣ чего появилось нѣсколько вариантовъ «конституцій». Эти варианты подвергались составителями многократнымъ обсужденіямъ въ средѣ мѣстныхъ представителей к.-д.-ской партіи и послѣ окончательнаго разсмотрѣнія ихъ въ болѣе тѣсной коллегіи подъ руководствомъ ген. Драгомирова и при участіи, кромѣ составителей, В. Шульгина и ген. Лукомскаго, въ концѣ концовъ вылились въ два проекта: 1) «Временное положеніе объ управленіи

областями, занимаемыми Добровольческой армией» и 2) «Положение о Северо-Кавказском Союзе». Первое устанавливало всю полноту власти Верх. Руков. Добровольческой армии в освобождаемых ею областях и особым «разделом» — предель автономии Кубани. Полный текст его следующий:

«Впредь до воссоединения разрозненных частей Российского Государства и создания законной обще-русской власти высшее Управление Областями, занимаемыми Добровольческой Армией, осуществляется на основании нижеследующаго временнаго Положения:

ВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОБЪ УПРАВЛЕНИИ ОБЛАСТЯМИ, ЗАНИМАЕМЫМИ ДОБРОВ. АРМІЕЙ! РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

1. Вся полнота государственной власти въ областяхъ, занимаемыхъ Д. А., принадлежитъ В. Р. Д. А.* (Главномандующему Д. А.).
2. Въ областяхъ, занимаемыхъ Д. А., сохраняютъ силу законы, дѣйствовавшіе на территоріи Россійскаго Государства до 25 октября 1917 года, съ измѣненіями, вытекающими изъ настоящаго Положенія, а равно изъ пмѣющихся быть изданными на основаніи его законовъ.
3. Всѣ граждане Россійскаго Государства, безъ различія національности, сословія и вѣроисповѣданія, пользуются въ сихъ областяхъ равными правами гражданства. Особые права и преимущества, издавна принадлежащія казачеству, сохраняются въ неприкосновенности.
4. Первенствующая Церковь въ сихъ областяхъ есть Церковь Русская, Православная, возглавляемая Святѣйшимъ Патріархомъ Московскимъ и Всея Россіи. Прочія признанныя Церкви и религіозныя общества пользуются полной свободой и находятся подъ покровительствомъ закона.
5. Государственнымъ языкомъ является языкъ русскій. Употребленіе мѣстныхъ языковъ и нарѣчій въ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ допускается въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ.
6. Государственнымъ флагомъ служить національный русскій трехцвѣтный (бѣло-синя-красный) флагъ.

РАЗДѢЛЪ ВТОРОЙ.

7. Россійскіе граждане пользуются въ областяхъ, занимаемыхъ Д. А., неприкосновенностью личности, жилища и частной переписки. Никто не можетъ быть подвергнутъ ограниченію или лишенію свободы иначе, какъ въ порядкѣ, закономъ установленномъ. Обыски и выемки могутъ быть производимы лишь въ случаяхъ, въ законѣ указанныхъ, и въ порядкѣ, закономъ опредѣленномъ.
8. Печать свободна. Порядокъ осуществленія надзора за печатью и ответственности за преступленія и проступки, совершаемые путемъ печати, опредѣляется закономъ.
9. Россійскіе граждане могутъ собираться мирно и безъ оружія, а равно образовывать общества и союзы въ цѣляхъ, не противныхъ закону. Порядокъ пользованія этими правами гражданской свободы опредѣляется закономъ.
10. Собственность неприкосновена. Принудительное отчужденіе недвижимыхъ имуществъ, когда такое необходимо въ государственныхъ или общественныхъ интересахъ, совершается не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ и за справедливое вознагражденіе.

РАЗДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

11. В. Р. Д. А. стоптъ во главѣ всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ въ областяхъ, занимаемыхъ Д. А. Онъ опредѣляетъ устройство армии и флота и руководитъ всѣмъ дѣломъ государственной обороны.
12. В. Р. Д. А. представляетъ области, занимаемая Д. А., въ ихъ сношеніяхъ съ иностранными державами, заключаетъ международные договоры, объявляетъ войну и заключаетъ миръ. В. Р. Д. А. сносятся съ временными государственными образованіями, возникшими на пространствахъ Россійскаго Государства.
13. В. Р. Д. А. издаетъ законы и указы по всѣмъ отраслямъ государственной жизни въ порядкѣ, установленномъ настоящимъ Положеніемъ.
14. В. Р. Д. А. устанавливаетъ для областей, занимаемыхъ Д. А., единую систему денежнаго обращенія и опредѣляетъ вѣнчанный видъ денежныхъ знаковъ.
15. В. Р. Д. А. назначаетъ на всѣ высшія должности военной и гражданской службы. Онъ жалуетъ орденъ** и другія служебныя отличія.

* Верховный руководитель Добровольческой Арміи (ген. Алексѣевъ).

** Пожалованіе орденовъ установлено не было. Давались только иностранцамъ.

16. В. Р. Д. А. осуществляет право помилования и смягчения наказаний по судебным приговорам, а также право общего пр. ценн. совершивших преступные дѣянія съ прекращеніемъ судебного протнвъ нихъ преслѣдованія и освобожденіемъ ихъ отъ суда и наказанія.

17. В. Р. Д. А. обывляетъ мѣстности, занимаемыя Д. А., на военномъ или исключительномъ положеніи.

РАЗДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

18. Для содѣйствія В. Р. Д. А. въ дѣлахъ законодательства и управленія, при немъ состоитъ **ОСОБОЕ СОВѢЩАНІЕ**, въ составѣ котораго образуются отдѣлы:

1. Внутреннихъ Дѣлъ;
2. Дипломатическій;
3. Финансовый;
4. Военно-Морской;
5. Торговли и Промышленности;
6. Продовольствія и Снабженія;
7. Земледѣлія;
8. Путей Сообщенія;
9. Юстиціи;
10. Народнаго Просвѣщенія;
11. Государственнаго Контроля.

Члены Особого Совѣщанія назначаются В. Р. Д. А., Управляющіе Отдѣлами состоятъ членами О. С. по должности.

Предсѣдатель Особого Совѣщанія назначается В. Р. Д. А. Въ тѣхъ случаяхъ, когда В. Р. Д. А. найдетъ нужнымъ лично предсѣдательствовать въ Особомъ Совѣщаніи, Предсѣдатель О. С. участвуетъ въ засѣданіи на правахъ члена. При Особомъ Совѣщаніи состоитъ Управляющій дѣлами, коему подчинена Канцелярія Особого Совѣщанія. Управляющій дѣлами входитъ въ составъ Особого Совѣщанія на равныхъ съ Управляющими Отдѣлами правахъ.

19. На обсужденіе Особого Совѣщанія поступаютъ:

1. Всѣ законодательныя предположенія;
2. Всѣ правительственныя мѣропріятія общегосударственнаго значенія;
3. Всѣ предположенія о замѣщеніи главныхъ должностей высшаго мѣстнаго управленія.

Дѣла, подлежащія разсмотрѣнію Особого Совѣщанія, вносятся въ оное В. Р. Д. А. или Управляющими Отдѣлами. На внесеніе въ Особое Совѣщаніе дѣлъ законодательнаго характера Управляющіе Отдѣлами испрашиваютъ предварительнаго разрѣшенія В. Р. Д. А.

20. Законы издаются В. Р. Д. А. за скрѣпою Предсѣдателя и всѣхъ палочныхъ членовъ Особого Совѣщанія. Указы обще-государственнаго значенія скрѣпляются Предсѣдателемъ Особого Совѣщанія и Управляющими тѣми Отдѣлами, къ предметамъ вѣдѣнія коихъ данное дѣло относится. Указы и распоряженія по отдѣльнымъ вѣдомствамъ скрѣпляются Управляющими Отдѣлами по принадлежности.

21. Въ области законодательства и верховнаго управленія Особое Совѣщаніе въ полномъ его составѣ, а равно Управляющіе Отдѣлами, являются совѣщательными органами при В. Р. Д. А. Въ области управленія подчиненнаго Управляющіе Отдѣлами пользуются правами министровъ примѣнительно къ учрежденію министерствъ.

22. За общій ходъ государственнаго управленія Управляющіе Отдѣлами отвѣтствуютъ единственно передъ В. Р. Д. А.

РАЗДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

23. Судебныя установленія дѣйствуютъ въ областяхъ, занимаемыхъ Д. А., на основаніяхъ, въ законѣ определенныхъ. Судебныя рѣшенія и приговоры выносятся «именемъ закона».

РАЗДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

24. Кубанская Область пользуется правами автономіи, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управляется особыми установленіями на основаніи особаго законодательства.

25. Къ предметамъ вѣдѣнія Кубанской Областной власти, въ порядкѣ мѣстнаго законодательства и управленія, принадлежатъ:

1. Мѣстная полиція;
2. надзоръ за печатью, собраніями, обществами и союзами въ предѣлахъ обще-государственныхъ законовъ;
3. санитарное и медицинское дѣло;
4. дѣла мѣстнаго самоуправленія;
5. тюремное дѣло;
6. установленіе и взиманіе мѣстныхъ налоговъ;
7. пути сообщенія мѣстнаго значенія;

8. заботы о развитіи мѣстной торговли и промышленности;
 9. продовольствованіе населенія;
 10. земледѣліе и землеустройство;
 11. народное просвѣщеніе при соблюденіи правъ государственнаго языка;
 12. контроль мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений.
26. Для заведыванія указанными дѣлами въ порядкѣ управленія въ составѣ возглавляемаго Атаманомъ Кубанскаго Областнаго Правительства могутъ быть образованы вѣдомства:
1. внутреннихъ дѣлъ;
 2. финансовъ;
 3. путей сообщенія;
 4. торговли и промышленности;
 5. Кубанскихъ войсковыхъ дѣлъ;
 6. продовольствія;
 7. земледѣлія и землеустройства;
 8. народнаго просвѣщенія;
 9. контроля.
27. Къ предметамъ вѣдѣнія Кубанской областной власти не принадлежать:
1. высшія сношенія;
 2. командованіе вооруженными силами;
 3. уголовное и гражданское законодательство, судоустройство и судопроизводство;
 4. почта и телеграфъ;
 5. пути сообщенія государственнаго и стратегическаго значенія;
 6. вопросы денежнаго обращенія, государственнаго кредита, таможеннои политики и товарообмѣна;
 7. прямое и косвенное обложеніе на общегосударственныя пущды, государственныя монополіи;
 8. торговое мореплаваніе и порты;
 9. акціонерное законодательство и торговые уставы.
28. Основной законъ объ управленіи Кубанскою Областью вырабатывается въ предѣлахъ настоящаго Положенія Кубанскою Краевою Радой и утверждается и обнародывается В. Р. Д. А. Въ этомъ же порядкѣ производится, въ случаѣ нужды, пересмотръ означеннаго основнаго закона.»

По другому варианту приведенное Положеніе ограничивалось первыми пятью раздѣлами, а вмѣсто шестого (о Кубани) предполагено было издать особый актъ по договору съ суверенной Кубанью, ограничивавшій нѣкоторыя государственныя функціи ея. Этотъ актъ, наименованный «Положеніемъ о Сѣверо-Кавказскомъ Союзѣ», гласилъ:

«Въ видахъ наиболѣе успѣшнаго осуществленія нѣкоторыхъ важнѣйшихъ задачъ государственнаго управленія въ предѣлахъ Сѣвернаго Кавказа, В. Р. Д. А., отъ имени занимаемыхъ Д. А. губерній... и Кубанское Краевое Правительство отъ имени Кубанскаго Края, согласились о нижеслѣдующемъ:

1. Губерніи... и Кубанскій Край образуютъ государственное объединеніе подѣ наименованіемъ Сѣверо-Кавказскій Союзъ.
2. Въ предѣлахъ С.-К. Союза объединяется заведываніе:
 - А. Международными сношеніями Союза;
 - Б. дѣлами арміи и флота, за исключеніемъ... дѣлъ Кубанскаго казачьяго войска, остающихся въ вѣдѣніи Кубанской Краевой власти;
 - В. почтой и телеграфомъ;
 - Г. путями сообщенія обще-государственнаго и стратегическаго значенія;
 - Д. прямымъ и косвеннымъ обложеніемъ на общія пущды С. К. Союза;
 - Е. снабженіемъ и продовольствіемъ арміи.
3. Въ отношеніи перечисленныхъ выше дѣлъ В. Р. Д. А. присваивается вся полнота власти законодательства и управленія въ предѣлахъ всего С. К. Союза, примѣнительно къ Вр. Положенію объ управленіи областями, занимаемыми Д. А.
4. Разработка и осуществленіе общихъ для С. К. Союза мѣропріятій возлагается на О. С. при В. Р. Д. А. и его отдѣлы по принадлежності (Вр. Положеніе Упр. обл., заим. Д. А. — Ст.17—20). Контроль правительственной дѣятельности С. К. Союза возлагается на отдѣлъ Государственнаго контроля О. С. при В. Р. Д. А.
5. Для сужденія общихъ по дѣламъ С. К. Союза при В. Р. Д. А. учреждается Совѣтъ С. К. Союза изъ... членовъ по... человекъ отъ губерній Ставропольской и Черноморской и отъ Кубанскаго края. Члены Совѣта отъ губерній Ставропольской и Черноморской назначаются изъ мѣстныхъ людей В. Р. Д. А. Члены Совѣта отъ Кубанскаго края избираются Кубанскимъ Краевымъ представительнымъ Собраніемъ. Въ Совѣтѣ предсѣдательствуетъ В. Р. Д. А. или Замѣститель по его указанію.
6. Совѣтъ С. К. Союза созывается на сессіи В. Р. Д. А. и разсматриваетъ дѣла, передаваемые на его заключенія В. Р. Д. А., а также вносимыя отдѣльными его членами.

7. Совѣту С. К. Союза представляется высказывать свои заключенія и пожеланія по вѣсьмъ дѣламъ Союза.

8. Къ С. К. Союзу могутъ присоединяться и другія губерніи и области Россіи. Губерніи и области, управляемая властью В. Р. Д. А., присоединяются къ Союзу распоряженіемъ В. Р. Д. А., издаваемымъ въ законодательномъ порядкѣ. Самоуправляющіяся области присоединяются къ Союзу на основаніи особыхъ каждый разъ соглашеній съ В. Р. Д. А.

9. Настоящее соглашеніе подлежитъ утвержденію В. Р. Д. А. и Кубанскаго Краевого представительнаго Собранія.*

Это «Положеніе» казалось слишкомъ искусственно построеннымъ; оно недостаточно обезпечивало полноту власти, необходимую для борьбы, не устраняло существовавшихъ треній, въ особенности матеріальнаго порядка, и не отвѣчало тому положенію, которое должна будетъ занять Кубанская область въ строѣ Россійской державы.

Во второй половинѣ сентября состояніе здоровья М. В. было настолько тяжелымъ, что принимать участія въ работѣ онъ уже не могъ. Поэтому ген. Драгомировъ совместно съ лицами, принимавшими участіе въ послѣднемъ редактированіи проектовъ конституціи, обратились за санкціей ко мнѣ. Въ проектахъ вездѣ за титуломъ «Верховный Руководитель» появилось въ скобкахъ слово «Главкомандующій»... «Или, или»... Многословное и жуткое наименованіе о предстоящемъ событіи — горестномъ и неизбѣжномъ.

Никто не возбуждалъ вопроса о преемственности, ибо неписанная конституція Добровольческой арміи не знала иной власти, кромѣ командующаго.

Я принялъ первое «положеніе»* съ незначительными поправками.

Въ основу построенія власти я считалъ необходимымъ положить слѣдующія мысли:

1. Временная власть командованія Добровольческой арміи, преслѣдуя обще-русскіе интересы, не претендуетъ, однако, на значеніе Всероссийской. Она распространяется лишь на освобождаемая арміей территоріи.

2. Временная власть должна быть неограниченной, въ видѣ единоличной диктатуры.

3. Кубань надлежитъ привлечь къ объединенію съ Добровольческой арміей на началахъ автономіи не иначе, какъ путемъ соглашенія.

4. Желательно привлеченіе къ единенію съ Добровольческой арміей на началахъ автономіи и другихъ, сложившихся уже новообразованій Юга.

5. Окончательная побѣда надъ большевиками немислима безъ объединенія вѣхъ армій Юга.

Насколько первое положеніе открывало возможность дальнѣйшаго сложенія противобольшевистскихъ образованій, настолько второе, составляя безспорно нашу внутреннюю силу, вмѣстѣ съ тѣмъ, до крайности затруднило или сдѣлало невозможнымъ осуществленіе широкаго и прочнаго внѣшняго объединенія.

Для ген. Алексѣева (вначалѣ), для меня и старшихъ военныхъ начальниковъ вопросъ о формѣ власти имѣлъ далеко не академическое значеніе. Мы всѣ считали единоличную власть единственно возможной въ условіяхъ борьбы съ многоликостью по формѣ, но сконцентрированной диктаторской властью Совѣта. Но, если бы мы и держались иного взгляда, то провести его въ жизнь не смогли бы...

Единоличной диктатурѣ противопоставалась трехъ или много-членная директорія. Конечно, — коалиціонная, ибо однородная — тѣмъ болѣе военная — была бы нелѣпѣйшимъ разбродомъ силъ. Мы пережили уже въ маломъ масштабѣ подобіе такой директоріи зимою 1917—18 г. г.**

Ко мнѣ неоднократно обращались въ послѣдствіи представители лѣвой общественности, съ предложеніями «укрѣпить» мою власть пристройкой къ ней двухъ лицъ — «ка-дета и самаго мирнаго соціалиста». Это была идея, быть можетъ, не лишняя

* «Временное положеніе объ управленіи областями, занимаемыми Добровольческой арміей». Поправки вошли въ приведенный выше текстъ.

** «Триумвиратъ — Алексѣевъ — Коршиловъ — Калединъ». См. Т. II, гл. XVI.

Многоуважаемый
Антонъ Ивановичъ,

У Михаила Васильевича на-
чалась охота. Конекъ мо-
жетъ наступить оформленію.

А. Алексинъ

25 Сент. 1918.

Вс. утѣхъ

М. В. слонгачевъ.

А. Алексинъ

Извѣщеніе смерти ген. Алексѣва

М. В. Алексѣевъ въ гробу

известнаго теоретическаго обоснованія, но тѣмъ не менѣ совершенно праздная, не считавшаяся вовсе съ тогдашней психологіей арміи.

Армія, которая тогда безпрекословно исполняла велѣнія главнокомандующаго — въ кратчайшій срокъ и, во всякомъ случаѣ, при первой же неудачѣ вышла бы изъ подчиненія и свергла бы директорію.

*

21 сентября проектъ конституціи былъ готовъ окончательно.

А 25-го окончилъ жизнь Верховный Руководитель Добровольческой арміи, генералъ Алексѣевъ...

Я принялъ званіе «Главногокомандующаго», объединивъ власть командованія и управленія.

Передо мной открывался новый путь, на которомъ судьба приготовила много радостныхъ событій, возбуждавшихъ надежду на близкое спасеніе страны, но еще болѣе — тяжкихъ сокрушительныхъ ударовъ.

Смерть Михаила Васильевича не была неожиданной. Тяжкая болѣзнь, тяготы Перваго похода и огромная непосильная работа, которую онъ велъ послѣдніе годы, день за днемъ подтачивали его силы. На нашихъ глазахъ догоралъ свѣтильникъ его многотрудной жизни.

Еще въ серединѣ сентября онъ въ кругу близкихъ говорилъ о предстоящемъ своемъ переѣздѣ за Волгу, а 20-го, почувствовавъ приближеніе конца, онъ призвалъ ген. Драгомирова и передалъ ему хранившіеся при немъ лично армейскія суммы. «Этимъ актомъ — говоритъ Драгомировъ — не сопровождавшимся никакими объясненіями, М. В. прощался навсегда не только съ мыслью о поѣздкѣ на Волгу, но и съ жизнью... Остальные дни до 25-го были медленной агоніей».

Когда умеръ М. В., несчетныя толпы народа пришли поклониться его праху, отдавая должную дань признанія человѣку, такъ много потрудившемуся для своей Родины. Глубокою скорбью отозвалась вѣсть о смерти ген. Алексѣева и въ Добровольческой арміи...

Въ годы великой смуты, когда люди мѣняли съ непостижимою легкостью свой нравственный обликъ, взгляды, «оріентаціи», когда заблудившіеся или не въ мѣру «скользящіе» люди шли окольными, темными путями, онъ шагаль твердой старческой поступью по прямой кремнистой дорогѣ. Его имя было тѣмъ знаменемъ, которое привлекало людей самыхъ разнообразныхъ политическихъ взглядовъ обаяніемъ разума, честности и патриотизма.

Добровольческая армія 25-го сентября отдала послѣдній разъ честь своему старому знамени*:

«Сегодня окончилъ свою — полную подвига, самоотверженія и страданія жизнь Генералъ Михаилъ Васильевичъ Алексѣевъ.

Семейныя радости, душевный покой, всѣ стороны личной жизни онъ принесть въ жертву служенія Отчизнѣ.

Тяжелая лямка строеваго офицера, тяжелый трудъ и боевая дѣятельность офицера генеральнаго штаба, огромная по нравственной отвѣтственности работа фактическаго руководителя всѣми вооруженными силами русскаго государства въ Отечественную войну — вотъ его крестный путь. Путь, озаренный кристаллической честностью и горячей любовью къ Родинѣ — и великой, и растоптанной.

* Приказъ арміи № 1.

Когда не стало арміи и гнула Русь, онъ первый поднялъ голосъ, кликнулъ кличъ русскому офицерству и русскимъ людямъ.

Онъ отдалъ послѣднія силы свои созданной его руками Добровольческой арміи. Переноса и травлю, и непониманіе, и тяжелыя невзгоды страшнаго похода, сломинаго его физическія силы, онъ съ вѣрою въ сердцѣ и съ любовью къ своему дѣтищу — шелъ съ нимъ по тернистому пути къ завѣтной цѣли спасенія Родины.

Богъ не судилъ ему увидѣть разсвѣтъ.

Но онъ близокъ.

И рѣшимость Добровольческой арміи продолжать его жертвенный подвигъ до конца — пусть будетъ дорогимъ вѣнкомъ на свѣжую могилу собирателя Русской Земли».

27-го сентября тѣло почившаго Верховнаго Руководителя арміи было погребено въ Екатеринодарѣ въ усыпальницѣ Екатерининскаго собора среди могилъ младшихъ его сподвижниковъ, положившихъ свою жизнь за освобожденіе Родины.

Balaton-Lelle

(Венгрія)

1923 г.

Похороны Алексеева

Опись картамъ и схемамъ III тома.

	Стр.
Политическая карта Россіи въ сентябрь 1918 года	19
«Великая Грузія»	49
Положеніе Дона къ 1-му мая 1918 года . . .	63
Восточный фронтъ въ іюль и августъ 1918 года	93
Восточный фронтъ къ концу октября 1918 года .	111
Положеніе сторонъ къ 1-му іюля 1918 года	149
Къ плану операціи .	157
Бой у Торговой	159
Бой у Великокняжеской .	163
Бой отъ Торговой до Песчанокпскаго .	165
Бой у Бѣлой Глны	167
Бои сѣвернаго заслона 18—25 іюня 1918 года .	170
Тихорецкая операція	173
Подготовка Екатеринодарской операціи	185
Екатеринодарская операція (Положеніе 14 іюля 1918 года)	189
Екатеринодарская операція (Бой у Кореновской)	192
Екатеринодарская операція (Бой у Кореновской) .	195
Екатеринодарская операція (Бой подъ Выселками)	196
Взятіе Екатеринодара .	199
Расположеніе сторонъ къ 3-му августа 1918 года . .	213
Движеніе къ Черному морю и въ Закубанье .	215
Положеніе сторонъ къ 10 сентября 1918 года .	220
Положеніе сторонъ 15 сентября — 1 октября 1918 года	224
Положеніе сторонъ къ 10 октября 1918 года .	227
Сраженіе подъ Ставрополемъ (14 октября)	231
Сраженіе подъ Ставрополемъ (22—31 октября) .	233
Сраженіе подъ Ставрополемъ (31 октября)	235
Сраженіе подъ Ставрополемъ (7 ноября)	237

Опись иллюстраціямъ III тома.

Совѣтъ народныхъ комиссаровъ.
Гетманъ Скоропадскій у импер. Вильгельма.
Гетманъ Скоропадскій въ германской главн. квартирѣ.
Смотръ I-й Украинской дивизіи австр. генераломъ.
Опознаніе труповъ людей, замученныхъ большевиками.
Похороны «командарма» Тулака.
Оренбургскій атаманъ Дутовъ.
Адмиралъ Козлякъ.
Генераль Эльснеръ.
Кубанскій атаманъ ген. Филимоновъ.
Автографъ ген. Алексѣева.
Встрѣча отряда Дроздовскаго въ Мечетипской.
Наборъ красноармейцевъ.
Смотръ красной арміи.
Смотръ красной арміи.
«Главковерхъ» Сорокинъ.
Группа уцѣлѣвшихъ «старыхъ Дроздовцевъ».
Генераль Марковъ въ гробу.
Похороны ген. Маркова.
Генераль Тимановскій.
Генераль Боровскій.
Генераль Эрдели.
Генераль Шкуро.
Штабъ I-й дивизіи.
Вступленіе добровольцевъ въ Екатеринодаръ.
Въ Екатеринодарѣ.
Панихида по ген. Корниловъ.
Панихида по ген. Марковъ.
Генераль Покровскій.
Похороны жертвъ пятигорской чрезвычайки.
Генераль М. В. Алексѣевъ.
Извѣщеніе о смерти ген. Алексѣева (автографъ ген. Драгомирова).
М. В. Алексѣевъ въ гробу.
Похороны ген. Алексѣева.

Содержаніе третьяго тома.

Бѣлое движеніе и борьба Добровольческой арміи.

Главы	Стр.
I. Введеніе. Стимулы борьбы съ совѣтской властью: національное сознаніе	
II. Стимулы борьбы съ совѣтской властью: социальныя, экономическія, психологическія	11
III. Политическая карта Россійскаго государства къ серединѣ 1918-го года: Сѣверная область, Финляндія, Прибалтійскій край, Литва, Польша, Сѣверо-западная область	17
IV. Бессарабія	27
V. Украина	31
VI. Крымъ	40
VII. Закавказье	45
VIII. Донъ: внутреннее строительство и вооруженная борьба съ большевиками	58
IX. Донъ: вѣдшія политика	66
X. Противобольшевицкія организаціи внутри Россіи: «Правый Центръ», «Національный Центръ», «Союзъ Возрожденія Россіи», «Союзъ защиты родины и свободы» (Савинковъ)	72
XI. Германофильство Праваго Центра и Милюкова. Группа Шульгина. Взаимоотношенія Добровольческой арміи съ политическими организаціями и союзниками. Роль офицерства	81
XII. Противобольшевицкое движеніе на Востокѣ: чехо-словаки, «Комитетъ Членовъ Учредительнаго собранія» и «Народная армія»	91
XIII. Власть и армія въ Сибири и на Уралѣ	99
XIV. Дальній Востокъ. Военное положеніе на Восточномъ фронтѣ. «Интервенція»	105
XV. Вѣдшія затрудненія Добровольческой арміи: нѣмецкая оккупация, Астраханская и Южная арміи	114
XVI. Вѣдшія затрудненія Добровольческой арміи: отношенія съ Донскимъ атаманомъ	122
XVII. Конституція Добровольческой власти. Внутренній кризисъ арміи: оріентація и лозунги	128
XVIII. Внутренняя жизнь Добровольческой арміи: традиціи, вожди и воины. Генераль Романовскій. Кубанскія настроенія. Матеріальное положеніе. Сложеніе арміи	134
XIX. Красная армія	143
XX. Второй Кубанскій походъ: силы и средства сторонъ; театр; планъ операціи	148
XXI. Взятіе Торговой. Смерть генерала Маркова	158
XXII. Походъ и бой отъ Вешкокинской до Бѣлой Глины	162
XXIII. Тихорецкая операція	169
XXIV. Положеніе къ 1-му августа арміи и освобожденнаго края. Обликъ Добровольческой арміи	177

XXV. Второй Кубанский походъ. Подготовка Екатериновдарской операциі: Кушевка, Кавказская, занятіе Ставрополя, Пластуновская	183
XXVI. Бои на путяхъ къ Екатеринодару. Кореновская.....	191
XXVII. Ваятіе Екатеринодара	197
XXVIII. Политика Кубанской власти. Взаимоотношенія Кубани и Добровольческой арміи осенью 1918 года	202
XXIX. Составъ и положеніе Добровольческой арміи въ августѣ. Расположеніе сторонъ. Дальнѣйшія планы операціи. Второй Кубанскій походъ: освобожденіе западной Кубани и Черноморской губ. Преслѣдованіе большевиковъ въ Закубаньи. Взятіе Майкопа.	210
XXX. Состояніе большевицкихъ войскъ Сѣвернаго Кавказа въ августѣ и сентябрѣ. Наступленіе наше въ августѣ 1918 года. Бои подъ Ставрополемъ, ваятіе Армавира и Невинномысской. Стратегическое окруженіе большевицкой арміи.	217
XXXI. Переходъ большевиковъ въ контръ-наступленіе въ началѣ сентября 1918 года на Армавиръ, Ставрополь и по верхней Кубани. Перемѣна большевицкаго командованія и плана операціи. Отступленіе большевиковъ въ концѣ сентября къ Невинномысской. Преслѣдованіе ихъ нашей конницей къ Урупу. «Мятежъ» Сорокина и его смерть. Терроръ въ Пятигорскѣ	222
XXXII. Оставленіе нами Ставрополя. Бои подъ Армавиромъ, на Урупѣ и въ Баташшипскомъ отдѣлѣ. Очищеніе отъ большевиковъ лѣваго берега Кубани. Двадцативосьмидневное сраженіе подъ Ставрополемъ (10 октября — 7 ноября)	230
XXXIII. Соприкосновеніе Добровольческой арміи съ чѣмцами и съ грузинами. Наши взаимоотношенія	238
XXXIV. Событія на Дону осенью 1918 года: положеніе на фронтѣ; взаимоотношенія съ Добровольческой арміей; проектъ Дано-Кавказскаго союза; Донской Кругъ	246
XXXV. Вопросъ о всероссійской власти. Отношеніе къ нему русской общественности и политическихъ группъ. Позиція вел. кн. Николая Николаевича. Уфимская директорія. Взаимоотношенія командованія Добровольческой арміи съ директоріей	253
XXXVI. «Военно-походное» управленіе. Добровольческая политика. Образованіе «Особаго совѣщанія»	260
XXXVII. Приступъ къ государственному строителству на Югѣ. Смерть генерала Алексѣева	266

ОПЕЧАТКИ

На стр. 47, строка 9 снизу, слово *Батуму* пужно замѣнить словомъ *Баку*.
 На стр. 112 въ предпоследней и послѣдней строкахъ текста должно быть:
Сибирь не получила отъ иностранцевъ ни одного штыка; они ограничились позднѣе присылкою матеріальной помощи вооруженіемъ и снабженіемъ.

